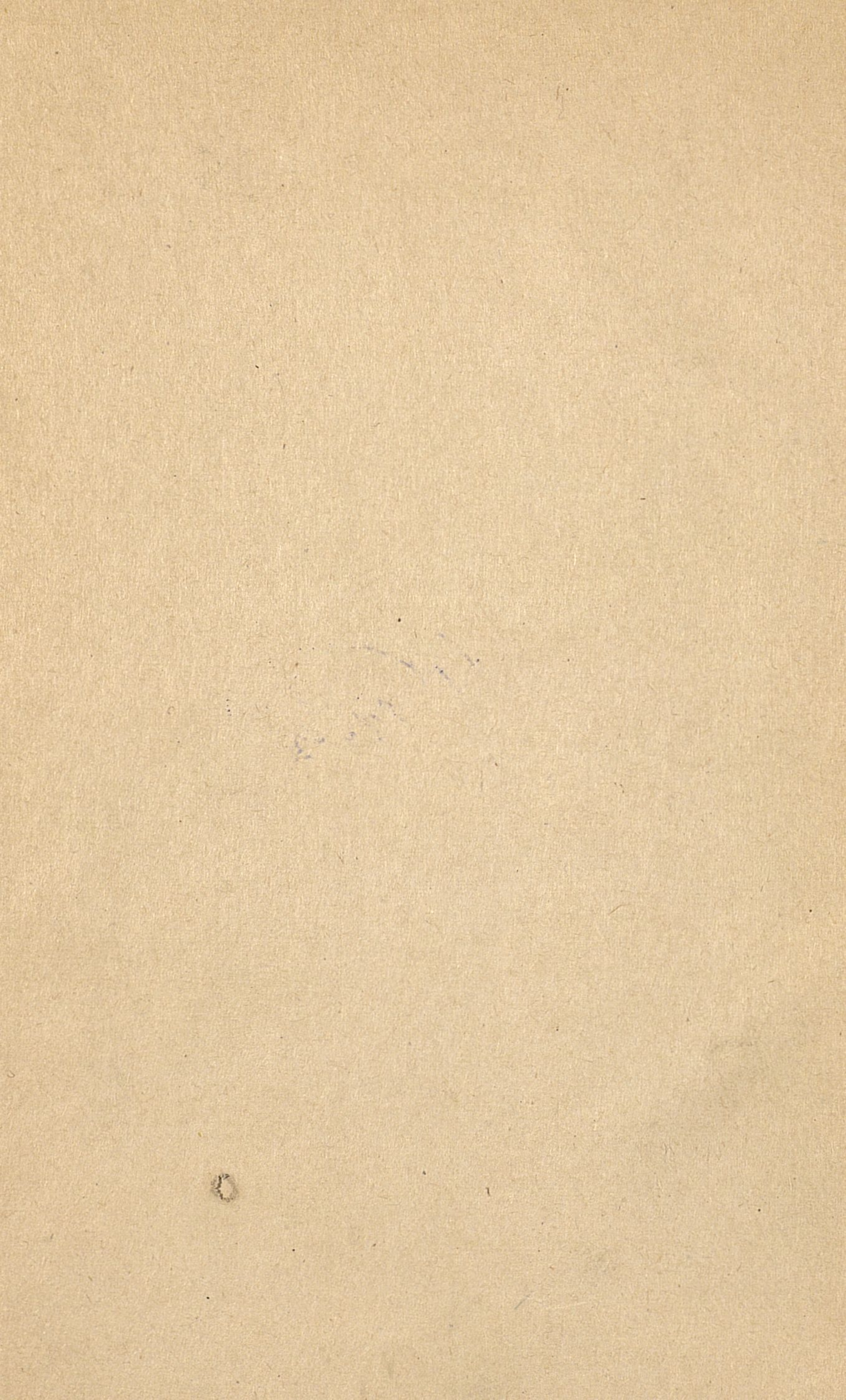

Т 95/214

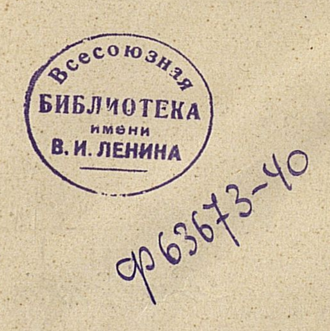

Х. Д. Алчевская.

Передуманное и пережитое.

Дневники,
письма,
воспоминанія.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1912.

Х. Д. АЛЧЕВСКАЯ.

1862 г.

Распорядительная комиссія по устройству чествованія 50-лѣтія педагогической и просвѣтительной дѣятельности Х. Д. Алчевской постановила издать сборникъ статей Христины Даниловны. Рукописный матеріалъ, предоставленный въ наше распоряженіе, оказался столь обширнымъ, что лишь незначительная часть его входитъ въ предлагаемую книгу. Мы старались выбрать матеріалъ такимъ образомъ, чтобы онъ характеризовалъ какъ разные годы жизни Христины Даниловны, такъ и разныя стороны ея дѣятельности, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ итогѣ нарисовался образъ этой женщины сильнаго духа и горячаго сердца, отдавшей 50 лѣтъ неустанной энергіи и упорнаго труда на служеніе дѣлу народнаго образованія.

Цѣнную особенность предлагаемаго матеріала составляетъ, на нашъ взглядъ, то, что весь онъ не имѣлъ ввиду быть напечатаннымъ — все это дневники, замѣтки, впечатлѣнія, писавшіеся или для себя, или для тѣснаго кружка друзей и сотоварищей по дѣлу. Въ книгу входятъ отрывки изъ школьнаго дневника за разные годы, дневникъ объ уходѣ за ранеными во время Турецкой войны, воспоминанія о встрѣчѣ съ нашими выдающимися писателями, впечатлѣнія жизни въ деревнѣ, отрывки изъ описанія поѣздокъ въ Петербургъ и Москву, докладъ о пребываніи на всемірной Парижской выставкѣ 1889 года, замѣтки, посвященныя памяти усопшихъ дѣятелей по народному образованію, описанія школьныхъ праздниковъ, письмо и замѣтка, говорящія объ отношеніи къ Украйнѣ.

Эти непосредственныя, образныя страницы нарисуютъ передъ вами замѣчательную жизнь — жизнь истиннаго общественнаго дѣятеля, втеченіе полувѣка не отступившаго ни на шагъ отъ лучшихъ завѣтовъ, вынесенныхъ на зарѣ жизни изъ свѣтлой эпохи 60-хъ годовъ.

Изъ дневника 1871—72 года.

22 августа 1871 года.

Умерла Марія Носенкова, и невозможно вспомнить безъ грусти причину этой ранней смерти. Носенкова поступила въ школу почти съ начала ея существованія, умѣя хорошо читать и писать, и была опредѣлена въ старшій классъ. Въ школѣ она бывала весьма аккуратно съ подругой своей Красюковой, тоже дѣвушкой лѣтъ 15—16, пожертвовавшей въ пользу школы нѣсколько линеекъ отъ брата своего, столяра. Носенкова была любимицей учительницы старшаго класса и вообще вызывала симпатію и участіе выраженіемъ своего блѣднаго, задумчиваго лица. Она обыкновенно просила «книжечку погрустнѣе» или «описаніе страданій великомучeницъ Варвары, Екатерины» и т. д. Я поинтересовалась узнать домашнюю обстановку Носенковой и узнала слѣдующее: мать Носенковой, такая же блѣдная и болѣзненная женщина, шьетъ шубы; отецъ—пьяница, отъ котораго тщательно прячется чужая работа, чтобы онъ ее не пропилъ; шестеро малолѣтнихъ дѣтей на иждивеніи двухъ женщинъ—сестры и матери,—понятно, сколько труда выпадало на ихъ долю. «И сама вижу,—говорила мнѣ мать глубоко печальнымъ голосомъ,—что заѣдаемъ мы ея жизнь этой работой, да некуда податься!»

Дѣйствительно, податься было некуда, и кончилось такъ, какъ и слѣдовало ожидать: побои и брань пьянаго отца, страданія болѣзненной матери, плачъ голодныхъ дѣтей,—все это въ придачу къ тяжелому труду надорвало-таки силы 16-лѣтняго организма. Вѣроятно, школа являлась для нея единственнымъ мѣстомъ отдыха—недаромъ она такъ любила ее. И для

одной ли Носенковой является она успокоеніемъ,—мало ли труженицъ, для которыхъ существуютъ два пути: одинъ погибать физически въ нищетѣ, другой погибать нравственно въ роскоши. Къ несчастью, двѣ подобныхъ смерти почти совпали на нашихъ глазахъ: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилась у насъ ученица лѣтъ 15—16, поразительной красоты, въ простенькомъ ситцевомъ платьицѣ. Когда я подошла къ ней, она отозвала меня всторону и съ лицомъ, вспыхнувшимъ до бровей, сказала тихо взволнованнымъ голосомъ, опустивши глаза:

— У меня есть женихъ, и не хочетъ жениться иначе, какъ чтобы я была грамотная... Можете вы меня выучить мѣсяца въ два?—Я дала ей слово и старалась всячески обласкать и успокоить.

Способности оказались блестящія, прилежаніе невообразимое. Видя ее у пристани, я старалась убѣдить не бросать школы, достигнувши цѣли, искренно интересуясь послѣдующей судьбой моей красавицы, но увѣщанія оказались напрасны — она исчезла съ послѣдней буквой азбуки.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Я была въ театрѣ въ клубѣ: мѣста были очень дороги — 5 рублей первый рядъ, поэтому мы взяли въ четвертомъ ряду. Я смотрѣла разсѣянно на проходящихъ впередъ дамъ. Вдругъ взглядъ мой остановился на входящей въ театръ женщинѣ: на ней было надѣто гласе палевое платье, бархатный бурнусъ висѣлъ на рукѣ, на головѣ была прелестная кружевная шляпа, и все это такъ бросалось потому, что было надѣто на красавицѣ: ея темно-русые волосы локонами спускались по плечамъ, окаймляя прелестное, свѣжее личико; черные глаза казались еще глубже, еще выразительнѣе при вечернемъ освѣщеніи. Всѣ головы повернулись къ ней; нѣсколько сконфуженно прошла она въ первый рядъ креселъ. Я не вѣрила глазамъ — это была моя ученица, моя 15-лѣтняя дѣвочка въ простенькомъ ситцевомъ платьицѣ.

Не знаю, какая изъ двухъ смертей поразила меня больше: первая ли или послѣдняя,—кажется, что послѣдняя: тамъ конецъ страданіямъ, а здѣсь начало! Тяжелѣе всего въ эту минуту мнѣ было сознаніе безсилія школы въ

борьбѣ съ бѣдностью и искушеніями; всѣ планы, которые приходили мнѣ въ голову, тотчасъ же оказывались бреднями взволнованнаго воображенія, я ничего не видѣла и не слышала на сценѣ и чувствовала себя больною нѣсколько дней кряду.

1 сентября 1871 года.

На одной изъ отдаленныхъ аллей Университетскаго сада собирался обыкновенно кружокъ дѣтей: это было любимое ихъ мѣсто. По пріѣздѣ въ садъ мы всегда прямо шли туда и непремѣнно находили тамъ двухъ-трехъ своихъ знакомыхъ, а иногда и больше. Няньки, занятыя разговорами, сидѣли поодаль и вязали чулки, а дѣти катали обручи, подбрасывали мячики и т. д. Иногда, впрочемъ, возникали между ними споры и ссоры, тогда мнѣ волею-неволею приходилось чинить судъ и расправу, потому что, кромѣ меня, въ саду почти никогда не бывало ни одной матери. Мнѣ кажется, впрочемъ, что судъ мой былъ всегда справедливъ: помню, разъ я подмѣтила издали, что старшій сынъ мой, Митя, ударилъ своего товарища Андрюшу за то, что тотъ совершенно нечаянно попалъ въ него мячикомъ. Мальчикъ отвѣтилъ ему тѣмъ же, и между ними поднялась драка. Няньки, занятыя разговорами, ничего не видѣли и не слышали, а я сидѣла и молча слѣдила, чѣмъ все это кончится. Съ плачемъ и крикомъ Митя подбѣжалъ ко мнѣ. Чужой мальчикъ съ испугомъ, исподлобья, глядѣлъ на меня, ожидая, вѣроятно, расправы, и былъ очень удивленъ, когда я сказала Митѣ: «Ты первый началъ, стало-быть самъ виноватъ!»

Нѣсколько случаевъ въ такомъ родѣ расположили ко мнѣ дѣтей и заставили прибѣгать подъ мою защиту. Слабыя находили во мнѣ ограду отъ нападеній сильныхъ, я всегда хлопотала, чтобы дѣти жили дружно, позволяли другимъ играть своими игрушками, и преслѣдовала жадность. У моихъ дѣтей не было своихъ игрушекъ — ихъ игрушки назывались общественными, ими имѣлъ право играть каждый, кто приходилъ въ садъ безъ игрушекъ и

у кого, можетъ-быть, не было ихъ и дома. Единственной помѣхой мнѣ въ этомъ была Галина няня. Она была женщина очень добрая, очень любила и ласкала Галю, но никогда не соглашалась давать другимъ поиграть игрушками моихъ дѣтей. «Не давай эту куклу никому — это наша кукла!» говорила она обыкновенно Галѣ, несмотря на всѣ мои увѣщанія.

Сидѣли мы разъ въ саду. Вечеръ былъ тихій, теплый, дѣти весело играли и шумѣли — кто бросалъ мячикъ, кто катилъ обручъ, кто прыгалъ на веревочкѣ. Я лежала на травѣ и молча слѣдила глазами за Галей, которая прыгала по дорожкѣ, держа рученками высоко надъ головкой свою куклу. Въ это время изъ чащи сада показалась женщина. Лицо ея было желто, точно вылѣплено изъ воска. Большіе, впалые, черные глаза горѣли лихорадочнымъ, потухающимъ огнемъ, черные, какъ смоль, волосы виднѣлись изъ-подъ надвинутаго на лобъ поношеннаго платка. Платье ея было все въ заплатахъ. Она ступала тяжелой, нетвердой поступью, какъ ступаютъ люди больные, которымъ въ тягость ходить, и костлявою рукою вела за руку мальчика лѣтъ 7—8. Лицо мальчика было тоже очень блѣдно и худо. Черные кудри падали кольцами на его высокій лобъ; большіе, черные, какъ уголь, глаза смотрѣли умно и довѣрчиво изъ-подъ длинныхъ, пушистыхъ рѣсницъ. Одѣтъ онъ былъ тоже очень бѣдно,—его неуклюжій сюртучекъ, сшитый, видимо, не по возрасту, былъ весь въ заплатахъ; изъ-подъ сюртучка виднѣлся огромный, толстый воротъ солдатскаго холста; сапожки порыжѣвшіе и тоже всѣ въ заплатахъ; но, несмотря на это, видно было, что чьи-то нѣжныя руки починяли, мыли и чесали этого ребенка: на сюртучкѣ не было ни одной прорѣхи, личико, шейка и ручки были очень чисто вымыты, головка тщательно причесана. Вообще, на лицѣ мальчика было что-то сіяющее, праздничное.

«Кто они и откуда забрели сюда въ садъ?» подумала я, глядя невольно съ участіемъ на лицо женщины и сейчасъ же отвѣтила себѣ: «Да, сегодня суббота... Евреи!.. Бѣдный маленькій нищенка, и для тебя бываетъ праздникъ, и тебѣ весело глядѣть на эту веселую толпу счастли-

выхъ и нарядныхъ дѣтей; только примутъ ли они тебя, бѣднаго?»

Пока я это думала, женщина остановилась вдали, видимо, въ раздумьѣ. Лицо мальчика говорило, что ему страстно хотѣлось остаться здѣсь. Мать колебалась. Наконецъ, тяжело дыша, она съ трудомъ опустилась на землю и устремила тревожно-боязливый взоръ на мальчика, направившаго къ намъ свои шаги.

Въ эту самую минуту Галя, продолжавшая прыгать съ куклой, зацѣпилась своимъ платьемъ за вѣтку и упала. Кукла выпала у нея изъ рукъ и отлетѣла далеко. Галя расплакалась... Маленькій нищій съ быстротою молніи бросился къ куклѣ, схватилъ ее, подбѣжалъ къ Галѣ, поднялъ ее на воздухъ, какъ игрушку, своими тощими рученками и крѣпко поцѣловалъ. Не успѣла я встать, не успѣла раскрыть рта, какъ няня бросилась на мальчика, вырвала у него изъ рукъ Галю, толкнула его въ спину и крикнула: «Пошелъ вонъ, поганый жиденокъ! Какъ ты смѣлъ прикоснуться къ моей барышнѣ!»

— Няня! — крикнула я, но было уже поздно: бѣдная мать схватила за руку сына и скорыми шагами пошла къ выходу изъ сада.

— Няня! — начала я вновь, но она не дала мнѣ договорить.

— Знаю, знаю, что вы скажете, — отвѣчала она, видимо, оскорбленная до глубины души поступкомъ мальчика, — по вашему, такъ и съ жидомъ играй — жаль, должно-быть, что лицо у дѣвочки чистое!

Вечеръ былъ для меня отравленъ: молча смотрѣла я вслѣдъ этой женщинѣ, чувствуя, что ничѣмъ не могу помочь ей въ эту минуту. Съ тѣхъ поръ для меня потеряла прелесть любимая лужайка съ кружкомъ веселыхъ и счастливыхъ дѣтей, я все ждала, что вотъ-вотъ изъ-за кустовъ появится измученная фигура бѣдной еврейки съ блѣднымъ, худенькимъ ребенкомъ. Но напрасно я ждала — ихъ больше не было... Гдѣ-то вы теперь, бѣдные люди? Много ли новыхъ обидъ и оскорбленій пришлось вамъ вынести съ тѣхъ поръ, обидъ безвинныхъ и напрасныхъ за то, что родились не нѣмцами, не французами, а евреями?

19 сентября 1871 года.

Я обыкновенно предлагаю своимъ взрослымъ ученицамъ уходить изъ школы десятью минутами раньше, чтобы устранить ихъ отъ сообщества съ малолѣтними при выходѣ изъ школы,—сообщества, которое можетъ стѣснять ихъ.

Каково же было мое удивленіе, когда сегодня моя Елизавета Яковлевна подошла ко мнѣ и сказала: «Христина Даниловна! позвольте мнѣ оставаться въ школѣ до конца! Мнѣ такъ нравится, когда поютъ — я и сама подтягиваю; хоть и не умѣю пѣть какъ слѣдуетъ, а подтягиваю».

Нечего и говорить, что я съ удовольствіемъ согласилась на это. Вообще Е. Я. кажется мнѣ въ высшей степени симпатичною: сегодня, призадумавшись надъ тѣмъ, не стѣсняетъ ли ее плата за уроки, я сказала: «Послушайте, Е. Я., не пора ли уже мнѣ перестать брать съ васъ деньги — теперь мы уже окончили азбуку, и вы сами должны работать надъ собою, а не я!»

«Нѣтъ, Х. Д.,—отвѣчала мнѣ она,—лишь бы далъ Богъ здоровья, а я на это всегда заработаю. Развѣ я не вижу, какъ вы хлопочете надъ школой, да какъ вы тратитесь! Нѣтъ, ужъ я пока могу, позвольте платить, не отказывайтесь, не обижайте меня!»

4 октября 1871 года.

Взглянувши на мою Е. Я., я замѣтила сегодня на ея лицѣ какое-то особенное, таинственно-веселое выраженіе. «Что это вамъ какъ будто хочется что-то передать мнѣ?» сказала я, глядя на нее. — «Да,—отвѣчала она мнѣ съ нѣкоторой торжественностью,—вчера пріѣхала барыня». — «Ну, и что же?» спросила я, въ свою очередь, не безъ сердечнаго замиранія при мысли, что, какъ запретятъ ходить въ школу? (Она служитъ экономкой.)

— Вчера еще барынѣ никто не докладывалъ объ этомъ,— начала Е. Я., — позвала она меня съ вечера и говоритъ: «Ну, Е. Я., прошу васъ завтра отправиться на базаръ и купить запасы на зиму — мы и такъ немного съ этимъ за-

поздали!» Я сказала: «Слушаю-съ», и ушла. Встала я сегодня чуть зорька и на базаръ. Сама торгуюсь, а у самой сердце не на мѣстѣ: какъ бы не опоздать въ школу. Суетилась, суетилась, къ 9 часамъ таки справилась. Воротилась домой. Прямо къ барынѣ. «Что какъ заспится?» думаю себѣ. Нѣтъ, слава Богу, говорятъ, проснулась.

«Пришла я къ ней. Сдала отчетъ, всё какъ слѣдуетъ. Не ухожу — дожидаюсь. А сама смотрю на нее, въ духѣ ли она, отпуститъ ли. — «А чего вы еще ждете?» спросила барыня. «Позвольте мнѣ въ школу итти?» сказала я, а у самой такъ кровь и бросилась въ голову. «Какъ въ школу? зачѣмъ?» сказала барыня расхохотавшись.

«— Учиться!

«— Такъ вы учитесь?

«— Учусь!

«— Давно?

«— Два мѣсяца.

«— Что жъ—научились чему-нибудь?

«— Какъ же-съ, умѣю уже и читать и писать!

«— Ну, ступайте, помогай Боже!—сказала барыня усмѣхаясь.

«Я скорѣе отъ нея, да за платокъ, да въ школу. Ну, думаю, вѣрно началось! Бѣжала, ажъ запыхалась. Подхожу— слышу молитву поютъ. Ну, слава Богу, не опоздала!

— А по четвергамъ теперь нельзя уже будетъ приходить ко мнѣ?—спросила я съ участіемъ.

— Нѣтъ! Если позволите, такъ ужъ я буду приходить по пятницамъ. Пятница — базарный день, я скуплюсь, да прямо къ вамъ, какъ будто забарилась на базарѣ. Оно не хорошо обманывать, да для такого дѣла я думаю не грѣхъ— Богъ проститъ!

Я посовѣтовала Е. Я. когда-нибудь, когда барыня будетъ въ хорошемъ расположеніи духа, выпросить себѣ право ходить въ школу не на одно воскресенье, а навсегда, и мы начали заниматься.

Въ группѣ нашей появилась съ прошлаго воскресенья новая ученица — дѣвушка лѣтъ 20, Магдалина Гуляева. Подруга, приведшая ее въ школу, говорила мнѣ потомъ, что школа произвела на Магдалину такое сильное и пріятное впечатлѣніе, что она просто бредитъ ею и взбунтовала весь свой дворъ: кормилица собирается бросать въ воскресенье ребенка и итти въ школу, кухарка желаетъ просить за себя сготовить кушать куму и т. д. Этакъ, пожалуй, мы наживемъ себѣ столько враговъ въ лицѣ господъ, что бѣда!

Магдалина читаетъ и пишетъ очень плохо—училась по-старинному, но очень старательна, такъ что черезъ нѣсколько воскресеній ей, навѣрное, легко будетъ итти съ другими. Ради нея я остановила чтеніе статей, а упражняла ихъ въ составленіи и разложеніи словъ, причемъ со мной произошелъ довольно курьезный случай. Разлагалось слово «столъ». — «Изъ сколькихъ буквъ состоитъ слово «столъ?»—спросила я, заставя на этотъ разъ ученицъ считать буквы умственно (про себя). «Изъ четырехъ», отвѣчала съ увѣренностью Е. Я. — «Напишите!» сказала я. Она написала правильно. «Считайте!» повторила я. «Изъ четырехъ», настаивала Е. Я. «Сложите изъ буквъ!» продолжала я съ ненатуральнымъ спокойствіемъ, начиная терять терпѣніе. «Изъ четырехъ», подтвердила Е. Я.

«Какъ изъ четырехъ? — не выдержала я и начала считать сама: с—разъ, т—два, о—три, л—четыре, ъ—пять».

«Я твердый знакъ ни во что считаю! — отвѣчала спокойно Е. Я., относясь къ нему съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.—Стоитъ онъ, не стоитъ ли — все одно!»

Я отъ души расхохоталась этому недоразумѣнію и своей напрасной горячности.

17 октября 1871 года.

День сегодня былъ ясный, теплый. Окруженная толпою дѣвочекъ, живущихъ въ нашей сторонѣ и заходящихъ за мною, я шла въ школу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня послышалось: «Христина Даниловна!», я обернулась и увидѣла Таню Монахову; дѣвочка, вся раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся, вѣроятно, давно нагоняла насъ.

— Здравствуй, Таня,—въ школу?..

— Нѣтъ!—отвѣчала дѣвочка печальнымъ голосомъ.—Хозяйка послала за полученіемъ денегъ!

— А въ будущее воскресенье придешь?—сказала я въ видѣ утѣшенія, продолжая путь. Отвѣта не было. Я невольно оглянулась съ мыслью: куда же она такъ скоро исчезла? Закрывши глаза концомъ своего чернаго платка, Таня горько плакала, плечи ея судорожно подергивались. Я сама готова была заплакать при видѣ этого дѣтскаго горя и старалась ее успокоить.

— Я сама пойду къ твоей хозяйкѣ,—говорила я,—и попрошу ее непремѣнно отпускать тебя!

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ!—сказала испуганно Таня.—Она прибьетъ меня, нѣтъ лучше не ходите!

Грустная шла я въ школу, перечисляя въ умѣ всѣ тѣ ужасныя условія, при которыхъ приходится выступать на борьбу съ народнымъ невѣжествомъ, и только видъ школы, веселыя лица дѣтей и беззаботный дѣтскій смѣхъ, который слышался еще до входа въ школу, изгладили во мнѣ это впечатлѣніе.

7 ноября 1871 года.

Погода играетъ большую роль въ жизни нашей воскресной школы: идетъ дождь, и не досчитываешься 10—20 преданныхъ школѣ ученицъ: однѣхъ не пустила маменька, потому что башмаковъ нѣтъ, другихъ, потому что башмаки новые—жаль надѣть въ грязь (факты изъ жизни). Сегодня была прелестная погода, и въ школу собралось 154 ученицы.

Постороннихъ также было человѣкъ около 20. Не знаю, назвать ли постороннимъ барона Корфа. Въ школѣ онъ совсѣмъ непохожъ на посторонняго. Когда, обращаясь къ классу, онъ говоритъ—«дѣти!», въ возгласѣ этомъ такъ много теплоты, точно онъ знаетъ каждую изъ ученицъ съ колыбели, да и самыя ученицы говорятъ съ нимъ, точно давно-давно знаютъ его.

Сегодня мы слышали два его урока: одинъ въ старшемъ классѣ по ариѳметикѣ, другой въ подготовительномъ по «Нашему другу». Трудно рѣшить, какой изъ нихъ былъ со-

вершеннѣе: въ преподаваніи было столько вдохновенія, оживленности, увлекательности, вопросы ставились съ такимъ педагогическимъ тактомъ, вниманіе дѣтей было настолько привлечено, что просто было трудно узнать классъ— казалось, это какія-то другія дѣти, родившіяся чуть не геніями. Въ $^3/_4$ часа ученицы подготовительнаго класса усвоили слѣдующія совершенно новыя для нихъ понятія: 1) что такое буква, 2) что такое слово, 3) понятіе о предложеніи, 4) о главныхъ частяхъ его, т.-е. о предметѣ рѣчи и о томъ, что говорится о данномъ предметѣ, 5) понятіе объ употребленіи знаковъ: вопросительнаго и восклицательнаго, 6) объ употребленіи точки между отдѣльными предложеніями, 7) объ употребленіи запятой между двумя предложеніями, связанными между собою по смыслу (два предложенія «вкладъ»). Само собою разумѣется, что эти многочисленныя понятія, хотя и были ясно и быстро схвачены 10-лѣтними дѣтьми, но не сдѣлались достояніемъ ихъ на всю жизнь, такъ какъ для этого требуется, кромѣ искусства въ передачѣ, и навыкъ. Урокъ этотъ явился только доказательнымъ подтвержденіемъ того, что матеріалъ, данный учителю книгою «Нашъ другъ», вполнѣ пригоденъ для усвоенія его самыми даже небольшими и неподготовленными дѣтьми.

Я слушала этотъ урокъ съ тѣмъ наслажденіемъ, съ которымъ слушаешь иногда вдохновеннаго артиста, боясь дышать и пошевельнуться, чтобы не нарушить гармоніи: нужно было видѣть эти оживленныя личики, эти блестящіе глазенки, чтобы понять, сколько талантливости и искусства было въ этомъ преподаваніи. Когда окончился урокъ, я хотѣла подойти къ Корфу и сказать о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое оставило на мнѣ его преподаваніе, но не подошла, чувствуя, что слезы подступаютъ къ горлу и что десятки постороннихъ глазъ встрѣтятъ эти слезы съ усмѣшкой и назовутъ ихъ непростительной экзальтацией.

Наблюдая за педагогами, посѣщавшими нашу школу, я пришла къ выводу, что они подраздѣляются на два разряда: къ первому разряду принадлежатъ люди, входящіе въ нее съ какимъ-то нервическимъ желаніемъ искать недостатки и съ ребяческой боязнью не подмѣтить ихъ и ском-

прометировать себя. Такіе люди прикапываются къ мелочамъ, придаютъ имъ огромное значеніе, сосредоточиваютъ на нихъ все свое вниманіе и, отдавшись имъ всецѣло, теряютъ способность взглянуть въ лицо самому дѣлу, почувствовать его жизненность, заглянуть въ его душу, попробовать его пульсъ и съ наслажденіемъ удостовѣриться, что это живой организмъ, способный расти и развиваться. Такъ, напр., недавно одинъ молодой педагогъ вмѣсто того, чтобы вглядѣться, съ какой энергіей работаютъ мои 30-лѣтнія ученицы, завидѣвши у одной изъ нихъ матовую доску, по которой она обводила буквы, пришелъ въ ужасъ. Напрасно я увѣряла его, что это временная мѣра, что ученица нуждается въ механическомъ трудѣ для выработки почерка и т. д. Ничто не помогло—юный педагогъ до того ахалъ и охалъ, что, казалось, отъ этого происшествія должна была погибнуть вся школа.

Не таковы люди второго разряда: школа не представляется имъ «охотой за ошибками» (какъ называетъ это Миропольскій въ своей статьѣ «Ученическія сочиненія»). Они входятъ въ нее съ любовью къ дѣлу, они силятся найти въ ней какъ можно больше хорошаго, какъ мать въ любимомъ дѣтищѣ, они увлекаются всѣмъ, чѣмъ можно увлечься, они радуются всему, чему можно порадоваться, и вселяютъ то довѣріе и вызываютъ ту откровенность, которая одна способна только помочь критикѣ заглянуть въ душу школы.

Къ разряду этихъ людей принадлежитъ и баронъ Корфъ,—отношенія его къ школѣ полны той любви, того фанатизма, которые магически отзываются въ душахъ людей, способныхъ увлечься извѣстной идеей и отдаться ей всецѣло на всю жизнь. Такіе люди, какъ онъ, вызываютъ послѣдователей своихъ стремленій, они сильны своей любовью и преданностью къ дѣлу, и эти стремленія не умираютъ съ ихъ тѣломъ.

15 ноября 1871 года.

Вчера я объявила своимъ ученицамъ объ отъѣздѣ и просила ихъ сказать мнѣ откровенно, съ которой изъ учительницъ желаютъ онѣ безъ меня заниматься. Сказавши

это, я ушла на нѣсколько минутъ, чтобы дать имъ возможность посовѣщаться на свободѣ. Когда я возвратилась, всѣ, повидимому, сошлись на одномъ рѣшеніи и успокоились. «Чѣмъ же порѣшили?» спросила я. «Желаемъ заниматься у вашего брата Леонтія Даниловича, потому что онъ ужасно какъ похожъ на васъ лицомъ и голосомъ!»—«Очень рада,—сказала я,—не потому, что онъ «похожъ на меня лицомъ и голосомъ», а потому, что онъ хорошій учитель и будетъ хорошо заниматься съ вами».

Передъ отъѣздомъ я оставила Л. Д. подробную письменную характеристику каждой ученицы съ отчетомъ о ея знаніяхъ.

Сегодня пришли проститься со мною еще разъ Елизавета Яковлевна и еще одна ученица. Я усадила ихъ, и мы проговорили часа два. Е. Я. была какъ-то особенно разговорчива и откровенна. «Знаете, Христина Даниловна,—говорила она мнѣ,—я до того рада, до того рада, что научилась грамотѣ, что сама себѣ не вѣрю,—проснусь иногда этакъ ночью и думаю спросонка: «что, какъ мнѣ это приснилось?» Такъ бы вотъ, кажется, встала, да за книжку, чтобы удостовѣриться. И съ дѣтства же была у меня эта страсть: помню, было намъ, дворовымъ дѣвочкамъ, лѣтъ по 14, когда старая барыня посулилась учить насъ грамотѣ. Выбрали сначала одну (Господи, какъ мы ей завидовали!), говорятъ: «посмотримъ, что изъ нея выйдетъ?» Нужно же—грѣхъ такой—доучилась она грамотѣ и убѣжала съ учителемъ. Тутъ старая барыня говоритъ: «Теперь кончено! Чтобъ ни одного человѣка въ дворнѣ не было грамотнаго!» Такъ и застыла наша грамота—нечего было и думать.

Выдали меня замужъ, прожили мы съ мужемъ, слава Богу, благополучно 20 лѣтъ, дѣтей нѣтъ; думаю себѣ, возьму воспитанницу и взяла вотъ эту самую Машу, что въ школѣ у насъ учится Ужъ ее-то непремѣнно хотѣла научить грамотѣ; только вотъ бѣда—дѣвочка уже порядочная—лѣтъ 14, чтобы еще не избаловалась въ ученьѣ. Стала совѣтоваться съ знакомыми, они и говорятъ мнѣ: «Знаете, нѣтъ лучше въ городѣ, какъ воскресная школа: если хотите, чтобы дѣ-

вочка выдержку имѣла, отдайте туда, а выучиваютъ какъ скоро, такъ это страсть!» Подумала я, подумала и послала. Гляжу мѣсяца черезъ два Маша моя, какую ни попадетъ книгу, каждое слово разберетъ, и весело мнѣ смотрѣть на нее, и завидно. Задумала я себѣ думу и спрашиваю ее: «Маша! съ кѣмъ бы это мнѣ тамъ у васъ посовѣтоваться насчетъ ученья? Можетъ, и меня бы научили?»—«Съ Христиной Даниловной, сказала мнѣ Маша, она васъ непремѣнно научитъ—она, говорятъ, очень легка на руку!»—«Ну спроси!»

Жду я ея не дождусь будущее воскресенье изъ школы. Пришла. «Ну, что?» говорю.—«Спрашивала».—«Какъ же ты спрашивала?»—«Такъ, какъ вы приказали—говорю: «Одна дама желаетъ у васъ учиться и деньги даже за это платить!»—«Что жъ Х. Д.?»—«Отказалась: мы, говоритъ, барынь не учимъ!»—«Эхъ, дура, дура, говорю я ей,—какая же я барыня или дама—ты бы сказала, что я безграмотная, а если я деньги желаю платить, такъ это отъ моего усердія за ихъ труды—больше ничего!»

Ну, тутъ ужъ вы знаете, какъ она привела меня къ вамъ и какъ вы уговорили меня ходить въ школу; сначала было немножко страшно, а теперь просто, будто я вѣкъ въ ней была.

Грустно мнѣ оставлять школу на мѣсяцъ, только и примиряетъ мысль, что покидаю ее для нея же и черезъ мѣсяцъ опять возвращусь къ ней, соскучившись и почерпнувъ въ отдыхѣ новыя силы для работы. А работы много,—такъ много, что подчасъ нападаетъ тяжелое раздумье «не поздно ли?» и вопросъ о томъ, «имѣешь ли право учить?» при сознаніи своего невѣжества, является какимъ-то зловѣщимъ вопросомъ.

Сидишь надъ книгами, работаешь, читаешь, подчасъ перечитываешь три-четыре раза одну и ту же страницу, пока не доберешься до смысла, пока не отдашь себѣ яснаго отчета въ прочитанномъ. И что же выходитъ изъ этого? Положимъ, что такого рода чтеніе способствуетъ общему развитію, но даетъ ли оно знанія, тѣ знанія, обладать ко-

торыми есть нравственная обязанность учителя? Нѣтъ! Переходя отъ «Физики» по Крюгеру къ «Происхожденію человѣка» Дарвина, отъ «Эмиля XIX столѣтія» къ «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» Ушинскаго, чувствуешь и понимаешь, что это скачки, неимѣющіе здраваго смысла, что каждая изъ этихъ книгъ имѣла бы значеніе въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ, но какъ помочь горю—остается все тѣмъ же вопросомъ. И какъ и къ кому подойти съ этимъ вопросомъ женщинѣ въ 30 лѣтъ, никогда ничему неучившейся? Подойти къ такимъ же малограмотнымъ людямъ, какъ она? Они не помогутъ горю... Подойти къ тѣмъ людямъ, которые способны были бы помочь?.. Но повѣрятъ ли они въ искренность просьбы, не заподозрятъ ли въ этомъ слѣпого поклоненія авторитетамъ, не скажутъ ли, что въ такіе годы человѣкъ способенъ самъ отнестись разумно къ своей работѣ, и не захотятъ задуматься надъ тѣмъ, по силамъ ли работа?

26 ноября 1871 года.
Петербургъ.

Сегодня я получила письмо отъ своей Елизаветы Яковлевны. Тронутая имъ до глубины души, я думала: «Давно ли съ видомъ безнадежности человѣка, дожившаго до сѣдыхъ волосъ безграмотнымъ, она говорила мнѣ печально: «Нѣтъ, Христина Даниловна, никогда я не научусь читать и писать!» и вотъ въ эту минуту она чувствуетъ, что создала самостоятельно письмо, что это письмо пойдетъ за тысячу верстъ, что Х. Д. прочтетъ его, порадуется ему и будетъ отвѣчать, и получитъ она черезъ нѣсколько дней этотъ отвѣтъ и сама прочтетъ его! Сколько радости и гордости должны вызывать эти мысли въ головѣ пожилого человѣка, одолѣвшаго на старости лѣтъ грамоту. Я отвѣчала ей такъ:

«Многоуважаемая Елизавета Яковлевна!

«Вы пишете, что, несмотря на самую ужасную погоду, вы были въ школѣ—это доказываетъ, что вы искренно любите ее! Это радуетъ меня больше, чѣмъ даже ваша лю-

бовь ко мнѣ. Я могу уѣхать, могу умереть, а школа всегда останется вашимъ другомъ, всегда найдутся въ ней люди, готовые помочь вамъ продолжать ученье. Любите школу— она гордится любовью такихъ учеництъ, какъ вы! Спасибо, впрочемъ, вамъ и за любовь вашу ко мнѣ; повѣрите ли, какъ вспомню о томъ, какъ вы всѣ любите меня, какъ-то весело становится на сердцѣ.

«Въ Петербургѣ живется мнѣ очень хорошо—все хожу по школамъ и приглядываюсь, нельзя ли научиться чему-нибудь, чтобы потомъ ввести это и у насъ въ школѣ. Выѣзжаю 10-го. Какъ ни весело мнѣ въ Петербургѣ, а соскучилась о всѣхъ васъ и о школѣ. Особенно грустно бываетъ мнѣ въ воскресенье, какъ подумаю, что всѣ вы собрались въ школу, а меня нѣтъ.

До свиданія! Глубоко уважающая васъ

Х. А.

«Кланяйтесь всѣмъ моимъ ученицамъ, а вашимъ сотоварищамъ; впрочемъ, на-дняхъ я буду писать и имъ».

Письмо Е. Я. навело меня на мысль написать еще нѣсколько писемъ тѣмъ изъ учениць, которыя принимаютъ болѣе горячее участіе въ пропагандѣ школы, т.-е. вербуютъ ученицъ, не пропускаютъ сами ни одного воскресенья, имѣютъ вліяніе на другихъ, благодаря большему развитію, и т. п.

Въ эту минуту мнѣ непреодолимо захотѣлось ознакомиться ближе съ способомъ излагать иныхъ изъ ученицъ. Я привела свой планъ въ исполненіе и теперь съ нетерпѣніемъ жду отвѣтовъ.

Въ позднѣйшемъ дневникѣ отъ 17 января 1879 года слѣдующія строки посвящены Е. Я.:

«Сегодня была у меня моя бывшая 45-лѣтняя ученица Елизавета Яковлевна Зайцева. Она оставила школу 2 или 3 года назадъ, достигши своей опредѣленной цѣли, т.-е. научившись сносно читать и писать. Разговоръ, естественно, съ первыхъ же словъ зашелъ о школѣ, продолжаетъ ли она заниматься чтеніемъ и т. д. «Какъ же,—сказала она, какъ

всегда сіяя своимъ толстымъ лицомъ, когда рѣчь заходитъ на эту тему,—я не только сама читаю, а выучила за прошлую зиму дѣвочку-сиротку, что привезли къ намъ изъ деревни, и мальчика съ Муравьевскаго двора. Вижу, бѣгаетъ по улицѣ, ничего не дѣлаетъ. Я къ нему: «Хочешь учиться?»—«Хочу!»—«Приходи часамъ къ 10, когда я съ поваромъ съ базара возвращаюсь». Сталъ ходить—и выучился».

2 декабря 1871 года.

Сегодня въ моей группѣ появилась новая взрослая ученица, лѣтъ 20. Не желая озадачить ее съ первой минуты экзаменомъ или докучливыми и неестественными разспросами о ея семьѣ, настоящемъ и прошломъ, что рекомендуютъ даже лучшіе педагоги и что, по моимъ наблюденіямъ, конфузитъ и является чѣмъ-то навязаннымъ не только со взрослымъ человѣкомъ, но и съ ребенкомъ, я просила ее садиться съ другими, ограничившись свѣдѣніями, что она «умѣетъ читать и писать, но не очень хорошо», и старалась не обращать на нее вниманія, пока она оправится отъ конфуза.

И въ самомъ дѣлѣ, вообразите себѣ ученика или ученицу, взрослую или малолѣтнюю, въ особенности же взрослую, которая приходитъ въ школу учиться, и вдругъ ее, ни съ того ни съ сего, начинаютъ тормошить вопросами объ ея семейной жизни, объ ея отцѣ, матери и сестрахъ, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Она ждала книги, букваря, чего хотите, только не сентиментальныхъ разговоровъ; и это ошеломитъ ее гораздо больше, чѣмъ букварь, который принято бояться въ первый урокъ дать въ руки ученицѣ. Другое дѣло, если черезъ нѣсколько уроковъ, когда, занимаясь дѣломъ, ученица исподволь привыкнетъ и къ вашему голосу, и къ вашему лицу, и къ вашему способу выражаться, когда она почувствуетъ въ васъ человѣка, готоваго помочь ей,—другое дѣло тогда заговорить съ нею по душѣ, сблизиться съ нею. Тогда она не испугается васъ, ей не покажется это нескромнымъ и неумѣстнымъ вопросомъ... Хорошо, что ни одинъ педагогъ не прочтетъ,

вѣроятно, моего дневника, иначе какой шумъ поднялъ бы онъ за мои *антипедагогичныя* несовременныя сужденія, но я того мнѣнія, что «каждый долженъ смѣть свои сужденія имѣть», а потому и высказываю ихъ напрямикъ.

Итакъ, я старалась не обращать вниманія на мою новую ученицу; между тѣмъ, взгляды мои какъ-то невольно падали на нее: у нея было такое красивое, такое симпатичное лицо, съ большими, умными добрыми карими глазами,—такими глазами, которые надолго остаются въ памяти. Ученица тоже очень часто взглядывала на меня, точно всматриваясь въ мое лицо и припоминая что-то. Наконецъ, мнѣ стало совѣстно. Заглядываться на красивое лицо и мѣшать человѣку работать, по крайней мѣрѣ, не педагогично, и я дала себѣ слово не смотрѣть больше на нее, но слово оказалось безсильнымъ—меня просто влекло что-то къ ней непреодолимой силой.

Ученицы списывали изложеніе съ досокъ въ тетради. Тоже нераціональное, но *любимое* ихъ занятіе, практикуемое мною именно на этомъ основаніи. Я сидѣла и думала; и пришло мнѣ почему-то въ голову ученіе спиритовъ о сродствѣ душъ; когда-то въ молодости меня очень занимало это ученіе. Я продолжала смотрѣть на свою новую ученицу, и чѣмъ больше я на нее смотрѣла, тѣмъ больше казалось мнѣ, что гдѣ-то и когда-то я ее видѣла, но гдѣ и когда—никакъ не могла вспомнить. Наконецъ, взгляды наши такъ встрѣтились, что неловко стало ничего не сказать. «Гдѣ вы научились грамотѣ?» спросила я.—«Я научилась грамотѣ очень давно, когда была совсѣмъ маленькою, въ воскресной школѣ на Рыбной улицѣ, и, мнѣ кажется,—добавила она краснѣя,—что я училась у васъ, помню, что моя учительница была очень черная, кажется, что вы...»

Въ эту минуту я поняла наше «сродство душъ». Передо мною живо воскресла школа на Рыбной улицѣ, группа моихъ ученицъ и крошечная кареокая Орися, которую потомъ я потеряла изъ виду.

— Какъ васъ зовутъ?—спросила я.

— Арина!—отвѣчала новая-старая знакомая.

А на глазахъ и у нея и у меня блестѣли слезы.

1 марта 1872 года.

Три мѣсяца, какъ я не бралась за дневникъ. Вѣроятно, тревоги и сомнѣнія, мучившія меня съ пріѣзда изъ Петербурга, не могли пройти безслѣдно и кончились воспаленіемъ въ мозгу...

Нѣсколько дней боялись за мою жизнь, но я выздоровѣла, если только можно назвать выздоровленіемъ полный упадокъ силъ. Я лежу неподвижно по цѣлымъ часамъ, ничего не дѣлая, ничего не читая, даже какъ будто ничего не думая. Мнѣ кажется иногда, что я уже умерла, и не скажу, чтобы въ такія минуты мнѣ становилось особенно тяжело; въ памяти моей проходитъ мое прошлое со всѣми его разнообразными встрѣчами, со всѣми волненіями и порывами молодости, и кажется мнѣ, что такъ я полно жила, такъ много передумала и перечувствовала, что смерть моя теперь вполнѣ естественна... Въ воображеніи рисуется погребальная процессія—крышку гроба несутъ учительницы, за катафалкомъ идетъ толпа дѣтей съ заплаканными лицами; вотъ шествіе остановилось, и я слышу, какъ нашъ хоръ стройно и печально поетъ: «Со святыми упокой». Я съ любовью вглядываюсь въ эту картину—она не пройдетъ безслѣдно въ жизни, и въ этой толпѣ зѣвающихъ и праздныхъ людей найдутся такіе, въ которыхъ она вызоветъ раздумье и слезы, и чѣмъ глубже будутъ эти люди отъ природы, тѣмъ глубже западетъ это раздумье, тѣмъ разумнѣе и искреннѣе будутъ эти слезы и тѣмъ благотворнѣе будутъ результаты. Да, я вѣрю въ искренность отношеній ко мнѣ учительницъ, вѣрю въ любовь дѣтей, и какъ я счастлива и горда этой любовью! Ее не отнимутъ отъ меня ни людская злоба, ни пошлость, ни клевета, она проводитъ меня до гроба, она примиритъ меня съ мыслью о смерти, она поддержитъ во мнѣ вѣру въ живучесть того дѣла, которому я отдала послѣдніе годы жизни... Пусть говорятъ, что въ моей любви къ школѣ мною руководитъ самолюбіе,—я знаю одно, что во имя самолюбія можно отдать многое, но не жизнь, а я отдала ее школѣ, я не щадила, работая въ ней и для нея, тѣхъ силъ, кото-

рыя дали бы мнѣ еще нѣсколько лѣтъ жизни, я отдала ихъ ей «безъ сожалѣнья и упрека!»

И вотъ чувствуя съ каждымъ днемъ все меньше и меньше силъ, я хочу посвятить ей свои послѣднія минуты, я хочу прослѣдить, съ какихъ поръ зародилась во мнѣ любовь къ ней, при какихъ условіяхъ росла и крѣпла и когда, наконецъ, достигла своего nec-plus-ultra. Пусть друзья мои прочтутъ эту исповѣдь—она напомнитъ имъ меня, мою жизнь, мои стремленія.

Я родилась въ Борзнѣ, Черниговской губерніи. Отецъ мой былъ учителемъ уѣзднаго училища, а мать—внучкой господаря Молдавіи—Гика. Она сдѣлала то, что называлось въ старину mésalliance: дочь заслуженнаго генерала, героя двѣнадцатаго года, получившая блестящее образованіе въ Смольномъ институтѣ, обладавшая большими средствами и замѣчательнымъ голосомъ (въ бытность свою въ Смольномъ она пѣла даже нѣсколько разъ при дворѣ), она принесла все это въ даръ скромному учителю, отличавшемуся необычайной красотой и недюжиннымъ умомъ. Я обожала мою мать, какъ существо любящее, порывистое, со свѣтлымъ умомъ и даромъ «привлекать сердца людей». Отца я не любила—это былъ черствый эгоистъ, минутами несправедливо обижавшій мою бѣдную мать, что страшно вооружало противъ него мое дѣтское сердце. Когда, впослѣдствіи, мнѣ случалось въ жизни совершить что-либо злое, несправедливое, я говорила съ отчаяніемъ: «Во мнѣ просыпается отецъ».

Онъ не любилъ насъ, дѣтей; а братьевъ моихъ нещадно билъ, и одинъ изъ нихъ, вслѣдствіе этого, выросъ совершенно чахлымъ человѣкомъ: когда онъ былъ совсѣмъ маленькимъ, отецъ схватитъ его, бывало, за ручонку, подыметъ въ воздухъ и бьетъ, пока ребенокъ посинѣетъ и пока я, разъяренная, не брошусь отнимать его. Вообще, на глазахъ у насъ, дѣтей, происходили ужасныя сцены. Помню, какъ сейчасъ экзекуціи, которыя производилъ нашъ отецъ надъ несчастными дѣвушками, крѣпостными моей матери; ихъ клали на полъ, въ головахъ ихъ сидѣлъ одинъ му-

жикъ, держа жертву за плечи, въ ногахъ другой, а отецъ, весь побагровѣвшій отъ злобы, съ искаженнымъ лицомъ, нещадно билъ несчастную, несмотря на ея отчаянные вопли. Это происходило каждый разъ шесть недѣль спустя, послѣ того, какъ у горничной, неожиданно для насъ, дѣтей, появлялся ребенокъ, и мы не могли взять въ толкъ, въ чемъ заключалось преступленіе. Заслышавши страдальческіе стоны, мы врывались въ комнату отца, становились передъ нимъ на колѣни, складывали рученки и, рыдая, повторяли: «Перестань, перестань; она больше не будетъ!» Но мать боготворила его и умѣла все прощать и оправдывать въ немъ.

Насъ было трое: я и два моихъ младшихъ брата. Когда мы подросли, отецъ рѣшилъ пригласить къ братьямъ какого-то бѣдняка-семинариста за 5 рублей въ мѣсяцъ (все большое состояніе моей матери было уже тогда прожито имъ, и мы существовали только на его скудное жалованье). Я съ любопытствомъ вслушивалась въ эти переговоры; мать настаивала на томъ, чтобы и меня учить грамотѣ, но отецъ былъ страшно противъ этого; онъ говорилъ язвительно: «Зачѣмъ дѣвченкѣ грамота? Чтобы писать любовныя записочки!»

Какъ и всегда, мнѣніе его взяло верхъ. Участь моя была рѣшена, и никто не видѣлъ, какъ, забравшись въ темный уголокъ одичалаго сада, рыдала маленькая дѣвочка, лишенная права учиться, чего такъ хотѣлось ей. Но дѣвочка эта отличалась настойчивостью въ достиженіи цѣли: какъ только приходилъ семинаристъ и начиналъ занятія съ мальчиками, она подкрадывалась къ запертой двери, немножко пріотворяла ее и съ жадностью ловила каждое слово учителя. Такимъ способомъ она научилась читать и писать раньше, чѣмъ братья. Любимымъ ея чтеніемъ стали басни Крылова. Она выучила почти всю книгу наизустъ и декламировала ее съ необычайнымъ жаромъ и паѳосомъ.

Съ самаго ранняго дѣтства я чувствовала какой-то особенный интересъ къ кухнѣ, куда намъ, дѣтямъ, запрещено было ходить. Я очень любила всѣхъ материнскихъ крѣпостныхъ слугъ, и они любили меня. И вотъ, когда отца

и матери не бывало дома или же они были заняты гостями, я пробиралась потихоньку въ подвальный этажъ въ кухню, со своею любимою книжкой въ рукахъ, усаживалась на почетное мѣсто, на скамейку подъ образами, за большимъ бѣлымъ людскимъ столомъ, — и начиналось громкое чтенiе. Вѣроятно, въ это чтенiе я влагала много чувства и выразительности, такъ какъ аудиторiя моя слушала меня, затаивъ дыханiе, и въ кухнѣ раздавался то громкiй смѣхъ, то сдержанные вздохи женщинъ. Уже тогда между мною и народомъ легла какая-то неуловимая связь, сблизившая насъ навѣки.

Когда братьямъ исполнилось 9—10 лѣтъ, отецъ отдалъ ихъ въ гимназiю. Помню, съ какимъ горячимъ нетерпѣнiемъ ждала я возвращенiя ихъ изъ класса, заставляя разсказывать мнѣ до мельчайшихъ подробностей, что именно говорилъ учитель, что задавалъ на домъ, какъ отвѣчали ученики, кого онъ похвалилъ и за что и т. д. Когда наступалъ вечеръ, въ маленькой комнатѣ при сальномъ огаркѣ сидѣло не двое, а трое дѣтей—два мальчика и дѣвочка, и когда мальчики отрывались отъ занятiй и начинали болтать, дѣвочка говорила наставительно: «Вотъ увидимъ, что тебѣ скажетъ завтра учитель!» Но самая главная бѣда заключалась въ томъ, что братьевъ часто наказывали въ гимназiи—не за лѣность, не за нерадѣнiе, не за шалости, а за то, что у нихъ не было ни книгъ ни учебныхъ пособiй, требовавшихся въ классѣ, а не было потому, что мы были бѣдны и не на что было прiобрѣсти ихъ. И вотъ, въ силу вещей, въ головѣ моей зародилась мысль, во что бы то ни стало, добыть средства для прiобрѣтенiя книгъ и учебныхъ пособiй, необходимыхъ братьямъ. Они перешли уже тогда въ классъ, гдѣ учениковъ заставляли писать сочиненiя, и я съ жаромъ принялась за эту работу. Сочиненiя братьевъ, написанныя мною, обратили особое вниманiе учителя; они читались въ классѣ, какъ образцовыя, и въ братьяхъ моихъ стали заискивать товарищи. «Напиши мнѣ на завтра сочиненiе—я дамъ тебѣ за это 20 коп.!» — «А я карандашъ и ручку!» — «А я дюжину перьевъ и тетрадь!» говорили они наперерывъ. И я съ восторгомъ

получала эти двугривенные и пріобрѣтала на нихъ необходимые для братьевъ учебники.

Но вотъ что случилось однажды: мнѣ пришлось писать сочиненіе ночью—ихъ было такъ много, и всѣ на произвольныя темы. Голова моя отяжелѣла, глаза смыкались отъ сна и, не соображая болѣе, что я должна говорить отъ лица мальчика, а не дѣвочки, я начала писать въ женскомъ родѣ: «я была», «я видѣла» и т. д. Само собою разумѣется, что это обратило вниманіе учителя, и началось дознаніе. Какъ нарочно въ ту пору появилось въ печати,—въ газетѣ «Сѣверная Пчела» Булгарина,—мое первое патріотическое стихотвореніе, причемъ Булгаринъ восхвалялъ даровитость русской природы. Это заставило всѣхъ читающихъ людей города Курска, гдѣ жила я, обратить на меня вниманіе и заговорить обо мнѣ. Возникло подозрѣніе, не принадлежатъ ли сочиненія перу даровитой дѣвочки, братья которой сидятъ тутъ же, въ классѣ, и тайна моя была обнаружена. Тутъ я пережила цѣлый рядъ очень тяжелыхъ дней, такъ какъ братьевъ моихъ хотѣли исключить изъ гимназіи; но нашлись гуманные люди, которые очень хорошо знали мое тяжелое семейное положеніе и заступились за меня.

Знакомствомъ своимъ съ этими не только гуманными, но и вліятельными людьми я была обязана, во-первыхъ, матери - аристократкѣ, вращавшейся въ этомъ кругу, а, во-вторыхъ, своему драматическому таланту, обращавшему на меня всеобщее вниманіе. Мелочному самолюбію отца льстило то обстоятельство, что дочь его называютъ поэтессой и что о ней говорятъ. Онъ не вспоминалъ о томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ противъ того, чтобы научить эту поэтессу грамотѣ. Позднѣе ему еще больше льстили успѣхи мои на сценѣ въ любительскихъ спектакляхъ, гдѣ просто носили меня на рукахъ. Но когда богатый старикъ Криницынъ, восхищаясь моимъ голосомъ, предлагалъ везти меня заграницу и готовить на сцену, онъ страшно возсталъ противъ этого и заявилъ, что никогда дочь его не будетъ актеркой, развѣ она пожелаетъ перешагнуть черезъ его трупъ...

Среди людей, заинтересовавшихся мной, было богатое семейство Мамчичъ, состоявшее изъ отца, гуманнаго и просвѣщеннаго человѣка, матери-крѣпостнички и двухъ барышенъ, получившихъ блестящее образованіе. Изучившія языки заграницей, окруженныя постоянно лучшими гувернантками и учителями, онѣ считались просто фениксами въ нашей немноголюдной провинціи. На балахъ къ нимъ не смѣли подходить кавалеры, боясь, что онѣ спросятъ что-нибудь такое, на что, пожалуй, не сумѣешь отвѣтить. Кромѣ того, матушка была женщина въ высшей степени гордая и надменная и ждала въ женихи чуть не наслѣдныхъ принцевъ. Само собою разумѣется, что, благодаря этому, дочери ея засидѣлись въ дѣвушкахъ, и когда я познакомилась съ ними, имъ было уже лѣтъ по 25—26. Располагая большими средствами, онѣ привыкли удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, и вотъ на этотъ разъ *я* явилась той занимательной игрушкой, которую имъ захотѣлось во что бы то ни стало достать. Достать меня, впрочемъ, было не трудно—отецъ мой питалъ какое-то безотчетное благоговѣніе къ гербамъ и каретамъ и съ наслажденіемъ отпустилъ меня въ «порядочный» домъ. Впослѣдствіи, когда я подросла и поумнѣла, эти «порядочные» дома служили мнѣ всегда ширмой, чтобы бывать у тѣхъ людей, которые не нравились отцу и которые приходились мнѣ по вкусу.

Мамчичъ были дѣвушки, дѣйствительно, очень образованныя, умныя и добрыя. Онѣ повезли меня съ собою въ деревню, которая показалась мнѣ просто раемъ земнымъ послѣ нашей бѣдной обстановки. Утомленная дорогой, я сладко уснула въ эту ночь и проснулась, когда лучи солнца прорывались уже сквозь кисейную бѣлую занавѣску и ярко освѣщали всю мою комнату. Наскоро одѣвшись и умывшись, я спустилась въ садъ. Барышни мои, одѣтыя какъ съ иголочки, сидѣли уже на первой ступенькѣ нижняго крыльца, окружённыя толпою грязныхъ, босоногихъ дѣтей—иныя изъ дѣтей держали книжечки въ рукахъ. Въ жизни своей я не видала ничего подобнаго и остановилась, пораженная прелестью этой картины. Барышни разъяснили

мнѣ потомъ, что онѣ учатъ этихъ бѣдныхъ крестьянскихъ дѣтей, и почему именно это хорошо. Я слушала тогда внимательно, но не знаю почему, слова эти какъ-то скользили по мнѣ—я не помню ихъ теперь, но эта группа бѣлоголовыхъ, босыхъ дѣтей и теперь живо встаетъ передо мною. Мнѣ кажется, что та минута заронила во мнѣ первую искру симпатіи къ нашему бѣдному народу.

Барышни не приглашали меня къ занятіямъ, да я, должно-быть, была еще и неспособна къ нимъ и больше всего ждала той минуты, когда окончатся занятія, и мы затянемъ хоромъ какую-нибудь пѣсенку. Подружилась я, впрочемъ, съ однимъ изъ мальчиковъ, Сенькой—онъ мнѣ казался очень симпатичнымъ и поэтическимъ и былъ со мною, вѣроятно, однихъ лѣтъ. Онъ хорошо уже читалъ, и я учила его и своимъ и чужимъ стихамъ. Кромѣ того, у него былъ прелестный голосъ. Какъ только, бывало, окончатся занятія, лечу я съ нимъ наперегонку къ лодкѣ; едва дыша, мы вскакиваемъ въ лодку и плывемъ... Сенька отлично умѣлъ грести.. и плывемъ мы, плывемъ, совершенно счастливые своимъ дѣтскимъ счастьемъ, и только слышатся издали наши звонкіе голоса... Впослѣдствіи я разучила съ нимъ дуэтъ «Гондольеръ», и, право, мнѣ казалось въ ту минуту, что въ этомъ гондольерѣ герой его романа мой Сенька.

Барышни относились къ этому нѣсколько скептически и говорили мнѣ: «Ахъ, Христенька, будьте осторожны—вы, право, испортите мальчика!» Но я не понимала тогда, какъ не понимаю, впрочемъ, и теперь, смысла этого предостереженія.

На будущій годъ я не застала уже Сеньки—онъ былъ сирота, и дядя отдалъ его въ ученье въ городъ,—такъ я его и потеряла изъ виду.

На этотъ разъ я относилась къ занятіямъ нѣсколько серьезнѣе—мнѣ давали уже самой небольшія работы съ ученицами, кромѣ того, барышни стали брать меня «къ больнымъ». Такъ называли онѣ свой обходъ деревни и ту помощь, которую оказывали онѣ и больнымъ и здоровымъ. Тутъ-то я имѣла случай приглядѣться въ первый разъ къ

безысходной нуждѣ и горю простого народа, и во мнѣ шевельнулось то чувство любви къ ближнему, о которомъ проповѣдывалъ Христосъ.

Барышни дѣлали много добра, но наряду царило звѣрство, конюшня и розги. Помню хорошо дѣвушку рѣдкой красоты и душевныхъ качествъ, которая томилась въ этой обстановкѣ рабства и самоуправія. Она была крѣпостною, но выросла при барышняхъ, и что-то нѣжное, прекрасное и безконечно грустное лежало на всемъ ея существѣ. Барышни такъ любили ее, что когда она, не перенеся терзаній нравственныхъ и физическихъ, идущихъ отъ ихъ матери-изверга, слегла въ чахоткѣ въ постель, онѣ потихоньку отъ матери очистили маленькую комнатку на птичьемъ дворѣ и заботливо окружили ее комфортомъ. Помню, какое горячее участіе принимала я въ этихъ хлопотахъ, какъ мы, барышни, мыли полы и окна, и какою таинственностью и прелестью былъ окруженъ для насъ этотъ маленькій подвигъ. Я проводила у больной цѣлые часы. Она лежала блѣдная, прекрасная, неподвижная, пока приступъ кашля не колыхалъ ея запавшей груди. Больше всего она любила слушать разговоры о волѣ, и часто я, желая развлечь ее, импровизировала на тему о томъ, что будетъ, когда люди станутъ вольными. Она слегка улыбалась мнѣ и часто засыпала подъ звуки моего голоса, какъ засыпаетъ больной ребенокъ подъ нѣжную материнскую пѣсню. Мы обыкновенно входили къ ней тихо и осторожно, но былъ моментъ, когда я не выдержала и, какъ ураганъ, влетѣла въ эту маленькую комнатку. „Лиза! получена вѣсть о волѣ!“ вскрикнула я, бросаясь къ ней. Она обвила мою шею своими худыми, какъ плети, руками, затѣмъ перекрестилась и улыбнулась безконечно доброй и блаженной улыбкой, какъ улыбаются, вѣроятно, ангелы. Это было послѣдней улыбкой въ жизни дѣвушки: на другой день она умерла...

Деревня Мамчичъ была моимъ первымъ знакомствомъ съ народомъ и школою; теперь перейду ко второму столкновенію, на которомъ остановлюсь съ тою же отрадой и любовью.

Братья мои кончали уже гимназію, когда у меня завязалась переписка съ незнакомымъ мнѣ юношей; прочитавши мои стихи, онъ воспламенился тѣмъ живымъ интересомъ, который свойственъ только ранней молодости, и написалъ мнѣ въ отвѣтъ прекрасное стихотвореніе. Наша переписка въ стихахъ продолжалась годъ-два, а затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Курскъ, познакомился со мною, я вышла за него замужъ и переѣхала въ Харьковъ. Харьковъ показался мнѣ чуть не столицей по сравненію съ нашимъ захолустьемъ. Я проходила мимо университета съ чувствомъ затаеннаго благоговѣнія—мнѣ хотѣлось стать на колѣни передъ нимъ и молиться. Въ каждомъ профессорѣ я видѣла оратора, въ каждомъ студентѣ чуть-чуть не генія. Очутившись въ большомъ культурномъ городѣ, я вся пламенѣла желаніемъ окунуться въ общественную дѣятельность и сдѣлать въ жизни что-либо большое, хорошее.

Я искала занятія по душѣ—мнѣ указали на воскресныя школы (это было въ 1862 году). Анализируя прошлое, я нахожу теперь тьму недостатковъ въ тогдашнихъ школахъ, въ которыхъ къ обученію допускались всѣ и каждый и въ которыхъ господствовалъ полный хаосъ, но тогда я увлеклась и отдалась этому дѣлу со всѣмъ пыломъ юности; но—увы!—счастье мое было непродолжительно—въ іюнѣ 1862 года былъ полученъ указъ о закрытіи воскресныхъ школъ...

Помню я живо то горе и смущеніе, съ которымъ мы принуждены были объявить дѣтямъ о закрытіи школы, помню отчаяніе и плачъ дѣтей—въ эту минуту я, казалось, готова была бы отдать полжизни за жизнь школы, но дѣлать было нечего... Вдругъ счастливая мысль пришла мнѣ въ голову, мысль—пригласить къ себѣ дѣвочекъ учиться на домъ. Я привела ее въ исполненіе—за мною пошло 50 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ обученіе дѣтей сдѣлалось любимымъ моимъ занятіемъ. Училось у меня по 10, по 20 душъ—согласно съ обстоятельствами и условіями квартиры, и учила я ихъ одиноко, крадучись, какъ воръ, съ этими занятіями. Пугали меня штрафами, пугали, что закроютъ магазинъ, который въ то время составлялъ для

насъ единственный источникъ для добыванія куска хлѣба; напуганная, я время отъ времени прекращала свои занятія, но потомъ опять, какъ пьяница, запивала запоемъ. Въ сущности, ничего запрещеннаго въ моихъ занятіяхъ не было—я задавалась въ то время узкою цѣлью—обученія грамотѣ и только, но неимѣніе диплома давало право каждому стращать меня и заставлять страдать и мучиться.

Таково было положеніе дѣлъ въ то время, когда мы прочли «Уставъ Общества Грамотности», призывающій подъ свой покровъ всѣхъ частныхъ лицъ, всѣхъ «трудящихся и обремененныхъ». Я говорю «мы», потому что въ то время я не была уже одинокою: со мною работало еще три лица. (Это было въ 1869 году).

Съ вѣрою и надеждою вступили мы въ Общество Грамотности. Неразъ въ собраніяхъ я трепетно подавала свой голосъ за устройство воскресной школы. Наконецъ, мечта моя осуществилась... Первое, впрочемъ, что отравило мое счастіе,—это былъ отказъ, который получили братъ мой Леонтій Даниловичъ и Павловскій, люди, завѣдомо, искренно преданные этому дѣлу. Въ первое же воскресенье я привела въ школу всѣхъ своихъ учелицъ и безбоязненно показала ихъ публикѣ. Я чувствовала себя въ школѣ, какъ у себя дома—бѣгала, суетилась, разсаживала по знаніямъ учелицъ и была вполнѣ счастлива. Какъ всѣ счастливые люди, я не замѣчала того недоброжелательства, съ какимъ глядѣли на меня начальница и другія учительницы, усматривая во мнѣ будто бы какое-то стремленіе къ господству и властолюбію. Начальница была женщина весьма недалекая; главною ея заботой былъ вопросъ: «гдѣ поставить шкафъ?» или «въ какой именно переплетъ переплести книги». На одномъ изъ собраній она предложила слѣдующую мысль: «Такъ какъ первое, что бросается при входѣ человѣка въ порядочный домъ—это умѣнье поклониться,—говорила она,—то прежде всего дѣтей необходимо выучить дѣлать реверансы (начальница была институтка). Собранія эти бывали очень скучныя—учительницы молчали, начальница говорила, что придетъ въ голову. Зато, если у кого-либо рождалась въ головѣ здравая мысль не въ пятницу

(день собранія), а въ другой какой-либо день недѣли, и учительница выражала желаніе сообщить ее начальницѣ, начальница говорила умоляющимъ голосомъ: «Mesdames! прошу васъ, ради Бога, поберегите это до пятницы!» Такъ рѣдки бывали тогда здравыя мысли и такъ безсодержательны были эти собранія!

Составъ учительницъ былъ не менѣе неудаченъ—одна не учила иначе, какъ въ перчаткахъ и подъ вуалью, другая признавалась чистосердечно, что поступила въ школу съ единственною цѣлью научиться учить своихъ дѣтей, третья—въ порывѣ педагогическаго негодованія позволяла себѣ обзывать ученицъ «дурами». Все это было мнѣ очень больно, но я съ отрадою останавливалась на своихъ прежнихъ товарищахъ и старалась не падать духомъ.

Въ это время мнѣ пришлось поѣхать въ Петербургъ. Накупивши книгъ, я возвращалась оттуда съ новыми силами, веселая и счастливая. Поѣздъ нашъ пришелъ въ Харьковъ въ 10 часовъ утра въ воскресенье. Въ половинѣ 11-го я съ грузомъ книгъ была уже въ школѣ и чуть не бросилась отъ радости на шею къ начальницѣ. Она встрѣтила меня, впрочемъ, весьма холодно, посмотрѣла на часы и замѣтила: «Учительницы обязаны приходить въ десять часовъ, а теперь половина одиннадцатаго». Колкость эта проскользнула по мнѣ незамѣтно—я весело раздала книги дѣтямъ и начала заниматься. Состояніе моей группы заставило меня взгрустнуть: ученицы не только не подвинулись впередъ, а были изувѣчены буквослагательнымъ способомъ; я не выдержала, отозвала свою преемницу въ сторону и объяснила ей, что она не имѣетъ ровно никакого понятія о звуковомъ методѣ. Учительница сочла необходимымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальницы; начальница подошла ко мнѣ съ угрожающимъ видомъ и сказала: «Прошу васъ покорно не мѣшаться въ занятія учительницъ и, кромѣ того, представить дипломъ на право преподаванія!»

Слово «дипломъ» заставило болѣзненно сжаться мое сердце—я столько выстрадала изъ-за этого слова, и опять оно является для меня зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

На будущее воскресенье нѣсколькихъ учительницъ не было въ школѣ, зато мы встрѣтили толпу безграмотныхъ учениковъ педагогическихъ курсовъ, пришедшихъ поучать насъ уму-разуму по распоряженію руководителя школы патентованнаго педагога С—го. И видѣла я своими собственными глазами, какъ безобразничали эти неучи надъ бѣдными дѣтьми, какъ доходили до милліоновъ съ ученицами, едва ознакомившимися съ десяткомъ, какъ запугивали своимъ развязнымъ прикрикиваньемъ робкихъ дѣтей, какъ посолдатски заставляли отбивать тактъ при хоровомъ чтеніи и т. д. С—ій ходилъ торжествующій, взглядывая на меня побѣдителемъ.—Мнѣ было очень тяжело въ эти минуты.

Я ждала собранія, разсчитывая въ немъ найти поддержку и справедливость. Собраніе началось отчетомъ С—го о непригодности женщинъ - преподавательницъ и о необходимости замѣнить ихъ учениками педагогическихъ курсовъ, которые въ прошлое воскресенье доказали практически свою пригодность. Собраніе отнеслось сочувственно къ этому отчету. С—му апплодировали...

Возмущенная до глубины души, я забыла все на свѣтѣ,— забыла, что здѣсь передо мною сидятъ всѣ тѣ, которыхъ я буду казнить безпощадно, забыла, что у меня здѣсь десятки враговъ и ни одного почти доброжелателя...

Не помню, что я говорила, но увѣрена, что, если бы были тамъ люди съ сердцемъ, они поняли бы, что это голосъ отчаянія, любви и преданности къ извѣстной идеѣ. Я пророчила погибель школѣ, устроенной на такихъ принципахъ и съ такими людьми; я говорила, что мы создадимъ школу и докажемъ, что женщина способна работать; я говорила, что нѣтъ между ними людей, глубоко и искренно отдавшихся этому дѣлу... Слова мои оказались пророческими, но я не торжествую... Мнѣ жаль своихъ силъ, затраченныхъ непроизводительно, жаль своихъ страданій и слезъ. Я прощаю ихъ теперь въ душѣ тѣмъ людямъ, потому только, что я очень, очень счастлива...

Къ концу собранія я заявила, что отказываюсь быть учительницей въ воскресной школѣ Общества Грамотности.

В. Н. Томашевская и еще одна учительница послѣдовали моему примѣру.

И не нашлось ни одной души, вызвавшейся сказать намъ теплое слово. Протестъ нашъ встрѣтилъ глубокое молчаніе... Узнавши, что я оставила школу, мои ученицы всѣ до одной выбыли изъ нея и въ первое же воскресенье пришли ко мнѣ. Изгнаніе наше изъ Общества Грамотности вызвало сочувствіе въ обществѣ и дало намъ нѣсколько новыхъ союзниковъ. Наша домашняя школа насчитывала до 10 преподавательницъ. Все это собиралось по воскресеньямъ въ нашей небольшой залѣ, вслѣдствіе чего становилось невыносимо душно и жарко. Я утомлялась до такой степени, что послѣ каждаго такого воскресенья ложилась въ постель.

Сила обстоятельствъ вызвала мысль просить разрѣшенія и устроить школу въ большихъ размѣрахъ.

Тутъ-то начался для меня рядъ испытаній. Нашлись посторонніе люди, отнесшіеся сочувственно къ этому дѣлу, въ числѣ ихъ былъ Ковальскій. Когда онъ явился къ «начальству» съ просьбой о разрѣшеніи, сказано было, что первымъ дѣломъ необходимо указать на отвѣтственное лицо—распорядительницу. Съ сердечнымъ замираніемъ послали мы списокъ наличнаго числа учительницъ. Начальство просмотрѣло и отвѣчало, что нѣтъ ни одного лица достаточно благонадежнаго.

Поѣхала я къ отцу Стефану Любицкому. Я всегда знала его за человѣка умнаго и развитого, но какъ посмотритъ онъ на это сомнительное еще по своимъ результатамъ дѣло, хватитъ ли у него желанія взять на себя иниціативу,—для меня являлось вопросомъ...

Я говорила очень долго и старалась придать дѣлу, какъ можно болѣе солидный и серьезный характеръ и какъ можно глубже затаить степень моего увлеченія, моихъ колебаній, сомнѣній и страданій, что было для меня весьма трудно въ ту минуту. Отецъ Стефанъ слушалъ меня внимательно. Когда я окончила, онъ помолчалъ немного, потомъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ съ экзаминаторскимъ оттѣнкомъ, потомъ еще помолчалъ немного и, наконецъ, сказалъ не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ: «Я согласенъ!»

Счастливая я возвратилась домой, послала за нашимъ ходатаемъ по дѣламъ и объявила ему, что священникъ согласенъ взять на себя роль учредителя школы.

Ковальскій отправился съ этимъ извѣстіемъ къ «начальству». «Начальство» обѣщало представить на утвержденіе губернатору. Губернаторъ разрѣшилъ, но этого оказалось мало—требовалось разрѣшеніе архіерея.

Казалось, мы были у пристани, но это только казалось: архіерей пришелъ къ убѣжденію, что молодой вдовецъ-священникъ не можетъ быть руководителемъ женской школы.

Мы сильно пріуныли и рѣшились просить совѣта, «что намъ дѣлать», у самого начальства.

Предсѣдатель училищнаго совѣта отвѣчалъ: «Если хотите, чтобы мы разрѣшили вамъ школу, просите быть учредительницей и распорядительницей кого-либо изъ администраціи, хоть, напр., жену правителя канцеляріи губернатора Елизавету Ивановну Цвѣткову». Къ счастію, Е. И. Цвѣткова оказалась нашей хорошей знакомой и, кромѣ своего положенія въ обществѣ, казалась намъ хорошей и доброй женщиной. Въ то время она начала уже преподавать въ нашей домашней школѣ, хотя она и не была разрѣшенною. Но опять-таки—согласится ли она принять на себя званіе распорядительницы и учредительницы, являлось для меня вопросомъ... Ѣду я къ ней... Какъ ни было длинно мое предисловіе, оно нисколько не способствовало согласію—Е. И. отказалась наотрѣзъ.

Я не робѣла и вымолила-таки согласіе съ ограниченіемъ, впрочемъ: Е. И. соглашалась быть распорядительницею, но не учредительницею. Подали прошеніе, въ которомъ распорядительницей школы предполагалась Цвѣткова, а учредителемъ отецъ Стефанъ.

Прошеніе было возвращено—требовалось, чтобы и распорядительницей и учредительницей была Е. И. Цвѣткова. Отецъ Стефанъ долженъ былъ только «слѣдить за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы». Я не знала, какъ мнѣ показаться на глаза Цвѣтковой, и, какъ на отчаянную мѣру, рѣшилась на обманъ.

Пріѣхавши къ ней, я весьма развязно развернула прошеніе и просила ее подписать свое имя, разсчитывая, что она не прочтетъ самаго прошенія, такъ какъ она читала уже его въ первобытномъ видѣ.

Минута была критическая—я невольно схватилась за сердце, которое, казалось, выскочитъ изъ груди...

Надежды мои не оправдались—Е. И. прочла прошеніе, и, несмотря на все свое добродушіе, поняла мой умыселъ и съ укоризной взглянула на меня.

Опять начался съ моей стороны рядъ моленій и доказательствъ и опять окончился благополучно...

Училищный совѣтъ разрѣшилъ намъ школу—дѣло стало за помѣщеніемъ...

А, между тѣмъ, время шло да шло—народу прибавлялось все больше и больше въ нашей тѣсной залѣ, я чувствовала, что еще нѣсколько мѣсяцевъ, и я не вынесу ни этой работы, ни этихъ страданій...

За помѣщеніемъ намъ совѣтовали обратиться къ головѣ. Голова далъ разрѣшеніе. Мы явились съ нимъ къ смотрителю, завѣдующему училищемъ.

— Что мнѣ за дѣло до городского головы, — отвѣчалъ смотритель,—у меня есть свое начальство—попечитель!

— Но вѣдь домъ принадлежитъ городу?!.

— Ничего не значитъ!

Мы просили его Христомъ-Богомъ съѣздить къ попечителю. На другой день мы явились за отвѣтомъ.

— Ну, mesdames,—сказалъ смотритель тономъ соболѣзнованія,—вы меня не вините—я тутъ не причемъ—попечитель сказалъ мнѣ: «Если хотите лишиться мѣста—отдайте помѣщеніе подъ школу». Вы сами посудите—я человѣкъ женатый, у меня дѣти!...

— Что же намъ дѣлать?!—сказала я, глядя на него, тономъ полнаго и глубокаго отчаянія...

Доброе сердце смотрителя, повидимому, отозвалось на этотъ вопль.

— Вотъ что я вамъ посовѣтую, — сказалъ онъ, — поѣзжайте къ генеральшѣ В. Попечитель у нихъ другъ

дома—просите ее быть попечительницей школы и оказать вамъ содѣйствіе у попечителя!

Ѣду къ В. Къ счастью, она весьма симпатично отнеслась къ моей просьбѣ и охотно вызвалась ходатайствовать. Причемъ, впрочемъ, попросила меня тутъ же написать ей списокъ участвующихъ лицъ.

Взявшись за перо и изображая дрожащей отъ волненія рукой званія и фамиліи нашихъ честныхъ труженицъ, я думала: «Боже мой! почему передъ каждой изъ васъ я не могу поставить какого-нибудь титула и оградить отъ участи быть вычеркнутой изъ списка».

На другой день В. передала мнѣ, что попечитель согласенъ и съ удовольствіемъ даетъ право на помѣщеніе. Мы поѣхали съ Е. И. сообщить объ этомъ смотрителю.

— Какъ бы не такъ,—сказалъ онъ,—такъ вотъ я ему и повѣрю, онъ вамъ тамъ, барынямъ, говоритъ одно, а меня турнетъ послѣ съ мѣста. Привезите-ка мнѣ письменное удостовѣреніе!..

Ѣду опять къ В. Ѣдетъ она опять къ попечителю и привозитъ письменное удостовѣреніе. Это письменное удостовѣреніе хранится у меня до сихъ поръ при дѣлахъ школы. Везу я его смотрителю, убаюкивая себя сладостной мыслью, что, наконецъ, мои страданія кончены.

Смотритель взялъ бумагу, поглядѣлъ на нее пристально, сказалъ:

— Да! Это его рука!—и возвращая мнѣ добавилъ:—Вы желаете сдѣлать открытіе школы въ воскресенье, между тѣмъ, мнѣ говорили, что вы не имѣете диплома!

— Какъ диплома!?—сказала я, чуть держась на ногахъ.—Я думала, что необходимо только выхлопотать разрѣшеніе... Помилуйте, я восемь лѣтъ занималась обученіемъ дѣтей!..

— Это ничего не значитъ,—отвѣчалъ смотритель,—необходимо держать экзаменъ!

— Какой? у кого? изъ чего?

— При училищномъ совѣтѣ: изъ русскаго языка, ариѳметики и Закона Божія!

По случаю моего экзамена открытіе школы отложилось еще на мѣсяцъ.

Трепетно перебирая въ умѣ своемъ всѣ молитвы и заповѣди, шла я на экзаменъ.

За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли смотритель, священникъ и предсѣдатель училищнаго совѣта профессоръ Делярю.

Подойдя къ столу, я взялась за уголъ его, боясь упасть. Вѣроятно, предсѣдатель понялъ это и поспѣшно поставилъ мнѣ стулъ.

Я сѣла.

Мысль, что отъ каждаго моего слова зависитъ «быть или не быть», какъ-то болѣзненно давила меня, я чувствовала слезы въ горлѣ и готова была расплакаться.

Предсѣдатель очень развязно и очень учтиво попросилъ у меня позволенія курить, придвинулъ ко мнѣ нѣсколько стулъ и спросилъ голосомъ стараго знакомаго:

— Скажите, пожалуйста, какія руководства вы предполагаете ввести въ вашу школу, и какія именно матеріальныя и нравственныя средства имѣете ввиду?»

Этого вопроса довольно было, чтобы задѣть меня за живое и дать другое направленіе моимъ мыслямъ.

Забывши весь ужасъ экзамена, я съ жаромъ и увлеченіемъ стала разсказывать ему о нашихъ планахъ и мечтахъ.—Я видѣла передъ собою человѣка, нравственно заинтересованнаго дѣломъ — передо мною не было предсѣдателя.

Въ это время смотритель окончилъ какую-то бумагу, приложилъ къ ней печать и подалъ ее предсѣдателю.

— Это ваше свидѣтельство на право преподаванія!—сказалъ онъ мнѣ учтиво, передавая бумагу. Я чуть не заплакала отъ радости...

И теперь время отъ времени я гляжу въ шкатулку, чтобы справиться, цѣло ли оно—это свидѣтельство, такъ дорого оно мнѣ досталось...

Да, оно цѣло — его теперь никто, никогда не отниметъ отъ меня... но зато нѣтъ у меня прежняго здоровья, нѣтъ у меня прежнихъ силъ и... прежней энергіи, хотѣла было сказать я, но — это неправда! Она не покидаетъ меня, эта энергія, и, когда я говорю о школѣ, я чувствую себя здоровѣе и сильнѣе самаго здороваго и сильнаго человѣка...

Письмо къ И—ой.

14 августа 1872 года.

Вашъ «обвинительный актъ» нисколько не огорчилъ и не оскорбилъ меня. И до этого мнѣ часто приходилось слышать тѣ же самыя обвиненія—ими неразъ язвили люди мое и безъ того больное сердце,—язвили потому, что я люблю людей и не могу оставаться равнодушной къ ихъ злобѣ и недоброжелательству. Наконецъ, я нѣсколько освоилась съ этимъ, чувствительность притупилась, и я стала почти равнодушно и часто молча выслушивать эти обвиненія.

Но молчать передъ вами я не могу. Молчать въ смыслѣ не оправдываться мы можемъ только передъ людьми, расположеніемъ которыхъ не дорожимъ,—передъ людьми, которые часто сами не вѣрятъ въ то, о чемъ говорятъ, и говорятъ для того только, чтобы язвить человѣка. Кромѣ того, въ ваши юные годы вы не могли еще достигнуть той самостоятельности, которая въ состояніи спасти васъ отъ колебаній и сомнѣній; общественное мнѣніе имѣетъ еще въ глазахъ вашихъ огромное значеніе; вотъ почему я не могу оставить письмо ваше безъ отвѣта и постараюсь побесѣдовать съ вами со всею искренностью честнаго человѣка.

Пунктъ 1. Общественное мнѣніе обвиняетъ меня въ самолюбіи.

Обвиненіе утверждаетъ, что я вышла изъ Общества Грамотности потому, что меня оскорбили. Это совершенно вѣрно, и этого совершенно достаточно для порядочнаго человѣка, чтобы удалиться. Зачѣмъ же, находя очевидную причину, оно дѣлаетъ натяжки, говоря: «чтобы трудиться отдѣльно и быть замѣтною». Но почему же въ такомъ случаѣ я не могла начать этимъ, а не кончить? Неужели для

того только, чтобы наткнуться на оскорбленіе?! Но такъ или иначе, фактъ совершился—я получила оскорбленіе и вышла... Что же мнѣ оставалось дѣлать? Неужели опустить руки и бездѣйствовать?!.

Доказательствомъ тому, что я до оскорбленія не предполагала работать отдѣльно, служитъ то, что за нѣсколько дней до выхода изъ воскресной школы Общества Грамотности я входила въ нее, спокойная и счастливая, съ кипою книгъ, привезенныхъ мною изъ Петербурга.

Это ли не доказательство!?

Пунктъ 2. Увлеченіе учительницами.

Да! я увлекаюсь нашими учительницами, я люблю, я уважаю ихъ, но... возможно ли иначе?!. Возможно ли не уважать труженицу Чирикову, посвящающую доброму дѣлу свой единственный свободный день?! Возможно ли не благоговѣть передъ самоотверженіемъ Томашевской?! Возможно ли не увлекаться юнымъ задоромъ Ивановой, съ которымъ она относится къ дѣлу?! Но развѣ это не факты, передъ которыми способенъ благоговѣть каждый человѣкъ, не только заинтересованный лично въ дѣлѣ, какъ я, а ознакомившійся съ ними по слухамъ, какъ положимъ Миропольскій—онъ не участникъ въ нашемъ дѣлѣ, но онъ любитъ школу вообще, и эта любовь вызываетъ симпатію и сочувствіе...

Но развѣ это не факты, способные создать увлеченіе, и не въ такомъ даже увлекающемся субъектѣ, какъ я?! И неужели любовь къ учительницамъ можно смѣшать съ себялюбіемъ, какъ смѣшиваете вы...

Пунктъ 3. Небрежность къ своимъ дѣтямъ.

Мнѣ кажется, *результатъ* ни въ чемъ не является такимъ многозначащимъ доказательствомъ, какъ въ дѣлѣ воспитанія. И что же вы видите въ результатѣ?! Вы видите здоровыхъ, краснощекихъ, веселыхъ дѣтей, съ полною откровенностью и любовью относящихся къ своей выкормившей ихъ «мамкѣ», вы видите дѣтей, въ которыхъ развита правдивость, подѣльчивость, взаимная любовь и дружба... Это ли не краснорѣчивый результатъ, вопіющій противъ взводимыхъ на меня обвиненій?! Посмотрите вы

на ту страстную охоту, съ которою Митя принимается за ученье, съ какимъ интересомъ спрашиваетъ онъ каждый день: «не середа ли нынче, или суббота?» (дни, въ которые я занимаюсь съ нимъ). Вчера онъ говоритъ мнѣ: «Мама! когда я буду именинникъ, не дари мнѣ игрушекъ, а лучше учи меня цѣлый день!» Этого не скажетъ заброшенный ребенокъ забросившей его матери!.. Когда я плачу, я должна прятаться, потому что моя трехлѣтняя Галя плачетъ со мною. Когда у меня сильно болѣло сердце, Митю ничѣмъ не могли успокоить съ вечера—онъ горько плакалъ и говорилъ: «Я вижу маму въ гробу... Она умретъ... Мнѣ жаль ее»... Галя, какъ святыню, сохраняетъ мои письма къ ней изъ Петербурга...

А если я чувствую потребность удѣлить нѣсколько часовъ въ недѣлю *чужимъ* дѣтямъ, незнающимъ родительской ласки, если я люблю, если я учу этихъ дѣтей,—неужели это преступленіе?! Неужели когда-нибудь мои дѣти поставятъ мнѣ это въ упрекъ?! Нѣтъ! Никогда!..

При мысли о смерти и о дѣтяхъ мнѣ становится необыкновенно отрадно отъ сознанія, что я завѣщаю имъ хорошую память о себѣ, что опоэтизированный временемъ образъ мой явится передъ ними свѣтлымъ образомъ матери — не эгоистки, — матери, въ сердцѣ которой нашелся уголокъ для любви къ бѣднымъ, заброшеннымъ дѣтямъ. Я вѣрю даже, что это воспоминаніе разовьетъ въ нихъ симпатію къ той же дѣятельности, и такимъ образомъ, *стремленія* мои не умрутъ съ моимъ тѣломъ.

Нѣтъ, Саша, не вѣрьте, что я не люблю дѣтей!.. Подумайте, похоже ли это на меня, увлекающуюся, нервную и любящую?!

Пунктъ 4. Поклоненіе авторитетамъ.

Это пунктъ, въ которомъ я всегда сама обвиняю себя... Но такъ ли это?! Происходитъ ли это отъ тупой вѣры въ громкія имена, отъ ограниченности взглядовъ, отъ неспособности къ анализу и т. д.?! Нѣтъ! это все тотъ же продуктъ увлекающихся натуръ (къ числу которыхъ, къ несчастію, принадлежу и я), это все та же пища горячихъ темпераментовъ... Они не могутъ не увлекаться, не покло-

няться, не волноваться—это ихъ жизнь!.. Не потому покло-
няются они авторитету, что онъ авторитетъ, нѣтъ... они ищутъ въ жизни живыхъ идеаловъ своего живого воображенія, способны опоэтизировать каждаго выдвинувшагося изъ толпы человѣка, способны возвести его на пьедесталъ и потомъ съ той же горячностью свергнуть его, чтобъ поклониться новому...

Я сказала все, что хотѣла сказать... Теперь можете произнести надо мною приговоръ, какой хотите.

Х. А.

Раненые въ Харьковѣ.

(Изъ дневника во время Турецкой войны).

21 октября 1877 г.

Мы возвратились съ дачи 1 сентября. Еще тамъ я мечтала о помощи раненымъ. Вопросъ, гдѣ я пристроюсь, съ кѣмъ и какъ, очень занималъ меня. Съ первыхъ дней по пріѣздѣ я побывала во всѣхъ больницахъ и пристроилась въ торжественномъ залѣ университета. Вопросъ, не была ли бы я полезнѣе въ другой больницѣ, не тревожитъ меня—я отдаю все, что могу—и душу, и время, и деньги въ томъ размѣрѣ, въ какомъ только я въ силахъ дать, а отдаю ли я ихъ здѣсь или въ другой и третьей больницѣ, не все ли равно?!

Но вотъ что странно: какъ ни были сильны впечатлѣнія первыхъ дней, я не занесла ихъ въ дневникъ. Почему? Именно потому, вѣроятно, что они были слишкомъ сильны. Я закружилась, засуетилась, заметалась до невозможности даже отдать себѣ отчетъ. На дачѣ являлись вопросы и вопросы, а здѣсь жизнь предъявляла живые, несомнѣнные отвѣты. Такъ, напр., на дачѣ былъ такой вопросъ, гдѣ я нужнѣе: у интеллигентнаго больного или у солдатъ? Я думала такъ: къ солдатамъ пойдутъ многіе, если не всѣ—тамъ больше вопіющихъ страданій, тамъ нужда, горе и лишенія громче кричатъ; я и сама больше люблю народъ, меня больше тянетъ къ нему, чѣмъ къ „паничамъ". Но такъ ли это? Не жальче ли цивилизованный искалѣченный человѣкъ? Не глубже ли чувствуетъ онъ свое увѣчье? Не болѣе ли одинокъ онъ вдали отъ изнѣжившей его семьи? И кто можетъ откликнуться на всѣ эти сердечные стоны,

кто можетъ участіемъ напомнить семью, у кого найдется искреннее слово утѣшенія, кто способенъ къ задушевной бесѣдѣ, къ обмѣну мыслей и т. п. Не долженъ ли онъ итти туда, къ этому менѣе эффектному и болѣе глубокому нравственному страданію? И я была и тамъ и тамъ, и что же отвѣтила мнѣ жизнь? У офицерской больницы стояли коляски и кареты; просторныя комнаты вмѣщали по 2, по 3 человѣка; на столахъ стояли торты и пирожныя; больные лежали въ роскошныхъ халатахъ, и когда я вошла съ моей корзинкой варенья, меня встрѣтили такіе высокомѣрные взгляды, что я готова была провалиться сквозь землю. Съ тѣхъ поръ я не входила болѣе въ офицерскую больницу, а что я видѣла у солдатъ, покажутъ послѣдующія замѣтки моего дневника.

Въ заключеніе скажу одно, что, если существуетъ теплота сердечная, честность, поэзія, задушевность, искренность, чистосердечіе, то это именно среди простого народа. Если вѣрить въ будущность Россіи, то только полагая всѣ надежды на этотъ отважный, великодушный, самоотверженный народъ. Если ждать Мессіи, который спасетъ насъ, то только изъ него.

Таковы мои впечатлѣнія.

Существуетъ мнѣніе между близкими мнѣ людьми, будто у меня слабые нервы, но мнѣ не хочется этому вѣрить. Мнѣ казалось всегда, что болѣзнь моя—впечатлительность, а не нервность. Я легко плачу отъ воображаемаго горя надъ романомъ и остаюсь совершенно спокойна при внезапномъ стукѣ, крикѣ, при всемъ томъ, чего не выносятъ люди съ слабыми нервами. Но если уже необходимо назвать меня нервною, то никогда, кажется, нервы мои не были такъ натянуты, какъ въ эти послѣдніе дни. Четверо больныхъ дѣтей—это что-то ужасное—тутъ все: и страхъ за ихъ жизнь, и страданіе за ихъ страданія, и раздражительность за капризы и непослушаніе, и упреки себѣ, горькіе упреки потомъ за эту непозволительную, негуманную раздражительность. Однимъ словомъ, все осложняющее и безъ того тяжелое, реальное горе.

Благодаря этимъ болѣзнямъ, я двѣ недѣли не была въ больницѣ или, лучше сказать, не позволяла быть. Причинная теорія была такова: нельзя же бросить этихъ маленькихъ страдальцевъ, взывающихъ безпрестанно: „мама! мама!“ и итти къ чужимъ неизвѣстнымъ людямъ. Но тянуло ли меня туда? Это вопросъ, на который я должна сказать, отвѣчая искренно,—тянуло.

Мнѣ думалось: «этотъ Барбулисъ, ожидающій меня писать отвѣтное письмо, этотъ казакъ съ $41^3/_4{}^\circ$ температуры, ожидающій, быть-можетъ, передъ смертью, нѣтъ ли вѣстей отъ любимой беременной жены, этотъ дизентерикъ Галаганъ, тоже ведущій черезъ меня переписку, изсохшее лицо котораго начинаетъ обыкновенно проясняться улыбкой при видѣ меня,—всѣ они, ей Богу, несчастнѣе моихъ больныхъ дѣтей—здѣсь и отецъ, и няня, и тепло, и уютно, а тамъ? И вотъ, однако, несмотря на этотъ сердечный протестъ, я выдержала себя двѣ недѣли подлѣ дѣтей и сегодня въ первый разъ по возобновленіи собиралась на дежурство. Я была благоразумна: не поѣду, говорила я себѣ, рано, какъ обыкновенно въ 9 часовъ къ перевязкѣ; надо уснуть хорошенько, привести себя въ порядокъ, вонъ уже сколько ночей я не спала. Поѣду, какъ ѣздятъ всѣ дежурныя дамы, къ 12, къ обѣду. Но ночь я не спала попрежнему, подъ утро уснула тяжело, тревожно. Однако, характеръ выдержала и поѣхала ровно въ 12 часовъ.

Перевязка окончилась. Сестра милосердія вытирала хирургическіе инструменты.

— Были операціи?—спросила я.

— Да! Вонъ тому отрѣзали два пальца на ногѣ!—И она указала мнѣ на кровать незнакомаго мнѣ больного, прибывшаго въ больницу безъ меня.

Я подошла ближе. Больной метался и стоналъ; у кровати краснѣлась лужица крови. Я приподняла одѣяло. Несмотря на два пузыря со льдомъ, кровь такъ и просачивалась черезъ тряпку, простыня вся уже была въ крови. Я взглянула на сестру милосердія—она была блѣдна, какъ полотно.

— Почему ординаторъ ушелъ такъ скоро послѣ операціи?—спросила я.

— Почему?—сказала она, махнувши отчаянно рукою.—Вы видѣли, кого намъ назначили въ ординаторы?! Онъ самъ боится дотронуться до раны, хуже насъ!

Тутъ я въ самомъ дѣлѣ вспомнила, что при входѣ была непріятно поражена нѣсколько знакомой мнѣ смазливой фигуркой доктора Г., напечатавшаго недавно съ горя объявленіе, что онъ принимаетъ у себя «секретныхъ» больныхъ, такъ какъ «несекретные», говорятъ, къ нему не идутъ.

— Что жъ намъ дѣлать?—повторяли мы, растерявшись и видя, что человѣкъ исходитъ кровью: послать за Г.—все равно что ничего; за З., но его навѣрное не застанутъ—онъ теперь въ баракахъ.

— Бѣгите въ клинику за прежнимъ нашимъ ординаторомъ К.!—сказала я сестрѣ.

— Не пойдетъ! Они во враждѣ; къ тому же мы не имѣемъ права звать чужого ординатора!

— Господи! Какое тутъ право—человѣкъ умираетъ—вотъ вамъ и право!

И она побѣжала.

Лицо и вся фигура сестры были слишкомъ выразительны, чтобы отказаться притти, и К. пришелъ, хотя первымъ словомъ его было: «Ну, посмотрите, какъ вамъ достанется отъ Г., что вы меня позвали».

Онъ смѣло стащилъ пинцетомъ корпій, несмотря на раздирающіе стоны больного, и явственно указалъ намъ на тотъ ручеекъ, изъ котораго, напоминая крымскіе фонтаны, лилась кровь; но когда онъ снова сталъ запихивать какъ можно глубже корпій въ это разрѣзанное, свѣжее человѣческое мясо, крики больного дошли до неистовства, и его едва могли удержать въ постели пять человѣкъ.

Я чувствовала, что я вся похолодѣла, и прижалась къ колоннѣ на случай обморока. Въ глазахъ у меня, среди крови, то мелькалъ и искрился на пальцѣ доктора брильянтъ, взятый имъ, вѣроятно, въ приданое за богатой дочерью купца, на которой онъ недавно женился, то одно слово явственно написанное на дощечкѣ у постели больного: «магометанинъ». И брильянтъ и это слово какъ-то болѣзненно давили мнѣ сердце, особенно слово. Мысль, что

онъ раненъ своимъ—магометаниномъ, какъ-то особенно давила меня, точно больному было бы легче, если бы его ранилъ православный!

К. работалъ совершенно спокойно, это было видно и по его здоровому, чуть ли не улыбающемуся лицу, и по крѣпкимъ ниразу не дрогнувшимъ рукамъ; странное дѣло, все это цѣнится въ хирургѣ, и въ то же время дико и жутко видѣть человѣка, спокойно засовывающаго руку въ рану такого же человѣка, въ то время, какъ тотъ испускаетъ неистовые крики, раздирающіе душу.

К. окончилъ работу и отправился мыть руки. Я пошла вслѣдъ за нимъ и жаловалась на небрежность нашего ординатора.

— Помилуйте,—отвѣчалъ К. спокойно,—онъ не виноватъ, человѣку не дали никакого комфорта—нѣтъ отдѣльной комнаты!

К. показался мнѣ очень гадокъ въ эту минуту съ его брильянтомъ на пальцѣ.

Желая заглушить въ себѣ сколько-нибудь это тяжелое впечатлѣніе, я подошла къ своему любимцу Галагану съ письмомъ отъ его родныхъ на мое имя со вложеніемъ одного рубля. Онъ прослушалъ письмо съ довольнымъ видомъ; слезъ, какъ при полученіи перваго письма, на этотъ разъ не было, и я принялась писать отвѣтъ.

«Дорогіе мои родители,—диктовалъ мнѣ Галаганъ,—если вы сами нуждаетесь въ деньгахъ, не высылайте мнѣ, Бога ради, ничего—какъ-нибудь обойдусь, а если можете выслать, не обижая себя самихъ, то вышлите. У меня нѣтъ теплыхъ штановъ и одинъ только сапогъ; когда ранили, то все осталось тамъ.—Сапогъ парный можно заказать, если не отнимутъ ноги, а штаны, какъ самимъ вамъ извѣстно, стоятъ очень дорого».

Не успѣла я окончить письмо, какъ меня позвали разливать супъ.

Продолженіе того же утра.

Разносили обѣдъ. Вошла сестра милосердія и, называя по фамиліи больного, сказала: «Отецъ твой пришелъ!» Боль-

ной заметался, засуетился и, съ крикомъ коснувшись постели больными пальцами ноги, закричалъ: «Костыли, костыли, Христа ради!» [1]).

Его старались успокоить. Въ это время въ дверяхъ показался маленькій, сгорбленный старичекъ—мужичекъ, въ старенькой-престаренькой свитѣ. Маленькіе слезливые глазки искали родного лица. Завидя сына, онъ бросился къ нему. Огромный парень-сынъ вскинулъ на него руки и такъ громко, такъ порывисто зарыдалъ, что сердце дрогнуло вчужѣ. Не знаю, плакалъ ли старичекъ—его слезливые глазки продолжали слезиться, а, можетъ-быть, онъ и вошелъ плача—трудно было это разобрать на этомъ собранномъ въ кулачекъ, морщинистомъ личикѣ, но когда сынъ выпустилъ его изъ своихъ объятій, и они сѣли рядомъ на скамеечкѣ, отецъ впился въ него своими глазками такъ, что, казалось, никакія силы не могли бы его оторвать. Погодя немного, онъ засуетился: «Господи! и забылъ сумочку! Гдѣ жъ моя сумочка? Тамъ гостинцы!»—«Сидите! сидите!—сказалъ сынъ, удерживая его,—послѣ!»—Сестра милосердія бросилась въ сѣни и принесла дырявый мѣшечекъ,—такой же дырявый, заплатанный и испачканный, какъ и вся убогая одежда старичка. Сынъ поднялъ мѣшечекъ съ полу и сказалъ голосомъ, полнымъ участія и страданія:—«И это вы тащили 150 верстъ пѣшкомъ!»

Старичекъ съ лукавою улыбкою развязалъ мѣшечекъ и вытащилъ изъ него огромную паляницу, арбузъ и вязку бубликовъ.

«Это тебѣ мать спекла,—сказалъ онъ, подавая паляницу.—Сама хотѣла итти—вотъ какъ! Да не взялъ! Куды ей дойти полтораста верстъ—пристанетъ и меня свяжетъ. Я-то и самъ какъ доплелся,—Богъ его знаетъ,—сколько разъ падалъ, темно—думалъ, не подымусь! Сколько дождь мочилъ! Ну, слава Богу, дошелъ и бу-

---

[1]) Онъ раненъ въ голову, но послѣдствіемъ этой раны было развитіе гангрены на пальцахъ ноги; всѣ они посинѣли, а одинъ отвалился самъ собою.

блички цѣлыми донесъ! У васъ тутъ, въ городѣ, ей Богу, нѣтъ такихъ вкусныхъ!»

Сынъ взялъ хлѣбъ въ руки, перекрестился и поцѣловалъ его. И, Боже мой, сколько трагизма было въ этомъ обрядѣ—этотъ хлѣбъ-кормилецъ, испеченный матерью умирающаго сына и принесенный старикомъ-отцомъ пѣшкомъ за полтораста верстъ, какъ не перекреститься предъ нимъ, какъ предъ иконой, и не поцѣловать его!

Потомъ отецъ просилъ сына показать рану, и въ его словахъ: «Боже милосердный! Боже милосердный!» слышалось все—и страданье, и надежда, и мольба... Мнѣ такъ было жаль этого бѣднаго старика, такъ больно отъ этой безъисходной нужды, что невыразимо хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь помочь ему, и я очень обрадовалась, вспомнивъ, что у меня въ комодѣ уцѣлѣла еще восьмушка чаю и фунтъ сахару отъ раздачи уходившимъ больнымъ.

— На-те вамъ на дорогу,—сказала я,—погрѣетесь, какъ позябнете. У насъ это всѣмъ даютъ на дорогу,—прибавила я, видя, что онъ почему-то колеблется взять.

— Сударыня, лучше вы не давайте ихъ мнѣ,—сказалъ старикъ заискивающимъ тономъ,—только позвольте, ради Бога, съѣсть ему кусочекъ арбуза, а то, говоритъ, не позволяютъ. Будьте такія добрыя—позвольте!

Я подозвала сестру милосердія, и, посовѣщавшись, мы разрѣшили сыну съѣсть кусочекъ.

Вечеромъ я опять была въ больницѣ и опять желаніе помочь чѣмъ-нибудь бѣднягѣ преслѣдовало меня. Мы привыкли къ палліативамъ, къ подачкамъ, и я дала ему 3 рубля—что жъ! можетъ-быть, для него это сила денегъ въ данную минуту! Вѣдь это должно хоть сколько-нибудь удовлетворять нравственное чувство, хоть сколько-нибудь заспокаивать! Отчего же болитъ во мнѣ эта рана состраданія? Отчего не дѣйствуютъ на нее нималѣйше эти палліативныя мѣры? Отчего? Оттого, что изъ-за этого мужичка, грезится мнѣ, смотрятъ тысячи, милліоны такихъ же слезливыхъ глазъ такихъ же оборванныхъ свитокъ, такихъ же убогихъ мѣшечковъ съ паляницами, и не помочь имъ моимъ жалкимъ тремъ рублямъ и моей восьмушкѣ чаю.

22 октября 1877 г.

Еще одно изъ свѣжихъ воспоминаній.

Съ мѣсяцъ назадъ я была дежурной въ торжественномъ залѣ.

— Привезли больного,—сказалъ вбѣжавшій санитаръ,—да такого великана, что вдвоемъ не подымешь—надо человѣка три!

Черезъ нѣсколько минутъ въ залу внесли дѣйствительно великана. Я никогда не видала такого огромнаго, такого плечистаго человѣка. Мы всѣ окружили его и стали бережно способствовать уложить эту махину на кровать.

Не успѣли мы еще устроить его какъ слѣдуетъ, еще его громадная нога въ гипсѣ нѣсколько свѣшивалась съ постели, а сидѣлка суетилась въ невозможности подыскать бѣлье на его громадный ростъ, какъ онъ крикнулъ густымъ и звучнымъ басомъ:

— Сестрицы! Кто бы мнѣ написалъ поскорѣе письмецо моей хозяюшкѣ-женѣ!?

Я принесла свою походную канцелярію (какъ прозвали солдаты мой столикъ съ письменной шкатулкой) и стала писать.

Онъ диктовалъ и о томъ, что отнялъ знамя, и о томъ, гдѣ и какъ былъ раненъ и какъ получилъ три ордена и карточку великаго князя Николая Николаевича. Изъ словъ его я узнала, что онъ уральскій казакъ.

— Что жъ, по охотѣ пошли на войну?—спросила я, глядя на его красивое, суровое мужественное лицо и черные, какъ смоль, мстительные глаза.

— Какое!—отвѣчалъ онъ.—Силою оторвали отъ хозяйства—годъ какъ женатъ—жену оставилъ беременною. Она у меня красавица, умница, грамотная—увидите, какъ напишетъ!

Ничто такъ не сближаетъ съ человѣкомъ, совсѣмъ чужимъ и незнакомымъ тебѣ, какъ его горе и искренній разсказъ объ этомъ горѣ, особенно письменная передача этого разсказа его близкимъ роднымъ. Въ эти минуты какъ-то сродняешься съ человѣкомъ. Я испытала это много разъ

въ больницѣ. У меня тамъ такой родни человѣкъ двадцать. Какъ войдешь, такъ и чувствуешь на себѣ эти вопросительные взгляды. А нѣтъ ли, молъ, письма? И съ какимъ торжествомъ входишь, когда оно лежитъ въ карманѣ. Тутъ не только несешь радость одному, но и надежду всѣмъ остальнымъ: если онъ получилъ черезъ нее отвѣтъ, такъ, стало-быть, и я получу. Я придумала слѣдующій способъ отправки писемъ: вкладываю въ посылаемое письмо конвертъ съ маркой, на которомъ написанъ мой адресъ съ передачей такому-то, не говоря уже о томъ, что всѣми силами добиваюсь отъ нихъ самихъ правильнаго адреса, что довольно трудно. Одинъ, напримѣръ, Богусловскій ужъ три года на службѣ и ниразу не получалъ отвѣта (хороши писаки, должно-быть, ему писали!), а черезъ меня получилъ, что все дома благополучно и всѣ живы, а онъ считалъ, что всѣ вымерли, а даже за упокой подавалъ. Представьте же себѣ его радость!

Вотъ такимъ-то духовнымъ родствомъ породнилась я и съ казакомъ, когда на третій или четвертый день онъ сказалъ мнѣ:

— А я опять хочу писать—очень нужно!

— Что жъ именно?—спросила я.—Или что позабыли?

— Да вотъ что — хочу просить хозяюшку выслать мнѣ фунтовъ тридцать балыка да фунтовъ десять икры—у насъ тамъ чудесные балыкъ и икра!

— И полноте,—сказала я, не соображая, въ чемъ дѣло,—да вѣдь вамъ не позволятъ ѣсть!

— Да я не для себя!

— И товарищамъ не позволятъ!

— Да и не для товарищей, а ужъ знаю для кого!—сказалъ онъ, и по его суровому, почти жестокому лицу въ первый разъ скользнула улыбка.

Тутъ я догадалась, въ чемъ дѣло, и мнѣ стало очень совѣстно: брать подарки, гостинцы отъ нихъ, отъ этихъ раненыхъ, да что жъ это такое?! И я стала отклонять его всѣми мѣрами: я говорила, что все это испортится, пока дойдетъ, а онъ отвѣчалъ, что соленое такъ скоро не портится; я говорила, что пересылка будетъ стоить страшно

дорого, а онъ отвѣчалъ, что это ничего не значитъ, что у нихъ, слава Богу, хозяйство—полная чаша! Я говорила, что въ Харьковѣ у насъ есть хорошіе балыкъ и икра, а онъ отвѣчалъ, что это ничего не значитъ, что въ Харьковѣ не можетъ быть такихъ. Въ концѣ-концовъ мнѣ удалось только склонить его, по крайней мѣрѣ, выписать вполовину меньше.

Во время моего двухнедѣльнаго отсутствія изъ-за болѣзни дѣтей рана казака дѣлала успѣхи и кончилась гангреной. Рѣшили отрѣзать ногу, и такъ какъ подобную операцію невозможно дѣлать на глазахъ у другихъ больныхъ—въ торжественномъ залѣ, то его перевели въ бараки въ отдѣльную комнату при № 1.

Вчера получаю объявленіе съ почты: посылка на 8 руб., сегодня посылку. Надписано: казаку Петру Ходину отъ казачки Евдокіи Ходиной. Оторвавшись отъ дѣтей, лечу съ замираніемъ сердца въ бараки.

— Живъ ли онъ и застанетъ ли его еще эта радость или нѣтъ, а иначе, что я буду дѣлать съ этой фатальной посылкой!

Вхожу въ первый номеръ, къ симпатичной сестрѣ милосердія Г.

— Что казакъ?

— Отняли вчера ногу!

— Температура?

— Пока 39. Они всегда порядочно чувствуютъ себя сгоряча!

— Какъ вы думаете, не встревожитъ ли его радость? Можно ли отдать посылку?

— Я того мнѣнія, что радость никогда не вредитъ человѣку!

И мы вмѣстѣ понесли посылку и вмѣстѣ раскупорили.

— Слушайте, сестрица,—сказалъ онъ, обращаясь къ Г.,—прошу васъ раздѣлить пополамъ — половину доктору З., а половину вотъ имъ...—и онъ указалъ на меня.

Опять эта фальшивая, быть-можетъ, совѣстливость обуяла меня, но отказаться я не смѣла, глядя въ это торжествующее, вспыхнувшее даже краской радости лицо, и въ эти глаза, говорившіе: «разумѣется, возьмите!»

Мнѣ удалось только опять взять меньше и бо́льшую нравственную муку совѣстливости оставить на долю З. Не знаю, какъ онъ поступитъ,—дай Богъ, чтобы не оскорбилъ бѣдняка отказомъ.

Но было тутъ и́ горе — не оказалось письма. Ужъ какъ ни шарилъ нашъ бѣдолага и подъ балыкомъ, и подъ закоптившимися бумагами — нигдѣ! Я придумала послать телеграмму, и онъ очень этому обрадовался.

— Что жъ телеграфировать, что отняли ногу? — безтактно спросила я.

— Боже упаси! Испугается до смерти! — и больной замахалъ руками.—Пишите такъ,— продолжалъ онъ,—съ подходомъ, можетъ, догадается: лежу, молъ, какъ соколъ съ отрубленнымъ крыломъ, и не быть мнѣ уже тебѣ помощникомъ, какимъ былъ прежде, и не бѣгать мнѣ по хозяйству, какъ бѣгалъ прежде. Пожалуйста, такъ — авось догадается — меньше страху.

Когда мы вышли, Г. сказала мнѣ: «Напрасно вы упомянули о ногѣ — это обстоятельство страшно мучитъ его, и мы стараемся, насколько это возможно, отвлекать его отъ этой мысли. Ночью онъ все кричитъ: «Покажите мнѣ ногу! Покажите мнѣ мою ногу! Я вижу, на ней пальцы шевелятся!» И если бы вы видѣли, что это за нога! Ей Богу, съ меня ростомъ!—сказала она, подсмѣиваясь надъ своимъ маленькимъ ростомъ.

23 октября 1877 г.

Сегодня получила письмо отъ жены казака, и такъ какъ была дежурною въ торжественномъ залѣ, то отправила его въ бараки. Говорятъ, нашъ великанъ плакалъ, слушая трогательный разсказъ жены о томъ, какъ она безъ него въ одиночку собирала сѣно и какъ кормила его любимыхъ лошадей.

24 октября 1877 г.

Дѣло сестеръ милосердія у насъ новое дѣло, поэтому типъ сестры милосердія, общій типъ еще не создался; тѣмъ не менѣе, вы все-таки можете вывести нѣкоторую характе-

ристику, всматриваясь и наблюдая. Прежде всего бросается въ глаза большинство — это беззаботныя, веселыя, здоровыя молодыя дѣвушки, идущія на эту трудную работу, какъ на праздникъ. Ихъ веселый смѣхъ заглушаетъ подавленные стоны раненыхъ, ихъ лица напоминаютъ раутъ, вмѣсто больницы. Этотъ смѣхъ, это веселье даже какъ-то оскорбляетъ васъ, если только вы человѣкъ впечатлительный, и напрасно вы стараетесь оправдать ихъ годами юности. Вамъ думается: откуда этотъ смѣхъ? зачѣмъ? къ чему? мѣсто ли ему тутъ, среди этихъ страданій?! чему радоваться? или въ самомъ дѣлѣ женщинѣ настолько загорожены въ жизни всѣ пути, что это сознаніе неожиданной возможности быть полезной такъ захватываетъ всего человѣка, что даже является самодовольство и смѣхъ. Я знала изъ этихъ «веселыхъ» одну сестру, которая обыкновенно такъ начинала свой разсказъ: «это было такъ весело! такъ весело — приходитъ санитарный поѣздъ съ тяжело ранеными» и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ другой типъ — сестеръ-педантовъ, если можно такъ выразиться. Онѣ слышали, учились и занимались столько же, сколько и веселыя сестры, но вообразили себя чуть ни хирургами и жестоко эксплуатируютъ тѣ научные термины, которые стали имъ извѣстны два-три мѣсяца назадъ. Онѣ работаютъ добросовѣстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ воображаютъ, что только имъ однимъ доступна эта работа, и на обыкновенныхъ смертныхъ смотрятъ съ самоувѣренностью и высокомѣріемъ невѣжества.

— Позвольте мнѣ складывать марлю вшестеро! — сказала я однажды въ простотѣ души одной изъ такихъ сестеръ, опираясь на пословицу «не святые горшки лѣпятъ», и протянула было уже руку (это было еще до того, какъ я прослушала рядъ лекцій въ клиникѣ Грубе).

— Нѣтъ! нѣтъ! — воскликнула она, чуть не съ ужасомъ отстраняя меня. — Боже сохрани — у насъ это дѣлается по правиламъ.

Третій разрядъ «наемницы», распознать ихъ весьма легко. — «Да, — говорила мнѣ какъ-то одна изъ нихъ, въ высшей степени добродушная дѣвушка, — если бы мои родные не разорились, никогда бы я не дошла до этого униженія».

Каково это слышать въ самое горячее время увлеченія миссіей сестры милосердія и жажды подвиговъ!

Другой случай еще характернѣе: слышу—въ одной изъ больницъ нѣтъ иригаторовъ. Везу. Встрѣчаетъ меня сестра — веселая, грязная, растрепанная, съ чепцомъ на боку. Объясняю цѣль посѣщенія.

— Ахъ, нѣтъ!—говоритъ она.—Намъ иригаторовъ совсѣмъ не нужно, а вотъ, если бы вы привезли варенья моимъ тифознымъ!

Ѣду съ иригаторами дальше, а на другой день узнаю завѣрное отъ доктора, что тамъ, въ этой больницѣ, поливаютъ раны чайниками за отсутствіемъ иригаторовъ.

Четвертый типъ—это «искательницы приключеній» всевозможныхъ сословій, начиная съ генеральскаго и кончая мѣщанскимъ. «Когда насъ пошлютъ за Дунай!» повторяютъ онѣ, какъ попугаи, хоромъ, куря папиросы и ровно ничего не дѣлая въ больницѣ временнаго мѣстопребыванія, въ которой масса дѣла. Вы услышите отъ нихъ романически неправдоподобныя исторіи о страданіяхъ, которыми устланъ былъ ихъ жизненный путь. Это сестры, положительно компрометирующія святое дѣло жаждой интригъ и интересныхъ приключеній, и такъ и кажется, что красный крестъ попалъ на ихъ платье по ошибкѣ...

Пятый... но нѣтъ, къ чему я буду подводить подъ разряды исключенія. Это тѣ святые, тѣ праведники, которыми держался грѣшный городъ, это тѣ люди, божественный огонь которыхъ дѣйствуетъ электрически на толпу, и не будь ихъ, быть-можетъ, всѣ эти полуграмотныя «хирурги»- всѣ эти развеселыя барышни искали бы жениховъ, играли бы въ нигилизмъ и не работали бы тутъ, слѣпо повинуясь какой-то непонятной силѣ, которая проникла въ ихъ кровь, какъ зараза, тронула ихъ грубые нервы и отозвалась въ ихъ индиферентныхъ душахъ.

Такова моя Г. Вотъ ея повѣсть: женихъ — докторъ пошелъ на войну. Пошла бы за нимъ и она, да родные стали уговаривать, отецъ сталъ плакать, да и жениху не хотѣлось загубить эту молодую, изнѣженную, нетронутую жизнь. Осталась, а сердце ноетъ, и не по одномъ женихѣ, а по

всѣмъ этимъ несчастнымъ, искалѣченнымъ, раненымъ. Идетъ на помощь имъ. Опять уговоры, слезы, мольбы... но нѣтъ! Это томленіе, эта жажда подвига сильнѣе страсти къ жениху, сильнѣе всего на свѣтѣ.

— Не выдержите! — говорятъ ей. — Вы изнѣжены, вы нервны!

«Выдержу!» думаетъ она, чувствуя въ душѣ своей такъ много огня, такъ много нравственной силы, какъ никто изъ этихъ равнодушныхъ, тугонервныхъ людей.

И вотъ она работаетъ,—работаетъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ, какъ никто. Примѣръ ея увлекаетъ и заражаетъ другихъ, и только опытный взглядъ въ силахъ замѣтить какую-то ненатуральную лихорадочность во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Она не въ силахъ относиться индиферентно къ окружающимъ явленіямъ — она трепещетъ за исходъ каждой операціи, она плачетъ, видя слезы, она страдаетъ чужими страданіями. Зато и любятъ же ее всѣ эти «труждающіеся и обремененные», зато и умѣетъ же она утѣшить и успокоить ихъ!

Однажды ночью больной чувствуетъ, что исходитъ кровью. Зоветъ. Никто не слышитъ — всѣ крѣпко заснули. Днемъ было много, очень много дѣла, всѣ утомились и спятъ безпробудно. Больной начинаетъ кричать неистово— и боль, и страхъ, и злоба — все слышится въ этомъ крикѣ. Наконецъ, всѣ просыпаются, всѣ вскакиваютъ, всѣ бѣгутъ и видятъ что же: больной мечется и кричитъ на своей койкѣ, но еще болѣе пронзительный и раздирающій душу крикъ слышенъ въ комнатѣ сестры милосердія. Входятъ и видятъ страшный припадокъ истерики — нервы слишкомъ были натянуты и ждали только случая. Къ утру ее отвезли домой, а черезъ недѣлю я опять уже видѣла ее бодрою и энергичною на той же работѣ, только въ движеніяхъ было замѣтно еще болѣе нервности, а взглядъ горѣлъ еще лихорадочнѣе!

29 октября 1877 г.

Вчера я была дежурною въ торжественномъ залѣ и написала письмо къ брату того раненаго Коваленки, къ кото-

рому приходилъ старичекъ-отецъ, но вышло недоразумѣніе: когда я надписала на письмѣ «Коваленко», больной сказалъ мнѣ: «Ахъ, нѣтъ — онъ мнѣ не братъ — мы только такъ зовемся братьями — служили вмѣстѣ и подружили, ну, теперь онъ мнѣ все равно, что братъ, а фамилія-таки другая». И онъ назвалъ фамилію. Я переписала письмо и отослала на почту.

Захожу сегодня на минуту навѣстить больныхъ и вижу у моего Коваленки сидитъ солдатъ въ ногахъ. Подхожу.

— Вотъ посмотрите, сударыня,—говоритъ онъ, весь сіяя изъ-подъ своей головной повязки,—мы ему вчера написали, а онъ вотъ онъ самъ — легокъ на поминѣ, пожаловалъ за сколько сотъ верстъ, ну, не братъ ли онъ мнѣ послѣ этого!

Я съ благоговѣніемъ взглянула на этого загорѣлаго солдатика въ потертой шинели и подумала: «Да, врядъ ли цивилизація выработала въ насъ такого рода дружбу!»

2 ноября 1877 г.

Сегодня привезли новыхъ раненыхъ. Обыкновенно у нихъ отбираютъ всѣ ихъ пожитки, въ томъ числѣ и ордена, складываютъ въ узелъ, намѣчаютъ и прячутъ въ отдѣльное помѣщеніе впредь до выздоровленія.

Во время этой процедуры одинъ больной сунулъ что-то проворно подъ подушку. Докторъ-ординаторъ быстро отправился къ нему и потребовалъ показать. Оказался георгіевскій крестъ.

— Вы должны отдать его въ складъ! — сказалъ сухо ординаторъ.

У больного блеснули на глазахъ слезы. Я вмѣшалась съ просьбой. Безногому калѣкѣ дозволили хранить при себѣ эмблему его храбрости и результатъ его калѣчества.

16 ноября 1877 г.

Отрывокъ изъ солдатскаго письма.

(Послѣ обычныхъ поклоновъ)... «Лежу я теперь въ больницѣ въ Харьковѣ. Раненъ былъ въ поясницу на вылетъ въ лѣвый бокъ 19 іюля за Балканами, и везли меня за 100 верстъ

почти голаго — рубашку мою все рвали на перевязываніе ранъ, а имѣлъ на себѣ одежды одинъ мундиръ, остальное осталось все, гдѣ поранили — какъ шинель, какъ сапоги... Полтора мѣсяца не могъ владѣть ногою — лежалъ недвижно на койкѣ. Отъ брата нашего Михайлы, что былъ со мною въ одномъ полку, съ тѣхъ поръ, какъ меня поранили, никакихъ слуховъ не имѣю. Пропишите мнѣ о хозяйственномъ положеніи все подробно — получаетъ ли жена на себя и дѣтей отъ казны, что слѣдуетъ, а тоже о братѣ-ополченцѣ, потребовали его или нѣтъ».

Отрывокъ изъ отвѣтнаго письма.

«Посылаемъ тебѣ гостинецъ 1 рубль серебромъ, на бо̀льшее не гнѣвайся, потому что денегъ негдѣ взять. На хлѣбъ у насъ неурожай, нечѣмъ обсѣменить поля. Жена твоя отъ казны ничего не получаетъ ни на себя, ни на дѣтей, а если возможно, то похлопочи самъ. Просимъ увѣдомить о полученіи денегъ. Брата-ополченца угнали».

23 ноября 1877 г.

Нѣсколько дней назадъ была я въ больницѣ, и мнѣ сказали, что названный братъ Коваленки выхлопоталъ, чтобы его перевезли въ больницу въ Таганрогъ, такъ какъ тамъ находится жена больного и онъ, нареченный братъ.

Сегодня мнѣ подали письмо изъ Таганрога. Распечатываю — солдатскія каракули. Читаю подпись — Филиппъ Коваленко. Да это онъ — нашъ больной, онъ грамотный и вѣчно, бывало, или читаетъ что-нибудь, или царапаетъ. Въ послѣдніе дни я даже совѣтовала ему уменьшить азартъ къ занятіямъ, глядя на его покрытое красными пятнами лицо. Вѣроятно, раненіе въ голову и безъ того вызываетъ приливы крови. Вотъ его письмо:

«Милостивая государыня!

«Увѣдомляю я васъ, что меня удостоилъ Господь на томъ мѣстѣ быть, на которомъ я утромъ и вечеромъ Богу молился, чтобы Онъ произвелъ меня быть на немъ, и на

которомъ я и прежде при моемъ здоровьѣ получалъ все свое удовольствіе, которое я никогда не думалъ не то видѣть, но и слышать, что какъ встрѣтили меня мои родные и жена, которые такъ много удивили публику своими слезами, что даже товарищи начали говорить: «Ну, это ты теперь попалъ не въ лазаретъ, а въ рай». И посѣтителей у меня по этому случаю теперь каждый день очень много, которые до меня приходятъ—чужихъ, а родные какъ будто здоровья приносятъ, за что и теперь молюся Богу. Еще чувствительно благодарю я васъ, милостивая государыня, за вашу доброту, которой я еще на своей жизни никогда не могъ встрѣчать, за которую не забудетъ васъ Богъ. Затѣмъ прощайте!

Извѣстный вамъ унтеръ-офицеръ

Филиппъ Коваленко».

Отвѣтъ.

«Получила я сегодня ваше письмо и очень жалѣю объ одномъ, что вы ничего не пишете о состояніи вашего здоровья — что ваши пальцы на ногѣ? и что говоритъ о нихъ тамошній докторъ. Такъ какъ я знаю, что вы любите писать, то прошу васъ написать мнѣ объ этомъ, для чего и прилагаю конвертъ съ маркой на мое имя. Мнѣ интересно знать также, много ли раненыхъ теперь въ Таганрогѣ и какъ они содержатся. Радуюсь за васъ, что вы теперь между родными — дай Богъ вамъ поправиться имъ на радость. Благодарю васъ за добрую память обо мнѣ — что дѣлать — теперь такое время, что каждый долженъ помочь другому, чѣмъ можетъ, особенно человѣку больному, раненому. Иначе и передъ Богомъ грѣхъ, и передъ людьми стыдъ.

«Желая вамъ возможно скораго выздоровленія, остаюсь готовая къ услугамъ

Дежурная».

23 ноября 1877 г.

29 ноября 1877 г.

Нѣсколько дней я была больна воспаленіемъ горла и сидѣла дома. Въ эти дни, какъ назло, получились два письма къ наиболѣе несчастнымъ въ больницѣ людямъ Галагану и Петру Иванову.

Еще какъ-то прежде въ своемъ дневникѣ я назвала Галагана «любимцемъ», — что же такое «любимецъ» въ больницѣ? — Это не то что любимецъ у матери! — хотѣла сказать я, но, вдумавшись, рѣшила, что это именно то, что на моемъ вѣку мнѣ часто приходилось видѣть матерей, которыхъ любимцами были уроды-дѣти. Отчего это такъ? Оттого, что у многихъ людей преобладающимъ чувствомъ бываетъ состраданіе. Я думаю, что этому чувству весьма легко развиться въ человѣкѣ, легче, чѣмъ другимъ: на свѣтѣ, кругомъ, такъ много несчастій и горя, что является обширная практика для воспитанія этого чувства, и оно воспитывается.

Галаганъ—худой, больной дизентеріей, сильно раненый, некрасивый, очень-очень бѣдный, что мнѣ извѣстно по письмамъ, имѣетъ всѣ права на званіе любимца изъ состраданія, точно такъ же, какъ и другой мой protégé — Петръ Ивановъ. Онъ боленъ глазами — и на одинъ уже ослѣпъ, а другой загноился, и Богъ вѣсть, будетъ ли цѣлъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ мой послѣдній визитъ въ торжественный залъ. Я отправила имъ письма черезъ посланаго и знала, что они будутъ ждать меня для отвѣтовъ.

Сегодня я пошла въ торжественный залъ и не ошиблась: Галаганъ тотчасъ же набросился на меня съ просьбой о письмѣ.

Написавши письмо Галагану, я перешла къ слѣпому Иванову.—«Ахъ, сударыня, — сказалъ онъ, узнавши меня по голосу и немного раздирая свой загноившійся глазъ,— я уже вижу немножко, вотъ и васъ вижу, а ужъ какъ я признателенъ вамъ за письмо, такъ и выразить не могу—

два года не получалъ. Вотъ, думаю, можетъ, жена считаетъ меня убитымъ — за другого замужъ пошла, а тутъ вотъ тебѣ и радость Господь послалъ... Какъ услышалъ, что вы нездоровы, кое-какъ, до церкви доплелся съ костылемъ — помолился!» И онъ началъ просить меня писать въ два мѣста: въ дѣйствующую армію на имя прапорщика С., куда, какъ оказалось изъ письма, родные посылали ему 4 рубля и въ Балту, въ лазаретъ, 2 рубля.

«То-то какъ получу,—мечталъ онъ, раздвигая ротъ широкою улыбкою,—сразу 6 рублей!»

— Не радуйся очень! — замѣтилъ безрукій товарищъ,— теперь они сохраннѣй, чѣмъ тогда — мигомъ израсходуешь!

Вообще, радость этихъ людей какая-то до наивности чистосердечная, ребяческая, и мотивы ея такъ жалки, что трудно глядѣть на нее безъ слезъ.

Припоминается мнѣ мое первое посѣщеніе въ больницу: оздоровѣвшаго безрукаго солдата снаряжали въ путь; санитаръ, высыпавши изъ мѣшка его запыленные пожитки— какую-то тряпочку, порванную книженку, сломанный частый гребешокъ, разбитое зеркальце въ мѣдной оправѣ и все въ такомъ родѣ—приводилъ ихъ въ порядокъ; сестра милосердія пришивала пуговицу у старой-престарой шинели съ пробитымъ пулею рукавомъ, а онъ, съ усиліемъ натащивши на себя только что подаренную ярко-розовую, шумящую, новую ситцевую рубашку, весь сіялъ отъ радости, любуясь на нее и приправляя пустой рукавъ подъ ремешокъ такъ, чтобы не было замѣтно увѣчья.

— Ну, теперь дома меня примутъ за купца! — острилъ онъ добродушно.

Или дубовые красивые костыли!—да это такая радость, какъ иному пара заводскихъ рысаковъ,—и помину нѣтъ о калѣчествѣ!

Я кончала письмо, когда другая дежурная подошла ко мнѣ.

— Что вы дѣлаете?!—сказала она мнѣ по-французски,— вѣдь онъ зараженный! Возлѣ него очень-очень опасно быть!

— Окончила! — сказала я больному.

Онъ моментально бросился и поцѣловалъ мнѣ руку. Я отшатнулась было, но было уже поздно.

Когда я пріѣхала домой и тщательно мыла руки передъ кормленіемъ ребенка, я думала: «Нѣтъ, отказать ему въ этомъ было бы невозможно, негуманно, даже если бы и можно было предвидѣть, да и опасность въ сущности не реальная, а результатъ мнительности».

ВСТРѢЧИ.

Достоевскій.

Достоевскій всегда былъ однимъ изъ моихъ любимыхъ писателей. Его разсказы, повѣсти и романы производили на меня глубокое впечатлѣніе. Но когда появился въ свѣтъ его «Дневникъ писателя», онъ вдругъ сдѣлался какъ-то особенно близокъ и дорогъ мнѣ. Кромѣ даровитаго автора художественныхъ произведеній, передо мною выросъ человѣкъ съ чуткимъ сердцемъ, съ отзывчивой душой,—человѣкъ, горячо откликавшійся на всѣ злобы дня, и я написала ему порывистое письмо. Онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

Петербургъ 3 марта/76 г.

«Глубокоуважаемая
Христина Даниловна!

«Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за вашъ искренній и радушный привѣтъ. Писателю всегда милѣе и важнѣе услышать доброе и ободряющее слово прямо отъ сочувствующаго ему читателя, чѣмъ прочесть какія угодно себѣ похвалы въ печати. Право, не знаю, чѣмъ это объяснить: тутъ, прямо отъ читателя,— какъ бы болѣе правды, какъ бы болѣе *въ самомъ дѣлѣ* [1]). И такъ, благодарю васъ, и если нѣсколько опоздалъ отвѣтомъ, то потому, что ужъ очень работалъ надъ февральскимъ выпускомъ и едва поспѣлъ къ сроку. Примите увѣреніе самаго глубокаго къ Вамъ уваженія.

Вашъ слуга

Ѳедоръ Достоевскій».

---

[1]) Курсивъ въ письмахъ принадлежитъ Достоевскому.

Переписка моя съ Достоевскимъ, однако, на этомъ не прекратилась, и на второе мое письмо онъ писалъ слѣдующее:

Петербургъ 9 апрѣля/76 г.

«Глубокоуважаемая
Христина Даниловна!

«Очень прошу васъ извинить, что отвѣчаю вамъ не сейчасъ. Когда я получилъ письмо Ваше отъ 9 марта, то уже сѣлъ за работу. Хоть я и кончаю работу примѣрно къ 25-му мѣсяца, но остаются хлопоты съ типографіей, затѣмъ съ разсылкой и проч. А нынѣшній мѣсяцъ къ тому же заболѣлъ простудой, да и теперь еще не выздоровѣлъ. Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе, особенно приложеніе главы изъ вашего дневника; это прелесть, но я вывелъ заключеніе, что вы одна изъ тѣхъ, которыя имѣютъ даръ «одно *хорошее* видѣть». Про пріютъ г-жи Чертковой я, впрочемъ, ничего не знаю (но узнаю при первой возможности); я вѣрю, что все такъ и есть, какъ вы написали, но, можетъ-быть, рядомъ есть и что-нибудь нежелательное, — *этого вы не хотѣли замѣтить*. Все это рисуетъ характеръ, и я слишкомъ васъ уважаю за эту самую черту. Кромѣ того, вижу, что вы сама—изъ новыхъ людей (въ добромъ смыслѣ слова)—дѣятель и хотите дѣйствовать. Я очень радъ, что познакомился съ вами хоть въ письмахъ. Не знаю, куда меня пошлютъ на лѣто доктора; думаю, что въ Эмсъ, куда ѣзжу уже два года, но, можетъ-быть, и въ Ессентуки, на Кавказъ; въ послѣднемъ случаѣ, хоть, можетъ-быть, и крюку сдѣлаю, а заѣду въ Харьковъ, на обратномъ пути. Я давно уже собирался побывать на нашемъ югѣ, гдѣ никогда не былъ. *Тогда*, если Богъ приведетъ и если вы мнѣ сдѣлаете эту честь, познакомимся лично.

«Вы сообщаете мнѣ мысль о томъ, что я въ «Дневникѣ» «размѣняюсь на мелочи». Я это уже слышахъ и здѣсь. Но вотъ что я, *между прочимъ,* вамъ скажу: я вывелъ неотразимое заключеніе, что писатель—художественный, кромѣ поэмы, долженъ знать до мельчайшей точности (историческій и текущей) изображаемую дѣйствительность. У насъ,

по-моему, одинъ только блистаетъ этимъ, — графъ Левъ Толстой. Victor Hugo, котораго я высоко цѣню, какъ романиста (за что, представьте себѣ, покойникъ Ѳ. Тютчевъ на меня даже разъ разсердился, сказавши, что «Преступленіе и наказаніе» (мой романъ)—выше Misérables), хотя и очень иногда растянутъ въ изученіи подробностей, но, однако, далъ такіе удивительные этюды, которые, не было бы его, такъ бы и остались совсѣмъ неизвѣстными міру. Вотъ почему, готовясь написать одинъ очень большой романъ, я и задумалъ погрузиться спеціально въ изученіе—не дѣйствительности, собственно, я съ нею и безъ того знакомъ, а подробностей текущаго. Одна изъ самыхъ важныхъ задачъ въ этомъ текущемъ, для меня, напримѣръ, молодое поколѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, какъ всего еще двадцать лѣтъ назадъ. Но есть и еще многое кромѣ того. Имѣя 53 года, можно легко отстать отъ поколѣнія при первой небрежности. Я на-дняхъ встрѣтилъ Гончарова и на мой искренній вопросъ: понимаетъ ли онъ все въ текущей дѣйствительности, или кое-что уже пересталъ понимать? онъ мнѣ прямо отвѣтилъ, что многое «пересталъ понимать». Конечно, я про себя знаю, что этотъ *большой умъ* не только понимаетъ, но и учителей научитъ, но въ томъ извѣстномъ смыслѣ, въ которомъ я спрашивалъ (и что онъ понялъ съ $^1/_4$ слова), онъ, разумѣется,—не то что не понимаетъ, а не хочетъ понимать. «Мнѣ дороги мои идеалы и то, что я такъ излюбилъ въ жизни, прибавилъ онъ, я и хочу съ этимъ провести тѣ немного лѣтъ, которые мнѣ остались, а штудировать этихъ (онъ указалъ мнѣ на проходившую толпу на Невскомъ проспектѣ) мнѣ обременительно, потому что на нихъ пойдетъ мое дорогое время»... Не знаю, понятно ли я Вамъ это выразилъ, Христина Даниловна, но меня какъ-то влечетъ еще написать что-нибудь съ полнымъ знаніемъ дѣла, вотъ почему я, нѣкоторое время, и буду штудировать и рядомъ вести «Дневникъ писателя», чтобъ не пропало даромъ множество впечатлѣній.

«Все это, конечно, идеалъ! Вѣрите ли вы, напримѣръ, тому, что я еще не успѣлъ уяснить себѣ форму «Дневника»,

да и не знаю, налажу ли это когда-нибудь, такъ что «Дневникъ» хоть и два года, напримѣръ, будетъ продолжаться, а все будетъ вещью неудавшеюся. Напримѣръ: у меня 10—15 темъ, когда сажусь писать (не меньше). Но темы, которыя я излюбилъ больше, я поневолѣ откладываю: мѣста займутъ много, жару много возьмутъ (дѣло Кронеберга, напримѣръ), номеру повредятъ, будетъ неразнообразно, мало статей, и вотъ пишешь не то, что хотѣлъ. Съ другой стороны, я слишкомъ наивно думалъ, что это будетъ *настоящій* «Дневникъ». Настоящій «Дневникъ» почти невозможенъ, а только показной, для публики. Я встрѣчаю формы и выношу много впечатлѣній, которыми очень бываю занятъ,—но какъ объ иномъ писать? Иногда просто невозможно. Напримѣръ: вотъ уже три мѣсяца, какъ я получаю отовсюду очень много писемъ, подписанныхъ и анонимныхъ, всѣ сочувственныя. Иныя писаны чрезвычайно любопытно и оригинально и къ тому же всѣхъ возможныхъ существующихъ теперь *направленій*. Поповоду этихъ *всѣхъ возможныхъ* направленій, слившихся въ общемъ мнѣ привѣтствіи, я и хотѣлъ было написать статью, а именно впечатлѣніе отъ этихъ писемъ (безъ обозначенія именъ)—а къ тому же тутъ мысль, всего болѣе меня занимающая: «въ чемъ наша *общность*, гдѣ тѣ пункты, въ которыхъ мы могли бы всѣ, разныхъ направленій, сойтись?» Но обдумавъ уже статью, я вдругъ увидалъ, что ее, *со всею искренностью*, ни за что написать нельзя; ну, а если безъ искренности—то стоитъ ли писать? Да и горячаго чувства не будетъ...

«Вдругъ, третьяго дня, утромъ, входятъ ко мнѣ двѣ дѣвицы, обѣ лѣтъ по 20, входятъ и говорятъ: «Мы хотѣли съ Вами познакомиться еще съ поста. Надъ нами всѣ смѣялись и сказали, что Вы насъ не примете, а если и примете, то ничего съ нами не скажете. Но мы рѣшили попытаться и вотъ пришли, такая-то и такая-то». Ихъ приняла сначала жена, потомъ вышелъ я. Онѣ разсказали, что онѣ студентки медицинской академіи, что ихъ тамъ женщинъ уже до 500 и что онѣ вступили въ академію, «чтобъ получить высшее образованіе и приносить потомъ пользу». Этого типа новыхъ дѣвицъ я не встрѣчалъ (старыхъ же *нигилистокъ* знаю

множество, знакомъ лично и хорошо изучилъ). Вѣрите ли, что рѣдко я провелъ лучше время, какъ тѣ два часа съ этими дѣвицами. Что за простота, натуральность, свѣжесть чувства, чистота ума и сердца, *самая искренняя серьезность и самая искренняя веселость*!

«Черезъ нихъ я, конечно, познакомлюсь со многими, такими же и, признаюсь Вамъ,—впечатлѣніе было сильное и свѣтлое, но какъ описать его? Со всею искренностью и радостью за молодежь—невозможно. Да и личность почти. А въ такомъ случаѣ, какія же я долженъ заносить впечатлѣнія? Вчера вдругъ узнаю, что одинъ молодой человѣкъ, еще изъ учащихся (гдѣ—не могу сказать), и котораго мнѣ показали, будучи въ знакомомъ домѣ, зашелъ въ комнату домашняго учителя, учившаго дѣтей въ этомъ семействѣ, и, увидавъ на столѣ его *запрещенную книгу*, донесъ объ этомъ хозяину дома и тотъ тотчасъ же выгналъ гувернера. Когда молодому человѣку, въ другомъ уже семействѣ, замѣтили, что онъ *сдѣлалъ низость*, то онъ этого *не понялъ*. Вотъ вамъ другая сторона медали. Ну, какъ я разскажу объ этомъ? Это личность, а между тѣмъ тутъ не личность, тутъ характеренъ былъ особенно, какъ мнѣ передавали, тотъ процессъ мышленія и убѣжденій, вслѣдствіе которыхъ онъ *не понялъ*, и объ чемъ можно бы сказать любопытное словцо.

«Но я заболтался, къ тому же я ужасно не умѣю писать писемъ. Простите и за почеркъ, у меня гриппъ, болитъ голова и нынѣшній день ломъ въ глазахъ, потому пишу, почти не видя буквъ. Позвольте пожать вамъ руку и сдѣлайте мнѣ честь считать меня въ числѣ многихъ глубокоуважающихъ васъ людей. Примите въ томъ мои увѣренія.

Вашъ слуга *Ѳ. Достоевскій*».

Вотъ что отвѣчала я на это письмо:

«Глубокоуважаемый

Ѳедоръ Михайловичъ!

«Я такъ была счастлива вашимъ письмомъ, что нѣсколько дней сряду никакія житейскія непріятности, которыхъ у каждаго довольно, какъ-то не дѣйствовали на меня

и были безсильны замутить эту радость. Затѣмъ наступило грустное раздумье на тему, что я не сто́ю вашего письма: въ жизни моей я никогда ничему не училась, никогда не работала надъ собой, всегда отдавалась тому только, что мнѣ нравилось, что влекло меня къ себѣ въ данную минуту; за что̀ же это хорошее, почти дружеское письмо, за что̀ вы говорите со мною, какъ съ человѣкомъ вполнѣ образованнымъ, разумнымъ и серьезнымъ. Мнѣ просто кажется, что я украла у васъ это письмо, что оно относится не ко мнѣ, а къ кому-то другому, кто лучше меня, что оно попало ко мнѣ по ошибкѣ, или же я представила себя совсѣмъ другою, въ ложномъ свѣтѣ въ своемъ прошломъ письмѣ къ Вамъ. Но нѣтъ,—не можетъ быть: я знала людей, которые очень строго относились ко мнѣ, даже враждебно, и находили во мнѣ много недостатковъ, но преднамѣренной фальши никогда! Отгоню же я это раздумье и останусь только съ одной своей радостью. Первое мѣсто въ этой радости занимаетъ мысль — лично познакомиться съ вами, — объ этомъ до сихъ поръ я какъ-то запрещала себѣ и мечтать, настолько это казалось мнѣ несбыточнымъ. Въ Ессентуки необходимо ѣхать черезъ Харьковъ, и вотъ мы будемъ имѣть счастіе видѣть Васъ у себя. Я говорю—*мы*, такъ какъ мужъ мой—одинъ изъ самыхъ искреннихъ поклонниковъ вашего таланта, хотя и возражалъ на нашемъ послѣднемъ вечерѣ чтенія на вашу замѣтку о банкахъ. Въ чемъ состоялъ его протестъ, я не сумѣю Вамъ передать, такъ какъ ровно ничего не понимаю въ его банковыхъ дѣлахъ и нахожу ихъ настолько скучными, что удаляюсь обыкновенно въ другую комнату, когда заходитъ рѣчь о банкахъ. Въ этотъ же вечеръ я очень была огорчена тѣмъ, что одинъ нашъ знакомый офицеръ (превосходно читающій за Вронскаго въ «Аннѣ Карениной») испортилъ своимъ слишкомъ громкимъ, мѣрнымъ, военнымъ голосомъ, вашъ разсказъ «Столѣтняя», и онъ не произвелъ должнаго впечатлѣнія. Я никакъ не могла простить себѣ, что не читала сама, а поручила ему читать, думая, не прочтетъ ли онъ лучше меня; между тѣмъ, когда читала я («Мальчикъ на елкѣ у Христа» и «Мужикъ Марей»), многіе не могли слушать

безъ слезъ, а этотъ разсказъ нашли гораздо слабѣе, тогда какъ, по-моему, онъ очень тепелъ и симпатиченъ. Позвольте разъяснить вамъ, что̀ значитъ «читалъ за Вронскаго». Видите ли: на нашихъ литературныхъ вечерахъ читается также каждый разъ по полученіи «Анна Каренина» и читается такъ: я читаю главы, въ которыхъ говорится объ Аннѣ Карениной, дядя мой (превосходный чтецъ)—о Левинѣ и Облонскомъ, этотъ офицеръ—о Вронскомъ и одна барышня о Кити. Чтеніе выходитъ чрезвычайно оживленное. Каждый изъ насъ приготовляется къ этому чтенію; я такъ обыкновенно знаю наизустъ свои главы.

«Какъ мнѣ интересно было бы знать, какого вы мнѣнія объ этомъ романѣ, но не смѣю спрашивать, такъ какъ отвѣчать на этотъ вопросъ коротко невозможно. Остается надѣяться, не скажете ли вы чего-нибудь объ этомъ въ вашемъ «Дневникѣ». Романъ этотъ настолько всѣхъ занимаетъ, что вамъ слѣдовало бы высказаться на его счетъ, тѣмъ болѣе, что, читая «разборы» его, такъ и хочется сказать: «но какъ же критика *хавроньей* не назвать». Какъ странно, что въ нашъ вѣкъ скептицизма, анализа и разрушенія нѣтъ ни одного порядочнаго критика, это просто какая-то насмѣшка судьбы! Ни одна критика, впрочемъ, богата «хавроньями», ими богато и общество: «почему, видите ли, Толстой не описываетъ студентовъ, не описываетъ народъ?! «Точно можно художнику, подлаживаясь подъ ходячія требованія, писать по заказу, точно Айвазовскаго, положимъ, можно упрекнуть за то, что онъ рисуетъ море и небо, а не мужика и студента, и какъ смѣть требовать отъ писателя романа по извѣстному шаблону и отрицать его значеніе, если онъ ему не соотвѣтствуетъ. Ввиду всѣхъ этихъ разнорѣчій, почему бы вамъ не высказаться? Положимъ, «критическій взглядъ на романъ» не подойдетъ, кажется, ни подъ одну рубрику вашего «Дневника». Но вѣдь вы сами же ихъ настроили, стало-быть, можете и разстроить. Вообще, я не знаю, зачѣмъ вамъ стѣснять себя какими бы то ни было рамками; между тѣмъ, вы говорите: «Мѣста займетъ много, будетъ не разнообразно, мало статей». Что жъ за бѣда! Если бы, предположимъ, «Дѣло Кро-

неберга», этотъ chef d'œuvre вашего «Дневника» (по признанію самыхъ строгихъ судей) заняло бы цѣлый номеръ, не оставивъ мѣста разсказу и проч., что жъ такое? И не даетъ ли оно обществу нравственнаго удовлетворенія, даже больше, чѣмъ отрывочныя впечатлѣнія, вызываемыя разнообразными случайностями? Я знаю людей, которые придаютъ огромное значеніе этой статьѣ. Они говорятъ: «Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, забудется дѣло Кронеберга, забудется все, что писалось и говорилось по этому дѣлу, всѣ фразистые фельетоны, всѣ слащаво гуманныя рѣчи, одна только *эта* статья никогда не утратитъ своего значенія и будетъ служить живымъ укоромъ и обществу, и адвокатурѣ, и всѣмъ намъ». Да, по-моему, каждое произведеніе человѣка, въ которое онъ вложилъ частичку своей души,—безсмертно, и вдругъ мы лишились бы этой статьи изъ-за того, что «мѣста займетъ много, будетъ не разнообразно, мало статей!» Вѣдь вы сами творецъ вашего «Дневника», кто же имѣетъ какое бы то ни было право требовать отъ васъ, во что бы то ни стало, извѣстныхъ рубрикъ, да и у кого въ обществѣ сложился взглядъ: «чѣмъ долженъ быть «Дневникъ писателя». Когда я въ первый разъ прочла объявленіе о «Дневникѣ», я никакъ не могла представить себѣ, что именно это будетъ: раздумье ли ваше о прошломъ и настоящемъ, анализъ ли текущихъ взглядовъ, направленій, событій, біографія ли вашей собственной жизни, или вымышленнаго лица—писателя. Я увѣрена была только, зная васъ по всѣмъ вашимъ другимъ произведеніямъ, что это будетъ умно, тепло, интересно, искренно, и радовалась этой счастливой мысли писать «Дневникъ».

«Когда полученъ былъ первый номеръ, мнѣ показалось, что именно такимъ онъ и долженъ быть и другимъ быть не можетъ,—однимъ словомъ, «*солнцемъ безъ пятенъ*». Впрочемъ, вы, вѣроятно, отнесете это къ моему дару «одно хорошее видѣть». Но объ этомъ послѣ, а теперь еще о «Дневникѣ». Съ величайшимъ интересомъ прочла я о цѣли, во имя которой вы взялись за него и заблаговременно предвкушаю мысленно наслажденіе отъ будущаго длиннаго романа. Въ памяти еще живы впечатлѣнія «Подростка»,

«Пансіонъ Тушара», «Смерть Оли» и другихъ художественныхъ сценъ, которыя мнѣ также приходилось читать громко въ обществѣ. Одно меня смущаетъ за васъ,—это *обязательность срока* (я говорю о «Дневникѣ»): мнѣ кажется, это должно быть крайне непріятно и обременительно; но, если это непріятно, зато какъ хорошо то, что «Дневникъ писателя» является дѣломъ вполнѣ самостоятельнымъ, независимымъ. Извольте поддѣлываться подъ тенденціи какой-нибудь редакціи и имѣть ихъ ввиду, принимаясь писать (это своего рода цензура), а тутъ самъ себѣ господинъ,—превосходно.

«Почему доктора посылаютъ васъ въ Ессентуки, а не въ Крымъ? У насъ, въ Харьковѣ, есть превосходный докторъ, Франковскій,—это человѣкъ идеально честный, правдивый, много учившійся, много читавшій, много видѣвшій, долго жившій. Онъ бывалъ вездѣ, и заграницей, и на Кавказѣ, и въ Крыму, и находитъ, что ничто не можетъ сравняться полезностью съ приморскимъ воздухомъ, морскими купаньями и виноградным лѣченіемъ для каждаго организма, чѣмъ бы онъ ни страдалъ. Между тѣмъ, въ Ессентукахъ страшная сырость, грязь, отсутствіе какихъ бы то ни было удобствъ къ жизни,—всѣ, бывшіе тамъ въ прошломъ году, страшно роптали и никто не поправился, а Крымъ просто творитъ чудеса. Мы жили тамъ въ прошломъ году и видѣли воочію такія превращенія изъ умиравшихъ въ здоровыхъ, что трудно повѣрить, не бывши свидѣтелемъ. Кромѣ того, роскошная, сказочная природа, всевозможныя удобства къ жизни,—все это способствуетъ поправленію.

«Но, можетъ-быть, прежде, чѣмъ вы поѣдете въ Ессентуки, я буду въ Петербургѣ (это зависитъ отъ банковыхъ дѣлъ мужа, такъ какъ меня обыкновенно везутъ туда при оказіи), и, если позволите, явлюсь представиться вамъ и супругѣ вашей, которой прошу васъ потрудиться передать мое почтеніе. Чтобы обрисовать вамъ, насколько я до смѣшного интересуюсь всѣмъ, касающимся васъ, разскажу слѣдующее происшествіе: услышавши, что одинъ изъ хорошо знакомыхъ мнѣ книгопродавцевъ, Куколевскій (сосѣдъ нашъ по магазину, — у насъ чайная торговля, которою я за-

вѣдую), получилъ дѣловое письмо отъ вашей жены, я просила его дать мнѣ прочитать это письмо, что́ онъ, разумѣется, исполнилъ съ удовольствіемъ. Конечно, это было обыкновенное дѣловое письмо, и я ничего не могла ждать отъ него,—но все-таки мнѣ какъ-то пріятно было, что это пишетъ близкій вамъ человѣкъ —ваша жена. Вообще, я должна предупредить васъ, что во мнѣ очень много такого смѣшного, институтскаго, несмотря на то, что я никогда не была институткою и что это «и не къ лицу и не по лѣтамъ», такъ какъ мнѣ 35 лѣтъ и я мать 4-хъ дѣтей.

«Что же касается до моего дара—«одно хорошее видѣть», то это не совсѣмъ такъ: у меня всегда крайности или одно хорошее или одно дурное; такъ, напримѣръ, въ нѣмецкихъ школахъ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ, я видѣла только одно дурное и никакъ не могла принудить себя видѣть хотя что-нибудь хорошее, между тѣмъ, какъ школа m-me Pape-Carpantier (автора многихъ дѣтскихъ книгъ), въ Парижѣ, привела меня въ такой восторгъ, что я не замѣтила въ ней ни пятнышка. Такъ и относительно людей—или люблю безгранично, или терпѣть не могу. Мать у меня была молдаванка—дочь, нѣтъ, внучка господаря Молдавіи—Гика, сдѣлавшая mésalliance, женщина холерическаго темперамента, и вотъ я, опять членъ случайнаго семейства «Подростокъ», унаслѣдовала всѣ ея отрицательныя качества: порывистость, нетерпимость, вспыльчивость, нервность, впечатлительность,—все то, что мѣшаетъ человѣку спокойно и безпристрастно смотрѣть на міръ Божій. И понимаю, что это дурно, да не умѣю передѣлаться.

Глубоко уважающая васъ

Х. Алчевская».

19 апрѣля 1876 года.

Обмѣнявшись этими письмами, я рѣшилась ѣхать въ Петербургъ.

Недавно, пересматривая свои дневники, я нашла слѣдующее описаніе встрѣчи моей съ Достоевскимъ:

20 мая 1876 года.
Петербургъ.

Вчера мы пріѣхали въ Петербургъ. Цѣль моей поѣздки была свиданіе съ Достоевскимъ. Мысль не застать его въ Петербургѣ такъ мучительно преслѣдовала меня, что я совсѣмъ разстроила себѣ нервы, и стоило мнѣ подумать объ этой встрѣчѣ, я тотчасъ же начинала плакать. Устраивать свиданіе въ такомъ видѣ я считала невозможнымъ, чувствуя, что, какъ только увижу его, расплачусь, и я не позволила себѣ писать къ нему вчера. Заснувши тѣмъ крѣпкимъ сномъ, какимъ люди засыпаютъ въ уютной постели послѣ дорожныхъ коекъ, желѣзнодорожной неурядицы, требованія билетовъ среди ночи и проч. и проч., я проснулась отдохнувшая, успокоившаяся и веселая. Несмотря на это, однако, когда посыльный пришелъ съ отвѣтомъ на мою записку къ Достоевскому, у меня забилось сердце. Было 12 час. дня. «Почиваютъ,—докладывалъ мнѣ, между тѣмъ, посыльный,—встанутъ въ 3 часа, тогда имъ отдадутъ».

Въ три часа! До трехъ часовъ такъ много времени—куда дѣвать его, чтобы оно показалось короче, да и, кромѣ того, онъ только встанетъ въ три часа, а отвѣтъ долженъ быть позднѣе—въ 4, въ 5 час. Я пошла въ гостиный дворъ и безпрестанно останавливала себя у красивыхъ магазиновъ, стараясь парализовать тревожную мысль объ отвѣтѣ. Я накупала игрушки дѣтямъ, письменныя принадлежности, почти ненужныя, почти нежеланныя, и все-таки, когда вновь въ головѣ вспыхивала мысль: «а что, если онъ встанетъ раньше обыкновеннаго, что, если онъ вздумаетъ пріѣхать и не застанетъ меня дома?» кровь бросалась мнѣ въ голову, и мнѣ казалось, что, если это случится, все въ жизни для меня будетъ потеряно. Въ половинѣ 3-го я возвратилась домой. Отвѣта не было ни въ 3, ни въ 4, ни въ 5. Въ $5^1/_2$ мы сѣли обѣдать за табль-дотъ. Съ нами обѣдалъ Б. Я очень люблю его за большой, свѣтлый, острый умъ, но на этотъ разъ мнѣ нужно было силою заставлять себя слушать его. Послѣ супа мальчикъ-

швейцаръ подошелъ поспѣшно къ нашему столу и сказалъ вполголоса: «Господинъ Достоевскій васъ спрашиваетъ».

Съ быстротою молніи бросилась я изъ столовой, не сказавши собесѣдникамъ ни слова, опрометью взлетѣла по лѣстницѣ и очутилась у дверей своего номера лицомъ къ лицу съ Достоевскимъ. Передо мною стоялъ человѣкъ небольшого роста, худой, небрежно одѣтый. Я не назвала бы его старикомъ: ни лысины ни сѣдины, обычныхъ примѣтъ старости, не замѣчалось; трудно было бы даже опредѣлить, сколько именно ему лѣтъ; зато, глядя на это страдальческое лицо, на впалые, небольшіе, потухшіе глаза, на рѣзкія, точно имѣющія каждая свою біографію, морщины, съ увѣренностью можно было сказать, что этотъ человѣкъ много думалъ, много страдалъ, много перенесъ. Казалось даже, что жизнь почти потухла въ этомъ слабомъ тѣлѣ. Когда мы усѣлись близко, vis-à-vis, и онъ началъ говорить своимъ тихимъ слабымъ голосомъ, я не спускала съ него глазъ, точно онъ былъ не человѣкъ, а статуя, на которую принято смотрѣть вволю. Мнѣ думалось: «Гдѣ же именно помѣщается въ этомъ человѣкѣ тотъ талантъ, тотъ огонь, тотъ психологическій анализъ, который поражаетъ и охватываетъ душу при чтеніи его произведеній? По какимъ признакамъ можно было бы узнать, что это именно онъ— Достоевскій, мой кумиръ, творецъ «Преступленія и наказанія», «Подростка» и проч. И въ то время, когда онъ своимъ слабымъ голосомъ говорилъ объ отсутствіи въ нашемъ обществѣ стойкихъ самостоятельныхъ убѣжденій, о сектахъ, существующихъ въ Петербургѣ для разъясненія будто бы Евангелія, о нелѣпости спиритизма и интеллигентнаго кружка, дошедшаго до вывода, что это нечистая сила, о дѣлѣ Каировой, о своей боязни отстать отъ вѣка и перестать понимать молодое поколѣніе или діаметрально противоположно разойтись съ нимъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ и вызвать его порицанія, объ анонимныхъ письмахъ, въ которыхъ за подписью «Нигилисты», говорится: «Правда, вы сбиваетесь всторону, дѣлаете промахи, погрѣшности противъ насъ, но мы все-таки считаемъ васъ нашимъ и не желали бы выпустить изъ своего лагеря», о тѣхъ ошиб-

кахъ и перемѣнѣ взглядовъ на вещи, которыхъ онъ не чуждъ до сихъ поръ; въ то время, какъ онъ говорилъ это не только не съ надменностью замѣчательнаго ума, психолога и поэта, а съ какою-то необыкновенной застѣнчивостью, робостью и точно боязнью не выполнить даннаго ему жизнью порученія честно и добросовѣстно, мнѣ вдругъ показалось, что передо мною вовсе не человѣкъ. Таковы ли люди,—всѣ тѣ люди, которыхъ знаю я? Всѣ они такъ реальны, такъ понятны, такъ осязаемы, а здѣсь передо мною духъ непонятный, невидимый, вызывающій желаніе поклоняться ему и молиться. И мнѣ непреодолимо захотѣлось стать передъ нимъ на колѣни, цѣловать его руки, молиться и плакать. Можетъ-быть, человѣческой природѣ присуще чувство обоготворенія и желаніе поклоняться и молиться чему-то высшему, недосягаемому, непостижимому и, утративъ вѣру ходячей религіи, онъ ищетъ въ человѣкѣ идеала, кумира. Желаніе это было такъ непреодолимо, что, можетъ-быть, я и привела бы его въ исполненіе, если бы не почувствовала вдругъ на себѣ взгляда душевнаго анатома этихъ почти потухшихъ глазъ. Онъ тоже все время разговора также пристально, точно какой-нибудь неодушевленный предметъ, разсматривалъ меня, но вотъ какая была разница въ моемъ и въ его пристальномъ взглядѣ: въ моемъ—было благоговѣніе и поклоненіе, онъ же, вѣроятно, привыкъ на каждаго человѣка смотрѣть, какъ на матеріалъ, пригодный для изученія; такъ, между прочимъ, онъ мнѣ говорилъ: «Не правда ли, есть люди, въ жизни вполнѣ воплощающіе извѣстный типъ», и назвалъ нѣсколько фамилій, между прочимъ, Надѣина, бывшаго богатаго барина, изъ принципа сдѣлавшагося книгопродавцемъ. «Нѣтъ,—отвѣчала я подъ вліяніемъ этого анатомирующаго взгляда,—я думаю, что, когда передъ человѣкомъ, не одареннымъ психологическимъ анализомъ, проходятъ эти типы, они кажутся ему ничѣмъ не выдающимися, заурядными людьми; я двадцать разъ, напримѣръ, видѣла Надѣина, и мнѣ никогда въ голову не приходило, что это *типъ*; человѣкъ же, который привыкъ выворачивать человѣческую душу, въ каждомъ отдѣльномъ

индивидуумѣ можетъ найти особенный интересъ». Я говорила это, и мнѣ даже какъ будто немножко обиднымъ начиналъ казаться его пристальный взглядъ. Странно вотъ что: повидимому, все, что я говорила ему, я говорила очень спокойно и даже складно, я чувствовала это, но внутри страшно волновалась и постоянно ощущала біеніе сердца и даже головокруженіе.

Точно будто для подтвержденія моей догадки онъ сказалъ мнѣ такъ просто и спокойно, точно докторъ своему паціенту: «Пожалуйста, повернитесь больше къ свѣту, вотъ такъ, чтобы мнѣ было виднѣе. Я никакъ ничего не пойму въ вашемъ лицѣ—съ одной стороны этотъ жгучій, полный жизни юношескій взглядъ, эти красныя, яркія, какъ въ 20 лѣтъ, щеки (тутъ только я почувствовала, что щеки и голова горятъ у меня, какъ въ огнѣ), и тутъ же сѣдые волосы, какъ это красиво! Вначалѣ я думалъ, что они напудрены. Сколько вамъ лѣтъ?—14 лѣтъ замужемъ, четверо дѣтей — ничего не понимаю!»—«Тридцать пять», отвѣчала я и очень длинно распространилась о томъ, что физической моложавости я, пожалуй, была бы рада, если бы таковая оказалась, но меня убиваетъ моя душевная недозрѣлость, и очень часто я чувствую себя смѣшною въ своихъ увлеченіяхъ и поступкахъ, которые и не къ лицу и не по лѣтамъ.

— Знаете ли,—продолжалъ Достоевскій, утѣшая,—что ничего не можетъ быть отраднѣе душевной свѣжести и что это ничуть не смѣшно.—Я не воображалъ васъ такою красивою; между тѣмъ, я часто угадываю заранѣе внѣшность человѣка, зная его заочно.

Слова эти не звучали нимало комплиментомъ, это было продолженіе той анатоміи, которая нѣсколько сердила меня и парализовала желаніе молиться.

Онъ заговорилъ о нашихъ литературныхъ вечерахъ, о которыхъ я писала ему. Онъ находитъ, что это явленіе весьма пріятное, и въ Петербургѣ нѣтъ ничего подобнаго. Коснулись «Анны Карениной». «Знаете ли,—сказала я,— человѣкъ, бранящій «Анну Каренину», кажется мнѣ какъ будто моимъ личнымъ врагомъ». «Въ такомъ случаѣ я

замолкаю!» отвѣчалъ Достоевскій и, какъ я ни упрашивала, ни за что не захотѣлъ высказать своего взгляда. Мнѣ было ужасно досадно на себя.

Просилъ онъ меня къ себѣ, говоря, что онъ даетъ себѣ отдыхъ каждый день отъ 3 до 5 часовъ. Затѣмъ принимается за работу и работаетъ до 7 часовъ утра—всю ночь. Въ 7 часовъ ложится спать и поэтому встаетъ въ 3 часа. Я обѣщала быть, но не хочу злоупотреблять этимъ позволеніемъ и не буду болѣе одного или двухъ разъ. Мнѣ даже кажется, что впечатлѣніе этого перваго раза такъ полно, такъ жгуче, что и не слѣдовало бы видѣться больше; другое дѣло, если бы возможно было сблизиться, стать роднымъ, почти необходимымъ ему человѣкомъ; минутами мнѣ кажется, что это было бы такъ, если бы не нами ворочала судьба, а мы судьбою. Въ эту минуту мнѣ даже пріятно думать о томъ, что я служила бы ему сырымъ матеріаломъ для анатомированія души. Когда я останавливаюсь мысленно на всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ разговора и между ними надъ вопросомъ, почему я показалась ему моложавой, я думаю, что бываютъ минуты такого возбужденнаго душевнаго состоянія, когда человѣкъ дѣйствительно можетъ показаться красивѣе и моложе на 10 лѣтъ. Недаромъ потомъ послѣ его ухода я почувствовала черезъ часъ, черезъ два страшное утомленіе и, увидѣвши себя случайно въ одномъ изъ многочисленныхъ зеркалъ гостиницы «Демутъ», была удивлена смертельной блѣдностью лица.

Рѣзче всего запечатлѣлась у меня въ памяти слѣдующая черта, выдающаяся въ Достоевскомъ—это боязнь перестать понимать молодое поколѣніе, разойтись съ нимъ. Это просто, повидимому, составляетъ его idée-fixe. Въ этой idée-fixe вовсе нѣтъ боязни перестать быть любимымъ писателемъ или уменьшить число поклонниковъ и читателей, нѣтъ, на *расхожденіе* съ молодымъ поколѣніемъ онъ, видимо, смотритъ, какъ на *паденіе* человѣка, какъ на нравственную смерть. Онъ смѣло и честно стоитъ за свои задушевныя убѣжденія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы боится не выполнить возложенной на него миссіи и незамѣтно для самого себя

сбиться съ пути. Все это выходитъ у него необыкновенно искренно, правдиво, честно и трогательно.

На вопросъ его, какъ относится Харьковъ къ «Дневнику писателя», я отвѣчала, что первые три номера были встрѣчены хорошо, но послѣднiй вызвалъ протестъ, и я указала ему на мѣсто, гдѣ сказано, что демосъ нашъ доволенъ, а со временемъ ему будетъ еще лучше. «А много этихъ протестующихъ господъ?» спросилъ онъ. «Очень много!» отвѣчала я. «Скажите же имъ,—продолжалъ Достоевскiй,—что они именно и служатъ мнѣ порукой за будущее нашего народа. У насъ такъ велико это сочувствiе, что, дѣйствительно, невозможно ему не радоваться и не надѣяться».

25 мая. Вторникъ.
Петербургъ.

Сегодня я позволила себѣ быть у Достоевскаго. Рѣшительно убѣждаюсь, что я для него не человѣкъ, а матерiалъ. Онъ все время заставлялъ меня говорить, поощряя безпрестанно замѣчанiями: «Ахъ, какъ вы хорошо, образно разсказываете! Просто слушалъ бы, слушалъ безъ конца!» или «Трудно рѣшить, что вы лучше—пишете или говорите? И пишете прекрасно, и говорите прекрасно!»

Разсказала я ему исторiю преступленiя К., говорила о своей жизни въ Харьковѣ, о харьковскомъ обществѣ вообще и его отношенiяхъ ко мнѣ. Онъ слушалъ все съ такимъ интересомъ, съ такимъ вниманiемъ, что поневолѣ говорилось очень много.

На столѣ лежалъ «Русскiй Вѣстникъ».

— Скажите же мнѣ, Бога ради, что вы думаете объ «Аннѣ Карениной»,—попытала я вновь счастья.

— Ей Богу, не хочется говорить,—отвѣчалъ Достоевскiй.—Всѣ лица до того глупы, пошлы и мелочны, что положительно не понимаешь, какъ смѣетъ графъ Толстой останавливать на нихъ наше вниманiе. У насъ столько живыхъ насущныхъ вопросовъ, грозно вопiющихъ, что отъ нихъ зависитъ быть или не быть, и вдругъ мы будемъ отнимать время на то, какъ офицеръ Вронскiй влюбился

въ модную даму и что изъ этого вышло. И такъ приходится задыхаться отъ этого салоннаго воздуха, и такъ натыкаешься безпрестанно на пошлость и бездарность, а тутъ берешь романъ лучшаго русскаго романиста и наталкиваешься на то же!

— Не долженъ же романистъ описывать людей, какихъ нѣтъ, онъ долженъ брать жизнь и показывать ее съ художественной правдивостью, какъ она есть, и ваше дѣло выводить изъ всего этого resumé,—возразила я.

— Совсѣмъ не то вы говорите,—продолжалъ Достоевскій съ обычной нетерпимостью въ спорѣ, которая выходитъ какъ-то совсѣмъ необидною; чувствуется, что это результатъ не самомнѣнія, а искренней увѣренности въ изложенной мысли,—совсѣмъ не то: неужели же наша жизнь только и представляетъ Вронскихъ и Карениныхъ, это просто не стоило бы жить.

— А Левинъ,—возразила я вновь,—развѣ не волнуютъ его самые животрепещущіе вопросы? Развѣ не симпатиченъ онъ?

— Левинъ? По-моему онъ и Кити глупѣе всѣхъ въ романѣ. Это какой-то самодуръ, ровно ничего не сдѣлавшій въ жизни, а та просто дура. Хорошъ парень! За пять минутъ до свадьбы ѣдетъ отказываться отъ невѣсты, не имѣя къ тому ровно никакихъ поводовъ. Воля ваша, а это даже ненатурально: сомнѣнія возможны, но чтобы человѣкъ поперъ къ невѣстѣ съ этими сомнѣніями,—невозможно! Одну сцену я признаю вполнѣ художественною и правдивою—это смерть Анны. Я говорю «смерть», такъ какъ считаю, что она уже умерла, и не понимаю, къ чему это *продолженіе* романа. Этой сцены я и коснусь только въ своемъ «Дневникѣ писателя», и расхвалю ее, а браниться нельзя, хоть и хотѣлось бы,—самъ романистъ—некрасиво!

Нетерпимость въ спорѣ еще болѣе выказалась у Достоевскаго, когда рѣчь какъ-то нечаянно коснулась національностей: онъ находитъ, что сербъ, малороссъ и т. д., сочувствующій родному языку, родной литературѣ, положительно *зловредный* членъ общества, онъ тормозитъ работу всеобщаго просвѣщенія, всеобщей великорусской ли-

тературы, въ которыхъ все спасеніе, вся надежда. Онъ тормозитъ ходъ цивилизаціи, созданной однимъ великорусскимъ народомъ, сумѣвшимъ создать величайшее изъ государствъ. Одинъ великороссъ великодушно и честно смотритъ на всѣ національности, безъ всякой злобы и преднамѣренности, тогда какъ малороссъ, напримѣръ, вѣчно держитъ камень за пазухой и не можетъ отнестись къ великороссу иначе, какъ съ враждой. «Вы говорите, что въ Малороссіи существуетъ независимость личности, что взрослый женатый сынъ выбирается на хозяйство, что на женщину не смотрятъ, какъ на скотину, что часто она орудуетъ въ домѣ, что семья живетъ особнякомъ». Что жъ тутъ хорошаго: женится сынъ, обособляется и тотчасъ дѣлается врагомъ. Хозяйство дѣлится по клочкамъ, интересы идутъ врозь,—вотъ вамъ и начало нищенства. Между тѣмъ, какъ великорусская семья представляетъ собою общинное начало. Что за бѣда, если старика уважаютъ въ семьѣ. Это не деспотъ, въ немъ для семьи олицетворяется извѣстный идеалъ, онъ не потому властвуетъ, что ему такъ вздумалось,—нѣтъ, онъ точно выполняетъ должность, назначенную ему природой, а всѣ остальные вполнѣ естественно подчиняются ему. Чувствуется близость, общность интересовъ, раздѣленіе труда, и взамѣнъ всего этого вы предлагаете обособленность, вражду».

Разумѣется, я ничего этого не предлагала и потому горячо спорила; онъ же, съ своей стороны, дошелъ до такой крайности: «Я знаю, мы всѣ куда какъ сочувствуемъ чужимъ національностямъ. Недавно Пашковъ, этотъ извѣстный проповѣдникъ, принялъ къ себѣ въ домъ, отдѣлилъ помѣщеніе и окружилъ всѣми удобствами, кого бы вы думали—двухъ полекъ, выпущенныхъ изъ крѣпости. Чортъ знаетъ, что такое—мало ли русскихъ вѣшается съ голоду, а онъ полекъ!»

Я видѣла, что Достоевскій дошелъ до такого раздраженія, что спорить съ нимъ больше невозможно, и замолчала. Разговоръ отъ Пашкова перешелъ на религію. Достоевскій искренно и глубоко вѣритъ въ Бога,—настолько искренно, что не допускаетъ, такъ сказать, неподдѣльнаго невѣрія.

«Знаете ли, — говоритъ онъ, — всѣмъ имъ этимъ невѣрующимъ слѣдуетъ сказать, что прежде это считалось признакомъ ума, а теперь даже и этого нѣтъ—не считается, авось они перестанутъ говорить эти глупости!»

Спрашивалъ меня, вѣрую ли я.

Я отвѣчала, что никогда и никому не даю отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ смутился. «Значитъ, не вѣрите!—рѣшилъ онъ черезъ нѣсколько мгновеній.—Нехорошо! Надо будетъ намъ серьезно поговорить объ этомъ!»

28 мая. Пятница.

Достоевскій обѣщалъ быть у насъ на-дняхъ вечеромъ. Вторникъ и среду я безвыходно сидѣла дома. Въ четвергъ въ десятомъ часу мужъ мой уговорилъ меня пойти погулять, завѣряя, что уже поздно, и онъ не можетъ притти. Я согласилась. Когда мы возвратились въ 11 часовъ изъ Лѣтняго сада, швейцаръ мнѣ подалъ карточку: «Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій». Мнѣ показалось въ эту минуту, что я потеряла все, что было дорогого и желаннаго въ жизни; нѣсколько времени я сидѣла молча, въ нѣмомъ отчаяніи, мнѣ думалось: «Если бы возлѣ меня было что-нибудь такое, что можно было бы выпить или понюхать и прекратить эту безцѣльную, глупую, безынтересную жизнь, я непремѣнно выпила бы и понюхала.

Состояніе это было очень тяжелое. Затѣмъ я начала плакать, такъ плакать, что грудь точно рвалась на части, виски стучали, и все тѣло дрожало, точно въ лихорадкѣ. Я плакала такъ, пока не заснула тяжелымъ тревожнымъ сномъ, полнымъ какихъ-то мучительныхъ грезъ. Утромъ я встала измученная и больная—голова болѣла, грудь болѣла, глаза болѣли. Горе притупилось, но все какъ-то ныло, что-то болѣло въ душѣ. Я поѣхала къ Достоевскому, не застала его дома и оставила письмо. Что будетъ—неизвѣстно.

29 мая 1876 года. Суббота.

Сегодня я получила слѣдующее письмо отъ Достоевскаго:

Суббота 29 мая/76 г.

«Многоуважаемая и дорогая

Христина Даниловна!

«Какъ только получили третьяго дня ваше письмо, тотчасъ же съ Анной Григорьевной положили ѣхать къ вамъ опять въ тотъ же вечеръ. Но случилось столько бѣдъ съ «Дневникомъ» (исчезновеніе метранпажа, закрытіе типографій и проч.), что я до перваго часу ночи *прохлопоталъ*, а потомъ съ часу до шести утра я работалъ, пересчитывалъ строчки (вы этой глупѣйшей мудрости не знаете, счастливая Христина Даниловна!). Наконецъ, въ субботу, положили ѣхать къ вамъ навѣрно, но въ 7 часовъ утра я легъ, а въ одиннадцать меня разбудили—бѣда!—165 строкъ лишнихъ надобно выкинуть или дать еще двѣсти слишкомъ строкъ оригиналу, чтобъ было или $1^1/_2$ листа, или $1^3/_4$ листа. Вскочилъ, одѣлся, побѣжалъ въ типографію, просидѣлъ до 5 часовъ пополудни, ждалъ оттисковъ и, наконецъ-то, рѣжа по живому тѣлу, нашелъ возможность выбросить 165 строкъ. Иду домой; думаю, теперь пообѣдаемъ и къ вамъ. И вдругъ новость—присылаютъ изъ типографіи извѣстіе, что исчезъ мой цензоръ, уѣхалъ изъ Петербурга, такъ «что теперь дѣлать?» Не пообѣдавъ и не отдохнувъ, беру оттиски, бросаюсь къ другому цензору, Лебедеву, у Исакіевскаго собора (съ которымъ незнакомъ), и—не застаю дома. Сажусь у него и начинаю описывать ему мое положеніе въ письмѣ, оставляю корректуры, и, однако, голова уже кружится. Ѣду въ типографію, тамъ съ метранпажемъ разсчитываемъ каждую оставшуюся минуту, насколько потерпитъ выходъ № отъ промедленія, — слава Богу, есть надежда, что выйдетъ въ понедѣльникъ. Домой воротился въ $^1/_2$ девятаго, *пообѣдали*—половина десятаго, подумали-подумали, и рѣшили съ женой *не ѣхать*: и

поздно, и, можетъ-быть, опять какое-нибудь извѣстіе изъ типографіи. (Но такъ и всегда въ самомъ концѣ каждаго мѣсяца.) Рѣшился написать вамъ все это, дорогая и добрѣйшая Христина Даниловна,—завтра отъ 5 до 7 часовъ *у васъ будемъ*, пожалуйста, не осудите, повѣрьте, что едва на ногахъ стою. Ваше доброе расположеніе къ намъ насъ съ женой трогаетъ, какъ, если бы вы были наша дорогая, родная сестра, или еще гораздо больше, такъ мы васъ оба любимъ и цѣнимъ. Не безпокойтесь, я васъ два раза видѣлъ и слушалъ, я составилъ уже о васъ твердое мнѣніе,—вы рѣдкое, доброе и умное существо. Такія какъ вы, вездѣ теперь нужны. А мы съ женой именно васъ любимъ по-родственному, какъ правдивое и искреннее *умное* сердце.

«Но довольно. Отнесите тоже къ нервамъ и разстройству. Крѣпко жму вамъ руки. Жена вамъ кланяется. Алексѣю Кирилловичу мой глубокій поклонъ.

Вашъ весь *Ѳ. Достоевскій*».

30 мая 1876 г.

И, дѣйствительно, Достоевскій былъ у насъ, долго сидѣлъ, много говорилъ...

1 іюня 1876 г.

Въ дорогѣ.

Перебирая въ воспоминаніи разговоръ свой съ Достоевскимъ, я останавливаюсь на томъ обстоятельствѣ, что онъ совѣтовалъ мнѣ писать, горячо завѣряя, что у меня положительно талантъ писать, и что письмо къ нему это chef d'oeuvre, доказывающій присутствіе этого таланта: въ немъ такъ много жизненности, мысли, искренности, огня, не говоря уже о прекрасномъ слогѣ, что изъ-подъ моего пера положительно могъ бы выйти прелестный романъ.

Я слышу это не отъ одного Достоевскаго, и, право, мнѣ это странно: какой романъ можетъ написать малограмотная женщина, какъ узокъ долженъ быть ея кругозоръ, какъ мизерно міросозерцаніе. Куда ни кинь—все клинъ! Въ по-

литикѣ—ни бельмеса, въ исторіи тоже, въ судебныхъ, земскихъ и другихъ общественныхъ дѣлахъ—то же самое! Хорошъ бы былъ мой герой романа! Нѣтъ, это заблужденіе! И всѣ тѣ, которые говорили это сгоряча, подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь моего удачнаго письма, не давали себѣ труда задуматься надъ этимъ и взвѣсить степень моего невѣжества. Не знаю,—винить ли себя, что я самостоятельно не завоевала себѣ въ жизни хоть какого-нибудь образованія, какъ завоевала грамоту, которой меня никто никогда не училъ; была ли это распущенность и лѣнь съ моей стороны? Я думаю, что нѣтъ—практическая жизнь, заработокъ, потомъ дѣти, потомъ школа, настолько захватывали меня всю, что когда же было учиться? А теперь? Теперь жизнь почти пройдена, и не къ чему дразнить себя мыслью о присутствіи таланта, зарытаго въ землю. И если онъ въ самомъ дѣлѣ таится во мнѣ, то я горда, я счастлива, что безраздѣльно посвятила его народу! Въ дни юности знатоки признавали во мнѣ большой драматическій талантъ. Если это дѣйствительно вѣрно, то я опять-таки горда и счастлива, что отдала его не праздной, сытой толпѣ, а мужицкой хатѣ, въ которой во время моего чтенія «Грозы» Островскаго слышались громкія рыданія, какъ на похоронахъ.

---

5 лѣтъ спустя, страницы моего дневника опять посвящены Достоевскому.

1 февраля 1881 г.

Я пришла въ школу подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Ѳ. М. Достоевскаго. Въ музеѣ собрались уже почти всѣ учительницы, и я предложила вопросъ: «не слѣдуетъ ли сказать дѣтямъ нѣсколько словъ о Достоевскомъ и пойти съ ними на панихиду въ Университетскую церковь.

Началось обсужденіе вопроса. Однѣ говорили, что слѣдуетъ повести въ церковь только взрослыхъ, другія болѣе развитыхъ, третьи всѣхъ безъ исключенія. Принадлежа къ

послѣднимъ, я высказала слѣдующее: «Бываютъ факты въ жизни, настолько западающіе во впечатлительную душу ребенка, что имѣютъ для него бо̀льшее воспитательное значеніе, чѣмъ многія нравоучительныя повѣсти и благоразумныя наставленія. Чествованіе памяти выдающагося человѣка непремѣнно должно являться однимъ изъ такихъ воспитывающихъ фактовъ. Боязнь за то, что масса дѣтей непремѣнно будетъ способствовать шуму и нарушать тишину храма и торжественность служенія, напрасна — дѣти привыкли относиться къ церкви съ извѣстнаго рода благоговѣніемъ, и если имъ будетъ объясненъ понятно смыслъ этой минуты, можно ручаться за тишину и спокойствіе». Рѣшено было итти въ церковь всею школою, и мнѣ позволили сказать дѣтямъ нѣсколько словъ о покойномъ.

Вотъ они:

— Дѣти! я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, но я желаю, чтобы вы выслушали ихъ какъ можно внимательнѣе, и буду говорить только въ томъ случаѣ, если вы устроите мертвую тишину. Жду!

Тишина.

— Когда умретъ обыкновенный человѣкъ—вашъ отецъ, или мать, или братъ, или сестра, кто горюетъ, кто плачетъ о нихъ? О нихъ плачутъ родные и знакомые. Но есть люди, дѣти, необыкновенные, такіе умные, такіе добрые, что вся Россія знаетъ ихъ и плачетъ, вспоминая о нихъ. Четыре дня назадъ въ Петербургѣ умеръ такой человѣкъ—сочинитель Достоевскій! Онъ сочинялъ книжки и въ этихъ книжкахъ больше всего писалъ о бѣдныхъ людяхъ. Помните ли, какъ въ прошломъ году я читала вамъ въ классѣ «Мальчикъ на елкѣ у Христа». Я не могла читать безъ слезъ, и вы всѣ плакали. Этотъ сочинитель больше всего любилъ дѣтей, не только своихъ дѣтей—или тѣхъ, которыхъ онъ зналъ, онъ любилъ всѣхъ дѣтей, и въ своихъ книжкахъ просилъ родителей не бить ихъ, жалѣть ихъ, ласкать ихъ. Онъ любилъ васъ; что же вы можете теперь сдѣлать для него? Сегодня въ Университетской церкви служатъ панихиду по этомъ умномъ и добромъ человѣкѣ. Пойдемъ ли помолиться о немъ, дѣти?

— Пойдемъ! пойдемъ!!!

— Нужно вамъ сказать, что, бывши въ прошломъ году въ Петербургѣ, я была у него и говорила ему о нашей школѣ и о васъ. Онъ слушалъ и разспрашивалъ и говорилъ: «У насъ тутъ холодно, сурово; какъ мнѣ хочется пріѣхать къ вамъ на, югъ, въ Малороссію, поглядѣть на вашу школу, на вашихъ дѣтокъ. Какъ тепло, должно-быть, свѣтитъ и грѣетъ ваше солнышко! «Ему не удалось пріѣхать къ намъ. Пойдемъ же, дѣти, мы помолимся за добраго, умнаго и честнаго человѣка! Извѣстіе о его смерти пришло такъ неожиданно, что никто изъ насъ, учительницъ, не приготовился разсказать подробнѣе, какъ жилъ этотъ человѣкъ. Нужно вспомнить, нужно почитать кое-что, такъ что на будущее воскресенье я разскажу вамъ о немъ подробнѣе! О комъ мы идемъ молиться?

— О сочинителѣ Достоевскомъ, умномъ и добромъ человѣкѣ, который любилъ дѣтей!

Длинная вереница ученицъ въ сопровожденіи учительницъ потянулась въ церковь. Проходящіе не могли понять, откуда и куда идетъ это торжественное шествіе. Въ церкви нашлись любопытные, спрашивавшіе дѣтей: «Зачѣмъ вы сюда пришли?» Отвѣтъ былъ дружный: «Молиться за сочинителя Достоевскаго, умнаго и добраго человѣка, который любилъ дѣтей!»

8 февраля.

«Дѣти! Прошлое воскресенье я сказала вамъ, что умеръ добрый и умный человѣкъ—сочинитель Достоевскій и что въ будущее воскресенье я разскажу вамъ, какъ жилъ этотъ человѣкъ, за котораго мы ходили молиться на панихидѣ въ Университетской церкви.

«Между вами есть большіе и маленькіе, есть такіе, что умѣютъ читать, и есть такіе, что не умѣютъ. Всѣмъ большимъ, умѣющимъ читать, я совѣтую прочитать все, что писалъ этотъ великій человѣкъ, а маленькихъ и неграмотныхъ прошу помнить вотъ что: когда вы выростете и научитесь читать, вспомните, о комъ молились вы 1 февраля 1881 года, и попросите учителей вашихъ дать вамъ прочи-

тать всѣ книжки, которыя сочинялъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Онъ писалъ, дѣти, все больше о несчастныхъ людяхъ; поэтому, когда будете читать его книжки, учитесь жалѣть ихъ вмѣстѣ съ нимъ...

«Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій родился въ Москвѣ въ 1822 году, т.-е. 58 лѣтъ назадъ.

«Если обыкновенный человѣкъ умираетъ въ 58 лѣтъ, часто говорятъ: «Что жъ, ему пора уже!» Но если умираетъ человѣкъ, который каждый день, каждый часъ дѣлалъ добро людямъ, о томъ всѣ плачутъ и говорятъ: «Жизнь его была нужна людямъ; чѣмъ дольше прожилъ бы онъ, тѣмъ больше сдѣлалъ бы онъ добраго и хорошаго!» Что же именно добраго и хорошаго дѣлалъ Достоевскій?—Онъ сочинялъ книжки!.. Но всѣ ли книжки учатъ насъ добру? — Нѣтъ!— Есть книжки злыя и вредныя, но Достоевскій сочинялъ книжки, которыя учатъ насъ добру, которыя учатъ насъ любить другъ друга, любить народъ нашъ и всѣхъ несчастныхъ, обиженныхъ, униженныхъ...

«Ѳедоръ Михайловичъ учился въ Инженерномъ училищѣ и могъ бы быть инженеромъ, заработать много денегъ и жить себѣ спокойно, но ему казалось, что онъ больше принесетъ пользы людямъ, если будетъ учить ихъ добру черезъ книжки, и онъ бросилъ службу и сталъ сочинять.

«Въ 23 года онъ напечаталъ первую свою повѣсть, называлась она «Бѣдные люди». Всѣ умные сочинители, прочитавши ее тогда, сказали, что изъ Достоевскаго выйдетъ знаменитый писатель. Но недолго пришлось ему поработать. Съ нимъ случилось вотъ какое несчастье: онъ и его товарищи начитались заграничныхъ книгъ, что все у насъ въ Россіи нехорошо и все нужно перевернуть иначе, чтобы всѣ люди были счастливы. Они были молоды, мало жили на свѣтѣ и думали, что можно это устроить. Достоевскій и друзья его собирались вмѣстѣ и потихоньку толковали, какъ это устроить. Начальство узнало про это и сослало ихъ всѣхъ въ Сибирь, въ каторжныя работы. Четыре года онъ работалъ на каторгѣ, въ рудникахъ. Черезъ четыре года ему позволили поступить въ рядовые, потомъ произ-

вели въ офицеры и въ 1858 году разрѣшили возвратиться въ Россію (22 года назадъ).

«Тогда онъ опять началъ сочинять и сочинилъ очень много хорошихъ книгъ. Я скажу вамъ, какъ назывались иныя изъ этихъ книгъ: «Записки изъ мертваго дома»—онъ описывалъ тамъ тюрьму и каторжниковъ, описывалъ, какъ онъ жалѣлъ ихъ и плакалъ надъ ними, и называлъ «Мертвымъ домомъ» тюрьму, потому что человѣкъ, брошенный туда, похожъ на мертвеца, зарытаго въ землю.—Дай Богъ, чтобъ никогда и никто изъ вашихъ близкихъ не попадалъ туда!

«Другая книжка называется «Униженные и оскорбленные». Онъ описываетъ тамъ людей, которыхъ оскорбляютъ и унижаютъ другіе гордые люди, и тоже жалѣетъ ихъ и говоритъ, что они иногда бываютъ лучше этихъ гордыхъ людей.

«И много, много книжекъ написалъ онъ еще...

«Всѣ кто зналъ, кто читалъ его, всѣ любили и уважали его. Въ послѣдній разъ, когда я была въ Петербургѣ и видѣлась съ нимъ, онъ говорилъ мнѣ: «А знаете ли мои книжки читаютъ и во дворцѣ?!»

«Недавно онъ задумалъ опять новую книжку, но не пришлось нашему дорогому писателю окончить ее. Онъ умеръ неожиданно, завѣщая намъ быть добрыми и любить всѣхъ несчастныхъ.

«За гробомъ его шло много, много людей.

«Такъ чтятъ память умныхъ и добрыхъ людей, думавшихъ всю свою жизнь о томъ, какъ бы всѣмъ несчастнымъ людямъ было легче жить на свѣтѣ! Онъ умеръ, но всѣ будутъ долго помнить о немъ.

«Я сказала вамъ прошлый разъ, что онъ особенно любилъ дѣтей. Въ доказательство я прочту вамъ его одну повѣсть «Мальчикъ на елкѣ у Христа»; вы всѣ поймете ее. Когда я дочитаю эту повѣсть о бѣдномъ маленькомъ мальчикѣ, я спрошу васъ: «Дѣйствительно ли Достоевскій любилъ маленькихъ дѣтей—какъ кажется вамъ?»

«Вотъ что еще разскажу вамъ: передъ отъѣздомъ моимъ въ Петербургъ, пять лѣтъ тому назадъ, я прочла въ своемъ классѣ этотъ самый разсказъ Дашѣ Феничкиной, которая стоитъ вотъ тутъ, направо, онъ очень понравился ей,—такъ

понравился, что она списала его съ начала и до конца. Это вышла толстая-претолстая тетрадка. Даша Феничкина тогда еле умѣла писать въ двухъ кривыхъ линейкахъ, которыми сама она полинеила эту тетрадку, сшитую изъ простой сѣрой бумаги. Я захватила ее съ собой въ Петербургъ и при свиданіи съ Достоевскимъ показала ему, разсказавши, въ чемъ дѣло. Онъ задумчиво перелистывалъ ее, и двѣ крупныя слезы скатились по его впалымъ щекамъ».

Затѣмъ былъ прочтенъ мною разсказъ «Мальчикъ на елкѣ у Христа».

Все, что говорила я, было сказано несравненно полнѣе и одушевленнѣе, чѣмъ пришлось записать въ дневникъ; я чувствовала это и по степени собственнаго одушевленія, и по той мертвой тишинѣ, которая царитъ въ толпѣ только тогда, когда пришлось всецѣло покорить ея вниманіе. Я не видѣла передъ собою ни одного лица отдѣльно, меня охватило всю одно неотразимое желаніе быть понятой этой толпою, вдохнуть въ нее свои симпатіи, свои вѣрованія, заразить своею скорбью, своимъ сочувствіемъ. Не въ одну силу слова вѣрила я, мнѣ казалось, что можно говорить нервами, что всѣ силы души подымаются во мнѣ для борьбы съ непроницаемою бронею невѣжества, раздѣляющею насъ, грамотныхъ людей, отъ неграмотныхъ. Съ похолодѣвшими руками и сильно бьющимся сердцемъ вошла я въ музей, окончивши свою миссію... Тамъ встрѣтилъ меня весь наличный составъ нашего интеллигентнаго кружка. Въ сильномъ волненіи я ожидала слова одобренія и сочувствія. Во мнѣ болѣлъ вопросъ: «поняли ли меня ученицы?» Со стороны это виднѣе. Но одни задумчиво молчали, другіе разговаривали между собою о постороннемъ. Наконецъ, одинъ изъ преподавателей, рѣзко обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Все это было въ высшей степени неумѣстно; второе воскресенье крадутъ время у занятій для безполезныхъ разглагольствованій. Я самъ глубоко уважаю Достоевскаго, но что поймутъ изъ вашего разсказа эти безграмотные люди?!»

Починъ былъ сдѣланъ. За нимъ потянулись другіе критики. Оказалось, что одна изъ наиболѣе уважаемыхъ учительницъ ушла домой въ видѣ протеста.

Я молчала, низко опустивъ голову... «Богъ знаетъ, быть можетъ, они правы!»

«M-me Яковлева проситъ васъ принести ей тетрадь ея ученицы въ третью комнату!» сказали мнѣ. Я пошла. Мнѣ нужно было перейти три комнаты, полныя народу, пробираясь сквозь толпу. Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза ученица, утиравшая слезы какой-то бѣлой тряпочкой; другая, робко дергая меня за рукавъ, сказала тихо: «Ахъ, Христина Даниловна, какъ жалостно вы разсказывали!»

Во второй комнатѣ меня остановила цѣлая кучка болѣе смѣлыхъ: «Х. Д., мы идемъ благодарить васъ за то, что вы такъ хорошо намъ разсказали про Достоевскаго. Все поняли! все поняли!» добавили онѣ какъ бы въ отвѣтъ моему тайному вопросу. Одна совсѣмъ юная учительница подошла и сказала робко: «Х. Д., я никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь такъ хорошо разсказывалъ. Я считаю, что взяла у васъ урокъ, какъ говорить съ народомъ!» Затѣмъ вижу въ уголкѣ слезы и еще...

Порицанія продолжались, но я не обращала на нихъ вниманія. Возлѣ меня вертѣлась одна изъ наиболѣе развитыхъ ученицъ старшей группы, какъ бы прибирая что-то, а, между тѣмъ, видимо, ее интересовалъ споръ, но только она не смѣла вмѣшаться. Наконецъ, подойдя ко мнѣ и наклонясь къ моему уху, она сказала тихо, вся вспыхнувъ: «Я за васъ, Х. Д., что жъ мы скоты, въ самомъ дѣлѣ, что ли, что не можемъ понять всего того, что вы разсказали о Достоевскомъ. Вотъ еще! Да я первая очень многое читала изъ Достоевскаго!»

15 февраля.

Сегодня принесено нѣсколько изложеній того, что говорила и читала я о Достоевскомъ. Большіе листы сѣрой бумаги исписаны кругомъ кривыми буквами, частью напоминающими іероглифы. Въ иныхъ съ трудомъ можно разобрать слова, но изложеніе поражаетъ той степенью вниманія и пониманія, съ которыми было выслушано все то, что говорилось въ прошлое воскресенье. Конечно, примѣръ, приведенный мною относительно Даши Феничкиной, оказалъ из-

вѣстное давленіе, но, съ другой стороны, разсказъ объ этомъ фактѣ долженъ былъ глубоко проникнуть въ душу, чтобы вызвать себѣ добровольныхъ подражателей.

Горничная одной изъ учительницъ сказала ей дома: «Ну, разсказываетъ Х. Д., просто все нутро трусится!»

Вся проникнутая этимъ потокомъ отзывчивости и сочувствія, я гордо подняла голову: что было для меня послѣ всего этого мнѣніе этихъ интеллигентныхъ людей,—я понята! Мнѣ, а не имъ удалось тронуть душу народа и заставить плакать надъ свѣжею могилою Достоевскаго!..

Тургеневъ.

29 мая 1876 года.

Сегодня я пошла въ читальню и начала просматривать газеты. Вошелъ какой-то господинъ, высокій, плотный, съ свѣжимъ красивымъ лицомъ и совершенно сѣдыми волосами. Я взглянула на него, и странно—лицо его показалось мнѣ совершенно похожимъ на портретъ Тургенева, купленный мною у Бергамаска. Я стала всматриваться и съ каждою минутою все болѣе и болѣе убѣждалась, что это Тургеневъ. Пересмотрѣвъ газеты, онъ вышелъ изъ читальни. Я поспѣшила узнать въ конторѣ, не стоитъ ли въ гостиницѣ Тургеневъ, и когда услышала: «Да, онъ здѣсь въ 65 номерѣ», у меня такъ забилось сердце, что чуть не сдѣлалось дурно. Ложась въ постель, я чувствовала себя совершенно счастливой при мысли, что я видѣла его, Тургенева, близко, живого, воочію,—того самаго Тургенева, надъ романами котораго я такъ часто волновалась и плакала. Мнѣ казалось такимъ необыкновеннымъ счастьемъ то обстоятельство, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ именно теперь, въ мой пріѣздъ, и остановился именно у Демута, и именно въ номерѣ 65, черезъ три номера отъ насъ. Дальше этихъ счастливыхъ впечатлѣній воображеніе мое не залетало.

30 мая. Воскресенье.

Когда первый приливъ счастія успокоился, я почувствовала, что мнѣ мало этого безсловеснаго свиданія; видѣть его и говорить съ нимъ стало необходимою потребностью. Желаніе это как-то томило меня. Я вѣрила, что это непремѣнно должно случиться, но, какъ устроить это—не могла

придумать. Я надѣялась на свою звѣзду, на счастливый случай, но часы шли, а дѣла мои не подвигались. Я видѣла его издали за завтракомъ, видѣла за обѣдомъ, проходила много разъ мимо его номера въ томительномъ и трепетномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ что-то случится, но ничего не случалось; приблизился вечеръ, настала ночь, а я находилась все въ томъ же нерѣшительномъ положеніи. Заснуть я не могла. Мнѣ думалось: «завтра одинъ день, и все будетъ кончено. Во вторникъ мы уѣдемъ, и я навѣки лишусь случая познакомиться и говорить съ нимъ». Я ломала себѣ голову, пріискивая средства, и вдругъ напала на мысль писать. Къ свѣту письмо быстро сложилось у меня въ головѣ.

«Глубокоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ!

«Видѣть васъ и говорить съ вами составляло всегда мою любимую мечту. Мечта эта, впрочемъ, казалась мнѣ довольно несбыточною: ѣхать заграницу я не могла по многимъ причинамъ, надѣяться встрѣтить васъ въ Россіи было также мудрено. Почему свиданіе съ вами составляло мою любимую мечту, я полагаю излишне разъяснять грамотному человѣку, читавшему васъ.

«Жизнь моя полна удачъ и счастливыхъ случайностей. Успѣхъ въ моихъ маленькихъ общественныхъ дѣлахъ (школахъ) многіе относятъ къ моей природной энергіи и настойчивости; мнѣ же думается, что я баловень судьбы и больше ничего, это не вѣра въ предопредѣленіе, это только вѣра въ возможность счастливыхъ случайностей. Она оправдалась и въ этотъ разъ: нужно же было, чтобы дѣла моего мужа привели насъ именно въ маѣ мѣсяцѣ изъ провинціи въ Петербургъ, нужно же было остановиться именно въ гостиницѣ Демутъ и притти въ читальню именно въ тотъ часъ, когда вы были тамъ. Раньше я не знала, что вы здѣсь и узнала васъ по портрету. Когда вы вошли на нѣсколько минутъ въ читальню, и я взглянула на васъ, я подумала: «А вѣдь это, право, кажется, Тургеневъ!» Затѣмъ справилась у служащихъ при гостиницѣ, и они подтвер-

дили мою догадку. Я не могла заснуть всю ночь, изобрѣтая средство съ вами познакомиться, но каждое изъ нихъ оказывалось, въ концѣ-концовъ, неудобно, навязчиво. Приходилось продолжать надѣяться на свою звѣзду и на какую-нибудь счастливую случайность, но—увы!—я встрѣтила васъ вчера издали за обѣдомъ—и только.

«Когда я увидала васъ въ первый разъ, я такъ была этимъ счастлива, что мнѣ казалось съ меня довольно и этого; но затѣмъ явилось непреодолимое желаніе познакомиться, говорить съ вами. Желаніе это растетъ, а средствъ къ осуществленію его никакихъ. Между тѣмъ, завтра мы уѣзжаемъ, и я, быть-можетъ, навѣки теряю случай познакомиться съ вами. Ввиду этого я рѣшилась на послѣднее средство—писать и просить васъ, какъ счастья, удѣлить мнѣ полчаса вашего времени. Будетъ ли это у васъ, въ читальнѣ, у насъ (номеръ 69 въ одномъ съ вами коридорѣ),—мнѣ все равно. Не примите меня за какую-нибудь авантюристку, ищущую приключеній. Я—замужняя женщина, мать четырехъ дѣтей, и если хочу видѣть васъ, то какъ идеалъ воплотившійся для меня въ живомъ человѣкѣ, какъ кумиръ, которому хочется поклоняться и молиться. Все это, можетъ-быть, нѣсколько смѣшно и странно, особенно въ 35 лѣтъ, но позвольте надѣяться, что по свойственной вамъ гуманности вы пощадите эту записку отъ ироніи и насмѣшки во имя ея неподдѣльной искренности.

«Дома весь день и вечеръ. Жду отвѣта въ номеръ 69.

Глубоко уважающая Васъ

Х. Алчевская».

Я встала тихонько, крадучись, точно воръ, боясь разбудить мужа и вызвать протестъ моимъ неразумнымъ планамъ. Написавши письмо, я также тихонько пробралась въ корридоръ, выждала кельнера, служащаго въ нашихъ номерахъ, и дрожащими руками подала ему письмо, прося передать въ 65 номеръ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ принесъ мнѣ отвѣтъ:

«Милостивая Государыня!

«Я буду имѣть честь явиться къ Вамъ сегодня въ 2 часа. Ваше мнѣніе обо мнѣ такъ лестно, что я принужденъ заранѣе просить у Васъ извиненія, если впечатлѣніе, которое я произведу на Васъ, окажется совершенно несоотвѣтственнымъ тому идеалу, въ который вамъ угодно было меня возвести.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи

Ив. Тургеневъ».

Какъ долго и томительно должно быть ожиданіе отъ 9 до 2 часовъ. Пойти бы куда-нибудь, а вдругъ со мною что-нибудь случится: раздавятъ лошади или что-нибудь въ этомъ родѣ. Я начала дорожить собою, какъ человѣкомъ, которому предстоитъ увидѣть Тургенева. Наконецъ, пробило два часа, и онъ вошелъ въ нашъ номеръ, нѣсколько сконфуженный и чувствуя себя, повидимому, неловко. Мужъ мой встрѣтилъ его панегириками его сочиненіямъ. Это, казалось, сконфузило его еще больше, и онъ усиленно старался перевести разговоръ на другую тему и перевелъ на Малороссію. Вообще и потомъ, какъ только разговоръ касался его сочиненій, онъ, видимо, не любя толковать на эту тему, старался тотчасъ прекратить его. Что касается до меня, то я была очень рада, что кто-нибудь говоритъ за меня,—такое сильное чувствовала волненіе.

Когда онъ началъ говорить о Малороссіи, я очень была рада сличить ихъ мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ съ Достоевскимъ, какъ людей почти однихъ лѣтъ и одного лагеря славянофиловъ. Въ голосѣ его было такъ много доброты и кротости, что вначалѣ я приняла его сторонникомъ бывшаго украинофильскаго движенія. «Да, я очень люблю Малороссію,—говорилъ Тургеневъ.—Въ ней, въ ея пѣсняхъ, въ ея обычаяхъ такъ много симпатичнаго; если не это, то будущее лѣто я непремѣнно посѣщу ее и тогда, конечно, если позволите, буду у васъ. Впрочемъ, и не бывши тамъ, я немножко работалъ для нея, переводя разсказы Марка

Вовчка. Одно только составляетъ, я думаю, вопросъ (и съ этой минуты я увидѣла передъ собою все того же славянофила)—это то, способенъ ли малорусскій языкъ къ дальнѣйшему совершенствованію, почему на немъ нѣтъ ни одного мало-мальски научнаго сочиненія, и даже самъ Шевченко писалъ свой дневникъ по-великорусски. Вотъ что приводитъ меня въ сомнѣніе».

Затѣмъ онъ сталъ какъ бы разспрашивать, говорятъ ли въ Малороссіи въ обществѣ по-малорусски, выходятъ ли новыя книги, учатъ ли по-малорусски въ школахъ, заставляя насъ самихъ побивать себя этими отвѣтами и игнорируя вопросъ о произволѣ, прекратившемъ возможность развитія малорусскаго языка. Затѣмъ разговоръ коснулся «Анны Карениной».

— Это совсѣмъ не похоже на романъ,—говорилъ Тургеневъ все тѣмъ же кроткимъ голосомъ,—это просто какіе-то небрежные наброски. Вамъ кажется, что Левъ Толстой путешествуетъ и безразлично останавливаетъ свой взоръ то на одной, то на другой картинкѣ. Ему все равно, что попадается ему на глаза—хорошо ли оно или дурно. Вы чувствуете даже, что описаніе этихъ картинокъ зависитъ отъ его личнаго расположеніи духа. Въ хорошемъ онъ расположеніи, онъ смотритъ такъ, въ дурномъ—иначе на тотъ же самый предметъ. Писать такъ романъ невозможно. Въ немъ должна быть вложена извѣстная идея.

— А какое будетъ заглавіе вашего новаго романа?—спросила я.

— Не знаю. Я никогда не даю заглавія до окончанія романа—это нѣсколько стѣсняетъ.

Тургеневъ просидѣлъ у насъ отъ двухъ до пяти часовъ; съ каждою минутою разговоръ становился проще и непринужденнѣе. Говорилось о многомъ: сѣтовалъ онъ на бездарность молодого поколѣнія, на бѣдность русской литературы, говорилъ о Достоевскомъ и его романахъ.

— Видите ли,—говорилъ онъ,—Достоевскій человѣкъ болѣзненный, и эта болѣзненность отражается и въ его произведеніяхъ. Вначалѣ вы видите, какъ будто нѣсколько нормальныхъ типовъ, непохожихъ одинъ на другого, затѣмъ

они всѣ разомъ точно будто заболѣваютъ и какъ-то сливаются, дѣлаются похожи одинъ на другого. Никогда ни одного нормальнаго типа, доведеннаго до конца.

— Да есть ли они и въ жизни,—возразила я,—при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ общества, которыя рано или поздно непремѣнно надламываютъ человѣка.—Затѣмъ я разсказала ему объ обществѣ, ожидающемъ съ минуты на минуту пришествія Христа, которое вчера мнѣ удалось видѣть. Онъ говоритъ, что подобныя общества разсѣяны повсюду, и если эти люди воображаютъ, что они изобрѣли что-либо новое, то они жестоко ошибаются. Тутъ онъ развилъ теорію о томъ, что, вообще, люди ошибаются, преувеличивая значеніе своей воли, и если сличить статистическія данныя самоубійствъ различныхъ сектъ и другихъ людскихъ дѣйствій, то съ поразительною ясностью увидишь отсутствіе этой кажущейся воли. Мнѣ почему-то стало очень грустно отъ этой теоріи, въ устахъ Тургенева она дышала какою-то безнадежностью, апатіей; ужъ не бросилъ ли онъ и Россію въ силу этой теоріи и утѣшается мыслью, что такъ и быть должно.

На прощанье мы заявили, что уѣзжаемъ завтра. Онъ простился до пріѣзда въ Харьковъ.

На другой день нашъ кельнеръ, весь сіяющій, объявилъ мнѣ, что номеръ 65 (онъ для нихъ не болѣе, какъ 65 номеръ!!!) тоже велѣлъ укладывать вещи и выѣзжаетъ съ экстреннымъ поѣздомъ въ $6^1/_2$ часовъ. Причемъ я получила отъ мужа выговоръ, что даже прислуга замѣчаетъ мое сумасбродство, но я такъ была счастлива, что никакіе на свѣтѣ выговоры не могли замутить этого счастья.—Въ 12 часовъ я пошла завтракать. Тургеневъ тоже завтракалъ тамъ же въ садикѣ съ какою-то дамою. Оказалось, что онъ съ нею путешествуетъ, что это Віардо.

Я сѣла поодаль и старалась незамѣтно, изрѣдка смотрѣть на него. Онъ бросалъ крошки хлѣба воробьямъ глядя на нихъ своими свѣтлыми, добрыми глазами. Въ эту минуту я позавидовала воробьямъ и тому, какъ много онъ обращаетъ на нихъ вниманія. Точно угадавъ мою мысль, онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ со мною нѣсколько словъ. Я показалась самой себѣ похожею на воробья.

Вечеромъ на вокзалѣ, пробираясь черезъ густую толпу, мой мужъ сказалъ мнѣ шопотомъ: «Тургеневъ взялъ билетъ въ спальномъ мужскомъ отдѣленіи, а я взялъ тебѣ въ спальномъ женскомъ—вѣдь все равно ничего не подѣлаешь!»

Я прокляла въ эту минуту и желѣзную дорогу, и спальные вагоны, и необходимость сна, и все, что отняло у меня эти нѣсколько дорогихъ для меня часовъ. Правда, что каждую станцію я превращалась въ воробья, но этого было такъ мало.

Утромъ мы были въ Москвѣ, гдѣ онъ и остался, а мы поѣхали дальше. Я готова была бы, кажется, заболѣть и умереть, лишь бы остаться въ Москвѣ, но ни того, ни другого не случилось.

Въ спальномъ вагонѣ, кромѣ меня, ѣхало еще двѣ дамы—одна пожилая, вся въ черномъ, другая худенькая, высокая, съ какимъ-то нервнымъ подергиваніемъ въ лицѣ.

— Не можете себѣ представить,—говорила первая тономъ человѣка, глубоко вѣрующаго въ справедливость исповѣдуемыхъ имъ убѣжденій,—до какой степени парализуется теперь моя дѣятельность въ школѣ. Составился педагогическій совѣтъ контролировать мои дѣйствія, каждый мой шагъ подлежитъ обсужденію, и все это молодежь,—молодежь, только что отпущенная съ ученической скамьи и напичканная одною часто неосуществимою теоріей. Такъ, напримѣръ, недавно педагогическій совѣтъ рѣшилъ отмѣнить награды. Я не понимаю, почему соревнованіе есть подлость, почему желаніе выдвинуться изъ толпы, желаніе подвига есть подлость? Все они подравниваютъ, подравниваютъ и подравняли до того, что у насъ нѣтъ совсѣмъ глупыхъ людей, но зато нѣтъ и умныхъ, выдвигающихся изъ толпы, какъ бывало прежде. Я долго ратовала за эти награды, которыхъ дѣти ждали, къ которымъ дѣти привыкли; доказывала, что они готовятся къ жизни реальной, что въ этой реальной жизни никто изъ насъ не отказывается отъ наградъ, и самъ батюшка, тянущій въ общій тонъ противъ наградъ, былъ

очень обрадованъ еще такъ недавно камилавкой. Чѣмъ же рѣшили? Рѣшили отмѣнить награды, но оставить за мною право дѣлать подарки, т.-е. вмѣсто заслуженной награды получать подачки,—однимъ словомъ вымѣняли ястреба на кукушку. Ввели звуковой методъ, и я увѣряю васъ, что у меня лучше, бойчѣе, выразительнѣе научались читать по буквослагательному. Было толковое обученіе, но не было этихъ безплодныхъ разглагольствованій, этого самоуслади-тельнаго говоренья о четырехъ ногахъ лошади и крыльяхъ птицы.

Меня очень заинтересовала эта старушка учительница, такъ бойко и энергически отстаивающая свои права и взгляды, я подсѣла ближе къ ней и спросила, читала ли она статью Льва Толстого ѳ народномъ образованіи?

— Не только читала,—отвѣчала она,—но въ ней есть положительно мои мысли, мы большіе съ нимъ пріятели, и онъ помѣстилъ въ своей статьѣ нѣсколько взглядовъ и фактовъ, заимствованныхъ отъ меня и изъ моей личной практики.

Въ эту минуту поѣздъ остановился. Дама въ черномъ вышла пить чай, я осталась съ ея знакомой нервной дамой, чтобы разспросить, что это за учительница.

— Это графиня Сологубъ, родная сестра умершаго Самарина, жена писателя Сологуба. Это чрезвычайно энергическая и умная женщина. Школа, о которой она разсказывала, создана всецѣло ею лѣтъ 10—15 назадъ. Создана она была изъ ничего; теперь же обладаетъ капиталомъ въ 50 тысячъ, великолѣпнымъ помѣщеніемъ и выпускаетъ ежегодно до 50 прекрасныхъ швей и горничныхъ, которыя, впрочемъ, чаще выходятъ замужъ, чѣмъ попадаютъ на должности, такъ какъ заведеніе славится своей примѣрной нравственностью и трудолюбіемъ. Она не любитъ выставляться и играть роль хозяйки и обыкновенно увѣряетъ, что школа создана обществомъ и ведется корпораціей учителей и учительницъ, но это вздоръ: она создана и ведется ею и ея энергіей, и только такая преданность дѣлу, какою обладаетъ она, можетъ повести человѣка на такіе компромиссы, на которые рѣшается она, подчиняясь духу времени. Она согласится на многое,

чтобы не портить дѣла междоусобіями, но зато и сумѣетъ отстоять то, что считаетъ фундаментомъ своихъ убѣжденій, поддерживающимъ любимое дѣтище—школу. Это женщина, которую многіе глубоко уважаютъ и въ томъ числѣ графъ Левъ Толстой.

Дама въ черномъ снова вошла въ вагонъ, я подошла къ ней и, разсказавши ей о своемъ поклоненіи Льву Толстому, просила ее, ради Бога, достать мнѣ его портретъ. Она взяла мою визитную карточку, приписала на ней Харьковъ и дала честное слово доставить мнѣ его портретъ, если только онъ существуетъ въ природѣ. Она купила въ Харьковѣ недавно имѣніе и дала мнѣ слово быть непремѣнно въ семейной и воскресной школѣ въ первый свой пріѣздъ къ намъ. На слѣдующей станціи она встала, и я осталась вдвоемъ съ нервной дамой. Провожая до вокзала графиню Сологубъ, я спросила ее, кто моя сосѣдка. Она отвѣчала:

— Княгиня Ч., сестра князя Васильчикова, написавшаго «о самоуправленіи». Она въ высшей степени нервная женщина. Ее не рѣшаются даже отпускать въ путь одну. Замѣтили компаньонку, сидящую въ углу. Да и самый взглядъ княгини какой-то странный, безпокойный.

— Да, это правда,—подумала я,—пока она не заговоритъ, но говоритъ она прекрасно, хотя какъ-то слишкомъ уже горячо, порывисто, точно сердится или боится, что вотъ-вотъ ее перебьютъ.

Я вошла въ вагонъ. Княгиня Ч. возобновила разговоръ о Львѣ Толстомъ, затѣмъ мы разговорились о писателяхъ вообще и остановились на Тургеневѣ.

— Да, онъ совершенно погибъ для Россіи,—говорила княгиня Ч., глядя куда-то вдаль блуждающимъ взоромъ своихъ огромныхъ голубыхъ глазъ и нервно ворочая въ рукѣ концы лентъ своей шляпы,—совершенно погибъ съ тѣхъ поръ, какъ сошелся съ этой иностранной пѣвицей Віардо. Онъ не написалъ съ тѣхъ поръ ни одной порядочной вещи, между тѣмъ, въ немъ еще очень много энергіи, жизни и силъ. Всѣ его интересы, всѣ его симпатіи направлены туда—

заграницу. Это человѣкъ, оторванный отъ почвы и, благодаря этому, утратившій свою творческую силу. Можно изучать чужіе края, не отдавая имъ всей своей души, а онъ отдалъ, и безвозвратно. Онъ въ полномъ подчиненіи Віардо, она ревнуетъ его къ Россіи, не понимая, что вся сила его генія именно заключалась въ любви къ родинѣ. Онъ и самъ, вѣроятно, чувствуетъ это инстинктивно и ѣдетъ писать свой большой романъ въ деревню, но и это самое выходитъ какъ-то искусственно—важно не быть въ деревнѣ, важно не отрываться отъ нея душой, не отставать отъ анализа общества, слѣдить за движеніемъ молодого поколѣнія, вотъ что важно, а не поселиться въ русской деревнѣ на два, на три мѣсяца. Я увѣрена, что новый романъ его, опять выйдетъ слабъ, какъ слабы всѣ его послѣднія вещи, за исключеніемъ «Хворой», отрытой изъ какихъ-то прежнихъ записокъ.

«Правда, Віардо—очень умная, очень энергическая женщина. Во время послѣдней французской войны они внезапно потеряли все свое состояніе и очутились нищими съ кучею дѣтей, но она не упала духомъ. Она стала давать уроки и такимъ образомъ поддержала семью. Теперь къ ней съѣзжаются со всѣхъ концовъ земли и платятъ по 100 франковъ за урокъ, такою она пользуется популярностью. Кромѣ того, она, старуха подъ 60 лѣтъ, такъ художественно владѣетъ остатками своего голоса и поетъ съ такимъ чувствомъ, что невозможно слышать безъ слезъ ея пѣнія. Все это прекрасно, но зачѣмъ же тратить на нее все свое состояніе, да и состояніе еще ничего бы, но свои нравственныя силы. Зачѣмъ она отняла его у родины, зачѣмъ загасила талантъ? Его узнать нельзя людямъ, знавшимъ его такъ близко, какъ знали мы съ мужемъ.

Въ эту минуту поѣздъ остановился. Княгиня Ч. засуетилась. Компаньонка одѣла ее какъ маленькаго ребенка. Взглядъ ея снова сталъ какимъ-то испуганнымъ и растеряннымъ, руки нервно дрожали. Трудно было повѣрить, что эта женщина только что окончила самую складную и систематическую рѣчь. Карета ждала ее у вокзала. Она сѣла и уѣхала.

Нападки на Тургенева, сходныя съ тѣми, которыя высказывала княгиня Ч., появились и въ печати.

Мнѣ до слезъ было жаль геніальнаго человѣка, въ котораго такъ несправедливо бросали грязью, и я написала ему горячее письмо, на которое онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее:

50, Rue de Douai.
Paris.

Суббота, 30/18 марта 1878 г.

«Милостивая Государыня
Христина Даниловна!

«Я получилъ ваше письмо и, право, не знаю, какъ вамъ отвѣтить. Оно меня очень тронуло. Выраженія сочувствія, которыми оно исполнено, такъ сильны, что мнѣ остается только благодарить. Мнѣ весьма памятна наша встрѣча въ Петербургѣ, и я очень былъ бы радъ, если бъ она возобновилась. Я выѣзжаю изъ Парижа въ послѣднихъ числахъ мая—и раньше сентября туда не вернусь.

«Письма, подобныя вашему, могли бы поколебать мою рѣшимость оставить литературныя занятія. Но я перестаю писать не потому, что критика со мной обходится строго, а потому, что, живя почти постоянно заграницей, я лишенъ возможности прилежныхъ и пристальныхъ наблюденій надъ русской жизнью, которая къ тому же усложняется съ каждымъ годомъ.

«Но мнѣ отрадно думать, что моя посильная дѣятельность могла возбудить такіе горячіе отзвуки въ русскихъ душахъ.

«Примите, Милостивая Государыня, вмѣстѣ съ вторичнымъ изъявленіемъ моей благодарности увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и совершенной преданности вашего покорнѣйшаго слуги.

Ив. Тургеневъ».

Левъ Толстой [1]).

14 апрѣля 1884 года.

Еще одно осуществившееся желаніе, еще одинъ счастливый день въ жизни... Я видѣлась сегодня съ Львомъ Толстымъ. Пріѣхавъ въ Москву въ четвергъ, я заболѣла желаніемъ видѣть его, но осуществить это желаніе, у меня не было рѣшимости. Наконецъ, я рѣшилась написать Толстому коротенькую зауряднуючи записочку о желаніи видѣться съ нимъ.

Посыльный отнесъ эту записку въ 12 часовъ. Левъ Николаевичъ еще спалъ. Сказали, что онъ нездоровъ. Затѣмъ онъ проснулся, ему подали записку и тутъ же, по словамъ посыльнаго, пріѣхали два доктора. Черезъ нѣсколько минутъ Левъ Николаевичъ вышелъ къ нему и сказалъ: «Передайте, что мнѣ очень нездоровится; если почувствую себя лучше, непремѣнно буду самъ, чтобы лично повидаться и познакомиться».

Получивши этотъ отвѣтъ, я замерла въ ожиданіи. Каждые новые шаги по корридору заставляли меня вздрагивать и вслушиваться. Черезъ нѣсколько часовъ я изучила уже въ совершенствѣ шаги моего мужа, посыльнаго, кельнера, корридорнаго и очень явственно умѣла отличать отъ нихъ чужіе, неизвѣстные шаги, заставлявшіе каждый разъ замирать сердце. Но ожиданія были напрасны. Подошла мучительная ночь, я невыразимо страдала нравственно—мнѣ казалось, что я задумала нѣчто такое несбыточное, невозможное, чего мнѣ никогда и ничѣмъ не достигнуть.

На другой день мужъ мой, невольный свидѣтель всѣхъ этихъ терзаній, отправился въ часъ дня къ Толстому съ

[1]) Было напечатано въ газетѣ „Школа и Жизнь“ №№ 19, 20, 1911 г.

намѣреніемъ освѣдомиться объ его здоровьѣ и узнать объ ожидающей меня участи. Онъ встрѣтилъ Льва Николаевича въ передней и объяснилъ ему цѣль своего посѣщенія. Тотъ очень привѣтливо пригласилъ его въ свой кабинетъ. Кабинетъ этотъ, по словамъ мужа моего, представлялъ пустую комнату съ кроватью, двумя стульями, станкомъ, вѣроятно, для шитья сапогъ (такъ какъ Толстой выучился въ послѣднее время шить сапоги) и узломъ бѣлья въ углу.

Левъ Николаевичъ просилъ передать мнѣ, что сегодня ему несравненно лучше, что онъ намѣтилъ быть у меня около трехъ часовъ и непремѣнно исполнитъ это намѣреніе.

Получивши это извѣстіе во второмъ часу, я прежде всего позвала кельнера и объяснила ему, что около трехъ часовъ ко мнѣ пріѣдетъ графъ Толстой и, чтобы въ то время, какъ онъ будетъ у меня, онъ никого не принималъ и говорилъ, что меня нѣтъ дома. Я внушала ему все это такъ вразумительно, что, казалось, никакихъ недоразумѣній произойти не можетъ.

Какъ провела я эти два часа, затрудняюсь объяснить— пробовала читать, писать, укладывать вещи въ дорогу,—ничего не выходило. Кончилось тѣмъ, что я по-вчерашнему сѣла въ уголъ на кресло и, такъ сказать, окаменѣла.

Въ пять минутъ четвертаго какой-то незнакомый мнѣ старческій голосъ явственно произнесъ: «Это номеръ 93?— «Ихъ дома нѣтъ», отвѣчалъ солидно нашъ важный кельнеръ. Я, какъ сумасшедшая, бросилась къ двери.

Передо мной стоялъ человѣкъ невысокаго роста, съ широкимъ мускулистымъ лицомъ, съ длинною, мужицкою нечесанною бородою съ просѣдью, въ поношенной сѣрой блузѣ, опоясанной кожанымъ поясомъ, въ широкихъ сѣрыхъ шароварахъ, спрятанныхъ въ сапоги самаго безобразнаго фасона (вѣроятно, собственнаго издѣлія) и въ узкомъ, порыжѣломъ пальто нараспашку. Сходство съ портретомъ помогло мнѣ рѣшить, что это былъ Левъ Толстой. Онъ съ трудомъ сталъ стаскивать рукава своего узковатаго пальто. Я дѣлала выразительные жесты кельнеру, чтобы тотъ помогъ ему, но напрасно. Онъ стоялъ съ лицомъ, выражав-

шимъ недоумѣніе. Это лицо ясно говорило: «Велѣно не принимать, а сами впустили къ себѣ какого-то проходимца»...

Левъ Николаевичъ продолжалъ высвобождаться изъ пальто. Потерявши терпѣніе, я сказала кельнеру: «Помогите же». Толстой сдѣлалъ послѣднее усиліе, стащилъ второй рукавъ и сказалъ: «Нѣтъ, ради Бога, не надо, я привыкъ самъ». Здороваясь со мною такъ просто и естественно, точно мы знакомы съ нимъ сто лѣтъ, точно будто не произошло ничего необычайнаго, какъ казалось мнѣ, онъ сказалъ: «Опоздалъ немного. Шелъ базаромъ. Вижу — съ одной стороны купля и продажа, возбужденныя до ожесточенія алчныя лица торговокъ, съ другой — озабоченныя, недовѣрчивыя лица покупателей, а въ сторонкѣ какой-то странникъ, повѣствующій о чемъ-то съ большимъ воодушевленіемъ и около него кружокъ напряженно слушающихъ людей съ устремленными на него расширенными глазами. Подошелъ. Очень интересно. Долго прослушалъ бы, если бы не спѣшилъ къ вамъ».

Мы сѣли. На столѣ лежалъ указатель «Что читать народу».

— Вотъ онъ,—сказалъ оживленно Левъ Николаевичъ, взявъ книгу въ руки.—Какой большой... Знайте, что я самый рьяный пропагандистъ вашей книги: роздалъ своимъ пріятелямъ всѣ отдѣлы по листкамъ, а самъ сижу пока надъ литературнымъ отдѣломъ. Его не скоро одолѣешь. Боюсь одного, что вы опочите на лаврахъ и не войдете въ дѣло, въ которое мнѣ очень хотѣлось бы вовлечь васъ. Признайтесь, вся ваша душа теперь безраздѣльно въ этой книгѣ? Да?

— Положимъ, о лаврахъ мы не думаемъ мечтать,—отвѣчала я.—Дай Богъ, избѣжать хоть терній, но въ настоящую минуту вся душа моя, дѣйствительно, въ этой книгѣ, и я не могу вообразить себѣ другого дѣла, другихъ интересовъ въ жизни.

— А, между тѣмъ, дѣло есть и какое дѣло!—продолжалъ Толстой.—Мы задались цѣлью отвѣтить на вопросъ, поставленный вашей разумной книгой,—на вопросъ, что

читать народу. Она, ваша книга, дала намъ эту мысль, такъ и знайте, мы не хоронимся съ этимъ. Скажу болѣе, она вызвала движеніе, расшевелила дремавшій вопросъ. Спасибо ей... Что же именно вознамѣрились мы сдѣлать? А вотъ что: прежде считали грамотныхъ въ народѣ десятками, теперь ихъ насчитываютъ сотни и тысячи, и неужели мы, такъ называемая интеллигенція, не позаботимся о пищѣ духовной для этой меньшой братіи?.. Я имѣю обыкновеніе носить копейки въ карманѣ. Когда нищій протягиваетъ ко мнѣ руку, мнѣ стыдно, мнѣ больно оттолкнуть ее. Какъ не дать, когда онъ знаетъ, что карманъ мой заключаетъ тысячи этихъ копеекъ. Такъ и тутъ. Но гдѣ найдемъ мы чистые источники жизни, правды и поэзіи? Мы найдемъ ихъ...

И онъ назвалъ цѣлый рядъ именъ, которыхъ я или вовсе не слыхала, или слыхала такъ рѣдко, что затрудняюсь ихъ повторить.

— Мы найдемъ ихъ въ такихъ сочиненіяхъ, какъ...

И опять воспослѣдовалъ перечень совершенно неизвѣстныхъ мнѣ названій. Очевидно, эти имена и эти заглавія говорили ясно, какую именно духовную пищу желаетъ предложить народу графъ Толстой, но для меня они были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и я смотрѣла на него недоумѣвающимъ взглядомъ. Вѣроятно, подмѣтивши это, онъ сказалъ:

— Я, кажется, плохо объяснилъ вамъ свою мысль. Это обыкновенно бываетъ съ человѣкомъ, слишкомъ ясно представляющимъ извѣстное дѣло: ему кажется, что и другой долженъ понять его съ полуслова. Не правда ли?

— Я ничего не поняла,—отвѣчала я грустно,—но не потому, что вы плохо объяснили мнѣ, Левъ Николаевичъ, а потому, что прежде чѣмъ говорить съ вами, я должна предупредить васъ откровенно, что вы имѣете дѣло съ круглой невѣждой. Чтобы рѣзче охарактеризовать степень моего невѣжества, я должна сказать вамъ, что даже грамотѣ я выучилась самоучкой.

— И не знаете ни исторіи, ни географіи, ни ариѳметики?—сказалъ онъ веселымъ вызывающимъ тономъ.

— Не знаю...

— И не знаете языковъ, не читаете иностранныхъ писателей?

— Не читаю...

— Какая прелесть, какъ я люблю встрѣчаться съ людьми, самостоятельно достигшими извѣстнаго развитія. Бога ради, разскажите мнѣ послѣдовательно, съ колыбели, какъ вы дошли до того, чѣмъ обладаете? Я буду слушать васъ, сколько хотите.

Несмотря на то, что и самой мнѣ хотѣлось несравненно больше слушать, чѣмъ говорить, волей-неволей пришлось разсказать автобіографію. Я начала съ того, какъ мой отецъ находилъ излишнимъ учить дѣвочку грамотѣ, какъ выучилась я читать, подслушивая у дверей уроки братьевъ, какъ помогала имъ потомъ въ гимназіи и писала имъ сочиненія, какъ въ юности я набрела на мысль, что умѣть читать и писать есть нравственное наслажденіе, до котораго я должна довести въ жизни какъ можно больше людей, какъ, наконецъ, попала въ школу и пристрастилась къ ней и т. д. и т. д.

Толстой слушалъ весьма внимательно. Когда я окончила, мнѣ самой казалось удивительнымъ, какимъ образомъ я такъ смѣло, съ такимъ одушевленіемъ и, даже кажется, жестикуляціей могла разсказывать всю эту исторію передъ Львомъ Толстымъ. И тутъ же, какъ бы въ отвѣтъ мнѣ, припомнилось мое дѣтство.

Мнѣ припомнилось, какъ мать говорила мнѣ о Богѣ, что Его нечего бояться, что Онъ добрый, что говори ему или нѣтъ, Онъ все равно знаетъ сердце человѣческое и всѣ помыслы людскіе, что каждый имѣетъ право притти и молиться Ему и повѣрять Ему все, что происходитъ въ душѣ. Когда я приходила въ церковь и устремляла обыкновенно глаза на блѣдно-голубой куполъ, усѣянный золотыми звѣздами, и искала знакомый мнѣ добрый, разумный ликъ Бога-Отца съ широкой сѣдой бородой, со скипетромъ въ лѣвой рукѣ и державой въ правой, я повѣряла Ему всѣ свои дѣтскія тайны, которыя казались мнѣ тогда чрезвычайно важными, я чувствовала на себѣ взглядъ его серьез-

ныхъ, добрыхъ глазъ, и вся счастливая и умиленная возвращалась домой. Ребенкомъ я любила именно Бога-Отца. Бога-Духа Святого я тщетно силилась постичь, несмотря на всѣ толкованія матери. Исторія Іисуса Христа мнѣ не нравилась и казалась не трогательной, а какой-то страшной и обидной. Какъ Онъ, Сынъ Бога, могъ допустить Себя до того, что Его распяли? Идеи страданія за міръ я не могла понять и полюбила Христа гораздо позднѣе и сознательнѣе. И только Богъ-Отецъ являлся моему дѣтскому воображенію въ полномъ величіи, милосердіи и славѣ.

Впослѣдствіи я много разъ дѣлала наблюденія надъ дѣтьми и находила у нихъ много общаго съ моими дѣтскими впечатлѣніями. Странно, но въ эту минуту Толстой показался мнѣ въ высшей степени похожимъ на ликъ Бога-Отца моего дѣтства, и тѣ же чувства умиленія, довѣрія и любви наполняли душу.

Помолчавъ немного и подумавъ, онъ сказалъ:

— Да, все это очень интересно и поучительно... Постараюсь объяснить вамъ свою мысль въ болѣе популярной формѣ. Мы предлагаемъ народу четыре сорта литературы: во-первыхъ, лубочную. Ее любитъ народъ. И онъ правъ, такъ какъ въ ней попадаетъ много цѣннаго, истинно поэтическаго и неподдѣльно народнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней масса цинизма и грязи, которые систематически деморализуютъ народъ изъ вѣка въ вѣкъ. Во-вторыхъ, тенденціозную. Ее не любитъ народъ, не люблю и я и считаю себя не въ правѣ прививать народу ни тенденцій «Московскихъ Вѣдомостей»—съ одной стороны, ни доктринъ «Отечественныхъ Записокъ»—съ другой. Я самъ не знаю, въ нихъ ли истина, и, быть-можетъ, народъ изберетъ иной путь вѣрнѣе и безошибочнѣе. Въ-третьихъ, бездарную. Въ ней работаютъ люди, оказавшіеся негодными для литературы, предназначенной для интеллигенціи. О ней не стоитъ говорить. И, наконецъ, четвертую — предлагающую Тургеневыхъ, Толстыхъ и Достоевскихъ. Ее не понимаетъ народъ, такъ какъ это пирожное, а не хлѣбъ насущный. Я умѣю готовить и отлично могу приготовить утонченныя любимыя блюда моихъ пріятелей, но въ то же время не умѣю сварить щи

съ саломъ. Такъ и тутъ. Что же прикажете дѣлать?.. Мы слишкомъ сложны для народа, слишкомъ, если хотите, реальны, слишкомъ мало отрѣшились отъ злобы дня. Но вы знаете, конечно, что есть гиганты мысли, что есть генiи, завѣщавшiе мiру великiя сокровища своего ума. Они доступны каждому человѣческому сердцу, исторiя уже отвела имъ надлежащее мѣсто и зоветъ ихъ провозвѣстниками истины и добра. Такихъ людей, такiя творенiя необходимо популяризировать для народа.

«Когда я вхожу въ смѣшанную школу дѣвочекъ и мальчиковъ, когда десятки дѣтскихъ глазъ смотрятъ на меня,— я силюсь угадать, гдѣ здѣсь Жоржъ-Зандъ, гдѣ здѣсь Спиноза, и эта мысль особенно воодушевляетъ меня. Для нихъ хочу работать я, имъ хочу преподнести чистые идеалы незатемненной истины. Я хочу воспитать ихъ умъ на этихъ идеалахъ, дабы они явились провозвѣстниками добра и правды... Всѣ лучшiя силы общества: профессора и литераторы, примкнули ко мнѣ, всѣ обѣщали мнѣ работать въ этомъ направленiи, и я имѣю уже подъ рукой массу интереснѣйшаго матерiала, я наслаждаюсь, я зачитываюсь имъ. Мнѣ предлагаютъ капиталы на это дѣло, но я боюсь капиталовъ: пойдутъ кассиры, секретари, предсѣдатели. Терпѣть не могу всѣхъ этихъ рутинныхъ формальностей. Форма часто заѣдаетъ дѣло: будутъ секретари, кассиры, предсѣдатели и не будетъ, пожалуй, одного — книгъ. Пропагандируйте и вы тамъ у себя, въ Харьковѣ, это дѣло, сообщите профессорамъ: авось найдутся люди сочувствующiе, люди талантливые и способные сдѣлать что-либо для народа.

— Напрасно вы надѣетесь на профессоровъ, Левъ Николаевичъ,—сказала я:—быть-можетъ, они и талантливы въ своей научной сферѣ, но они не знаютъ народа и не могутъ снизойти до него со своей высоты.—И я, какъ характерный примѣръ, привела изданiе одного изъ харьковскихъ профессоровъ.

— Знаю, знаю, — перебилъ меня Левъ Николаевичъ,— отсюда познакомился.—И онъ указалъ на книгу «Что читать народу».

— Пророкъ, а ничего не пророчитъ... — повторилъ онъ слова нашей ученицы Титаревой.

— Но вѣдь я самъ, лично буду редактировать эти изданія, такъ какъ знаю немножко народъ. Я весь теперь въ этомъ дѣлѣ, какъ вы въ своемъ указателѣ. Относительно же профессоровъ я слышалъ мысль, пожалуй, нѣсколько сходную съ вашей отъ одного изъ даровитѣйшихъ изъ нихъ. Онъ говорилъ: «Не слишкомъ надѣйтесь на насъ, Левъ Николаевичъ. Между нами весьма мало истинно талантливыхъ людей. Къ тому же мы не знаемъ народа. А для того, чтобы писать для него, необходимы оба эти условія. Одинъ изъ писателей говорилъ какъ-то, что теперь, когда онъ чувствуетъ себя негоднымъ сочинять для большихъ, онъ попробуетъ писать для дѣтей. Подобные люди не понимаютъ, что намъ писать для дѣтей и народа несравненно труднѣе, чѣмъ писать для интеллигенціи, частичку которой мы представляемъ сами собою. Хоть бы они почитали вашу книгу, ваши отзывы...»

— А знаете, Левъ Николаевичъ,—сказала я,—иные находятъ эти ученическіе отзывы дѣланными и думаютъ, что я сама ихъ сочинила.

— Если бы мы могли съ вами такъ сочинять, мы были бы геніями,—возразилъ онъ,—тогда наши сочиненія такъ же слѣдовало бы популяризировать для народа. Нѣтъ, такъ сочинить невозможно. А скажите, кстати, кто первый изъ васъ изобрѣлъ эти отзывы?

Пришлось сознаться, что я, но почему-то мнѣ сдѣлалось ужасно неловко, и я поспѣшила возвратиться къ начатому разговору, хотя онъ и успѣлъ замѣтить: «Я такъ и зналъ».

— Я не согласна съ вами, Левъ Николаевичъ,—сказала я,—будто Тургеневы, Толстые и Достоевскіе недоступны для народа. Возьмите—«Записки охотника».

— Но вѣдь, вы выбрали нарочито доступныя вещи изъ цѣлой книги «Записокъ охотника»,—возразилъ онъ.— Конечно, отзывы эти воспитательны. Особенно, второй—«Пѣвцы» и первый, кажется,—«Живыя мощи». Но вѣдь это еще ничего не доказываетъ. Возьмите наши капитальныя произведенія—они никуда не годятся.

— А «Чѣмъ люди живы»?—сказала я.—На мой взглядъ это драгоцѣнный вкладъ въ народную литературу...

— Мѣстами я и самъ доволенъ. Дай Богъ, чтобы такъ еще писалось. Но мѣстами положительно сентиментально, и, вслушавшись, чувствуешь нѣсколько фальшивыхъ нотъ,— отвѣчалъ онъ, точно будто рѣчь шла о совершенно чужомъ ему произведеніи.

— А какъ вы находите пониманіе народомъ сочиненій Островскаго?—спросила я, видя изъ предыдущаго разговора, что онъ дѣйствительно изучилъ нашъ литературный отдѣлъ.

— Прелестно, — отвѣчалъ онъ. — Я давно не читалъ Островскаго и не видался съ нимъ, а потому и впечатлѣнія отъ его произведеній какъ-то улеглись и стушевались, но по прочтеніи этихъ отзывовъ онъ вдругъ опять выросъ передо мною во весь ростъ, и я пришелъ въ такой азартъ, что собрался одѣваться и ѣхать къ нему дѣлиться впечатлѣніями, да кто-то помѣшалъ.

Я разсказала ему о восторгѣ Островскаго, о которомъ мнѣ особенно рельефно передавала Е. И. Цвѣткова.

— Еще бы!—отвѣчалъ онъ.—Это вполнѣ понятный восторгъ. А отчего не рецензировали вы «Арабскихъ сказокъ»? Ихъ такъ любитъ народъ. Это съ вашей стороны непростительно. А разскажите мнѣ еще вотъ что: разскажите о наличномъ составѣ учительницъ вашей воскресной школы...

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, я, со свойственной мнѣ горячностью, охарактеризовала научную подготовку многихъ изъ учительницъ воскресной школы. Тутъ выступили на сцену и бакалавръ, и Женева, и математическій факультетъ, и Бестужевскіе курсы. Детальнѣе всего я, конечно, остановилась на А. М. Калмыковой и сказала, что участіе ея въ дѣлѣ, о которомъ говорилъ онъ, было бы чрезвычайно цѣнно.

— Какъ бы я желалъ видѣть вашу школу и произвести въ ней нѣсколько педагогическихъ опытовъ чтенія,—сказалъ Толстой.—Трудно сказать, кто и что представляетъ собою больше интереса: деревенскій ли людъ съ его непочатымъ невѣжествомъ, или это городское населеніе съ пах-

нувшей на него цивилизацiей. Насколько, съ одной стороны, освѣтила она его умъ, а съ другой—деморализовала. Вотъ вопросъ, представляющiй величайшiй интересъ.

— А скажите, пожалуйста, неужели ученицы ваши, посѣщая школу разъ въ недѣлю, выучиваются читать и писать за годъ?

Я объяснила, какъ и во сколько выучиваются у насъ грамотѣ, говорила о домашнихъ работахъ ученицъ, о значенiи «Наглядной Азбуки» и «Азбуки-Копейки», способствующихъ самообученiю, затѣмъ перешла къ характеристикѣ ихъ автора, Ф. Ф. Павленкова, какъ человѣка и какъ издателя. Но, видимо, онъ очень расположенъ къ Маракуеву, въ руки котораго, по всей вѣроятности, и попадутъ изданiя будущей «Народной Библiотеки». Хотя, говорятъ, будто бы жена Толстого, Софья Андреевна, сама предполагаетъ завѣдывать изданiями. Не знаю, такъ ли это.

Расположенiе, съ которымъ говорилъ Левъ Николаевичъ о Маракуевѣ, не помѣшало мнѣ, однако, сказать ему, что только первые выпуски его изданiй были хороши (т.-е. произведенiя Толстого), послѣдующiе же весьма слабы.

Изданiя, проектируемыя Толстымъ, будутъ издаваться на самой простой бумагѣ, форматомъ и внѣшностью напоминая лубочную литературу, и будутъ конкурировать съ нею по цѣнѣ и интересу.

Выслушавъ это, я порекомендовала ему заглянуть въ нашъ историческiй отдѣлъ, говоря, что тамъ онъ найдетъ кое-что поповоду лубочной литературы и что, вообще, отдѣлъ этотъ составляетъ гордость нашей книги.

Выслушавъ это, онъ засыпалъ меня вопросами, на которые я не могла отвѣчать, не зная основательно историческаго отдѣла. Тогда онъ сказалъ: «Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ взять у васъ эту книжечку, а то я не знаю, удастся ли мнѣ собрать свои листочки».

Я предложила прислать книгу.

— Нѣтъ я возьму самъ,—возразилъ онъ,—что я за важный баринъ, чтобъ не дотащить одной книги, хотя бы и такой объемистой, какъ ваша. А скажите кстати, представляли ли вы ее въ Ученый Комитетъ?

— Колеблемся,—отвѣчала я,—боимся—что, какъ не одобрятъ...

— Такъ что жъ,—возразилъ онъ,—тѣмъ лучше. Одинъ мой знакомый собирается приклеить на своей неодобренной книгѣ маленькій ярлычокъ съ надписью: «Не одобрена Мин. Нар. Просв.». И, навѣрное, это дастъ ходъ книгѣ. Никогда не слѣдуетъ входить въ компромиссы съ жизнью. Ваше дѣло — правое дѣло, честное, добросовѣстное. Чего же и кого же вы можете бояться? Я, кажется, писалъ или собирался писать вамъ объ этомъ. Да все некогда...

— Нѣтъ, не писали,—отвѣчала я,—и вообще вы скупы, Левъ Николаевичъ, на письма, а, между тѣмъ, есть люди, вполнѣ достойные нашего отвѣта.

— Что дѣлать,—отвѣчалъ онъ,—ей Богу, нѣтъ никакой возможности отвѣчать. Если бы я отвѣчалъ на всѣ получаемыя мной письма, мнѣ, пожалуй, пришлось бы ничего больше не дѣлать, какъ сидѣть и писать отвѣты. Ваше же письмо произвело на меня сильное впечатлѣніе, а тутъ еще и безхитростные, трогательные дѣтскіе пересказы.

И вдругъ голосъ у него дрогнулъ, вѣки покраснѣли и блеснули слезы. Онъ замолчалъ, вынулъ платокъ, быстро отеръ ихъ и прибавилъ: «Вотъ... какъ видите...» И помолчавъ, спросилъ: «А кто же эти люди, достойные отвѣта?»

— Во-первыхъ,—сказала я,—Е. А. Сысоева, издательница лучшаго дѣтскаго журнала «Родникъ» и, безспорно, самая талантливая изо всѣхъ дѣтскихъ писательницъ. У васъ есть дѣти, Левъ Николаевичъ, обратите вниманіе на «Родникъ» и дайте имъ читать его.

— Вы слишкомъ ужъ стыдите меня, — отвѣчалъ онъ шутя.—Дѣти мои читаютъ «Родникъ», и я самъ считаю его лучшимъ дѣтскимъ журналомъ, несравненно выше «Дѣтскаго Отдыха» и другихъ.

— Если такъ, то позвольте обратиться къ вамъ съ просьбой, исполненіе которой, въ концѣ-концовъ, доставитъ лично вамъ эстетическое наслажденіе—прочтите «Исторію маленькой дѣвочки» Сысоевой и дайте прочесть ее старшимъ дѣтямъ».

— Непремѣнно прочту...

— Есть еще нѣкто, кому слѣдовало бы отвѣчать,—продолжала я,—это В. П. Коховскій. И я сдѣлала при этомъ должную характеристику.

— Знаю его, знаю,—перебилъ меня Левъ Николаевичъ,—и по его полезной дѣятельности, и по вашей интересной замѣткѣ—«Наблюденія надъ безмолвной аудиторіей Соляного Городка»—и вотъ, что я вамъ скажу: его письмо показалось мнѣ самымъ искреннимъ, теплымъ и симпатичнымъ изъ всѣхъ полученныхъ мною въ послѣднее время писемъ. Такъ и скажите ему при свиданіи и очень, очень извинитесь передъ нимъ, что не писалъ. Ей Богу, не могъ: хворалъ и недосугъ. А разскажите мнѣ объ Аврамовѣ, о которомъ вы писали мнѣ.

Я разсказала все, что знала.

— Очень интересный человѣкъ, замѣтилъ онъ.—Люблю такихъ...

— Итакъ, поручаю вамъ, Христина Даниловна, пропагандировать мою мысль,—сказалъ онъ прощаясь.—Довольно ли ясна она для васъ теперь?

— Да, кажется... — отвѣчала я. — Но все-таки вамъ слѣдовало бы, Левъ Николаевичъ, изложить свое profession de foi печатно. Это дало бы вамъ еще больше союзниковъ. При устной передачѣ возможны сокращенія, добавленія и прочее, что способно исказить первоначальный смыслъ идеи.—И я разсказала ему ходячіе слухи о томъ, что онъ составляетъ нѣчто подобное нашему «Указателю» и еще разъ повторила: «Бога ради, изложите печатно ваши планы».

— Да какая вы, однако, точная и аккуратная,—сказалъ онъ, смѣясь.—Ужасно любите, какъ я вижу, подводить всему итоги. Что жъ, и прекрасно... Желаю вамъ на прощаніе подвести самые отрадные итоги полезнаго вліянія вашей книги, въ чемъ, впрочемъ, я не сомнѣваюсь.

И онъ ушелъ...

Я задыхалась отъ желанія подѣлиться съ кѣмъ-нибудь избыткомъ впечатлѣній и, какъ это ни смѣшно, бросилась прежде всего въ корридоръ къ кельнеру.

— А знаете ли, кто это былъ? Графъ Толстой...—сказала я торжествующимъ тономъ.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ онъ искренно, забывая на минуту свой осанистый видъ и лакейскую почтительность.—Я, ей Богу, думалъ на нихъ, что они простой человѣкъ, даже вся одежда ихняя это доказываетъ. Не хотѣлъ пустить и немало удивился, когда вы приказали пальто съ нихъ скидывать. Скажите, пожалуйста...—заключилъ онъ, выразительно мотая головой.

Я собиралась сдѣлать характеристику Толстого, но онъ перебилъ меня, сказавъ: «Какъ же-съ, мы очень даже объ нихъ наслышаны. Говорятъ, они очень умные, хорошо сочиняютъ и къ тому же простонародіемъ очень интересуются».

Я вспомнила еще одно средство развлечься—написать телеграмму. Но кому? З. И.? Нѣтъ, мало. Мнѣ хотѣлось крикнуть на весь міръ, что я видѣла Толстого, что я говорила съ нимъ, и я прибавила къ телеграммѣ: «Покажите завтра въ воскресной школѣ».

Наконецъ, возвратился мой мужъ.

— Не былъ?—спросилъ онъ тревожно.

— Былъ,—отвѣчала я счастливымъ голосомъ.

— Какъ же швейцаръ сказалъ мнѣ, что не былъ?

— Тоже, значитъ, не узналъ...—отвѣчала я и разсказала исторію съ кельнеромъ.

Левъ Николаевичъ былъ правъ, что письмо мое произвело на него глубокое впечатлѣніе; вотъ что отвѣчалъ онъ мнѣ тогда:

«Христина Даниловна!

«Получивъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ отъ неизвѣстнаго мнѣ лица ваше письмо, я тотчасъ же по прочтеніи его почувствовалъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ искреннимъ и серьезнымъ, и почувствовалъ себя нравственно обязаннымъ вникнуть въ то, что отъ меня требуется, и исполнить это, сколько могу. Прочтя отрывокъ изъ школ. замѣт., я еще болѣе убѣдился въ этомъ, а чтеніе отзывовъ ученицъ привело въ сильнѣйшее волненіе; я, читая ихъ, плакалъ отъ умиленія, чего терпѣть не могу. Успокоившись теперь

пишу вамъ.—Слѣдуетъ ли печатать отзывы рецензентовъ и библіотекарей?—Не знаю, такъ какъ не имѣю образцовъ ихъ. Боюсь вліянія личныхъ вкусовъ при сужденіяхъ. Если рецензіи эти только какъ бы статистическія свѣдѣнія о томъ, что больше читается и спрашивается, что лучше, полнѣе разсказывается,—тогда это очень, очень важныя и полезныя свѣдѣнія. Но достоинство такихъ свѣдѣній тѣмъ больше, чѣмъ свѣдѣнія эти независимѣе отъ всякой предвзятой мысли. Поль-де-Кокъ и Житія святыхъ, положимъ, разбираются въ библіотекѣ больше всего и пересказываются лучше всего, какъ ни странно это можетъ показаться; если, положимъ, это такъ, то это драгоцѣнный матеріалъ, изъ котораго могутъ быть сдѣланы выводы огромной важности. Но только чтобы выводы не смѣшивались съ дѣломъ собиранія матеріала. Собираніе же этого матеріала драгоцѣнно, чрезвычайно важно и можетъ быть сдѣлано именно въ такомъ учрежденіи, какъ ваше, и будетъ тѣмъ полезнѣе и важнѣе, чѣмъ больше будетъ выборъ предлагаемаго и чѣмъ больше свободы при этомъ выборѣ. Что же касается до отзывовъ ученицъ, то это и драгоцѣннѣйшій матеріалъ и вмѣстѣ самое важное поученіе для всякаго педагога и писателя, не ограничивающагося при своемъ писаніи одной маленькой кликой близкихъ ему людей. Но не отзывъ. Отзывъ, т.-е. сужденіе о прочитанномъ, человѣкъ неиспорченный, слава Богу, не можетъ сдѣлать. Тутъ происходитъ совершенно обратное: наша интеллигенція такъ воспитывается, чтобы умѣть не понимать того, что она читаетъ, судить о читаемомъ такъ, что выходитъ похоже на то, что она понимаетъ. Гимназическій курсъ въ этомъ состоитъ. Человѣкъ же съ уцѣлѣвшимъ здоровымъ мозгомъ прежде всего старается понять глубже то, что онъ читаетъ, а понять можно всякую вещь мелко и глубоко. Судить же неиспорченный человѣкъ и не любитъ и не умѣетъ, и потому, по моему мнѣнію, нужны и драгоцѣнны будутъ во всѣхъ отношеніяхъ не отзывы, а различные пересказы ученицами читаемаго. Въ нихъ будетъ и самый вѣрный, и серьезный отзывъ. Сколько разъ я замѣчалъ въ своей практикѣ—все хорошее, все правдивое, гармоничное, мѣткое запоминается

и передается; все фальшивое, накладное, психологически невѣрное пропускается или передается въ ужасающемъ безобразіи. Кромѣ того, пересказы эти драгоцѣнны по отношенію къ русскому языку, которому мы только начинаемъ немножко выучиваться.

«Боюсь, что я вамъ говорю то, что вы сами лучше меня знаете, и потому извините меня, что я заболтался. Я такъ люблю это дѣло, и письмо ваше такъ расшевелило во мнѣ старыя дрожжи.

«И такъ, я позволяю себѣ совѣтовать вамъ печатать и отзывы учащихъ преимущественно въ формѣ свѣдѣній о томъ, что больше читается и лучше передается, и отзывы учащихся въ формѣ пересказовъ прочитаннаго съ наивозможной точностью передачи.

«Очень благодарю васъ за ваше письмо и желаю успѣха вашему прекрасному дѣлу.

Л. Толстой».

Глѣбъ Успѣнскій.

Выходъ въ свѣтъ книги «Что читать народу» явился для насъ настоящимъ тріумфомъ: не было, кажется, ни одного журнала, ни одной газеты, которые не отозвались бы восторженно на этотъ трудъ. Исключеніемъ въ данномъ случаѣ явился «Гражданинъ», обрушившійся такой рѣзкой, такой желчной статьей въ формѣ доноса, что, прочитавши ее, я въ тотъ же день выѣхала въ Петербургъ спасать книгу. Но когда я пріѣхала туда, встревоженная и полубольная, друзья мои успокоили меня, что фонды «Гражданина» сильно упали за послѣднее время и что онъ скомпрометировалъ себя даже въ высшихъ сферахъ. И дѣйствительно, эта грозная статья не оказала ни малѣйшаго давленія на книгу: ее такъ же быстро раскупали, такъ же хвалили, какъ и прежде.

Изъ всѣхъ критическихъ отзывовъ о ней, одинъ произвелъ на меня самое глубокое впечатлѣніе. Это былъ отзывъ Глѣба Успенскаго съ такой характеристикой: «Книга «Что читать народу?» — манна небесная въ нашей изсушающей душу жизненной пустотѣ».

Я много и долго думала надъ этой статьей и, въ концѣ концовъ, почувствовала непреодолимое желаніе написать этому человѣку и разсказать, въ какомъ именно кружкѣ возникла мысь о составленіи книги, кто и какъ работалъ надъ нею и какой характеръ носитъ на себѣ школа, создавшая его.

Вотъ что отвѣчалъ онъ мнѣ:

Чудово, Н. ж. д. 4 марта 85 г.

«Милостивая Государыня
Христина Даниловна!

«Простите меня великодушно за такой поздній отвѣтъ на ваше письмо: я былъ нѣкоторое время въ отлучкѣ изъ

дома, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и только на-дняхъ возвратился въ Чудово.

«Съ истиннымъ удовольствіемъ прочиталъ я странички изъ дневника вашей школы. Но въ послѣднихъ строкахъ этого дневника и вашего письма мнѣ почудилось что-то такое, что заставляетъ думать о нѣкоторомъ утомленіи или сомнѣніи, испытываемыхъ вами теперь, относительно вашего дѣла. Если это такъ, то мнѣ кажется, что вы ошибаетесь, полагая найти поддержку своему дѣлу въ такихъ результатахъ его, которые бы «воочію» убѣждали васъ въ его плодотворности. Напротивъ, я думаю, что «воочію»-то меньше всего можно разсчитывать на какое-нибудь удовлетвореніе и успокоеніе. Чего стоитъ участь вашихъ ученицъ, послѣ того, какъ онѣ оставляютъ школу и начинаютъ жить среди всевозможныхъ случайностей, и вы не можете не думать и не печалиться объ этой участи: талантливая, умная дѣвушка на вашихъ глазахъ можетъ попасть Богъ знаетъ въ какое положеніе, и вы ничего не въ состояніи сдѣлать для нея. И такихъ заботъ, которыя *должны* непремѣнно тяготить вашу мысль и которыхъ въ то же время вы, за предѣлами вашей школы, не можете устранить ни въ какомъ случаѣ,—въ вашемъ дѣлѣ должно быть Богъ знаетъ сколько, несмѣтное множество, неизмѣримо больше тѣхъ «отрадныхъ явленій», которыя васъ могутъ поддержать. И пока другія общественныя учрежденія, вслѣдъ за школой, имѣющей въ основаніи полнѣйшее отсутствіе самой тѣни фальшивыхъ отношеній къ человѣку,—не получатъ возможности также по возможности безъ фальши относиться къ дальнѣйшей участи человѣка, оставившаго школу и вступающаго въ жизнь, до тѣхъ поръ, пока, положимъ, во всѣхъ этихъ земствахъ и думскихъ дѣлахъ не получится возможность добросовѣстному человѣку дѣлать что-нибудь простое и нужное именно «для человѣка»,—до тѣхъ поръ едва ли будетъ возможность разсчитывать на обиліе отрадныхъ результатовъ и вашего дѣла. И при настоящемъ положеніи дѣлъ вообще, невозможно даже и предвидѣть, когда жъ, наконецъ, начнутъ оживать другія, непосредственно слѣдующія за школой, общественныя учрежденія?

«Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы одно изъ живыхъ общественныхъ учрежденій, школа могла бы заглохнуть потому, что хорошее начало не имѣетъ въ практической жизни такого же хорошаго продолженія. Хорошее начало школы должно имѣть продолженіе въ самой школѣ, и въ этомъ смыслѣ то, что вы дѣлаете, имѣетъ огромное значеніе для школы *вообще*, хотя, быть-можетъ, и не принесетъ вамъ никакихъ иныхъ результатовъ, «воочію» убѣждающихъ васъ въ успѣхѣ дѣла, кромѣ успѣшной распродажи вашей превосходной книги. Книга ваша — вотъ результатъ вашихъ трудовъ, и успокоеніе ваше только въ томъ, что вы этою книгою *вообще* внесли новыя черты въ школьное дѣло. Но то, что вы сдѣлали, — это *начало*, — отличное, превосходное и такое же у этого начала должно быть и продолженіе и также *въ школѣ*. Книга «Что читать народу?» вноситъ въ русскую народную школу, во-первыхъ, новизну отношеній учителя и ученика, ставя ихъ на настоящую точку; отношенія эти непохожи на родительскія, непохожи и на наставническія, непохожи вообще на установившіяся отношенія учителя къ ученику, старшаго къ младшему, наставителя къ наставляемому,—а прямо товарищескія, основанныя на простомъ желаніи «съ удовольствіемъ» удовлетворить отвѣтомъ того, кто меня о чемъ-нибудь спрашиваетъ. Другая также въ высшей степени важная и существенная черта, отличающая вашу школу — это вниманіе къ учащемуся, какъ къ человѣку; школа ваша не торопится отдѣлаться отъ человѣка, научивъ его писать, читать, считать и выпустить потомъ на всѣ четыре стороны, не обращая вниманія на то, что у него на душѣ и какова его душевная жизнь. Именно отъ того-то, что эта душевная жизнь человѣка не принимается во вниманіе нашей заурядной школой, — человѣкъ, выйдя изъ нея, почти на другой день уже забываетъ и читать, и считать. Между человѣкомъ и книжкой нѣтъ никакой связи, а именно эта связь и нужна. Человѣку, выйдя изъ «ученья», надо знать, «какъ жить» на свѣтѣ и точно такъ же, какъ и гр. Толстому и всякому образованному человѣку надо знать, что дѣлать, что хорошо, что нехорошо. Наши сектанты, *народъ*,

простые мужики,—предпочитаютъ учиться по-своему, не по-школьному, и учатся для того, чтобы знать, какъ правильно, справедливо жить надо на свѣтѣ; это *первое*, а потомъ ужъ и ариѳметика и т. д. *Начало* сдѣлано вашей школой превосходно,—вполнѣ по-человѣчески,—нужно такое же и продолженіе, т.-е. нужно развивать типъ вашей школы, нужно перерабатывать самостоятельно тотъ огромный педагогическій матеріалъ, который у васъ подъ руками, въ смыслѣ удовлетворенія потребности учащагося знать, что правда въ человѣческихъ отношеніяхъ и что неправда. Въ этихъ видахъ ваша дѣятельность должна бы продолжаться не въ практической школьной работѣ (которая могла ужъ васъ утомить и которую могутъ дѣлать люди начинающіе), а въ литературномъ дѣлѣ школы. Если бы вы продолжали печатать «Что читать народу?» періодически, превративъ его въ журналъ, который бы старался выработать планъ систематическаго ученья, въ которомъ бы было, во-первыхъ, *главное*—(для чего человѣкъ живетъ и какъ долженъ жить) и во-вторыхъ, прикладное къ этому главному—собственно наука, научныя знанія и свѣдѣнія,—то работы самой живой и плодотворной оказалось бы у васъ великое множество. Меня давно занимаетъ мысль осуществить эту программу въ видѣ хотя бы *книги для чтенія* въ народной школѣ, гдѣ бы описаніе крестьянскаго домика, неизвѣстно почему, не продолжалось описаніемъ зайца, вслѣдъ за которымъ, также неизвѣстно почему, идетъ разговоръ про Христа и т. д. А съ *первой же* страницы касалось бы самаго серьезнаго,—какъ жить свято (хотя бы въ видѣ, самымъ лучшимъ образомъ, написанной біографіи и ученія Христа), затѣмъ переходило бы къ дѣйствительности, и все, что въ ней *не свято*, должно бы быть выставлено во всѣхъ подробностяхъ; огромный матеріалъ деревенской жизни, заимствованный изъ лучшихъ русскихъ писателей тутъ много бы помогъ дѣлу и нарисовалъ бы такую картину, которая ясно показала бы, какъ трудно и дѣйствительно плохо жить и какъ много неправды. А затѣмъ началось бы все, что можно сказать о существующемъ хорошемъ; община, о которой *надо* говорить въ училищѣ и т. д. И этакую книгу

надобно непремѣнно написать и издать. Извините меня, пожалуйста, за это торопливое письмо. Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое самое искреннее и глубокое уваженіе.

Глѣбъ Успенскій».

При поѣздкахъ своихъ въ Петербургъ я неразъ надѣялась на личное знакомство съ Глѣбомъ Ивановичемъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ моихъ друзей былъ Ф. Ф. Павленковъ, но мнѣ это какъ-то не удавалось, что видно изъ слѣдующаго письма.

Чудово. 14 янв. 87 г.

«Искренно уважаемая
Христина Даниловна!

«Не могу выразить вамъ того глубочайшаго огорченія, которое я испыталъ вчера, получивъ въ чудовской конторѣ ваше заказное письмо, пролежавшее тамъ болѣе мѣсяца. Я не живу въ Чудовѣ съ августа, и въ чудовскую контору съ тѣхъ поръ не высылаютъ на мое имя ни писемъ, ни газетъ — ниоткуда. Втеченіе всей осени я только въ октябрѣ (да вотъ теперь) заглянулъ сюда. Какъ я ужасно, ужасно сожалѣю, что не видѣлъ васъ, когда вы были въ Петербургѣ! Все время былъ тамъ и я и только въ декабрѣ, 17 и 18, ѣздилъ въ Москву менѣе, чѣмъ на сутки. Я давно, давно и много разъ желалъ повидаться съ вами, чтобы лично засвидѣтельствовать вамъ мое глубокое уваженіе и, быть-можетъ, поговорить съ вами, немного ободриться для работы, которая уже, какъ видите, идетъ плохо и вяло. Быть-можетъ, это мнѣ удастся сдѣлать въ недалекомъ будущемъ, и, если состоится моя предполагаемая поѣздка въ Новороссійскій край и вообще на югъ, то я непремѣнно буду видѣть васъ, чтобы поблагодарить васъ за ваше вниманіе, которое вы мнѣ выказываете и котораго сейчасъ я, къ сожалѣнію, не заслуживаю. Не знаю, отчего это, но опускаются руки работать! А въ народной именно жизни въ настоящее время такая масса новыхъ и живыхъ явле-

ній, которыхъ въ ней давно не бывало. Тутъ бы и работать, но—увы!—безъ идей плохо. Радъ бы я былъ, если бы это было временное утомленіе, да тянется-то оно ужъ очень долго.

«Какъ жаль, какъ жаль, что я не видалъ васъ! Ни книжки, ни вашей статейки, приложенной къ письму, я не читалъ еще. Все это я беру въ Петербургъ и тотчасъ же буду вамъ писать оттуда, а пока желаю вамъ всего хорошаго и прошу вѣрить моему искреннѣйшему къ вамъ уваженію.

Г. Успенскій».

Наконецъ, знакомство наше состоялось: я увидала худощаваго человѣка высокаго роста, со впалой грудью, съ блѣднымъ страдальческимъ лицомъ и съ такими чудными, глубокими, печальными глазами, которые запечатлѣваются въ душѣ навсегда. Мнѣ казалось, что въ этихъ глазахъ отразилась, какъ въ зеркалѣ, вся его страдальческая жизнь, вся народная скорбь, которую такъ чудесно изображалъ онъ въ своихъ разсказахъ. Сердце мое наполнилось какой-то безконечной грустью, какимъ-то безотчетнымъ предчувствіемъ, что дни этого человѣка сочтены и тяжкій недугъ коварно подкрадывается къ нему, и я какъ-то печально и растерянно стояла предъ нимъ, не находя словъ...

Когда люди встрѣчаются въ первый разъ послѣ оживленной переписки, они обыкновенно улыбаются, желая выразить тѣмъ самымъ радость встрѣчи и привѣтъ, но на этомъ печальномъ лицѣ улыбки не было. Я не видѣла ея ниразу втеченіе нашего продолжительнаго разговора. Онъ говорилъ о современной дѣйствительности, о деревнѣ, о стѣснительныхъ условіяхъ цензуры и т. д.

Въ непродолжительномъ времени послѣ встрѣчи моей съ Глѣбомъ Ивановичемъ его петербургскіе друзья рѣшили чествовать двадцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности. Предложеніе принять въ этомъ участіе было получено и у насъ, на югѣ. Харьковъ принялъ это предложеніе съ особенной горячностью. Образовалась цѣлая комиссія, въ которой рѣшено было послать ему адресъ. Составить этотъ адресъ вызвалось нѣсколько человѣкъ на конкурсъ,

и я чувствовала себя совершенно счастливой, когда адресъ, составленный мною, былъ признанъ единогласно наилучшимъ и отправленъ Глѣбу Ивановичу.

Въ непродолжительномъ времени послѣ этого я получила отъ него слѣдующее письмо:

«Какъ же мнѣ благодарить васъ, глубокоуважаемая Христина Даниловна? Я вижу ваше дѣятельное участіе въ этомъ неожиданномъ для меня торжествѣ,—полученіи такихъ превосходныхъ ободряющихъ меня адресовъ, которые присланы мнѣ «съ юга». Не думаю, чтобы все это сдѣлалось безъ вашего участія; быть-можетъ, мнѣ прислали бы привѣтствіе нѣкоторые изъ моихъ читателей—тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но вы сдѣлали въ моей жизни неизгладимое воспоминаніе о такой многозначительной минутѣ, какую въ другой разъ едва ли придется пережить, но которую никогда, во всю жизнь, невозможно забыть. Всю жизнь сохраню и я въ глубинѣ моего сердца искреннюю, безконечную къ вамъ благодарность.

Преданный вамъ всей душой

Глѣбъ Успенскій.

6 февр. 88 г.

Въ отвѣтъ на это письмо я написала ему, что онъ слишкомъ преувеличиваетъ мои заслуги въ этомъ дѣлѣ, что въ кружкѣ нашемъ было немало людей, относящихся къ нему съ той же горячностью, какъ и я, и что онъ по справедливости долженъ благодарить не одну меня, а и этихъ людей, и я приложила даже нѣсколько харьковскихъ адресовъ.

Онъ отвѣтилъ мнѣ на это слѣдующее:

21 янв. 88 г.

«Простите, глубокоуважаемая Христина Даниловна, что я тотчасъ по полученіи вашего письма не поспѣшилъ отвѣтомъ. Была неотложная работа. Но и не въ ней дѣло, а въ томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь относительно необходимости отвѣчать печатно на полученные мною адресы. Я положительно боюсь дѣлать это такъ, какъ бы хотѣлъ. Теперь, какъ, вѣроятно, вамъ

извѣстно, приготовляется изданіе въ 10 т. моихъ книгъ, дешевое въ 3 р., и не обрати я на себя особеннаго вниманія начальства, — это изданіе пройдетъ въ цензурѣ незамѣченнымъ. Но если я позволю себѣ обратиться съ благодарностью къ обществу въ томъ объемѣ, какъ я хотѣлъ это сдѣлать, то, увѣряю васъ, я тотчасъ же сдѣлался бы самою примѣтною личностью въ глазахъ петербургскаго начальства, и съ меня бы не спускали глазъ. Вѣдь адресъ Оресту Миллеру, составленный въ жен. кур. послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ Унив., отобранъ и отобранъ грубѣйшимъ образомъ,—просто обыскивали ящики въ столахъ и рвали бумаги. Вы не знаете, что это за ужасное мѣсто—Петербургъ. Вотъ почему я все время не могъ ничего путнаго придумать и положительно измучился: я знаю, знаю, что мнѣ отвѣтить надо, но погубить дешевое изданіе — также мнѣ крайне жалко.

«И вотъ что я придумалъ:

«Такъ какъ благодарить общество и ссылаться на 25-лѣтній *юбилей* невозможно, запрещено (юбилей 19 февр. не могъ быть празднуемъ),—то я рѣшился придраться къ избранію меня почетнымъ членомъ Общ. Люб. Росс. Слов. въ Москвѣ. Его мнѣ теперь благодарить надо, и вотъ я написалъ туда большой отвѣтъ, который, когда его напечатаютъ (въ «Рус. М.» и въ «Рус. Вѣд.»), будетъ прямымъ отвѣтомъ всѣмъ высказавшимъ мнѣ сочувствіе. Но прямо этого мнѣ сказать опять-таки нельзя, не у мѣста, и долженъ былъ сдѣлать *примѣчаніе*, въ которомъ перечислилъ *кстати* всѣ присланные мнѣ адресы,—прибавилъ и особую благодарность. Это все крайне прискорбно, но ничего иного сдѣлать было нельзя, и даже самое слово *адресъ* пришлось замѣнить словомъ *письмо*. Что прикажете сдѣлать! Но вотъ что я скажу еще: какъ только выйдутъ въ свѣтъ мои 10 книгъ, — это будетъ около октября мѣсяца, я тотчасъ же напечатаю (въ томъ же форматѣ и тѣмъ же шрифтомъ) въ 1 печ. листъ брошюру, спеціально обращенную къ публикѣ, гдѣ отвѣчу ей самымъ достойнымъ образомъ. И брошюра эта будетъ безплатно прилагаться къ 10 томамъ, а въ такія мѣста, какъ Харьковъ, Одесса, Москва, я разошлю ее въ боль-

шомъ количествѣ экземпляровъ «на память». Вотъ, что я могъ придумать.

«Нѣтъ, Христина Даниловна,—вы, вы непремѣнно приняли въ этомъ дѣлѣ большое участіе. Я радъ и благодаренъ всѣмъ,—но васъ благодарю больше всѣхъ.

«Въ послѣднее время я очень утомленъ, именно безпрестанной, втеченіе двухъ лѣтъ, подцензурной работой. Главная въ ней работа, чтобы не написать того, что надо и что хочешь,—а это дѣйствуетъ убійственно. Я чувствую это на себѣ и боюсь, что разъ утраченное, умышленно умерщвленное—не оживетъ. Вотъ въ чемъ моя бѣда. Свирѣпствуютъ цензоры и въ безцензурн. изд., но писатель-то, работая для нихъ, можетъ самъ не стѣсняться въ работѣ,—«вырѣзывай, молъ!» А здѣсь заранѣе, какъ только взялъ въ руки перо, ужъ надо думать, чтобы ослабить свою мысль и задачу. Это ужаснѣйшее дѣло, гибель и особливо теперь, когда мнѣ надо и можно писать не пустяки. Вотъ моя участь! Всю жизнь такъ-то. Когда мнѣ именно хочется и я желаю работать дѣльно, тутъ-то я по тысячѣ причинамъ долженъ урѣзывать себя во всѣхъ отношеніяхъ: вотъ даже по совѣсти отвѣтить не могу на адресы и долженъ подавлять въ себѣ то, что желалъ бы сказать.

«Будьте здоровы, глубокоуважаемая Христина Даниловна. Всего вамъ хорошаго желаю и еще разъ безконечно благодарю. Преданный вамъ душевно

Г. Успенскій».

«Глѣбъ Успенскій погибъ!.. Ужъ слишкомъ терзала его жизнь!.. Но я счастлива, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что много лѣтъ тому назадъ пріобрѣла его чудесный портретъ работы извѣстнаго художника Ярошенко и что эти глубокіе, проницательные глаза попрежнему печально смотрятъ мнѣ въ душу.

Изъ дневника 1878 года.

Школа прежде и теперь.

Замѣтка для собранія учительницъ 6 февраля 1878 г.

Исторія нашей школы, озаглавленная С. И. Миропольскимъ «Школа и общество», вызвала много оживленныхъ толковъ: говорили, что онъ пристрастно отнесся къ школѣ, что преувеличилъ ея достоинства, опоэтизировалъ лица, опустилъ недостатки и промахи и нарисовалъ такой свѣтлый, такой лучезарный портретъ, въ которомъ очень трудно узнать оригиналъ.

При упоминаніи о портретѣ мнѣ пришло на умъ слѣдующее сравненіе: случалось ли вамъ видѣть портретъ возмужалаго человѣка, когда онъ былъ юношей. «Неужели это вы?» говорите вы, не вѣря глазамъ. Куда дѣвался этотъ свѣтлый, полный задора взглядъ, эта самонадѣянная улыбка, это общее выраженіе трепетнаго ожиданія жизни?.. Передъ вами спокойное, сосредоточенное лицо; все на этомъ лицѣ опредѣлилось и выяснилось; ни прежней тревоги, ни прежняго задора нѣтъ и тѣни. А, между тѣмъ, это одинъ и тотъ же человѣкъ, быть-можетъ, даже болѣе симпатичный вамъ въ своемъ сосредоточенномъ спокойствіи, чѣмъ въ своемъ юношескомъ задорѣ. Что же сталось съ этимъ человѣкомъ? Что способствовало такой рѣзкой перемѣнѣ? Какія-либо особыя тревоги и волненія? Ничуть не бывало! Между юношей и человѣкомъ среднихъ лѣтъ легло 10 лѣтъ времени, и странно было бы предполагать, что эти 10 лѣтъ пройдутъ безслѣдно, не измѣнивъ душу, взглядъ, понятія, вѣрованія, не отразившись на лицѣ.

Такъ и со школой: если бы это было казенное заведенie, пригнанное по извѣстной рамкѣ, этого можно было бы еще требовать, но можетъ ли не видоизмѣняться живое, свободное дѣло? Можно ли волноваться 10 лѣтъ спустя надъ вопросами: удастся ли открыть школу? какъ отнесется къ ней общество? привлечемъ ли мы къ себѣ ученицъ? сумѣемъ ли поставить дѣло на прочный фундаментъ? и т. п. А, между тѣмъ, всѣ эти вопросы были когда-то главнымъ рычагомъ школы, тревожили, волновали и не давали спать.

Обратимся теперь къ исторiи вообще. Можно ли обвинять историка въ невѣрности сообщаемыхъ фактовъ, если предшествующее десятилѣтiе не было похоже на настоящее; если жизнь внесла въ него столько новаго и такъ безпощадно разрушила старое, что въ этихъ уцѣлѣвшихъ остаткахъ съ трудомъ распознаешь былое? Кто же виноватъ въ этомъ—жизнь или историкъ? Настолько же здѣсь и вины Миропольскаго. Посмотримъ, что именно онъ сказалъ о настоящемъ. Онъ сказалъ, что школа и кружокъ учительницъ произвели на него хорошее впечатлѣнiе, что, бывши въ школѣ, онъ слышалъ вялый урокъ, что спѣвка ему понравилась, но слѣдовало бы учиться пѣть по нотамъ; все же остальное—это достоянiе прошлаго, и вы безпрестанно встрѣчаете: «см. страницу такую-то, протоколъ собранiя такого-то года»... Вольно же вамъ не обращать на это вниманiя и упрямо повторять: «Я не вижу въ школѣ всего того, о чемъ пишетъ Миропольскiй!»

Въ чемъ же въ самомъ дѣлѣ заключается разница между настоящимъ и прошлымъ школы и не говоритъ ли эта разница о разложенiи и гибели дѣла? Нѣтъ, факты таковы: ученицъ масса, наплывъ учащихъ силъ такъ великъ въ этомъ году, какъ не былъ никогда; старые участники школы продолжаютъ относиться къ ней настолько же добросовѣстно, какъ и прежде. А, между тѣмъ, характеръ дѣла, дѣйствительно, не тотъ, и разница эта заключается въ слѣдующемъ. Прежде, въ тѣ историческiя времена, о которыхъ пишетъ Миропольскiй въ своей исторiи школы, у дѣла образовался кружокъ фанатиковъ (я далеко отошла теперь отъ этого прошлаго и поэтому могу отнестись къ

нему критически). Кружокъ сплотился, замкнулся и весь отдался дѣлу. Быть-можетъ, не будь этого кружка, не было бы и дѣла; быть-можетъ, двинуть дѣло можно только беззавѣтно, и нераздѣльно отдавъ ему всю душу. Я не спорю, но, положа руку на сердце, не могу сказать, чтобы не было и темныхъ сторонъ въ этомъ сплоченіи. Явилась нетерпимость, самомнѣніе, самоуслажденіе, односторонность; весь міръ съ его тревогами и волненіями, съ его вопіющими вопросами и задачами,—все это стушевалось передъ заколдованнымъ кругомъ кружка; были лица изъ наиболѣе горячихъ, которыя ровно ничего не читали, что не относилось къ педагогіи: человѣкъ не педагогъ не считался человѣкомъ; на знакомства или занятія, помимо школьныхъ, смотрѣли чуть ли, какъ на преступленіе и считали это отщепенствомъ, измѣной; въ кружкѣ никогда и ни о чемъ не говорили, кромѣ школы. Я знала умныхъ, образованныхъ и порядочныхъ людей, которые боялись встрѣчи съ учительницей: «Насмерть заговоритъ о школѣ!» говорили они.

Не знаю, могло ли бы подобнаго рода напряженное состояніе длиться годы,—ужъ и тогда слышались протесты наиболѣе трезвыхъ лицъ, но время шло, жизнь разбрасывала людей въ разныя стороны, и мы встрѣчаемъ теперь въ школѣ всего 2—3 лица изъ цѣлаго кружка фанатиковъ. Они съ любовью смотрятъ въ свое прошлое и чтятъ его, какъ святой порывъ, но время отрезвило и ихъ. Явилось сознаніе, что, кромѣ школы, есть интересы въ жизни настолько же почтенные, настолько же святые. И отгородивъ школѣ почетное мѣсто въ своемъ сердцѣ, въ своей дѣятельности, они отозвались и на другіе жизненные вопросы. Между тѣмъ, если не на смѣну, то на подмогу имъ идутъ свѣжія молодыя силы; онѣ несутъ свои симпатіи школѣ, свой трудъ; онѣ группируются, правда, не у фанатическаго девиза—«школа, и ничего болѣе!», а у самаго живого дѣла, и это дѣло питается, крѣпнетъ и растетъ ихъ симпатіями, ихъ преданностью, ихъ трудомъ.

Обратимся теперь къ учебной части дѣла—къ обученію. Время открытія воскресной школы какъ разъ совпало съ

временемъ общаго оживленія въ педагогическомъ мірѣ. Анализировались старинные методы, предъявлялись новые, рождались на свѣтъ чуть не каждый день всевозможные буквари, прописи, счеты, наглядныя пособія, книги для чтенія и проч. и проч. Многое изъ всего этого было не болѣе, какъ подражаніе все тому же Ушинскому, да еще кое-кому изъ нѣмецкихъ педагоговъ; но, тѣмъ не менѣе, все это встрѣчалось съ восторгомъ, вызывало жажду творить, изобрѣтать, отличаться... Это было хорошее время,— хорошее, какъ все то, что непохоже на болото, на спячку; оно, навѣрное, внесло свѣтъ во многіе педагогическіе вопросы; оно отразилось и на частной женской воскресной школѣ.

Преподаванію по звуковому методу, предметнымъ урокамъ и новымъ пріемамъ ариѳметики было посвящено все вниманіе учительницъ, и, сказать правду, погоня за этой новизной совершенно, какъ мнѣ кажется, затемняла вопросъ о результатахъ. Такъ, напримѣръ, мы были крайне удивлены, услышавъ въ Москвѣ на съѣздѣ отъ Евтушевскаго, что рабски подражать его методу и затратить нѣсколько мѣсяцевъ сряду на изученіе десятка съ помощью кубиковъ со взрослыми ученицами школы—совершенно нелѣпо, что простое знакомство съ нумераціей и торговыми счетами здѣсь болѣе у мѣста. Насъ поразило это потому, что шло какъ бы въ разрѣзъ съ задачами такъ называемаго новаго метода. Мы точно забыли, что въ наши времена не было ни звукового метода, ни дробныхъ счетовъ, а научились же мы и грамотѣ и счету и даже, можетъ-быть, лучше научились, чѣмъ нынѣшніе звуковики. Предметные уроки считались апогеемъ нашего преподаванія; къ одному уроку готовились по году, но если за этотъ годъ учительница оріентировалась въ извѣстной частицѣ естественныхъ наукъ, то врядъ ли неподготовленная ученица за $^3/_4$ часа выносила изъ этого урока существенную пользу. Какъ сейчасъ помню безтолковое до комизма изложеніе одной изъ косноязычныхъ ученицъ послѣ урока «О пищѣ». Въ безсвязныхъ словахъ «зелудокъ», «киски», «просацуется» почти не было смысла. Конечно, выдавались и болѣе толковыя изложенія, но, тѣмъ не менѣе, значеніе, приданное

въ то время предметнымъ урокамъ, было крайне преувеличено. Теперь эти предметные уроки замѣнены объяснительнымъ чтенiемъ. Оно ведется, строго преслѣдуя одну цѣль—результаты.

Ариѳметика ведется нынче нѣкоторыми изъ преподавателей безъ кубиковъ и дробныхъ счетовъ, тѣмъ не менѣе, результаты весьма отрадны: ученицы охотно берутъ работу на домъ и рѣшаютъ довольно сложныя задачи.

Звуковой методъ въ прежней силѣ, и если прежде мы съ гордостью останавливались надъ выдающимися прiемами преподаванiя Н. Ф. Крамаревой, то теперь точно такъ же выдается полное оживленiя и удачныхъ прiемовъ преподаванiе Н. Т. Рубинской. Правда, за эти 8—10 лѣтъ мы поприглядѣлись уже къ звуковому методу, онъ не занимаетъ и не удивляетъ насъ такъ, какъ занималъ насъ когда-то, когда одинъ знакомый мнѣ купецъ при встрѣчѣ со мной сказалъ: «Позвольте мнѣ когда-нибудь прiйти въ вашу школу посмотрѣть—тамъ, говорятъ, что-то такое звуковое».

Педагогическiя собранiя продолжаются, какъ и прежде, и даже бываютъ чаще и многолюднѣе, а главное—воскресная школа продолжаетъ оставаться все тѣмъ же свободнымъ учрежденiемъ, въ которое однихъ влечетъ желанiе научиться, а другихъ—внести свою посильную лепту на алтарь общественной дѣятельности и народнаго образованiя. Вотъ два стимула, которыми крѣпка воскресная школа, и будетъ ли волна житейская прибивать къ ея берегу фанатиковъ или просто честныхъ спокойныхъ людей, желающихъ потрудиться, будутъ ли эти люди послѣдователями букво-слагательнаго способа Льва Толстого или звукового барона Корфа,—она будетъ жить и вносить въ жизнь извѣстную долю пользы.

6 марта 1878 года.

Замѣтка объ удачныхъ и неудачныхъ урокахъ въ школѣ.

Говорятъ, будто къ каждому уроку въ школѣ учитель неминуемо долженъ готовиться, что необходимо ему пере-

смотрѣть нѣсколько разъ одну и ту же статью, задуматься надъ каждою фразою, надъ каждымъ словомъ, даже—поймутъ ли ученики это понятное намъ слово, не имѣетъ ли оно еще какого-либо посторонняго смысла и т. д. Необходимо также задуматься надъ выводами статьи, надъ моралью, которую возможно изъ нея извлечь, необходимо подумать, какой примѣръ нужно привести въ томъ или другомъ случаѣ.

Все это я знала давнымъ-давно, все это исполняла по мѣрѣ возможности, и вдругъ... со мной случилось нѣчто, случилось осязательно, реально, что идетъ вполнѣ вразрѣзъ съ этой патентованной аксіомой, съ этимъ азбучнымъ педагогическимъ правиломъ.

Двѣ недѣли тому назадъ, наканунѣ воскресенья, я узнала, что братъ мой сильно боленъ. Въ воскресенье я должна была замѣнить его на урокѣ. Разстроенная, послѣ безсонной ночи, съ щемящими отъ слезъ глазами, подошла я утромъ къ газетницѣ съ разсѣянною мыслью, нѣтъ ли тутъ чего-либо такого, что я могла бы прочесть ученицамъ. Глаза мои упали на развернутую книжку «Отечественныхъ Записокъ». Она лежала открытая на страницѣ съ стихотвореніемъ на смерть Некрасова. Я учу обыкновенно наизусть стихи, которые мнѣ нравятся. Такъ я учила на-дняхъ и эти стихи, почему и книжка осталась открытою. Настроеніе моего духа вполнѣ совпадало съ грустной темой стихотворенія. Я взяла «Отечественныя Записки», захватила тутъ же лежавшее «Полное собраніе сочиненій Некрасова» и, связавши все это веревочкой, пошла въ школу.

Въ первой комнатѣ я встрѣтила С... Но прежде, чѣмъ передать мой разговоръ съ нимъ, мнѣ необходимо разъяснить, почему именно я дорожила его критикой. Сдѣлаю отступленіе: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появились у насъ въ школѣ два молодыхъ человѣка-студента—одинъ «бѣлый», одинъ «черный», какъ называли мы ихъ. Кто они, откуда и зачѣмъ пришли въ школу, никто не зналъ; между тѣмъ, они очень свободно намѣтили себѣ группы и стали заниматься. Можетъ-быть, свобода эта была кажущаяся, можетъ-быть, желаніе послужить дѣлу народнаго

образованія было сильнѣе боязни получить афронтъ,—я не знаю. Впослѣдствіи оказалось даже, что имъ открылъ доступъ въ школу одинъ изъ нашихъ преподавателей, но не въ этомъ дѣло.

Иныхъ шокировала эта развязность. Развѣ у насъ нѣтъ общества учительницъ? Развѣ у насъ нѣтъ собраній? Развѣ мы не хозяева нашего дѣла? Развѣ не слѣдовало заблаговременно освѣдомиться, желаемъ ли мы этого участія? Развѣ мы не должны беречь школу и отъ пропагандистовъ, и отъ шпіоновъ? И много этихъ «развѣ» слышала я вокругъ себя, но молчала, пока не трогали меня, а это троганье заключалось въ слѣдующемъ: «Вѣдь вы отвѣтственное лицо. Вѣдь вы распорядительница! Вы должны подойти и сказать имъ!» и т. д. Тутъ я разсердилась и заявила рѣшительнымъ тономъ, что я никогда не была въ роли жандарма и никогда не буду. Пусть кто угодно беретъ на себя званіе распорядительницы и изгоняетъ студентовъ, а я дорожу этимъ званіемъ, навязаннымъ мнѣ начальствомъ, какъ прошлогоднимъ снѣгомъ, и буду очень рада отдѣлаться отъ него. Меня почти оставили въ покоѣ, но мнѣ было не легче—меня мучила неопредѣленность положенія этихъ господъ—давно ли я сама была безъ диплома, давно ли висѣлъ надо мной этотъ дамокловъ мечъ—безправіе, давно ли самое меня каждый могъ выгнать изъ школы? Такія впечатлѣнія не скоро изглаживаются! Мнѣ какъ-то становилось жутко при мысли, что, какъ мнѣ представятъ ихъ! Что скажу я имъ, я—распорядительница, и я презирала себя за это званіе. Я думала: неужели общественная дѣятельность возможна только съ компромиссами и съ подличаньемъ? Вѣдь, можетъ-быть, они любятъ школу больше, чѣмъ я, вѣдь, можетъ-быть, ихъ любовь горячѣе, фанатичнѣе и вѣдь ихъ не двое только, не только эти «черный» и «бѣлый», а вѣдь всѣ они, вся эта учащаяся молодежь награждена волчьимъ билетомъ подъ названіемъ: «Инструкція для народныхъ школъ». Гдѣ же почерпать имъ силы—этимъ жалкимъ народнымъ школамъ, если все, что честно, разумно, правдиво, отгорожено отъ нихъ китайскою стѣною!

Я пробѣгала быстро мимо нашихъ отщепенцевъ и также быстро взбѣгала наверхъ. Мнѣ казалось, что туда имъ не достигнуть. Тамъ я отдыхала отъ тяжелыхъ впечатлѣній, но «бѣлый» достигъ и туда. Онъ просилъ у меня позволенія бывать въ собраніяхъ, если нельзя посѣщать школу. Это было для меня ужъ слишкомъ, и я дала себѣ слово исхлопотать ему это разрѣшеніе во что бы то ни стало, сама не зная, за кого я хлопочу и что изъ этого выйдетъ.

Ходатайство удалось. Въ первый же вечеръ я предполагала устроить новопришельцу экзаменъ, не съ какими-нибудь административными соображеніями, а просто какъ человѣку, ставшему у дорогого мнѣ дѣла, но экзаменъ не удался: съ первыхъ же словъ онъ оказался знакомымъ и почитателемъ человѣка, настолько дорогого мнѣ въ прошломъ, что, позабывши всѣ свои соображенія, я всецѣло отдалась воспоминаніямъ и вдругъ почувствовала, что этотъ новопришелецъ гораздо ближе мнѣ по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ, чѣмъ многіе давно знакомые мнѣ люди. Изъ этой первой встрѣчи я вынесла впечатлѣніе чего-то бодраго, свѣжаго, честнаго, энергичнаго, чего-то такого, что не пришиблено давящей системой воспитанія, что смѣло прокладываетъ себѣ путь въ жизни на аренѣ общественной дѣятельности; силу, которая не складываетъ безнадежно руки и не опускаетъ покорно головы. Онъ напомнилъ мнѣ мою молодость, мою давнишнюю счастливую встрѣчу съ человѣкомъ, который далъ мнѣ много горькихъ, много свѣтлыхъ минутъ и въ результатѣ хорошее вліяніе. Я была подкуплена всѣмъ случившимся, но и въ этомъ туманѣ я не могла не различать очень явственно, что этотъ человѣкъ или, лучше сказать, юноша, искренно и дѣльно относится къ школьному дѣлу, что онъ много думалъ надъ нимъ, много читалъ, и что школа для него не игрушка, не забава, не времяпрепровожденіе, а серьезная задача, любимая цѣль.

Я замѣчаю въ себѣ слѣдующую странность: другіе люди при встрѣчѣ съ незнакомымъ имъ человѣкомъ первымъ дѣломъ относятся къ нему критически: да какъ молъ? да что?

да прежде нужно посмотрѣть? нельзя же вѣрить на слово! и т. д. Очень часто вслѣдъ за этимъ у нихъ слѣдуетъ и увлеченіе, и довѣріе, и что хотите. А у меня наоборотъ... Впечатлѣнія захватываютъ меня всю разомъ, съ ногъ до головы, черезъ 10 минутъ я способна вѣрить человѣку безгранично, открыть ему всю душу, точно старому другу, и только потомъ не скоро появляется критика, часто критика въ высшей степени придирчивая, безпощадная и человѣкъ умираетъ для меня такъ же быстро, какъ выросъ. Пробовала исправлять себя въ этомъ отношеніи—ломать, но не сломила.

С... находился еще въ докритическомъ періодѣ, когда я встрѣтила его въ первой комнатѣ.

— Можно послушать вашъ урокъ?—спросилъ онъ, направляясь къ моей комнатѣ.

Я вспомнила, что я не готовилась къ уроку, и мнѣ стало стыдно и передъ нимъ, и передъ ученицами, и какъ будто передъ цѣлымъ свѣтомъ.

— У меня братъ боленъ! Я не готовилась къ уроку! Пожалуйста, приходите въ будущее воскресенье! — говорила я, съ трудомъ удерживая слезы.

Онъ пощадилъ и ушелъ.

Я вошла въ классъ, сѣла, открыла «Отечественныя Записки» и вдругъ почувствовала непреодолимое желаніе, прежде, чѣмъ читать это стихотвореніе, разсказать имъ: кто такой былъ Некрасовъ, какое онъ имѣлъ вліяніе, какъ любилъ народъ. Все, что приходилось мнѣ читать и слышать о немъ въ послѣднее время: «Дневникъ» Достоевскаго, жгучая рѣчь студента, описаніе похоронъ,—все это нахлынуло на меня, все это охватило меня съ такою силою, что сердце билось, руки похолодѣли и голова горѣла, какъ въ огнѣ. Я не могла кончить безъ слезъ разсказа о похоронахъ, и, утирая слезы, я видѣла, какъ утирали ихъ ученицы концами своихъ шейныхъ платковъ.

Второй часъ. Я принялась за чтеніе и разборъ стихотворенія и всѣ самыя трудныя мѣста, какъ, напримѣръ:

„Пѣснѣ твоей, о страданій пѣвецъ,
Будетъ не скоро желанный конецъ—

Тамъ онъ, гдѣ горе людское кончается,
Тамъ онъ, гдѣ счастья заря занимается"...
или „Но ты оставилъ намъ пѣсни свободныя,
Ты научилъ насъ борьбѣ"...

Всѣ эти мѣста я разъяснила съ такою легкостью, такъ понятно, что чувствовала себя вполнѣ счастливою.

Третій часъ меня еще болѣе убѣдилъ въ успѣхѣ-то пониманіе, съ которымъ ученицы перечитывали стихотвореніе, та жадность, съ которою онѣ спѣшили переписать его, и это общее обаяніе, которое, казалось мнѣ, было разлито вокругъ,—все говорило объ успѣхѣ. «Что же это будетъ, когда я приготовлюсь!» думала я, самодовольно улыбаясь и выходя изъ школы.

И я начала готовиться. Времени у меня было очень много—двѣ недѣли впереди, такъ какъ послѣднее воскресенье передъ постомъ мы никогда не занимаемся. Я выбрала одно изъ любимыхъ своихъ стихотвореній «Уличныя сцены. Воръ». Я никогда не могла безъ слезъ читать этого стихотворенія, гдѣ говорится:

„Закушеный калачъ дрожалъ въ его рукѣ,
Онъ былъ безъ сапоговъ, въ дырявомъ сюртукѣ,
Лицо являло слѣдъ недавняго недуга,
Стыда, отчаянья, моленья и испуга"...

Прежде—въ молодости я обладала свойствомъ засыпать, какъ только прислонюсь къ подушкѣ, но теперь я давно утратила эту способность, и какъ бы рано ни легла я спать, до второго, до третьяго часа я не могу заснуть. Все, что составляло «злобу дня», какъ-то особенно отчетливо проходитъ передъ глазами, и какъ бы ни была ничтожна эта «злоба дня», она выростаетъ во что-то важное, серьезное, неотступное.

Иногда я чувствую приливъ счастья и отъ наполненнаго любимой работой дня, и отъ удавшагося собранія, и отъ полученнаго искренняго письма, и этотъ приливъ такъ великъ, что мнѣ кажется, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка счастливѣе меня; иногда какая - нибудь ничтожная неудача кажется мнѣ громаднымъ несчастьемъ и приводитъ въ неподдѣльное отчаяніе.

«Злобу дня» послѣдняго времени составляла подготовка къ уроку: какъ только я ложилась въ постель, въ воображеніи моемъ рисовалась моя группа учениць, и я силилась предугадать, что можетъ ихъ заставить задуматься, что можетъ оказаться непонятнымъ, что можетъ быть понято превратно. Я задумывалась надъ каждой строкой, надъ каждымъ словомъ и въ особенности работала надъ двумя послѣдними строками стихотворенія:

„И Богу поспѣшилъ молебствіе принесть
„За то, что у меня наслѣдственное есть!“

Когда я совѣтовалась относительно этихъ строкъ съ другими, мнѣ говорили, что ученицамъ недоступенъ ироническій смыслъ этихъ строкъ: но я не вѣрила. «Какой вздоръ!» думалось мнѣ, въ этомъ-то и задача учителя, чтобы довести до сознанія несознаннаго, до пониманія непонятнаго, и я строила свою бесѣду такъ:

— Всегда ли богатый человѣкъ можетъ быть счастливъ?

— Нѣтъ, не всегда!

— Можетъ ли быть онъ счастливъ, несмотря на свое богатство, видя, положимъ, что вокругъ него другіе люди умираютъ съ голода, если только онъ добръ и честенъ? Можетъ ли онъ въ эти минуты даже стыдиться своего богатства,—стыдиться того, что онъ не роздалъ его, что онъ сытъ, а они голодны?

— Можетъ!

— Можетъ ли онъ, видя голоднаго вора, думать о себѣ съ насмѣшкой: «да, я честенъ, но честенъ потому, можетъ-быть, что сытъ, что не для чего мнѣ воровать, а будь я голоденъ, можетъ-быть, и я бы точно такъ же стащилъ калачъ!

— Можетъ!

— Дѣлаетъ ли честь человѣку, если онъ, ровно ничего не дѣлая, не принося никакой пользы, живетъ на деньги, оставленныя ему по наслѣдству? Слѣдуетъ ли относиться къ нему съ уваженіемъ?

— Нѣтъ, не слѣдуетъ!

— А если все это такъ, то какъ вы думаете: въ самомъ ли дѣлѣ баринъ Некрасова благодарилъ Бога, или же онъ

смѣялся надъ собой сытымъ, сидящимъ въ хорошемъ экипажѣ и ѣдущимъ веселиться на отцовскія деньги въ то время, какъ голодный нищій укралъ калачъ?

— Разумѣется, смѣялся!

И тысяча варіантовъ приходила мнѣ по этому поводу въ голову одинъ лучше другого, и я заблаговременно радовалась успѣху, но... заглянемъ на урокъ.

Ученицы усѣлись и стишились. С... помѣстился встронѣ. Я чувствовала несвойственное мнѣ волненіе отъ посторонняго лица; неробкая по природѣ, я никогда не робѣю передъ слушателями; напротивъ, вся нервная система въ подобныхъ случаяхъ какъ-то напрягается, и урокъ выходитъ еще оживленнѣе, еще бойчѣе. Какъ-то я говорила въ шутку, что мнѣ необходимо приглашать постороннихъ для того, чтобы лучше преподавать. Откуда же это досадливое волненіе? Развѣ причина его вотъ въ чемъ—каждый посторонній приходитъ съ цѣлью послушать урокъ и, пожалуй, похвалить, подкупленный доброй славой нашей школы, а въ С... мнѣ чудилось другое,—мнѣ чудилось предвзятое намѣреніе раскритиковать во что бы то ни стало! «А! Вы тогда не пустили: молъ, не готовились... Посмотримъ теперь—послѣ тщательнаго приготовленія!» Въ началѣ нашего знакомства мнѣ казалось, что С... относится ко мнѣ довольно хорошо, довольно тепло, а въ послѣднее время въ его отношеніяхъ стали мелькать для меня тѣни высокомѣрія, скептицизма и всего такого, что навело на меня эту непріятную мысль въ критическую минуту начала урока.

Показавши классу нѣсколько картинокъ изъ новаго альбома, изданнаго въ память Некрасова, я открыла книгу и стала читать «Воръ». При первыхъ же строкахъ я почувствовала, что стихотвореніе это потеряло для меня всю свою обаятельную силу, весь букетъ. Я не жила больше съ нимъ ни сердцемъ, ни воображеніемъ. Это было нѣчто отжившее для меня и разложившееся на части. И вдругъ мнѣ пришла въ голову сцена, видѣнная мною когда-то давно. Это было на публичной лекціи: толстякъ-профессоръ, для подтвержденія какого-то своего научнаго положенія, взялъ въ руки полную жизненнаго трепета птичку, посадилъ подъ

колпакъ, и она задохлась. Потомъ онъ распотрошилъ ее на части, и мы видѣли все—и ножки, и крылышки, и головку—и знали обо всемъ этомъ гораздо болѣе, чѣмъ прежде, но не было одного—не было животрепещущей птички, и мнѣ было такъ жаль ее, что я готова была бы отдать всѣ свои новыя свѣдѣнія за ея жизнь. То же чувствовала я въ отношеніи своего стихотворенія—я могла объяснить каждое слово въ отдѣльности, но души больше не было, это было мертвое, бездыханное тѣло.

Съ каждой минутою энергія падала во мнѣ все болѣе и болѣе, я чувствовала всю несостоятельность своихъ наготовленныхъ заблаговременно разъясненій; я объясняла то, что оказывалось и безъ того понятнымъ, и была безсильна растолковать непонятное; наконецъ, подойдя къ послѣднимъ двумъ и безъ того критическимъ строчкамъ, я до того растерялась, что плохо соображала, что говорю. На второй и третьей скамьѣ я замѣтила два-три зѣвка и не знаю, чѣмъ все это кончилось бы, если бы С... не ушелъ безъ оглядки изъ класса и если бы я не заслышала звонка. Тутъ я вспомнила одинъ изъ нашихъ разговоровъ съ нимъ, когда онъ сказалъ, что, если ему стыдно за кого-нибудь, онъ тотчасъ бѣжитъ прочь.

Я возвращалась изъ школы такою несчастною, какъ, кажется, никогда, и въ то же время мнѣ было досадно на себя: «Что же въ сущности случилось? Ровно ничего! Неудачный урокъ! Но съ кѣмъ же этого не бываетъ и что мнѣ за дѣло, что подумаетъ обо мнѣ этотъ гордый, самолюбивый и избалованный успѣхомъ въ обществѣ, или, лучше сказать, успѣхомъ въ дамскомъ обществѣ, мальчикъ, годящійся мнѣ въ сыновья. Я никогда не симпатизировала этому типу—эта избалованность рѣдко не парализуетъ въ юношѣ задатки стать со временемъ человѣкомъ дѣла». Но, мнѣ кажется, причина лежала глубже этой критической оцѣнки С..., которая явилась во мнѣ въ послѣднее время, благодаря тѣмъ мимолетнымъ, ничтожнымъ и, повидимому, незначащимъ проявленіямъ, вслѣдствіе которыхъ, тѣмъ не менѣе, часто складывается въ итогѣ мнѣніе о человѣкѣ. Причина лежала, какъ мнѣ кажется, въ разладѣ съ аксіомой, въ которую я

привыкла вѣрить, что къ каждому уроку слѣдуетъ тщательно приготовляться. «Такъ ли это?» болѣлъ во мнѣ вопросъ: «и не раціональнѣе ли, не естественнѣе ли создавать разъясненіе тамъ, въ классѣ, на мѣстѣ, создавать разъясненіе тому, что оказалось вопіюще непонятнымъ, останавливаться только надъ тѣмъ, что не пускаетъ двигаться впередъ и прислушиваться къ душѣ ученика не разумомъ, а сердцемъ?! И неужели доля вдохновенія неумѣстна тамъ, въ классѣ, неужели все должно быть разсчитано и размѣрено, какъ на какой-нибудь механической работѣ, гдѣ пригнанъ симметрически каждый гвоздикъ, и вы, не затрудняясь, отвѣтите, зачѣмъ онъ заколоченъ.

Горькаго въ моемъ раздумьѣ было еще вотъ что: это сомнѣніе въ своихъ педагогическихъ способностяхъ и пріемахъ. Что же это за учитель, думалось мнѣ, который можетъ хорошо прочесть урокъ тогда только, когда найдетъ на него вдохновеніе свыше—который никсгда не можетъ поручиться за то, каковъ будетъ его урокъ? Не лучше ли просто-напросто отказаться отъ преподаванія и уступить мѣсто болѣе способному. Вѣдь это не церковь, гдѣ необходимы проповѣдники, нелишенные подчасъ силы вдохновенія, не театръ, въ которомъ немыслимъ актеръ безъ вдохновенія; здѣсь нужны дѣловые служители школы, увѣренные въ томъ, что изъ каждаго ихъ урока ученикъ вынесетъ пользу. И мнѣ вспомнился Силаковъ съ его образцовымъ урокомъ объяснительнаго чтенія: съ какой увѣренностью, съ какимъ спокойствіемъ стоялъ онъ передъ незнакомымъ ему классомъ, какъ смѣло, просто и ясно повелъ бесѣду, какъ толково разъяснилъ каждое непонятное слово, какъ настойчиво преслѣдовалъ цѣль уясненія несознаннаго смысла. Эта увѣренность настраивала какъ-то бодро и классъ и слушателей...—и я давала себѣ слово уступить ему наши будущіе уроки по объяснительному чтенію, просить его подгонять пріѣзды въ Харьковъ къ воскресеньямъ, чтобы бывать въ школѣ.

Мнѣ было больно это рѣшеніе—я такъ много мечтала, такъ много строила плановъ поповоду этихъ будущихъ уро-

ковъ, но... не уступить изъ-за личнаго удовольствія было бы слишкомъ эгоистично.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ дневниковъ мы находимъ слѣдующую замѣтку о Силаковѣ:

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ покойный М. И. Силаковъ посѣтилъ нашу школу. Юный, воспріимчивый, весь пламенѣющій любовью къ народу, онъ съ увлеченіемъ отнесся къ нашему дѣлу, но это не мѣшало ему видѣть въ немъ слабыя стороны и честно произносить слова безпощадной критики. По профессіи онъ былъ преподавателемъ солдатской школы въ Чугуевѣ вмѣстѣ съ другомъ своимъ К. К. Абазой. Другъ его былъ совсѣмъ иныхъ свойствъ: тихій, мягкій, сдержанный, какъ будто черезчуръ даже учтивый и молчаливый, онъ подчасъ какъ бы конфузился за рѣзкія выходки своего пріятеля; но оба они пополняли другъ друга, оба работали сообща, оба составили прекрасное руководство и книгу для класснаго чтенія солдатъ. Друзья часто пріѣзжали изъ Чугуева на наши засѣданія и очень оживляли ихъ. К. К. былъ нѣсколько педантиченъ, любимой его темой было выяснить цѣль и значеніе воскресной школы. Правду сказать, онъ наскучилъ мнѣ даже немножко, и въ одномъ изъ своихъ прежнихъ дневниковъ, описавъ яркую картину того, какъ широко вліяніе воскресной школы, я говорю: «И вспоминается мнѣ одинъ педагогъ-педантъ, который назойливо приставалъ въ одномъ изъ нашихъ собраній къ намъ съ вопросомъ: «выясните мнѣ цѣль воскресной школы?» Показала бы я ему этого простолюдина и спросила бы: «теперь понимаете?»

Не таковъ былъ М. И. Блестящія рѣчи, горячіе споры, талантливые образцовые уроки, интересные доклады, остроумныя шутки,—все это привлекало къ нему общія симпатіи. Немало содержательныхъ страницъ, принадлежащихъ ему, можно прочесть въ нашихъ прежнихъ протоколахъ; но и шутки его остались также у меня въ памяти. Какъ-то я очень размечталась о томъ, чтобы поселиться въ деревнѣ и устроить тамъ «оазисъ». Деревня должна была быть невелика, и всѣ въ ней должны были быть счастливы, начи-

ная отъ владѣльцевъ, доктора, учителя и кончая послѣднимъ крестьяниномъ. Я настолько увлеклась этой иллюзіей, что совсѣмъ перестала говорить о школѣ. М. И. усматривалъ въ этомъ стихійное увлеченіе и написалъ слѣдующее четырехстишіе:

„Вертится флюгеръ, время мчится,
За вѣкомъ вновь она спѣшитъ:
Ей уголокъ деревни снится,
А школа бѣдная молчитъ!"

Не нравилась ему моя слезливость, «самоуничиженіе, граничащее съ кокетствомъ», какъ выражался онъ, и подозрительность, съ которою я въ каждомъ человѣкѣ усматриваю врага, и онъ составилъ въ шутку остроумную афишу концерта, въ которой было сказано: «Въ антрактѣ m-me Алчевская проплачетъ на тему: «я женщина неученая, у меня много враговъ!»

М. И. былъ молодъ, оживленъ, веселъ. Его любили всѣ, кто зналъ его, начиная отъ командира полка и кончая послѣднимъ замухрышкой-солдатикомъ. Но однажды съ М. И. случился эпизодъ весьма непріятнаго свойства. Давался полковой обѣдъ по случаю пріѣзда особы. Шампанское лилось рѣкой; лились и рѣчи и тосты, но всѣ они были умѣренны и сдержанны, каждый помнилъ о присутствіи за обѣдомъ особы. Не взялъ только этого въ толкъ всегда прямой и откровенный М. И., и когда дошла до него очередь, онъ говорилъ не въ честь начальства, не въ честь полка, не въ честь товарищей,—онъ произнесъ тостъ за русскаго солдата со всей его выносливостью, со всѣмъ тѣмъ, что поднялъ онъ на своихъ плечахъ въ послѣднюю войну, за солдата-героя и побѣдителя!.. Эта блестящая прочувствованная рѣчь произвела огромное впечатлѣніе. Раздался громъ рукоплесканій; старые служаки утирали украдкой слезы. Но особа взглянула на это дѣло иначе—и послѣ обѣда молодому поручику велѣно было подать въ отставку.

Помню, гуляя какъ-то въ морозное утро, я увидѣла М. И. на перекладныхъ, въ старенькой солдатской шинели, обмотаннаго какимъ-то грязнымъ шарфомъ. Онъ имѣлъ очень

жалкій видъ и напоминалъ арестанта. Это было на другой день его злосчастной отставки.

Но случай выручилъ неосторожнаго поручика: умеръ его какой-то неизвѣстный дядя и оставилъ ему большое состояніе. Всѣ друзья М. И. искренно радовались этому сказочному эпизоду, такъ какъ были увѣрены, что наслѣдство попало въ добрыя руки. И дѣйствительно, сколько широкихъ гуманныхъ плановъ возникло въ горячей головѣ молодого фанатика!.. Но судьба оказалась безжалостной къ нему: сближаясь съ народомъ въ своемъ новомъ имѣніи и посѣщая больныхъ, безстрашный юноша заразился оспой и умеръ одиноко, безъ друзей и близкихъ, безъ медицинской, быть-можетъ, даже помощи...

11 марта 1878 года.

Звонокъ. «Бурыкина къ вамъ пришла»,—сказала, входя, няня. Я поспѣшила къ ней навстрѣчу, въ переднюю. Стараясь высвободиться изъ своей старенькой узенькой шубки, которую она носила еще ребенкомъ, она спѣшила раздѣться, а крупныя слезы неудержимо катились по ея блѣднымъ щекамъ.

— Бурыкина! Что съ вами? Маменька здорова ли?—спрашивала я, зная, что она живетъ вдвоемъ съ старушкой-матерью, слабою здоровьемъ.

Она громко зарыдала и порывисто, вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ, задыхаясь послѣ каждаго слова, проговорила:

— Сейчасъ... закрыли... мою... школу...

— Какъ? За что? Какимъ образомъ?

Я знала давно, что, не имѣя другихъ средствъ къ существованію, Бурыкина занимается обученіемъ дѣтей; какъ-то даже одно время она перестала было посѣщать нашу школу, говоря, что страшно утомляется своими каждодневными занятіями, а затѣмъ опять возобновила, прося позволенія приходить только на одни уроки исторіи, которые ее очень интересуютъ. Помню также, что однажды она просила меня объяснить ей, какъ ведется письмо подъ тактъ, и дать на образецъ тетрадку, но разговориться болѣе

подробно объ ея школѣ мнѣ какъ-то не пришлось. Иногда на урокѣ чистописанія я поручала ей занятія съ отставшими ученицами и часто, желая представить классу образецъ, какъ слѣдуетъ читать то или другое стихотвореніе, заставляла ее читать вслухъ, стоя передъ скамьями.

Я повела ее въ свою голубую комнату, усадила возлѣ себя, притворила обѣ двери и просила успокоиться и разсказать мнѣ все подробно. Но успокоиться она не могла, какъ ни силилась—рыданья, всхлипыванья и слезы безпрестанно прерывали ея рѣчь.

Такая нервность понятна для меня, благодаря слѣдующимъ мотивамъ:

Я помню Бурыкину ребенкомъ: это была прелестная, бѣлокурая дѣвочка 11—12 лѣтъ; первая ученица Александровской школы, изъ любознательности посѣщавшая воскресную школу. Какъ-то она вдругъ исчезла отъ насъ,—и воскресенье, и два, и три—Бурыкиной нѣтъ какъ нѣтъ. Не замѣтить ея отсутствія было невозможно—мы стали разспрашивать другихъ ученицъ, не знаютъ ли онѣ чего-либо о Бурыкиной, и намъ сказали, что у нея оспа. Черезъ 2—3 недѣли она появилась, исхудавшая, съ синекрасными неподжившими еще слѣдами оспы, грустная, сконфуженная тѣмъ, что иныя сторонились отъ нея, боясь заразы, такъ какъ есть повѣрье, что оспа особенно заразительна въ то время, какъ проходитъ, подживаетъ. Невозможно было безъ боли сердечной смотрѣть на этого ребенка. Не вѣря вообще въ заразу и прилипчивость, я, помню, подошла къ ней тогда и искренно, горячо поцѣловала ее и сказала нѣсколько утѣшительныхъ словъ.

Она заплакала мнѣ въ отвѣтъ и сказала: «Это все бы ничего, но я отстала—и теперь не быть мнѣ уже хорошей—первой ученицей въ Александровской школѣ!»

Это несчастье, въ связи съ потрясеннымъ физически дѣтскимъ организмомъ, безъ раціональнаго ухода, безъ заботы о сбереженіи ребенка до полнаго выздоровленія, и затѣмъ, быть-можетъ, цѣлый рядъ маленькихъ неудачъ, лишеній, нужды и усиленной работы, легко могли дать въ результатѣ эту нервную дѣвушку, рыдавшую передо мною.

Мы жалѣли ее тогда,—мы посторонніе люди, а какая происходила драма въ душѣ этого умнаго, развитого и впечатлительнаго ребенка; объ этомъ, быть-можетъ, никто не зналъ, никто не угадывалъ, никто не проникалъ даже воображеніемъ, а наши неумѣстныя, быть-можетъ, слова участія и сожалѣнія дѣлали ее въ собственныхъ глазахъ еще несчастнѣе и давали обильную пищу и безъ того разстроенному воображенію. Отъ прежней красивой дѣвочки остались только большіе, сѣрые, умные глаза и пріятная улыбка.

— Сосѣдъ доказалъ, квартирантъ въ томъ дворѣ, гдѣ и мы...—говорила она отрывисто.—Онъ не взлюбилъ меня... давно... за что и говорить не хочется... (и блѣдныя щеки ея вспыхнули румянцемъ стыда и негодованія). Давно пугалъ—донесу, что вы занимаетесь безъ диплома—этого не полагается... но я не вѣрила, чтобы онъ сдѣлалъ этакую подлость... Сейчасъ приходитъ чиновникъ... изъ ремесленной управы, кажется... спрашиваетъ: «Какъ вы смѣете содержать школу безъ диплома?..» Я говорю: «Помилуйте, какая же это школа, я учу грамотѣ семерыхъ дѣтей... Вы спросите, какъ родители мною довольны»...

Бурыкина не могла продолжать отъ рыданій, и среди этихъ неудержимыхъ рыданій точно стонъ вырвалось одно слово «закрылъ!»—«Говорила ему...—продолжала она черезъ нѣсколько минутъ,—что я кончила курсъ въ Александровской школѣ первой ученицей. Сама начальница сказала мнѣ, подавая дипломъ: «Ты можешь теперь сама учить другихъ!..»

— Гдѣ же этотъ дипломъ?—перебила я.

— Затерялся, какъ переходила на квартиру. Все въ немъ 5, 5 и 5! Я и не знала, что онъ мнѣ понадобится когда-нибудь, а то, можетъ, лучше бы спрятала!»

— Такъ ступайте сейчасъ къ начальницѣ—она вамъ выдастъ другой!

— Ахъ, нѣтъ! Она, говорятъ, терпѣть не можетъ, кто учитъ дѣтей, подрывъ дѣлаетъ ея школѣ, что ли!

— Нѣтъ, все-таки, попытайтесь, а я сдѣлаю все, все, что могу,—сказала я горячо и вдругъ тутъ же «нечестивое сомнѣніе» охватило меня всю: «А что, если это «все» окончится «ничѣмъ?»

Вѣроятно, Бурыкину испугало мое выраженіе лица.

— Христина Даниловна,—сказала она съ возобновившимися слезами,—вы не подумайте, что я пришла у васъ что-нибудь выпрашивать, мнѣ ничего не нужно! Только какъ случилось это несчастье, я натащила на себя шубенку и бѣжать—куда бѣжать? Къ вамъ! А зачѣмъ—и сама не знаю!

— А согласились бы вы держать экзаменъ?—спрашивала я въ чаду глубокихъ соображеній.

— Отчего же, съ удовольствіемъ, я все помню, что учила. Только вотъ какъ же дѣти?! Впрочемъ, и они и ихъ родители такъ любятъ меня, что подождутъ хоть и мѣсяцъ!

— Если бы вамъ нужно было подготовиться,—продолжала я,—у насъ въ школѣ, навѣрное, найдется кто-нибудь изъ преподавателей и преподавательницъ, которые возьмутся заняться съ вами эти двѣ-три недѣли!

Бурыкина немного повеселѣла. Вдругъ лицо ея опять омрачилось, а на глазахъ сверкнули слезы.

— О чемъ вы опять, Бурыкина?!—спросила я..

— Говорятъ, не знаю—правда ли, что этотъ казенный дипломъ стоитъ пятнадцать рублей. Мнѣ ихъ неоткуда взять. Правда, родители мнѣ платятъ аккуратно рубль въ мѣсяцъ, но они всѣ бѣдные, заплатить впередъ не могутъ.

— Заплатимъ! Не бѣда!—сказала я весело.

— Такъ вотъ что, Христина Даниловна,—говорила она, сосредоточенно вдумываясь во что-то,—я могла бы вамъ потомъ уплачивать за него понемногу, каждый мѣсяцъ по рублю.

— Хорошо, хорошо!—сказала я, не желая противорѣчить.—А теперь ступайте сначала къ начальницѣ, а потомъ къ родителямъ, чтобы успокоить ихъ, или вотъ что, выпейте сначала чашечку кофе, я сейчасъ налью.

— О, нѣтъ, какъ можно!—возразила она дѣловымъ тономъ.—Надо спѣшить!..—И она встала.

— А отецъ вашъ теперь гдѣ?—спросила я.—Онъ вамъ не помогаетъ? (Мнѣ говорили прежде, что отецъ ея пьяница).

— Нѣтъ! Онъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ, получаетъ всего нѣсколько рублей, сколько именно, не знаю навѣрное, да и тѣ!..—Она опять вспыхнула краской стыда. Ей, видимо, больно было кончить эту фразу, порицающую поведеніе отца, и она перемѣнила разговоръ.

— Знаете, какъ я начала свою школу? Сначала у меня была одна только ученица, потомъ родители ея были такъ довольны, что пріискали другую, потомъ третью, и такъ до семи.

Я вспомнила при этомъ извѣстное мнѣ правило, что обученіе дѣтей числомъ менѣе десяти не считается школою, а просто обученіемъ грамотѣ, дозволеннымъ каждому.

За что же ей закрыли? Все это надо узнать, обдумать, опредѣлить, а главное, во что бы то ни стало довести до намѣченной цѣли.

PS. Замѣтка 1 ноября 1878 года.

Бурыкина готовится къ экзамену на званіе народной учительницы у А. Д. Ивановой и вскорѣ будетъ сдавать экзаменъ. Пока мы выхлопотали разрѣшеніе заниматься съ дѣтьми надому и допустили въ качествѣ помощницы въ занятіяхъ въ воскресной школѣ. Сколько мы ни справлялись, однако, никто изъ инспекторовъ не посылалъ никакого чиновника закрывать ея школу. Вѣрнѣе всего, что это былъ подлогъ сосѣда.

12 марта 1878 года.

Когда мнѣ приходится бывать въ оперѣ, я обыкновенно скучаю: эти натянутые, рутинные жесты актеровъ, эта до шокированія неправдоподобная походка, эти, почти безъ исключенія, глупые и невѣроятные сюжеты самихъ оперъ,— все это вмѣстѣ взятое до того парализуетъ самую гармонію звуковъ, что въ итогѣ, для меня лично, получается скука и даромъ затраченное время. Сценическое представленіе, недоводящее до иллюзіи, до возможности забыться, не имѣетъ для меня никакой цѣны. Не люблю я также зазубреннаго пѣнія барышенъ, такъ и чудится въ немъ извѣстная «метода», тутъ молъ crescendo, тутъ diminuendo, тутъ удареніе—выраженіе чувства и т. д. Въ немъ также слы-

шится нѣчто неестественное, заученное, не говорящее душѣ. Люблю я только одну нашу народную пѣсню, люблю эти свѣжіе, полные силы голоса, выливающіеся изъ здоровой груди, несдавленной корсетомъ, люблю эти слова, сложившіяся подъ диктовку непосредственнаго чувства — они говорятъ душѣ гораздо больше всѣхъ этихъ хитросплетенныхъ руладъ и напыщенно эффектныхъ словъ.

Возвратясь изъ школы съ группою поющихъ ученицъ, я застала уже К. на мѣстѣ въ ожиданіи урока пѣнія. Онъ разставилъ въ извѣстномъ порядкѣ первые и вторые голоса и началъ съ пѣнія гаммы. Чувствуя по обыкновенію утомленіе послѣ занятій въ школѣ, я бросилась на диванъ въ третьей комнатѣ, давая себѣ отдыхъ нѣсколько минутъ. Изъ залы неслись голоса и, Боже мой, что это были за голоса: чистые, звучные, энергичные, стройные. Я не выдержала и пошла въ залу поощрить К... за ту гармонію, которую все-таки онъ внесъ въ это хоровое пѣніе.

— Знаете что, Христина Даниловна,—сказалъ онъ съ своей обычной простотою,—даю я уроки въ третьейй гимназіи, въ женской, въ хорѣ Литинскаго, уроки эти оплачиваются, дѣти, повидимому, развитыя, цивилизованныя и, несмотря на это, увѣряю васъ, ни на одинъ урокъ я не иду съ такимъ наслажденіемъ, какъ сюда. Тамъ замѣчаешь то полное равнодушіе, то лѣнь, то принужденіе, то желаніе отдѣлаться какъ-нибудь, то даже какую-то вражду, какъ будто и непріязнь, потому только, что ты учитель, а чаще всего апатію, полную апатію,—а здѣсь сколько энергіи, воодушевленія, желанія узнать, разучить, запомнить, кажется, ни одно твое слово не пропадаетъ даромъ; благодаря этому и успѣхи поразительные — будущій разъ начнемъ разучивать пѣсню!

— Положимъ, быть-можетъ, К... хорошій учитель,—подумала я,—но нельзя не признать и школьной капли меду въ этой любознательности, вниманіи и привычкѣ честнаго отношенія къ труду.

13 марта 1878 года.

На-дняхъ въ разговорѣ со мною С... сказалъ, между прочимъ, вскользъ: «Знаете ли, многолюдность собраній

объясняется еще, какъ мнѣ кажется, и тѣмъ, что на эти собранія многіе, быть-можетъ, смотрятъ, какъ на удовольствіе: свѣтло, тепло, привѣтливо, гостепріимно, встрѣтишь порядочное общество, почему же и не пойти?!»

Замѣчаніе это, какъ уже упомянула я, было сказано вскользь и, повидимому, безъ всякаго желанія уколоть. Между тѣмъ, мнѣ стало больно. Я почти ничего не отвѣтила, но когда С... ушелъ, я продолжала чувствовать все ту же боль и искала причинъ. «Причиняетъ ли намъ боль вѣрное замѣчаніе,—спрашивала я себя,—или то, которое намъ кажется несправедливымъ?» и отвѣчала себѣ сравненіемъ. Случалось ли вамъ видѣть мнительнаго человѣка. Онъ веселъ и здоровъ, но, набѣду, навстрѣчу ему попадается пріятель и, знаетъ ли онъ слабость друга и хочетъ подшутить, или такъ, просто сказать нечего, только онъ замѣчаетъ ему: «Что это ты, братецъ, такъ блѣденъ нынче? Что съ тобою?. — Пріятель пошелъ дальше, разрушивши спокойствіе и счастье друга. Тотъ начинаетъ перебирать въ своемъ воображеніи причины, обстоятельства текущихъ дней и, несмотря на явственное сознаніе здоровья, все-таки тревожится вопросомъ: «а что, если онъ правъ?»

Такъ и я — я глубоко увѣрена, что наши педагогическія собранія многолюдны, потому что затрагиваютъ насущные, жизненные вопросы, что группируются у живого и добраго дѣла, что захватываютъ частицу нравственнаго міра у многихъ горячихъ, честныхъ и стремящихся къ общественной дѣятельности людей. Къ чему же эти сомнѣнія?!

Былъ у меня одинъ знакомый (онъ умеръ недавно), который мнѣ говорилъ: «Я увѣренъ, что вы никогда не любили и не полюбите, какъ слѣдуетъ, благодаря вашему дневнику (я не называю любовью эти мимолетныя вспышки). Не полюбите потому, что у васъ вошло въ привычку рыться въ душѣ при малѣйшемъ зародышѣ чувства, и этотъ анализъ губитъ его на корнѣ».

Что касается «чувствъ», о которыхъ говорилъ мнѣ мой знакомый, то это неправда, я страдала въ этомъ случаѣ чаще отсутствіемъ анализа, чѣмъ избыткомъ, боязнью ана-

лизировать, чтобы не испортить себѣ жизни, чтобы не отнять себя по этому мотиву у дѣла, которое должно быть важнѣе игры въ симпатіи, а что эти симпатіи и увлеченія легко скользили по мнѣ, быстро мелькали, то это просто свойство темперамента и легковѣсность всего человѣка. Что же касается дѣла, то тутъ, дѣйствительно, я всегда была мнительною и всегда довольно было намека, чтобы натолкнуть меня на рядъ часто мучительныхъ вопросовъ и разъѣдающаго анализа.

Въ данномъ случаѣ новою «злобою дня» явился вопросъ о многолюдности собраній, и я не могла опять заснуть до трехъ часовъ, анализируя этотъ вопросъ. Предо мною проходили лица, наполняющія эти собранія, и я силилась опредѣлить ихъ характеристику.

Налѣво—секретарь П., неподкупный, желчный, скептикъ, глубоко преданный дѣлу народнаго образованія и ужъ, конечно, не освѣщеніе, чай и десертъ привлекли его сюда. Онъ и самъ когда-то возставалъ противъ этого чая и десерта и возставалъ настолько энергично и публично, что мы перенесли наши собранія въ управу. Тамъ они были настолько же многолюдны и устраивались, кажется, нѣсколько мѣсяцевъ сряду, а затѣмъ намъ стало смѣшно налагать на себя, Богъ вѣсть изъ-за чего, эту эпитимію, и мы опять возвратились къ старымъ порядкамъ.

Направо Ф...—человѣкъ богатый, живущій съ полнымъ комфортомъ. Онъ недавно возвратился изъ-за границы, гдѣ осмотрѣлъ массу педагогическихъ учрежденій.

Рядомъ съ нимъ его—молчаливый и болѣзненный другъ, завѣдомо умный и серьезный человѣкъ, положившій здоровье въ земскихъ дѣлахъ.

Рядомъ съ нимъ—старушка, отлично воспитавшая своихъ собственныхъ дѣтей, занимающаяся теперь воспитаніемъ внука и постоянно интересующаяся педагогическими вопросами.

За нею—учительница нашей семейной школы. Съ утра до вечера она бѣгаетъ по урокамъ. Простудила горло. Докторъ запретилъ выходить. «Но невозможно же пропустить

собраніе, надо пробыть хоть одинъ часъ на чтеніи записки Силакова».

Рядомъ—незнакомая мнѣ учительница Общества Грамотности, сконфуженная, молчаливая, отодвинувшаяся назадъ. Я не знаю ее, но ручаюсь, что она пришла за дѣломъ. Думаю даже, что въ ней происходитъ борьба: «итти ли въ домъ къ этой богачкѣ Алчевской (эксплуатирующей трудъ бѣдныхъ людей), которую я терпѣть не могу, или нѣтъ?» Но дѣло выше всего, и она пришла.

За нею—двѣ наши учительницы—обѣ живутъ шитьемъ (составляютъ ассоціацію еще съ одною работающей дѣвушкой). Имъ бы «и нельзя быть сегодня—работы пропасть, не до удовольствій, работы—срочной, но вы, Христина Даниловна, сказали, что сегодня особенно интересное собраніе—бросили и пришли!»

За ними 3—4 студента. У нихъ экзаменъ на носу—вотъ какъ некогда! Можно изъ-за этихъ собраній потерять годъ, но «надо притти хоть на одинъ часъ, если бы только такъ устроить, чтобы образцовый урокъ по ариѳметикѣ, который такъ интересуетъ насъ, такъ какъ мы сами читаемъ этотъ предметъ, былъ данъ между 8 и 9 часами».

Рядомъ учительница нашей школы Я..., у нея каждодневная школа, и она «такъ утомляется, такъ занята подготовкой къ завтрашнему уроку, но собранія настолько полезны, что я нахожу необходимымъ бывать на нихъ!» Ей можно повѣрить—она такая пожилая, серьезная, трудящаяся, что ей не до веселья, не до встрѣчъ!

Дальше съ нею ея знакомая, молоденькая, хорошенькая барышня. Отецъ ея почему-то боится нашей школы, а въ особенности собраній, и она, вѣроятно, бываетъ потихоньку на нихъ. Я замѣтила это какъ-то по ея условному разговору съ Я..., да еще по тому, что она ниразу не приходила въ собраніе безъ Я... Она ни съ кѣмъ не знакомится, постоянно конфузится и краснѣетъ и съ выдающимся вниманіемъ слушаетъ все, что говорится въ собраніяхъ. Къ этому типу принадлежитъ еще нѣсколько учительницъ.

Ж... кормитъ ребенка, но находитъ, что вопросы собраній такъ интересны ввиду даже собственныхъ дѣтей, что бываетъ на нихъ всегда, когда дитя здорово.

М. еще въ заведеніи учится и затрачиваетъ все воскресенье на приготовленіе уроковъ, лишь бы въ понедѣльникъ быть на собраніи, «особенно если предвидится урокъ по звуковому методу, которому ей очень хочется научиться!»

Ж. только что поднялся съ постели, онъ не можетъ переносить табачнаго дыма и громкаго говора и пришелъ только хоть на одинъ часъ, чтобы самому прочитать свою рецензію.

Л. поспѣлъ только къ 10 часамъ послѣ всѣхъ своихъ уроковъ и, не заставъ ужъ чаю, засталъ конецъ собранія и записался на будущую работу.

В. явился для того, чтобы прочитать урокъ. Трудно было ему готовиться къ этому уроку, своего дѣла по горло, да что дѣлать, надо подѣлиться съ другими своимъ опытомъ.

П. тоже заваленъ дѣломъ въ гимназіи, и здоровье плохо въ послѣднее время, но такъ усердно просили въ комиссію, къ тому же идутъ вопросы по интересующимъ его спеціальнымъ предметамъ—не хотѣлось отказаться!

С. пріѣхалъ на 2, на 3 дня въ Харьковъ. Въ театрѣ—новая пьеса, отличные, говорятъ, актеры, хотѣлось бы пойти, и деньги, кстати теперь есть, да слѣдуетъ быть въ собраніи съ своимъ протоколомъ.

Всѣ эти образы успокаиваютъ меня, и я думаю, засыпая: «Нѣтъ, анализъ не всегда дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ»!

Воскресенье, 23 апрѣля 1878 г.

Чувствую себя утомленною, точно послѣ продолжительной болѣзни. Что же случилось? Готовилась къ уроку! А мой взглядъ на то, что готовиться не слѣдуетъ. Но вѣдь это не взглядъ собственно, а впечатлѣнія, нельзя же имъ, въ самомъ дѣлѣ, безгранично вѣрить, не вдумываясь, не вслушиваясь, не анализируя.

Въ чемъ же состояла эта утомившая меня работа?

Вотъ въ чемъ: два дня сряду моя голубая комната представляла такое зрѣлище: Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Никитинъ, Тургеневъ, Толстой, Беранже, Курочкинъ, Огаревъ, Мей, Полежаевъ, Плещеевъ, Алмазовъ, Некрасовъ,— все это разбросанное по столамъ вперемежку съ карандашами, бумагой, перьями, въ непривычномъ для меня безпорядкѣ.

Мы работали съ М. И. Силаковымъ надъ программой по литературному отдѣлу. Сколько было перечитано, передумано, пересмотрѣно и перечувствовано за эти двое сутокъ— представить трудно. Даже слезы нашли себѣ мѣсто при чтеніи нѣкоторыхъ любимыхъ стихотвореній, благодаря свойственной мнѣ слезливости. Наконецъ, программа была готова, программа продуманная, прочувствованная. При перечиткѣ ея сердце радовалось, настолько все казалось понятнымъ, у мѣста.

Я чувствовала боль въ глазахъ, приливы къ головѣ— слѣдовало бы остановиться и дать себѣ отдыхъ, но мы задумали разработать къ воскресенью хоть одинъ урокъ изъ нашей программы («На пепелищѣ» Никитина), и рѣшено было, что я его прочту. Начались приготовленія. Останавливались надъ каждымъ словомъ, надъ каждымъ выраженіемъ, опредѣленъ былъ весь планъ урока, прочитана обширная біографія Никитина и изложена вкратцѣ, приготовлены модели и т. д. и т. д.

Пришло воскресенье. Измученная предшествовавшей усиленной работой, пришла я въ школу, держась за свою тетрадку, какъ утопающій за соломинку. Страшнѣе всего, безспорно, было то, что въ классѣ будетъ судья, судья праведный, но придирчивый и безпощадный, это не мой прежній слушатель С...: тамъ были утѣшенія на тему «да много ли онъ жилъ и видѣлъ?!», а тутъ ничего, ничего, кромѣ сознанія, что ужъ если засудятъ тебя, то по всѣмъ правиламъ искусства. Я начала урокъ съ разсказа біографіи поэта. Разсказывая довольно развязно, чуть ни наизустъ заученную мною біографію, я чувствовала нѣкоторое самообладаніе, почти спокойствіе, я говорила просто, не останавливаясь, не заикаясь, не сбиваясь на словахъ, но меня давило сознаніе, что меня слушаютъ, чей-то карандашъ точно скребъ меня по душѣ.

Завѣтная тетрадка лежала передо мною раскрытая, я чувствовала почву подъ ногами и въ томъ же приличномъ тонѣ продолжала урокъ, строго придерживаясь начертанной системы. Минутами мнѣ казалось, что я не говорю, а слушаю кого-то посторонняго, минутами, но ихъ было очень мало, я забывала свою роль, вскакивала со стула и сбивалась всторону, но это были самыя непродолжительныя вспышки—я тотчасъ слышала карандашъ и чувствовала всѣми силами души присутствіе судьи.

Испытаніе кончилось; по изложеніямъ учениць видно было, что урокъ понятъ. На послѣдней скамьѣ сидѣла вновь пришедшая ученица—высокая блондинка, некрасивая, въ веснушкахъ, лѣтъ подъ 30 или за 30.

Она пришла въ срединѣ класса, такъ что я, сдержавъ досаду на помѣху, сказала ей только холодно: «Садитесь!» Мнѣ хотѣлось загладить эту холодность, которая, быть-можетъ, отозвалась въ ея душѣ, я подошла, сѣла рядомъ и спросила ее:

— Вы знаете грамоту, или только пришли поучиться?

— Нѣтъ, я грамотна! Но вѣдь этого мало,—отвѣчала спокойно ученица: необходимо подвигаться впередъ въ своемъ умственномъ развитіи, мало читать, необходимо читать толково. Мнѣ чрезвычайно понравился вашъ сегодняшній урокъ, мнѣ кажется, что я въ первый разъ поняла сегодня, что значитъ относиться къ статьѣ вполнѣ сознательно, и я непремѣнно буду посѣщать школу. Я пришла сегодня, такъ сказать, попробовать — понравится школа, увижу, что можно вынести изъ нея что-либо полезное—буду ходить, а нѣтъ—спросъ не бѣда, попытка не убытокъ!

— А ваша профессія? — спросила я, заинтересованная какъ нельзя болѣе своей новой встрѣчей.

— Швея,—отвѣчала она просто.

— Знаете ли, — сказала я,—если вы довольны моимъ урокомъ, то позвольте вамъ сказать, въ свою очередь, что я чрезвычайно счастлива вашимъ отзывомъ—онъ отвѣчаетъ мнѣ на вопросъ: «достигъ ли желанной цѣли мой урокъ». Вашъ судъ для меня важнѣе всего... Нужно вамъ сказать, что мы не дорожимъ малолѣтними ученицами—передъ ними

цѣлая жизнь—успѣютъ еще научиться. Но когда къ намъ приходитъ взрослая ученица, по собственной волѣ, по собственному сознанію,—это составляетъ нашу гордость, и Богъ знаетъ, что далъ бы, лишь бы оправдать это довѣріе, лишь бы ея дорогое время не пропало даромъ.

Мы обмѣнялись еще нѣсколькими словами, и я вышла изъ класса подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, во-первыхъ, новой встрѣчи, во-вторыхъ, удачнаго изложенія ученицъ, но... но меня ждалъ судья. «Урокъ неудовлетворителенъ,—сказалъ онъ рѣшительно,—мало оживленія, пропущено нѣсколько вопросовъ, но, тѣмъ не менѣе, я уѣзжаю подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ и съ твердой увѣренностью, что съ этихъ поръ объяснительное чтеніе поставлено въ школѣ на твердую почву, и что если вы будете продолжать настолько же добросовѣстно и сознательно относиться къ приготовленію уроковъ, вы овладѣете искусствомъ поставить классъ какъ слѣдуетъ!»

Не помню навѣрное, въ этихъ ли именно словахъ была выражена мысль, но слово «неудовлетворительно» какъ-то особенно врѣзалось въ памяти и повергло меня въ уныніе. Я вышла изъ школы совсѣмъ разбитая, ничего не зная ни о своемъ урокѣ, ни о своей правоспособности преподавать. Я шла, понуря голову, которая казалась мнѣ какъ-то особенно тяжела и чувствовала боль въ глазахъ отъ яркаго солнца. Мнѣ было невмочь итти. А, между тѣмъ, прохладный воздухъ какъ будто освѣжалъ. «Возьму извозчика и покатаюсь», рѣшила я. Пока я дошла до извозчика, мнѣ встрѣтилось 2—3 знакомыхъ. «Что съ вами—вы больны?» спросили они.—Да, я была больна, была утомлена нравственно. Мнѣ думалось: «Къ чему устраивать себѣ такія пытки? Сколько тамъ—въ этой школѣ молодыхъ нетронутыхъ силъ—пусть бы онѣ занимались этими скачками съ препятствіями, а мнѣ: «я бъ желалъ забыться и заснуть!» И гдѣ, въ чемъ стимулъ, двигающій на всѣ эти непріятности? Онъ долженъ быть непремѣнно силенъ и честенъ, думалось мнѣ, но какъ ему имя, я не знаю, только не самолюбіе, напротивъ, это просто точно будто игра въ тысячу и одинъ щелчокъ самолюбію, самомнѣнію, самоувѣренности.

Скорѣе имя этому стимулу—любовь, преданность къ дѣлу—право, это больше подходитъ»...

Въ этомъ грустномъ раздумьѣ я сѣла на извозчика, и онъ повезъ меня прямо, прямо. Онъ не спрашивалъ меня, куда ѣхать, а я ничего не говорила. Лошади попались быстрыя и мчали, точно несли. На одномъ изъ поворотовъ я увидѣла мужика, онъ снялъ шапку, не то прося милостыню, не то крестясь на церковь; лучи солнца падали на его курчавую голову. Онъ держалъ за руку ребенка лѣтъ 2-хъ—3-хъ. Мы промчались быстро, безъ-оглядки, но воображеніе мое моментально откликнулось на эту картину: «Вотъ онъ, этотъ мужикъ,—говорило оно мнѣ,—тотъ самый мужикъ, что сидѣлъ на пепелищѣ—вѣдь это онъ, вѣдь вы узнали его по ребенку!» И картина пожара и пепелища представилась мнѣ съ такою поразительною ясностью, точно я видѣла ее воочію, въ жизни. Затѣмъ въ головѣ группировались съ необычайной послѣдовательностью всѣ вопросы, затронутые стихотвореньемъ, и вся могучая сила таланта поэта; мнѣ казалось, что до сихъ поръ я никогда не вдумывалась какъ слѣдуетъ и что читать поэтическіе шедевры такъ, какъ я ихъ читала, съ однимъ чутьемъ—это профанація. Я точно прозрѣла легкость, съ которою я скользила умомъ по глубокимъ мыслямъ, мнѣ стало стыдно за эту легкость, за свои дешевыя слезы подъ диктовку впечатлѣнія; мнѣ казалось, что только въ эту минуту я научилась страдать сознательно надъ бѣдствіями народа, и на придачу ко всему мнѣ вспомнились слова умноголовой ученицы: «Мнѣ кажется, что я въ первый разъ поняла сегодня, что значитъ читать вполнѣ сознательно».

Затѣмъ я стала вспоминать своего судью, давшаго мнѣ эти минуты. Зачѣмъ онъ сказалъ мнѣ это больное слово и какимъ тономъ сказалъ? Я вспомнила и тонъ, и голосъ, и лицо до мельчайшихъ подробностей. Тонъ этотъ не былъ ни торжествующій, ни обидный, въ немъ, напротивъ, звучали ноты волненія за удачу и радость надежды. Видимо, вопросъ, удастся ли урокъ, волновалъ его если не болѣе, то не менѣе, чѣмъ меня, такъ какъ это было настолько же его твореніе, какъ и мое.

Дай Богъ школѣ больше такихъ судей!!!

Такая критика не унижаетъ, а возвышаетъ, такъ какъ цѣль ея не разрушать, а созидать, и, чувствуя щелчки мелочному самолюбію, ты въ то же время сознаешь, что есть въ мірѣ нѣчто гораздо лучше, выше, благороднѣе этого личнаго самолюбія, и что, подчиняясь этому «нѣчто», ты не только не унижаешь себя, свое человѣческое достоинство, а напротивъ того—дѣлаешь шагъ впередъ къ истинѣ.

8 октября 1878 г. Воскресенье вечеромъ.

Подъ грустнымъ впечатлѣніемъ возвратилась я сегодня изъ школы... Что же случилось? Первою новостью, встрѣтившею меня въ школѣ по пріѣздѣ изъ Крыма, было извѣстіе о томъ, что одна изъ моихъ ученицъ—молодая, здоровая, красивая дѣвушка Ларіонова пошла въ монастырь, а двѣ еще собираются только пойти—Кравцова и Даша Феничкина.

Ларіонова вовсе не была несчастлива въ семьѣ, жила въ довольствѣ, романа тоже никакого не было—гдѣ же причина?

— Неужели и вы, Даша, собираетесь въ монастырь?—спросила я Феничкину, —точно въ жизни нельзя сдѣлать много полезнаго, добраго?

— Ахъ, Христина Даниловна,—отвѣчала она тономъ жгучей грусти:—что же хорошаго въ жизни—кругомъ горе, нужда, страданія, пороки, пьянство, хотѣлъ бы помочь, передѣлать—не можешь, а тамъ—встанешь себѣ раненько, съ спокойною душою, войдешь во храмъ, монашки, точно ангелы, поютъ—Бога славятъ, облако душистаго ладана вверхъ подымается, точно будто въ царствѣ небесномъ заживо очутишься, и никому ты зла никакого не сдѣлаешь, никого не обидишь и умрешь съ душою чистою, какъ у дитяти.

Она говорила это какъ-то торжественно, спокойно, точно читала по книжкѣ, а большіе, задумчивые глаза глядѣли вдаль, точно видѣли что-то дальше смерти, что-то лучезарное, прекрасное, чего не даетъ жизнь; блѣдное лицо еще больше поблѣднѣло, и вся она еще какъ будто больше выросла и вытянулась.

Я стояла передъ нею, какъ осужденная, низко опустивъ голову, и молчала. Возраженія не приходили ни въ голову, ни на языкъ. Я думала только: «Права была И. въ собраніи, говоря, что подборъ темъ въ моей программѣ настолько грустенъ, что, если только уроки эти будутъ выполнены какъ слѣдуетъ, ученицамъ остается одно: пойти и утопиться». Передо мною проходилъ рядъ моихъ уроковъ, когда въ самой во мнѣ болѣзненно сжималось сердце при чтеніи Некрасова: «Въ полномъ разгарѣ страда деревенская», «У параднаго подъѣзда», «Уличныя сцены», Никитина «На пепелищѣ», Томаса Гуда «Пѣснь о рубашкѣ»; и сама я плакала, и плакалъ со мною почти весь классъ,—а по окончаніи урока еще много минутъ царствовала тишина, точно каждый думалъ о чемъ-то, замышлялъ что-то.

Я вспомнила свое возраженіе, что грустныя темы сильнѣе дѣйствуютъ на душу, больше заставляютъ задумываться, анализировать, больше развиваютъ, чѣмъ веселыя; на что она умно отвѣчала мнѣ, что не о веселыхъ темахъ говоритъ она, а о темахъ, вызывающихъ бодрость, вѣру въ свои силы, надежду быть полезнымъ въ жизни, даже при тѣхъ условіяхъ и средствахъ, въ которыя поставила судьба человѣка,—о такихъ темахъ, какъ, напр.: «Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ» Некрасова, «Впередъ безъ страха и сомнѣнья» Плещеева и т. д.

«Неужели это вліяніе школы?—думала я, опустивъ еще ниже голову, и не находила въ себѣ возраженій...—а можетъ-быть, въ силѣ этого вліянія залогъ будущности школы?» спрашивала я себя; но и это возраженіе мало утѣшало... Что же дѣлать? Неужели сложить руки или тоже погрести себя заживо, чтобы «никому зла никакого не сдѣлать», «никого не обидѣть», какъ говоритъ Даша, и неужели не посылать протеста этому намѣренію итти въ монастырь; да, можетъ-быть, я и предприму протестъ, только не теперь, а позднѣе, когда сумѣю спокойнѣе отнестись къ случившемуся, когда сумѣю подавить въ себѣ всѣ эти мучительныя сомнѣнія, или найду на нихъ отвѣты: но когда это будетъ и будетъ ли,—я сама не знаю.

Изъ девнника 14 января 1882 года мы узнаемъ о дальнѣйшей судьбѣ Феничкиной:

Была у меня сегодня Даша Феничкина; 2 года, какъ она оставила школу, выйдя замужъ, но книги приходитъ перемѣнять аккуратно.Мы вышли вмѣстѣ: я—гулять, а Даша—домой. Разговорились... Ну, какъ живется, Даша, счастливо ли?

— Слава Богу! Надъ работою только приходится мужу съ утра до вечера сидѣть,—меня жалѣетъ, а на самого тоже жалко смотрѣть—на магазины работаетъ, а магазины, знаете, какъ сами дорого берутъ, а портнымъ безъ вывѣсокъ самую дешевую цѣну даютъ. Работаешь, работаешь, еле на харчи заработаешь. Прежде въ дѣвушкахъ, когда я на конфектной фабрикѣ была, мнѣ и въ голову не приходило, что портнымъ такъ трудно живется,—думала: вотъ счастливые—сидятъ себѣ дома, сами себѣ хозяева, никто не заставитъ, никто не накричитъ, шей себѣ да шей! А теперь, какъ приглядѣлась, не дай Богъ! Боюсь, какъ бы чахотку не получилъ!

— Ну, бѣдность еще дѣло поправимое,—сказала я въ утѣшеніе.—Вотъ если пьетъ, кутитъ—это плохо! Дастъ Богъ, разживетесь работою повыгоднѣе!

— Нѣтъ, ужъ насчетъ пьянства, слава Богу,—отвѣчала Даша:—а еще у меня горе—смѣется онъ надъ нимъ: какъ приходитъ воскресенье, такая тоска на меня нападаетъ, просто до слезъ! Вѣдь семь лѣтъ, кажется, въ школу ходила и, должно-быть, ниразу не пропустила—привыкла. И дѣвушкой сложа руки не сидѣла, но, по крайней мѣрѣ, воскресенье было у меня свободное. Пойдешь къ ранней обѣднѣ, придешь, напьешься чаю, а тамъ въ школу. А теперь—нѣтъ — стряпаться нужно! Говорю ему какъ-то съ досады: «Ей Богу, знай я, что нельзя будетъ въ школу ходить, кажется, и замужъ не пошла бы!»

А онъ смѣется, говоритъ: что жъ, разведемся!

Я теперь вотъ что придумала: какъ получу отъ васъ книжку и дойду до самаго интереснаго мѣста, положу въ сундукъ до самаго воскресенья, а въ воскресенье, какъ

отстряпаюсь часамъ къ 11-ти, такъ за нее, все какъ будто веселѣе!

На этомъ мы разстались съ Дашей до будущей перемѣны книги.

15 ноября 1878 г.

Мы шли сегодня съ Анютой прибирать школу. Навстрѣчу намъ ѣхало нѣсколько солдатъ, а на противоположномъ тротуарѣ, шагая широкими шагами, шло человѣкъ 6 ветеринаровъ. Я пристально взглянула на ихъ лица. Въ этихъ лицахъ, какъ показалось мнѣ, не было ни страха отвѣтственности, ни волненія передъ роковымъ вопросомъ, называемымъ «будущность», «карьера», ничего, кромѣ веселой рѣшимости отчаянія. Лица эти улыбались и говорили съ тѣмъ холоднымъ спокойствіемъ, отъ котораго вчужѣ становится жутко: «Не все ли равно—такъ или иначе, развѣ жизнь, или чтó бы то ни было на свѣтѣ имѣетъ для насъ значеніе?..» Я содрогнулась отъ этого впечатлѣнія и неожиданно почувствовала, что что-то невыразимо тяжелое сдавило мнѣ грудь...

— Ахъ, Х. Д.,—сказала мнѣ Анюта голосомъ, въ которомъ слышались слезы,—какъ мнѣ ихъ жалко, ветеринаровъ, вѣдь цѣлый полкъ туда пошелъ, что, какъ стрѣлять по нихъ будутъ!? Мнѣ въ особенности жалко, какъ вспомню учителя своего Михаила Михайловича.

— Какого учителя?—спросила я.

Анюта нѣсколько замялась...

— Видите,—продолжала она, послѣ минутнаго молчанія,—маменька запретила мнѣ объ этомъ разсказывать, они говорятъ, что черезъ это и на меня стыдъ падетъ, но только я думаю, что вамъ я могу разсказать,—про васъ самихъ говорятъ то же, что про М. М.

Мы вошли въ школу, отворили шкафъ и стали перетирать доски. Мнѣ не хотѣлось вымогать отъ Анюты откровенности, но, видимо, она сама рѣшила, что мнѣ можно все разсказать, и продолжала тихо, точно боясь, что стѣны услышатъ насъ:

— Еще до поступленія въ Александровскую школу и въ вашу, я училась на Пескахъ, у М. М.—ветеринара. Училось насъ тамъ человѣкъ двадцать, любили мы его всѣ такъ, что ужъ и невозможно больше; и какъ было не любить—добрый, ласковый, а разсказывать что-нибудь начнетъ—просто заслушаешься, и такъ все умѣетъ объяснить, что самые маленькіе и тѣ поймутъ. Бѣдный, а учитъ даромъ. Кружка у него такая была—кто придетъ, сейчасъ туда бросаетъ копейку-двѣ, сколько можетъ. Ходили къ нему все бѣдные, такіе же, какъ и онъ, ветеринары, а все-таки скоро набралось столько денегъ, что онъ столъ для насъ новый заказалъ—бѣлый, длинный, всѣмъ стало сидѣть просторно, и табуретки бѣлыя на базарѣ купилъ, каждому по росту подстругалъ, чтобы ловчѣе сидѣть было. И онъ не одинъ училъ, каждый день еще по два человѣка приходило, и все разные и всѣ одинъ другого добрѣе, одинъ другого ласковѣе... Вдругъ какъ-то приходятъ два солдата, спрашиваютъ: гдѣ живетъ М. М.? Еврейка, что въ томъ же дворѣ жила, указала. Они къ нему въ комнату, притворили двери, что-то тамъ переговорили съ нимъ, и онъ пошелъ съ ними изъ дому. На другой день приходятъ папенька домой и говорятъ: «А М. М. въ острогъ посадили!» Я въ слезы, а маменька спрашиваютъ: «За что?»—«За то, что школу неправильно держалъ, Лелюковы на него донесли».

«На другой день насъ съ маменькой къ генералу потребовали и кухарку съ нашего же двора,—ея дѣвочка тоже тамъ училась. Я-то еще побольше была, не такъ испугалась, а та маленькая, отъ земли не видно, плачетъ—боится, слова отъ нея добиться не могли.

«Ввели меня одну въ комнату. Генералъ поодаль сидитъ, а другой какой-то близко къ себѣ подозвалъ, разспрашиваетъ и прямо въ глаза смотритъ, вѣрно, чтобъ не солгала. А зачѣмъ же мнѣ лгать — все рѣшительно правду говорила. Спрашиваютъ: чему васъ М. М. училъ? А я говорю: прежде всего мы заповѣди у него выучили и «Отче нашъ», потомъ объ звѣряхъ разныхъ училъ, о птицахъ, о рыбахъ...

— А объ чемъ, онъ говоритъ, вамъ разсказывалъ?

— Разсказывалъ, говорю, что изъ чего дѣлается: изъ чего одежда дѣлается, изъ чего посуда, очень интересно разсказывалъ...

— А не читалъ онъ вамъ книжку «Братъ и сестра»?

— Нѣтъ, не читалъ!

«Потомъ маменьку позвали и слышу спрашиваютъ: «Какія книги вамъ ваша дочь читала?» А маменька отвѣчаютъ: «Родное Слово», «Дѣтскій міръ».—Наша маменька грамотная, поэтому и могли такъ отвѣчать.

«Потомъ насъ отпустили, ничего, только маменька, отдавая меня въ Александровскую школу, строго-настрого запретила объ М. М. говорить, что я у него училась; поступила я прямо въ 3-й классъ и стала тамъ лучшею ученицей. Потомъ о вашей школѣ услышала и пошла, и мнѣ она очень понравилась—тоже всѣ такіе добрые и ласковые, какъ у М. М., но начальница наша Антушевичъ, узнавши, что я хожу къ вамъ, призвала меня къ себѣ и уговаривала не ходить, говоритъ: «Тебя эта школа до добра не доведетъ, тамъ студенты учатъ—будешь вмѣстѣ съ ними въ тюрьмѣ сидѣть».

«Я сначала испугалась—вспомнила про М. М., а потомъ пришло воскресенье — скучно мнѣ — пошла! Возвращаюсь изъ школы, а у начальницы гости. Зовутъ меня въ гостиную. «Покажи тетрадь,—что писали въ школѣ?» Я принесла. Въ тетради было написано: «Воръ» Некрасова. Они стали читать, другъ другу передаютъ и ахаютъ, и все про васъ говорятъ: «Она непремѣнно крѣпостью кончитъ!» Совѣстно мнѣ, что всѣ на меня смотрятъ, да къ тому же еще вспомнила про М. М. и какъ сказали мнѣ «иди», я забилась въ чуланчикъ и плакала, плакала, всѣ глаза выплакала... Про М. М. мы слышали потомъ, будто его выпустили, и онъ только подъ опекой полиціи состоитъ, а другіе разсказывали, будто бы, когда солдаты его вели, онъ въ рѣку бросился. Не знаю, только я его съ тѣхъ поръ не видала, а вспоминаю часто...»

Доски наши еще не были перетерты, но впечатлѣніе отъ простосердечнаго разсказа Анюты въ комбинаціи съ

мыслью о вооруженныхъ солдатахъ и о сотняхъ жизней, висящихъ въ эту минуту на волоскѣ, охватили меня всю, я не въ силахъ была даже успокоить Анюту относительно себя, слезы подступали и душили меня, я боялась перепугать ее этимъ волненіемъ и этими слезами, и, почти молча, подавши ей ключи, я выскочила на воздухъ; но воздухъ не освѣжилъ меня—голова горѣла, слезы продолжали душить. Возвратясь домой, я бросилась въ постель и долго безутѣшно рыдала; все, что накипѣло во мнѣ за послѣднее время противъ молодежи, противъ девиза ея знамени, противъ насилія и убійствъ, отошло куда-то далеко, если не исчезло, и осталось одно страданье и состраданье, которое я не могла выплакать никакими слезами...

15 января 1879 г., послѣ собранія, 12 час. ночи.

„Жива ли школа?"

(Конфиденціальный допросъ самой себѣ.)

Два мѣсяца я не бралась за дневникъ... Почему?.. Въ впечатлѣніяхъ, тревогахъ и страданіяхъ не было, кажется, недостатка! Ихъ было вволю, даже черезъ край... Почему же молчалось?! Мнѣ вспоминается въ отвѣтъ старинный романсъ: «Не спрашивай меня, о чемъ душа моя тоскуетъ!» Теперь смѣются надъ старинными романсами и напрасно смѣются: въ ихъ осужденной потомствомъ сентиментальности было чаще не только больше чувства, но и мысли, чѣмъ въ нынѣшнихъ реальныхъ романсахъ: «Я влюбился въ эту ножку, но вамъ, вѣрно, все равно,—я жъ ей крикнулъ изъ окошка,—ахъ, зачѣмъ я не бревно!..»

«Не спрашивай меня, о чемъ душа моя тоскуетъ!»—какъ много смысла въ этихъ словахъ... Какъ разсказать все то, чѣмъ ноетъ эта душа!.. Фактъ таковъ: произошелъ разрывъ съ дорогимъ тебѣ человѣкомъ... Какъ холоденъ этотъ фактъ, облеченный въ слова, какъ много можно подыскать въ отвѣтъ ему утѣшеній: кто же виноватъ, что онъ придаетъ силу недоразумѣнію и не хочетъ выслушать ника-

кихъ объясненій! Что за дѣло до его выводовъ, если ты самъ чувствуешь себя правымъ!

„Развеселись, забудь, что было,
Чего ужъ нѣтъ—не будетъ вновь,
Все ль намъ на свѣтѣ измѣнило“ и т. д.

Кольцовъ.

И какимъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ теоретическихъ, головныхъ разсужденій, какъ безсильны они уврачевать душу, и ноетъ она и сожалѣніемъ о прошломъ, о чемъ-то потерянномъ, безвозвратномъ, и грустью о настоящемъ, и такъ томительно думается: зачѣмъ случилось то, что случилось, и хочется разъясненій, оправданій, слезъ,—не жгучихъ слезъ обиды и отчаянія, а сладкихъ слезъ утѣшенія, примиренія, и чувствуется точно безсиліе передъ чьей-то чужой силой, чужимъ умомъ, способнымъ уничтожить тебя этой силой логики и искусно построенныхъ обвиненій... Неужели въ правдѣ нѣтъ силы самой по себѣ? Неужели и ей нужны адвокаты?.. Да, нужны! Иначе я не мучилась бы, какъ мучусь теперь—униженная, оскорбленная и уничтоженная... Впрочемъ, оскорбляя и унижая дѣло, слившееся со мною нераздѣльно, онъ выгораживаетъ меня лично—щадитъ или жалѣетъ на прощанье—не знаю. Минутами я отдыхаю на этихъ строкахъ, а минутами мнѣ хочется бросить ихъ ему, какъ милостыню и сказать:

„Но не бойтесь—я не нищій—
Спрячьте ваше подаянье,
Я гнушаюсь сладкой пищей,
Полной яда состраданья!..“

Добролюбовъ.

Но ничего этого я ему, навѣрное, не скажу и больнѣе всего именно это «не скажу». Какъ смѣютъ отворачиваться другъ отъ друга люди, идущіе одною и тою же дорогою,—вѣдь это ошибка! Вѣдь это «своя своихъ не познаша!» Нѣтъ, я увижу его! Я заставлю себя выслушать, и если тогда... Что же тогда? Вѣдь это храбрость теоретическая, и врядъ ли хватитъ ее до порога двери, а тамъ, за этимъ порогомъ, при малѣйшей обидѣ—слезы безсилія, бабьи дешевыя слезы, безсвязная рѣчь—и только.

Нѣтъ, лучше не видѣться — онъ требуетъ забвенія, и забвеніе должно быть, если не фактическое, то хоть кажущееся, но какъ тяжело оно, это кажущееся забвеніе, это насильственное умерщвленіе того, что проситъ жизни...

Но, умирая самъ для дѣла, онъ говоритъ, что и оно умерло, что изсякли въ немъ всѣ тѣ источники жизненности, въ которые вѣрилъ онъ; но я не вѣрю этому, а сознавая собственное безсиліе подъ его нравственными ударами, высоко держу знамя своего полка, на которомъ годы начертали девизъ: «Безграничная преданность и вѣра въ дѣло!» Присмотрюсь же я къ нему, прислушаюсь—живо ли оно? Бьется ли пульсъ и бьется ли бодро, какъ у здороваго человѣка, или какъ у чахоточнаго, обреченнаго на смерть?..

Въ воображеніи моемъ проходятъ собранія бурныя, оживленныя, какъ никогда: всѣ говорятъ, всѣ принимаютъ участіе; какъ это случилось—я не знаю; впрочемъ, можетъ-быть, и знаю—вотъ этотъ колдунъ, который, не боясь ни личныхъ оскорбленій, ни непріятностей, настойчиво, каждый разъ посылаетъ упрекъ учительницамъ въ безличности, въ индиферентномъ отношеніи къ дѣлу, въ молчаливости, и онъ достигъ своего, а я не достигла потому, что слишкомъ учтивничала и церемонилась. Вотъ эта новая участница Калмыкова. Какъ она попала сюда? Она—жена предсѣдателя судебной палаты. И какой урокъ читаетъ она,—всѣ въ восторгѣ, всѣ апплодируютъ! Рѣчь идетъ о воздухѣ. А критики? Кандидатъ естественныхъ наукъ И. О. Фесенко, бакалавръ естественныхъ наукъ А. Д. Иванова, медики, ученица Герда—А. П. Гришенко. Она опять возвратилась къ намъ. Почему отстала? Дѣти одолѣли! Своихъ собственныхъ шестеро! Но теперь какъ-то вышелъ антрактъ. Пришла на собраніе, увлеклась и погибла, т.-е. вновь приняла участіе въ школьныхъ занятіяхъ... А эта Калмыкова—почему она такая умная, милая, простая?! Когда мнѣ еще до знакомства съ нею сказали, что она—племянница Корфа и воспитывалась у него въ домѣ, подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, я вдругъ почувствовала себя съ нею въ родствѣ... Кстати о Корфѣ, вотъ что пишетъ онъ о нашемъ разрывѣ съ Миропольскимъ:

«Многоуважаемая Х. Д.! Душевно благодарю васъ за послѣднее письмо ваше. Благодарю васъ за искреннюю, неизмѣнную дружбу вашу ко мнѣ, побуждающую васъ отдать на судъ мой размолвку между вашею воскресною школою и Миропольскимъ. Вы знаете, что я люблю вашу школу и теперь, но вы знаете также, что я никогда не любилъ ея слѣпо, а потому, несомнѣнно, убѣжденъ въ томъ, что мои симпатіи къ школѣ отнюдь не отуманили моего разсудка; вопросъ второй, насколько правильно |сообразитъ самый разсудокъ.

«Но вотъ, что говоритъ мой разсудокъ послѣ внимательнаго ознакомленія съ письмами Миропольскаго и протоколами школы: ни въ строкахъ, ни между строкъ нѣтъ ничего не только оскорбительнаго, но даже неделикатнаго по отношенію къ Миропольскому. Что касается самаго дѣла, то я безусловно согласенъ съ тѣмъ, что печатать отчеты въ распространенномъ педагогическомъ изданіи цѣлесообразнѣе, такъ какъ педагогическая пропаганда, къ которой и призвана каждая школа, коснется гораздо большаго числа лицъ».

И такъ, мы оправданы, а Миропольскій обвиненъ, и обвиненъ человѣкомъ, котораго я уважаю и которому онъ вѣрилъ, что доказываетъ одно мѣсто его письма: «Желалъ бы я услышать мнѣніе Корфа о моей статьѣ, очень желалъ бы» и т. д. И что же—легче ли мнѣ отъ этого? Нѣтъ! Мнѣ было бы легче только тогда, если бы онъ самъ себя обвинилъ.

Но возвращусь къ школѣ: мнѣ представляется мой классъ и пробный урокъ Д. «О воздухѣ» (они писали съ Колмыковой на конкурсъ — одна и та же тема). Мнѣ представляются оживленныя лица ученицъ—видно, что онѣ такъ и ловятъ каждое слово, что всѣ умственныя способности напряжены, чтобы понять, усвоить, не пропустить, а на боковой скамьѣ рядъ учительницъ съ карандашами и бумажками—не менѣе внимательныхъ и слѣдящихъ, чѣмъ ученицы: вотъ и нашъ молодой бакалавръ—Иванова, и Бирюкова съ своими огромными, умными глазами, и Калмыкова, вся впившаяся въ урокъ, и спокойная и сосредото-

ченная Гришенко, и оживленная, способная Распопова, и съ дѣтски-серьезнымъ лицомъ Шевырева, и умница Ильяшева, и всѣ эти люди, безкорыстно сгруппировавшіеся у безкорыстнаго дѣла;—это ли благонамѣренные филистеры, это ли матеріалисты-промышленники, это ли люди Молчалинскаго девиза? Нѣтъ! Нѣтъ! отвѣчали мнѣ и разсудокъ, и сердце. Нѣтъ! повторяло впечатлѣніе. Нѣтъ! утверждало сознаніе; и я чувствовала, какъ бьется здоровый пульсъ въ здоровомъ организмѣ, и гордо подымала опустившуюся голову, и точно звала кого-то на бой, и точно чувствовала въ себѣ присутствіе какой-то неотразимой силы, энергіи и бодрости.

Деревенскіе очерки[1]).

Крестьянскія бѣдствія.

Живя въ городѣ, намъ рѣдко приходится реально скорбѣть надъ крестьянскими бѣдствіями. Правда, читаемъ мы въ газетахъ и журналахъ о падежѣ скота, о саранчѣ, о крестьянскомъ невѣжествѣ и предразсудкахъ, о голодѣ, но все это какъ-то далеко, все думается: «Богъ знаетъ, быть-можетъ, все это преувеличено, раздуто!» И только когда пріѣдешь въ деревню, въ настоящую глухую деревню, безъ школы, безъ грамотныхъ людей, безъ медицинской помощи,—пріѣдешь хотя временно, на два, на три лѣтнихъ мѣсяца, и взглянешь пристально кругомъ,—вся эта горькая дѣйствительность встаетъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Вы не разсуждаете болѣе, что мѣры ваши, ваша помощь—лишь ничтожные палліативы, залѣчивающіе временно хроническія язвы: чувство живого состраданія поглощаетъ все, и вы помогаете, чѣмъ можете, какъ можете, подъ вліяніемъ этого гнетущаго васъ чувства.

Въ 1878 году мы пріѣхали въ деревню Алексѣевку, только что купленную у помѣщика М. Мы пригласили съ собой на лѣто, въ качествѣ учителя нашихъ дѣтей, молодого медика, оканчивающаго курсъ медицинскаго факультета, N. Лѣчить крестьянъ не входило въ его обязанности, но по мѣрѣ того, какъ больные, послѣ двухъ-трехъ случаевъ оказанной помощи, стали осаждать ворота нашего жилища, и мнѣ приходилось не подъ силу раздавать лѣкарства и перевязывать раны, онъ вызвался съ своей стороны оказывать посильную

[1]) Было напечатано въ сборникѣ „Въ пользу воскресныхъ школъ“ изд. журн. „Русская Мысль“ 1894 г.

помощь. Слухъ о нашей помощи распространился на десятки верстъ, и подводы съ больными потянулись со всѣхъ деревень по направленію къ Алексѣевкѣ. Тутъ были и паралучные, и сухорукіе, и хромые, и слѣпые, и въ оспѣ, и въ кори, и въ коклюшѣ; мысль о томъ, что зараза эта можетъ передаться моимъ дѣтямъ, не на шутку стала тревожить меня, и я наняла у сосѣдняго помѣщика просторный флигель, разставила тамъ всѣ свои банки и склянки и стала принимать больныхъ съ N.

Ко́мната была полна народа. Я перевязывала рану мужику, которому быкъ прокололъ ногу; N. мѣшалъ какое-то лѣкарство; въ углу, на кожухѣ, стонала лихорадочная женщина; у дверей, на рукахъ матери, плакалъ золотушный ребенокъ; чахоточная дочь старосты тяжело дышала надъ моимъ ухомъ,—казалось, картина больничнаго горя была переполнена лицами и красками, но оказалось, что это не все: отворилась дверь и вмѣстѣ съ струей чистаго воздуха ворвались дикіе, неистовые стоны. Все стихло, казалось, каждый забылъ о своемъ личномъ страданіи, одинъ золотушный ребенокъ попрежнему хныкалъ. На порогѣ показался сильный молодой парень; онъ держалъ въ своихъ мощныхъ рукахъ молодую женщину: ея голова, съ темнорусою косой, была опрокинута назадъ, худощавое лицо было очень блѣдно, глаза полузакрыты, бѣлая рубаха вся въ крови; она билась, какъ ребенокъ, и неистово кричала.

— Боже мой! Что съ нею?—спросила я, быстро подходя.

— Собакы... чабаньски... по степу́ йшла... сама... у сусиднего пана С. скилькы вже лыха наробылы воны... чабано̀ви 70 лѣтъ, куды жъ ему зъ ними справицьця... звалылы и грызлы, грызлы, скилькы схотилы,—говорила старушка-мать, вошедшая вмѣстѣ съ ними, прерывая рѣчь рыданіями и вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

Мы отнесли больную въ другую комнату, раздѣли, положили на кроват и осмотрѣли раны: ихъ было тридцать семь. Это не были порѣзы, быстро стремящіеся къ заживленію и сращенію при раціональномъ уходѣ,—это были тѣ

раны лохмотьями, которыя медленно поддаются медицинскому уходу. Мы сдѣлали, что могли. Несчастная кричала при всякомъ прикосновенiи мокрой губки, нѣсколько разъ съ нею дѣлался обморокъ, и приходилось прiостанавливать обмыванiе, приводя ее въ чувство. Къ несчастiю, больная оказалась самымъ нервнымъ субъектомъ, какого можно себѣ представить: кромѣ физической боли, она не могла переносить вида крови, лицо ея нервно подергивалось и во всемъ тѣлѣ дѣлались страшныя конвульсiи. Возиться пришлось не съ нею одною, но и съ матерью,—на ней съ удивительною отзывчивостью повторялись всѣ припадки дочери. Одинъ только парень, мужъ, сохранялъ наружное спокойствiе, силясь помогать намъ въ нашихъ перевязкахъ, но его сильныя руки дрожали на худенькихъ плечахъ жены, и вѣки глазъ покраснѣли отъ слезъ, которыя, казалось, вотъ-вотъ ему не удастся сдержать.

Къ концу перевязки больная нѣсколько успокоилась,—быть-можетъ, лавро-вишневыя капли оказали желанное дѣйствiе.

Красавецъ-мужъ снова взялъ ее бережно на руки, какъ ребенка; ея античная головка, съ блѣднымъ, какъ мраморъ, лицомъ, какъ-то безжизненно покоилась на его плечѣ, а тонкiя, точно аристократическiя, руки обвивали его шею.

На другой день старушка-мать явилась къ намъ вся въ слезахъ и просила сказать, какъ скоро могутъ зажить раны ея дочери.

— Не ранѣе шести недѣль,—отвѣтилъ рѣшительно N.

Она снова ударилась въ слезы и объяснила, что дома идутъ большiя непрiятности.

— Свекровь и такъ не любитъ невѣстку, называетъ ее бѣлоручкой, а тутъ еще эти шесть недѣль: она просто поѣдомъ ее съѣстъ,—вѣдь это десять рублей деньгами.

Думали мы, думали, какъ помочь горю, и рѣшили написать мировому судьѣ, который славился въ уѣздѣ за человѣка честнаго и гуманнаго.

Мировой судья, съ своей стороны, написалъ помѣщику частное письмо, выясняя, что требованiя женщины заклю-

чаются въ десяти рубляхъ, а если дѣло пойдетъ судебнымъ порядкомъ, придется заплатить болѣе. Помѣщикъ сначала разсердился, постращалъ затравить собаками старуху, отнять заработокъ у ея зятя, затѣмъ осѣлъ, сталъ торговаться и сторговался со старухой за 5 рублей.

Мы сидѣли вечеромъ на крылечкѣ, любуясь солнечнымъ закатомъ.

— Опять, мама, къ тебѣ та старуха!—кричали дѣти, выбѣгая изъ воротъ.

Женщина подошла къ крылечку, сдѣлала земной поклонъ и положила передъ N. 2 р. 50 к. Бѣдняга рѣшила, что половиною своего счастья она обязана намъ и долго пришлось убѣждать ее, что это намъ не слѣдуетъ и не нужно.

Черезъ шесть недѣль пришла молодица, наряженная какъ на праздникъ, и тоже съ земнымъ поклономъ. Особенно выразительно посматривала она съ улыбкою на свои ноги, обутыя въ новые, какъ съ иголочки, башмаки, какъ бы желая сказать: «Посмотрите, ни одной раны и башмаки новые мужъ на радости купилъ!»

Мы принимали больныхъ отъ 8 до 12 ч. дня и послѣ этого считали себя свободными для другихъ занятій и отдыха, но не всегда это удавалось: мы собирались обѣдать, когда во дворъ вбѣжала женщина,—на ней, какъ говорится, лица не было.

— Мій человикъ! Мій Хведотъ Васылёвычъ! Винъ у васъ у двори дрова рубавъ! Вашъ хозяйінъ зна ёго, такый здоровый чоловикъ!—говорила она безсвязно, всхлипывая.

— Да что́ случилось?

— Ногу соби сокырою зарубавъ!

Мы быстро забрали перевязочныя средства и пошли за женщиной. Въ углу хаты, на подмосткахъ, лежалъ огромный человѣкъ, и изъ ступни его струилась кровь; посреди хаты стоялъ мальчикъ лѣтъ 11, какъ двѣ капли похожій на отца, и громко ревѣлъ на всю хату.

Θедотъ Вас. недовѣрчиво взглянулъ на насъ изъ-подъ густыхъ бровей и какъ-то безнадежно перевелъ взглядъ на рану; оказалось, что услужливыя сосѣдки пробовали уже надъ нимъ свои средства и запорошили разрѣзъ растеніемъ, напоминающимъ губку. Пришлось очень мучительно очищать рану. Θ. В. лежалъ молча и съ достоинствомъ, не издавши ни одного звука. Жена держала трепещущими руками глиняный «глечикъ» съ водою, боясь, видимо, плакать при мужѣ; я силилась утѣшить мальчика, но онъ продолжалъ хныкать, забившись въ уголъ. Остановили кровь. Свели края раны и крѣпко забинтовали.

— Спасибі!—выговорилъ, наконецъ, Θ. В., видимо, увѣровавъ болѣе или менѣе въ наше искусство.

— Да и молодецъ же вы, хоть бы пикнули!—сказалъ N., вымывая руки.

— Хіба жъ я баба? Зъ роду не кричавъ!—сказалъ молодцевато Θ. В.

Мы продолжали ходить къ нему каждый день. Заживленіе шло прекрасно на этомъ здоровомъ тѣлѣ, чуждомъ худосочія и золотухи. Скоро Θ. В. такъ мастерски научился бинтовать ногу, что посѣщенія наши сдѣлались излишними.

Время шло. Дѣло двигалось къ осени, и мы, имѣя новыхъ трудныхъ больныхъ, почти позабыли о Θ. В.

Разъ передъ вечеромъ собралась кавалькада, дѣти скакали впереди, большіе слѣдовали за ними. Насъ съ N задержали нѣсколько минутъ въ деревнѣ пріѣзжіе больные, и мы поотстали отъ другихъ. Вечеръ былъ такъ хорошъ и душистъ, что скакать не было никакой охоты,—хотѣлось ѣхать шагомъ и вдыхать полною грудью этотъ степной ароматъ. Навстрѣчу намъ безпрестанно попадались высокіе воза сѣна. На одномъ изъ нихъ, вся улыбающаяся, убравши голову васильками, сидѣла наша любимица маленькая Маруся Товстенко. Всѣ спѣшили домой, только на одной полосѣ задержались какія-то три трудолюбивыя фигуры.

Мы подъѣхали ближе и узнали въ нихъ своихъ старыхъ знакомыхъ—Θ. В. съ румянымъ, загорѣлымъ лицомъ, жену его и сынишку. Они тоже узнали насъ и, точно по мановенію, бросили грабли и низко, почти до земли, поклонились

намъ... Любо было смотрѣть на эту счастливую семью и думать, что

„Прогуло проклято лихо
Та й заснуло!
На хутірь снову благодать
Зъ-за гаю темнаго вернулась...“

Шевченко.

Поѣхали мы въ сосѣднюю деревню. Крошечное окошечко въ одной хатѣ точно предвѣщало горе и бѣдность. На дворѣ, на завалинкѣ сидѣло грудное дитя, обложенное, изъ предосторожности, кожухомъ, несмотря на лѣтнее время; другая дѣвочка лѣтъ двухъ, вся испачканная, бродила по двору съ грязными, какъ она, поросятами. Мы вошли въ избу. На полу было разостлано рядно, а на немъ, на протяженіи всей хаты, лежалъ огромный дѣтина лѣтъ 27. Его красивое, мужественное лицо выражало страданіе, губы нервно подергивались, обнажая рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ. Завидѣвши насъ, онъ вдругъ заплакалъ, какъ плачутъ маленькія дѣти: громко, порывисто, совсѣмъ не стыдясь своихъ слезъ. Трудно было понять слова, произносимыя имъ среди этихъ всхлипываній, слышалось ясно только одно: «Помогите! Спасите!»

Подлѣ него стояла молодая женщина—жена, съ строгимъ, выразительнымъ лицомъ. Ей какъ будто было стыдно малодушія мужа и она говорила скорѣе съ укоризной, чѣмъ съ жалостью: «Годи плакаты,—слезьмы не поможешь». На глазахъ у нея, дѣйствительно, не было ни слезинки, только лицо было очень, очень блѣдно.

Оказалось, что у несчастнаго параличъ всей лѣвой части тѣла, и его необходимо везти въ городъ, чтобы лѣчить электричествомъ, а до города 26 верстъ и до больного нельзя дотронуться, но исходовъ другихъ нѣтъ,—положили на дроги сѣна, взвалили бѣднягу и повезли.

Вчера мы были у него въ больницѣ, чтобы навѣстить его и отвезти чаю и сахару. Завидѣвши насъ, онъ опять заплакалъ, какъ ребенокъ. Старуха-мать говорила потомъ, что отъ радости, что, завидя насъ, онъ точно родныхъ своихъ увидалъ.

Земскій фельдшеръ сообщилъ намъ, что больной нашъ счастливо попалъ,—въ больницѣ всего десять кроватей и какъ разъ одна освободилась къ его пріѣзду, а сегодня привозили 11-го, такъ повезли назадъ.

Возвращаясь изъ больницы, я мучительно думала, кто былъ этотъ 11-ый, чѣмъ боленъ и куда его повезли.

Мы возвратились на нашу станцію изъ недалекаго путешествія часу въ одиннадцатомъ вечера и искали глазами лошадей и экипажей, но ихъ не было,—вѣроятно, запоздали. Недалеко отъ рельсовъ стояли 3—4 мужика съ телѣгами и дрогами, въ одну и въ пару маленькихъ рыжеватыхъ деревенскихъ клячей, въ тщетномъ ожиданіи пассажировъ, которыхъ на этотъ разъ, повидимому, не было. Мы рѣшились ждать экипажа. Поѣздъ отошелъ, фонари потушили, и мы остались глазъ на глазъ съ темною, безлунною ночью.

— Жаль, что мы не рѣшились ѣхать на дрогахъ,—сказала я мужу,—а теперь мужики разъѣхались, и хочешь не хочешь, а жди экипажа хоть до свѣту..

— Нѣтъ, одинъ еще здѣсь,—вмѣшался сторожъ,—такой чудакъ: и поѣздъ отойдетъ, и фонари потушатъ, а онъ все ждетъ у моря погодки, точно домой ѣхать не хочется.

Мы обрадовались этому извѣстію, подрядили мужика-чудака и поѣхали. Подъѣзжая къ деревнѣ, онъ сказалъ тихо, вполоборота, точно говоря самъ съ собою.

— А мени несчастья склалось!..

— Какое?—спросила я съ участіемъ. Мнѣ почудилось въ эту минуту, что случилось, дѣйствительно, что-то страшное,—мужики не любятъ жаловаться по пустякамъ.

— Задумали мы съ женою хату новую построить. Я въ степи былъ, а она съ матерью и дѣтьми глину копать поѣхала. Какъ задумала она ѣхать, дѣтей дома не было, а у сосѣдей были, побѣжала за ними и взяла съ собою. Пріѣхали. Стали копать глину, посадила она ихъ возлѣ себя. Какъ оборвется сверху глина, такъ всѣхъ и задавила!

— Сколько жъ ихъ было?—спросила я съ ужасомъ.

— Да всѣ: мать, жена и четверо дѣвочекъ. Старшенькой восьмой годъ пошелъ, а маленькой—два года. Эхъ, если бъ

вы знали, какія онѣ всѣ умныя да добрыя были: дашь одной бубликъ,—ни за что сама не съѣстъ. Войдешь въ хату—смѣхъ, пѣсни, а теперь какъ въ могилу входишь, просто домой страшно возвращаться.

Въ эту минуту мы поровнялись съ первою угловою хатой въ деревнѣ.

— Ось оце и моя хата!—сказалъ бѣднякъ, глубоко вздохнувъ.

Въ окнѣ не было свѣта. Изъ воротъ къ намъ навстрѣчу выбѣжала большая, лохматая деревенская собака и, жалобно визжа, бросилась къ хозяину,—она точно чувствовала все его сиротство.

— Оце и все!—вставилъ онъ опять, указывая на собаку.

Мы поѣхали дальше.

— Вотъ это видите?—началъ онъ, опять указывая куда-то вдаль.—Вотъ эта-то глина... Видите?

Я ровно ничего не видѣла въ темнотѣ, но по тону его голоса чувствовала, что онъ видитъ и глинище, и дорогихъ шесть труповъ.

Желая откликнуться на его горе, я спросила:

— Когда же ты узналъ, что ихъ убило?

— Ѣхали мужики, смотрятъ—возы съ волами привязанные стоятъ, а людей не видно. Они ближе: смотрятъ—изъ-подъ глины только ноги чьи-то торчатъ. Позвали мужиковъ, откопали. Одинъ за мною пріѣхалъ. Пріѣзжаю туда, смотрю—лежатъ какъ живые, вотъ-вотъ заговорятъ! Похоронили... Двадцать рублей истратилъ. Да на что мнѣ теперь, сиротѣ?!..

— А не думаете жениться?—спросила я, зная, насколько просто смотритъ на это народъ.

— Да сватаютъ вдову на хуторѣ, у Ю. Г. живетъ, да не хочу.

Въ эту минуту мы остановились. Навстрѣчу намъ ѣхалъ нашъ экипажъ. Мнѣ хотѣлось разсмотрѣть лицо этого обездоленнаго человѣка, выражается ли на немъ вся сила постигшаго несчастія, или это обыкновенное сѣрое, безцвѣтное мужицкое лицо, такое загрубѣлое, такое суровое, что не прочтешь на немъ ничего, кромѣ безропотной покорности,

но ночь была темная, я ничего не видѣла и только сердцемъ чуяла всю силу его горя и понимала, почему онъ такъ долго, долго ждетъ пассажировъ и почему не хочется ему возвращаться домой.

Въ больницу вошелъ старикъ лѣтъ 55 или 60-ти, немощно передвигая ноги и грустно понуря сѣдую голову. Его замѣчательно правильное лицо выражало не столько физическое страданіе, сколько какую-то тяжелую, безысходную грусть; сдвинутыя брови и сомкнутыя губы точно хранили мучащую тайну, и общее выраженіе лица привлекало и трогало до боли.

Мнѣ очень хотѣлось подойти къ нему послѣ всѣхъ, точно предчувствіе говорило мнѣ, что это не заурядный больной, а особенный, исключительный, и я выждала, пока всѣ разошлись.

— Что болитъ?—спросила я съ участіемъ.

— Внутри болитъ,—сказалъ онъ грустно, оглядываясь, какъ бы желая удостовѣриться, что никого больше нѣтъ, и, еще ниже опустивши голову, съ усиліемъ прибавилъ:— Меня били, и здóрово били!

Дико и странно прозвучало въ моихъ ушахъ слово «били» при видѣ этого старика, внушающаго полное уваженіе и симпатію.

— Господи! Какъ же это случилось?—спросила я, и, вѣроятно, въ голосѣ слышалось довольно участія, потому что старикъ, взглянувши прямо мнѣ въ глаза, началъ просто и печально передавать свое горе.

— Я староста,—началъ онъ, и насмѣшливая улыбка скользнула по его лицу,—долженъ наблюдать за общественнымъ добромъ, а въ Ю. у насъ содержитъ шинокъ кулакъ-богачъ. Вотъ народъ и сталъ приставать ко мнѣ, что общество могло бы имѣть отъ кабака прибыль, а не онъ... Я поѣхалъ къ члену по крестьянскимъ дѣламъ М. П., онъ и далъ разрѣшеніе. Пріѣзжаю я домой, докладываю народу: такъ-то и такъ-то,—ну, всѣ рады. На другой день вечеромъ приходитъ ко мнѣ шинкарь, я прошу его садиться, сидятъ у меня тутъ же писарь и еврей. Онъ было и сѣлъ, какъ

разъ подлѣ меня, да вдругъ какъ подымется: «Ахъ ты такой-сякой, такъ ты позволеніе себѣ выхлопоталъ... Бей его!» Тутъ какъ выскочило 13 человѣкъ, нанятыхъ имъ, повалили на землю, жена кричитъ караулъ, сынишка тоже, они швырнули его на печку, ее объ стѣну головой, такъ и раскроили; лежитъ она безъ дыханія въ сѣняхъ, сынишка на печи воетъ. Писарь и еврей сидятъ, не мѣшаются,—куда ужъ тутъ вмѣшаться, когда ихъ 14 человѣкъ; кричатъ, народъ спитъ, да и сосѣди-то у меня—кому 60, кому 70 лѣтъ.

«Били они меня, били и колѣнками въ грудь, и сапогами, а потомъ повелъ онъ ихъ прямо въ шинокъ и поилъ онъ ихъ тамъ до утра. На утро присылаетъ сказать, что онъ заплатитъ мнѣ 25 р., чтобы помириться. Я отвѣчалъ, что и 2.500 за жизнь свою и за безчестье свое не возьму. Подалъ я жалобу мировому судьѣ, говоритъ: «Не мое дѣло,—у васъ есть волостной судъ». Я въ волостной судъ, а тамъ все подвластные люди сидятъ, боятся богача. И свидѣтели у меня есть: писарь и еврей. Нѣтъ, говорятъ, этого намъ мало,—нужно свидѣтельство отъ доктора. А какое тутъ свидѣтельство, когда я отъ Петрова дня лежу и хлѣбъ на корню стоитъ,—одинъ я работникъ, некому прибрать. А онъ говоритъ: «Нигдѣ не найти тебѣ суда и права, всѣхъ закуплю, ничего не пожалѣю, 300 р. заплачу, только не тебѣ». Вотъ я и пришелъ къ вашей милости, чтобъ осмотрѣли вы меня и выдали бы свидѣтельство».

N. выслушалъ грудь и нашелъ, что у него отъ побоевъ сдѣлалось воспаленіе подреберной плевы, грозящее перейти въ воспаленіе легкихъ, но объяснилъ при этомъ, что свидѣтельство можетъ выдать только городской докторъ, такъ какъ онъ, N., не окончилъ еще курса и давать свидѣтельства не имѣетъ права. Написали мы письмо и направили къ доктору К.

Суда и права мы не добились. Патентованный докторъ не захотѣлъ выдать свидѣтельство, что воспаленіе легкихъ произошло вслѣдствіе побоевъ, такъ какъ со дня побоевъ прошелъ узаконенный срокъ. Старикъ умеръ. Кулакъ С. благоденствуетъ, но мнѣ, къ счастію, представился случай отомстить ему.

Во время пріема въ школу, которую мнѣ удалось осуществить въ Алексѣевкѣ, въ пріемную вошелъ человѣкъ высокій, плотный, въ синей суконной поддевкѣ, въ новыхъ сапогахъ. Онъ напоминалъ горожанина.

— Я С., — сказалъ онъ развязно, какъ говорятъ люди, увѣренные въ своей популярности и играющіе видную роль въ своемъ околоткѣ,—пріѣхалъ просить васъ принять дѣтей въ школу.

Я измѣрила его взглядомъ и отвѣчала въ упоръ:

— Вы С.? Помните ли Ю-скаго старосту?! Мы не принимаемъ въ школу дѣтей разбойниковъ, — можетъ-быть, они похожи на васъ!

С. растерялся, несмотря на всю свою первоначальную развязность.

— Это все враки!—пробормоталъ онъ сквозь зубы, но я подошла уже къ другимъ родителямъ, показавъ этимъ, что всѣ наши счеты кончены. Онъ сконфуженно вышелъ.

— *Такъ ему и треба*!—слышалось въ толпѣ.

Народные учителя и народная школа.

Получивши разрѣшеніе на открытіе школы въ Алексѣевкѣ, я серьезно задумалась надъ мыслью объ учителѣ. Откуда пригласить его? Останавливалась я и надъ учительскими семинаріями и надъ столичными педагогическими курсами,—нѣтъ, все не то: забросишь сюда, въ глушь, чужого человѣка,—чужого до непониманія даже языка своихъ питомцевъ, одолѣетъ его тоска по роданѣ, по обществу, заскучаетъ,—невозможно! Необходимъ мѣстный человѣкъ, который сжился съ этимъ народомъ, привыкъ къ нуждѣ, къ лишеніямъ; надо прежде оглядѣться кругомъ, а потомъ уже итти на поиски въ чужіе края. И я принялась искать.

Во время этихъ поисковъ явилась ко мнѣ старая помѣщица, бывшая владѣтельница нашей деревни, тощая, нервная, раздражительная женщина, начавшая и окончившая свой визитъ словами: «Я пріѣхала,—говорила она, всхлипывая,—просить у васъ мѣста учительницы; у меня семеро дѣтей. Конечно, я не дошла бы до такого униженія, но мнѣ

уголъ нуженъ,—не могу же я, какъ теперь, переѣзжать отъ однихъ родственниковъ къ другимъ. Да къ тому же, въ мои лѣта и невозможно такія передвиженія предпринимать, я и такъ почти слѣпая, почти что не могу читать. Конечно, мы сами виноваты, что не сумѣли сберечь денегъ, когда продали вамъ имѣніе, пораздавали ихъ по рукамъ, а теперь пріѣдешь къ нимъ, велятъ гнать въ шею,— конечно, сдѣлаешься раздражительною».

И затѣмъ слѣдовалъ взрывъ рыданій, ропота и причитаній.

Меня просто обуялъ какой-то ужасъ при видѣ такой народной учительницы, я потеряла въ эту минуту всякую чуткость состраданія, мнѣ даже совсѣмъ не было жаль ея и одно только чувство ужаса за школу наполняло всю душу.

Между тѣмъ m-me З. сказала мнѣ, что встрѣтилась съ теткой Г., которая просила его рекомендовать мнѣ бывшаго учителя В. школы Ф., очень хорошаго молодого человѣка. M-me З. не помнила въ точности разговора съ Г., но ей запомнилась одна картинка: Ф. очень любилъ дѣтей и очень любилъ устраивать дѣтскіе праздники. И вотъ къ экзамену, желая чѣмъ-нибудь отпраздновать этотъ торжественный для дѣтей день, онъ выпросилъ у сосѣднихъ помѣщиковъ ковры и вазы, нарвалъ цвѣтовъ и такъ убралъ и разукрасилъ бѣдную деревенскую хату, что ее невозможно было узнать.

Картинка сама по себѣ совсѣмъ незатѣйливая, но почему-то мнѣ она врѣзалась въ память, и я дала себѣ слово подробнѣе разузнать о героѣ этой картинки. Я поѣхала къ тетушкѣ Г., разсчитывая застать ее въ только что купленномъ нами разоренномъ имѣніи и полуразрушившемся домѣ, но ея тамъ не оказалось,—сказали, что она переѣхала уже къ сестрѣ своей въ деревню С. Я поѣхала туда. Меня встрѣтила худая, длинная старая дѣва, вся въ черномъ, съ подвязанной опухшей щекой. Вся эта фигура производила какое-то тяжелое, безотрадное впечатлѣніе, и только одни кроткіе, большіе голубые глаза производили примиряющее впечатлѣніе.

— Какъ я рада васъ видѣть,—говорила она, искренно пожимая мнѣ руки и какъ-то покровительственно цѣлуя меня въ лобъ,—какъ я рада, что именно *вамъ* досталось наше имѣніе. Вы будете продолжать то, что мы начали. Пока былъ живъ братъ, пока у насъ были средства, мы лѣчили больныхъ, помогали бѣднымъ, открыли школу... Конечно, все это теперь въ упадкѣ, почти разрушилось, но я до послѣднихъ дней все старалась поддерживать, особенно школу. Учитель, напримѣръ, очень хорошо, очень добросовѣстно относился къ дѣлу, но минутами и онъ изнемогалъ: зима, холодно, здоровье у него слабое, а у него шубы нѣтъ,—священникъ, по крайней мѣрѣ, въ шубѣ въ классѣ сидитъ,—не топлено, дровъ нѣтъ, а онъ въ пальтишко трясется. Пойду я въ волость, соберу знакомыхъ мужиковъ, стану уговаривать, вѣдь ваши же дѣти,—ну, знаете, все-таки хоть нѣкоторое вліяніе сохранилось,—привезутъ дровецъ, вытопятъ. Бѣднота тоже! Или слышу отъ другихъ—самъ онъ деликатный ни за что не скажетъ,—что третій день какъ онъ себѣ ѣсть не варилъ, голодаетъ; жалованье скудное—150 рублей, а онъ еще на школу, на книжки ихъ тратитъ, свѣчи покупаетъ, по вечерамъ съ старшими мальчиками занимается, которые страсть большую къ ученью имѣютъ,—ну, какъ же послѣ этого не голодать? Вотъ я и пошлю ему чего-нибудь отъ себя... такъ, въ деликатной формѣ. Отсылаетъ назадъ и идетъ объясняться, что это напрасно, что все это преувеличено, что онъ сытъ; что есть люди, которые гораздо больше голодаютъ, чѣмъ онъ, и живы. И вѣдь онъ самъ себѣ готовилъ: бывало, придешь, засучены рукава, тѣсто мѣситъ. Да и откуда взять... У насъ жена причетника шесть рублей за обѣдъ беретъ, а вѣдь это половина всего жалованья. Ну, книги онъ любилъ, ужасно любилъ, я ему доставала у сосѣдей, а у насъ, которыя были, всѣ перечиталъ. «Вѣстникъ Европы» за нѣсколько лѣтъ—отъ доски до доски. Знакомствъ никакихъ не любилъ, только у насъ бывалъ. Хотѣлось бы мнѣ показать вамъ, какъ онъ пишетъ, да нѣтъ здѣсь писемъ, а попросите у начальника станціи: я знаю, они вмѣстѣ романъ какой-то читали, да

не вышелъ конецъ, когда онъ уѣхалъ, такъ онъ писалъ по этому поводу длинное письмо и просилъ написать ему конецъ романа. Это письмо вы можете достать. Ну, сколотилась я какъ-то съ деньжонками, купила портретъ государя въ рамкѣ. Я теперь отдала его священнику, чтобы урядника дѣти не попортили—вѣдь онъ теперь тамъ въ школѣ живетъ, и знаете ли вы, что я васъ попрошу: если вы будете передѣлывать новую школу на роскошную, конечно, ногу, то не дарите уряднику этого портрета. Тамъ есть шкафикъ для книгъ—это тоже я дѣлала,—кровать и 2 стула; продайте все это и купите азбукъ, что ли, только не уряднику,—вѣдь это обидно!

«Вы знаете, я была попечительницей школы, только вѣдь мнѣ не нужно было этого названія, я такъ—изъ любви къ дѣтямъ. Прежде мнѣ не такъ стыдно было такъ называться, когда я больше помогала матеріально, а послѣднее время меня стало это тяготить,—ну, какая я попечительница, когда ничѣмъ не могу помочь?.. Вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ въ края NN., богатый человѣкъ, брать уголь на аренду, что ли,—я этихъ дѣлъ не понимаю. Мы къ нему съ просьбой о попечительствѣ. Согласился. Мы начали мечтать, какъ оправить школьныя парты, какъ купить сапоги нѣсколькимъ дѣтямъ—совсѣмъ босыя,—какъ вдругъ слышимъ, что онъ поссорился съ другимъ арендаторомъ и пришелъ въ такое дурное расположеніе, что не намѣренъ ничего дать на школу... А тутъ это постановленіе земства взносить 200 руб., но гдѣ же ихъ взять? Мужики очень бѣдны, а особенно иные... И хоть бы 100, а то 200. Вѣдь это ужасно.

«А если бы вы знали, какъ этотъ учитель хорошо занимался. Первый годъ у насъ священника не было, онъ и за него училъ, и что жъ вы думаете вышло? Пришло время экзамена, ученики отлично держатъ экзаменъ, вдругъ объявляютъ, что аттестатовъ, облегчающихъ воинскую повинность, имъ дать нельзя, потому что они не слушали батюшку, и едва-едва дали одному,—такой способный мальчикъ, не повѣрите! Я такъ была рада, что послѣ этого экзамена позвала его къ себѣ и подарила 1 р. с. Подарила

бы и больше, но, честное слово, не было, а онъ сейчасъ же понесъ этотъ рубль учителю. Тотъ говоритъ: «Что ты, Богъ съ тобой!», а онъ говоритъ такъ твердо и рѣшительно: «Нѣтъ, вы должны принять, В. М.: если бы не было васъ, я бы его не получилъ». Толковали, толковали, наконецъ, учитель взялъ и говоритъ: «Ну, теперь онъ мой?»—«Вашъ!»—«Такъ вотъ я и дарю его тебѣ!»

«Училъ ихъ пѣнію. Позанимается немного, а потомъ пѣть: «Это чтобы они отдохнули немножко, Е. И.», говоритъ мнѣ. И въ церкви пѣли. Въ послѣднее воскресенье стоимъ мы у обѣдни и слышимъ рыданіе. Оглядываемся—Ваня, одинъ изъ нашихъ учениковъ. Я къ нему: «Чего ты, Ваня», а онъ тихо, сквозь рыданія: «Оттого, что вы уѣзжаете». Я вывела его изъ церкви, стала уговаривать: «Я буду пріѣзжать къ вамъ, буду читать вамъ книжки, какъ читала,—не плачь!»

«Послушайте,—сказала она вдругъ, обращаясь ко мнѣ и взявши меня за руки, и тономъ скорѣе повелительнымъ, чѣмъ умоляющимъ, хотя въ немъ слышалась и нота моленія:—вы должны поддержать эту школу,—я не могу допустить мысли, что въ В. не будетъ школы; стара я, скоро умру, но я умру спокойнѣе, если вы дадите мнѣ это слово. Лучше устраивайте менѣе роскошно вашу школу въ А., но эту поддержите, нужно скорѣе сдѣлать народъ грамотнымъ,—весь народъ. Поддержите тоже В. М.,—это человѣкъ способный далеко итти. Вы знаете, что въ послѣднее время, напримѣръ, онъ началъ изучать нѣмецкій языкъ, чтобы читать нѣмецкихъ педагоговъ, и вообще онъ знакомъ съ преподаваніемъ, отлично изучилъ звуковую методу и преподаваніе ариѳметики по Грубе. Положимъ, онъ воспитанія небольшого: былъ въ уѣздномъ училищѣ и въ штейгерской школѣ, да и тамъ не окончилъ по слабости здоровья, но что такое воспитаніе безъ желанія итти впередъ?.. И такъ, вы даете мнѣ слово?

Я молча протянула руку, потому что не могла ничего выговорить отъ слезъ.

Дорогой я давала себѣ слово взнести тотчасъ же, не медля ни минуты, эти зловѣщіе 200 р., если есть какая-

нибудь возможность заниматься въ обветшалой школѣ Е. И., и съ этою цѣлью я заѣхала къ уряднику. Войдя въ низкую, развалившуюся дверку, я застала такую картину: къ стѣнамъ были плотно придвинуты старыя грязныя парты, на стѣнѣ красовались шапка и сабля урядника, какъ-то странно дисгармонируя съ классною мебелью; у дверей, точно на часахъ, стоялъ школьный шкафъ—узкій, высокій, выкрашенный черною краской и напомнившій мнѣ почему-то Е. И. Онъ смотрѣлъ старымъ часовымъ и имѣлъ какой-то особенно зловѣщій видъ потому еще, что на немъ красовались двѣ большія печати, только что приложенныя нынче по случаю окончательнаго закрытія школы.

Мнѣ хотѣлось стать на колѣни и поклониться этому шкафу и этимъ скамьямъ, какъ святынѣ, но видъ урядника прогналъ этотъ «благой порывъ», и я спросила его изъ учтивости: «Что вамъ здѣсь удобно?» — «Ничего-съ, только вотъ потолки опасны-съ», отвѣчалъ онъ тономъ человѣка, желающаго что-нибудь выпросить.

Я взглянула на низенькіе, висящіе надъ моею головой потолки: они, дѣйствительно, грозили вотъ-вотъ обрушиться. Я быстро вышла изъ этого душнаго убѣжища, съ грустью подумавъ: «Отжила ты, бѣдная школа Е. И., скоро ли вмѣсто тебя народится новая, просторная, свѣтлая, съ чистымъ воздухомъ, или долго еще нищіе учителя будутъ наживать въ тебѣ ревматизмы и чахотку, а нищіе отцы привозить разъ въ мѣсяцъ возикъ хворосту, благодаря увѣщаніямъ бѣдной Е. И.?»

Поиски мои, однако, въ концѣ-концовъ, увѣнчались успѣхомъ: я отыскала В. М., пригласила быть учителемъ Алексѣевской школы и успокоилась. Онъ дѣйствительно производилъ впечатлѣніе человѣка, чрезвычайно тепло и искренно относящагося къ народу и школѣ.

Въ сентябрѣ мы переѣхали въ городъ. Со школой, конечно, сохранилась связь: пишетъ учитель, пишутъ дѣти. Знаешь біографію почти каждаго ребенка. Въ скоромъ времени, слыша отовсюду о голодающихъ Бахмутскаго, Изюм-

скаго и Зміевскаго уѣздовъ и не зная, что дѣлается у насъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ, я сдѣлала запросъ учителю, въ какомъ состояніи находится вопросъ о хлѣбѣ у нашихъ крестьянъ. Онъ отвѣчалъ, что хлѣбъ еще есть, за исключеніемъ пяти семей, въ которыхъ вотъ уже три дня ѣдятъ картофель. Въ этихъ пяти семьяхъ нѣтъ взрослыхъ работниковъ, могущихъ имѣть заработокъ на шахтахъ.

Я сдѣлала немедленное распоряженіе о выдачѣ имъ соотвѣтствующаго количества хлѣба, а затѣмъ сама выѣхала въ деревню удостовѣриться лично въ степени народныхъ бѣдствій.

Къ счастью, оказалось, что хлѣбъ пока есть, милостыни не просятъ, какъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, хотя относительно весны являются нѣкоторыя сомнѣнія, хватитъ ли хлѣба.

— Вотъ вы тогда пожалуйте къ намъ въ гости!—говорилъ мнѣ, самодовольно улыбаясь, нашъ сытый приказчикъ С., точно будто дѣло шло въ самомъ дѣлѣ о какомъ-нибудь partie de plaisir; впрочемъ, вѣроятно, онъ такъ и понималъ мое посѣщеніе и мои разспросы, и радъ бы выискать для моего удовольствія голодающихъ, но неоткуда. Тѣмъ не менѣе я просила заявить по деревнѣ, что если кто въ чемъ нуждается, пусть приходятъ.

— Х. Д., нищіе пришли!—сказала мнѣ моя горничная Маша.

— Введите ихъ сюда!—отвѣчала я съ болѣзненнымъ чувствомъ въ сердцѣ.—Это слово «нищіе», такое заурядное въ городѣ, вызывающее въ насъ почти только презрѣніе къ тунеядству и лѣни, здѣсь, въ деревнѣ, гдѣ промыселъ такого рода не практикуется, просто пахнуло на меня какимъ-то ужасомъ.

Двери отворились. Въ комнату ворвалась струя холоднаго свѣжаго воздуха, и на порогѣ показались «нищіе». Я никогда не видала болѣе трогательной картины: старшему мальчику было года четыре. Старенькая свиточка, вся въ лохмотьяхъ, покрывала его худенькое тѣло; черезъ плечо, на веревочкѣ, былъ надѣтъ дырявый холщевой мѣшокъ; правая рука его лежала на плечѣ братишки лѣтъ

трехъ, черненькаго, быстроглазаго мальчика, въ такой же свиточкѣ и съ такимъ же мѣшечкомъ.

— Что это такое?—спросила я нашего приказчика, указывая на этихъ игрушечныхъ нищихъ.

— Отецъ у нихъ померъ, а у матери еще третье грудное дитя. Трудно ей съ ними прокормиться, вотъ и посылаетъ побираться. Впрочемъ, сами разсудите, Х. Д., вѣдь это прирожденный нищій навѣки, слѣпой-то, а братъ—поводырь,—не можетъ же онъ безъ поводыря. И я вамъ скажу, ихъ очень жалѣютъ, такъ что они всегда сыты.

Видя, что это меня мало утѣшаетъ, мужъ мой замѣтилъ:

— Все это у нихъ такъ патріархально, что, право, въ этомъ нѣтъ ничего особенно печальнаго, да и съ гигіенической точки зрѣнія взгляни на младшаго ребенка: онъ совсѣмъ здоровъ, проводя цѣлый день на воздухѣ, а сиди въ дымной хатѣ,—было бы хуже. Но мать, конечно, слѣдуетъ позвать и оказать нѣкоторую помощь.

Маленькимъ нищимъ дали по бѣлому хлѣбу и велѣли позвать маму. Они ушли.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь скрипнула, и въ переднюю вошла дѣвочка лѣтъ 13—14, въ старой заплатанной свиточкѣ и грязномъ черномъ платочкѣ, закутывающемъ ея маленькую голову. Черные глазки смотрѣли наивно, совсѣмъ по-дѣтски.

— Вы мене кликали?—сказала робко дѣвочка, опуская глаза и какъ бы боясь чего-то.

— Нѣтъ, милая, я тебя не звала. Кто тебѣ сказалъ объ этомъ?

— Та діти! Приказували, щобъ мати прійшла!

Я ничего не могла понять.

И. И. (приказчикъ) поспѣшилъ къ намъ на помощь.

— Это, Х. Д., мать этихъ маленькихъ нищихъ.

— Да она сама ребенокъ, помилуйте!

— Да вѣдь у нихъ рано замужъ отдаютъ.

Эта недоразвившаяся дѣвочка-мать, эти трехлѣтнія нищія дѣти и смерть отца, кормильца семьи,—о, какая это глубокая, потрясающая душу, драма и какъ безслѣдно

пройдетъ она въ жизни, никѣмъ незамѣченная и не оплаканная!

Назначили ребенку-матери 2 пуда муки въ мѣсяцъ, дали 3 руб. на сапожонки маленькимъ нищимъ, и только... Что жъ можетъ сдѣлать больше жалкая частная благотворительность?

Подъѣзжаемъ мы къ школѣ. Изъ окна выглянула дѣтская голова, и на крыльцо быстро юркнула дѣтская фигурка. Это былъ Мытька. Но прежде всего объ этомъ Мытькѣ. Когда позапрошлымъ лѣтомъ я собрала къ себѣ дѣтей учиться, ко мнѣ пришло все мѣстное населеніе между 7-ю и 12-ю годами. Ихъ было около 30 человѣкъ. Не шелъ только Мытька, и когда я спросила: «Почему онъ не хочетъ учиться?» дѣти отвѣчали мнѣ:

— Винъ каже: не хочу учыцьця! Хай тамъ дають канхветы, медяныкы, — не пиду, а воливъ пастыму й безъ медяныкивъ и канхветивъ.

— Онъ говоритъ: не хочу учиться! Пускай тамъ конфекты и пряники даютъ,— не пойду, а воловъ пасти и безъ конфектъ и безъ пряниковъ буду.

Меня удивили такія слова въ десятилѣтнемъ ребенкѣ, но «зазывать» въ школу дѣтей я не люблю, а поэтому терпѣливо выжидала случая повидаться съ отцомъ или матерью Мытьки. Между тѣмъ, о немъ ходила дурная слава: говорили, что онъ пьетъ водку и куритъ и такъ ругается, что стыдно слушать. Наконецъ, я-таки свидѣлась съ отцомъ Мытьки и разговорилась. Отъ него я узнала, что мальчика отдавали въ ученье въ сосѣднюю деревню къ отставному солдату—страшному пьяницѣ, что учитель билъ его до полусмерти.

— Якъ тилькы ще винъ ёго не убывъ?.. Хиба можна вчыты безъ бійкы?

— И какъ онъ его только не убилъ? — разсказывалъ мнѣ отецъ, а на мои замѣчанія отвѣчалъ:—Развѣ жъ можно учить не бивши?

Грамотѣ Мытька не учился, хотя отецъ и купилъ за пятачокъ азбуку, зато научился курить, пить водку и ругаться. Этимъ и окончилась его наука. Послѣ этого повѣствованія мнѣ сталъ ясенъ скептицизмъ Мытьки, и мнѣ стало невыразимо жаль его, но зазывать я все-таки не хотѣла. Пусть присмотрится къ новой школѣ, пусть разспроситъ о ней у другихъ дѣтей.

И Мытька дѣйствительно, повидимому, наблюдалъ: учимся мы на балконѣ въ саду, а онъ сидитъ на заборѣ верхомъ и смотритъ во всѣ глаза; идемъ на лодкѣ кататься, — онъ первый вычерпываетъ воду изъ лодки; станемъ пѣсни пѣть, и онъ присосѣдится, подтягиваетъ, но учиться не идетъ.

Случилось несчастье: полиція прихлопнула нашу школу; разбрелись бѣдные перепуганные птенчики по своимъ хатамъ. Я стала хлопотать—шли дни, недѣли, мѣсяцы. Наконецъ, 5 сентября, получено было разрѣшеніе. Радостная вѣсть облетѣла хаты. Я не спала всю ночь отъ волненія, встала ни свѣтъ, ни заря и вышла на крылечко. Въ воротахъ торчала какая-то дѣтская фигурка. Всматриваюсь: Мытька.

— Ты чего такъ рано?

— Учыцьця прыйшовъ! Усю ничь не спавъ, покы дождався свиту.	— Учиться пришелъ! Всю ночь не спалъ, пока дождался свѣту.

Чувство побѣды наполнило мою душу. Мытьку приняли въ школу, а я уѣхала въ городъ. Черезъ мѣсяцъ получаю письмо отъ учителя такого содержанія: «Къ сожалѣнію, долженъ извѣстить васъ, что Мытька Поповъ исключенъ изъ школы:—онъ настолько грубъ и непослушенъ, что подаетъ дурной примѣръ другимъ дѣтямъ. Говоришь ему, положимъ: «Мытька, иди играть съ дѣтьми!»—«Не хочу!» Заупрямится, надуется, сидитъ. Оставишь его въ покоѣ,— вдругъ, какъ ураганъ, сорвется съ мѣста и бѣжитъ, какъ бѣшеный, махая кулаками направо и налѣво и сшибая съ ногъ всѣхъ ребятишекъ, попадающихся на пути. Третьяго дня расшибъ до крови ухо одному изъ товарищей, испор-

тилъ вѣсы и проч. и проч. Увѣщанія мои на него совершенно не дѣйствуютъ».

Ѣду въ деревню. Всѣ дѣти веселы, всѣ въ сборѣ. Нѣтъ только Мытьки. Посылаю за нимъ. Было уже холодно. Листья осыпались. Голыя деревья и пасмурное небо наводили тоску. Вижу издали—ведутъ Мытьку въ сѣренькой, точно арестантской, свиточкѣ, въ фуражкѣ безъ козырька, и такъ показался онъ мнѣ похожимъ въ эту минуту на настоящаго арестанта съ поникшею головой и опущенными внизъ глазами, что сердце во мнѣ сжалось какъ бы горькимъ предчувствіемъ, и я подумала:

«Если школа оттолкнетъ его отъ себя, не распишется ли она этимъ въ своемъ безсиліи? И если она откажется отъ него, кто же еще поможетъ ему?» Я думала такъ, но рядомъ со мною стоялъ учитель. Его блѣдное лицо говорило мнѣ: «Не подрывайте моего авторитета! Вы уѣдете, а я останусь съ нимъ. Это больше мое, чѣмъ ваше дѣло». И я не смѣла сразу простить Мытьку. Я обрисовала ему его поведеніе, сказала, что онъ можетъ еще исправиться, если захочетъ, но что школа не можетъ терпѣть такихъ буяновъ, обижающихъ товарищей, а учитель не можетъ имѣть дѣла съ непослушными дѣтьми.

Всей своей рѣчи я хотѣла придать какъ можно больше строгости, чтобы не поощрять распущенности въ школѣ, но, вѣроятно, голосъ и выраженіе лица измѣняли мнѣ, такъ что Мытька принялъ все это за полное прощеніе и, весело поднявъ голову, пошелъ и сѣлъ на свое прежнее мѣсто. Для меня было ужасною пыткой разочаровывать его, но я опять увидѣла укоризненное лицо учителя и вынуждена была разочаровать, причемъ, однако, обѣщала ему, что онъ непремѣнно будетъ принятъ на слѣдующую зиму, если будетъ хорошо вести себя дома, о чемъ мы узнаемъ отъ его старшаго брата (отличнаго юноши лѣтъ 15, кончающаго школу).

Прошло лѣто. Мытька опять ходилъ за нами всюду, какъ тѣнь. Приниженности его какъ не бывало. Онъ гордо держалъ попрежнему свою стриженую голову, а большіе бойкіе сѣрые глаза смотрѣли съ тѣмъ же задоромъ, съ

тою же отвагой, какъ бы говоря: «Я ничего не боюсь, мнѣ все нипочемъ!» Какъ-то мать его разсказывала мнѣ смѣясь:

— И що воно за хлопець? И побыты не можно — заразъ крычить: «Вы, мамо, не бийтесь, а то я побижу Х. Д. скажу. Вона за мене заступыцьця. Вона каже, що теперь бытысь не можно».

— И что за хлопецъ, и побить его нельзя, — кричитъ: «Вы, мама, не деритесь, а то я побѣгу Х. Д. скажу. Она за меня заступится. Она говоритъ, что нельзя теперь драться!»

Осенью его приняли въ школу, а черезъ два-три мѣсяца учитель писалъ мнѣ: «Мытька Поповъ ведетъ себя примѣрно и учится прекрасно. При малѣйшемъ поползновеніи къ прежнимъ шалостямъ стóитъ только сказать ему: «Мытька, напишу Х. Д.,—сейчасъ какъ рукой сниметъ».

Вотъ этотъ-то самый Мытька Поповъ завидѣлъ насъ первый и выскочилъ на крылечко. Можете себѣ представить, какъ мнѣ было пріятно видѣть его, да и всѣ эти блестящіе глазки, смотрящіе на меня съ неподдѣльною дѣтскою радостью. Перецѣловавши ихъ и забывши даже снять шубу, я стала ихъ экзаменовать. Читали, писали, дѣлали задачки, рисовали, пѣли. Читаютъ прекрасно, разсказываютъ тоже, хотя и съ малорусскимъ акцентомъ, знаютъ массу стиховъ вполнѣ сознательно.

Задала я тему для сочиненія: «За что они любятъ школу?» И что были за отвѣты—восторгъ! Пишетъ, напримѣръ, такъ: «Я за то люблю школу, что это хорошее дѣло,— не было бы школы, не умѣлъ бы я читать и писать. Люблю я школу за то, что въ ней хорошій учитель, что много книгъ, которыя я могу читать, что весело мнѣ въ ней, что по стѣнамъ виситъ много картинъ, и стоитъ она на горѣ, и видно изъ окошекъ много зелени».

Ну, не прелесть ли это?! Рисуютъ прекрасно по образцамъ изъ прописей, но Мытька нарисовалъ безъ образца «съ головы», какъ выражается онъ, такую типичную хатку, что точно срисовалъ съ натуры, по бокамъ два тѣнистыхъ дерева, а изъ трубы идетъ дымъ.

Вглядываясь въ Мытьку, я замѣтила, что лицо его преобразилось: какія-то мягкія тѣни легли на немъ. «Вочеловѣчилась эта стихійная сила», подумала я.

Раздала я пряники и конфекты и поѣхала обратно. На плотинѣ торчалъ Мытька и еще нѣсколько мальчиковъ.

— Тутъ страшно йіхаты. Ратуваты прыйшлы! — кричалъ онъ вслѣдъ.	— Тутъ опасно ѣхать. Спасать пришли! — кричалъ онъ вслѣдъ.

Кое-какъ мы переправились черезъ греблю (плотину). Я оглянулась. Маленькія фигурки еще стояли у берега, провожая насъ глазами.

Опять въ деревнѣ.

Корова.

— Пришла къ вамъ мать Филиппа Дегтярева!—сказали мнѣ. Я вышла.

— А я къ вамъ съ просьбою, Х. Д.,—начала говорить худощавая и плохо одѣтая женщина.—Вы помѣстили на рудникѣ Романа и Архипа Попова, а мой Филиппъ учился не хуже ихъ, а мы куда бѣднѣе противъ нихъ, у меня восемь человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше, Филиппъ старшій!

— Малъ онъ немножко,—замѣтила я.—Романъ и Архипъ старше, но, я думаю, можно будетъ помѣстить и вашего; похлопочу!

— Похлопочите, Христа ради, а то у насъ землицы мало, сами управимся, а въ конторѣ все-таки положутъ мальчику какое-нибудь жалованье, все-таки хоть маленькая помощь намъ будетъ. Горькое наше житье, а тутъ еще несчастье: корова у насъ была, кормилица наша, ужъ и любили же мы ее и жалѣли. Бывало, съ череды какъ гонятъ, всѣ дѣти идутъ встрѣчать: «Вонъ рыжая наша молочко несетъ!» Подмою ее чистенько, пойла ей намѣшаю. Только и было у насъ радости, что эта корова! Только приходитъ она разъ такая скучная, пойла не пьетъ. Ну, думаю, Богъ дастъ поправится, на другой день еще скучнѣе, прихрамываетъ. Я до сосѣдей: такъ-то и такъ-то, а сосѣдній мальчонка и говоритъ мнѣ: «А я видѣлъ, тетенька, какъ вашу корову пастухи били, страсть! Какъ они ее только не убили! Разсаду она пастуховскую поѣла, такъ они ее дубиною подъ бока, она, бѣдная, черезъ тынъ перескочила, а они за нею!» Какъ услыхала я это, просто ноги подо

мною подкосились. Бѣгу въ поле, и сама не чувствую—я ли это иду или кто другой? Прибѣгаю. Къ пастуху, а онъ: «Вонъ твоя корова лежитъ, околѣваетъ!»—«Отчего?» А онъ: «А я почемъ знаю!» Я къ ней, а она, голубушка моя, ужъ и похолодѣла. Я опять къ нему: «Ахъ, вы нехристы проклятые! Бога вы не боитесь! Отняли вы хлѣба кусокъ у сиротъ! Будьте вы прокляты съ дѣтьми вашими и со всѣмъ вашимъ родомъ!..»

«А саму просто лихорадка бьетъ, и слезы, слезы такъ и затуманиваютъ глаза.

«А онъ говоритъ мнѣ: «Молчи, баба, чтобъ и тебѣ не было того, что коровѣ!»

«Пришла я домой. Господи! Лучше бы ужъ мнѣ и не возвращаться! Ребятишки такой вой подняли, что хоть изъ дому бѣги. А Филиппъ ушелъ куда-то, видно, тамъ потихоньку наплакался, онъ у насъ никогда громко не плачетъ...

«Теперь, какъ гонятъ череду, такъ сердце и ноетъ, нѣту нашей кормилицы, не къ кому намъ итти навстрѣчу!..

— Что же, вы никому не жаловались на этихъ разбойниковъ?

— Кому жъ у насъ жаловаться, это, говорятъ, въ городѣ суды есть, а у насъ нѣту. Поплакала, поплакала, да и только!

— Да кстати—были ли вы у батюшки? Для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса школы требуется метрическое свидѣтельство!

— Была. Продержалъ онъ меня до вечеру, а послѣ вышелъ и говоритъ: пять рублей принеси и марку въ лавочкѣ купи за шестьдесятъ копеекъ, тогда получишь метрическое свидѣтельство!

«Просила, просила, говорю: «Я вамъ, батюшка, ей Богу, отработаю! Повѣрьте, пяти копеекъ дома нѣту, а не то что пяти рублей!» А онъ говоритъ: «Знаю я ваши обѣщанія! Знаю я, какъ вы отрабатываете!»

«Заупрямился—ни за что, а я и рада бы дать, знаю что требуется, да негдѣ взять».

«Кто изъ двоихъ гуманнѣе—пастухъ или батюшка?» подумала я невольно...

Сиротка.

По буднямъ простолюдину почти некогда лѣчиться; если есть хоть какія-нибудь силенки, онъ кое-какъ, кое-что непремѣнно работаетъ; нѣту силъ—лежитъ на печи и стонетъ, но работаетъ его лошадь и ужъ, конечно, отнять ее отъ этой работы нельзя, развѣ случится что-либо выходящее изъ ряда вонъ: схватитъ такъ, что вотъ-вотъ, того и гляди, что умретъ, или порубитъ ногу топоромъ, или лошадь дастъ копытомъ въ лицо ребенку, вышибетъ два зуба и раскроитъ губы, что-нибудь въ этомъ родѣ. Зато въ праздникъ все это страждущее и жаждущее исцѣленія тянется вереницей къ убѣжищу помощи—больницѣ, и тутъ-то представляется самый разнообразный матеріалъ для медика — тутъ встрѣчается вамъ и сифилисъ, охватившій почти поголовно всю деревню Б., и чахотка, и сердцебіеніе, и глисты, и бѣльмы, и раны.

На Троицу среди этой пестрой толпы я замѣтила дѣвочку лѣтъ девяти. Ея худенькое личико пряталось въ желтый ситцевый платочекъ, надвинутый на брови, губы были сухи, на блѣдныхъ щекахъ горѣли два красныхъ пятна, большіе свѣтлые глаза свѣтились лихорадочнымъ огнемъ. Рядомъ съ нею стоялъ нашъ дворникъ Парѳеній, недавно поступившій къ намъ.

— Это ваша дочь?—спросила я.

— Дочь,—отвѣчалъ онъ,—у нея лихорадка. Да вы не безпокойтесь — она подождетъ. Ишь сколько народу!

Проговоривъ это, онъ скрылся, а дѣвочка испуганно забилась въ уголъ.

Я оставила ее пока въ покоѣ и стала подходить къ другимъ больнымъ. Пріемъ, дѣйствительно, былъ огромный, часъ уходилъ за часомъ, а надежды на окончаніе не предвидѣлось — новыя телѣги подъѣзжали къ крыльцу и новыхъ больныхъ вводили въ пріемную.

— Слушайте! — сказала мнѣ одна женщина съ добродушнымъ лицомъ. — Тамъ дѣвочка въ углу — ей очень трудно.

Я протиснулась въ уголъ и увидѣла знакомый желтый платочекъ. Дѣйствительно, дѣвочка тяжело дышала, и красныя пятна на щекахъ еще увеличились.

Я бережно подняла ее съ земли и довела до кровати.

Докторъ приложилъ ухо къ груди и быстро, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Какъ жаль, что мы ее такъ долго продержали—у нея сильнѣйшее воспаленіе легкихъ. Давайте скорѣе каломель и горчичники. Да кто съ нею? Позовите сюда!

— Никого съ нею нѣту. Отецъ былъ и ушелъ—она сирота!—отозвался чей-то голосъ.

— Это у нея отъ битья!—сказалъ еще кто-то. Тамъ мачиха такая, что каждый день бьетъ, а отецъ, можетъ, и заступился бы, да у васъ внаймахъ—не видитъ. Просила бабушка Марѳушку ей отдать—не пускаютъ. Некому, говоритъ, будетъ моихъ дѣтей смотрѣть.

Я послала домой за отцомъ, велѣла запречь дроги, уложили мы бережно на солому Марѳушу и отвезли ее домой. Но образъ бѣдной, измученной дѣвочки не покидалъ меня. Я разсказала о ней дѣтямъ, и мы рѣшили поѣхать на другой день навѣстить ее.

Мы вошли во дворъ. Съ огорода къ намъ навстрѣчу шла высокая, стройная, красивая женщина. Мы объяснили ей, въ чемъ дѣло.

Оказалось, что Марѳуша заперта въ хатѣ на замокъ. Мачиха быстро отворила замокъ, высказала соболѣзнованія о болѣзни дѣвочки, сказала приторно, что лучше бы ея Маруся заболѣла, чѣмъ чужое дитя, что на мачиху всегда поклепъ,—и мы вошли въ хату.

На деревянныхъ подмосткахъ, въ грязной рубахѣ и все томъ же желтомъ платочкѣ лежала бѣдная Марѳуша. Грудка ея тяжело дышала. Лѣкарство стояло нетронутымъ.

— Не хочетъ принимать,—объяснила мачиха:—говоритъ, что отъ него тошнитъ!

Дѣлать ей выговоры—это значило оказывать медвѣжью услугу бѣдной Марѳушѣ; поэтому, поговоривъ о томъ, что Богъ вознаградитъ ее за ласку къ чужому ребенку, и по-

обѣщавъ навѣщать Мареушу каждый день, мы возвратились домой.

Когда мы пріѣхали на другой день, замка не было на хатѣ; мачиха попрежнему была на огородѣ. Мы вошли въ хату. Мареуша лежала въ чистой сорочкѣ подъ чистымъ рядномъ, умытая и расчесанная, видимо, намъ на показъ. Лѣкарство было значительно надпито. Вчерашній безжизненный взглядъ нѣсколько оживился. Рядомъ съ нею сидѣлъ двухлѣтній, большеголовый мальчуганъ, прислонивъ нѣжно къ плечу ея свою голову; на скамейкѣ за столомъ сидѣла четырехлѣтняя Маруся, какъ двѣ капли воды, похожая на мать; съ печки выглядывала не безъ страха трехлѣтняя дѣвочка.

Мачиха поспѣшно вошла въ хату.

Мы привезли конфектъ и другихъ гостинцевъ, но не смѣли отдать ихъ одной Мареушѣ, а раздѣлили поровну между всѣми дѣтьми.

При видѣ конфектъ и цвѣтныхъ коробочекъ на лицѣ Мареуши въ первый разъ показалась улыбка. «Она у насъ умница,—говорила, между тѣмъ, мачиха, вѣроятно, въ первый разъ въ жизни гладя Мареушу по головѣ.—Когда бъ вы знали, какъ ее дѣти любятъ, просто не отходятъ отъ нея, она имъ и сказочку разскажетъ, и на улицу поведетъ. У нихъ и названія ей другого нѣтъ, какъ «няня! няня!»

Въ эту минуту мальчикъ сталъ отчего-то хныкать. «Дывысь—ляля!» сказала Мареуша, дѣлая находчиво игрушку изъ нашего маленькаго Вани.

Мальчикъ затихъ.

Мареушѣ положительно было лучше. Лѣкарство произвело желанное дѣйствіе—замѣтно было отдѣленіе мокроты при каплѣ, уменьшалась лихорадочность состоянія.

На другой день дѣти упросили меня взять заводную шкатулочку, чтобы поиграть Мареушѣ. Когда шкатулочка заиграла, Мареуша широко раскрыла свои и безъ того огромные глаза; звуки эти, видимо, сильно поразили и потрясли ее: она вдругъ начала хохотать такъ истерически, такъ пронзительно, что я уже раскаялась въ своей неосторожности и боялась дурныхъ послѣдствій, но, вѣроятно, впе-

чатлѣніе радости, какъ бы сильно оно ни было, не отзывается особенно вредно на организмѣ; на другой день Марѳуша выглядѣла еще бодрѣе. Когда мы подъѣзжали къ хатѣ, она смотрѣла напряженно въ окно, видимо, поджидая насъ, и провожала, глядя въ то же крошечное окошечко, улыбаясь. Посѣщеніями нашими и гостинцами довольны были всѣ—и Марѳуша, и мачихины птенцы, и сама мачиха. Мы пропустили нѣсколько дней и затѣмъ узнали, что Марѳуша уже встала и ходитъ по улицѣ. И вотъ я спрашиваю себя, что будетъ съ этой Марѳушею, когда мы уѣдемъ—будутъ ли наши посѣщенія служить предметомъ упрековъ, или же намъ удалось хоть на сколько-нибудь смягчить нашими ласками сердце этой недоброй мачихи и заронить въ голову ея мысль, что Марѳуша тоже ребенокъ и нужно жалѣть ее.

Прокуня.

Деревенскія бабы устроили намъ овацію по случаю пріѣзда; цѣлая толпа ввалила къ намъ во дворъ съ курами, яйцами и привѣтствіями. Въ этой оваціи было нѣчто торжественное и трогательное: ее вызвало не крѣпостное право, не зависимость и рабство, а естественное расположеніе къ людямъ, которые приходятъ въ деревню, чтобы оказать посильную помощь. Во всѣхъ этихъ простыхъ рѣчахъ и пожеланіяхъ, право, было больше смысла и самобытности, чѣмъ бываетъ часто въ тостахъ торжественныхъ обѣдовъ интеллигентныхъ людей.

— Какъ-то мы собрались вмѣстѣ,—говорила мнѣ, между прочимъ, одна женщина,—и толкуемъ: откуда взялись у насъ эти господа и почему помогаютъ они бѣдному народу? Мало ли богатыхъ, а развѣ всѣ подѣляются своимъ добромъ? Это намъ Самъ Богъ послалъ эту помощь въ деревню. А дядя Иванъ, онъ злой у насъ, всегда на все найдетъ отвѣтъ, говоритъ: «А я знаю, для чего они дѣлаютъ добро!»

«— Для чего?

«— Чтобы попасть въ царство небесное!

«А мы говоримъ: «Отчего же это другіе не дѣлаютъ?»

«А ему уже и нечего было сказать въ отвѣтъ.

Многіе предполагаютъ, что, что ни дѣлай для народа, какъ ни помогай ему, онъ не въ состояніи ни задуматься надъ этимъ, ни понять, ни оцѣнить; между тѣмъ, изъ словъ этой женщины я увидала, что существуетъ въ народѣ и обмѣнъ мыслей, и анализъ, и даже свои скептики.

За бабами пришли и дѣти, увеличивая собою по обыкновенію толпу. Тутъ были и подростки, и малолѣтки, и грудныя дѣти на рукахъ (на кого же покинуть ихъ дома?)

Молодая женщина съ сіяющимъ лицомъ, подавая мнѣ курицу, сказала: «Ачь, яка веселенька!» Рядомъ съ ней стоялъ знакомый мальчикъ Прокуня. Этого Прокуню мы еще въ прошломъ году замѣтили, какъ ребенка, выдающагося изъ толпы. Годами онъ не превышалъ товарищей, но пользовался между ними большимъ авторитетомъ. Такимъ авторитетомъ пользуются между дѣтьми обыкновенно товарищи или гораздо старшіе по годамъ, или бойкіе, смѣлые, самовластные, а иногда дѣти зажиточныхъ родителей; но въ Прокунѣ никакихъ этихъ свойствъ, повидимому, не было. Блѣдное, задумчивое личико выражало какую-то тихую и грустную думу, и весь онъ казался какимъ-то тихимъ, сосредоточеннымъ; между тѣмъ, вы обыкновенно слышали: «не начинайте игру — Прокуни нѣтъ», «не трогайте его — Прокуня не велѣлъ!» и т. д. Одѣтъ онъ былъ очень бѣдно, хотя чисто, и на грубой сорочкѣ съ заплатами и заплатанныхъ на колѣнкахъ штанахъ видна была материнская забота. Кудрявая голова Прокуни всегда была тщательно расчесана, и свѣтлые, какъ ленъ, волосы необыкновенно граціозно падали на плечи.

Мать Прокуни обращала на себя вниманіе отрицательными свойствами — отвратительнымъ обезображеннымъ лицомъ. Становилось просто непонятно, какъ у такой матери можетъ быть сыномъ этотъ красивый ребенокъ съ свѣтлыми кудрями. Предполагая принять его въ школу осенью, мы, изъ предосторожности, рѣшились подвергнуть медицинскому осмотру и мать, и ребенка, причемъ, къ счастью, оказалось, что болѣзнь, обезобразившая лицо матери, не

принадлежитъ къ категоріи болѣзней наслѣдственныхъ, передающихся потомству. Прокуня былъ принятъ въ школу, а мать допущена къ работамъ во дворѣ и въ саду, куда прежде она не допускалась изъ боязни заразы, несмотря на свою крайнюю нужду, пьяницу мужа, малолѣтнихъ дѣтей, нищенское хозяйство и необходимость поденной работы.

По пріѣздѣ изъ города, когда я справлялась по книгамъ, кто изъ дѣтей отсталъ отъ школы и почему, школьный учитель сказалъ:

— А знаете Прокуня отсталъ?!

— Почему?

— Вы слишкомъ его опоэтизировали—разсѣянный, невнимательный, флегматичный!

Затѣмъ мнѣ сказалъ кто-то вскользь, что мать Прокуни умерла осенью, послѣ нашего отъѣзда, но самого Прокуни мнѣ не пришлось видѣть до этого дня оваціи.

Онъ стоялъ возлѣ этой веселой, чужой ему женщины, грустный и сконфуженный, въ грязной, изорванной рубашкѣ. Его шелковистые кудри сбились въ какую-то запутанную массу, напоминающую войлокъ; на головѣ была надѣта порыжѣвшая, измятая фуражка; босыя ноги были до того грязны, что издали можно было, пожалуй, подумать, что онъ обутъ. Мнѣ стало невыразимо жаль его, и невольно вырвалось восклицаніе: «Мама умерла!»

Въ отвѣтъ мнѣ послышался громкій, порывистый вопль. Онъ закрылъ свое личико обѣими руками, силясь, видимо, заглушить рыданія, но вся его дѣтская фигурка сотрясалась отъ этихъ рыданій... Нѣсколько женщинъ окружили его; общее веселье вдругъ стихло, какъ бы изъ уваженія къ этому дѣтскому горю,—всѣ знали, понимали и сочувствовали. Даже веселая молодица съ веселой курицей вся запечалилась, и горячія слезы горячаго впечатлѣнія дрожали у нея на глазахъ.

— Сиротка!—сказала она, утирая слезы рукавомъ своей вышитой рубахи.—Отецъ пьяница былъ, билъ несчастную женщину, пока совсѣмъ убилъ! Она больная лежала, а онъ еще добавилъ, вотъ и умерла, а какая работящая была, все у нея прибрано, все у нея вымыто!.. Теперь старшимъ

остался Прокуня — самъ и печку затопитъ, и кушать сготовитъ, самъ и коровку сдоитъ, и дѣтей накормитъ!

При этомъ разсказѣ рыданія Прокуни настолько усилились, что, не желая дѣлать изъ него зрѣлище, я отвела его въ комнату, поила водою и утѣшала, какъ могла. А въ воображеніи моемъ рисовалась такая картина: сидитъ Прокуня въ школѣ; учитель пишетъ на доскѣ какіе-то значки, мальчики повторяютъ за нимъ какія-то слова, а передъ глазами Прокуни родная хата, больная — умирающая мать. Вдругъ придетъ безъ него пьяный отецъ и станетъ бить ее?! Когда она была здорова, она убѣгала къ сосѣдямъ, пряталась въ бурьяны на огородѣ, защищалась кочергой, а теперь... И нѣту дома и его, Прокуни, — одни маленькія дѣти! Онъ сталъ бы плакать, кричать, звать сосѣдей...

Прокуня сидитъ съ помутнѣвшимъ взглядомъ, а учитель говоритъ строго:

— Прокуня! всѣ слышали и поняли кромѣ тебя! — и думаетъ: «Какой невнимательный и разсѣянный!

Прокуня силится отогнать свой кошмаръ, конфузится своей разсѣянности, страдаетъ мыслью, что всѣ поняли кромѣ него. О, теперь онъ все замѣтитъ, все пойметъ! Онъ дѣлаетъ сверхъестественныя усилія, онъ овладѣлъ собою, онъ слушаетъ, онъ понимаетъ; но въ это время очередь за другими, другіе отвѣчаютъ, а, между тѣмъ, кошмаръ опять подкрадывается къ Прокунѣ, растетъ, растетъ, и новый вопросъ учителя опять застаетъ его врасплохъ.

Богъ знаетъ, быть-можетъ, именно во время такого раздумья пьяный отецъ убилъ больную мать, и, придя домой, Прокуня засталъ ее мертвою. Тутъ онъ, конечно, зарыдалъ, какъ рыдаетъ теперь, и, быть-можетъ, проклялъ школу, а, можетъ-быть, вспомнилъ, что эта безобразная для насъ и самая дорогая въ мірѣ для него мученица - женщина говорила ему, выпроваживая его въ школу и осѣняя крестнымъ знаменіемъ: «Учись, Прокуня, ученье—свѣтъ!» (Теперь это говорятъ уже почти всѣ мужики); и помня это материнское завѣщаніе онъ и пошелъ бы въ школу, да надо вытопить печку, наварить істи, накормить дѣтей, подоить коровку.

Время шло; горе Прокунино немножко притупилось, хотя все кругомъ напоминало ее, эту мученицу, эту нѣжную мать, но некогда было горевать: будничныя дрязги поглощали всего Прокуню, и вотъ, очутившись здѣсь, среди этой нарядной, веселой толпы, онъ вдругъ мучительно почувствовалъ все свое сиротство. Быть-можетъ, ему подумалось, что и она могла бы быть здѣсь съ своею курицею и благодарить, что и ее приняли на работу на барскій дворъ, а, можетъ-быть, онъ вспомнилъ, какъ ее гнали, какъ говорили ей, что ее не велѣно принимать на работу. Какъ потомъ повели ихъ къ доктору и раздѣли и разспрашивали. Какъ клялась она, что Прокуня ея чистый мальчикъ, что на немъ не было никогда ни прыщечка. Какъ было стыдно и ей и ему, и какъ послѣ этого позора ему вдругъ стало легко, когда ее оправдали въ чемъ-то позорномъ, ужасномъ и приняли на работу!

Мы обвиняемъ часто народъ въ отсутствіи деликатности и не замѣчаемъ, какъ часто сами бываемъ неделикатны къ нему. Мнѣ ясно вспомнилось, какъ неделикатно разспрашивали мы съ докторомъ мать Прокуни о ея прошломъ, при немъ, при этомъ бѣдномъ мальчикѣ, какъ сомнѣвались вначалѣ въ точности ея показаній, и какъ внимательно, быть-можетъ, слушалъ нашъ Прокуня, вперивъ въ насъ свой задумчивый взглядъ, какъ оскорбляли его эти разспросы, эти подозрѣнія, которые онъ не столько понималъ, сколько чувствовалъ.

Тогда я не задумывалась надъ этимъ, но теперь сцена эта съ мучительной ясностью представилась моему воображенію, и я чувствовала себя виноватою и передъ Прокунею, и передъ его матерью, и передъ всей этой толпою, ожидавшей меня. Я вышла на крыльцо и низко молча поклонилась этой толпѣ. Мнѣ хотѣлось сказать имъ:

«Простите меня за мое счастіе, за мою беззаботную жизнь, за мое сытое довольство,—простите, несчастные, обездоленные, голодные, безграмотные!»

Исторія открытія школы въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Михайловской волости.

I.

29 мая 1879 г.

Вы не можете себѣ представить, какъ я счастлива — вокругъ меня толпится 30 деревенскихъ дѣтей, приведенныхъ самими родителями съ земными поклонами, просьбами и приношеніями. И какъ все это случилось просто и неожиданно для меня самой. Вы знаете, что, проживая въ прошлое лѣто въ деревнѣ, я ниразу не позволила себѣ заговорить о школѣ, несмотря на непреодолимое желаніе: мнѣ казалось это преждевременнымъ, я боялась спугнуть этотъ неприрученный къ мысли о школѣ народъ, мнѣ казалось, что сперва необходимо обласкать его и чѣмъ-нибудь и какънибудь, по мѣрѣ возможности, помочь ему въ его повседневныхъ нуждахъ и лишеніяхъ. Сближеніе это рисовалось мнѣ не въ разговорахъ на темы, чуждыя народу, не въ проповѣдяхъ на непонятномъ языкѣ, — я желала только, чтобы этотъ деревенскій людъ повѣрилъ, что можетъ встрѣтиться человѣкъ и «изъ панівъ», какъ онъ смотритъ на насъ, который готовъ помочь ему. Стремленія мои выразились въ томъ, что я стала лѣчить больныхъ: перевязывала раны, завела походный самоварчикъ, который путешествовалъ изъ хаты въ хату, гдѣ оказывался больной, желающій напиться чайку, навѣщала родильницъ, ласкала дѣтокъ, — однимъ словомъ, дѣлала все то, что всегда дѣлала и прежде, очутившись лѣтомъ въ деревнѣ среди горюющаго люда. Когда мы уѣзжали изъ деревни, насъ провожали благословеніями и

слезами. Все это меня чрезвычайно трогало, и я давала себѣ слово въ слѣдующемъ году, по пріѣздѣ сюда, тотчасъ же заговорить о школѣ.

Случай представился прекрасный: знакомый мужикъ-портной, снимая мѣрку съ нашего Миколы, сказалъ: «И у меня такой хлопчикъ и какъ желаетъ учиться, да нигдѣ школы нѣтъ!» Я предложила, чтобы 6-лѣтній Саша ходилъ ко мнѣ, а за нимъ потянулись разныя Лукаши, Маруси, Мануйлы и т. д. Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ вѣрованіямъ народа, къ тому, въ чемъ воплощается для него идеалъ добра, правды и справедливости, я, обмывши и причесавши этихъ грязныхъ дѣтокъ, приступила прежде всего къ изученію, разъясненію и пѣнію молитвы: «Отче нашъ». Матери, слушая пѣніе своихъ птенцовъ, умилялись и плакали, да и въ самомъ дѣлѣ, трудно было не умилиться, глядя на этихъ крошекъ, поющихъ: «хлѣбъ нашъ насущный». Впрочемъ, не думайте, что всѣ уже у насъ крошки, что намъ отдали только «На тобі Боже, що мині не гоже!», т.-е. дѣтей, неспособныхъ еще къ работѣ, нѣтъ: есть у насъ Романъ Поповъ 13 лѣтъ, онъ работалъ на шахтѣ, получалъ 6 руб., и родные отняли его отъ работы, чтобы сдѣлать грамотнымъ; есть и другой мальчикъ 12 лѣтъ, онъ пасъ нашихъ воловъ и получалъ 3 руб., и его отдали, и это не 2, не 3, а, пожалуй, половина. Это можно считать уже фактическимъ сочувствіемъ къ школѣ и основательно радоваться этому особенно ввиду скептиковъ, утверждающихъ, что народъ чуть не изъ-подъ палки нужно гнать въ школу.

Была я уже у П., хлопочу о разрѣшеніи, чтобы все это было оформлено, какъ подобаетъ. Выписала изъ Петербурга портретъ Государя, а изъ Харькова книги и учебныя пособія.

Счастливая своимъ успѣхомъ

Х. А.

P. S. Я должна признаться, что до сихъ поръ сомнѣнія относительно того: пошлютъ ли крестьяне дѣтей учиться, не мало мучили меня. Мнѣ думалось: вѣдь мы знаемъ народъ

по книгамъ, по «Отечественнымъ Запискамъ» и разсказамъ Глѣба Успенскаго, а они, помѣщики-старожилы, прожили съ нимъ вѣкъ. Что, если мы съ своими книжными симпатіями останемся въ дуракахъ, а они, практики, восторжествуютъ съ своимъ закоренѣлымъ скептицизмомъ. Опытъ удался, и я теперь спокойна и счастлива.

II.

3 іюля 1879 г.

«Бѣдная я, бѣдная! Гдѣ моя радость? Гдѣ моя увѣренность въ собственныхъ силахъ, въ умѣніи вести дѣло при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ?» Пожалѣйте меня! Вотъ что случилось: покончивши занятія сегодня утромъ, мы долго толковали съ племянницей о томъ, когда наши дѣти окончатъ азбуку: «Къ 1 августу непремѣнно!» говорила я самонадѣянно!.. Но предсказанію моему не суждено было осуществиться: въ тотъ же день послѣ обѣда мы услыхали колокольчикъ и увидѣли станового, быстро направляющагося къ нашимъ воротамъ. Войдя, онъ подалъ мнѣ бумагу отъ инспектора къ полиціи, въ которой значилось приблизительно слѣдующее:

«По частнымъ слухамъ, до меня дошло, что какая-то женщина между Михайловкой и Селезневкой занимается неразрѣшеннымъ обученіемъ дѣтей. Прошу произвести слѣдствіе и поступить по закону».

Въ первую минуту по прочтеніи этой бумаги у меня потемнѣло въ глазахъ, затѣмъ, силясь призвать на помощь присутствіе духа, я подошла къ письменному столу, достала всѣ свои бумаги, т.-е. «свидѣтельство на право преподаванія», «назначеніе меня распорядительницей воскресной школы», «благодарность города», «извѣщеніе о царскомъ подаркѣ», наконецъ, приготовленное уже на имя инспектора прошеніе въ пакетѣ и съ маркой, и, молча, подала все это полицейскому чиновнику. Внимательно пересмотрѣвъ все это, онъ презрительно отодвинулъ отъ себя бумаги и замѣтилъ: «Все это имѣло значеніе тамъ — въ Харьковѣ, а теперь вы въ Екатеринославской губерніи... Потрудитесь взять

перо и писать то, что я вамъ продиктую». Я машинально повиновалась, смутно припоминая, что неповиновеніе полиціи ведетъ къ какимъ-то новымъ карамъ. Въ вискахъ у меня стучало, руки дрожали, и мнѣ невыносимо досадно было на то, зачѣмъ онѣ дрожатъ и выдаютъ мое душевное волненіе — вѣдь можно предположить, глядя на меня, Богъ знаетъ что такое, но досада еще болѣе вредила дѣлу; я чувствовала, что лицо мое покрылось пятнами и представляло собою, вѣроятно, такой жалкій видъ, что даже полицейскій чиновникъ проникся, повидимому, состраданіемъ и сказалъ мнѣ съ чувствомъ соболѣзнованія и покровительства:

— Вы не безпокойтесь! Это ничего! Потребуютъ васъ къ мировому судьѣ, взыщутъ 50 коп. штрафа и только!

Затѣмъ онъ началъ диктовать мнѣ слѣдующее: 3 іюля 1879 года я дала сію подписку въ томъ...

— Позвольте,—остановила я его, несмотря на весь упадокъ духа, — скажите мнѣ впередъ на словахъ «въ чемъ именно»?

— Вы сейчасъ увидите, потрудитесь писать!—замѣтилъ онъ мягко, но настойчиво. Я тоже настойчиво положила перо и сказала:

— Я непремѣнно хочу знать въ чемъ именно!

— Въ томъ,—продолжалъ онъ, какъ бы диктуя,—что открывъ школу безъ разрѣшенія начальства...

— Я не могу на это согласиться, — возразила я твердо, — это не школа, а простое обученіе грамотѣ надому, — и я показала ему «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ». Начались новыя пререканія на ту же тему. Въ концѣ-концовъ онъ согласился, однако, на такую расписку:

«1879 г., іюля 3 дня, я, нижеподписавшаяся, жена купца-землевладѣльца Славяносербскаго уѣзда, Х. Д. Алчевская, даю сію подписку г. приставу 2 стана Славяносербскаго уѣзда въ томъ, что обученіе дѣтей первоначальной грамотѣ на дому въ дер. Алексѣевкѣ, Михайловской волости, которымъ занималась я на основаніи примѣчанія къ ст. второй Высочайше утвержденнаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г., что «простое обученіе грамотѣ надому дозволяется безъ разрѣшенія училищнаго совѣта»,

впредь до разрѣшенія мѣстнаго начальства обязуюсь прекратить. Причемъ считаю необходимымъ добавить, что съ 1 іюня по 3 іюля, занимаясь обученіемъ дѣтей безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства, я имѣла ввиду просить въ непродолжительномъ времени училищный совѣтъ о дозволеніи открыть школу въ Михайловской волости».

Бѣдныя дѣти! Какъ скажу я имъ завтра, чтобы они расходились по домамъ? Что поймутъ они изъ всего этого? Что подумаютъ ихъ родители?

Х. А.

Отрывки изъ дневника.

4 іюля.

Ночь провела, послѣ всѣхъ этихъ передрягъ, отвратительно — въ жару, въ слезахъ и въ бреду. Боялись горячки, прикладывали къ головѣ холодные компрессы и горчичники. Бредила, говорятъ, тѣмъ, что меня ведутъ къ мировому судьѣ выдавать «волчій билетъ», и все просила отыскать мнѣ такое платье, въ которомъ бы я не походила на соціалистку.

5 іюля.

Мнѣ казалось невыносимымъ самой отказывать дѣтямъ, и я, поручивши это домашнимъ, рѣшила уѣхать въ Бахмутъ къ инспектору съ прошеніемъ. Измученная физически и нравственно, съ сильнѣйшей болью въ головѣ и въ печени и съ запоздавшимъ прошеніемъ къ инспектору въ рукахъ, садилась я въ вагонъ. Доѣхавши до желанной станціи, я встрѣтила его жену. Она выѣхала встрѣчать мужа на вокзалъ въ сопровожденіи какого-то усача кавалера, но г-на П—ва не оказалось въ поѣздѣ. Г-жа П—ва измѣрила меня надменнымъ взглядомъ. Измученная до послѣдней крайности, я униженно подала ей прошеніе и все просила о чемъ-то,—о чемъ, я не могла потомъ припомнить, а она, пуская въ сторону дымъ папироски и прищуривши презрительно глазки, повторяла съ тупостью и безсердечіемъ попугая: «Онъ все сдѣлаетъ, что можно по закону! все, что можно по закону!»

6 іюля.

Мнѣ сообщили, что становой, уѣзжая, просилъ передать мнѣ, чтобы я прекратила лѣченіе больныхъ, что это также воспрещено закономъ. Я шла въ больницу, низко опустивъ голову. На порогѣ меня ждала женщина съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ, одна изъ матерей ребенка, учащагося въ школѣ.

Я осмотрѣла прѣющаго ребенка и, подавая ей коробочку съ присыпкой, сказала:

— Этого вамъ надолго хватитъ, такъ что, если и закроютъ больницу, какъ грозился становой, то и тогда достанетъ.

Женщина пришла въ полное негодованіе:

— Проклятые! проклятые! — говорила она, судорожно сжимая кулакъ и сверкая глазами.—Небось, не запрещаютъ жидамъ проклятымъ открывать шинки и обирать народъ, а нашелся добрый человѣкъ, такъ къ нему придираются!.. Что жъ мы скоты, чтобъ пропадать безграмотными, собаки, чтобъ сгнивать безъ пособія отъ болячекъ?!

Я не рада была, что заговорила съ нею, и боязливо смотрѣла кругомъ, не слышитъ ли насъ кто-нибудь.

7 іюля.

5-й день, какъ дѣла находятся въ томъ же напряженномъ состояніи, и я больше всего боюсь своего наступившаго равнодушія; что, если оно хроническое? Бываютъ минуты, когда все это мнѣ кажется какой-то глупой комедіей, но бываютъ, впрочемъ, и другія минуты. Возвращаясь сегодня изъ больницы съ тѣмъ тупымъ равнодушіемъ въ душѣ, котораго я такъ боюсь, я встрѣтила на улицѣ, въ первый разъ послѣ закрытія школы, свою любимицу Марусю Товстенко. Дѣвочка низко поклонилась мнѣ и остановилась, какъ бы выжидая отъ меня чего-то и глядя въ упоръ своими умными, сѣрыми глазами; я тоже остановилась, желая сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ, и вдругъ неудержимый потокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ, я поспѣшила домой и горько, судорожно рыдала. Мнѣ казалось, что все бы ничего, но са-

мое жалкое — эти разогнанныя дѣти, недоучившія азбуки; вѣдь они, забывая понемножку каждый день, забудутъ все, чему выучились, пока получится разрѣшеніе; какъ этого не понять имъ — лицамъ, призваннымъ вникать въ дѣло народнаго образованія? Почему бы не пріѣхать сюда хотя бы инспектору и не провѣрить на мѣстѣ, что здѣсь дѣлается, чѣмъ здѣсь занимаются. А что, если бы въ самомъ дѣлѣ дѣло было нечисто? Что же тогда? За что же, наконецъ, наказывать Марусю, Лукашу? Ну, пусть меня къ мировому судьѣ: я должна была предвидѣть послѣдствія, думать о формальностяхъ, — но ихъ за что же?

Слезы облегчили меня, но. . . . . . надолго ли?

8 іюля.

Я сидѣла задумавшись въ саду и вдругъ почувствовала близко возлѣ себя чье-то присутствіе. Я оглянулась. За мною стояла Мотя — одна изъ наиболѣе застѣнчивыхъ ученицъ. Она, видимо, собиралась съ силами, чтобы выговорить что-то и не рѣшалась. «Что, Мотя? Что хочешь сказать?» сказала я ласково. Она оглянулась, нѣтъ ли кого близко, наклонилась къ моему уху и прошептала: «Христина Даниловна! Учите меня потихоньку. Я никому, никому не скажу!»

Въ эту минуту кто-то показался на большой аллеѣ. Дѣвочка опрометью бросилась къ калиткѣ и скрылась.

«Бѣдное дитя!» подумала я, глядя ей вслѣдъ.

9 іюля.

Мы шли кататься на лодку. Навстрѣчу намъ попались двѣ дѣвочки, ученицы нашей школы. По ихъ запыленнымъ одеждамъ и узелкамъ можно было предположить, что онѣ возвращаются изъ дальняго путешествія. «Откуда вы?» спросила я. «У ворожеи были, гадали, откроютъ ли школу или нѣтъ?»—«Что же вышло?» спросила я, грустно улыбаясь.

— Сказала: будетъ, но не скоро! — отвѣчали печально дѣти.

Мнѣ нечѣмъ было утѣшить ихъ, я только думала: пожалуй, ворожея права даже въ самомъ обширномъ смыслѣ: «будетъ у насъ школа, но не скоро!»

10 іюля.

Вчера я встрѣтила одну изъ матерей. Она просила меня зайти къ больной родильницѣ. Я велѣла запречь лошадь, и мы поѣхали вмѣстѣ въ Михайловку. Дорогою женщина разсказывала мнѣ безъ-умолку о своей единственной дочери — Пашѣ. Она говорила, какъ та, только проснется, хватается за азбуку и цѣлый день то читаетъ, то пишетъ, какъ молится поутру — каждое утро: «Пошли, Господи, чтобы скорѣе открылася школа!» и какъ вчера она горько плакала подъ заборчикомъ возлѣ хаты. «Я просто перепугалась до смерти,—говорила женщина,—думала, или ногу она себѣ выбила или руку, спрашиваю: «Паша! чего ты?» а она: «Развѣ не слыхали, говорятъ Х. Д. купили Васильевку и переѣдутъ туда жить!» — и опять въ голосъ. Просто ничѣмъ не могла утѣшить. Наконецъ говорю ей: «Дурочка! можетъ это еще и неправда! Мало ли, что люди брешутъ». Она задумалась, обтерла слезы и говоритъ: «Пойду къ Х. Д., поклонюсь ей въ ноги и попрошу, чтобъ не уѣзжала. Скажу ей, что у насъ народъ хорошій, а въ Васильевкѣ плохой, что у насъ всѣ ее любятъ, а тамъ никто еще не знаетъ!»

Я бы не повѣрила всему этому, если бы не знала Пашу — эту тихую, скромную, умную дѣвочку, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ, напоминающимъ иконостасную живопись. Мать души въ ней не слышитъ. Еще бы, осталась одна изъ 14-ти. Она разсказывала, что всѣ ея дѣти не доживали болѣе какъ до 12 лѣтъ. Пашѣ теперь 11, и при взглядѣ на нее невольно является какой-то предразсудочный страхъ при мысли: что, какъ и эта умретъ? Впрочемъ, чтобы вѣрить въ возможность этого, не нужно быть суевѣрной — стоитъ только посмотрѣть на это прозрачное, малокровное личико, вырванное точно изъ какой-нибудь изнѣженной, аристократической семьи, а не мужицкой хаты, въ эти большіе, затуманенные черные глаза съ выраженіемъ: «не отъ міра

сего». Впрочемъ, старуха и нѣжитъ ее порядкомъ: «Ужъ я ей ничего не жалѣю,—говоритъ она,—и курятинку жарю, и изъ цыплятокъ супецъ варю — лишь бы кушала».

11 іюля.

Мнѣ разсказывали сегодня дѣти, что Дуня Попова такъ голосила въ день закрытія школы, что родители рѣшились отвести ее за 10 верстъ въ Бѣлую къ родственникамъ и оставить у нихъ, чтобы она ходила тамъ въ школу. Къ несчастію оказалось, что школа въ Бѣлой закрыта, такъ какъ не подошла подъ постановленіе земскаго собранія, и мужики отказались вносить 200 р., несмотря на то, что ихъ тамъ 1000 душъ и на каждаго приходилось по 2 коп. Отказъ свой они мотивировали такъ: «Пани дадутъ на школу гроши, а потімъ зъ насъ же вывернуть!» (Мнѣ разсказывалъ это потомъ тамошній помѣщикъ.)

12 іюля.

Сегодня былъ у меня староста — приходилъ благодарить за облегченіе его больной дочери. Когда рѣчь зашла обо всемъ случившемся, онъ высказался самымъ рѣшительнымъ тономъ такъ: «Что становой — пьянюга [1]), больше ничего! Тутъ главное—міръ! Міръ даетъ вамъ одобреніе и на школу и на больницу! Міръ — сила!»

Я боялась говорить съ нимъ больше, мнѣ все чудилось, что кто-то слушаетъ меня и обвиняетъ въ пропагандѣ.

30 іюля.

Почти мѣсяцъ, какъ разорено наше бѣдное школьное гнѣздышко. Неужели мнѣ не удастся опять устроить его? Сижу, сложа руки, и жду у моря погоды, въ то время, какъ разрѣшеніе гуляетъ, вѣроятно, изъ училищнаго совѣта въ уѣздную земскую управу, оттуда къ инспектору и догуляется до моего отъѣзда и придетъ сюда тогда, когда я буду по-

---

[1]) Вскорѣ послѣ этого нашъ становой былъ уволенъ отъ должности за пьянство.

глощена другими дѣлами, другою школою — въ городѣ, а бѣдныя дѣти перезабудутъ выученныя буквы.

3 августа.

Сегодня мнѣ подали большой пакетъ, за инспекторской печатью, принесенный изъ Михайловской волости.

«Наконецъ-то!» подумала я, съ волненіемъ распечатывая пакетъ и чувствуя на себѣ взгляды радостнаго любопытства дѣтей и всѣхъ окружающихъ, которые также съ волненіемъ слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ.

Распечатавъ, я прочла приблизительно слѣдующее:

«Въ дополненіе отношенія моего отъ 13 іюля симъ прошу васъ, милостивая государыня, представить мнѣ полицейское свидѣтельство о вашей благонадежности, какъ главный документъ, дающій право на открытіе школы; въ прошеніи вашемъ отъ 4 сего іюля вы упоминаете о документахъ вашихъ, между тѣмъ, я получилъ копію документовъ, никѣмъ не засвидѣтельствованныхъ».

Инспекторъ *П — въ.*

Послѣ этого извѣстія я опять слегла въ постель съ болью въ печени и отчаяніемъ въ сердцѣ. Правда, я дѣйствительно впопыхахъ не успѣла засвидѣтельствовать копіи съ документовъ, но вѣдь ихъ видѣлъ становой въ подлинникѣ, кромѣ того, вслѣдъ за этимъ, я отправила ихъ засвидѣтельствованными въ училищный совѣтъ.

Кромѣ того, вѣдь школу открываетъ земство, а не я. Мнѣ не нужно никакихъ кличекъ, я жертвователь и только.

Мотивы, благодаря которымъ я желала устроить школу не частную, а непремѣнно земскую, были таковы: я могу уѣхать, умереть, между тѣмъ, земство, какъ представитель мѣстной интеллигенціи, навѣрное, поддержитъ учрежденіе — школу, построенную на раціональныхъ началахъ: въ удобномъ каменномъ зданіи, съ богатыми наглядными пособіями, съ хорошей библіотекой и т. п. Съ этою же цѣлью я перемѣнила свое намѣреніе помѣщать школу въ старомъ домикѣ, а себѣ строить новый и рѣшила жить сама въ

старомъ, а для школы воздвигнуть зданіе по всѣмъ правиламъ школьной гигіены.

4 августа.

Сегодня засвидѣтельствована 15-я уже копія въ волостномъ правленіи. Можетъ, этого будетъ достаточно для инспектора народныхъ училищъ. Сегодня же отправлено прошеніе о полицейскомъ свидѣтельствѣ въ Харьковъ.

5 августа.

Сегодня получила бумагу изъ училищнаго совѣта. Бумага эта чрезвычайно похожа на разрѣшеніе, но по смыслу отношенія инспектора она въ сущности ничто безъ полицейскаго свидѣтельства, этого «главнаго документа для открытія школы,—какъ выражается онъ». Слѣдовательно, счастіе мое заключается въ «полицейскомъ свидѣтельствѣ».

11 августа.

Мечта моя осуществилась! Сегодня я получила полицейское свидѣтельство изъ Харькова, гласящее, что я «поведенія хорошаго!»

Какое счастіе!.. Завтра же засвидѣтельствую 16 копію съ этого прошенія и отправлю г. П—ву. Вѣроятно, съ этимъ окончится мой путь по мытарствамъ.

12 августа.

Счастіе мое помрачилось, надежды померкли—получено отъ инспектора частное извѣстіе черезъ учителя, что одного «свидѣтельства» отъ харьковской полиціи недостаточно, необходимо изъ славяносербской. Просила со слезами П., ѣдущаго сегодня въ Славяносербскъ, достать мнѣ, если возможно, это свидѣтельство отъ исправника. Обѣщалъ.

13 августа.

Новое извѣстіе отъ инспектора — требованіе доказать, что я, дѣйствительно, русская подданная. Посылаю эстафету въ Славяносербскъ, нельзя ли совмѣстить полицейское свидѣтельство съ таковымъ удостовѣреніемъ?!

14 августа.

Наконецъ, получила вторую половину моего благополучія—полицейское свидѣтельство изъ Славяносербска, гласящее, что я поведенія отличнаго, и въ довершеніе счастія въ концѣ добавлено, что я, дѣйствительно, русская подданная. Сегодня отправляю инспектору отвѣтъ и на этотъ новый искусъ, что же далѣе? О, навѣрное, какое-нибудь новое удостовѣреніе. Это просто какая-то «бочка Данаидъ», наполняющаяся прошеніями, отношеніями, свидѣтельствами и заявленіями...

17 августа.

Новое требованіе: доказать, что я православнаго вѣроисповѣданія. Говорятъ, что для этого необходимо мое метрическое свидѣтельство изъ города, гдѣ я родилась—Борзны, 38 лѣтъ назадъ. Борзна эта съ тѣхъ поръ горѣла разъ 20, слѣдовательно, врядъ ли возможно будетъ выхлопотать таковую метрику. Отправляю, на всякій случай, письмо въ Харьковъ, авось тамъ удастся добыть.

18 августа.

Письмо отъ родственника.

«Только что я получилъ ваше требованіе относительно удостовѣренія въ томъ, что вы православнаго вѣроисповѣданія, какъ явился ко мнѣ вашъ сосѣдъ Г. и сообщилъ слѣдующее: онъ встрѣтился съ г. П—вымъ на желѣзной дорогѣ, и тотъ поручилъ ему передать вамъ, что, кромѣ бумагъ, доставленныхъ уже вами, настоятельно требуется доказать, что вы законная жена вашего мужа. Постараюсь выхлопотать всѣ эти удостовѣренія и удовлетворить такимъ образомъ вашего чудного инспектора».

23 августа я получила эту бумагу.

24 августа.

Казалось бы, что чаша терпѣнія должна была бы переполниться, и послѣ припадковъ отчаянія и равнодушія долженъ былъ бы появиться протестъ. Но у меня выходитъ иначе: какъ бойца охватываетъ одушевленіе и мужество,

чѣмъ больше препятствій впереди, и еще привлекательнѣе и желаннѣе кажется ему побѣда, такъ и я: минутами мнѣ кажется, что я не любила бы такъ эту школу, если бы она не далась мнѣ съ такими страданіями, что устраивать дѣло при благопріятныхъ условіяхъ не диво,—нѣтъ, ты воздвигни его тогда, когда все противъ тебя, и въ результатѣ получится увѣренность въ своей настойчивости, преданности и силѣ. Мщеніе мое должно состоять не въ томъ, чтобы обратиться вспять и сжечь корабли, а въ томъ, чтобы остаться на полѣ битвы, выиграть сраженіе, создать образцовую школу и доказать, что была права я, а не г-да П—вы.

Вотъ, что писала я вчера одному изъ своихъ знакомыхъ, бѣжавшему съ поля битвы общественной дѣятельности въ деревню и погрузившагося тамъ «въ дремоту жизни праздной», что мнѣ, однако, не мѣшаетъ уважать въ немъ человѣка умнаго и честнаго:

«Вы обвиняете меня въ томъ, что я отказываюсь отъ газетныхъ статей и, приглашая защищать Спасовича, въ глубинѣ души, не желаю даже его защиты. Прежде, чѣмъ обвинять меня въ этомъ, выслушайте мои доводы: я нахожу, что людей, готовыхъ протестовать, обличать и пререкаться гораздо больше, чѣмъ людей, желающихъ напроломъ, во что бы то ни стало, дѣлать дѣло,—общественное дѣло, въ которое они вѣрятъ, которому они предвидятъ будущность. Я не берусь судить, кто больше служитъ обществу, кто полезнѣе, кто заслуживаетъ большаго уваженія, большей симпатіи,—я чувствую только себя принадлежащею ко второй категоріи. Выходя изъ этого положенія, я не хочу быть на скамьѣ подсудимыхъ по школьному дѣлу, я не хочу дать восторжествовать злоязычію г-дъ П—выхъ, я не хочу набрасывать тѣни на мою прошлую педагогическую дѣятельность, я не хочу быть причисленною къ лику недовольныхъ и протестующихъ, я не хочу минутнаго торжества идеи и привлекательнаго мученическаго вѣнка невинно пострадавшей, купленнаго цѣною возможности дѣлать дѣло!

«Говорятъ, что дѣло передается въ окружный судъ. Мировой судья нашелъ его себѣ неподсуднымъ и передалъ судебному слѣдователю.

«Извѣстный адвокатъ Спасовичъ говоритъ, что онъ самъ желалъ бы быть подсудимымъ по такому дѣлу, что такія дѣла слѣдуетъ раздувать, а не тушить, что онъ безплатно пріѣдетъ защищать его. Изъ Петербурга мнѣ предлагаютъ опять помѣстить эту исторію въ одной изъ распространенныхъ газетъ, но я повторяю: не этого мнѣ нужно, мнѣ нужно дѣлать дѣло и только».

28 августа.

Вещи уложены, дѣти въ дорогѣ, одна я задерживалась до послѣдней минуты въ надеждѣ получить разрѣшеніе, и дождалась-таки и отъ инспектора, и отъ училищнаго совѣта, но открыть школу невозможно. Завтра я неизбѣжно должна выѣхать въ Харьковъ, такъ какъ 2-го открытіе воскресной школы послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Придется пріѣхать 3 сентября послѣ собранія, но радостная вѣсть облетѣла уже всѣ хаты и маленькія фигурки безпрестанно мелькаютъ у воротъ.

29 августа.

Въ дорогѣ. (Изъ деревни въ городъ).

Станція Никитовка.

(3 ч. пополуд.)

Я садилась въ экипажъ, окруженная веселою толпою дѣтей, счастливая ввиду предстоящей радости. Въ воротахъ показался старикъ, разносящій пакеты изъ Михайловской волости и подалъ мнѣ какую-то бумагу. Какъ ни была подготовлена я къ вызову судебнаго слѣдователя, но онъ невыразимо поразилъ меня: опять похолодѣли руки и потемнѣло въ глазахъ. Подъ впечатлѣніемъ послѣдней радости мнѣ казалось, что все это горькое отошло куда-то далеко, далеко, я готова была все забыть, всѣмъ простить и вдругъ опять... Я возвращаюсь въ Харьковъ, торжествуя побѣду, а тутъ этотъ вызовъ къ судебному слѣдователю, и что я ему скажу, и какъ все это будетъ, и чѣмъ кончится? Все это вопросы, отвѣты на которые никто не можетъ предвидѣть.

6 сентября.

(Опять въ деревнѣ).

Д. Алексѣевка.

(12 ч. ночи.)

Мнѣ кажется, что въ жизни моей я никогда не присутствовала при такомъ торжествѣ, какъ сегодня. Хотѣла заснуть и не могу—передъ глазами все та же картина: священникъ въ свѣтлой рясѣ съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ толпа дѣтей, веселыхъ, нарядныхъ, какъ на свѣтлый праздникъ, за ними толпа народа, благоговѣйно идущая за всей этой процессіей, все это движется къ только что заложенному зданію. Солнце ярко освѣщаетъ всю эту картину, а въ ушахъ раздаются дѣтскіе голоса: «Спаси, Господи, люди Твоя!..»

Народъ собрался со всѣхъ окрестныхъ деревень, и не одинъ народъ, а всѣ сосѣди и близкіе, и дальніе, всѣ они знали, какою цѣною купила я это торжество, и, казалось, сошлись порадоваться моей радости. Мы заявили всѣмъ и каждому, что не можемъ принять болѣе 40 дѣтей, пока выстроится настоящая школа, а намъ привели 60. Разумѣется, старымъ пріятелямъ было отдано предпочтеніе, добавили 10 новыхъ изъ болѣе взрослыхъ дѣтей, а 20 записали на весну.

7 сентября.

(Изъ деревни въ городъ).

Станція Никитовка.

(3 ч. пополуд.)

Я почти не спала эту ночь — картины радости смѣнялись тяжелымъ ожиданіемъ утра и вызова судебнаго слѣдователя. Въ 8 ч. я была уже готова къ отъѣзду въ Михайловку, а въ половинѣ 9-го подъѣзжала къ волостному правленію,—къ тому самому волостному правленію, гдѣ судятъ конокрадовъ и мошенниковъ. Нервы мои были въ высшей степени напряжены, но я силилась удержаться отъ слезъ, уговаривая себя, что плакать постыдно. Ночью, впрочемъ,

я написала заявленіе и именно на случай слезъ и невозможности выяснить дѣло какъ слѣдуетъ. Это заявленіе-экспромтъ лежало у меня въ карманѣ, такъ, какъ есть — непереписанное, даже; впрочемъ, въ немъ не встрѣчалось ни одной помарки, такъ научили меня писать дѣловыя бумаги въ Славяносербскѣ.

Мы подъѣзжали къ волостному правленію, когда издали послышался колокольчикъ, отъ котораго у меня дрогнуло сердце, и черезъ нѣсколько минутъ показалась тройка — на тройкѣ сидѣлъ молодой человѣкъ въ бѣлой фуражкѣ съ кокардой, самаго элегантнаго вида, и слуга. Молодой человѣкъ, впрочемъ, для меня не былъ «человѣкъ», — это былъ «судебный слѣдователь». Молодцевато выскочилъ онъ изъ тарантаса, захлопнулъ за собой стремительно дверь и выслалъ человѣка сказать, что проситъ меня пожаловать въ залу въ домъ Міоковичей. Эти добрѣйшіе сосѣди — Міоковичи, видя, вѣроятно, на лицѣ моемъ выраженіе ужаса каждый разъ, когда рѣчь заходила о судебномъ слѣдователѣ, и прежде успокаивали меня предположеніемъ, что судъ надо мною будетъ происходить у нихъ въ домѣ, какъ это не разъ уже бывало, но мнѣ казалось, что это еще стыднѣе. Тѣмъ не менѣе, мы велѣли повернуть лошадей къ дому Міоковичъ. Навстрѣчу намъ, точно желая скорѣе выручить меня изъ бѣды, бѣжала растрепанная и въ утреннемъ неглиже добрѣйшая Екатерина Александровна. Завидѣвши меня, она стала махать руками, точно боясь, что я миную ихъ домъ, или заподозрю, что они покинули меня въ бѣдѣ. Это было уже выше моихъ силъ, я зарыдала и, рыдая, вошла къ нимъ въ домъ. Меня силились утѣшить, успокоить — ничто не помогало. Наконецъ, въ залѣ послышались шаги, и въ комнату вошелъ судебный слѣдователь. Не знаю, какъ это случилось, но я мигомъ перестала плакать и почувствовала вдругъ такой приливъ сознанія собственнаго достоинства и гордости, что совершенно твердо послѣдовала за нимъ на его приглашеніе въ залу. Мы сѣли другъ противъ друга. Судебный слѣдователь не безъ юпитерскаго величія началъ со слѣдующаго: «Ваше дѣло — это первое дѣло въ моей юридической практикѣ такого рода характера, а поэтому я, какъ

молодой юристъ, считалъ необходимымъ посовѣтоваться въ этомъ случаѣ съ моими товарищами-юристами, болѣе опытными, чѣмъ я. Съ этою цѣлью я побывалъ въ окружномъ судѣ, и послѣ продолжительной консультаціи мы рѣшили предложить вамъ слѣдующій вопросъ, который будетъ первымъ и послѣднимъ и опредѣлитъ отношенія вашего дѣла, а именно: признаете ли вы, что школа, существовавшая въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Михайловской волости, существовала безъ разрѣшенія?

— Извините, — возразила я спокойно, — но есть вопросъ первѣе этого, а именно: существовала ли школа въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Михайловской волости?

Молодой юристъ даже подскочилъ немного на стулѣ.

— Какъ! Вы это отвергаете?

— Да!

— Что же это было по-вашему?

— Это было простое обученіе грамотѣ надому, которое на основаніи примѣчанія къ ст. 2-й Высочайше утвержденнаго положенія о нач. народн. учил. дозволяется лицамъ всѣхъ сословій безъ разрѣшенія училищнаго совѣта. И я открыла передъ нимъ бывшее при мнѣ печатное «положеніе о нач. народн. училищахъ».

Молодой юристъ, видимо, нѣсколько сконфузился и спросилъ меня менѣе уже юпитерскимъ тономъ:

— А чѣмъ вы можете доказать, что это была не школа?

— Тѣмъ, — отвѣчала я, чувствуя, что принимаю все болѣе и болѣе грозный видъ, — что тутъ не было никакихъ элементовъ, входящихъ въ составъ понятія о школѣ: школа требуетъ опредѣленнаго помѣщенія — его не было, такъ какъ мы учили въ саду и на балконѣ; школа требуетъ учителя, его не было, такъ какъ я занималась сама съ дѣтьми; школа требуетъ опредѣленной программы — ея не было; школа требуетъ законоучителя — его не было. Впрочемъ, позвольте мнѣ подать вамъ заявленіе, изъ котораго вы вполнѣ ясно увидите весь ходъ дѣла. Заявленіе это я прошу васъ пришить къ дѣлу! — И я подала ему заявленіе, чувствуя, что мы положительно помѣнялись ролями. Заявленіе мое было слѣдующаго содержанія:

Заявленіе.

Въ прошломъ 1878 г., пріѣхавши въ первый разъ въ имѣніе мужа моего д. Алексѣевку, Михайловской волости, я провела въ ней 3 лѣтнихъ мѣсяца. Работая 16 лѣтъ на поприщѣ народнаго образованія, я, естественно, поинтересовалась узнать, существуютъ ли вблизи насъ школы, и узнала, что въ Михайловской волости нѣтъ ни одной.

Это обстоятельство дало мнѣ поводъ рѣшиться устроить, съ участіемъ земства, народное училище. Съ этою цѣлью я обратилась къ сосѣду моему Н. Н. П., какъ одному изъ земскихъ дѣятелей и мировому судьѣ — юристу, способному разъяснить мнѣ порядокъ веденія дѣла и просила его помочь мнѣ. Въ сентябрѣ того же года состоялось земское собраніе, въ которомъ, по вопросу о народномъ образованіи, рѣшено было открывать земскія школы и выдавать субсидію въ 400 р. только тамъ, гдѣ общество, или частное лицо обяжется вносить съ свой стороны 200 и покажетъ такимъ образомъ свое сочувствіе къ школѣ и желаніе содѣйствовать ея интересамъ. Въ это время я была уже въ Харьковѣ — моемъ постоянномъ мѣстѣ жительства.

Пріѣхавши въ этомъ году въ деревню въ маѣ мѣсяцѣ, я возобновила свои переговоры по этому дѣлу съ П., причемъ онъ объявилъ мнѣ, что прежде всего нужно подать прошеніе инспектору народнаго училища П — ву и обѣщалъ доставить на-дняхъ форму таковаго прошенія, но какъ человѣкъ занятый и службой, и хозяйствомъ, замедлилъ нѣсколько доставкой мнѣ этой формы, а я, въ свою очередь, получивъ отъ него прошеніе, замедлила отправкой, наводя справки какъ зовутъ П — ва, гдѣ онъ находится, такъ какъ въ Бахмутѣ его не оказалось, какую слѣдуетъ приложить марку и т. п. Въ этихъ хлопотахъ прошло около мѣсяца; между тѣмъ, нѣкоторые изъ сосѣдей пугали меня предсказаніемъ, что получу я разрѣшеніе, выстрою домъ, но учениковъ не будетъ, что народъ нашъ не расположенъ къ школѣ, что ему нужны малолѣтніе работники и т. п. Напуганная отчасти этими предсказаніями мѣстныхъ жителей,

я задумала сдѣлать опытъ до открытія школы. Помня очень хорошо объ инспекторѣ и необходимости просить прежде всего у него разрѣшенія школы, я въ то же время знала, что на основаніи примѣчанія къ статьѣ 2-й Высочайше утвержденнаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г., «дозволяется простое обученіе грамотѣ надому безъ разрѣшенія училищнаго совѣта». Кромѣ того, за непреступность этого опыта говорило все мое прошлое, подкрѣпленное такими фактами: въ 1871 году баронъ Корфъ— извѣстный дѣятель по народному образованію, осматривалъ въ Харьковѣ школу, въ которой я состою распорядительницей, и далъ о ней самый лестный печатный отзывъ въ рядѣ газетныхъ статей подъ заглавіемъ: «Частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія». Въ 1873 году я получила благодарность отъ харьковской городской думы, во главѣ которой находился тогда бывшій профессоръ харьковскаго университета Е. С. Гордѣенко. Въ 1874 г., по представленію мѣстнаго начальства, пожалована подаркомъ изъ кабинета Ея Величества. Въ 1878 г. школу посѣтилъ членъ-ревизоръ Святѣйшаго Синода С. И. Миропольскій и, тщательно изучивъ ее, написалъ исторію школы подъ заглавіемъ: «Школа и Общество», въ которой въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ доказывалъ, что это учрежденіе единственное въ Россіи. Статьи эти напечатаны въ 3-хъ книгахъ педагогическаго журнала «Семья и Школа» за 1878 годъ.

Все это, повторяю я, казалось мнѣ достаточнымъ для права произведенія опыта — пошлютъ ли дѣтей учиться. Случай помогъ мнѣ: знакомый мужикъ портной, снимая мѣрку съ младшаго сына моего, замѣтилъ: «И у меня есть такой хлопчикъ и страсть какъ желаетъ учиться, да нигдѣ близко нѣтъ школы!» Я предложила, чтобы мальчикъ ходилъ ко мнѣ учиться, а на 3-й день меня просили о томъ же нашъ приказчикъ, садовникъ, дворникъ, кучеръ и еще нѣсколько матерей изъ сосѣднихъ хатъ. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно для меня самой и въ противорѣчіе мѣстнымъ предсказаніямъ, въ 2—3 дня набралось до 30-ти дѣтей. 1-ю недѣлю я посвятила задачамъ опрятности: раздала по куску мыла, по частому гребешку,

мальчикамъ велѣла остричься, дѣвочкамъ — снять платочки и причесываться каждый день; смотрѣла, чисты ли руки, уши, ногти, головы и объясняла необходимость чистоты для здоровья. 2-ю недѣлю мы приступили къ разучиванію молитвы: «Отче нашъ» съ объясненіемъ и пѣніемъ, а на 3-ю принялись за подвижную азбуку. Занимались мы всѣмъ этимъ на балконѣ, въ саду, такъ какъ другого помѣщенія тогда не имѣлось, и мечтали о томъ, что къ открытію школы старшіе ученики окончатъ азбуку и образуютъ изъ себя 2-ю группу, какъ вдругъ полиція — становой приставъ. Разумѣется, я показываю ему всѣ доказательства своей благонадежности, всѣ свои бумаги, но онъ отвѣчаетъ: «Все это имѣетъ значеніе только въ Харьковской губерніи, а теперь вы въ Екатеринославской!» Неспособная отъ волненія сообразить, что законы въ Россіи повсюду одни и тѣ же, я покоряюсь требованію полицейскаго чиновника и пишу росписку, что впредь до разрѣшенія мѣстнаго начальства прекращаю занятія съ дѣтьми, сохраняя, однако, сознаніе настолько, что не пишу «закрываю школу», какъ требуетъ онъ, такъ какъ школы никакой не было, а было «простое обученіе грамотѣ надому», и даже менѣе того «на балконѣ», и даже менѣе обученія, такъ какъ внушеніе правилъ опрятности и пѣніе нельзя считать за организованныя школьныя занятія.

На другой же день я отправляю прошеніе инспектору и въ училищный совѣтъ. Училищный совѣтъ немедленно разрѣшаетъ открыть земское народное училище въ д. Алексѣевкѣ и назначаетъ субсидію, но инспекторъ, не желая понять, что это школа земская, что учителя въ нее назначаетъ земство съ его согласія, что я представляю собою не болѣе какъ жертвователя 3,000 руб., ставитъ мнѣ препятствія и требуетъ не разомъ, а постепенно, затягивая дѣло до моего отъѣзда: 1) полицейское свидѣтельство отъ харьковской полиціи; 2) таковое же отъ славяносербской, затѣмъ 3) свидѣтельство о томъ, что я русская подданная, затѣмъ, 4) что я православнаго вѣроисповѣданія, и, наконецъ, 5) что я законная жена моего мужа. Я доставляю всѣ данныя доказательства и, наконецъ, за два дня до моего отъѣзда

школа открыта, но тутъ же я получаю повѣстку отъ г. судебнаго слѣдователя, какъ посредника дѣла, переходящаго въ окружной судъ, причемъ сказано, что я обвиняюсь въ уголовномъ преступленіи «въ нарушеніи постановленій о воспитаніи юношества».

7 сентября 1879 г.

д. Алексѣевка.

Дочитавши заявленіе, молодой юристъ совершенно уже сконфуженно пробормоталъ:

— Да, я долженъ признаться, что «заявленіе» ваше дѣйствительно сбило меня съ позиціи, и я тоже готовъ признать, что школы не было. Ввиду этого я не могу снимать съ васъ показаній, такъ какъ мы снимаемъ показанія только съ подсудимыхъ, а признать васъ подсудимою я не могу. Придется снять показаніе со школьниковъ — и только».

— Послѣдняя фраза наполнила мое сердце ужасомъ: какъ, пытать этихъ неповинныхъ дѣтей, навести на населеніе ужасъ, отшатнуть, быть-можетъ, отъ школы, подумала я, и сказала громко: «Каждый провинившійся человѣкъ долженъ самъ выносить на себѣ кару наказанія, а поэтому прошу васъ наказывайте меня—вы можете передать дѣло въ окружной судъ, я даже желаю этого, такъ какъ Спасовичъ разъяснитъ при этомъ, какъ поставлено у насъ въ глуши дѣло народнаго образованія; только прошу васъ—не трогайте дѣтей! Впрочемъ, извините,—добавила я поспѣшно,— быть-можетъ, я не имѣю права просить о чемъ бы то ни было?!

— Нѣтъ, почему же,—возразилъ онъ также сконфуженно,—вы имѣете право просить и даже ваша просьба можетъ быть уважена,—я, пожалуй, не спрошу дѣтей, а спрошу сосѣдей. Что же касается окружного суда, то если вы желаете, чтобы дѣло перешло туда, то вы должны признать, что школа существовала, и заплатить 50 к. штрафу».

— Ни за что!—возразила я горячо,—если бы мнѣ предстояло заплатить одну коп. или просидѣть въ тюрьмѣ, я выбрала бы послѣднее, но ни за что не признала бы себя виновной противъ убѣжденія!

— Вы свободны!—сказалъ учтиво молодой юристъ, приподнимаясь съ мѣста.

Я вышла твердо и спокойно какъ, вошла, вполнѣ довольная собой, потребовавъ предварительно у моего судьи росписку въ томъ, что онъ получилъ мое заявленіе.

17 сентября.

Харьковъ.

Послѣ визита въ камеру судебнаго слѣдователя я постоянно тревожилась мыслью о томъ: свободенъ ли будетъ Спасовичъ, если потребуется его защита, и въ высшей степени была рада сегодня его нѣсколькимъ успокоительнымъ строкамъ, вотъ онѣ:

Милостивая Государыня.
Христина Даниловна!

Всегда, когда вы потребуете меня выручать васъ на судѣ, обѣщаю быть къ вашимъ услугамъ. По всей вѣроятности, однако, до этого не дойдетъ.

Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ Краковъ на юбилей Крашевскаго, но вернусь никакъ не позже 1 октября.

Глубоко уважающій васъ, преданный

Спасовичъ.

15 сентября 1879 г.

29 октября.

(Отрывокъ изъ письма деревенскаго учителя).

«26-го въ пятницу, занимаюсь я, какъ вдругъ высовывается какая-то голова изъ дверей моей комнаты и говоритъ: «Позвольте васъ на минуту оторвать отъ дѣла; я судебный слѣдователь, пріѣхалъ сдѣлать дознаніе». Думаю себѣ: «Очень непріятно имѣть такого гостя!» и долженъ признаться, что даже струсилъ, во-первыхъ, отъ неожиданнаго появленія головы, а во-вторыхъ, за васъ и за школу струсилъ.

Перваго онъ вызвалъ Романа Попова, а затѣмъ Краснощоковыхъ и Головнева, но они отказались, такъ какъ не

были тогда въ школѣ. Онъ спросилъ Романа, кто съ нимъ еще тогда учился? и тотъ указалъ на Марусю Товстенко. Судебный слѣдователь допрашивалъ и ее. Дѣти показали: насъ былъ больше 10, учила насъ Христина Даниловна всѣхъ пѣть «Отче нашъ!», а нѣкоторые учились по азбучкѣ, учились же мы на балконѣ.

На показаніи своемъ, писанномъ самимъ слѣдователемъ, они расписались. Затѣмъ пріѣзжалъ урядникъ вечеромъ и дѣтей не засталъ. Пріѣзжалъ онъ по тому же дѣлу, имѣя предписаніе отъ станового пристава, и заявилъ всѣмъ родителямъ учившихся тогда у васъ дѣтей явиться въ волость для допроса. Чѣмъ же это кончилось — не знаю; могу только, Х. Д., увѣрить васъ въ одномъ, что все это на учащихся нимало не повліяло — они остались веселы, какъ и были раньше.

Извините, пожалуйста, Х. Д., что сообщаю вамъ эти непріятныя новости. Не хочу ничего скрывать.

Дѣти ходятъ аккуратно. Всѣ они кланяются вамъ».

28 октября, 1879 г.

Деревня Алексѣевка.

30 октября.

Письмо это снова навѣяло на меня грустныя думы: Господи, когда же конецъ этому?!.. Бѣдныя дѣтки! Трогательнѣе всего безспорно то, что сами расписались на своемъ показаніи.

1 ноября.

Сегодня получила копію съ постановленія судебнаго слѣдователя. Она обрадовала меня, какъ нравственное удовлетвореніе послѣ длинныхъ мѣсяцевъ страданій и сомнѣній. Вѣроятно, судъ согласился съ его мнѣніемъ и наступитъ конецъ моимъ тревогамъ... Если бъ то!..

Постановленіе судебнаго слѣдователя состояло приблизительно въ слѣдующемъ:

1879 г. октября 27 дня и. д. судебнаго слѣдователя 2-го участка Славяносербскаго уѣзда, въ г. Славяносербскѣ,

разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла по обвиненію г-жи Алчевской въ нарушеніи 1049 ст. ул. о нак. нашелъ, что г-жа Алчевская имѣла право на открытіе школы, что доказывается, кромѣ извѣстныхъ и объясняемыхъ ею въ поданномъ заявленіи фактовъ изъ дѣятельности ея на поприщѣ безплатнаго преподаванія грамотности, между прочимъ, уже и тѣмъ, что она и получила уже разрѣшеніе на открытіе школы, нынѣ существующей въ ея деревнѣ, въ которой обучаются малолѣтніе крестьяне грамотности; за симъ, хотя г-жа Алчевская, до полученія формальнаго разрѣшенія открыть собственно школу и призывала малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей къ себѣ на домъ, гдѣ учила ихъ первоначально, дѣлая опытъ и подготовку для будущей школы, въ открытіи которой и сомнѣваться не имѣла основаній, но, такъ какъ по внутреннему смыслу 1049 ст. ул. о нак. подобныя дѣйствія съ ея стороны не составляютъ преступленія, заключаясь лишь въ неисполненіи извѣстной формальности, которая потомъ была исполнена, то потому и нарушенія 1049 ст. ул. о нак. г-жею Алчевскою совершено не было, ибо законъ, установляя норму въ 1049 ст. ул. о нак. имѣлъ ввиду предупредить возможность обучать дѣтей лицами некомпетентными въ этомъ дѣлѣ или же могущими поселить въ малолѣтнихъ дурныя начала нравственности, но отнюдь не предусматривалъ тѣхъ случаевъ, когда лица безусловно имѣющія права на право преподаванія и извѣстныя своею педагогическою дѣятельностью, желая поселить между народомъ начала нравственности, религіи и грамотности, жертвуютъ своимъ имуществомъ для достиженія этой общественно-правительственной цѣли, ввиду которой и собственнымъ безкорыстнымъ трудомъ, желая принять участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, подготовляютъ дѣтей къ обученію ихъ въ «собственной школѣ», которую намѣреваются открыть. Ввиду личной иниціативы въ такомъ общественномъ дѣлѣ, ввиду мѣстныхъ условій и непониманія еще народомъ пользы грамотности безъ извѣстной подготовки къ этому дѣлу самихъ дѣтей, нельзя было бы и рѣшиться открыть школы, и такимъ путемъ былъ бы убитъ личный элементъ и личная

инициатива въ дѣлѣ распространенія грамотности, чего законъ, относящійся къ этому съ сочувствіемъ, не могъ допустить. Что же касается мнѣнія, допрошеннаго въ качествѣ эксперта г. П—ва, то, такъ какъ въ показаніи своемъ, главнымъ образомъ, онъ старался опровергнуть заявленія г. Алчевской относительно притѣсненій имъ ея, и, наконецъ, такъ какъ онъ не призналъ себя компетентнымъ въ дѣлѣ разрѣшенія предложенныхъ ему вопросовъ въ научно-юридическомъ смыслѣ, то потому показаніе его въ дѣлѣ не можетъ имѣть существеннаго, а тѣмъ болѣе рѣшающаго значенія. Ввиду изложенныхъ соображеній и не находя въ дѣйствіяхъ г-жи Алчевской признаковъ какого-либо преступленія, руководствуясь 277 ст. уст. уг. суд., постановилъ: не привлекая въ качествѣ обвиняемой г. Алчевской, дѣло это, за отсутствіемъ состава преступленія, предоставить для прекращенія въ изюмскій окружной судъ, черезъ господина прокурора.

И дѣйствительно, постановленіемъ изюмскаго окружного суда отъ 20-го ноября 1879 года дѣло было прекращено.

Отрывки изъ дневника за разные годы.

9 декабря 1880 года.

Сегодня меня пригласили на крестины къ матери одной изъ ученицъ воскресной школы—прачкѣ. Въ воскресенье отецъ Бендюковой пришелъ съ этою цѣлью въ школу, и, когда я дала согласіе, онъ поблагодарилъ, но не трогался съ мѣста, переминаясь съ ноги на ногу, и, видимо, желая сообщить еще нѣчто.

— А что вамъ еще?—спросила я, чтобы ободрить его.

— Видите ли, Х. Д., мы хотѣли просить васъ найти кума: у насъ нѣтъ такихъ благородныхъ, чтобы съ вами крестить.

Въ отвѣтъ на это я употребила всѣ силы, чтобы увѣрить его, что мнѣ не нужно «благороднаго» и что онъ можетъ звать кого хочетъ,—лучше всего кого-нибудь изъ своихъ пріятелей.

Войдя въ чистенькую и убранную по-праздничному комнатку, съ чистыми скатертями на столахъ и большой постелью съ горою подушекъ, я увидѣла поджидавшихъ меня толстаго батюшку съ причетникомъ и кума. Передо мною стоялъ человѣкъ съ чрезвычайно благообразнымъ лицомъ, въ длинномъ мѣщанскомъ сюртукѣ и съ золотою цѣпочкою на жилетѣ, лѣтъ 30 — 35.

Начался обрядъ крещенія. Батюшка пѣлъ въ носъ и съ необыкновеннымъ достоинствомъ, какъ будто желая сказать: «Мы и не у этакихъ крестили!» Я строго слѣдила

за собою, чтобы не сдѣлать чего-нибудь некстати; кумъ мой бережно держалъ ребенка, немножко покачивая его, чтобы онъ унялся плакать.

Кончился обрядъ. Отнесли мы ребенка родильницѣ, и сами сѣли пить чай. Взглянула я на батюшку, и почему-то вспомнился мнѣ нашъ деревенскій священникъ, сдѣлавшій на меня доносъ, и я невольно какъ-то стала разсказывать свою грустную исторію открытія школы въ деревнѣ. Кумъ слушалъ меня съ необычайнымъ интересомъ; когда видишь, что тебя такъ слушаютъ, невольно хочется продолжать. Батюшка вставлялъ не совсѣмъ умѣстныя замѣчанія: «За соціалистку, слѣдовательно, принялъ!» и т. п., но я не обращала на это вниманія.

Кончился разсказъ. «И у насъ въ приходѣ,—началъ мой кумъ,—тоже въ этомъ родѣ исторія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ попечительство школу основало, т.-е. это только слава, что попечительство: хлопоталъ о ней священникъ, отецъ Василій, отличнѣйшій человѣкъ, и я немножко старался, конечно, много я не могу; ну, такъ въ ярмарку, кой у кого у своихъ знакомыхъ рублей до 20 соберу, да и своихъ немножко прибавлю; конечно, мы люди маленькіе, и заработки у насъ не Богъ знаетъ какіе, но у меня жена имѣетъ охоту до школъ, говоритъ: «Ты лучше мнѣ платья не справь, а школѣ помоги». И такъ, понемногу, понемногу собрали мы 5 тысячъ и выстроили зданіе. Ужъ сколько хлопотъ было о. Василію съ этой постройкой — страсть! Другой и за своимъ собственнымъ столько не приметъ. Построилъ, Законъ Божій безплатно преподаетъ; мало этого, въ чемъ нужда, своими деньгами приплачивается. Какъ вдругъ назначаютъ къ намъ другого священника въ помощь изъ деревни, по протекціи, вѣроятно; и взъѣлся онъ на о. Василія: «Я старше годами, мнѣ слѣдуетъ суммами церковными завѣдывать и читать самъ въ школѣ буду!..» Не знаю, чѣмъ все это кончится... Завтра къ школьному попечителю пойду,—честнымъ людямъ нужно безпремѣнно другъ дружку поддерживать!»

— Это правда,—сказала я,—а на комъ вы женаты?

— На вашей ученицѣ, Х. Д.

И онъ назвалъ знакомую мнѣ фамилію. «Она 5 лѣтъ ходила къ вамъ въ школу и хорошо научилась читать и писать. Конечно, Маріинскія гимназіи не для насъ, не по нашему состоянію; если бы не ваша школа, Богъ знаетъ, гдѣ бы и научиться! А теперь дѣвочка у насъ 5-й годъ—сама учить собирается... Знаете, что я вамъ скажу, Х. Д., если научите вы пятерыхъ дѣвушекъ,—это все равно, что вы 25 человѣкъ выучили, вѣдь дѣти у нихъ будутъ. Вотъ и мнѣ моя говоритъ: «Ты бы школу устроилъ въ той деревнѣ, гдѣ родился!..» —«Кумъ!—обратился онъ къ хозяину,—въ нашей Никитовкѣ, если тутъ дѣльце одно выгоритъ, непремѣнно устрою!.. А недавно на 15 рублей книжечекъ туда послалъ—солдатикъ тамъ учитъ, только плохо учитъ. На что я самъ неученъ, а понимаю, что плохо. Тамъ ли школѣ не быть: семьсотъ человѣкъ жителей, а, можетъ, теперь и больше. Вѣдь и съ нихъ что-нибудь можно собрать, если бы первый только устроитель нашелся».

Этотъ длинный сюртукъ и эта простая, горячая, разумная рѣчь настолько казались мнѣ трогательными, что я просто не могла говорить, боясь слезъ; я только думала... И вспомнился мнѣ почему-то одинъ педагогъ-педантъ, который назойливо приставалъ въ одномъ изъ нашихъ собраній къ намъ съ вопросомъ: «Выясните мнѣ цѣль воскресной школы!» Показала бы я ему этого простолюдина и спросила бы: «Теперь понимаете?»

20 апрѣля 1881 года.

Въ субботу Е. А. Шуствальдъ зашла заявить мнѣ, что она уѣзжаетъ на мѣсто и проситъ позаботиться пристроить ея группу. Она была очень грустна и, видимо, съ трудомъ удерживалась отъ слезъ, которыя подступили уже къ глазамъ. Я спросила, что сказать отъ нея ученицамъ. Она отвѣчала, что сама зайдетъ на минутку проститься.

Придя вчера въ школу и встрѣтивши по обыкновенію массу маленькихъ школьныхъ хлопотъ, вопросовъ и недоразумѣній, я позабыла о нашемъ школьномъ горѣ. Надо было заявить всѣмъ учительницамъ, что сейчасъ начнется

образцовый урокъ Н. М. Власовскаго, и я спустилась въ нижній этажъ. Войдя во вторую комнату, я увидала странное, поразившее меня зрѣлище: двѣ скамьи взрослыхъ ученицъ рыдали навзрыдъ. Слезы ребенка не такъ поражаютъ, какъ слезы взрослаго человѣка,—дѣти чаще плачутъ. Я страшно перепугалась: мнѣ вдругъ почудилось какое-то несчастіе, но какое именно—я не могла опредѣлить въ эту минуту.

— Что случилось? — спросила я тревожно.

— Евлампія Александровна... — начала одна изъ ученицъ, всхлипывая, и не могла кончить отъ рыданій, но я, конечно, все поняла.

Е. А. уже не было въ классѣ; я встрѣтила ее въ передней. Она тоже ничего не могла говорить отъ слезъ и молча пожала мнѣ руку.

— Вотъ высшая нравственная награда, которую учительница можетъ получить за свой трудъ!—сказала я, указывая на ея комнату.

Простившись съ Е. А., я возвратилась въ верхній этажъ, позабыла объ образцовомъ урокѣ, сѣла въ музеѣ и невольно задумалась. Мнѣ думалось: «Нравственная связь учительницъ и ученицъ воскресной школы не такъ ничтожна, какъ предполагаютъ нѣкоторые. Человѣкъ, вызывающій рыданія при разлукѣ, непремѣнно можетъ и долженъ имѣть вліяніе: его любятъ, ему вѣрятъ, его оплакиваютъ. Правда, у насъ мало времени, но, вѣроятно, нравственное сближеніе измѣряется не количествомъ, а качествомъ. Можно молчать или говорить вздоръ цѣлые дни и недѣли и можно такъ проникнуться желаніемъ дать человѣку добро, вложить въ него свои идеалы, свои вѣрованія, что эти 4 часа въ недѣлю окажутся плодотворнѣе 4 дней и 4 недѣль»...

Изъ моего раздумья меня вывелъ преподаватель, которому была поручена группа Е. А. Онъ пришелъ посовѣтоваться, отпустить ли ученицъ, по ихъ просьбѣ, проводить учительницу. Разумѣется, рѣшили отпустить.

Къ 4 часу, къ уроку по Закону Божію, я встрѣтила снова ученицъ Е. А. на лѣстницѣ, спѣшащихъ въ верхній этажъ. Глаза у нихъ были красны и припухли отъ слезъ,

но выраженіе лицъ было положительно веселое. Меня удивила такая быстрая перемѣна.

— Что, проводили?—спросила я.

— Какъ же!—отвѣчала та же высокая дѣвушка, которая прежде не могла выговорить слова отъ рыданій.—Только онѣ обѣщали пріѣхать въ сентябрѣ непремѣнно!

Ея некрасивое лицо окончательно просіяло въ эту минуту.

По окончаніи школы тотъ же преподаватель подошелъ ко мнѣ и сказалъ серьезно: «Однако, какъ хорошо была ведена группа Е. А!.. Какіе бойкіе отвѣты при чтеніи, какое толковое усвоеніе ариѳметическихъ правилъ! Во всемъ видно самое добросовѣстное отношеніе къ дѣлу». Я выслушала и не удивилась.

1 января 1885 года.

Недавно зашелъ ко мнѣ одинъ знакомый пожилой господинъ. Онъ не педагогъ, но давно зналъ школу и интересовался ею въ качествѣ земскаго дѣятеля. Это было на Новый годъ. Въ то время, какъ онъ сидѣлъ у меня, мнѣ сказали, что меня желаетъ видѣть бывшая ученица школы Климова. Я очень хорошо помнила и лицо, и фамилію, и характеристику этой бывшей ученицы, хотя и потеряла ее на нѣсколько лѣтъ изъ виду. Я помнила, что это была дочь сторожа Государственнаго банка, некрасивая, но симпатичная и умная дѣвочка, очень настойчивая въ своихъ занятіяхъ по школѣ, но что сталось съ ней потомъ, я не знала, хотя она мнѣ и говорила какъ-то впослѣдствіи о своемъ намѣреніи поступить на фельдшерскіе курсы. «Просите», сказала я и быстро пошла навстрѣчу.

Передо мною стояла молодая женщина весьма прилично одѣтая съ блѣднымъ, худощавымъ лицомъ, носящимъ на себѣ отпечатокъ не то усиленнаго труда, не то задумчивости.

— Не удивляйтесь, Христина Даниловна, что я пришла къ вамъ въ такой торжественный день,—сказала она съ чувствомъ,—я не отниму у васъ много времени; я пришла къ вамъ не просить, какъ приходятъ къ вамъ иные,—мнѣ

просто невыразимо захотѣлось сообщить вамъ именно въ этотъ торжественный день, что я, бывшая ученица вашей школы, окончила фельдшерскіе курсы, имѣю практику, вышла замужъ за порядочнаго человѣка, имѣю маленькую дочь и вполнѣ счастлива. Впрочемъ, есть у меня къ вамъ просьба: подарите мнѣ вашу карточку. Иногда разговорюсь о школѣ, о васъ, и такъ хотѣлось бы показать васъ хоть на карточкѣ.

Я очень была тронута этой искренней рѣчью, подарила Климовой свою карточку, и черезъ нѣсколько минутъ она ушла.

Мой знакомый былъ невольнымъ свидѣтелемъ всей этой сцены.

— Неужели вы не записываете подобнаго рода фактовъ?—сказалъ онъ мнѣ горячо.—Вѣдь это просто грѣшно. Что значитъ ваша голая статистика въ сравненіи съ подобнаго рода отрадными явленіями: они характеризуютъ и жизнь, и вліяніе школы. Живя на Сумской улицѣ, я волею-неволею встрѣчаю по воскресеньямъ толпы вашихъ ученицъ, идущихъ въ школу и изъ школы, и увѣряю васъ, на нихъ лежитъ особенная печать порядочности и серьезности; онѣ не разглядываютъ по сторонамъ, ихъ не затрагиваютъ, книга въ рукахъ будто гарантируетъ ихъ отъ пошлости городской улицы. Дайте мнѣ слово, что фактъ, который сейчасъ совершился у меня на глазахъ, послужитъ первымъ камнемъ къ основанію осмысленной статистики.

Я не дала ему слова, но разсказала ему еще нѣсколько фактовъ, отъ которыхъ онъ пришелъ въ полнѣйшій восторгъ. Вотъ они:

Два-три года тому назадъ между нами появилась новая учительница, симпатичная молодая дѣвушка лѣтъ 22 — 23. Она получила группу и самымъ добросовѣстнымъ образомъ относилась къ занятіямъ своимъ. Всѣ уважали въ ней добраго и честнаго сотоварища по дѣлу, но ни съ кѣмъ она не сближалась особенно, за исключеніемъ NN, которая и выдала намъ ея тайну.

Учительница лѣтъ 10—11 тому назадъ была ученицей воскресной школы. Она молчала объ этомъ, потому что ей не хотѣлось рисоваться своимъ прошлымъ и обращать вниманіе на себя, но часто, при взглядѣ на эти скамьи, столы, книги, на лица старыхъ учительницъ, ей вдругъ припоминалось, какъ и она была въ толпѣ этихъ дѣтей, какъ выдавали ей ту же книгу, и тѣ же ласковые глаза смотрѣли на нее. Богъ знаетъ, не тогда ли упало въ эту юную душу первое сѣмя любознательности, не оно ли вывело ее на дорогу, не оно ли привело ее теперь въ школу развитою и образованною дѣвушкою! Если это такъ, то какъ должна школа гордиться ею и какъ она должна гордиться школою, въ которой она стоитъ теперь равноправнымъ членомъ корпораціи!..

Еще случай: лѣтъ 7—8 назадъ въ школу поступила маленькая дѣвочка Б..., дочь повара хозяйки дома, въ которомъ мы тогда квартировали. Она пробыла у насъ 2—3 года, затѣмъ, какъ слышала я, отецъ отдалъ ее въ приготовительный классъ гимназіи. Мы перешли на другую квартиру. и я потеряла ее изъ виду. Прошло много лѣтъ. Однажды, дочь моя, возвратившись домой изъ гимназіи, сказала мнѣ оживленно: «Ахъ, мама, если бы ты слышала, какъ сегодня одна изъ спеціалистокъ читала у насъ пробный урокъ! Всѣ пришли въ восторгъ!»

— Какъ же ея фамилія?—спросила я машинально.

Она назвала Б... На другой день я удостовѣрилась, что это была, дѣйствительно, она, а два года спустя я услышала, что она вышла замужъ, поселилась въ деревнѣ и открыла школу.

Да, это отрадные факты, и я дала, наконецъ, слово своему знакомому записать ихъ въ лѣтописи школьной жизни. А что же вы молчите о фактахъ противоположнаго свойства, вѣдь и они есть? спросятъ меня. Да, они тоже есть, отвѣчу я печально, но, чтобы не обезсилѣть подъ ихъ гнетомъ и не опускать безнадежно руки, будемъ лелѣять въ себѣ воспоминанія о тѣхъ свѣтлыхъ сторонахъ школьной жизни, которыя согрѣваютъ душу и вселяютъ въ нее бодрость и энергію...

27 января 1885 года.

Въ музей вошла женщина лѣтъ за 30, въ огромной заячьей шубѣ и пестромъ шалевомъ платкѣ на головѣ. Она имѣла видъ зажиточной мѣщанки-хозяйки. Ея некрасивое, рябое лицо освѣщала добрая многозначительная улыбка, а глаза искали, казалось, кого-то въ толпѣ. Я быстро пошла къ ней навстрѣчу.

— Христина Даниловна!—произнесла она радостно.—Я ваша ученица, помните?

И она назвала фамилію.

Правду сказать, я не могла припомнить ни ея лица, ни ея фамиліи.

— Забыли!—продолжала она тономъ, желающимъ выручить меня изъ неловкаго положенія.—Мудренаго мало, куды жъ вамъ помнить всѣхъ! Сколько, можетъ, сотенъ перевернулось насъ передъ вашими глазами, а вы все одна—можно забыть! Да и лѣтъ немало прошло, я вотъ уже, слава Богу, одиннадцатый годъ замужемъ. Дѣвочекъ вамъ своихъ учиться привела.

— Дочерей?—спросила я.

— Нѣтъ, дочери еще малы, чтобы васъ безпокоить, я сама пока ихъ немножко пріучаю, а вотъ дѣвушки-работницы живутъ у насъ—въ шитьѣ мнѣ помогаютъ: чѣмъ баловаться, пусть лучше въ школу ходятъ, я имъ худа не посовѣтую!

И она указала на двухъ взрослыхъ дѣвушекъ: одну—очень высокую, весьма скромнаго вида, другую—низенькую, толстенькую, съ жирнымъ улыбающимся деревенскимъ лицомъ.

— Что жъ, можетъ-быть, вы желаете, а они сами не имѣютъ охоты къ ученью?—спросила я.

— Какъ можно!—возразила горячо хозяйка.—Какого же успѣха ждать безъ собственнаго желанія! Просто спятъ и видятъ школу, особенно, какъ я имъ начну разсказывать, и вы ужъ будьте спокойны насчетъ аккуратности, лучше сама что додѣлаю въ воскресенье, а ихъ отпущу. По себѣ

знаю, какъ пропускать школу! Бывало, не отпуститъ хозяйка, не пойдешь два, три раза, подруги-то твои куды впередъ выучили; сидишь какъ въ лѣсу, и ведутъ тебя къ другой учительницѣ, ужъ и нѣтъ этого хуже... и стыдно, и къ старой привычку имѣешь, и вины за собою никакой не чувствуешь... я неразъ черезъ это плакала... Ну, такъ, значитъ, могу я ихъ оставить?

— Можете!—отвѣчала я.

Хозяйка нагнулась къ уху низенькой дѣвушки и что-то шептала ей. Я не могла слышать словъ, но лицо выражало чисто материнскую заботу.

— Съ тѣмъ до свиданія!—обратилась она ко мнѣ.— Ужъ вы, пожалуйста, жалѣйте нашихъ дѣвушекъ — онѣ тутъ, въ городѣ, все равно, что сироты!

— Будемъ жалѣть!—сказала я искренно и горячо поцѣловалась съ этимъ рябымъ и некрасивымъ лицомъ.

1 апрѣля 1889 года.

Въ третьей комнатѣ верхняго этажа происходила спѣвка, а въ смежномъ съ нею классѣ задержались 3—4 дѣвочки съ очевиднымъ намѣреніемъ послушать, какъ поютъ подруги. Школьныя правила, преслѣдуя законы порядка, запрещаютъ, собственно говоря, такого рода своеволіе, но мнѣ казалось оно довольно невиннымъ, и я, игнорируя присутствіе дѣтей, приводила въ музеѣ въ порядокъ школьныя вещи.

Кончилась спѣвка, и вся эта шумная и веселая толпа пѣвчихъ наполнила прихожую, смѣясь и разговаривая. И вдругъ среди этого веселаго смѣха я услышала чьи-то сдержанныя всхлипыванья. Толпа моментально притихла, и слово «украдена» непріятно поразило мой слухъ. Всхлипывала взрослая дѣвушка, давнишняя ученица школы; остальныя печально и участливо смотрѣли на нее. Маленькія дѣвочки, какъ оказалось, исчезли до окончанія спѣвки, двѣ раньше, а третья, бѣленькая, съ веснушками, дочь полицейскаго, съ извѣстными ученицамъ именемъ и фамиліей, только что спустилась съ лѣстницы, и вновь при-

шедшая въ школу учительница видѣла даже, какъ на послѣдней ступенькѣ лѣстницы эта маленькая, бѣленькая дѣвочка въ веснушкахъ надѣла на себя сперва довольно элегантную черную кашемировую кофточку, очевидно, со взрослаго человѣка, и затѣмъ уже еле напялила свое старенькое пальто. Улики были очевидны.

Есть люди, умѣющіе прощать и проникаться сostраданьемъ къ порочному ребенку. Они внимательно и терпѣливо разсматриваютъ поступокъ со всѣхъ сторонъ и, если и приходятъ, въ концѣ-концовъ, къ карающему рѣшенію, то какъ-то спокойно и благоразумно, съ полнымъ сознаніемъ совершеннаго долга. Не то бываетъ со мной: порокъ возмущаетъ меня обыкновенно до глубины души, какъ и при какихъ обстоятельствахъ ни проявился бы онъ. Во мнѣ нѣтъ вопроса, равная ли это борьба и нѣтъ ли въ дѣлѣ смягчающихъ обстоятельствъ. Я чувствую только, что я должна карать зло неотступно и неотложно, во что бы то ни стало. Такъ было и тутъ. По моей просьбѣ одинъ изъ участниковъ школы взялъ тотчасъ извозчика съ намѣреніемъ поѣхать къ родителямъ воровки, а вечеромъ въ собраніи я говорила горячо и страстно о необходимости выключить маленькую преступницу во избѣжаніе какъ ея пагубнаго вліянія на другихъ дѣтей, такъ и во имя безопасности имущества ея бѣдныхъ сотоварокъ по школѣ; я говорила, что ее необходимо принести въ жертву для примѣра другимъ, что воспитательное вліяніе школы не можетъ простираться такъ далеко, что воскресная школа не есть исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ, и что для того, чтобы исправить порочнаго ребенка, недостаточно разъ въ недѣлю видѣться съ нимъ, оставляя его шесть дней все въ той же неблагопріятной, по всей вѣроятности, обстановкѣ. Мнѣ возражали также горячо и убѣдительно, но вопросъ былъ рѣшенъ въ мою пользу незначительнымъ большинствомъ голосовъ.

На другой день утромъ мнѣ сказали, что на парадномъ ходѣ въ сѣняхъ меня спрашиваетъ какая-то женщина съ дѣвочкой. Въ залѣ шелъ урокъ семейной школы, и потому я поспѣшила выйти къ ней въ сѣни. Передо мной

стояла худощавая женщина маленькаго роста, какъ двѣ капли воды, похожая на бѣленькую дѣвочку, а рядомъ съ нею моя старая знакомка. Женщина тихо плакала, а дѣвочка смотрѣла на меня смѣло въ упоръ. Меня взбѣсила эта закоренѣлость въ ребенкѣ, и я, усиливаясь не смотрѣть на плачущую женщину, обрушилась всѣмъ своимъ гнѣвомъ на маленькую дѣвочку.

Съ похолодѣвшими руками, дрожащимъ голосомъ я объясняла ей весь ужасъ ея поступка, рисовала картины будущаго исключенія изъ школы, острогъ, если она не исправится и не сознается сейчасъ же въ своемъ проступкѣ.

Дѣвочка попрежнему въ упоръ смотрѣла на меня и, вдругъ страшно поблѣднѣвъ, бросилась съ рыданіемъ къ матери. Мать отвѣчала ей такимъ же рыданіемъ и, обратившись ко мнѣ, начала говорить, прерывая свою рѣчь всхлипываніями: «Давеча панычъ не дождался ея, — къ теткѣ, говоритъ, заходила... никогда съ нею у насъ этого не было... и хоть бы созналась!.. Ужъ какъ я ее просила... Отецъ узнаетъ, хуже будетъ: онъ у насъ строгій, страсть,— убьетъ онъ ее... Убьетъ онъ ее!» повторила женщина снова и, рыдая, повалилась въ ноги. Подражая примѣру матери, дѣвочка тоже припала къ моимъ ногамъ.

— Не я, ей Богу, не я! Не буду,—повторяла она, вздрагивая своимъ худенькимъ тѣломъ.

Я опустилась на деревянную скамейку, стоявшую въ сѣняхъ, и тоже рыдала. Увидѣвъ эти слезы, дѣвочка вдругъ оправилась и стала робко смотрѣть на меня. Я подозвала ее къ себѣ, посадила рядомъ и, еле выговаривая слова, стала умолять сознаться въ кражѣ. Мнѣ казалось въ эту минуту, что въ этомъ сознаніи заключается все будущее благо ребенка. Мать стала горячо и со слезами просить ее о томъ же. Нервы дѣвочки, очевидно, не выдержали, и она опять начала всхлипывать и повторять какъ-то безсознательно: «Не я, ей Богу, не я! Не буду!..»

Рѣшили оставить это дѣло до завтра, чтобы навести кое-какія справки, и убитая горемъ мать повела за руку домой рыдающую дѣвочку.

Я возвратилась въ залу вся измученная и расшатанная душевно, но вседневныя заботы скоро, по обыкновенію, захватили меня. Пришелъ почталіонъ съ интересными письмами, позвали обѣдать, пришли гости и незамѣтно подошла ночь. И вотъ, когда я легла въ постель съ намѣреніемъ уснуть, передо мной ярко нарисовалась такая картина: на окраинѣ города, въ полуосвѣщенной хатѣ, суровый отецъ - полицейскій колотитъ маленькую, худенькую дѣвочку, а та все тише и тише повторяетъ слабѣющимъ голосомъ: «Не я, ей Богу, не я! Не буду!..»

— Убилъ!—вскрикиваетъ, наконецъ, женщина, похожая на дѣвочку, и съ воплемъ бросается къ трупу ея...

«Зачѣмъ, о, зачѣмъ подняла я эту исторію!» взываю я, съ отчаяніемъ ломая руки, и быстро начинаю одѣваться, чтобы ѣхать туда, на окраину, и спасти этого ребенка. Но меня удерживаютъ, мнѣ говорятъ, что это сумасшествіе, что уже два часа ночи, что я въ жару. Да, я, дѣйствительно, больна и провожу остальную часть ночи въ безпамятствѣ.

Утромъ мнѣ говорятъ опять, что меня ждетъ женщина съ дѣвочкой. Съ радостно бьющимся сердцемъ я выхожу къ нимъ. Мнѣ не нужно больше ни уликъ, ни сознанія: она жива, она здѣсь. «Она не будетъ», говорю я ей, лаская ее и плача вмѣстѣ съ ней. И мы встрѣчаемся въ школѣ въ воскресенье, какъ давнишніе друзья, многозначительно поглядывая другъ на друга и даже улыбаясь. У насъ есть тайна, сблизившая насъ, у насъ было горе, сдѣлавшее насъ родными.

Съ тѣхъ поръ проходитъ годъ. Потерпѣвшая дѣвушка давно уже справила себѣ кофточку на взнесенныя мною деньги. Всѣ позабыли объ этомъ незначительномъ случаѣ, и никто не узнаетъ даже провинившейся дѣвочки въ этой маленькой, бѣленькой ученицѣ, такъ похожей на другихъ. Одна только я вижу, какъ по окончаніи классовъ эта маленькая, бѣленькая дѣвочка быстро обѣгаетъ ихъ, заглядывая по угламъ и подъ партами, и почти всегда приноситъ мнѣ съ торжествующимъ видомъ то позабытую кѣмъ-либо книгу, то карандашъ, то платочекъ, прося возвратить

это по принадлежности. Ей, видимо, невыразимо хочется заслужить мое полное довѣріе, и когда я поручаю поберечь ей мой саквояжъ съ кошелькомъ или даю отнести мои вещи, лицо ея всегда сіяетъ радостью. Она не хочетъ обыкновенно пересказывать прочитанныя книги никому, кромѣ меня, какъ долго бы ни приходилось ей ждать этого счастья, и, какъ поздно бы ни возвращалась я изъ школы, она непремѣнно провожаетъ меня.

Съ тѣхъ поръ въ школѣ не было, слава Богу, ни одной пропажи, а если и будетъ, я буду твердо увѣрена, что виновата не она.

5 апрѣля 1889 г.

Незадолго до нашего школьнаго праздника, на Святой, я узнала, что одна изъ нашихъ учительницъ воскресной школы при смерти, больна; хроническая болѣзнь сердца приняла на этотъ разъ особенно рѣзкій характеръ, и медики не ручаются за жизнь.

Мнѣ очень нездоровилось въ этотъ день, но желаніе навѣстить больную превозмогло это нездоровье, и я пошла къ ней. Въ маленькой комнатѣ, на узенькой кровати я увидѣла больную; голова ея была закинута нѣсколько назадъ, а исхудалыя руки протянуты сверхъ одѣяла. Правильныя черты ея лица, какъ бы отточенныя болѣзнью, были прекрасны и напоминали прежнюю безвременно увядшую красоту. Щеки были покрыты зловѣщимъ румянцемъ, глаза полуоткрыты. Очевидно, она была въ забытьи.

Услышавши мой голосъ, она широко открыла глаза и съ пылающими щеками заговорила бодро, точно совсѣмъ здоровый человѣкъ: «Христина Даниловна! На-дняхъ у насъ праздникъ, раздача книгъ. Хорошо, если я выздоровлю и сама приду выбрать ихъ, а если нѣтъ, ради Бога, выберите получше, особенно Дудоревой и Бѣлогуровой. Если бы вы знали, какія это хорошія дѣвочки! Такъ, пожалуйста, не забудьте—Дудорева и Бѣлогурова, Дудорева и Бѣлогурова, повторяла она слабѣющимъ голосомъ, и голова ея снова откинулась на подушку, а лицо искривилось страдальче-

скимъ выраженіемъ отъ ощущенія какой-то невыносимой боли.

Нервы мои были слишкомъ напряжены, и я поспѣшно вышла на улицу.

«Дудорева и Бѣлогурова, Дудорева и Бѣлогурова»... повторяла я какъ-то машинально, и рыданія сжимали мнѣ горло...

17 апрѣля 1889 г.

Мнѣ пришли сказать, что въ передней ждетъ меня какая-то женщина. Я вышла и увидѣла знакомую худощавую фигуру пожилой дѣвушки, бывшей ученицы А. М. Калмыковой.

Опустившись безсильно на стулъ и закрывъ лицо платкомъ, она горько плакала. Ея сутуловатыя плечи подергивались отъ рыданій, и по блѣдному лицу пробѣгала нервная судорога.

— Что съ вами?—съ участіемъ спросила я, быстро подходя къ ней и предположивъ какое-либо личное горе.

Нѣсколько минутъ отвѣта не было; наконецъ, съ трудомъ осиливъ себя, она проговорила отрывисто и не договаривая словъ: «Александр... Михайл... мужъ... померъ... прочла въ газетѣ»...

Я стояла передъ ней молча. «Кто изъ насъ, интеллигентныхъ людей, встрѣтилъ съ такою отзывчивостью эту роковую вѣсть?» думала я, глядя съ благоговѣніемъ на эти слезы.

«А Андреечка... сынъ... вѣдь онъ славный такой... я бывала у нихъ, видѣла, какъ онъ любилъ отца... перенесетъ ли онъ... вѣдь онъ у нея одинъ!»

И новый приступъ рыданій прервалъ слова плачущей женщины.

Я стала успокаивать ее и утѣшать, какъ могла.

Силясь, очевидно, совладать съ собою, она продолжала дрожащимъ голосомъ: «Прочла я это нынче утромъ въ газетѣ (она же меня и читать научила), и такая меня тоска взяла, куда бъ дѣлась! пошла на кладбище,—думала легче

станетъ, бродила, бродила по кладбищу, вижу—склепъ кому-то заготовляютъ, подошла и спрашиваю: «кому это?» «— А это господина одного изъ Италіи привезутъ», отвѣчали мнѣ. «Вѣрно жъ, это его», подумала я, и такъ у меня ажъ сердце затрепетало, какъ представила я, что, можетъ-быть, увижу Александру Михайловну. Съ 8 февраля отъ нихъ никакого извѣстія не имѣла, а 8 онѣ мнѣ писали, что ѣдутъ въ Ниццу. Съ тѣхъ поръ — ни слова. Иду я съ кладбища, горько плачу, люди смотрятъ на меня, думаютъ: «Вѣрно, родственникъ какой-нибудь померъ, а у меня, одинокой, даже и на кладбищѣ родни никакой нѣтъ».

Я заявила ей, что ѣду завтра въ Петербургъ, и предложила передать письмо Александрѣ Михайловнѣ.

— А когда отходитъ поѣздъ?—спросила она меня.

— Въ шесть часовъ вечера,—отвѣчала я ей.

— Ну, хорошо, — продолжала она, какъ бы думая вслухъ. — Пойду я теперь домой и буду писать письмо до самаго завтрашняго вечера; вѣдь я плохо пишу, не скоро... прямо на вокзалъ вамъ его принесу.

«Выльетъ ли она свою грусть въ этомъ малограмотномъ письмѣ и выразитъ ли въ нескладныхъ фразахъ степень отзывчивости своей прекрасной души?» думала я, прощаясь съ ней.

Надо замѣтить, что А. М. Калмыкова уѣхала изъ Харькова 4 года тому назадъ, хотя, впрочемъ, ученица и прибѣгала повидаться съ ней во время ея проѣзда черезъ Харьковъ въ прошломъ году.

Къ вечеру оказалось, однако, что у малограмотной писательницы не хватило пороху писать письмо два дня сряду: въ сумерки она принесла мнѣ запечатанный конвертъ большого формата, на которомъ былъ тщательно выведенъ адресъ.

10 ноября 1891 г.

Вопросъ объ отказѣ малолѣтнимъ продолжаетъ терзать насъ. Срокъ пріема окончился, мѣстъ нѣтъ, въ звуковой группѣ прошли уже значительную часть алфавита, а онѣ

прибываютъ и прибываютъ въ школу цѣлыми толпами, точно волны къ любимымъ берегамъ, и никакъ ума не приложить, что съ этимъ дѣлать. Но и тутъ, какъ вездѣ въ жизни, бываютъ свои удачники и неудачники: одна тронула слезами, другую удалось внѣдрить на мѣсто ученицы, пропустившей нынѣшній разъ, ввиду соображенія, что въ каждое данное воскресенье возможенъ случай пропуска, третью привелъ отецъ и просилъ за нее такъ трогательно, что не хватило духа отказать, причемъ произносилось почти безнадежно: «Ужъ гдѣ-нибудь нужно ее посадить!» четвертая, благодаря своему росту, выглядѣла немножко постарше другихъ и т. д. И вотъ въ то время, какъ эти удачники стоятъ съ зелеными билетиками въ рукахъ и съ торжествующими лицами, неудачники уныло бредутъ домой или съ какимъ-то безнадежнымъ упрямствомъ остаются въ той же передней, отодвигаясь на задній планъ и какъ бы не желая понять тѣхъ рѣшительныхъ и безповоротныхъ словъ отказа, которыя сказаны имъ.

Передъ столомъ, накрытымъ зеленой скатертью, на которомъ ведется запись поступающихъ, стоятъ двѣ маленькихъ дѣвочки въ новенькихъ шубкахъ и красныхъ вязаныхъ капорахъ. Онѣ—близнецы и такъ похожи другъ на друга, что вамъ кажется, будто у васъ двоится въ глазахъ. Дѣвочки, очевидно, очень сконфужены: ихъ покраснѣвшія щеки соперничаютъ яркостью цвѣта съ капорами, большіе черные глаза неподвижно смотрятъ на учительницу, какъ бы не смѣя сморгнуть,—они выражаютъ недоумѣніе, почти испугъ. Желая ободрить ихъ и добиться отвѣта, учительница старается на всѣ лады разнообразить вопросы, необходимые для статистики. «Чьи вы? Кто вашъ папаша? Гдѣ онъ служитъ? Чѣмъ онъ занимается?» говоритъ она ласково. Дѣти молчатъ. Вѣроятно, мечтая о школѣ, они воображали, что стоитъ имъ переступить порогъ, какъ ихъ сейчасъ посадятъ на школьную скамейку, дадутъ имъ книгу съ картинками и станутъ учить. И вдругъ вмѣсто этого какіе-то вопросы о томъ, кто папаша и мамаша, чѣмъ они занимаются и т. д.

Наклонясь къ учительницѣ такъ, чтобы дѣти не слыхали, я говорю ей: «И малы, и, видимо, не развиты, а главное эти щегольскіе шубки и капоры! Почему бы имъ не учиться въ ежедневной школѣ, платя хотя бы по рублю въ мѣсяцъ!» Наконецъ, кое-какъ добиваемся, что мать ихъ прачка, отецъ разноситъ повѣстки въ управѣ, а въ школу привела ихъ одна изъ нашихъ ученицъ, которая занимается теперь въ классѣ, и обнадежила, что ихъ примутъ непремѣнно. Рѣшено было подождать перемѣны и освѣдомиться, что дало поводъ этой дѣвушкѣ такъ положительно ручаться за пріемъ въ школѣ. Настала перемѣна. Завѣдующая распредѣленіемъ группъ ушла съ счастливыми зелеными билетиками въ классы, а передо мной стояли близнецы съ своею покровительницей. Но каково же было мое удивленіе, когда вмѣсто взрослой дѣвушки, которую поджидала я, я увидѣла такую же крошечную дѣвочку, которая спокойно и солидно держала близнецовъ за руки. Лицо дѣвочки было серьезно и въ то же время весело, большіе сѣрые глаза смотрѣли бойко и смѣло. «За что жъ это вы ихъ не принимаете, Христина Даниловна?» спросила она меня учтиво и глядя прямо въ упоръ.—«Точно ты не знаешь,—отвѣчала я ей въ тонъ,—что пріемъ малолѣтнихъ окончился еще въ октябрѣ!»

— А меня самое давно ли вы приняли, да и не меня одну, а многихъ!—продолжала она тѣмъ же настойчивымъ тономъ.—Какъ же можно,—я ихъ мамашу обнадежила, какъ же я теперь покажусь ей на глаза?

Дѣвочка положительно вовлекаетъ меня въ разговоръ, помимо моей собственной воли, и мнѣ хочется оправдаться передъ нею.

— Мало чего, — говорю я ей, — а у нихъ вонъ мама прачка, отецъ разсыльный, оба зарабатываютъ, ихъ только два, почему бы не отдать учиться по буднямъ за плату? Погляди, вонъ какіе на нихъ шубки и капоры!

— Эхъ, Христина Даниловна! — говоритъ маленькая женщина совсѣмъ уже дѣловымъ тономъ.—Развѣ можно въ чужомъ карманѣ считать? Мамаша ихъ бьется, бьется съ утра до вечера, едва на харчи зарабатываетъ, а папаша

тоже... велико ли его жалованье! А дороговизна нынче на базарѣ такая, что не дай Богъ!.. А что эти шубки, такъ ихъ тоже изъ стараго пальто справили, чтобъ въ школу приличнѣе было пойти, а капоры сама ихняя мамаша связала, только шерсти купила. Я жъ съ ними на одномъ дворѣ живу, такъ знаю!

Я не нахожу въ себѣ больше возраженій. Вѣроятно, подмѣтивши это, маленькая женщина, подвигаясь ко мнѣ и похлопывая меня фамильярно по рукѣ, говоритъ дружески:

— Ну, ужъ нечего, нечего, записывайте да и только!

— Велитъ принимать!—говорю я весело возвратившейся учительницѣ.

Близнецы приняты, красные капоры тонутъ гдѣ-то въ классной толпѣ съ своей покровительницей, а передняя все-таки полна еще алчущими и жаждущими свѣта съ унылыми личиками и глазами, полными слезъ.

— Я не могу, идите сами имъ отказывать!—говоритъ мнѣ завѣдующая пріемомъ почти сурово, но я хорошо понимаю источникъ этой суровости и иду уговаривать дѣтей уходить домой, утѣшая ихъ далекой надеждой на сентябрь мѣсяцъ будущей осени.

20 ноября 1892 г.

Проходя быстро черезъ нашу домашнюю переднюю, я неожиданно замѣтила на диванчикѣ пожилую женщину, по виду мѣщанку, и совсѣмъ молоденькую дѣвушку, имѣющую видъ скорѣе приличной горничной, чѣмъ барышни. Въ первую минуту я не узнала было пожилой женщины, но довольно было мнѣ взглянуть пристально въ ея добрые каріе глаза и на всю ея худощавую фигуру, чтобы признать въ ней свою ученицу, много лѣтъ назадъ покинувшую школу. Какъ только я приблизилась къ нимъ, пожилая женщина заговорила со мной совсѣмъ просто, по-дружески, улыбаясь своей доброй улыбкой, точно будто между нами не легло того десятка лѣтъ, въ который мы не видались другъ съ другомъ.

— А вотъ я вамъ свою племянницу привела,—заговорила она съ оттѣнкомъ гордости.—Въ обчествѣ (учительницъ и воспитательницъ) ее направляли прямо въ воскресную школу, а я говорю ей: нѣтъ, постой, пойдемъ сперва-наперво къ Христинѣ Даниловнѣ! Пойдешь ты въ школу, никто тамъ тебя не знаетъ, и ты никого не знаешь, а какъ вручу я тебя самой Х. Д.,—это лучше дѣло будетъ. Она тебя и обласкаетъ и наставитъ, все какъ слѣдуетъ.

Я приняла молодую дѣвушку за ученицу. Замѣтивши это, тетка поспѣшила исправить мою ошибку.

— Нѣтъ, вы напрасно такъ о насъ думаете,—заговорила она, весело улыбаясь,—мы окончили гимназію съ серебряною медалью! — И она взяла свертокъ съ аттестатомъ и съ гордостью развернула его передо мною.—Я и школу вашу воскресную тогда изъ-за нея покинула. Какъ умеръ сестринъ мужъ, отставной шевронистъ, сестра-вдова должна была къ намъ съ четырьмя малолѣтними дѣтьми переселиться; эта была старшенькая. Ну, конечно, работы мнѣ вдвое прибавилось; до школы ли тутъ? Я и замужъ черезъ это не пошла. И если есть у меня о чемъ-нибудь память пріятная, такъ это о вашей школѣ; вѣкъ бы не бросила ея, если бъ не такія обстоятельства.

И она начала вспоминать дорогое для нея прошлое; начала разспрашивать меня, гдѣ теперь А. М. Калмыкова, въ группу которой она была передана изъ моей, гдѣ учится сынъ ея Андреечка, что сталося со всѣми моими дѣтьми?

Я охотно отвѣчала на всѣ эти вопросы и разсматривала исподтишка племянницу. Ея свѣжее, молодое лицо сохранило еще совсѣмъ младенческое выраженіе. Она весело и довѣрчиво смотрѣла на меня, увѣренная теткой, что я иначе не могу встрѣтить ее, какъ привѣтомъ.

— Что же, вамъ хочется принять участіе въ нашей воскресной школѣ?—спросила я ее дружелюбно.

— Да, мнѣ такъ скучно дома! — отвѣчала простодушно дѣвушка.—Прежде, бывало, утромъ въ гимназіи, вечеромъ учишь уроки, въ воскресенье возьмешь книгу изъ гимназической библіотеки, а теперь ничего этого нѣтъ, даже книги негдѣ достать. Кромѣ того, я никогда въ жизни не

видѣла ни одной школы, и мнѣ такъ интересно взглянуть на вашу.

Очевидно, вопросъ объ общественной дѣятельности не коснулся еще ума и сердца этого 17-лѣтняго ребенка, и малограмотная тетка, бывшая ученица воскресной школы, стояла ступенью выше въ этомъ отношеніи. «Я ей говорю,— продолжала она оживленно,—если хочешь настоящей учительницей быть, погляди прежде на другихъ, какъ учатъ, какъ занимаются; книжки изъ школы бери; тамъ ихъ тьма-тьмущая, полные шкафы; въ разговоры съ умными людьми вступай, совѣта проси. Вотъ еще у насъ горе насчетъ французскаго и нѣмецкаго языка: некому и не за что было приготовить во-время, а теперь мы провѣдали, что въ «обчествѣ» 2 р. 50 к. берутъ въ мѣсяцъ, чтобы научить по-французски или по-нѣмецки. Ну, ужъ два съ полтиной— не Богъ знаетъ что такое, какъ-нибудь собьемся. По буднямъ будетъ по-нѣмецки учиться, а по воскресеньямъ въ школу вашу ходить. А, впрочемъ, мы мѣшаемъ вашимъ занятіямъ», спохватилась она деликатно и стала прощаться. Мнѣ очень хотѣлось еще посидѣть и поговорить съ этой почтенной личностью, но я знала, что на рукахъ у меня докладъ о звуковыхъ группахъ и отчетъ о моей послѣдней поѣздкѣ въ Петербургъ, которые обязательно должны быть готовы къ понедѣльнику. Простившись съ этими симпатичными людьми, я не могла, однако, взяться ни за докладъ ни за отчетъ, а занесла въ дневникъ эти нѣсколько строкъ. Кромѣ того, меня назойливо преслѣдовала мысль о томъ, что школа наша все больше и больше становится школою учительницъ, и я съ горячей симпатіей думала о той молодой, но опытной въ дѣлахъ общественныхъ дѣвушкѣ, которая задалась цѣлью, помимо многочисленныхъ школьныхъ собраній, приглашать къ себѣ зеленую молодежь и бесѣдовать съ нею о цѣляхъ и задачахъ школы. Въ лицѣ молоденькой учительницы, которая только что сидѣла передо мною, она встрѣтитъ ту дѣвственную почву, на которой можно посѣять многое и многое: пусть не даромъ малограмотная тетка вѣритъ въ силу и значеніе воскресной школы, научившей ее грамотѣ!

27 декабря 1892 года.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ и совѣщаній рѣшено было, что 27 декабря, на третій день Рождества, занятія въ школѣ состоятся, такъ какъ учебныхъ дней у насъ и безъ того мало и слѣдуетъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы увеличить ихъ. Рѣшеніе состоялось, но никто не могъ предвидѣть, что въ четвергъ, наканунѣ Рождества, мы получимъ роковое извѣстіе о смерти инспектора народныхъ училищъ, Ивана Яковлевича Литвинова. Но почему же «роковое?» И что такое въ сущности инспекторъ? Чиновникъ, исполняющій болѣе или менѣе добросовѣстно возложенныя на него обязанности,—официальное лицо, долженствующее слѣдить, съ достаточной ли точностью выполняются въ школѣ всѣ предписанія, распоряженія и правила... И что намъ за дѣло живъ ли онъ или умеръ?.. Не будетъ его, будетъ другой такой же чиновникъ въ синемъ мундирѣ съ серебряными пуговицами и такъ же, какъ и онъ, потребуетъ отчета нашихъ дѣйствій, и мы, какъ и прежде, не побоимся этой отчетности, такъ какъ у насъ все въ порядкѣ, все соотвѣтствуетъ предъявляемымъ къ намъ требованіямъ.

Но почему же вѣсть о кончинѣ И. Я. Литвинова такъ поразила всѣхъ насъ? А потому, что это былъ не только инспекторъ, но и человѣкъ, не только человѣкъ, но и общественный дѣятель,—потому, что при мысли объ утратѣ его, въ воображеніи нашемъ разомъ нарисовалась картина его честной труженической жизни: тамъ, вдали, мы видѣли ребенка, мальчика крестьянской семьи, затѣмъ способнаго и умнаго юношу, выбившагося на дорогу, кормильца родныхъ, затѣмъ скромнаго общественнаго дѣятеля, носящаго кличку инспектора и втихомолку, исподволь согрѣвающаго своимъ дыханіемъ чахлое дѣло народнаго просвѣщенія... Намъ нарисовались тѣ десятки библіотекъ, которыя создалъ онъ изъ ничего при бѣдныхъ сельскихъ школахъ, тѣ сотни народныхъ учительницъ, которыя находили въ немъ поддержку, теплый привѣтъ, ободряющую надежду, посильную помощь. Сколько слезъ прольется надъ

этой свѣжей могилой, скольких поразитъ въ самое сердце дошедшая до нихъ печальная вѣсть! У него нѣтъ семьи, жены, дѣтей, но какъ обширна та семья, которой близокъ и дорогъ онъ, сколько сиротъ оставилъ онъ, покинувши жизнь!.. И слезы эти будутъ литься не въ пышныхъ палатахъ, не на показъ, а въ темныхъ медвѣжьихъ углахъ глухихъ захолустій, никѣмъ не зримыя, втихомолку,—въ тѣхъ углахъ, гдѣ появленіе его, инспектора, не вносило страхъ и трепетъ, а радость, свѣтъ и счастье.

Вѣсть объ его смерти застала меня на именинахъ невѣстки моей Евгеніи Александровны. Все было радостно и весело вокругъ. Посрединѣ комнаты сіяла огоньками красивая ель, вся блестящая и разукрашенная, точно молодая красавица. Центромъ праздника былъ крошечный, весь въ розовомъ ребенокъ, только что вступающій въ жизнь. Няня высоко держала его надъ всѣмъ окружающимъ, и онъ, широко улыбаясь, смотрѣлъ удивленными глазами на всѣ эти невѣдомыя чары. Какой рѣзкій контрастъ представляло собою это розовое улыбающееся дитя и эта мрачная вѣсть! Она какъ-то неожиданно ворвалась въ этотъ пріютъ счастья и омрачила его. Она моментально вытѣснила изъ моего сердца свѣтлый образъ розоваго ребенка и заставила перенестись мыслью въ маленькую, мрачную, одинокую комнату, гдѣ все было такъ печально и грустно. Но въ то время какъ что-то болѣзненно ныло въ душѣ, во мнѣ вдругъ проснулся общественный человѣкъ. «Похороны, процессія, рѣчи, вѣнки»... подумала я и поняла, что невозможно терять времени. Завтра Рождество; въ настоящую минуту 9 ч. вечера; все заперто по случаю преддверья праздника. И если бы не телефонъ, дѣйствующій со сказочной силою, ужъ, конечно, у меня не было бы роскошнаго вѣнка съ бѣлой траурной лентой, на которой крупными буквами было напечатано: «Глубокочтимому общественному дѣятелю отъ учительницъ X. ч. ж. в. школы». И я ѣхала на другой день съ этимъ вѣнкомъ по направленію къ скромному жилищу почившаго труженика.

У воротъ маленькаго низенькаго домика стояли два мальчика въ валенкахъ и башлыкахъ, съ красными отъ

мороза лицами. Очевидно, эти школьники издалека пришли проститься съ покойникомъ, въ то время, какъ сверстники ихъ праздновали Рождество и весело разгуливали въ праздничной компаніи. Но сторожъ-старикъ судилъ по-своему. «Проходите, проходите, Богъ съ вами!—говорилъ онъ отеческимъ тономъ, выпроваживая дѣтей.—Ужъ вы и при жизни-то ему наскучили; довольно онъ съ вами похлопоталъ... да и комната-то маленькая: поставили гробъ—негдѣ повернуться... И хоть бы въ кухню прежде пришли, разспросили, можно ли, а то прямо въ домъ». И дѣти съ унылыми лицами побрели молча обратно.

«О, если бы онъ могъ заговорить,—думала я,—онъ, навѣрное, возвратилъ бы этихъ дѣтей и далъ имъ мѣсто у своего гроба».

Но старичокъ-сторожъ судилъ по-своему. Онъ давно служилъ при покойникѣ. Его старческіе глаза были заплаканы и красны, и морщинистое лицо еще больше съежилось и осунулось. Его суровое выраженіе какъ будто говорило вамъ: «Какимъ образомъ угасъ этотъ здоровый, полный силы человѣкъ, въ то время, какъ я девятый десятокъ лѣтъ влачу свое жалкое существованіе?.. А тутъ еще эти мальчики!»

Комната, дѣйствительно, была маленькая, и все вниманіе наше сосредоточивалось на столѣ и мертвецѣ. Никогда въ жизни я не видала такого одинокаго покойника: ни отца, ни матери, ни жены, ни сестры, ни брата,—никого! Правда, мы узнали, что дано знать въ деревню и что какой-то племянникъ, оставшійся въ живыхъ, плетется теперь, вѣроятно, по санному пути, но и только. Въ передней плачетъ чужая женщина-служанка, въ углу утираетъ слезы старушка-хозяйка, и безкорыстный другъ-профессоръ, возложившій на себя обязанности распорядителя у этого одинокаго гроба, въ веселый день Рождества встрѣчаетъ насъ, также тщетно удерживаясь отъ слезъ. Все это люди чужіе ему, и всѣ они плачутъ. Вѣроятно, каждый, кто сталкивался съ нимъ на жизненномъ пути, не могъ оставаться равнодушнымъ къ этой утратѣ. Но въ комнатѣ все-таки сиротливо и грустно. Мы подходимъ и кладемъ у ногъ его нашъ роскошный

вѣнокъ. Розы, фіалки, незабудки какъ-то разомъ какъ будто освѣщаютъ это скромное жилище, какъ будто говорятъ о тѣхъ чувствахъ симпатіи, любви, уваженія, передъ которыми безсильна смерть, а бѣлая атласная лента извивается широкой полосой, и черныя рельефныя буквы торжественно гласятъ: «Глубокочтимому общественному дѣятелю...»

«Это первый вѣнокъ, а сколько будетъ ихъ потомъ и съ какимъ чистымъ сердцемъ возложатся они на эту свѣжую могилу!» думаю я, возвращаясь домой печальная, но умиротворенная этими думами.

Но что же сломило его, этого гиганта крестьянской семьи, этого крѣпкаго, здороваго человѣка въ 40 лѣтъ? Почему бы не жить ему, не работать, не вносить ту долю блага въ жизнь, въ которой такъ нуждается страждущее человѣчество? «Порокъ сердца», отвѣчаетъ медицина, не входя въ подробности того, какими тревогами жило это сердце и какую смертельную рану нанесла ему жизнь. Помню, это было годъ назадъ. Онъ вошелъ ко мнѣ блѣдный и взволнованный; на немъ, что называется, лица не было.

— Что съ вами, Иванъ Яковлевичъ?—спросила я заботливо.

Онъ тяжело опустился въ кресло и молча подалъ мнѣ офиціальную бумагу. Это былъ циркуляръ о передачѣ школъ въ духовное вѣдомство. Циркуляръ этотъ поразилъ и меня сгоряча въ самое сердце, но я обладаю счастливой способностью приспосабливаться къ жизни, мириться, прощать. Прошелъ годъ,—одинъ только годъ, и я совсѣмъ уже помирилась съ новой реформой. 2—3 привѣтливыхъ письма отъ духовенства, 2—3 церковно-приходскія школы, примѣняющія наши программы, 2—3 священника, фанатически относящихся къ дѣлу, и оптимизмъ мой рисуетъ передо мною самыя радужныя картины. Не таковъ былъ Иванъ Яковлевичъ.

Когда я взглянула тогда на его поблѣднѣвшее, осунувшееся лицо, я невольно подумала:

«Нѣтъ, не пережить ему этой реформы съ его порокомъ сердца», и подѣлилась даже своими наблюденіями съ близкими людьми.

И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ мы не видали его здоровымъ и бодрымъ, какъ прежде. Онъ какъ-то сгорбился, похудѣлъ; исчезла прежняя энергія, сила, и чувствовалась какая-то вялость, индиферентизмъ, когда онъ разговаривалъ съ вами. Но стоило заговорить о новой реформѣ, чтобы его запавшіе глаза загорались гнѣвомъ, поблѣднѣвшія губы подергивала нервная судорога и чтобы онъ горячо и страстно доказывалъ вамъ о силѣ зловреднаго вліянія этой новой реформы. Въ послѣднее время, негодуя, очевидно, на присущій мнѣ оптимизмъ, онъ совсѣмъ бросилъ бывать у насъ—и вдругъ эта вѣсть!..

Профессоръ-другъ разсказывалъ мнѣ о его кончинѣ. Онъ умеръ съ мыслью о нашей школѣ. Въ бреду онъ говорилъ постоянно о нашемъ новомъ планѣ устройства филіальнаго отдѣленія; заботился, гдѣ помѣстить его, кто станетъ во главѣ этого учрежденія, а главное, какъ сдѣлать такъ, чтобы оно не попало въ руки духовенства.

Всѣ свои скудныя сбереженія, все, что имѣлъ онъ, онъ завѣщалъ бѣднѣйшимъ школамъ земства, которое такъ горячо любилъ онъ, и это земство постановило теперь воздвигнуть памятникъ скромному труженику-дѣятелю на нивѣ народнаго образованія.

Фанатизированная мыслью о кончинѣ и погребальной процессіи, долженствующей итти за гробомъ этого человѣка, я готова была бы собрать всѣ школы, всѣхъ учителей и учительницъ, всѣхъ честныхъ людей, чтобы устроить торжественное шествіе. Но сдѣлать этого я, конечно, не могла. Между тѣмъ воскресный день совпалъ какъ разъ съ его похоронами. Прійдя въ школу, я тотчасъ же собрала въ залу учительницъ и учениць и обратилась къ нимъ съ горячими словами, встрѣтившими общее сочувствіе; особенно горячо я разговаривала съ ученицами, которымъ надо было разъяснить все значеніе дѣятельности покойника и всю необходимость вести себя тихо и прилично на этихъ похоронахъ. Въ церковь мы не рѣшились итти, предвидя, что тамъ будетъ толпа, а двинулись стройно и медленно навстрѣчу погребальной процессіи. Въ этомъ скромномъ школьномъ шествіи было нѣчто необычайно

торжественное и трогательное. Полтораста паръ ученицъ тихо и медленно двигались одна за другою въ сопровожденiи 60 учительницъ. Я шла впереди, держа за руку самую маленькую дѣвочку, иррегулируя медлительность шествiя. Какъ вдругъ передо мной, какъ будто изъ земли, выросъ какой-то голубоглазый человѣчекъ и, преграждая дорогу, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Кто позволилъ вамъ итти цѣлой школой за этой процессiей? У кого вы спросили на то разрѣшенiе? Прошу васъ сейчасъ же разстроить все это.

Минута была рѣшительная: этотъ незнакомый человѣкъ былъ новый инспекторъ, пришедшiй на смѣну И. Я. Литвинову. Въ первую минуту у меня болѣзненно сжалось сердце!

«Такъ скоро!—невольно подумала я.—Разстроить!.. Но что подумаютъ о насъ эти дѣти, что скажутъ они родителямъ, возвратясь домой? Какое впечатлѣнiе произведетъ все это на только что поступившихъ къ намъ молодыхъ учительницъ? Какiя, наконецъ, послѣдствiя будетъ имѣть для школы весь этотъ уличный скандалъ?.. Нѣтъ, надо дѣйствовать и дѣйствовать рѣшительно, чтобы выйти съ честью изъ этого постыднаго положенiя!»

Гордость всей моей жизни составляло то обстоятельство, что я никогда и ни за чѣмъ не обращалась къ начальству въ роли просительницы, никогда нога моя не переступала порога попечителя, губернатора, министра. Въ этомъ я видѣла сохраненiе человѣческаго достоинства, несмотря на всѣ тѣ приниженiя, которыя пришлось вынести мнѣ за излюбленное школьное дѣло. И вотъ теперь, въ эту минуту, я теряла это послѣднее сознанiе: я ѣхала къ попечителю о чемъ-то просить его, за что-то кланяться. Рыданiя душили мнѣ горло, и я вошла въ сѣни вся въ слезахъ.

— Больны, не принимаютъ, — сказалъ мнѣ старикъ-сторожъ, отворяя дверь.

Но слезы мои тронули его. Онъ выслушалъ мою просьбу и согласился доложить о ней. Черезъ минуту я стояла въ роли просительницы у дверей обширной комнаты и горько

плакала. Изъ боковой двери кабинета вышелъ старикъ-попечитель и быстрыми шагами направился ко мнѣ.

— Ваше превосходительство!..—произнесла я первый разъ въ жизни, рыдая.

И эти непривычныя слова какъ-то дико и странно прозвучали въ моихъ собственныхъ ушахъ. Но добрый старикъ не заставилъ меня повторить ихъ; онъ, видимо, былъ крайне тронутъ и даже перепуганъ моимъ душевнымъ состоянiемъ и, заподозрѣвъ, вѣроятно, серьезную причину, пожалуй, политическаго свойства, началъ искренно и заботливо успокаивать меня.

— Ради Бога, успокойтесь!—говорилъ онъ ласковымъ голосомъ, взявши меня за руки и придвигая кресло.— Я сдѣлаю все, что могу,—все, что зависитъ отъ меня.

Очевидно, онъ не могъ предположить, что рѣчь идетъ только о проводахъ чиновника, состоявшаго на государственной службѣ. И черезъ 2—3 минуты я возвращалась торжествующая навстрѣчу печальной процессiи, которая медленно, шагъ за шагомъ, двигалась впередъ. Я нагнала своихъ товарищей, сообщила имъ добрую вѣсть и снова заняла свое мѣсто во главѣ школы, которая длинной-длинной полосой тянулась по улицѣ. И мнѣ казалось, что лицо покойника одобрительно улыбалось моему маленькому подвигу и торжествовало побѣду вмѣстѣ со мною...

15 мая 1893 года.

Было прекрасное майское утро. Свѣжiй вѣтерокъ чуть-чуть пробѣгалъ по свѣтло-зеленымъ листикамъ деревьевъ; по голубому небу тянулись кисейныя облачка; въ воздухѣ пахло жасминомъ и бѣлой акацiей; солнце ярко заливало и садъ, и постройки на улицѣ; все вокругъ праздновало весну и просило жизни... Я вышла на свою обычную утреннюю прогулку съ тѣмъ ощущенiемъ бодрости, которое такъ рѣдко испытываю теперь, на старости лѣтъ, и шла здоровой ускоренной походкой. Какъ вдругъ невдалекѣ за мною, шагахъ въ 10—20, послышались дѣтскiя рыданiя; рыданiя были такъ громки, въ нихъ слышалось столько

безнадежнаго отчаянія, что жители Касперовскаго переулка высунулись изъ оконъ, встревоженные необычнымъ явленіемъ. Нервная дрожь пробѣжала у меня за спиною, сердце замерло; мнѣ почудилось какое-то страшное несчастье, и я быстро оглянулась кругомъ. Изъ-за угла Нѣмецкой улицы показалась дѣтская фигурка лѣтъ 8—9. Дѣвочка неслась, какъ вихрь, по направленію ко мнѣ. Соломенная шляпочка съ красной лентой упала назадъ и держалась только на резинкѣ; синяя тальмочка сбилась на плечо и развѣвалась въ воздухѣ; длинные свѣтлые волосики растрепались и покрыли все личико. Она была воплощеніе отчаянія и, ломая руки, рыдала на всю улицу. Это не было похоже на обычное дѣтское горе; она казалась маленькой взрослой женщиной, потрясенной страшнымъ несчастіемъ и готовой на самоубійство. Я застыла отъ ужаса, а дѣвочка неслась прямо мимо меня, оглашая воздухъ неистовыми рыданіями. Когда она поравнялась со мною, я стала кричать ей вслѣдъ, вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ:

— Милая, голубушка, дорогая, что съ тобой? Скажи мнѣ! Я помогу тебѣ!

Дѣвочка промчалась мимо, но все-таки слова мои дошли, вѣроятно, до ея сердца, такъ какъ среди рыданій я разслышала слово «экзаменъ».

Я ускорила шаги, что было силъ, чтобы догнать ее, но дѣвочка мчалась такъ быстро, что съ каждой минутой между нами ложилось все большее и большее пространство. Я оглянулась кругомъ, нѣтъ ли извозчика, но извозчика не было, и мнѣ оставалось только слѣдить за нею издали. Какъ вдругъ изъ-за угла Чернышевской улицы показалась другая маленькая фигурка точно такого же роста и точно въ такой же, только коричневой тальмочкѣ. Она рѣшительно заслонила дорогу дѣвочкѣ, взяла ее за руку, спокойно, не торопясь, начала говорить ей что-то, и онѣ пошли рядомъ. Я видѣла, какъ плечи дѣвочки нервно подергивались еще отъ недавнихъ рыданій, но все-таки она стихла, и подергиванья становились все рѣже и рѣже. Дѣти пошли черезъ скверъ и достигли Мироносицкой церкви. Коричневая тальмочка повелительнымъ жестомъ

остановила свою подругу, круто повернулась къ церкви всей своей маленькой фигуркой и стала креститься медленно и солидно, какъ крестятся взрослые люди, въ то время, какъ ея нервная подруга какъ-то неистово осѣняла себя крестомъ и наклонялась чуть не до земли.

«Поможетъ ли имъ эта молитва и сбудется ли страстное желаніе получить тройку?—спрашивала я себя, глядя издали на дѣтей.—Съ какимъ сердцемъ явится голубая тальмочка на экзаменъ? Что будетъ съ нею, если вмѣсто желанной тройки получится единица, и куда пойдетъ она, что предприметъ, если не посмѣетъ явиться домой, откуда, вѣроятно, силою прогнали на экзаменъ, и оградитъ ли ее отъ несчастья ангелъ-хранитель въ коричневой тальмочкѣ? Когда же этому конецъ,—продолжала думать я,—когда люди поймутъ и содрогнутся отъ этого дѣтскаго горя; когда снимутъ съ дѣтей эту страшную кару и дозволятъ имъ наслаждаться весной и майскимъ утромъ, какъ наслаждаемся мы, взрослые люди?..»

4 октября 1897 года.

Когда я рѣшила вести мой школьный дневникъ, я больше всего имѣла ввиду моихъ сотоварищей по кружку—новыхъ молодыхъ учительницъ, и думала наполнить его исключительно дѣловымъ матеріаломъ. Такъ и было до сихъ поръ. Какъ вдругъ встрѣтилось обстоятельство, которое тронуло меня и взволновало до такой степени, что, куда бы ни шла я, что бы ни дѣлала, мысль моя постоянно останавливается на немъ. Въ такихъ случаяхъ я не въ силахъ отказать себѣ въ желаніи занести мои впечатлѣнія на страницы школьнаго дневника, что и дѣлаю въ настоящую минуту.

Въ прошлое воскресенье, среди школьной сутолоки, я думала только о томъ, какъ бы мнѣ получше дать урокъ моимъ ученицамъ; какъ вдругъ мнѣ бросилась въ глаза молодая дѣвушка-учительница, отличавшаяся всегда, на мой взглядъ, необыкновенно смѣлымъ и энергичнымъ видомъ. Ея умная головка съ остриженными волосами, закинутыми

вверхъ, точно говорила всѣмъ: «Я никого и ничего не боюсь на свѣтѣ; я все возьму напроломъ—столько во мнѣ энергіи и силы!» Въ минуту, о которой говорю я, я увидѣла молодую дѣвушку не въ лицо, а въ затылокъ. Она уходила поспѣшно въ сѣни, и я едва узнала ее. Она вся какъ-то съежилась; смѣлая головка была опущена; короткіе волосы падали безпорядочными прядями на лобъ, и плечи чуть-чуть вздрагивали отъ сдержанныхъ рыданій. Я вспомнила въ эту минуту, что она уѣзжаетъ заграницу учиться и что это ея послѣднее воскресенье; я вспомнила, что наканунѣ мы хлопотали и сговаривались поднести ей жетонъ напамять и проводить ее на вокзалъ. Нѣсколько учительницъ заботливо выскочили за ней въ сѣни... Въ эту минуту я получила приглашеніе спуститься въ нижній этажъ, чтобы принять участіе въ спорѣ, происходившемъ тамъ. Я застала кружокъ учительницъ съ возбужденными лицами и взволнованными голосами. Онѣ доказывали большинству, что жетонъ—это слишкомъ большая честь для учительницы, проработавшей всего два года въ школѣ; что выраженіе симпатій къ ней должно быть скромнѣе; что на жетонѣ не должно быть выбито имени цѣлой корпораціи. Я остановилась передъ ними въ нѣкоторомъ недоумѣніи,—мнѣніе это какъ-то не укладывалось въ моей душѣ; но, овладѣвъ собою, я съ горячностью стала доказывать имъ, что отношенія къ школѣ слѣдуетъ мѣрить не годами, не временемъ, что жетонъ выражаетъ не личныя наши чувства къ ней, а долженъ непремѣнно итти отъ цѣлой корпораціи; что привѣтствовать товарища и отмѣчать его заслуги не значитъ «выдавать медали», какъ выражались иныя, и т. д. Большинство было на моей сторонѣ, и я поспѣшила наверхъ къ своимъ учительскимъ обязанностямъ. На площадкѣ, на диванчикѣ, я увидѣла другую молодую дѣвушку, не учительницу, а ученицу. Она закрыла глаза не то платочкомъ, не то тряпочкой и горько рыдала на виду у всѣхъ. Очевидно, горе ея было такъ порывисто, что ей было совершенно безразлично, что все это школьное движеніе проходитъ мимо, что иныя смотрятъ на нее съ любопытствомъ, другія—съ участіемъ...

Та же самая дѣвушка пришла ко мнѣ на другой день въ домъ съ порученіемъ отъ хозяйки-модистки. Она дѣловито передала мнѣ, что слѣдуетъ, а затѣмъ остановилась въ раздумьи и, помолчавъ немного, сказала: «Вы слышали о нашемъ горѣ, Христина Даниловна?.. Наша учительница Ю. Н...» Она не могла сказать больше ни слова и зарыдала такъ же порывисто, какъ тогда въ школѣ. Я посадила ее, стала утѣшать, какъ умѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ всматривалась въ ея лицо. Судя по немъ, природа не дала ей слабыхъ нервовъ,—это простое, открытое лицо не отличалось ни худобой, ни блѣдностью, и очевидно, что нѣчто болѣе сильное, чѣмъ разстроенные нервы, тронуло и всколыхнуло эту наивную душу... Вчера она опять пришла ко мнѣ съ новымъ порученіемъ отъ хозяйки. Я гуляла въ саду и пригласила ее сѣсть со мною рядомъ и посидѣть немножко на скамеечкѣ. Даша присѣла, держа какой-то свертокъ подъ кофточкой и, видимо, желая опять чѣмъ-то подѣлиться со мною. Своимъ привѣтомъ и лаской я вызвала ее на откровенность. «Христина Даниловна,—робко сказала она,—хотите, я вамъ покажу письмо мое къ другой нашей любимой учительницѣ В. В.? Я написала его прежде въ тетрадкѣ, а потомъ переписала на почтовую бумажку». И она подала мнѣ старенькую синюю ученическую тетрадку, въ которой я прочла слѣдующее: «Милая, дорогая В. В.! Хотя вы и не пишете, чтобы я вамъ писала, но я не могу не писать вамъ. Сообщу вамъ печальную новость: сегодня было прощальное свиданіе, — наша дорогая Ю. Н. уѣзжаетъ, всѣ ученицы плакали, а мнѣ, если бы вы знали, моя дорогая, какъ было грустно!.. Хотя я и сознаю, что ей надо учиться, а все же жаль разставаться... Въ нашей группѣ уже два раза была географія. Я умѣю нарисовать Большую Медвѣдицу, узнала, что Полярная звѣзда указываетъ, гдѣ сѣверъ; что земля шарообразна и много кой-чего узнала, да напишу въ другой разъ. Всѣ наши ученицы цѣлуютъ васъ и благодарятъ за привѣтъ. Саша вамъ сама напишетъ. Еще у насъ теперь учится Елена Ефименко; помните, она на костыляхъ. Цѣлую васъ. Ваша Даша».

И это написала дѣвушка, не знавшая ни одной буквы, пришедши въ школу, и проучившаяся всего одну зиму. Таково вліяніе школы, таково вліяніе учительницъ, отдающихъ ей всю свою душу!.. Конечно, въ письмѣ этомъ была бездна грамматическихъ ошибокъ, но что значатъ эти ошибки въ сравненіи съ его внутреннимъ содержаніемъ!..

Я видѣла Дашу еще разъ на вокзалѣ. Толпа интеллигентныхъ людей провожала Ю. Н., а кучка ея ученицъ скромно держалась поодаль, не сводя съ нея заплаканныхъ глазъ. Передъ отходомъ поѣзда все наше вниманіе было сосредоточено на уѣзжающемъ дорогомъ для насъ человѣкѣ, и я совсѣмъ позабыла о скромной группѣ ученицъ. Но въ ту минуту, какъ поѣздъ тронулся, я услышала раздирающій душу крикъ... Это была Даша, окруженная своими товарками... Я слышу до сихъ поръ этотъ крикъ. Онъ говоритъ мнѣ о значеніи школы и о томъ могучемъ вліяніи, какое можетъ имѣть на душу любимая воспитательница.

5 сентября 1898 года.

Вчера я возвратилась изъ маленькой школы [1]) въ такомъ нервномъ состояніи, которое окончилось слезами и сердцебіеніемъ, и всѣ наши говорили мнѣ, что я убиваю себя и что все это окончится очень дурно; но я не слушала ихъ. Передо мною стояла толпа оборванныхъ матерей съ грудными дѣтьми на рукахъ, а за платья этихъ матерей цѣплялись маленькія дѣвочки, пытливо глядѣвшія на незнакомыхъ имъ учительницъ, безъ всякой, однако, боязни, такъ какъ эти бѣдныя матери сказали имъ, что ведутъ ихъ въ какое-то хорошее мѣсто, къ какимъ-то хорошимъ людямъ, и Боже сохрани, если ихъ не примутъ туда по той или иной причинѣ... Но кто же объяснилъ этимъ бѣднымъ матерямъ, что надо итти въ школу, что надо искать свѣта?

[1]) Такъ назывались занятія по буднямъ съ малолѣтними, получившими отказъ въ воскресной школѣ. Маленькая школа имѣла двѣ смѣны ученицъ, занимавшихся по три дня въ недѣлю; общее число ученицъ доходило до 300.

Родились ли онѣ съ этимъ инстинктомъ, или всесильный духъ времени задѣлъ и ихъ своимъ крыломъ въ ихъ жалкихъ трущобахъ, въ ихъ тьмѣ и невѣжествѣ?..

— Почему вы не отдали вашу дѣвочку въ городскую школу?—спрашиваетъ учительница, ласково глядя на крошку.

— У меня ихъ пятеро осталось послѣ мужа,—говоритъ въ отвѣтъ женщина съ груднымъ ребенкомъ и ничего не добавляетъ къ этому, такъ какъ все ясно...

— Это ваша внучка?—спрашиваетъ учительница глубокую старуху, лицо которой изрыто морщинами, а жилистыя руки дрожатъ.

— Внучка,—отвѣчаетъ она какъ-то сурово.

— А вы сами чѣмъ занимаетесь?

— Въ кухаркахъ живу у мѣщанъ.

— Почему жъ бы вамъ не отдать ее учиться въ ежедневную школу?—говоритъ учительница.

Горькая улыбка искривляетъ старческое лицо. «Два рубля въ мѣсяцъ получаю,—говоритъ она лаконически:—на обувь не хватаетъ; а она сирота—покойная дочь мнѣ ее оставила, а отецъ Богъ его знаетъ гдѣ...»

— Платить сколько-нибудь надо?—спрашиваетъ оборванный отецъ.

— Нѣтъ, только десять копеекъ дадите ей на тетрадь,—отвѣчаетъ учительница.

Лицо бѣдняка озаряетъ довольная улыбка.

— Это ничего не значитъ,—говоритъ онъ тономъ человѣка, который въ силахъ еще заработать гривенникъ и отдать его на просвѣщенiе дочери...

Дѣвочка лѣтъ 13—14, ученица нашей воскресной школы, умоляетъ со слезами на глазахъ принять ея маленькую сестренку, которой на видъ 6—7 лѣтъ.

— Я выучила ее азбучкѣ,—убѣждаетъ она учительницу,—и дальше бы учила, да дохнуть самой некогда. Вы лучше меня исключите изъ воскресной школы, а ее примите.

Толпа такъ густа, что, несмотря на отворенныя окна, воздухъ становится все душнѣе и душнѣе, и я чувствую, что сейчасъ мнѣ сдѣлается дурно. Я пробираюсь сквозь

эту толпу и слышу моленія матерей о томъ, чтобы дѣти не были отвергнуты; онѣ низко кланяются мнѣ, онѣ протягиваютъ ко мнѣ свои исхудалыя руки; и на улицѣ я слышу еще слезы, дрожащія въ ихъ голосѣ, и вижу ихъ лица, полныя мольбы и робкой надежды...

Памяти Н. Ѳ. Хуціева.

(Умеръ 17 сентября 1898 года).

Я встрѣтилась съ Н. Ѳ. Хуціевымъ лѣтъ 12 тому назадъ въ семьѣ его начальника по службѣ. Начальникъ былъ добръ, разуменъ и привѣтливъ, но въ обращеніи его съ Н. Ѳ. мнѣ все-таки слышалась начальническая нотка; да и самой мнѣ лично Н. Ѳ. казался самымъ обыкновеннымъ чиновникомъ. Правда, я подмѣчала въ немъ любовь къ дѣтямъ, которая всегда вызываетъ во мнѣ расположеніе къ человѣку, и мягкое обращеніе съ прислугой, что тоже мнѣ всегда нравится; но дальше я никакихъ положительныхъ качествъ не усматривала въ моемъ новомъ знакомомъ.

Это было время моего увлеченія деревней. Я проводила тамъ всѣ лѣтніе мѣсяцы, сближаясь съ крестьянами, лѣчила ихъ, учила и вся была полна желаніемъ принести имъ какъ можно больше пользы. Отношенія между мною и нѣкоторыми изъ нихъ установились самыя простыя и сердечныя; неразъ послѣ чтенія интересной книжки мы засиживались подолгу въ моей укромной хатѣ въ вишнякѣ и вели задушевныя бесѣды не только о книгѣ, но и о жизни.

Есть разсказы, производящіе глубокое впечатлѣніе; объ этомъ можетъ свидѣтельствовать каждый, кто перечитывалъ ихъ съ народомъ. Къ числу такихъ разсказовъ принадлежатъ «Дѣлатели золота» Цшокке. И вотъ по прочтеніи этой интересной книжки крестьяне стали вспоминать, какъ много лѣтъ тому назадъ, передъ турецкой войной, какъ выражались они, появился въ ихъ мѣстахъ молодой человѣкъ—учитель, который не только училъ ихъ дѣтей, не только читалъ книжки взрослымъ, но и пользовалъ без-

платно каждаго изъ больныхъ крестьянъ; и пользовалъ онъ не такъ себѣ, немножко, кое-чѣмъ, а по-настоящему: умѣлъ и раны всякія лѣчить, и лихорадку, и горячку и никогда не брезгалъ простымъ народомъ; самъ, бывало, обмоетъ, обчиститъ, перевяжетъ, и всегда съ такою ласкою, добротою; деревенскихъ ребятишекъ любилъ, какъ родныхъ; зато и они любили его безъ памяти, да и всякій любилъ и уважалъ этого человѣка.

«На наше несчастье началась тогда война съ турками,— говорилъ одинъ изъ крестьянъ,—и задумалъ нашъ учитель итти туда добровольцемъ. Мы стали его просить, уговаривать: «не покидай насъ и нашихъ дѣтокъ»; бабы даже вой подняли, а онъ говоритъ намъ со слезами на глазахъ: «Какъ же мнѣ не итти туда на помощь, сами посудите! Я молодъ, здоровъ, умѣю лѣчить раны, а тамъ столько несчастныхъ, умирающихъ, молящихъ о помощи!..» Сами плачемъ и чувствуемъ, что правду говоритъ онъ, что нужнѣй онъ тамъ, чѣмъ тутъ. И начали мы его, какъ сына родного, снаряжать: бабы сорочки шили, рушники, мужики чинарку, шубу справили; и какъ насталъ тотъ день, какъ посадили мы его въ телѣгу — вся деревня, какъ одинъ человѣкъ, вышла провожать его — и старые и малые. Поднесли мы ему икону вскладчину въ серебряной оправѣ, а какъ лошадка тронулась, бабы стали деньги въ телѣгу бросать, кто что могъ: кто грошъ, кто пятакъ, кто гривенникъ. Обѣщалъ онъ вернуться къ намъ, да такъ и не вернулся: на войнѣ ли онъ погибъ, другую ли службу избралъ, только мы его съ тѣхъ поръ не видѣли».

Образъ юнаго героя носился въ моемъ воображеніи, окруженный ореоломъ величія, и мнѣ страстно хотѣлось знать, что это былъ за человѣкъ и какова его дальнѣйшая судьба; но по обыкновенію неграмотные люди не знали и не помнили его фамиліи, а заурядное имя ничего не говорило мнѣ.

Все это происходило въ Екатеринославской губерніи, а потому при встрѣчѣ въ Харьковѣ съ чиновникомъ Хуціевымъ, который, какъ знала я, живалъ когда-то въ тѣхъ мѣстахъ, я спросила его не зналъ ли онъ случайно въ

имѣніи баронессы В. идеальнаго учителя-доктора, который пошелъ затѣмъ добровольцемъ на войну. Это было у насъ въ гостиной. Чиновникъ вспыхнулъ до ушей и съ замѣшательствомъ, совсѣмъ несвойственнымъ его почтеннымъ годамъ, отвѣчалъ тихо и сконфуженно: «Это былъ я». Затѣмъ онъ объяснилъ, что по окончаніи медицинской академіи онъ рѣшилъ быть учителемъ и отдать себя деревнѣ.

Что было дальше, я не смѣла его разспрашивать. Разсказывали какой-то романъ изъ его прошлой жизни, когда онъ былъ женихомъ любимой дѣвушки, нанялъ уже квартирку, устроилъ обстановку семейнаго человѣка,—и вдругъ эта дѣвушка, наканунѣ свадьбы, рѣшила сдѣлать болѣе выгодную партію и стать женою другого. Говорили объ этомъ и подсмѣивались надъ бѣднымъ Н. Ѳ., а мнѣ было до слезъ жаль его: Богъ знаетъ, быть-можетъ, этотъ неудавшійся романъ разбилъ всѣ его свѣтлыя мечты, всю его вѣру въ жизнь...

И, тѣмъ не менѣе, когда я дотронулась какъ-то до слабой струны его души и заговорила съ нимъ о возникавшей въ Харьковѣ мужской воскресной школѣ, онъ, податной инспекторъ, какъ ребенокъ, обрадовался ей и схватился за нее, какъ утопающій за соломинку. Видѣла я потомъ, какъ однажды у насъ за обѣдомъ начальникъ сказалъ ему не безъ язвительной улыбки: «Правда ли, Н. Ѳ., будто вы занимаетесь теперь воскресными школами?.. А не своимъ прямымъ дѣломъ», слышалось въ этомъ тонѣ. Н. Ѳ. вспыхнулъ и, приложивъ два пальца къ виску, какъ это дѣлаютъ солдаты, отвѣчалъ съ сдержанной злобой: «Точно такъ, ваше превосходительство!» Начальникъ почувствовалъ, очевидно, неловкость своего вопроса, а я, высоко поднявши бокалъ съ шампанскимъ, произнесла громко дрогнувшимъ голосомъ: «Позвольте мнѣ предложить тостъ за здоровье глубокочтимаго мною сотоварища по школьному дѣлу!..» Тѣмъ не менѣе, я слыхала потомъ, что это занятіе воскресными школами положительно могло повредить его служебной карьерѣ, но онъ, очевидно, не страшился этого.

Н. Ѳ. не былъ одаренъ, на мой взглядъ, ни сильнымъ умомъ, ни выдающимися талантами, но онъ никогда и не

претендовалъ на нихъ. Это былъ скромный человѣкъ, отгородившій себѣ скромное мѣсто въ школѣ, но беззавѣтно любившій ее. Онъ не былъ богатъ, но отдавалъ школѣ все, что могъ, и наканунѣ своей смерти писалъ директору земельнаго банка: «Прошу извѣстить меня, когда именно состоится вашъ праздникъ. Я желалъ бы прислать вамъ на новоселье хлѣбъ-соль, такъ какъ не могу не цѣнить глубоко той матеріальной поддержки, которую вы оказывали постоянно нашей воскресной школѣ».

Сотоварищи по дѣлу мужской воскресной школы, надо сказать правду, относились всегда свысока къ Н. Ѳ. Онъ зналъ и видѣлъ это, но дѣло было для него выше всего, и онъ до послѣдней минуты заботился только о немъ.

Этотъ скромный человѣкъ, навѣрное, останется незамѣченнымъ, сошедши съ жизненной сцены. Помянемъ же его хотя мы, учительницы, добрымъ словомъ и отдадимъ дань его любви и преданности дѣлу народнаго образованія.

О выходѣ II тома „Что читать народу“.

(Докладъ собранію учительницъ Харьковской частной женской воскресной школы 20 февраля 1889 года).

Петербургъ по обыкновенію встрѣтилъ меня съ той теплотой и радушіемъ, которыхъ многіе и многіе не признаютъ за нимъ, что кажется мнѣ положительной ошибкой. Этотъ огромный и просвѣщенный городъ, являясь средоточіемъ интеллигентныхъ силъ и дарованій, представляется для меня всегда строгимъ и справедливымъ оцѣнщикомъ умственнаго труда. Онъ мѣтко опредѣляетъ людей, ихъ способности, ихъ стремленія и мотивы, руководящіе ихъ общественною дѣятельностью. Въ то время, какъ провинція сплетничаетъ и безцеремонно роется у васъ въ душѣ, силясь найти въ ней мелочные инстинкты самолюбія и самомнѣнія и отравляя вашу жизнь мелкими уколами и интригами,—Петербургъ, не извѣрившись еще въ жажду подвига, громко и авторитетно аплодируетъ вамъ, поощряя ваши честныя стремленія и возбуждая въ васъ бодрость духа.

Тѣмъ не менѣе, я ѣхала въ Петербургъ съ трепетнымъ ожиданіемъ этого суда по поводу книги «Что читать народу». Многіе изъ людей, глубоко чтимыхъ мною за ихъ умъ и талантливость, какъ: Абрамовъ, Миропольскій, Семеновъ, Острогорскій, Сысоева и др., получали отъ меня книгу въ листахъ съ цѣлью ознакомленія исподволь съ нашимъ объемистымъ трудомъ и возможности произнести надъ нимъ впослѣдствіи болѣе обстоятельный и строгій приговоръ. Но помимо этого приговора, которымъ такъ дорожила я и который оказался, слава Богу, болѣе или менѣе благопріятнымъ, являлась другая сторона дѣла, несказанно мучившая меня,—это вопросъ, пройдетъ ли книга въ цен-

зурѣ. Когда вопросъ этотъ былъ чѣмъ-то будущимъ и далекимъ, я поддалась на увѣщанія компетентныхъ людей печатать книгу безъ предварительной цензуры, но теперь, когда онъ висѣлъ надъ головой, какъ Дамокловъ мечъ,— теперь, когда я думала, что въ эту именно минуту рѣшается участь книги, а слѣдовательно, и моей жизни, тѣсно связанной съ ней,—всю мою душу охватывалъ какой-то паническій страхъ. «Какъ хорошо было бы умереть, успокоиться и не знать всего этого!» думалось мнѣ въ такія минуты. Одно, что нѣсколько успокаивало меня,—это мысль, что старикъ Королевъ понесетъ лично нашу книгу въ цензуру. Въ воображеніи моемъ вставала его старческая почтенная фигура съ бѣлыми, какъ лунь, волосами и умнымъ, серьезнымъ лицомъ. Вотъ онъ входитъ въ цензурный комитетъ, держа въ рукахъ нашу огромную книгу, и сдержанно и съ достоинствомъ ручается передъ строгими судьями за благонадежность ея направленія.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я все-таки не знала, въ цензурѣ ли книга или нѣтъ, и тотчасъ же послала записку къ издателю ея, Павленкову, трепетно ожидая отъ него отвѣта. На визитной карточкѣ, которую принесъ мнѣ посыльный, было написано лаконически: «Буду у васъ завтра въ 12 часовъ». Отвѣтъ этотъ страшно взбѣсилъ меня, и я еле могла дождаться слѣдующаго утра.

— Ну, повинную голову и мечъ не сѣчетъ!—сказалъ мнѣ, входя, Павленковъ съ своей обычной саркастической улыбкой.—Я не послушался васъ, Христина Даниловна, и послалъ книгу въ цензуру просто со сторожемъ. Къ чему вамъ обставлять ее какими-то особенными условіями и тѣмъ самымъ возбуждать къ ней излишнія подозрѣнія. Книга эта такъ безобидна, что не требуетъ положительно никакихъ ухищреній, и я настолько увѣренъ въ благополучномъ исходѣ, что готовъ выпустить публикаціи о ней въ воскресенье, несмотря на то, что срокъ ея въ цензурѣ истекаетъ въ понедѣльникъ.

Обстоятельство это окончательно разстроило меня. Отъ среды до понедѣльника оставалось еще цѣлыхъ 5 дней. Мой угнетенный и потерянный видъ вызывалъ, очевидно, во всѣхъ

искреннее состраданіе, и каждый силился ободрить и успокоить меня. По вечерамъ гостиная моя была полна симпатичныхъ мнѣ людей, и всѣ они относились ко мнѣ съ какимъ-то исключительнымъ вниманіемъ и участіемъ, какъ относятся, вѣроятно, къ человѣку, приговоренному къ смерти. Тѣмъ не менѣе, въ бесѣдахъ этихъ прорывался минутами и зловѣщій элементъ, такъ, напр., на утѣшительныя слова о томъ, что книга эта слишкомъ велика и ни одинъ изъ цензоровъ не въ силахъ перечесть ее, кто-то сдѣлалъ предположеніе, что ее разорвутъ по кусочкамъ и раздадутъ 12 цензорамъ. На указаніе близости окончанія срока другой предсказывалъ, что для подобной толстой книги навѣрное удвоятъ срокъ. Одинъ изъ пріятелей Павленкова, Надѣинъ, говорилъ ему, просидѣвши у насъ вечеръ: «Какъ я боюсь за Христину Даниловну! Сосредоточенность ея на одномъ пунктѣ такъ велика, что, по-моему, она близка къ сумасшествію».

Дѣйствительно, я чувствовала себя не вполнѣ нормальной.

Вѣрный себѣ Павленковъ пустилъ въ воскресенье газетныя публикаціи, но онѣ нисколько не успокоили меня; напротивъ, я негодовала только до послѣдней крайности, какъ можетъ шутить онъ подобнымъ серьезнымъ дѣломъ. Особенно тяжела была для меня ночь съ воскресенья на понедѣльникъ: мнѣ не то грезились, не то снились какіе-то страшные сны; мнѣ снилось, будто какой-то отвратительный господинъ дернулъ меня мимоходомъ за правую руку и оторвалъ мнѣ ее. «Цензоръ», прошепталъ кто-то, наклоняясь надъ моимъ ухомъ.

Утромъ мнѣ сказали, что въ передней меня ждетъ какой-то простолюдинъ. Я вышла. Передо мной стоялъ артельщикъ Павленкова въ смазныхъ сапогахъ и въ порыжѣломъ пальто.

— Флорентій Ѳедорычъ приказали спросить васъ, — заговорилъ онъ, — сколько прикажете дѣлать скидки на книги: 20% или 25%, и будете ли вы отпускать ее торговцамъ на комиссію или продавать на наличный расчетъ?

Я стояла передъ нимъ молча и почти не понимала, о чемъ онъ спрашиваетъ меня. Какъ, неужели въ этомъ видѣ совершится выходъ книги? Мнѣ казалось, что при этомъ событіи должно произойти нѣчто необычайное, нѣчто въ родѣ звона колоколовъ, толпы народа, криковъ ура! И вдругъ этотъ артельщикъ въ смазныхъ сапогахъ и вопросъ объ уступкѣ какихъ-то процентовъ! Наконецъ я вспомнила слова Королева, будто мнѣ должны прислать билетъ изъ цензуры о выходѣ книги, и написала записку Павленкову въ довольно рѣзкомъ тонѣ, на что тотъ отвѣчалъ мнѣ шутливо: «Вѣроятно, Королевъ вспомнилъ о томъ, что было во времена Очакова и покоренія Крыма; теперь же не посылаютъ никому никакихъ билетовъ, и если не заарестуютъ книгу на 3—4 день, вы смѣло можете говорить: слава Богу!»

Весь этотъ день я ходила, какъ въ чаду, не смѣя вѣрить своему счастью, не смѣя послать телеграмму съ этимъ извѣстіемъ, и только на другой день, во вторникъ, когда тотъ же артельщикъ вручилъ мнѣ пакетъ съ деньгами за 570 экземпляровъ, проданныхъ торговцамъ, я увѣровала, наконецъ, въ подлинность факта и послала телеграмму въ Харьковъ: «книга вышла благополучно изъ цензуры».

Затѣмъ я подошла къ вороху книгъ «Что читать народу», полученныхъ отъ переплетчика, и стала распредѣлять и надписывать ихъ. Еше вчера я ходила мимо этихъ книгъ, не смѣя притронуться къ нимъ и проникнутая какой-то неизъяснимой боязнью, а сегодня я уже смѣло брала ихъ въ руки, и къ вечеру посыльный разнесъ ихъ по назначенію. Вотъ тутъ-то началось для меня нѣчто вродѣ торжества, о которомъ грезилось мнѣ. Мои знакомые наперерывъ пріѣзжали поздравить меня и благодарить за книгу; иные, не имѣя возможности по тѣмъ или инымъ причинамъ явиться лично, присылали самыя лестныя письма.

Кромѣ визитовъ и писемъ, доставившихъ мнѣ несказанное удовольствіе, я получила и нѣсколько телеграммъ, увеличившихъ мое торжество.

Не знаю, могли ли себѣ представить всѣ эти люди, писавшіе и телеграфировавшіе мнѣ, насколько дороги и

радостны были для меня эти проявленія дружбы, вниманія и участія.

Какъ-то вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ предсѣдатель комитета грамотности Я. Т. Михайловскій. Онъ очень благодарилъ меня за книгу и вообще былъ любезенъ и привѣтливъ; но, очевидно, какое-то обстоятельство мучило его и дѣлало печальнымъ. Когда кое-кто изъ посѣтителей ушелъ, онъ обратился ко мнѣ своимъ тихимъ голосомъ съ такою рѣчью: «Вотъ мы не знаемъ, Х. Д., слѣдуетъ ли издавать намъ продолженіе нашего «Систематическаго обзора народной литературы» ввиду выхода вашего второго тома. Въ комиссіи у насъ были горячіе дебаты по этому поводу. Большинство рѣшило издавать, но я лично остался въ меньшинствѣ, доказывающихъ, что конкуренція въ данномъ случаѣ немыслима. Къ тому же, если бы вы знали, какъ туго подвигается у насъ эта работа, какъ тяжело мнѣ созывать наши комиссіи: къ одному поѣдешь на поклонъ, другого силою притащишь, — просто имучился!»

Онъ говорилъ все это тономъ человѣка, беззавѣтно преданнаго излюбленному дѣлу и въ то же время страдающаго, что именно это дѣло не стоитъ на высотѣ своего призванія. Онъ силился быть справедливымъ и отдать должную дань книгѣ «Что читать народу» и въ то же время, очевидно, страдалъ ея успѣхомъ. Глядя на его блѣдное, измученное лицо, на его впалыя щеки, глаза и грудь, я готова была отрѣшиться въ эту минуту отъ успѣха книги и старалась всѣми силами успокоить его и доказать, что «Систематическій обзоръ народной литературы» имѣетъ свои преимущества, что въ этомъ разборѣ работаютъ всѣ лучшія педагогическія силы, что, кромѣ народныхъ книгъ, онъ разсматриваетъ еще учебники и т. д.

Но когда Михайловскій ушелъ, мнѣ вдругъ стало радостно при мысли объ этой конкуренціи. Затѣмъ я устыдилась этой радости и, желая чѣмъ-либо загладить свою вину, отправила на другой день на имя предсѣдателя комитета грамотности 100 экземпляровъ книги «Что читать народу» для разсылки ея въ бѣднѣйшія школы.

Въ тотъ же день вечеромъ гостиная моя была полна народу. Дверь отворилась, и вошла А. Г. Достоевская. Она имѣла на этотъ разъ какой-то особенный торжественный видъ въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ со стеклярусомъ и пачкой маленькихъ брошюрокъ въ рукахъ. Поздоровавшись съ присутствующими, она обратилась ко мнѣ съ такою рѣчью:

«Христина Даниловна! сегодня я прочла ваши замѣтки на выдержки изъ сочиненій Ѳедора Михайловича, изданныя мною. Правда, вы слишкомъ строго отнеслись ко мнѣ и не простили мнѣ въ этомъ случаѣ ни малѣйшаго промаха, но я покоряюсь безропотно этому строгому суду и пріѣхала просить васъ или кого-либо изъ вашихъ почтенныхъ сотрудницъ пересмотрѣть всѣ эти брошюры передъ новымъ ихъ изданіемъ и передѣлать согласно вашимъ указаніямъ. Я вспоминаю при этомъ, какъ относился къ вамъ покойный Ѳедоръ Михайловичъ, какъ уговаривалъ онъ васъ писать, какъ говорилъ, что если онъ напишетъ что-либо для народа, то непремѣнно отдастъ это на вашъ судъ. И будь онъ живъ, я увѣрена, что онъ поступилъ бы такъ, какъ поступаю я въ эту минуту».

Мнѣ оставалось только поблагодарить за честь и принять это лестное предложеніе.

Въ описаніи другой моей поѣздки въ Петербургъ есть слѣдующая характеристика Ф. Ѳ. Павленкова:

На другой день, утромъ, у меня былъ мой старинный другъ, идейный издатель, который давно выговорилъ для себя право бывать по утрамъ! Какъ многіе люди съ широкимъ кругозоромъ, онъ терпѣть не можетъ педагоговъ и педагогическихъ кружковъ, кажущихся ему синонимомъ со словомъ скука. Почему прощаетъ онъ мнѣ мою педагогичность, если можно такъ выразиться, я, право, не знаю, и это непонятно для меня такъ же, какъ то, какимъ образомъ я могу простить ему его высокомѣрный и несправедливый взглядъ на людей, посвятившихъ свою жизнь вопросамъ народнаго образованія. Но такъ или иначе, вы никогда

не увидите его у меня вечеромъ, въ кружкѣ другихъ моихъ друзей, а утромъ я тщательно оберегаю тѣ дни и часы, когда онъ приходитъ ко мнѣ.

Въ этотъ разъ онъ возвращался съ похоронъ цензора В. Цензоръ В. былъ исключенiемъ изъ общаго правила и вполнѣ оправдывалъ пословицу: «не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ—мѣсто». Это былъ тотъ самый цензоръ, который когда-то говорилъ идейному издателю: «Охъ, подведете вы меня, и пойдемъ мы вмѣстѣ съ вами въ каторгу». Вотъ почему на похоронахъ его одинъ изъ настоящихъ цензоровъ — присяжныхъ палачей мысли, подошелъ къ идейному издателю и сказалъ ему съ саркастической улыбкой: «и такъ, вы хороните сегодня своего цензора».

Изъ людей 60-хъ годовъ—издателей и писателей, обязанныхъ покойнику распространенiемъ въ обществѣ ихъ завѣтныхъ идей,—не было ни единаго человѣка. Имъ казалось постыднымъ сопровождать гробъ цензора, и не постыдился этого только одинъ идейный издатель.

Позднѣе, во второй мой прiѣздъ въ Петербургъ, онъ пришелъ ко мнѣ прямо изъ цензуры; онъ имѣлъ видъ человѣка, одержавшаго побѣду, и, дѣйствительно, побѣда эта заключалась въ слѣдующемъ: незадолго до тяжкой болѣзни цензора-благодѣтеля онъ представилъ на его разсмотрѣнiе книгу: «Рабочiй вопросъ» и заручился его обѣщанiемъ, что книга эта увидитъ свѣтъ Божiй; обѣщанiе, однако, дано было на словахъ, а потому участь «Рабочаго вопроса» оказалась вдругъ весьма сомнительной, какъ и нѣсколькихъ другихъ книгъ. Пришлось избирать для себя новаго цензора, и вотъ идейный издатель остановился на мысли выбрать строжайшаго изъ нихъ, чтобы, такимъ образомъ, показать увѣренность въ благонадежности своихъ изданiй. Это не помѣшало, однако, строгому цензору забраковать одну, другую, третью книгу. Когда дѣло дошло до представленiя «Рабочаго вопроса», онъ вышелъ, наконецъ, изъ себя и, явившись въ комитетъ, сталъ кричать и размахивать руками, говоря, чуть не съ пѣною у рта: «Что онъ хочетъ произвести меня въ званiе палача мысли, это чортъ знаетъ, что такое, пусть просматриваетъ эту зловредную книгу кто

угодно, только не я». Идейному издателю была передана, своевременно, эта сцена. Онъ явился къ суровому цензору и объяснилъ ему, что тотъ поступилъ вполнѣ неприлично, что онъ могъ думать о книгѣ, что ему угодно, но не компрометировать ее въ публичномъ засѣданіи, что положеніе другого цензора, кто бы ни былъ онъ, окажется крайне щекотливымъ, если онъ даже по совѣсти одобритъ книгу, названную его предшественникомъ зловредною. Вѣроятно, доводы идейнаго издателя показались основательными суровому цензору, и на этотъ разъ онъ пропустилъ «Рабочій вопросъ» съ такой аттестаціей: «Хотя книга затрогиваетъ вопросъ либеральнаго свойства, но въ основаніи своемъ не имѣетъ злонамѣренныхъ цѣлей и замысловъ».

Впродолженіе короткаго времени мнѣ пришлось три раза побывать въ Петербургѣ. Въ послѣдній мой пріѣздъ идейный издатель явился ко мнѣ изъ цензуры съ необычно печальнымъ лицомъ. «Ей Богу, зарѣжусь, подлецы», произнесъ онъ раздражительно. Я думала, что рѣчь идетъ о «Рабочемъ вопросѣ».—«Какое, я забылъ о немъ уже и думать», сказалъ онъ съ досадою. «Эта новая книга называется «Исторія цензуры въ Россіи»; я напечаталъ ее безъ предварительной цензуры, на что имѣлъ полнѣйшее право, но они придрались къ пустякамъ, къ тому, что въ типографіи не разобрали набора во-время и настаиваютъ, чтобы изданіе это было подцензурное: если это удастся имъ, они, конечно, искалѣчатъ его до неузнаваемости; но нѣтъ, этого не будетъ! Я говорилъ имъ сейчасъ: «Произведеніе насильственной цензуры, надъ подобной темой, можетъ только скомпрометировать васъ, господа! Слыханное ли дѣло, чтобы произнесеніе приговора надъ собственными поступками предоставлялось заинтересованному лицу». И я видѣлъ, что доводы мои значительно смутили ихъ. Говорилъ онъ, расхаживая по комнатѣ большими шагами и какъ будто позабывши о моемъ присутствіи».

Вообще онъ былъ не въ духѣ этотъ разъ и громилъ не только цензоровъ, но и современную печать. Онъ разсказывалъ возмутительные факты о кумовствѣ и сватовствѣ, которыя завелись въ ней, и съ особеннымъ раздраженіемъ

остановился на такомъ случаѣ: онъ дѣлалъ заказы въ типографіи одной большой газеты, пока условія ея были для него не обременительны. Въ послѣднее время типографія эта возвысила цѣны, и онъ перешелъ въ другую, находя для себя это болѣе выгоднымъ. Недавно вышла книга, обратившая на себя вниманіе всей русской печати и вызвавшая дружныя одобренія; не говорила о ней только ни слова большая газета. Встрѣтившись съ критикомъ ея, онъ спросилъ того, что это значитъ?—«А развѣ вы позабыли, въ какія отношенія поставили вы себя къ нашему редактору!— отвѣчалъ тотъ развязно.—Онъ не позволитъ теперь говорить намъ о вашихъ изданіяхъ ни слова».

Между Москвою и Петербургомъ я прочла романъ Потапенко «Не герой». Въ немъ выведенъ, между прочимъ, мой идейный издатель, въ довольно привлекательномъ свѣтѣ, но мнѣ кажется, что образъ его достоинъ болѣе широкой кисти и болѣе яркихъ красокъ. Это не только безкорыстный издатель хорошихъ книгъ, какимъ является онъ тамъ,—это безстрашный и искусный борецъ за человѣческую мысль, какихъ, быть-можетъ, нѣтъ и не было на нашей родинѣ.

Нѣсколько дней въ Москвѣ въ ноябрѣ 1892 года.

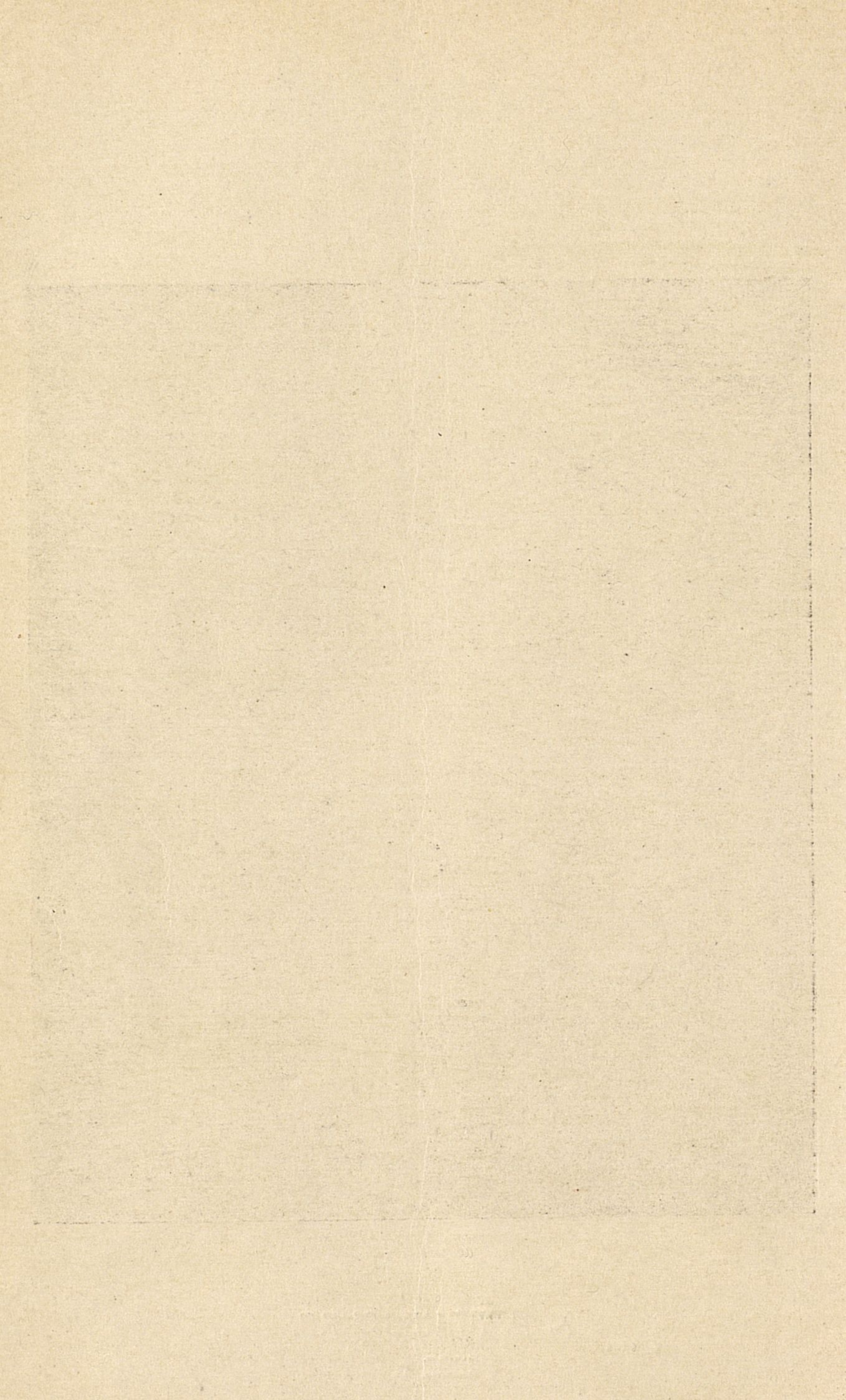
За нѣсколько минутъ до отъѣзда моего изъ Петербурга въ номеръ нашъ вошелъ братъ мой Л. Д., и глазамъ его предстала такая картина: Е. Н. укладывала что-то въ моемъ дорожномъ сундукѣ, В. С. и Н. А. также пришли помочь мнѣ; я совершенно выбилась изъ силъ поспѣшной укладкой и принимала ихъ услуги, какъ должную дань. Вглядѣвшись во все это, онъ замѣтилъ съ улыбкою: «Вы—воскресницы—ужасно напоминаете мнѣ древнихъ христіанъ: сошлись тутъ съ разныхъ концовъ Россіи, и не прошло нѣсколькихъ дней, какъ вы представляете изъ себя одну общую семью близкихъ по духу и симпатіямъ людей».

Мнѣ чрезвычайно понравилось это сравненіе, и я еще осязательнѣе почувствовала его въ Москвѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда я проѣзжала Москву попути въ Петербургъ, друзья, встрѣтившіе меня на вокзалѣ, взяли съ меня слово, что я непремѣнно остановлюсь тамъ на обратномъ пути на два, на три дня, непремѣнно побываю въ двухъ-трехъ воскресныхъ школахъ, непремѣнно прочту докладъ о книгѣ для класснаго чтенія взрослыхъ въ огромной комиссіи воскресныхъ и вечернихъ школъ, которую соберутъ они послучаю моего пріѣзда. Сначала я нѣсколько встревожилась подобнымъ планомъ ввиду исторіи, которая произошла уже однажды въ Москвѣ на тему, почему именно я пригоняю свои проѣзды къ субботѣ и почему собирается у меня въ такомъ количествѣ молодежь? Но друзья стали стыдить меня излишней трусостью; доказывали, что комиссія, въ которую они зовутъ меня, офи-

Х. Д. АЛЧЕВСКАЯ.

1892 г.

ціально разрѣшена, что она будетъ происходить подъ предсѣдательствомъ инспектора народныхъ училищъ и что мнѣ совершенно нечего бояться.

И дѣйствительно, чѣмъ дальше отъѣзжала я отъ нашей матушки-Москвы, тѣмъ страхи эти улегались все болѣе и болѣе, а въ Петербургѣ я совсѣмъ позабыла о нихъ и стала готовиться къ комиссіи. Попути въ Москву мнѣ грезилась уже огромная зала, толпа народа, дружескія лица, встрѣчающія меня съ привѣтомъ, и та атмосфера общественной жизни, которая такъ высоко поднимаетъ мои нервы и дѣлаетъ меня такой храброй и самонадѣянной. Но довольно было мнѣ взглянуть на вокзалѣ въ лицо Е. И. Цвѣтковой, чтобы понять, что случилось нѣчто недоброе. Когда мы сѣли въ карету, она вытащила изъ кармана носовой платокъ и стала утирать слезы. Оказалось, что собраніе наше должно было происходить, какъ и всегда, въ огромной залѣ московскаго богача П.; но на этотъ разъ онъ почему-то весьма недружелюбно встрѣтилъ А. М. Цвѣткову, которая была командирована просить у него залу, и сталъ даже кричать на нее, какъ часто кричатъ господа на горничныхъ. «Не дамъ я вамъ своей залы! — кричалъ, разгорячившись, г. П.—Что это за сборища?!. Комиссія?.. Комиссія бываетъ въ 7 человѣкъ, а не въ 70 и не въ 700. За вами и безъ того слѣдитъ полиція, я увѣренъ въ этомъ, да и слѣдуетъ слѣдить за такого рода безобразіемъ!»

Послѣ такого пассажа, нечего, конечно, было и думать о сборищѣ. Что, если г. П. въ пылу своихъ патріотическихъ чувствъ донесетъ объ этомъ сборищѣ по начальству; что, если всѣ мы, здорово живешь, будемъ переписаны и арестованы; что, если всѣмъ намъ запретятъ дѣлать наше маленькое, скромное, но дорогое для насъ дѣло?!

Свѣтъ, однако, не безъ добрыхъ людей, и наканунѣ моего пріѣзда нѣкто Езерскій, организовавшій въ Москвѣ курсы счетоводства, узнавши о томъ, что произошло съ залой П., явился на помощь. «Для этой женщины,—говорилъ онъ восторженно,—я готовъ сдѣлать все, все. Я уберу мою залу флагами, я воздвигну въ ней трибуну, я самъ стану настороже могущей произойти непріятности». Но

когда мнѣ сказали объ этомъ, я изъ осторожности отклонила этотъ планъ.

Но кто же такой Езерскій и почему именно онъ отнесся ко мнѣ такъ восторженно? Много лѣтъ тому назадъ, въ дни моей молодости, въ Харьковѣ появился молодой человѣкъ, высланный сюда изъ Петербурга за участіе въ политическихъ смутахъ выпускного курса студентовъ училища правовѣдѣнія. Карьера была испорчена, но молодой человѣкъ не робѣлъ. Довольно было взглянуть въ его открытое лицо, въ эти голубые веселые, полные жизни и энергіи глаза и на всю эту мощную, стройную, красивую фигуру, чтобы понять и почувствовать, сколько нравственной силы, сколько огня и задора, сколько отваги къ борьбѣ таится въ душѣ этого юноши, начинающаго жизнь.

Внѣшній видъ его, однако, былъ довольно небреженъ. Высокіе смазные сапоги, поношенный пиджакъ и старенькій шарфъ, которымъ онъ обыкновенно въ холодные дни обматывалъ себѣ горло, составляли, кажется, все его имущество. Онъ давалъ частные уроки и жилъ гдѣ-то, чуть не за городомъ, подъ Основой.

То были времена романа Чернышевскаго «Что дѣлать?» Увлеченная общимъ потокомъ, я также отдала дань своему времени. Правда, я не забросила школы; не ушла изъ дому, какъ дѣлали иныя изъ молодыхъ женщинъ подъ впечатлѣніемъ романа; не отстала отъ своей маленькой чайной торговли, которая удовлетворяла меня нравственно, какъ самостоятельный заработокъ; но мысль объ устройствѣ швейной для дѣвушекъ, погибающихъ въ нищетѣ и развратѣ, овладѣла всецѣло моимъ горячимъ сердцемъ и не давала мнѣ покоя. Осуществить ее самостоятельно я не могла, не имѣя ни времени, ни средствъ, ни умѣнья стать во главѣ дѣла въ роли закройщицы. Мнѣ указали на знатную барыню, очень умную, развитую, богатую, образованную, гуманную, которая могла бы осуществить задуманный мною планъ. Сказано — сдѣлано. Я пишу барынѣ огромное, прочувствованное письмо, излагая въ немъ теоріи Чернышевскаго и другихъ писателей, которыхъ начиталась я тогда. Въ письмо это я влагаю всю свою душу, всѣ завѣтныя мечты и чая-

нія. Оно доходитъ до самаго сердца знатной барыни-благотворительницы, и я слышу, что въ городѣ расклеены уже объявленія объ открытіи швейной для бѣдныхъ дѣвушекъ на началахъ ассоціаціи и круговой поруки.

Но кто же позволилъ развѣсить эти объявленія и почему полиція развѣшиваетъ ихъ? А потому, что мѣстный губернаторъ состоитъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ барыней-благотворительницей и сочувствуетъ всѣмъ ея затѣямъ. Извѣстіе это несказанно шокируетъ меня: швейная, Чернышевскій, губернаторъ, полиція...—нѣтъ, все это вещи совершенно несовмѣстимыя; я чувствую диссонансы, я несчастлива. Еще болѣе несчастлива я послѣ собранія, устроеннаго на дому барыни-благотворительницы, въ которомъ участвовали дѣвушки, направленныя туда мною. Очевидно, идеи, вложенныя мною въ письмо, незамѣтно скользнули только въ сознаніи свѣтской женщины, и собраніе это носило совсѣмъ нежелательный характеръ. Черта благотворительности, съ которою такъ сжилась барыня, прошла и тутъ яркою полосою; на собраніи появилась, между прочимъ, какая-то совсѣмъ неизвѣстная кружку замужняя особа, которая говорила низкопоклонно: «Ужъ вы, дѣвушки, помолчите; будетъ не такъ, какъ вы пожелаете, а такъ, какъ ея превосходительство прикажутъ!» Собраніе это ясно показало намъ, что игра проиграна, и мы рѣшили порвать всякую связь съ барской затѣей и создать дѣло самостоятельно.

И вотъ безъ средствъ, безъ знакомствъ, безъ умѣнья кроить и шить, я бѣгаю, хлопочу, устраиваю подписку, спускаюсь въ подвальныя жилища нищеты и бѣдности, посѣщаю притоны порока и разврата. Помню, какъ однажды я шла по улицѣ съ одною изъ такихъ завербованныхъ мною дѣвушекъ. Нахальные поклоны, циничныя шуточки сопутствовали насъ до самаго входа въ швейную. Она шла, потупивши глаза, и яркія пятна стыда покрывали ея красивое лицо. Я же чувствовала себя счастливою своей побѣдой и гордо держала голову подъ этими безчеловѣчными ударами, но все-таки путь нашъ казался мнѣ необычайно длиннымъ, вдвое длиннѣе, чѣмъ всегда.

Не всѣ дѣвушки-швеи были, однако, извлечены мною изъ нищеты и разврата, были между ними и такія, которыя могли постичь основную идею и вошли въ дѣло вполнѣ сознательно. Больше всѣхъ другихъ симпатіей моей пользовалась дѣвушка-полька. Это была прелестная, умная, энергичная дѣвушка, на рукахъ которой очутилась цѣлая семья; она работала съ утра до вечера, билась, какъ рыба объ ледъ, и все-таки терпѣла страшную нужду, голодъ, холодъ и лишенія. Она стала у насъ въ роли закройщицы, и дѣло пошло наладъ.

На лучшей изъ улицъ города — Екатеринославской — нанята была соотвѣтствующая квартира. Я перетащила туда все, что было у меня цѣннаго: и небольшое зеркало, единственное украшеніе нашей залы, и новый гардеробъ, и крѣпкіе стулья, и кисейныя занавѣски, и красную скатерть, и ломберный столъ. Наша маленькая квартирка совсѣмъ опустѣла, зато швейная были обставлена довольно прилично. Дѣло пошло. Всѣхъ интересовало это новое, модное невиданное еще предпріятіе; было много толковъ, шума, нареканій; были люди, бросавшіе въ него грязью и распускавшіе гнусныя клеветы, и были союзники, доброжелатели. Въ первый мѣсяцъ на долю каждой изъ участницъ досталось 15 руб., дальше заработокъ оказался еще значительнѣе.

Но въ основѣ дѣла лежалъ червь, который непремѣнно долженъ былъ подточить со временемъ его корни. Предпріятіе это очутилось мало-по-малу въ рукахъ закройщицы-польки. Занятая и школой, и своей маленькой чайной торговлей, я не могла всецѣло отдать себя швейной, да и вдобавокъ не знала толку ни въ шитьѣ, ни въ кройкѣ, ни въ модахъ. Участіе мое выражалось во внѣшнихъ, такъ сказать, хлопотахъ по домохозяйству и въ развивающихъ чтеніяхъ, которыя вела я въ мастерской. Между тѣмъ властолюбивая дѣвушка-полька, стоя выше другихъ головой по развитію и чувствуя свое значеніе и силу въ этомъ дѣлѣ, забирала его исподволь въ свои руки, и послѣ очень тяжелой для меня борьбы, длившейся около двухъ лѣтъ, я должна была сложить оружіе, и швейная обратилась въ обыкновенный модный магазинъ съ дѣвочками-работницами,

съ мастерицами на жалованьѣ и эксплуатирующей чужой трудъ хозяйкой. Одна только вывѣска гласила еще о томъ, что когда-то на этомъ мѣстѣ существовало идейное учрежденіе.

Но Езерскій появился въ Харьковѣ именно тогда, когда швейная была въ полномъ расцвѣтѣ, когда о ней говорили, шумѣли и называли имя ея иниціатора. Легко представить, какъ магически должно было подѣйствовать это на юнаго энтузіаста, знавшаго напамять весь романъ Чернышевскаго. Не одна только швейная говорила ему обо мнѣ, о моихъ вкусахъ и симпатіяхъ. Пріѣхавши въ Харьковъ, онъ поселился гдѣ-то невдалекѣ отъ Карповскаго сада, на Левадѣ, и каждый разъ до его скромнаго жилища доносились звуки стройнаго хорового пѣнія поэтическихъ малорусскихъ пѣсенъ. Однажды онъ подошелъ къ кружку дѣвушекъ, которыя тихо и задушевно пѣли: «Ой, пиду я до гаю»... Онъ спросилъ ихъ, кто научилъ ихъ такому прекрасному и стройному пѣнію, и онѣ назвали ему то имя, съ которымъ связано было устройство швейной. «Мы учимся въ воскресной школѣ, — сказали скромно дѣвушки, — а пѣть хоромъ на два голоса насъ научила Христина Даниловна». Онъ разспросилъ, гдѣ именно живетъ эта Христина Даниловна; и онѣ указали ему на нашъ маленькій чайный магазинъ, въ которомъ торговала я тогда.

Этотъ маленькій чайный магазинъ носилъ на себѣ совершенно иной отпечатокъ и непохожъ былъ на всѣ другія лавочки, торгующія чаемъ и сахаромъ. Неспособная никогда ни къ чему относиться иначе, какъ съ увлеченіемъ, я вложила частичку души во всю его обстановку. Бѣлый деревянный прилавокъ былъ обтянутъ изящной клеенкой; въ дешевыя рамы шкапа были вставлены большія прозрачныя стекла; фунты, полуфунты и четвертушки чаю красовались въ изящныхъ оберткахъ на окнѣ; два маленькихъ хорошенькихъ мальчика, помощники мои по торговлѣ, были одѣты въ поэтическіе малороссійскіе костюмы; на прилавкѣ были разложены новые газеты и журналы; при магазинѣ была небольшая уютная комнатка, въ которой вѣчно шумѣлъ неугасаемый самоваръ и велись дружескія бесѣды въ минуты

отдыха, а по воскресеньямъ собирались дѣти, подростки и взрослые для обученія грамотѣ. Въ магазинѣ я держала себя, однако, съ большимъ достоинствомъ, чтобы не подать повода къ фамильярности по отношенію къ молодой женщинѣ, сидящей за прилавкомъ, что было тогда большою рѣдкостью и казалось большою оригинальностью.

Езерскій въ качествѣ покупателя держалъ себя очень сдержанно, и мы обмѣнивались съ нимъ лишь незначащими фразами. Какъ вдругъ однажды онъ услышалъ за стѣной своей скромной комнатки голосъ, совершенно напомнившій ему мой тембръ и манеру говорить. Это были мои братьи, поселившіеся въ одной съ нимъ квартирѣ. Дверь распахнулась, и передъ ними предсталъ незнакомый молодой человѣкъ, восклицавшій взволнованно: «Ради Бога, простите!.. но этотъ голосъ... она вамъ, вѣроятно сестра?» И онъ назвалъ имъ мое имя и фамилію и тѣ поводы, какіе заставляютъ его интересоваться мною, какъ человѣкомъ. Братья познакомили меня съ нимъ, и онъ сдѣлался однимъ изъ посѣтителей нашей магазинской комнаты.

Езерскій отличался свѣтлымъ умомъ, большою начитанностью, прекраснымъ голосомъ и энтузіазмомъ фанатика, готоваго на смерть за то, что онъ считаетъ истиной. Все это нравилось мнѣ въ немъ, и между нами была одна только тема раздора—это вопросъ о народномъ образованіи. Онъ глумился надъ моей маленькой воскресной школой, называлъ ее ничтожнымъ палліативомъ, жалкимъ самоуслажденіемъ, заслоняющимъ глаза на то, чѣмъ слѣдуетъ возмущаться, и звалъ меня на другую дорогу, въ другую жизнь...

Однажды мы узнали изъ газетъ, что Езерскій получилъ большое наслѣдство. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого онъ радостно ворвался къ намъ и началъ уговаривать меня принять отъ него это наслѣдство, какъ вещь, точно свалившуюся съ неба и ровно ни на что ему ненужную. Онъ уговаривалъ меня ѣхать на эти деньги въ Петербургъ, заняться своимъ образованіемъ, развить свои способности и выступить затѣмъ на арену широкой общественной дѣятельности. Я назвала его сумасшедшимъ и отказала на-

отрѣзъ. Тогда онъ поѣхалъ одинъ въ Петербургъ за полученіемъ наслѣдства. Мы ждали, что онъ возвратится оттуда, пріодѣвшись, что, наконецъ, улучшится его матеріальное благосостояніе и не нужно будетъ бѣгать ему съ утра до вечера по грошевымъ урокамъ. Но надежды наши не оправдались. Онъ возвратился изъ Питера въ томъ же поношенномъ сюртукѣ, въ томъ же грязномъ шарфѣ, замотанномъ вокругъ шеи, въ тѣхъ же высокихъ смазныхъ сапогахъ, такимъ голышемъ, какъ и былъ. Оказалось, что всѣ свои 50 тысячъ рублей онъ роздалъ на разнаго рода ассоціаціи, общества потребителей, современныя артели, а значительный остатокъ изъ этого капитала отправилъ Чернышевскому въ Сибирь.

Въ манерѣ его обращенія съ людьми было чрезвычайно много оригинальнаго. Сижу, напр., я въ маленькомъ обществѣ своихъ знакомыхъ. Входитъ въ переднюю Езерскій и дѣлаетъ знаки, чтобы я вышла къ нему. Я выхожу. «Что вамъ угодно?» Онъ притворяетъ дверь въ гостиную, держитъ меня нѣсколько минутъ безъ отвѣта, а затѣмъ говоритъ съ иронической улыбкой: «Ничего! Мнѣ хотѣлось взглянуть только, насколько вы подчиняетесь общественному мнѣнію и насколько этотъ маленькій поступокъ скомпрометируетъ васъ, на вашъ взглядъ, въ глазахъ этихъ кумушекъ, въ сообществѣ которыхъ вы можете опуститься умственно и нравственно».

Къ числу его странностей относилось еще и то, что онъ или никогда ничего не ѣлъ въ гостяхъ, или если ѣлъ, то подводилъ итогъ съѣденнаго и расплачивался. Какъ ни были бѣдны мы тогда, но духъ гостепріимства всегда жилъ во мнѣ, и вотъ однажды я уговорила его отобѣдать у насъ. На другой день какой-то человѣкъ изъ погребка принесъ мнѣ кулекъ съ апельсинами, счетъ и скрылся. Я заглянула въ счетъ; тамъ стояло:

«Порція супа	30 коп.
Цыпленокъ	25 »
2 миндальныхъ пирожныхъ	10 »
Хлѣбъ	5 »
Итого	70 коп.

Посылаю соотвѣтствующее количество апельсинъ, такъ какъ, все равно, вы любите фрукты и покупаете ихъ».

Мужъ мой ужасно сердился на него за эту выходку, а я отъ души смѣялась надъ чудакомъ, но обѣдать его больше не приглашала.

Задайся я цѣлью описать всѣ его чудачества,—я исписала бы цѣлыя сотни страницъ, а потому довольно и этого. Скажу только, что всѣ его выходки какъ-то шли къ нему и вовсе не носили на себѣ оттѣнка желанія порисоваться, пооригинальничать.

Видя, насколько непреклонна я въ вопросѣ объ измѣнѣ дѣлу народнаго образованія, онъ предложилъ мнѣ заниматься съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ часы досуга науками въ формѣ образовательнаго чтенія. Я согласилась. Помню, онъ создалъ цѣлый планъ самообразованія, долго и горячо работая надъ разработкой его. Помню, мнѣ очень нравился этотъ планъ и казался чрезвычайно привлекательнымъ въ осуществленіи; но занятія наши не шли наладъ. Онъ безпрестанно уклонялся всторону, горячился, спорилъ, порицалъ мое маленькое любимое дѣло, съ отвращеніемъ говорилъ о торговлѣ, о занятіяхъ моихъ въ магазинѣ и вмѣсто намѣченной статьи читалъ съ паѳосомъ и озлобленіемъ «Торговая нравственность» Спенсера. Я, въ свою очередь, раздражалась, противорѣчила, спорила, и часто эти уроки кончались горькими слезами съ моей стороны. Тогда онъ смирялся, затихалъ, просилъ прощенія и клялся никогда не возобновлять своихъ темъ и не выражаться такъ рѣзко и обидно.

Но бывали иного рода отклоненія. Езерскій обладалъ прекраснымъ даромъ слова, богато одаренной фантазіей и пріятной, чарующей дикціей. Отложивши книгу всторону, онъ фантазировалъ о томъ, какъ много сдѣлаю я въ жизни, если займусь самообразованіемъ, брошу свою маленькую школку, свои меркантильныя занятія торговлей и вся отдамся широкой общественной дѣятельности, завоюю себѣ право проповѣдника общечеловѣческихъ истинъ, буду произносить блестящія рѣчи съ трибуны и создамъ цѣлыя тысячи союзниковъ, единомышленниковъ, которые со вре-

менемъ перестроятъ существующій порядокъ вещей. Заразить общество свѣтлыми теоріями, взглядами, вѣрованіями, привить къ нему энтузіазмъ, энергію и настойчивость въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей—вотъ задача современнаго дѣятеля, вотъ то, что можетъ пробудить общество и послужить къ перевороту, вотъ куда стоитъ затратить всѣ свои интеллектуальныя силы, вотъ чему слѣдуетъ принести въ жертву даже самую жизнь...

И онъ широкою кистью художника рисовалъ передо мною яркія картины моей будущей дѣятельности, гдѣ все было такъ свѣтло, прекрасно, возвышенно. Картины эти напоминали сны Вѣры Павловны изъ романа «Что дѣлать?», и часто я заслушивалась ихъ съ бьющимся сердцемъ и душевнымъ волненіемъ; но помню, никогда, ниразу, ни единымъ словомъ не подала я надежды юному энтузіасту, что я пойду по пути, указанному имъ, никогда не поколебалась мыслью объ измѣнѣ дѣлу народнаго образованія,—настолько и тогда уже я вѣрила въ него.

Какъ-то утромъ всѣ мы были поражены извѣстіемъ, что Езерскій арестованъ и что его везутъ въ Петербургъ съ жандармами. Помню, мнѣ было жаль его до слезъ. Когда онъ забѣжалъ къ намъ проститься, его здоровое, молодое, розовое лицо не носило на себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ тревоги или отчаянія; но когда онъ сталъ прощаться съ нами, онъ громко и порывисто зарыдалъ и, обращаясь къ моему мужу, говорилъ всхлипывая: «Неужели вы не видите и не понимаете, А. К., что обстановка, окружающая Христину Даниловну, губитъ ее; что въ этихъ грошевыхъ расчетахъ гибнутъ ея силы и дарованія. Если и дальше будетъ такъ, вы дадите отвѣтъ Богу за жизнь, загубленную безцѣльно». И онъ выбѣжалъ, рыдая, изъ нашей магазинской комнаты.—«Сумасшедшій!» сказалъ ему вслѣдъ А. К.

Всѣ порывы и выходки Езерскаго были, какъ я уже сказала, вполнѣ естественны въ немъ; но не могу сказать, однако, чтобы въ этой цѣльной и богато одаренной натурѣ не было противорѣчій. Какъ-то я попросила у него его фотографическую карточку. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что тратить деньги на подобный вздоръ онъ считаетъ подлостью, а по-

тому ниразу въ жизни не снимался. Между тѣмъ, полгода или годъ спустя, какой-то незнакомый человѣкъ вызвалъ меня въ переднюю, освѣдомился о моемъ имени и вручилъ мнѣ смятый клочокъ сѣрой бумаги, развернувши который я съ трудомъ прочла слѣдующее: «Если хотите облегчить печаль страдающаго человѣка, лишеннаго воли, свѣта и свѣжаго воздуха, пришлите ему всѣ имѣющіеся у васъ снимки вашихъ фотографическихъ карточекъ». Мнѣ невыразимо жаль было Езерскаго, но карточекъ я все-таки ему не послала, такъ какъ это могло бы повредить моему маленькому школьному дѣлу.

Съ тѣхъ поръ я потеряла его изъ виду и какъ-то, много лѣтъ спустя, слышала, будто онъ возвращенъ изъ Сибири, купилъ себѣ гдѣ-то въ захолустьѣ кусокъ земли и занимается огородничествомъ. Московскій Езерскій оказался роднымъ братомъ моего стараго знакомаго, отъ котораго онъ много слышалъ обо мнѣ. Вотъ откуда собственно и шло его восторженное отношеніе къ моей встрѣчѣ. Своимъ энтузіазмомъ онъ напоминалъ нѣсколько брата, но у него все выходило какъ-то какъ бы преувеличенно и неестественно. Лишившись возможности устроить мнѣ овацію въ своей обширной залѣ, онъ встрѣтилъ меня у дверей воскресной школы, помѣщающейся въ его домѣ, съ такимъ уничиженіемъ и благоговѣніемъ, съ такимъ ѳиміамомъ рѣчей, что я, сконфуженная и растерянная, рѣшительно не находила словъ и выраженій, чтобы отвѣчать ему. Такъ, вѣроятно, встрѣчаютъ низкопоклонные придворные королеву, когда хотятъ польстить ей. Но въ Езерскомъ не могло быть этихъ чувствъ, ему нечего было искать во мнѣ, онъ весь былъ искренность и энтузіазмъ, и я не могла не цѣнить этого, сравнивая его съ московскимъ богачомъ П.

Мы пріѣхали въ эту воскресную школу на послѣдній часъ занятій. Ученицы и учительницы встрѣтили меня точно давнишнюю знакомую, что, однако, не помѣшало имъ страшно конфузиться меня. Въ соединенныхъ группахъ производилось чтеніе. Знакомая мнѣ нѣсколько учительница читала какой-то разсказъ Глѣба Успенскаго. Когда она увидѣла меня, лицо ея покрылось красными пятнами,

голосъ упалъ, и во взглядѣ явилась какая-то растерянность и робость. Желая избавить ее отъ этой пытки, я перешла въ смежную небольшую комнату, изъ которой доходилъ до насъ свѣжій, молодой голосъ, дисциплинирующій учницъ. Когда мы вошли, дѣвушка-брюнетка съ выразительными черными глазами устраивала и усаживала свою маленькую аудиторію. «Маша, ты садись вотъ тутъ!» говорила она младшей изъ дѣвочекъ, подвигая ее впередъ. «А вы что же поналѣзли чуть не на мою голову, вѣдь этакъ мнѣ будетъ душно читать!» шутила она съ другими, примостившимися такъ близко къ ней, что она съ трудомъ добралась до стула. Наконецъ, когда все было улажено, она уютно усѣлась, откинула нѣсколько назадъ свою красивую голову, раскрыла книгу и начала читать разсказъ Чехова «Ванька». Ахъ, что это было за чтеніе!.. Маленькій загнанный Ванька, съ его жалкими воспоминаніями о деревнѣ, о мамкѣ, такъ и выросъ передъ нами, какъ живой. Дѣти жадно впивались глазами въ лицо учительницы и не проронили, очевидно, ни слова. Теперь ужъ нечего было заботиться о дисциплинѣ: всѣ слушали, не переводя духа, и только короткій смѣхъ сочувствія къ раздумью Ваньки нарушалъ время-отъ-времени эту тишину. Учительницѣ приходилось читать отъ лица мальчика, и надо было видѣть, сколько неподдѣльной наивности и дѣтской чистоты чудилось въ ея чтеніи. Мы положительно слышали самого Ваньку съ его узенькимъ міросозерцаніемъ, съ его дѣтскими радостями, печалями и грезами, и, по мѣрѣ того, какъ передъ нами раскрывалась эта дѣтская душа, мы все больше и больше чувствовали къ нему симпатіи, участія, нѣжности. И странное дѣло, всѣ эти чувства перенеслись у меня съ Ваньки на молодую чтицу, и она стала какъ-то особенно близка и дорога мнѣ. Я познакомилась съ нею, и въ 2—3 свиданія мы сдѣлались чуть не друзьями.

Вообще, несмотря на то, что богачъ П. не далъ намъ залы, нравственное сближеніе «древнихъ христіанъ» шло своимъ чередомъ. Боясь привлечь вниманіе полиціи, я заявила своимъ друзьямъ, что ко мнѣ могутъ являться въ количествѣ пяти лица, желающія повидаться со мною. Та-

кимъ образомъ установились очереди, и моя небольшая комната въ гостиницѣ «Дрезденъ» постоянно была полна народа; но часто старой очереди не хотѣлось до смерти уходить, и такимъ образомъ набиралось по 10 и даже по 15 человѣкъ. Много задушевныхъ разговоровъ, много горячихъ изліяній, много свѣтлыхъ надеждъ и несбыточныхъ плановъ слышали стѣны этой скромной комнаты, и я уѣхала изъ Москвы подъ самыми радужными впечатлѣніями, ясно сознавая, что никакимъ богачамъ П. не порвать и не уничтожить этой нравственной связи.

Парижская всемiрная выставка 1889 года.

Докладъ собранiю учительницъ Харьковской частной женской воскресной школы).

Прежде, чѣмъ читать мои бѣглыя замѣтки, озаглавленныя «Парижская выставка», я должна принести самое искреннее покаянiе въ томъ, что, въ сущности, я вовсе не видала парижской выставки, а потому и не могу сказать о ней почти ни слова. При воспоминанiи о недавнемъ прошломъ въ воображенiи моемъ смутно представляются какiя-то роскошныя палаты, какiя-то изящныя витрины, бархатъ, бронза, хрусталь, мимо которыхъ приходилось мнѣ постоянно проходить, быстро направляясь къ своему русскому отдѣлу, и только образъ огромнаго мѣднаго Будды какъ-то особенно ярко врѣзался въ мою память, и я прiобрѣла изображенiе его въ миniатюрѣ, какъ единственное образное воспоминанiе о чудесахъ парижской выставки. Парижа я тоже не видала, и онъ представляется мнѣ огромнымъ, прекраснымъ садомъ, полнымъ невѣдомыхъ для меня чудесъ. Ярче всего встаетъ передо мной Pont de Grenelle и величественная статуя свободы, мимо которой мнѣ приходилось проѣзжать каждый день. Прiобрѣсти копiю этой статуи сдѣлалось впослѣдствiи моею idée fixe. Послѣ долгихъ поисковъ я напала, наконецъ, на слѣдъ художника, создавшаго ее, и по окончанiи выставки вы увидите это прекрасное изваянiе въ Харьковѣ воочiю.

Предпославши это краткое извиненiе, я постараюсь разсказать вамъ послѣдовательно и болѣе или менѣе подробно о своей поѣздкѣ въ Парижъ, о 3-мѣсячномъ пребыванiи моемъ на выставкѣ и о всѣхъ моихъ удачахъ и неудачахъ.

Я выѣхала изъ Харькова совершенно измученная своей повседневной работой и вынуждена была остановиться для отдыха въ Петербургѣ на 2, на 3 дня, но меня ждали тамъ непріятности, совершенно расшатавшія мои нервы. Поѣздка въ Парижъ еще болѣе утомила меня, и меня привезли въ Hôtel du Louvre въ почти безсознательномъ состояніи: страшная головная боль сжимала мнѣ виски; очнувшись на нѣсколько минутъ, я снова впадала въ сонъ и впродолженіе 5—6 дней рѣшительно ничего не брала въ ротъ. Больше всего меня терзалъ парижскій шумъ и щелкающіе бичи извозчиковъ. Я безсильно простирала ночью руки въ пространство и умоляла замолчать и дать мнѣ покой хоть на нѣсколько минутъ. Я не только не могла пойти на выставку, но не въ силахъ была думать о ней, и все прошлое и настоящее какъ-то безпорядочно перепутывалось въ моей больной головѣ.

Прибывшій, наконецъ, докторъ заявилъ, что у меня анемія мозга и что холодные компрессы необходимо замѣнить теплыми, согрѣвающими. Онъ приказалъ поить меня чаемъ и заставить съѣсть что-нибудь хоть черезъ силу. Совѣты его оказались вполнѣ раціональными, и на 5 или 6 день я, нѣсколько пошатываясь и съ тяжелой еще послѣ болѣзни головой, отправилась на выставку въ сопровожденіи мужа и дѣтей, которые тщетно силились остановить мое вниманіе то на одномъ, то на другомъ предметѣ. Я безостановочно двигалась къ точкѣ, названной ими «Arts libéraux», гдѣ помѣщена была наша книга, и останавливаться на чемъ бы то ни было по пути, не достигнувъ цѣли, мнѣ казалось въ эту минуту какъ бы преступленіемъ.

Переходя изъ одной огромной палаты въ другую, я почувствовала, наконецъ, запахъ водки и кожи, и мнѣ сообщили, что мы достигли русскаго отдѣла. Запахъ кожи шелъ, очевидно, отъ разнаго рода сафьянныхъ образцовъ и обуви, размѣщенныхъ симметрично въ витринахъ; запахъ же водки я почувствовала при разговорѣ съ русскимъ экспонентомъ съ одутловатой пьяной физіономіей и выпученными глазами. Онъ довольно безсвязно объяснилъ намъ, что изобрѣлъ какой-то неразбивающійся составъ, причемъ

вытащилъ изъ своего шкафика статуэтку и сталъ немилосердно колотить ее головой о прилавокъ (впослѣдствіи онъ былъ извѣстенъ у насъ подъ названіемъ «неразбивающаяся фигура»).

Рядомъ съ нимъ находился господинъ въ томъ же родѣ, но съ ухватками военнаго человѣка, кутилы-мученика. Какъ-то на вопросъ мой, чѣмъ собственно занимался онъ въ прошломъ и какова его спеціальность, онъ отвѣчалъ трагически, съ жестами провинціальнаго актера: «Убивалъ людей». Въ первую минуту я не поняла, въ чемъ дѣло, а затѣмъ оказалось, что онъ былъ ополченцемъ въ послѣднюю войну.

Немного далѣе я увидѣла человѣка, одѣтаго шутомъ, какъ показалось мнѣ, и тоже съ пьяной физіономіей; на немъ была надѣта ярко-красная ситцевая рубашка, широкія, яркія синія шаровары и ямщицкая шапка съ павлиньимъ перомъ, совершенно похожая на дурацкій колпакъ. Это былъ нѣкто Гриневъ, лакей генеральнаго комиссара Андреева, которому баринъ поручилъ присматривать за кустарнымъ отдѣломъ, состоящимъ изъ какихъ-то бездѣлушекъ.

Еще далѣе сидѣла толстая баба лѣтъ за 40, не то мѣщанка, не то купчиха, наряженная въ безвкусный костюмъ кормилицы и продававшая пуховые платки. Вся эта компанія, естественно, показалась мнѣ совсѣмъ несимпатичной, и я, минуя ее, поспѣшила къ своей витринѣ.

Между огромнымъ шкафомъ, наполненнымъ изданіями Сытина, слѣва и большой роскошной витриной Варгунина справа сиротливо стоялъ маленькій орѣховый пюпитръ, покрытый слоемъ пыли. Я узнала его по чертежу, врученному мнѣ въ Петербургѣ, и взглядъ мой искалъ на немъ 2 толстые тома «Что читать народу», но—увы!—на лицевой сторонѣ пюпитра были разложены мои частныя письма и статья «Гражданина» съ крупною надписью, сдѣланною моей рукой, «Доносы». Оказалось, что ящикъ, отправленный мною съ надписью «Hôtel du Louvre», былъ по небрежности раскупоренъ на выставкѣ вмѣсто того, на которомъ было написано: «Exposition». И такъ, мою частную переписку

могъ читать здѣсь каждый, кому вздумается, и недоумѣвать надъ вопросомъ, съ какою цѣлью могла появиться она на всемiрной парижской выставкѣ. А что, если издатель «Гражданина» попалъ случайно въ этотъ русскiй отдѣлъ и прочелъ на своей газетѣ наложенное мною клеймо позора? Что, если онъ, съ его влеченiемъ къ скандаламъ, вздумаетъ возбудить пикантное дѣло и привлечь меня къ отвѣтственности?!. Всѣ эти вопросы мучительно возникали въ моей головѣ и возбуждали во мнѣ желанiе бѣжать изъ этого русскаго отдѣла. Пыль, грязь, паутина довершали общее впечатлѣнiе, и я не знала, гдѣ и какъ искать выхода изъ этого положенiя. На разспросы мои, отъ кого я могу добиться толку, мнѣ совѣтовали обратиться къ сторожу Лаврову и просить у него необходимыхъ разъясненiй. Въ этомъ сторожѣ я предполагала встрѣтить толковаго простолюдина-артельщика, но ожиданiя мои не сбылись: передо мной явился франтикъ, не окончившiй реальнаго училища, немножко говорящiй по-французски, презирающiй свое названiе сторожа и взявшiйся за это ремесло единственно изъ желанiя прокатиться на парижскую выставку. Онъ не могъ мнѣ рѣшительно ничего объяснить и направилъ меня къ секретарю русскаго отдѣла. На вопросъ мой, проходили ли члены жюри нашъ отдѣлъ, секретарь отвѣчалъ флегматично: «Да, проходили, но возлѣ вашего экспоната не останавливались, такъ какъ представителей подобныхъ предметовъ больше не имѣется, а нельзя же собирать цѣлое жюри для одной книги».

Это извѣстiе окончательно ошеломило меня, и я возвращалась домой въ положенiи человѣка, доведеннаго до отчаянiя, съ твердымъ намѣренiемъ уѣхать въ Россiю завтра же. «Неужели я прiѣхала сюда для того, чтобы смотрѣть на всѣ эти бархаты, атласы и кружева? На что они мнѣ?» думала я съ какимъ-то озлобленiемъ, идя мимо огромнаго мѣднаго Будды, возвышающагося надъ всѣмъ остальнымъ. Я невольно подняла голову, взглянула ему въ лицо, и мнѣ показалось, что его узкiе полуоткрытые глаза смотрятъ на меня съ положительной насмѣшкой, и тонкiя губы улыбаются язвительно и иронически. Еще съ болѣе

отяжелѣвшей головой возвратилась я домой, и только усиленныя увѣщанія близкихъ мнѣ людей парализировали мою рѣшимость уѣхать изъ Парижа. Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ возстановленія физическихъ силъ, ко мнѣ прибывала моя обычная бодрость и, вѣроятно, глядя, съ какой энергіей счищала я пыль и грязь кругомъ, знакомилась съ сосѣдями, раскладывала книги и бѣгала въ будочку комитета (называемую въ общежитіи курятникомъ) то съ однимъ, то съ другимъ заявленіемъ или протестомъ, трудно было узнать во мнѣ того самаго человѣка, который, пошатываясь отъ слабости и горя и безсильно опустивъ руки, возвращался домой съ отчаяннымъ намѣреніемъ возвратиться вспять.

Прежде всего я въ большей или меньшей мѣрѣ подчинила себѣ сторожей, накупивъ всевозможныхъ тряпокъ, щетокъ и метелокъ. Они, очевидно, заподозрѣли во мнѣ лицо, причастное комитету и уполномоченное слѣдить за порядкомъ, и я вовсе не спѣшила парализовать этой иллюзіи. Даже бѣлоручка Лавровъ, видя меня въ фартукѣ, стирающей пыль, дрался двумя пальцами за plumeaux и нѣжно смахивалъ пыль съ сосѣднихъ витринъ; даже кривляка полякъ, тоже полуобразованный франтикъ, граціозно изгибаясь, выбивалъ на воздухѣ мою скатерть; о французѣ-сторожѣ Марешалѣ, ужаснѣйшемъ неряхѣ, съ идіотически добродушнымъ выраженіемъ лица, уже и говорить нечего: онъ всецѣло подчинился мнѣ и работалъ, какъ волъ, изрѣдка только бурча себѣ подъ носъ: «et bien, je n'ai pas quâtre mains pour faire tout ça!» Дѣйствительно, онъ работалъ за всѣхъ трехъ, и вы могли приказывать ему сколько угодно. Одного только не переносилъ онъ—самаго малѣйшаго выговора: довольно было вамъ сказать: «взгляните, Марешаль, вѣдь вы не захватили здѣсь пыль въ углу», чтобы это его страшно разобидѣло и чтобы онъ на цѣлыхъ 2—3 часа утратилъ всякую способность къ работѣ. Этого мало: онъ упорно стоялъ передъ вами и бурчалъ безъ конца на тему о вашей черной неблагодарности и о томъ, что онъ не имѣетъ «malheureusement quatre mains». Впослѣдствіи всѣ мы, экспоненты, отлично знали это свойство, тща-

тельно избѣгали этой потери времени и ужасно потѣшались, когда кто-либо изъ вновь прибывшихъ господъ впутывался съ Марешалемъ въ подобную исторію.

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что мое подчиненіе себѣ сторожей вовсе не носило элементовъ деспотизма да и не могло носить, такъ какъ, въ сущности, они были отъ меня вполнѣ независимы. Это было просто нравственное вліяніе человѣка, горячо относящагося къ дѣлу и подающаго собою живой примѣръ. Съ свойственной мнѣ общительностью я находилась съ ними въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ, и chef Лавровъ, какъ онъ называлъ себя, весьма часто вступалъ со мною въ самыя откровенныя бесѣды такъ, напр., однажды онъ подошелъ и сообщилъ мнѣ съ торжествующей улыбкой и съ оттѣнкомъ таинственности, что его желаютъ повысить и что онъ будетъ теперь уже не сторожемъ, а чѣмъ-то инымъ, но чѣмъ именно, онъ достовѣрно не зналъ, и этотъ вопросъ крайне тревожилъ его.

— Не придумаете ли вы, m-me Алчевская,—говорилъ онъ заискивающимъ тономъ,—какое бы именно дать мнѣ названіе.

Подумавши немного и вспомнивши разнаго рода профессіи, я сказала, что совѣтовала бы ему назваться консерваторомъ русскаго отдѣла; слово это ему очень понравилось, и онъ опрометью бросился въ комитетъ ходатайствовать объ этой милости. На другой день я увидѣла Лаврова не въ его обычной формѣ сторожа, напоминавшей кондукторовъ желѣзной дороги, а одѣтаго кукушкой, въ какомъ-то пестромъ клѣтчатомъ пиджачкѣ и съ тросточкой въ рукахъ. Онъ былъ такъ смѣшонъ, что я едва могла удержаться отъ смѣха. Нѣсколько дней спустя, онъ подошелъ ко мнѣ опять съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица.

— Какъ вы думаете, m-me Алчевская,—спросилъ онъ меня серьезно, — что лучше: быть ли въ деревнѣ первымъ или въ городѣ послѣднимъ? Теперь меня назвали чиновникомъ (employé), но я состою самымъ послѣднимъ изъ чиновниковъ, между тѣмъ, если меня назначатъ главнымъ сторожемъ, я буду въ своемъ родѣ начальствомъ.

Взглянувши пристально на Лаврова и соображая, какого сорта совѣтъ должна я ему дать, я отвѣчала рѣшительно: «По-моему—въ деревнѣ первымъ».

Нѣсколько дней спустя, я увидѣла Лаврова въ новенькой формѣ, разукрашенной какими-то позументами. Онъ расшаркался передо мной по-военному и сказалъ, самодовольно улыбаясь: «Всѣ находятъ, что эта форма гораздо больше идетъ мнѣ къ лицу, а главное вотъ что,—добавилъ онъ, снимая свою новенькую шапку, опушенную чернымъ барашкомъ, и съ позументомъ, положеннымъ крестъ-накрестъ наверху: — иной можетъ принять ее, пожалуй, за генеральскую».

Со сторожемъ-полякомъ я находилась не въ меньшей дружбѣ, и наканунѣ отъѣзда у меня произошелъ съ нимъ такой разговоръ:

— А, кажется, вамъ не хочется уѣзжать,—сказалъ онъ, принимая свою обычную граціозную позу.

— Еще какъ не хочется,—отвѣчала я, и невольныя слезы блеснули у меня на глазахъ.

— Удивляюсь!—возразилъ онъ, пожимая плечами.— А я такъ соскучился, такъ соскучился по循 родинѣ, что, кажется, прошелъ бы пѣшкомъ тысячи верстъ, лишь бы возвратиться домой. Неужели вы не любите своей родины?— заключилъ онъ рѣчь.

— Родина...—сказала я въ раздумьѣ,—моя родина тамъ, гдѣ эта книга,—и я не могла прибавить ничего болѣе отъ слезъ.

Марешаль тоже дѣлился со мною своими радостями и печалями, и когда жена его свалилась, работая, съ лѣстницы, онъ каждый день сообщалъ мнѣ о ея здоровьѣ самые подробные бюллетени.

Вообще и съ этими сторожами, и съ «неразбивающейся фигурой», и съ героемъ, «убивавшимъ людей», и съ продавщицей платковъ, и со всѣми другими я находилась въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ.

Между моими сосѣдями были, однако, и интеллигентные люди. Представительницей фирмы Сытина являлась молодая дѣвушка, С. В. К., дочь извѣстнаго московскаго компо-

зитора. Ея блѣдно-матовое лицо, черные, какъ смоль, прекрасные волосы и грустные съ поволокой глаза невольно останавливали на себѣ ваше вниманіе и заставляли интересоваться романомъ этой героини, дѣйствительно, происшедшимъ въ ея жизни. Она была невѣстой сына писателя О., прекраснаго юноши, окончившаго курсъ въ московскомъ университетѣ. День свадьбы былъ уже назначенъ, и вѣнчальное платье лежало на столѣ, но юноша неожиданно заболѣлъ дифтеритомъ, и его не стало въ 2 дня. Дѣвушка не въ силахъ была покориться безропотно этому удару судьбы и отравилась. Подоспѣвшая вовремя помощь возвратила ее къ жизни, но потрясеніе было слишкомъ велико, чтобы пройти безслѣдно: она лишилась разсудка, и ее отвезли въ Парижъ къ Шаркó. Медицина и на этотъ разъ оказала свое могучее дѣйствіе: разсудокъ былъ возвращенъ, но печать грусти и какого-то трагизма осталась, вѣроятно, навѣки на всемъ образѣ этой поэтической дѣвушки. Я очень сошлась съ нею и, уѣзжая, говорила ей серьезно, имѣя ввиду десятки ея и молодыхъ, и пожилыхъ, поклонниковъ: «Боже мой, Боже мой, какъ я оставлю васъ здѣсь, въ Парижѣ, одну!»

— Жила жъ я безъ васъ,—отвѣчала она съ своей грустной улыбкой, желая успокоить меня и подсмѣиваясь надъ моей мнительностью.

Я оставила ее представительницей книги «Что читать народу» на выставкѣ и поручила сообщать мнѣ ежедневно обо всемъ, что происходитъ тамъ. Къ интеллигентнымъ людямъ можетъ быть причислена также нѣжная молодая чета Р. Она являлась на выставкѣ представительницей типографскихъ работъ Кушнеревыхъ и К°; онъ состоялъ секретаремъ русскаго отдѣла. Кромѣ настоящей обязанности, m-me Р. слушаетъ въ Парижѣ лекціи медицинскаго факультета, а онъ окончилъ курсъ технологическаго института. Маленькій, невзрачный, съ преждевременно облысѣвшей рыжеватой головой, онъ отличается необычайной многозначительностью, и черезъ эту призму многозначительности чрезвычайно трудно разсмотрѣть, уменъ онъ или глупъ. Зато по отношенію къ m-me Р. не могло оставаться ни малѣйшихъ

сомнѣній, и трудно было представить себѣ, какъ эта малоразвитая и ограниченная женщина пришла къ рѣшенію посвятить себя наукѣ.

— Гришенька, поди сюда! — раздавалось безпрестанно подъ сводами русскаго отдѣла, и Гришенька шелъ обыкновенно на этотъ зовъ.

Но бывали, впрочемъ, между ними и споры, напоминавшіе Аѳанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну.

— Гришенька! — взывала m-me P., — по сколько картинокъ съ листа совѣтуешь ты мнѣ отрѣзать для отправки членамъ жюри?

— Я совѣтую по одной, — отвѣчалъ онъ многозначительно.

— А по-моему по пяти,—задорно возражала она.

— Ну, по пяти,—отвѣчалъ онъ съ той же многозначительностью.

— Гришенька, не раздражай меня,—протестовала m-me P., и вслѣдъ за этимъ у всѣхъ насъ на глазахъ происходила маленькая семейная сцена.

Впослѣдствіи и за нимъ, и за нею у насъ очень прочно установилось прозвище «Гришенька», и когда произносилось слово «Гришенька», то прибавлялось только онъ или она.

Кромѣ ограниченности, я находила ее еще завистливой и злой; такъ, напр., она никакъ не могла перенести спокойно успѣховъ нашей книги, и въ запасѣ у нея всегда находилась какая-либо колкость для меня. При появленіи газетныхъ статей она съ язвительной улыбочкой обратилась ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: «вѣроятно, вы познакомились ужъ съ парижскими репортерами и сумѣли заискать въ нихъ?» (Она намекала этимъ на подкупность французской прессы). Вопросъ этотъ уязвилъ меня до глубины души, и когда мнѣ предложили познакомиться съ сотрудникомъ газеты «L'Eclair», Монторгейль, характеризуя его, какъ самую прекрасную и выдающуюся личность, я наотрѣзъ отказалась отъ этого, о чемъ теперь отъ души сожалѣю. Вообще, призракъ этой подкупности до смѣшного преслѣдовалъ меня въ Парижѣ, но къ чести парижской прессы я должна

сказать, что за три мѣсяца пребыванія моего за границей я не получила ни единаго намека въ этомъ направленіи.

Но возвратимся къ нити разсказа: какъ ни бодро чувствовала я себя физически и нравственно, но равнодушіе проходившей публики ужасно огорчало меня; правда, книга въ роскошномъ переплетѣ лежала теперь на пюпитрѣ, на которомъ не было ни пылинки, и я безотлучно сидѣла подлѣ, готовая давать всякаго рода разъясненія, но при ней не было ни вывѣски, ни объявленій, ни брошюръ, и никто не обращалъ на нее ровно никакого вниманія. Злобно и презрительно смотрѣла я на эту индиферентную толпу. Лица прохожихъ казались мнѣ положительно глупыми и тупыми: съ посоловѣвшими отъ выставочнаго утомленія глазами, съ крупными каплями пота на лбу, они какъ-то безсмысленно стремились впередъ, почти не глядя по сторонамъ. Особенно бѣсили меня барышни, которыя, заслышавши звуки органа, неумолкаемо терзавшаго слухъ въ нашемъ русскомъ отдѣлѣ, начинали кривляться, немножко подплясывать и кокетничать съ своими кавалерами, вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на книгу «Что читать народу».

Огромный мѣдный Будда попрежнему смотрѣлъ на меня съ иронической улыбкой, и я продолжала чувствовать на себѣ презрительный взглядъ его узкихъ глазъ.

Наконецъ я получила отъ переводчика изъ Петербурга рукопись, на которую возлагала всѣ свои надежды. И дѣйствительно, какъ было требовать отъ французовъ вниманія къ книгѣ, составленной на невѣдомомъ языкѣ и съ невѣдомымъ заглавіемъ? Я несказанно обрадовалась этому давно жданному переводу.

Больше всего, безспорно, мучило меня то обстоятельство, что у книги нѣтъ жюри. Почему существуетъ оно и для бумаги, и для ваксы, и для платковъ, и для неразбивающихся статуй; и только этотъ безкорыстный трудъ многихъ и многихъ годовъ остается незамѣченнымъ? Я обращалась нѣсколько разъ съ этимъ къ генеральному комиссару Андрееву, но онъ съ потухающимъ взглядомъ умирающаго человѣка обѣщалъ мнѣ устроить все, какъ слѣдуетъ, и на другой же

день совершенно забывалъ объ этомъ. Обращалась я и къ другому комиссару русскаго отдѣла, фабриканту Варгунину, брату извѣстнаго намъ Н. А. Варгунина, и онъ съ улыбкой торговца, успокаивающаго покупателя, говорилъ мнѣ: «не тревожьтесь, все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ!» Но я не вѣрила ни этой дѣланной улыбочкѣ, ни этимъ банальнымъ фразамъ и искренно обрадовалась, получивъ приглашеніе на jour fixe Андреева, на которомъ бываетъ, какъ говорятъ, самое интеллигентное общество. На этотъ вечеръ я возлагала большія надежды.

Имѣть жюри сдѣлалось положительно моей idée fixe. Мнѣ казалось такъ: пусть эти невѣдомые члены жюри разберутъ книгу по косточкамъ, пусть произнесутъ надъ нею самый строгій приговоръ, пусть разрушатъ всѣ мои иллюзіи на этотъ счетъ, но я хочу этого суда, я пріѣхала за нимъ и заставлю ихъ вглядѣться въ это дѣло во что бы то ни стало. Помимо моего личнаго дѣла, я имѣла ввиду добиться на этомъ вечерѣ чего-нибудь опредѣленнаго насчетъ Петербургскаго комитета грамотности, взятаго якобы подъ свое покровительство бѣднымъ умирающимъ Андреевымъ. При остановкѣ моей въ Петербургѣ Я. Т. Михайловскій, предсѣдатель комитета, убѣдительно просилъ меня напомнить Андрееву о его обѣщаніяхъ на этотъ счетъ, такъ какъ въ послѣднее время, вслѣдствіе своей болѣзни, онъ сталъ крайне разсѣянъ и забывчивъ.

По пріѣздѣ на выставку я начала усиленно разыскивать повсюду изданія комитета грамотности и печатныя объявленія, составленныя Михайловскимъ, но—увы!—ихъ нигдѣ не оказалось, точно такъ же, какъ и моей драгоцѣнной папки, озаглавленной: «Критическія замѣтки на книгу «Что читать народу», погибшей безвозвратно въ этомъ русскомъ хаосѣ. Ни изданій комитета грамотности, ни печатной записки Михайловскаго я на вечерѣ у Андреева не нашла, несмотря на то, что онъ позволилъ мнѣ рыться съ этою цѣлью у него въ кабинетѣ, но зато общество jour fix'овъ Андреева оказалось, дѣйствительно, интеллигентнымъ: здѣсь были и образованные иностранцы различныхъ національностей, и петербургскіе чиновники высшаго полета, и профессора, пользующіеся

заслуженной популярностью. На мое счастье нѣкоторые изъ этихъ господъ оказались близко знакомыми съ книгой «Что читать народу»; другіе хотя и не знали ея, но слышали о ней много лестнаго или читали о ней въ газетахъ. И вотъ, когда я съ свойственной мнѣ горячностью стала жаловаться на то, что у книги этой нѣтъ жюри, всѣ эти господа приняли во мнѣ самое горячее участіе; особенно ярымъ адвокатомъ ея явился профессоръ Докучаевъ; онъ доказывалъ, что подобнаго рода фактъ положительно возмутителенъ и требуетъ съ моей стороны протеста. Во время чая Е. Н. Андреевъ скрылся куда-то, и когда я уѣзжала съ этого вечера, онъ, крѣпко пожимая мою руку, сказалъ мнѣ своимъ тихимъ голосомъ: «у васъ будетъ жюри: во время чая я ѣздилъ съ заявленіемъ къ кому слѣдуетъ».

Бѣдный Андреевъ! Всѣ мы требовали отъ него энергіи и распорядительности въ то время, какъ онъ умиралъ у насъ на глазахъ, виноватый только въ томъ, что до послѣдней минуты жизни не хотѣлъ свалить съ своихъ плечъ работы честнаго общественнаго дѣятеля и безсильно сложить оружіе подъ гнетомъ тяжелаго недуга. Въ довершеніе всего его послѣдніе дни были отравлены газетными инсинуаціями, и его горячее письмо, протестовавшее противъ разнаго рода клеветы, получено было его другомъ позднѣе, чѣмъ телеграмма, гласившая о его смерти. Общество русскихъ экспонентовъ уполномочило меня возложить на его гробъ огромный серебряный вѣнокъ, и, когда я вошла въ русскую церковь раньше другихъ и увидѣла этотъ одинокій на чужбинѣ гробъ, рыданія сжали мнѣ горло и я горько проплакала до самаго конца службы.

Не могу выразить словами, что почувствовала я, войдя въ эту русскую церковь въ Парижѣ. Отъ этихъ знакомыхъ ликовъ иконъ, отъ этихъ свѣчей и запаха ладана на меня пахнуло вдругъ чѣмъ-то близкимъ, роднымъ, дорогимъ. Припомнилось дѣтство, припомнились ранніе годы юности, и въ этихъ охватившихъ меня неожиданно слезахъ была не только скорбь по утратѣ хорошаго человѣка, но и чувство умиленія, наполнявшее душу. Трагизмъ смерти Андреева увеличивался еще его печальной домашней обстановкой:

надъ гробомъ его одиноко плакала одна только 17-лѣтняя дѣвушка—дочь.

Участь этой 17-лѣтней дѣвушки была поистинѣ трагична: 10 лѣтъ тому назадъ, когда ей было всего 7 лѣтъ, тоже на выставкѣ и тоже заграницей она была единственной свидѣтельницей скоропостижной смерти матери, умершей на ея глазахъ. Смерть эта страшно перепугала ребенка, и дѣвочка на всю жизнь осталась нѣсколько странной и меланхоличной. Новая жена отца не взлюбила этого грустнаго ребенка и съ дѣтства гнала его, причемъ отецъ являлся обыкновенно ея единственнымъ адвокатомъ и защитникомъ.

И вотъ, 10 лѣтъ спустя, тоже заграницей, тоже во время выставки на ея же рукахъ умеръ этотъ нѣжно любимый отецъ. Въ церкви, завидя мой участливый взглядъ, полный слезъ, она подошла ко мнѣ и съ подавленнымъ рыданіемъ тихо сказала: «Выставки имѣютъ въ нашей семьѣ какое-то особенно фатальное значеніе».

Похороны вышли необычайно торжественны: вся французская знать по политическимъ соображеніямъ явилась почтить память генеральнаго русскаго комиссара, хотя, впрочемъ, между нею были также люди, лично знакомые съ общественною дѣятельностью покойнаго. Оправившись нѣсколько отъ слезъ, я съ интересомъ вглядывалась въ лица этихъ невѣдомыхъ мнѣ людей, а они, въ свою очередь, съ очевиднымъ любопытствомъ слѣдили за незнакомымъ имъ обрядомъ. Мальчики-французы (пѣвчіе) прекрасно выводили рулады на неизвѣстномъ имъ языкѣ; старикъ-священникъ былъ вполнѣ типиченъ, и только діаконъ нарушалъ общую гармонію: съ закрученными по-военному усами, полуобстриженными волосами и англійскимъ проборомъ, идущимъ отъ конца затылка до лба, онъ какъ-то необычайно развязно и даже съ презрѣніемъ произносилъ ектенію, портя общее впечатлѣніе торжественной службы.

Стоя на этихъ похоронахъ, я невольно припоминала послѣдній вечеръ у Андреева, та предупредительность, съ которою ѣздилъ онъ, умирающій человѣкъ, хлопотать о моемъ дѣлѣ, и то общее отрадное впечатлѣніе, которое вынесла

я съ этого вечера. Сознаніе, что у меня будетъ жюри, наполняло тогда всю мою душу необычайной радостью, и на другой день, проходя мимо своего Будды, я смѣло взглянула ему въ лицо. На этотъ разъ его узкіе глаза смотрѣли на меня довольно снисходительно, и на тонкихъ губахъ виднѣлась ободряющая улыбка.

Между тѣмъ брошюра моя, объявленіе и вывѣска были, наконецъ, готовы и начали понемногу обращать на себя вниманіе проходящей публики. Изданія комитета грамотности мнѣ тоже удалось отыскать, перерывши, правда, 14 ящиковъ, и симметрично разложить на большомъ столѣ, предоставленномъ въ мое распоряженіе еще покойнымъ Андреевымъ. Я поставила этотъ столъ почти рядомъ съ пюпитромъ, на которомъ лежала книга, покрывши его малиновой плюшевой скатертью. Вообще обстановка моя на выставкѣ улучшалась съ каждымъ днемъ и въ непродолжительномъ времени представляла собою нѣчто вродѣ салона, покрытаго мягкимъ ковромъ и убраннаго красивой мебелью, пріобрѣтенной мною въ Луврскомъ магазинѣ.

Публика, останавливавшаяся возлѣ книги «Что читать народу», была въ высшей степени разнообразна: вотъ проходятъ три сытыхъ буржуа съ самодовольными и тупыми физіономіями и, прочитавши заглавіе объявленія, направляются далѣе, махнувъ съ презрѣніемъ рукой. Ихъ смѣняютъ два русскихъ франтика, и одинъ изъ нихъ, вставивъ стеклышко въ глазъ и вглядываясь въ нашу синюю бархатную папку, читаетъ разсѣянно: «Матеріальное отправленіе...» и бѣжитъ далѣе. Вотъ толпа блузниковъ съ любопытствомъ остановилась у книги и, прочитавши заглавіе, восклицаетъ весело: «Ah, nous autres, nous pouvons toret lire!» [1]). Вотъ подходитъ къ ней небрежно, но изящно одѣтый молодой человѣкъ; онъ продолжительно останавливается передъ книгой, внимательно перелистываетъ ее, что-то читаетъ и соображаетъ и, наконецъ, переводя отъ книги на меня свой грустный взглядъ, говоритъ тихо и учтиво по-русски:

---

[1]) О, мы-то можемъ все читать!

— Вы представительница этой книги?

— Да.

— Почемъ же вы знаете, что читать народу?

— Мы вовсе не знаемъ этого,—отвѣчаю я,—мы только ставимъ себѣ и другимъ этотъ интересный вопросъ, сознавая свое полное безсиліе разрѣшить его.

— Къ чему же затрачивать такъ много усилій и труда? Кому и зачѣмъ нужна ваша книга?

— Она нужна тѣмъ, кто желаетъ разобраться въ народныхъ изданіяхъ и опредѣлить доброкачественность той или другой книги, предназначенной для народнаго чтенія.

— А кто васъ снабдилъ мѣриломъ для измѣренія подобной доброкачественности?

— Мнѣ кажется, что человѣчество выработало все-таки болѣе или менѣе опредѣленные принципы добра и зла.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, что не слѣдуетъ убивать своего ближняго.

— Какъ, положимъ, Бисмарка?

Я не нахожу отвѣта на этотъ мудреный вопросъ, но между нами завязывается самый оживленный споръ, и я совершенно забываю, что я стою у пюпитра на выставкѣ, что здѣсь не полагается кричать и размахивать руками.

— При вашихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ,—говорю я горячо,—остается только сложить руки и ровно ничего не дѣлать.

— Вы правы,—говоритъ онъ, вдругъ какъ-то быстро стихая.—Вы дѣлаете скромное, но все-таки честное дѣло, а мы тяготимъ землю никому и ни на что ненужные.

Его оживившееся было лицо покрывается вновь прежней грустью, и прекрасные сѣрые глаза смотрятъ серьезно и печально.

— Примите же на прощанье выраженіе моего искренняго уваженія къ вамъ,—говоритъ онъ, приподымая шляпу, и медленно уходитъ куда-то, чтобы не возвратиться болѣе никогда ни къ этому вопросу, ни къ этому спору.

Но бывали, однако, разговоры и встрѣчи на выставкѣ, продолжавшіеся несравненно долѣе и превращавшіеся въ положительное знакомство и почти дружбу; такъ было, напримѣръ, съ Делинымъ, сотрудникомъ газеты «Paris». Онъ съ первой встрѣчи завоевалъ всѣ мои симпатіи. Живой, отзывчивый, заинтересовавшійся всей совокупностью нашего дѣла въ Россіи, онъ просидѣлъ въ моемъ импровизированномъ салонѣ въ первое же утро 2—3 часа, безъ-умолку разспрашивая о школѣ, о составѣ участницъ ея, о нашихъ собраніяхъ, о книгѣ, методъ которой казался ему въ высшей степени оригинальнымъ. Даже самое лицо его, одушевленное этимъ нравственнымъ интересомъ, казалось мнѣ чрезвычайно красивымъ и выразительнымъ.

— Не правда ли, какъ онъ интересенъ?—обратилась я по уходѣ Делина къ m-lle Дургеймъ, нашей бывшей гувернанткѣ, тоже присутствовавшей въ моемъ салонѣ.

— Онъ очень интересенъ нравственно,—отвѣчала она съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

Въ это время къ намъ подошла сестра моя Марія Платоновна и сказала мнѣ недовольнымъ тономъ:

— Что это за уродъ съ краснымъ носомъ сидѣлъ у тебя цѣлое утро? Сколько разъ я хотѣла подойти отдохнуть и боялась нарушить ваши безконечные разговоры!

Я невольно расхохоталась надъ своей иллюзіей поповоду наружности умнаго, но безобразнаго Делина. Онъ былъ первымъ, серьезно заинтересовавшимся книгой; вотъ почему, вѣроятно, разговаривая съ нимъ, я чувствовала особенное одушевленіе, создавшее эту иллюзію.

Впрочемъ, говоря откровенно, я должна сказать, что, сколько ни увеличивалось число людей, заинтересовавшихся нашимъ дѣломъ, я каждаго изъ нихъ встрѣчала почти съ тѣмъ же одушевленіемъ и привѣтомъ, всегда готовая ярко и образно обрисовать всѣ детали дѣла. Много разъ случалось такъ, что по уходѣ одного изъ заинтересовавшихся людей являлся на смѣну ему тотчасъ же другой, и я начинала сызнова тотъ же самый докладъ съ не меньшимъ одушевленіемъ.

— Сколько у васъ бодрости, здоровья и жизни!—говорилъ мнѣ какъ-то кто-то изъ сосѣдей, слѣдившій за моимъ пріемомъ посѣтителей.

Зато, когда я возвращалась домой въ 6 час., я вдругъ чувствовала разомъ страшный упадокъ силъ и часто ложилась въ постель, совершенно изнемогая отъ усталости. Вечеромъ я не была способна рѣшительно ни на какую работу и часто засыпала въ 8 или 9 часовъ для того, чтобы проснуться на зарѣ и затѣмъ начать съ утра сызнова ту же жизнь на выставкѣ.

Въ числѣ людей, посѣщеніе которыхъ являлось для меня особенно цѣннымъ, былъ виконтъ де-Вогюэ; визитъ этого всѣми уважаемаго человѣка положительно осчастливилъ меня.

Знакомая съ нимъ только по перепискѣ, я ждала его съ тѣмъ нервнымъ волненіемъ, которое обыкновенно овладѣваетъ мною при встрѣчѣ съ выдающимися людьми. Бесѣда наша вышла довольно продолжительная и оживленная, несмотря на ту солидность, съ которою держалъ себя виконтъ де-Вогюэ.

Онъ говорилъ о значеніи нашей школы и книги, о силѣ женскаго вліянія на душу ребенка, о сближеніи интеллигентнаго человѣка съ народомъ посредствомъ школы и книги, о томъ, сколько природнаго разума и талантливости таится въ русскомъ народѣ.

Я никогда не сказала бы, что это французъ: спокойный, сдержанный, холодный, терпѣливо выслушивающій своего собесѣдника до конца, онъ походилъ скорѣе на англичанина и, только прощаясь, сказалъ мнѣ съ глубокимъ поклономъ:

— Подобная книга можетъ и должна составлять гордость своей родины.

Слышать это отъ человѣка, непозволяющаго себѣ въ разговорѣ ни одной *фразы* или любезности, было для меня особенно пріятно и дорого, какъ и все свиданіе и всѣ разговоры съ нимъ.

День этотъ я считаю однимъ изъ свѣтлыхъ дней, проведенныхъ мною въ Парижѣ, и, какъ реальное воспомина-

ніе о немъ, купила у хозяина старенькій потемнѣвшій стулъ, на которомъ сидѣлъ виконтъ де-Вогюэ, и назвала его историческимъ.

Виконтъ де-Вогюэ говорилъ все время по-русски съ акцентомъ иностранца, но изящнымъ литературнымъ языкомъ, не подбирая словъ и выраженій.

Цѣлью усиленныхъ поисковъ меня Ананьевой являлось доброжелательное намѣреніе привлечь меня на женскій конгрессъ (Congres international des oeuvres et institutions féminines). Я и прежде уже слышала объ этомъ конгрессѣ, но наотрѣзъ отказалась участвовать въ немъ, говоря, что женскій вопросъ не есть тотъ вопросъ, надъ которымъ работала я въ жизни, и потому я не считаю себя вправѣ принимать въ немъ какое бы то ни было участіе. Но когда Ананьева стала горячо убѣждать меня отправиться на первое собраніе, говоря, что оно полно самаго животрепещущаго интереса, когда она показала мнѣ программу съѣзда, на которой, между прочимъ, стояло: «Частная иниціатива женщины въ дѣлѣ народнаго образованія», я была, наконецъ, побѣждена ея доводами и рѣшила принять посильное участіе въ женскомъ конгрессѣ.

Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ перваго засѣданія этого конгресса, было поистинѣ ошеломляющее: огромная длинная зала, въ которую вошла я, была полнымъ-полна народомъ: здѣсь были и мужчины, и женщины, и молодые и старики, взоры которыхъ были устремлены на эстраду, устроенную въ глубинѣ сада. Эстрада эта была разукрашена весьма изящно, и на ней важно возсѣдали нѣсколько мужчинъ и женщинъ, окруженныхъ ореоломъ какого-то особеннаго величія.

— Жюль Симонъ!—пронеслось въ толпѣ.

И это имя какъ бы оказало на всѣхъ какое-то магическое вліяніе: толпа разомъ стихла, и издали послышался слабый старческій голосъ знаменитаго Жюля Симона. Голосъ этотъ съ каждымъ мгновеніемъ пріобрѣталъ все большую и большую силу и, наконецъ, дошелъ до полнаго лирическаго паѳоса. Я находилась въ концѣ зала, а потому многое изъ этой рѣчи ускользало отъ моего слуха; мѣшало мнѣ вполнѣ

овладѣть ею и мое слабое знаніе французскаго языка, но то, что доходило до меня, трогало меня до глубины души. Главною мыслью рѣчи Жюля Симона было то, что французская женщина оклеветана и названа свѣтскою и пустою, между тѣмъ какъ въ послѣднее время есть десятки и сотни серьезныхъ женщинъ, достойныхъ полнаго и глубокаго уваженія.

Рѣчь Жюля Симона безпрестанно прерывалась громомъ рукоплесканій, и это дѣйствовало на меня настолько электрически, что я чувствовала, какъ холодъ пробѣгалъ у меня по спинѣ, и сердце билось отзывчивостью на это проявленіе общественной жизни!

Я пріѣхала на это засѣданіе съ m-me Шведовой, женой одесскаго профессора, съ которой я познакомилась незадолго до того. Она обязательно держала въ рукахъ оба тяжелыхъ тома «Что читать народу», привезенные мною на конгрессъ, которые она обѣщала по окончаніи засѣданія передать кому слѣдуетъ.

Въ то время, какъ громкія рукоплесканія сопровождали послѣднія слова Жюля Симона, я съ усиліемъ протиснулась по направленію къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла m-me Шведова, и, наклоняясь къ ней, сказала восторженнымъ тономъ:

— Ради Бога по окончаніи собранія передайте эти книги Жюлю Симону.

Мнѣ казалось въ эту минуту, что я присуждаю ему какую-то огромную награду, которой онъ вполнѣ достоинъ.

Когда апплодисменты, наконецъ, затихли, на эстрадѣ стала m-me де-Морсье, вице-президентъ настоящаго засѣданія, и съ увѣренностью человѣка, сознающаго свои силы, начала громко и отчетливо блестящую рѣчь. Ея стройная и величественная фигура возвышалась надъ толпой, а звучный и пріятный контральто проникалъ прямо въ душу. Съ жестами, напоминающими Сарру Бернаръ, она простирала руки въ пространство и говорила глубоко взволнованнымъ голосомъ:

— Сестры мои, русскія, англичанки, американки! Придите въ наши объятія, подѣлитесь съ нами результатами

вашихъ честныхъ усилій, докажите міру, что можетъ сдѣлать женщина на высотѣ своего призванія...

При словахъ «femmes russes» мнѣ казалось, что ея горящій взглядъ упалъ именно на меня и что это именно меня она призываетъ въ свои объятія. Не обладая солиднымъ знаніемъ французскаго языка, я никогда не думала, что рѣчь на этомъ языкѣ можетъ имѣть на меня подобное воздѣйствіе. Впрочемъ, тутъ вліяла не одна только рѣчь, а общая торжественность обстановки этого женскаго конгресса.

Когда бурные апплодисменты сопровождали рѣчь m-me де-Морсье, я снова пробралась сквозь густую толпу къ m-me Шведовой и, наклоняясь къ ея уху, тихо сказала:

— Нѣтъ, не отдавайте книги Жюлю Симону, а отдайте ихъ m-me де-Морсье.

— Но вѣдь рѣчи еще не всѣ кончены,—отвѣчала она мнѣ съ своей доброй и умной улыбкой.

Дѣйствительно, вслѣдъ за m-me де-Морсье было произнесено еще нѣсколько блестящихъ рѣчей, но ни одна изъ нихъ не произвела на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ рѣчь m-me де-Морсье.

«Вотъ женщина, которой я вручу участь нашей книги,—думала я съ какимъ-то благоговѣніемъ,—я ознакомлю ее съ нею при помощи статьи Абрамова, и она сдѣлаетъ о ней докладъ на одномъ изъ собраній настоящаго конгресса».

Въ то же время мнѣ казалось, что такого рода порученіемъ я дѣлаю честь m-me де-Морсье, и что нѣтъ на свѣтѣ дѣла болѣе подходящаго подъ рубрику «Частная иниціатива женщины въ дѣлѣ народнаго образованія».

Трепетною рукой написала я ей слѣдующее письмо, переведенное затѣмъ на самый изысканный французскій языкъ:

«Madame de-Morsier!

«Вчера я слышала вашу рѣчь, полную ума, краснорѣчія, поэзіи и чувства, и эта рѣчь вызвала во мнѣ желаніе обратиться къ вамъ съ слѣдующимъ обстоятельствомъ:

«Не владѣя въ достаточной степени французскимъ языкомъ, я не рѣшусь выступить съ докладомъ въ такомъ многочисленномъ и почтенномъ собраніи, какъ ваше; между тѣмъ дѣло, съ которымъ я желала бы ознакомить членовъ его, быть-можетъ, окажется достойнымъ вашего вниманія. Дѣлу этому я отдала всю мою жизнь, и только вамъ вручила бы его участь. Если бы вамъ угодно было взять подъ свое покровительство это дорогое для меня дѣло, матеріаломъ для вашего доклада могла бы послужить прилагаемая статья нашего русскаго публициста Абрамова. Она никогда еще не была напечатана и прочитана и выйдетъ только сегодня изъ типографіи отдѣльной небольшой брошюрой.

«По выслушаніи вашего доклада ее можно бы было раздать лицамъ, интересующимся этимъ вопросомъ.

«Съ волненіемъ ожидая вашего отвѣта, остаюсь...» и проч.

На другой день рано утромъ, далеко до начала засѣданія конгресса, я отправилась по знакомому уже мнѣ адресу съ письмомъ въ рукахъ. Я думала вручить его заблаговременно секретарю для передачи m-me де-Морсье, но она сидѣла уже на своей торжественной трибунѣ, дѣловито разсматривая какія-то письма и бумаги. Приближаясь къ ней, я чувствовала усиленное біеніе сердца и дрожащею рукою подала ей письмо. Она указала мнѣ жестомъ на стулъ и, высвободивъ листикъ англійской бумаги изъ конверта, начала читать его. Я взглянула ей въ лицо, силясь угадать, какого рода впечатлѣніе произведетъ на нее это письмо, но она была спокойна и серьезна, и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ сочувствіемъ на это сердечное изліяніе. Странно, но лицо ея показалось мнѣ въ эту минуту совсѣмъ инымъ: ни прежняго огня, ни энергіи и жизни на немъ не было и слѣда, и горделиво прищуренные глаза смотрѣли на меня съ отталкивающей холодностью. Была минута, когда я подумала: она ли это, и не ошиблась ли я въ подачѣ письма по назначенію? И только синее платье съ бѣлымъ жилетомъ, сшитое изящно, но по-мужски, и рѣзкій на этотъ разъ контральто удостовѣряли меня, что здѣсь нѣтъ ошибки.

— Я настолько занята и озабочена,—начала онѣ дѣловымъ тономъ,—что положительно не могу найти времени прочесть даже бѣгло указанную вами статью. Я не прочь, пожалуй, прочитать готовый уже докладъ, но съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы онъ занялъ не болѣе десяти минутъ.

Печальная, съ низко опущенной головой, сошла я со ступенекъ торжественной эстрады и скромно сѣла въ углу, всецѣло погруженная въ свое грустное раздумье.

«Неужели это та самая женщина?—спрашивала я себя,— или это, дѣйствительно, Сарра Бернаръ, искусно разыгрывающая свою роль на театральныхъ подмосткахъ? Если бы это было иначе, она почувствовала бы ту мольбу, съ которой обратилась я къ ней, и эта мольба нашла бы откликъ въ ея отзывчивомъ сердцѣ».

Зала попрежнему начала наполняться многочисленной публикой, и, бросивъ разсѣянный взглядъ, я замѣтила вдругъ въ этой толпѣ знакомую фигуру А. М. Калмыковой. Не могу передать словами, что почувствовала я въ эту минуту: вѣроятно, я напоминала Жанну д'Аркъ, видѣнную мною въ панорамѣ, когда она смотритъ на небо и видитъ чудесное явленіе. Въ первую минуту я какъ-то окаменѣла, а затѣмъ быстро ринулась впередъ и безъ банальныхъ вопросовъ:

— Когда вы пріѣхали? Долго ли останетесь въ Парижѣ? Какъ нашли выставку?—начала глубоко взволнованнымъ голосомъ.—Александра Михайловна! Вы превосходно владѣете французскимъ языкомъ, вы знакомы близко со всѣми деталями нашего дѣла; я могу передать вамъ всѣ имѣющіеся у меня подъ рукою матеріалы. Ради Бога, составьте докладъ къ субботнему засѣданію, на которое назначено чтеніе педагогическихъ докладовъ. Вы имѣете въ своемъ распоряженіи еще цѣлыхъ пять дней.

Она согласилась. Счастливая этимъ согласіемъ, я позабыла даже о своемъ разочарованіи въ m-me де-Морсье и мечтала съ гордостью о томъ, съ какимъ достоинствомъ, самообладаніемъ и краснорѣчіемъ доложитъ А. М. Калмыкова о нашей школѣ и книгѣ.

Собранія конгресса продолжались, но они не заключали въ себѣ болѣе того животрепещущаго интереса, какимъ было полно его первое показное собраніе. Вмѣсто Жюля-Симона предсѣдательствовалъ какой-то ожирѣвшій чиновникъ бюрократическаго типа, и мнѣ становилось досадно при мысли, почему на этомъ женскомъ конгрессѣ не можетъ предсѣдательствовать какая-либо образованная женщина, хотя бы сама m-me де-Морсье.

Между докладами текущихъ собраній преобладала жалкая посредственность, и въ общемъ чувствовался характеръ безпорядка и хаоса. Никому не было извѣстно, кто будетъ говорить и о чемъ, и протекція m-me де-Морсье играла очевидную роль въ допущеніи всѣхъ этихъ докладовъ.

Наконецъ подошла пятница, канунъ нашего доклада. Я чувствовала особенное волненіе отъ приближенія этого торжественнаго для меня дня и написала своимъ добрымъ знакомымъ пригласительныя записки.

Бѣдная! Я не знала, какого рода непріятность ждетъ меня нѣсколько часовъ спустя. По окончаніи собранія А. М. Калмыкова подошла ко мнѣ и нѣсколько сконфуженно сказала:

— Христина Даниловна! Пожалуйста, не огорчайтесь, я отказываюсь отъ доклада.

Не умѣя сдерживать себя никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, я вдругъ расплакалась самымъ постыднымъ образомъ. Слѣдя за этой неприличной въ публикѣ сценой и, очевидно, проникнутыя чувствомъ состраданія, знакомые окружили меня и начали уговаривать А. М. сдѣлать завтра докладъ, но она была непоколебима. Тогда добрѣйшая Ананьева съ самспожертвованіемъ человѣка, желающаго помочь горю ближняго, начала говорить мнѣ о томъ, что къ завтраму она лично составитъ докладъ и сама прочтетъ его, но горе мое было такъ велико, что я голосомъ, прерывающимся рыданіями, говорила ей прямо въ глаза:

— Нѣтъ... не нужно... вы не можете такъ составить и прочесть, какъ Александра Михайловна. Вы не слѣдили

послѣдніе года за жизнью книги и школы... У васъ тихій голосъ... вы плохо читаете...

Но Ананьева, снисходя къ моему жгучему горю и великодушно устраняя мотивы самолюбія, продолжала утѣшать меня и говорить:

— Ей Богу, я хорошо составлю и прочту, вотъ увидите; я буду работать всю ночь, отдамъ этому докладу всѣ свои силы, воспользуюсь всѣми матеріалами, находящимися у А. М., и я ручаюсь вамъ головой за успѣхъ.

Ананьева выполнила свято свое обѣщаніе: она проработала всю ночь напролетъ и въ 8 час. утра на другой день сидѣла у меня въ Passy съ переписаннымъ уже набѣло докладомъ въ рукахъ. Вмѣсто ея обычной свѣтлой соломенной шляпы съ безобразнымъ краснымъ макомъ, привезеннымъ ею изъ провинціи, на ней была надѣта изящная черная шляпа, только что пріобрѣтенная мимоѣздомъ въ Magasin du Luvre на послѣдніе гроши, имѣвшіе раньше иное, совсѣмъ не сходное съ этимъ назначеніе.

— Не правда ли, такъ будетъ приличнѣе на конгрессѣ?—говорила она мнѣ, добродушно показывая ненужную обновку.

Когда я прослушала докладъ, то нашла его составленнымъ превосходно и въ значительной степени повеселѣла и успокоилась. По пути къ конгрессу я разсуждала такъ:

«Ананьева въ совершенствѣ владѣетъ французскимъ языкомъ и пользуется большимъ уваженіемъ настоящаго конгресса. Конгрессъ этотъ предложилъ принять ея путевые расходы на свой счетъ и далъ ей даровое помѣщеніе. Заслуги ея собственно заключались въ изученіи того спеціальнаго вопроса, надъ которымъ она работаетъ уже много лѣтъ съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ. Я позабыла даже въ эту минуту ея слабый голосъ и однообразную дикцію».

Предполагалось, что мѣсто нашему докладу будетъ отведено между 10 и 12 часами, какъ обѣщала m-me де-Морсье; условія эти являлись самыми благопріятными, такъ какъ съ утра публика казалась бодрою и неутомленною, а въ засѣданіяхъ, назначаемыхъ послѣ перерыва (отъ 2 до 6 ч.),

чувствовалось нѣкоторое утомленіе и апатія; но надежды наши не сбылись: предпочтеніе, очевидно, отдавалось англичанкамъ и американкамъ, и нашъ докладъ безпричинно отодвигался на заднiй планъ. Причина эта объяснилась впослѣдствіи: женскій конгрессъ находился преимущественно въ рукахъ барынь-благотворительницъ, и m-me де-Морсье предпринимала незадолго до начала его путешествіе въ Англію и Америку съ цѣлью совершить тамъ необходимые поборы. Вотъ почему англичанки и американки-жертвовательницы, отдававшія ей, такъ сказать, визитъ, были встрѣчены съ такимъ радушіемъ и привѣтомъ ею. Все это—увы!—мы узнали несвоевременно, и знанія эти слишкомъ поздно освѣтили для насъ тѣ условія, которыя окружали насъ на этомъ женскомъ конгрессѣ.

Настоящее засѣданіе было какъ-то особенно неудачно. Вотъ выходитъ молодая женщина-англичанка и съ ужимками приличной и благовоспитанной женщины, добродѣтельной матери семейства, начинаетъ разсказывать намъ ломанымъ французскимъ языкомъ такую исторію:

— У меня трое дѣтей, два мальчика и одна дѣвочка; моему. старшему мальчику 9 лѣтъ, моей дѣвочкѣ 8 лѣтъ, а моему младшему сыну 7 лѣтъ. Я воспитываю ихъ сама до 7-лѣтняго возраста, а далѣе приглашаю учителей, такъ какъ вліяніе мужчины на мальчика считаю наиболѣе желательнымъ.

М-me де-Морсье подаетъ знакъ апплодисментовъ, остальныя дамы-благотворительницы, сидящія на трибунѣ, громко апплодируютъ.

Въ публикѣ замѣтны улыбки недоумѣнія.

Добродѣтельная англичанка продолжаетъ передавать намъ скучную-прескучную исторію всей домашней обстановки, ничѣмъ не отличающейся отъ сотенъ и тысячъ заурядныхъ семей.

— Вѣдь это возмутительно!—говорю я, обращаясь къ незнакомой мнѣ русской дамѣ, живущей въ Миланѣ и явившейся послушать доклады своихъ компатріотокъ.— Намъ, русскимъ, было заявлено, что мы имѣемъ право дѣлать докладъ въ продолженіе 10 минутъ, а эта госпожа

тянетъ свою скучную канитель цѣлыхъ полчаса, и никто не остановитъ ее, будто такъ и нужно.

За нею всходитъ на трибуну какой-то адвокатъ, еврей, которому m-me де-Морсье крѣпко пожимаетъ руки и какъ бы силится выдвинуть его впередъ, борясь съ его робостью и застѣнчивостью. Адвокатъ начинаетъ говорить быстро и сильно картавя на тему о томъ, что женщины лучше мужчинъ. Дикція его настолько однообразна, что многіе привстаютъ со своихъ мѣстъ, любопытствуя узнать, не по книгѣ ли читаетъ онъ, но книги нѣтъ, а передъ вами просто заведенная машина, извергающая безостановочно пустыя фразы и слова.

Машина дѣйствуетъ 20 минутъ, но въ публикѣ поднимается невольный ропотъ.

— Assez!—проносится въ толпѣ, но застѣнчивый адвокатъ говоритъ еще добрыхъ 10 минутъ.

М-me де-Морсье снова подаетъ знакъ апплодисментамъ, и барыни-благотворительницы, приторно улыбаясь, хлопаютъ въ ладоши.

— Неужели это педагогія?—спрашиваю я, наклоняясь къ дамѣ изъ Милана.

— Это все, что хотите, но только не педагогія,—отвѣчаетъ она съ негодованіемъ.

Адвоката смѣняетъ опять англичанка, и я, непонимающая по-англійски, съ любопытствомъ слушаю этотъ невѣдомый мнѣ языкъ. Она разглагольствуетъ также въ продолженіе 20—30 минутъ, и по окончаніи ея рѣчи дама изъ Милана наклоняется, въ свою очередь, ко мнѣ и спрашиваетъ съ иронической улыбкой:

— Какъ вамъ нравится этотъ докладъ?

— Я не знакома съ англійскимъ языкомъ,—учтиво отвѣчаю я.

— Да вѣдь она говорила по-французски,—возражаетъ моя сосѣдка, едва удерживаясь отъ громкаго смѣха.

Я совершенно поражена этимъ извѣстіемъ, и мнѣ становится яснымъ то напряженіе, съ которымъ вслушивались въ эту рѣчь французы, силясь, очевидно, понять ея основную идею. Ни одной улыбки не было на лицахъ умной

и деликатной французской публики, съ признательностью и сочувствіемъ встрѣчающей самое слабое знаніе ихъ родного языка.

Часы показывали половину двѣнадцатаго, и мы были увѣрены, что теперь очередь за нами, но на трибуну взошла огромная женщина, француженка, безобразная, съ косыми глазами, предсѣдательница общества покровительства животныхъ, сама напоминающая какого-то гиппопотама.

Въ устахъ этого чудовища чрезвычайно смѣшна и приторна выходила рѣчь о томъ, что слѣдуетъ жалѣть маленькихъ пташекъ, и что она заклинаетъ дѣвицъ и дамъ не носить шляпъ съ птичьими перьями. Особенно ратовала она противъ боя быковъ, устроеннаго на выставкѣ, но когда пробило 12 час., и чудовище сошло съ трибуны, оно подошло къ одной англичанкѣ и сказало съ пріятной улыбкой косого рта:

— Пойдемте въ ближайшій ресторанъ, тамъ подаютъ великолѣпный бифштексъ съ кровью.

«О, лицемѣрка!» подумала я, глядя съ презрѣніемъ ей вслѣдъ.

Въ 2 часа насъ опять собрали на продолженіе засѣданія, но Ананьеву точно забыли, и маленькій секретарь съ молчалинской физіономіей приподнялся со своего стула и началъ рѣчь. Онъ говорилъ такія глупости, что совѣстно было слушать.

— Какъ воспитываютъ нашихъ барышенъ? О чемъ ведутъ онѣ бесѣду на балахъ?—восклицалъ онъ, вертясь на одномъ мѣстѣ и размахивая руками.—Кавалеръ говоритъ: не правда ли, сегодня хорошая погода? Барышня отвѣчаетъ: да, очень хорошая. Кавалеръ спрашиваетъ: какой вы любите цвѣтокъ? Барышня отвѣчаетъ: я люблю розу.

Маленькій человѣчекъ такъ и сыплетъ своими глупыми примѣрами. Въ публикѣ слышится ропотъ на него. M-me де-Морсье и другія дамы трибуны апплодируютъ.

Ничтожнаго человѣчка смѣняетъ старая француженка съ усами и чрезвычайно внушительной физіономіей. Она рисуетъ идиллію того, какую именно сельско-хозяйственную школу устроила бы она:

— Коровы мычали бы, овцы блеяли бы, собачки лаяли,— фантазируетъ она на тему о несбыточной утопіи.

Въ публикѣ слышится неудержимый смѣхъ. Энергическая дама съ усами говоритъ раздраженно, обращаясь къ толпѣ:

— Eh bien! Pourquoi riez-vous? pourquoi?

Смѣхъ усиливается. Кое-кто берется за шапки и протискивается сквозь толпу къ выходу. Часы показываютъ $5^1/_2$. Черезъ полчаса засѣданіе должно окончиться. Моя сосѣдка выходитъ изъ себя и говоритъ злобно:

— Вѣдь это возмутительно—лишить очереди русскихъ! Кто далъ имъ право такъ третировать насъ? Необходимъ протестъ.

Въ это время кто-то изъ знакомыхъ участливо подходитъ ко мнѣ.

— Ради Бога,—говорю я волнуясь,—проберитесь къ Ананьевой и скажите ей, что я заклинаю ее не читать доклада при подобныхъ условіяхъ.

Но мнѣ приносятъ отвѣтъ:

— Ананьева не робѣетъ и посылаетъ сказать, что надѣется разбудить утомленную публику своей живой рѣчью.

Въ это время звучный контральто m-me де-Морсье произноситъ явственно:

— Le rapport de m-lle Ananieff [1]).

Я чувствую, какъ у меня падаетъ сердце и кровь приливаетъ къ вискамъ. Моментъ рѣшительный—Ананьева на трибунѣ. Лицо ея покрыто красными пятнами, и тихій, слабый голосъ едва слышенъ въ этой огромной шумящей залѣ. Я чувствую въ эту минуту, что сраженіе проиграно, но все-таки слабая надежда теплится еще гдѣ-то въ душѣ. Въ это время бѣдная Ананьева мало-по-малу овладѣваетъ собой. Голосъ ея пріобрѣтаетъ больше силы и увѣренности. Она произноситъ съ достоинствомъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, и публика замѣтно стихаетъ и начинаетъ слушать ее, но безпощадная m-me де-Морсье наклоняется къ ней и говоритъ почти громко:

— Вашъ срокъ оконченъ!

---

[1]) Докладъ г-жи Ананьевой.

Ананьева порывается продолжать, но повелительный голосъ вице-президента отнимаетъ у нея всякую возможность сдѣлать это.

— Вашъ срокъ оконченъ, — говоритъ m-me де-Морсье почти дерзко: — у насъ есть еще доклады наочереди.

Ананьеву замѣняетъ новый докладчикъ, читающій что-то по печатанной книгѣ, но я не слышу уже, что читаетъ онъ. Я вижу точно во снѣ, какъ нервно и сконфуженно сходитъ бѣдная Ананьева со ступенекъ торжественной трибуны въ своей новой изящной шляпѣ и новыхъ черныхъ перчаткахъ на рукахъ, которыя замѣчаю я только въ эту минуту.

Вижу, какъ знакомые заботливо окружаютъ меня и говорятъ мнѣ какія-то слова утѣшенія, но какія именно, я не понимаю. Я чувствую, какъ берутъ онѣ у меня изъ рукъ заготовленную пачку брошюръ и раздаютъ ихъ нервно въ публикѣ. Я вижу ихъ сконфуженныя лица, ихъ глаза, готовые заплакать сейчасъ, и какъ-то безсознательно удаляюсь изъ этой торжественной залы женскаго конгресса, поощряющаго частную иниціативу женщинъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Я направляю свои шаги къ конторѣ выдачи входныхъ билетовъ, гдѣ, помнится мнѣ, я видѣла большой шкафъ, наполненный книгами и брошюрами, касающимися конгресса.

— Куда вы и зачѣмъ?—спрашиваетъ меня тревожно и заботливо Ананьева.

— Взять книгу обратно,—отвѣчаю я ей глухимъ голосомъ.

— Но вѣдь это невозможно: вы подарили ее!—говоритъ она убѣдительно.

Но я не слушаю ея доводовъ и обращаюсь настойчиво къ барышнѣ, сидящей за столомъ и выдающей билеты, съ своимъ требованіемъ.

Барышня неделикатно отвѣчаетъ мнѣ, что ей некогда искать этихъ книгъ. Тогда я молча и рѣшительно иду къ шкафу, вынимаю оттуда 2 золотообрѣзныхъ малиновыхъ тома и такъ же молча и рѣшительно направляюсь къ извозчику.

На одномъ изъ этихъ малиновыхъ томовъ я замѣчаю чернильное пятно.

«Это пятно позора», мрачно думаю я, и какіе-то желтые и черные круги рябятъ у меня передъ глазами, и я съ усиліемъ взбираюсь на высокую подножку перваго встрѣчнаго извозчика, таща за собою свою тяжелую ношу.

Руководители конгресса назначаютъ новые засѣданія и банкеты; участники разсказываютъ чудеса о пріемѣ членовъ конгресса министромъ въ роскошномъ Луврскомъ залѣ; говорятъ о какомъ-то музыкально-вокальномъ вечерѣ, устроенномъ для конгресса знаменитой артисткой m-me Лоранъ, о коллективной поѣздкѣ для осмотра всѣхъ выдающихся учебныхъ заведеній. Я получаю печатныя приглашенія на всѣ эти чудеса, но лежу въ постели, убитая горемъ, и не принимаю въ нихъ ни малѣйшаго участія. Меня даже не тянетъ на нихъ, и я только думаю съ отчаяніемъ:

«Теперь все кончено,—все, все!»

Оправившись отъ своего горя, я поѣхала, наконецъ, на выставку. Не доходя до моей витрины, я увидѣла на стѣнѣ приклеенный бѣлый ярлычокъ, на которомъ четкимъ почеркомъ было написано, что завтра, такого-то числа и года, въ 9 ч. утра, группа II, классъ VI (Education de l'enfant.—Enseignement primaire.—Enseignement des adultes [1]) пройдетъ жюри. Я не могу передать словами, что почувствовала я въ эту минуту и чѣмъ казалось мнѣ это жюри. Я не спала всю ночь напролетъ и на другой день въ 8 ч. утра была уже на выставкѣ съ m-lle Дургеймъ у своей витрины въ ожиданіи жюри.

«Жюри!»—какъ много заключалось для меня въ этомъ словѣ. При мысли объ этихъ невѣдомыхъ судьяхъ мнѣ казалось, что именно они призваны подвести итоги работы всей моей жизни,—они, просвѣщенные, компетентные люди просвѣщеннѣйшей изъ націй.

Несмотря на то, что меня часто упрекаютъ въ честолюбіи, считая его единственнымъ стимуломъ моей работы,

[1]) Воспитаніе ребенка. Начальное обученіе. Обученіе взрослыхъ.

мысль о медали ушла отъ меня куда-то далеко, и что-то несравненно болѣе важное и серьезное наполняло всю мою душу, къ тому же за это время исканіе медалей нѣкоторыми антипатичными экспонентами крайне скомпрометировало эту награду въ моихъ глазахъ. Такъ, напр., въ нашемъ русскомъ отдѣлѣ была дама, жена инженера, изобрѣвшаго какую-то печку для сжиганія мусора, которая кричала однажды, какъ кричатъ на базарѣ: «мой мужъ не даромъ посылаетъ меня вотъ уже на пятую выставку. У насъ дома лежитъ 4 золотыхъ медали, и если они смѣютъ мнѣ дать не золотую, а серебряную, я выщипаю имъ всѣ бороды, пусть такъ и знаютъ!

Какъ-то она подошла ко мнѣ и крикливо стала жаловаться на свою участь. «Какъ вамъ не стыдно!—возразила я ей, теряя терпѣніе,—неужели вы думаете, что награда, достигнутая такого рода домогательствомъ, имѣетъ хоть малѣйшую цѣну или значеніе? Кто долженъ цѣнить, наконецъ, вашъ трудъ—вы сами или группа компетентныхъ судей, избранныхъ для безпристрастной и справедливой оцѣнки? Какъ вы смѣете протестовать такимъ образомъ противъ этихъ почтенныхъ людей?» Я произнесла все это такъ горячо, съ такимъ глубокимъ негодованіемъ, что даже на этой тупой физіономіи, напоминавшей куликовъ изъ тѣста, продающихся въ Курскѣ на базарѣ 9 марта (въ день прихода весны), проскользнуло нѣчто въ родѣ сознанія своей нелѣпости, и, разомъ стихая, инженерша сказала мнѣ даже нѣсколько сконфуженно, какъ бы въ свое оправданіе: «да вѣдь я хлопочу не такъ за себя, какъ за своего сосѣда. Послушайте: человѣкъ потратился на проѣздъ, обносился совсѣмъ за это время,—и вдругъ говорятъ, что ему не дадутъ никакой медали,—не стоитъ! Какъ не стоитъ? Да съ какими же глазами онъ воротится домой? Зачѣмъ ему было пріѣзжать, тратиться? Улучшится ли, наконецъ, послѣ этого его торговля, сбытъ? Ну, сами посудите!»

На этотъ разъ я стихла въ свою очередь, и для меня стало ясно какъ день, что эти люди совершенно чужды тѣхъ нравственныхъ, духовныхъ интересовъ, которые влекли меня самоё на это всемірное состязаніе науки, искусства и чело-

вѣческаго труда, и что они не въ силахъ понять даже всей позорности своего положенія. Присужденіе жюри является для нихъ не болѣе, какъ патентомъ на бо̀льшій сбытъ товара, и всѣ ваши увѣщанія останутся, навѣрное, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Другой господинъ (что изобрѣлъ онъ, я ни отъ кого не могла добиться), атлетическаго роста и сложенія, услышавши, что ему присуждена не золотая, а серебряная медаль, грозился избить весь русскій комитетъ, такъ что наши бѣдные русскіе представители вынуждены были волею-неволею перебраться изъ своего курятника въ другое отдѣленіе русскаго отдѣла, болѣе отдаленное и миролюбивое.

«Гришеньки», онъ и она, тоже хлопотали исподтишка, нельзя ли имъ перемѣнить серебряную медаль на золотую. И хотя жюри вело себя съ достоинствомъ, и воинственная барыня осталась при серебряной медали, а господину атлетическаго сложенія, узнавши о его угрозахъ, жюри присудило бронзовую вмѣсто серебряной, но все это до такой степени опротивѣло мнѣ, что я готова была отказаться отъ какой бы то ни было награды.

Въ довершеніе всего мой выставочный знакомый Л., скомпрометированный, впрочемъ, въ общественномъ мнѣніи, увѣрялъ совершенно серьезно, что придетъ время (и оно недалеко), когда медали будутъ покупаться самымъ безцеремоннымъ образомъ, и что починъ этотъ навѣрное будетъ сдѣланъ практичной Америкой на предстоящей выставкѣ. Положимъ, словамъ Л. не слѣдовало придавать особаго значенія, но все это обостряло данный вопросъ и увеличивало отвращеніе къ медалямъ.

Скажу кстати, что наблюденія мои надъ Л. закончились такимъ эпизодомъ: наканунѣ своего отъѣзда я услышала вдругъ страшный шумъ и увидѣла налѣво толпу народа, моментально собравшуюся вокругъ происшествія. Кто-то кричалъ неистово: «Помогите!.. Убилъ... Доктора!»

Я страшно перепугалась, боясь двинуться съ мѣста. Набѣду въ эту минуту дѣти мои катались на осликахъ, и мнѣ вообразилось, не съ ними ли случилось какое-либо страшное происшествіе. Оказалось, однако, что Г., лакей А.,

въ пьяномъ видѣ назвалъ Л. мошенникомъ, а тотъ, въ свою очередь, сломалъ на немъ свою толстую палку.

Видя мое блѣдное, какъ смерть, и перепуганное лицо, сторожъ Л. и сторожъ-полякъ участливо подошли ко мнѣ и сказали: «пожалуйста, не безпокойтесь! Онъ только раскроилъ ему голову. А въ другой разъ, въ случаѣ чего, зовите насъ. Вѣдь это наша обязанность оберегать экспонентовъ; мы для этого и приставлены здѣсь».

Въ это время Гришенька—она, тоже, повидимому, блѣдная и перепуганная, подошла ко мнѣ и своимъ дѣланнымъ тономъ сказала нараспѣвъ: «И Гришеньку повели въ кутузку въ качествѣ свидѣтеля; онъ товарищъ съ Л. и съ дѣтства на ты. Какъ случилось это происшествіе, Л. и кричитъ: «Гришенька, Гришенька!» Онъ и не желалъ бы откликнуться, да нельзя. Я и сама хотѣла итти непремѣнно за Гришенькой въ кутузку, такъ онъ разсердился на меня и говоритъ: «если ты пойдешь, такъ я не пойду». Такъ я и осталась».

Не знаю, насколько искрененъ былъ на этотъ разъ испугъ m-me «Гришеньки», такъ какъ она всегда и во всемъ до смѣшного подражала мнѣ, какъ замѣчали другіе. Такъ, напримѣръ, проводя по преимуществу свой день возлѣ моей витрины, она говорила обыкновенно: «А меня такъ и тянетъ, такъ и тянетъ къ моей витринѣ, точь въ точь какъ m-me Алчевскую. И выставки я не видѣла, тоже какъ и она».

Впрочемъ, этимъ безпрестаннымъ повтореніямъ были, быть-можетъ, и другія причины, такъ какъ m-r «Гришенька» сказалъ мнѣ однажды таинственно и многозначительно, что патронъ его жены, К., получилъ отъ кого-то въ Москву доносъ, будто m-me «Гришенька» мало сидитъ у своей витрины, и что вотъ-вотъ онъ самъ лично нагрянетъ въ Парижъ. Кромѣ того, послѣ замѣтки въ «L'Eclair» (трактующей о нашей книгѣ), въ которой говорилось, между прочимъ, о дамѣ въ черномъ платьѣ, она прежде подошла и спросила: «въ какомъ это именно платьѣ описываютъ васъ?» А затѣмъ замѣнила свое любимое пестренькое весьма сходнымъ съ моимъ чернымъ и такъ и осталась уже въ немъ до конца выставки.

Вообще, скандалы въ русскомъ отдѣлѣ были не рѣдкостью, и какъ я ни оберегала отъ нихъ мой обособленный салонъ, въ немъ поругались-таки однажды одинъ посѣтитель и «неразбивающаяся фигура». Ругня эта дошла до такихъ размѣровъ: «Квасной московскій патріотъ!»—«Жидъ пархатый!»—«Каменная кукла!»—«Одесскій жуликъ!» и т. д.

Я сидѣла ни жива, ни мертва и ждала драки. Въ это время умница К., ставши въ величественную позу, обратилась къ нимъ съ такою грозною рѣчью: «Какъ вы смѣете заводить здѣсь скандалы? Идите прочь! Вы только компрометируете насъ! Смотрите, вонъ уже около насъ собирается толпа».

На эти энергическія слова «неразбивающаяся фигура», выпучивъ свои пьяные глаза, отвѣчала дерзко: «я говорю не съ вами, а съ m-me Алчевской, и она слушаетъ меня».

К. представляла потомъ въ лицахъ, какъ сижу я ни жива, ни мертва, вперивши испуганный взоръ въ одну точку, а «неразбивающаяся фигура» увѣряетъ, что я съ наслажденіемъ слушаю ее.

Тѣмъ не менѣе, энергичная рѣчь молодой дѣвушки подѣйствовала на этихъ загрубѣлыхъ людей, и они удалились куда-то за шкафы, причемъ «неразбивающаяся фигура» грозила своимъ широкимъ кулакомъ, а маленькій противникъ шелъ тутъ же, какъ ни въ чемъ не бывало. Мысль о неминуемой дракѣ, слѣдствіи и расправѣ страшно терзала меня, а главное, съ свойственной мнѣ силой воображенія, я была увѣрена, что попаду въ свидѣтели этой скандальной исторіи, и по пріѣздѣ домой чуть не довела дѣтей до слезъ такой картиной: посадятъ меня куда-нибудь въ кутузку, а они останутся одни и будутъ приходить навѣщать меня и приносить гостинцы. Мысль эта настолько серьезно тревожила меня, что я послала въ Харьковъ телеграмму, прося мужа моего пріѣхать въ Парижъ немедленно.

Г. былъ также дерзокъ въ пьяномъ видѣ: онъ подошелъ ко мнѣ однажды и спросилъ вызывающимъ тономъ:

— Это вы сочиняли книгу «Что читать народу»?

— А что такое?

— Вотъ вы учите народъ, что читать, а лучше поучили бы своихъ знакомыхъ вѣжливости. Я поднялъ и подалъ кошелекъ вашей знакомой дамѣ, а она не сказала мнѣ за это даже спасибо. Передайте ей отъ меня, что это свинство.

Въ другой разъ нападка Г. на меня была еще неосновательнѣе. Я отправила ему номеръ «Новостей» съ просьбой передать его П., у котораго онъ находился въ услуженіи послѣ смерти А. На другой день я неожиданно услышала надъ своимъ ухомъ пьяный голосъ Г.:

— Почему это вы, сударыня, препроводили номеръ «Новостей» П., а не мнѣ?

Я съ удивленіемъ взглянула на него.

— Удивляетесь?—продолжалъ онъ тономъ пьянаго человѣка.—А, между тѣмъ, въ статьѣ этой говорится вдвое больше обо мнѣ, чѣмъ о П.?

— Какъ! О васъ? о Г.?—переспросила я еще съ бо̀льшимъ удивленіемъ.

— Т.-е. собственно не обо мнѣ, а о моемъ кустарномъ отдѣлѣ. Когда умерли покойный Е. Н., я замѣнилъ ихъ мѣсто. Я—теперь представитель кустарнаго отдѣла, и если они смѣютъ дать мнѣ серебряную медаль...—И за этимъ «если» начались крупныя русскія ругательства противъ французовъ, и Г. позабылъ, очевидно, о своей претензіи на меня.

Но какъ ни были пошлы и жалки эти исканія медалей, они ни малѣйшимъ образомъ не бросали въ моихъ глазахъ тѣни на неподкупность и честность жюри, и оно попрежнему являлось въ моихъ глазахъ непогрѣшимымъ и справедливымъ судьей. Съ завистью смотрѣла я неразъ, какъ эти члены жюри проходили чужіе отдѣлы и останавливались у чужихъ витринъ. Они состояли попреимуществу изъ пожилыхъ людей самаго солиднаго вида, безупречно одѣтыхъ въ черные сюртуки, съ изящнымъ значкомъ въ петлицѣ и надписью «жюри». Въ бѣлыхъ, какъ серебро, воротничкахъ, свѣжихъ перчаткахъ и цилиндрахъ на головахъ, они производили впечатлѣніе какой-то особенной торжественности.

Видя этотъ завистливый взглядъ, В. мнѣ сказалъ однажды: «это жюри по типографскимъ работамъ, но если вы хотите, я могу подвести ихъ къ вашей книгѣ. Они разсмотрятъ и оцѣнятъ ее съ этой стороны». Я отказалась наотрѣзъ отъ этихъ типографскихъ жюри и сказала, что оцѣнить ее могутъ не типографы, а педагоги.

И вотъ теперь, въ эту торжественную минуту, я ждала свое собственное жюри, преисполненная какого-то особаго трепета и благоговѣнія! Съ такимъ точно чувствомъ подходила я въ юности къ причастію, слѣпо вѣруя, что оно сниметъ съ души моей всѣ сомнѣнія и тревоги.

Я ждала, что докладчикомъ о книгѣ явится русскій комиссаръ В., болѣе или менѣе знакомый и съ нашимъ дѣломъ и съ книгой. Но ожиданія мои не сбылись, и за полчаса до прихода жюри ко мнѣ подошелъ совершенно неизвѣстный мнѣ молодой человѣкъ съ весьма пріятной наружностью и изящными манерами. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ сынъ извѣстнаго писателя Плетнева, приглашенный будто бы комитетомъ для представительства по тѣмъ отдѣламъ, по которымъ наличный составъ членовъ его считалъ себя некомпетентными и у которыхъ, такимъ образомъ, не было представителя («подставной жюри», какъ называли его).

Молодой человѣкъ имѣлъ довольно сконфуженный видъ и, глядя на меня своими прекрасными сѣрыми глазами, заговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— M-me Алчевская! Ради Бога выручите меня изъ бѣды. Я не знаю ни вашей школы, ни вашей книги и между тѣмъ черезъ полчаса долженъ дѣлать о ней докладъ.

— Слушайте,—сказала я ему серьезно, безъ всякихъ предисловій, страшась потерять каждую минуту этого дорогого времени; и я начала говорить ему съ такой послѣдовательностью и горячностью, что можно было подумать, пожалуй, будто я долго и основательно подготовлялась къ этому докладу. Я чувствовала, что Плетневъ слушаетъ меня не по заказу, не какъ «подставной жюри», а какъ человѣкъ, увлеченный искреннею и задушевною рѣчью. О, это навѣр-

ное былъ одинъ изъ лучшихъ моихъ докладовъ на выставкѣ, и только что я успѣла довести его до конца, какъ въ большихъ дверяхъ смежнаго съ нами швейцарскаго отдѣла показалась группа членовъ жюри.

Они также были одѣты въ черныхъ сюртукахъ со значками, но мнѣ казалось, что я ниразу не видала еще такихъ интеллигентныхъ и умныхъ лицъ. Очень можетъ быть, что воображеніе мое на этотъ разъ не преувеличило дѣйствительности, такъ какъ составъ жюри можно было признать поистинѣ вполнѣ интеллигентнымъ. Они были не всѣ налицо, но все-таки ихъ было такъ много, что сердце мое замирало отъ радости и гордости.

Прежде всѣхъ долженъ былъ говорить представитель русскаго комитета Плетневъ, и я слушала его изящную французскую рѣчь, какъ музыку. Дѣловито, толково, послѣдовательно, ярко обрисовалъ онъ дѣло, и, слушая его, можно было подумать, что онъ давно и близко знакомъ съ нимъ.

Затѣмъ очередь слѣдовала за m-lle Дургеймъ, но, видя, что она нѣсколько конфузится и робѣетъ, я смѣло выступила со своимъ собственнымъ докладомъ. Совершенно игнорируя возможность ошибокъ на французскомъ языкѣ и думая только о томъ, какъ бы пополнить мнѣ тѣ пробѣлы, которые невольно проскальзывали въ рѣчахъ Плетнева и m-lle Дургеймъ, менѣе знакомыхъ съ дѣломъ; я громко и отчетливо посвящала своихъ судей въ детали его и отвѣчала на всѣ ихъ разспросы. Серьезно и внимательно выслушивали они всѣхъ трехъ докладчиковъ и предлагали намъ весьма дѣльные вопросы, свидѣтельствовавшіе о компетентности ихъ въ дѣлѣ народнаго образованія. На прощанье мы предложили имъ брошюру Абрамова и выдержку изъ статьи Загуляева, помѣщенную въ «Journal de St.-Pétersburg».

Какъ ни продолжительно и внимательно разсматривали нашу книгу члены жюри, мнѣ все-таки казалось, что я должна сдѣлать еще нѣчто для болѣе близкаго ознакомленія ихъ съ этимъ дѣломъ. Какъ ни ярка была брошюра Абрамова, русскаго человѣка, мнѣ все-таки думалось, что докладъ француза, владѣющаго русскимъ языкомъ и знакомаго съ книгой, былъ бы несравненно умѣстнѣе передъ этимъ фран-

цузскимъ жюри. Виконта де-Вогюэ мнѣ не хотѣлось тревожить своими новыми просьбами, и я поѣхала къ профессору Лежэ, къ которому имѣла письмо и который, какъ слышала я, давно и внимательно изучилъ нашу книгу. Въ ту минуту, какъ я собиралась поѣхать къ нему съ выставки и надѣвала уже перчатки, ко мнѣ быстро подошелъ Плетневъ. Его прекрасное молодое лицо сіяло искренней радостью, и, улыбаясь своей доброй улыбкой, онъ сказалъ мнѣ торжествующимъ голосомъ:

— Побѣда! Члены жюри говорятъ, что никогда и нигдѣ, при всѣхъ своихъ осмотрахъ они не выносили такого отраднаго впечатлѣнія, какое вынесли изъ доклада о вашемъ дѣлѣ, и ни одинъ трудъ не казался имъ такимъ оригинальнымъ, своеобразнымъ и симпатичнымъ, какъ книга «Что читать народу».

— Всѣмъ этимъ я въ значительной степени обязана вашему докладу, — сказала я, искренно пожимая его руку.

— Моему докладу? — возразилъ онъ съ удивленіемъ. — Помилуйте! Вѣдь этотъ докладъ былъ вашъ собственный, съ перваго до послѣдняго слова. Въ словахъ вашихъ было столько горячности и жизни, что, я увѣренъ, они въ силахъ были бы разбудить мертваго и заставить говорить, какъ говорилъ я.

Съ тѣхъ поръ между мной и Плетневымъ установились самыя дружелюбныя отношенія, и каждый разъ, когда онъ урывалъ минуту отъ множества возложенныхъ на него дѣлъ и порученій, онъ забѣгалъ ко мнѣ и непремѣнно сообщалъ какое-либо пріятное извѣстіе.

О медаляхъ, впрочемъ, у насъ не было и рѣчи, и меня совершенно не занималъ вопросъ, изъ какого металла присудятъ намъ награду. Плетневъ очень хорошо понималъ это и сообщалъ обыкновенно только отзывы о книгѣ того или другого компетентнаго лица.

И вотъ, когда срокъ его сессіи окончился, и онъ пришелъ проститься, я совершенно неожиданно для себя почувствовала, что съ этимъ почти незнакомымъ мнѣ человѣкомъ я пережила такъ много волненій, тревогъ и радостей, что мнѣ чрезвычайно трудно въ эту минуту разстаться съ

нимъ,—и вдругъ непрошенныя слезы градомъ хлынули у меня изъ глазъ. Плетневъ былъ, очевидно, и озадаченъ, и сконфуженъ, и тронутъ этими слезами, и, крѣпко сжимая мнѣ руку на прощанье, говорилъ глубоко взволнованнымъ голосомъ: «Клянусь вамъ Богомъ, Христина Даниловна, что я никогда въ жизни не былъ тронутъ такъ ничьими слезами, какъ этими. Я не зналъ вашего дѣла, но теперь я знаю его, глубоко уважаю и искренно симпатизирую ему, какъ и вамъ самимъ».

И онъ взялъ съ меня слово, что по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я непремѣнно дамъ ему знать объ этомъ, что онъ надѣется, что знакомство наше не ограничится этой короткой встрѣчей, и что съ этихъ поръ онъ трепетно будетъ слѣдить издали за участью нашей книги на выставкѣ.

Когда я садилась на извозчика для поѣздки къ Лежэ, на душѣ у меня было чрезвычайно весело и отрадно, и я невольно подумала, какъ взглянулъ бы теперь на меня мой Будда и что выразили бы его узкіе глаза; но—увы!—я давно измѣнила ему, такъ какъ нашла новый входъ на выставку съ несравненно кратчайшимъ путемъ, причемъ я попадала прямехонько въ Arts liberaux и, пройдя мимо пуховыхъ платковъ и «неразбивающейся фигуры», садилась въ салонъ у книги. Этотъ путь полонъ для меня самыхъ живыхъ воспоминаній, и я чувствовала себя у этого подъѣзда, какъ дома: и жандармъ у входа, видѣвшій меня ежедневно, обязательно пряталъ въ свою будочку мои покупки, которыя я привозила съ утра, и когда я возвращалась затѣмъ съ ворохомъ книгъ или иныхъ вещей, онъ не останавливалъ меня, какъ другихъ, разспросами, не требовалъ удостовѣренія на пріобрѣтенные предметы, а говорилъ привѣтливо: «passez!» И garçon ближайшаго плохенькаго ресторана, въ которомъ я обыкновенно требовала un verre de sirop groseille, предупредительно шелъ мнѣ навстрѣчу, и продавецъ входныхъ билетовъ, улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ, дѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я не покупала билета ни у кого другого, и бережно снималъ Христю съ экипажа; и оборванецъ, бѣгавшій ежедневно за извозчикомъ, бросался опрометью по улицѣ, завидѣвъ меня у воротъ. Съ двумя

послѣдними лицами, съ свойственной мнѣ общительностью, я была положительно въ дружбѣ. Я знала, что беззубый продавецъ билетовъ выручаетъ послѣ продажи каждаго изъ нихъ всего-на-всего 2 сантима. Я знала, что у него 11 человѣкъ дѣтей малъ-мала-меньше, и, уѣзжая, завѣщала ему цѣлый ворохъ дѣтскихъ старыхъ вещей и обуви. Я знала, что нашему веселому оборванцу съ розовыми щеками господа даютъ всего-на-всего 20 сантимовъ за то, что онъ бѣжитъ въ страшную даль за извозчикомъ и черезъ добрыхъ полчаса, весь запыхавшись, въ поту, съ торжествующимъ видомъ ѣдетъ на немъ. Я знала, что вечеромъ для добыванія куска хлѣба онъ стрѣляетъ изъ пушекъ въ Бастиліи и получаетъ за это 50 сантимовъ; и однажды, когда онъ почему-то не явился въ моментъ моего выхода, и я обратилась съ вопросомъ къ его товарищамъ, такимъ же оборванцамъ, какъ и онъ, они заявили мнѣ, что ему выбили глазъ въ Бастиліи. Мнѣ ужасно жаль было этого беззаботнаго человѣка, но на другой день оказалось, что это была шутка со стороны его товарищей.

И такъ, я ѣхала къ профессору славянскихъ литературъ Лежэ въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа. Достигнувши „Pont de Grénelle", я увидѣла статую свободы въ полномъ ея величіи и славѣ; она какъ будто еще выше подняла свой свѣточъ въ правой рукѣ, а книга, которую держала она лѣвой, казалась мнѣ ужасно похожей на книгу «Что читать народу».

Взобравшись на высокую лѣстницу квартиры Лежэ, я позвонила въ колокольчикъ, и привѣтливый хозяинъ самъ отворилъ мнѣ двери. Онъ радушно просилъ меня въ свой кабинетъ, и я очутилась въ узкой небольшой комнатѣ со стѣнами, уставленными книгами сверху донизу. На маленькомъ столикѣ въ углу стоялъ русскій самоваръ, а на письменномъ столѣ я замѣтила статуэтку русскаго мужика, плетущаго лапоть.

Лежэ заботливо усадилъ меня въ кресло и началъ журить за то, что я такъ долго не приходила къ нему. Онъ говорилъ по-русски съ акцентомъ, свойственнымъ иностранцамъ, но такъ живо, бойко и горячо, что я съ удоволь-

ствіемъ слушала его. Скажу болѣе: онъ какъ будто кокетничалъ въ своей рѣчи глубокимъ знаніемъ характера и тонкостей русскаго языка и часто употреблялъ такія выраженія, какъ: «еще бы», «какъ нельзя болѣе кстати», «любо-дорого посмотрѣть» и т. д.

Когда я замѣтила это, онъ отвѣчалъ: «Я изучалъ языкъ въ великорусскихъ губерніяхъ и провелъ тамъ около трехъ лѣтъ, а когда мы послали недавно одного изъ нашихъ стипендіатовъ къ вамъ на югъ для изученія русскаго языка, онъ возвратился къ намъ съ такими «го-го-го», что мы рѣшили не посылать туда болѣе».

«Вы страшно непрактичны,—продолжалъ онъ отеческимъ тономъ.—Нельзя же требовать отъ французовъ, чтобы, не зная русскаго языка, они могли бы заинтересоваться вашей книгой и сознать ея великое значеніе. Между тѣмъ, если бы вы пожаловали ко мнѣ раньше, а еще лучше—написали бы изъ Россіи о своемъ намѣреніи представить ее на судъ европейской публики, я, конечно, могъ бы пропагандировать это прекрасное дѣло посредствомъ печати и обратить на него должное вниманіе компетентныхъ лицъ. Теперь же это поздно,—поздно потому, что книга попала уже въ жюри, и подобная замѣтка можетъ имѣть характеръ рекламы, желающей воздѣйствовать на рѣшеніе судей. Но вотъ что могу сдѣлать я: я могу честно и открыто предложить имъ черезъ вашего русскаго комиссара сдѣлать устный докладъ о книгѣ, которую я изучалъ весьма долго и детально. Впрочемъ, пока предложеніе это будетъ проходить извѣстныя стадіи, я напишу другу моему, члену французской академіи Мезьеру, который, если не ошибаюсь, состоитъ членомъ жюри именно по вашему отдѣлу. Взгляните на мою библіотеку, а я буду писать».

И онъ сѣлъ за письменный столъ, досталъ листъ почтовой бумаги и началъ писать. Въ то время, какъ перо его быстро скользило по страницамъ, я разсматривала внимательно его обширную библіотеку. Между французскими переплетами и названіями мнѣ безпрестанно попадались на глаза книги, на которыхъ я съ радостью встрѣчала знако-

мыя и родныя русскія буквы: «Кобзарь» Шевченка, «Исторія русской литературы» Ореста Миллера и т. д.

Наконецъ, Лежэ окончилъ свое объемистое посланіе и съ добродушной улыбкой просилъ выслушать, что именно онъ написалъ. Письмо это было настолько восторженно, дышало такимъ французскимъ паѳосомъ, въ немъ отводилось такое почетное мѣсто нашему труду, что мнѣ положительно было стыдно слушать его. Замѣтя это, Лежэ сказалъ горячо: «Простите меня, но мнѣ кажется, что вы сами не понимаете и не сознаете, какое великое дѣло сдѣлано вами. Вѣдь это цѣлое открытіе въ изученіи духовной жизни народа! Вѣдь ни въ одной литературѣ я не встрѣчалъ ничего подобнаго! Боже мой, Боже мой, что могъ бы я еще сдѣлать для вашей книги?» И онъ нервно и быстро сталъ ходить по комнатѣ и, ожитируясь, повторялъ: «Что бы могъ я еще сдѣлать? Научите меня, ради Бога, что бы могъ я еще сдѣлать!»

Я увѣряла его, что онъ сдѣлалъ уже такъ много и своимъ письмомъ, и предложеніемъ, переданнымъ черезъ меня русскому комитету, что трудно представить себѣ, какъ можно сдѣлать болѣе. Но онъ продолжалъ волноваться, и я оставила его въ томъ же положеніи, счастливая своимъ свиданіемъ и разговоромъ съ нимъ.

На прощанье онъ просилъ у меня мою фотографическую карточку и далъ мнѣ свою, быстро надписавъ на ней нѣсколько словъ. Карточку эту я свято храню, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній моего пребыванія въ Парижѣ.

Счастливая, я возвращалась опять на выставку черезъ «Pont de Grénelle», и мнѣ казалось, что статуя свободы еще выше подняла свой факелъ, и ея огромная книга еще больше напоминаетъ книгу «Что читать народу».

Между тѣмъ на выставкѣ меня ждала маленькая непріятность, которая оказалась, впрочемъ, воображаемой. Въ числѣ нашихъ важныхъ членовъ-жюри былъ нѣкто швейцарецъ Гобà, conseiller d'Etat, какъ значилось о немъ въ «Bulletin Officiel». Съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, съ большой головой, несоотвѣтствовавшей его среднему росту,

онъ какъ-то особенно бросался въ глаза и производилъ впечатлѣніе выдающагося государственнаго дѣятеля, какимъ и оказался онъ по разсказамъ m-lle Дургеймъ. Она знала его, какъ вліятельное лицо своего роднаго города Берна, и даже находилась тамъ съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Врагъ классической системы образованія, онъ давно и энергически борется противъ нея и имѣетъ массу враговъ и недоброжелателей. Но даже и эти враги и недоброжелатели преклоняются передъ великимъ умомъ и энергіей Гоба́ и отдаютъ ему должную справедливость.

Вліятельный человѣкъ призналъ, однако, на выставкѣ свою скромную соотечественницу и сказалъ по ея адресу нѣсколько привѣтливыхъ словъ.

На другой день, проходя мимо нашей витрины въ то время, какъ я была у Лежэ, а m-lle Дургеймъ оставалась съ дѣтьми на выставкѣ, онъ остановился и спросилъ ее, улыбаясь:

— Какъ вы думаете, на какую именно награду разсчитываетъ m-me Алчевская?

— Лучшей наградой для нея можетъ служить ваше внимательное разсмотрѣніе ея труда и безпристрастная оцѣнка его,—отвѣчала она находчиво, со свойственнымъ ей умомъ и тактомъ.

Вопросъ Гоба́ показался мнѣ положительной насмѣшкой и совершенно испортилъ мое свѣтлое расположеніе духа.

«Опять эти награды, эти подозрѣнія въ честолюбіи», злобно думала я.

Но тревоги мои оказались напрасными, и черезъ 2—3 дня къ намъ явился тоже швейцарецъ, другъ Гоба́, который, обращаясь ко мнѣ, сказалъ восторженнымъ тономъ: «Гоба́ давалъ мнѣ читать вашу брошюру и, несмотря на то, что онъ лично говорилъ мнѣ много хорошаго объ этомъ дѣлѣ, я, прочитавши ее, пришелъ въ совершенный восторгъ и явился засвидѣтельствовать вамъ свое глубочайшее уваженіе и симпатію».

Такимъ образомъ m-r le professeur Hunziller совершенно успокоилъ меня на этотъ счетъ, а Гоба́ въ день отъѣзда m-lle Дургеймъ подошелъ къ ней и сказалъ тихо съ улыбкой:

— Я связанъ клятвеннымъ обѣщаніемъ хранить великую тайну присужденія наградъ, но такъ какъ вы уѣзжаете сегодня, мнѣ ужасно хочется быть первымъ добрымъ вѣстникомъ относительно дѣла, въ которомъ вы принимали такое теплое участіе.—И, наклоняясь къ ея уху, онъ сказалъ еще тише:—книгѣ присуждена высочайшая изъ наградъ.

— Какая именно? какая? золотая медаль? — пристала къ нему m-lle Дургеймъ чисто по-женски.

— Можетъ-быть,—отвѣчалъ онъ улыбаясь и скрылся.

Я не смѣла вѣрить этому счастью и, почувствовавъ, какъ замерло у меня сердце при этомъ извѣстіи, отнеслась къ самой себѣ съ презрѣніемъ и подумала: вотъ оно, это честолюбіе, изъ-за котораго такъ часто язвятъ меня!

Между тѣмъ не одинъ только профессоръ Гюнпиллеръ искренно заинтересовался нашимъ дѣломъ, и мы съ удовольствіемъ видѣли, какъ не тотъ, такъ другой изъ членовъ жюри забѣгалъ къ намъ съ разнаго рода вопросами: «Кто изъ васъ первый примѣнилъ экспериментальный методъ при чтеніи съ народомъ? На чей счетъ содержится школа? Не носитъ ли преподаваніе въ ней клерикальнаго [1]) характера? Выработаны ли въ ней программы самостоятельно или даны правительствомъ?» и т. д.

Впрочемъ, разставаясь въ моемъ докладѣ съ m-lle Дургеймъ, я должна сдѣлать отступленіе и покаяться въ той несправедливости, которую я таила противъ нея въ душѣ во все время ея краткаго пребыванія на выставкѣ. Никогда еще мой школьный фанатизмъ не доходилъ до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, какъ дошелъ онъ на этотъ разъ въ Парижѣ. Весь міръ, всѣ интересы сосредоточились для меня, какъ въ фокусѣ, въ двухъ томахъ книги «Что читать народу» и въ желаніи заставить вглядѣться въ нее иностранную публику и произнести надъ ней свой приговоръ. И вотъ, ожидая къ себѣ m-lle Дургеймъ на двѣ, на

---

[1]) Что касается клерикальнаго характера школы, то весьма многіе подозрѣвали ее въ этомъ, и даже m-me де-Морсье, желая найти оправданіе своему непристойному поведенію по отношенію ко мнѣ, говорила кому-то изъ моихъ знакомыхъ: «все это произошло потому, что я приняла эту воскресную школу за клерикальную».

три недѣли и вспоминая, какъ тепло и сердечно относилась она всегда къ нашему дѣлу, я воображала, что она прирастетъ къ моей малиновой скатерти и вся сосредоточится на интересахъ книги «Что читать народу». Въ воображенiи моемъ ярко вставала ея изящная фигура, и я видѣла ее уже на женскомъ конгрессѣ съ докладомъ въ рукахъ и съ нѣсколько взволнованнымъ прекраснымъ лицомъ. Каково же было мое разочарованiе, когда по прiѣздѣ она отказалась наотрѣзъ выходить съ докладомъ въ многолюдномъ собранiи, ссылаясь на свою робость, тихiй голосъ и проч., и когда она жадно ловила каждый моментъ для осмотра чудесъ на выставкѣ!

— Ну, что m-lle Дургеймъ? Все та же?—спросила меня какъ-то Ананьева.

— Ужасно поглупѣла,—отвѣчала я ей тихо и печально,—совершенно утратила способность заниматься чѣмъ-либо серьезнымъ и все время отдаетъ пустякамъ.

Бѣдная m-lle Дургеймъ! Отойдя нѣсколько отъ этого недавняго прошлаго и овладѣвъ снова способностью быть безпристрастной, я вижу, что она сдѣлала все, что могла: она прекрасно доложила о нашемъ дѣлѣ жюри, силилась всегда по мѣрѣ возможности врачевать мои душевныя раны, но ея выразительный взглядъ неразъ останавливался на мнѣ со вниманiемъ и грустью. «Что сдѣлалось съ этой женщиной?—навѣрное думала она.—Какъ сузилось за это время ея мiросозерцанiе, какъ далеко ушли отъ нея интересы всего мiра!» И она спѣшила къ чудесамъ этого мiра, разставленнымъ на парижской выставкѣ, и ея прекрасные глаза ярко отражали ту силу любознательности, которая наполняла въ эти дни ея душу.

Впрочемъ, не къ одной m-lle Дургеймъ была несправедлива я: и осмотръ выставки казался мнѣ также преступленiемъ со стороны Ананьевой.

— Александра Александровна осматриваетъ все брюссельскiя кружева и персидскiе ковры,—говорила я кому-то при ней язвительно въ моемъ салонѣ.

— Какъ вамъ не стыдно, Христина Даниловна!—возразила она, теряя, наконецъ, терпѣнiе.—Я изъ-за вашихъ

докладовъ не видала ровно ничего на выставкѣ и уѣзжаю отсюда, не осмотрѣвъ ни одного отдѣла, а у васъ достаетъ еще духа упрекать меня осмотромъ выставки!

Даже къ проходящей публикѣ я была положительно несправедлива, и она подраздѣлялась у меня на двѣ строго опредѣленныя категоріи. Проходитъ юноша и разсѣянно минуетъ книгу «Что читать народу».

«Дуракъ», лаконически рѣшаю я, съ презрѣніемъ глядя ему вслѣдъ. Проходитъ барышня и останавливается внимательно у книги. «Умница», думаю я про себя, любовно глядя на нее.

— Кто далъ вамъ право такимъ образомъ классифицировать людей?—сказалъ мнѣ однажды раздражительно одинъ мой знакомый, причемъ я горячо стала доказывать ему, что каждый порядочный человѣкъ непремѣнно долженъ интересоваться такимъ широкимъ, животрепещущимъ вопросомъ, какъ—что читать народу.

Но возвратимся къ нити разсказа.

То очевидное вниманіе, съ которымъ жюри изучали наше дѣло, и та степень заинтересованности, которую проявляли они по отношенію къ нему, дѣлали меня совершенно счастливой. Но я все-таки продолжала мечтать о докладѣ Лежэ, который еще ярче долженъ былъ освѣтить для нихъ суть книги.

Впрочемъ, до меня дошли слухи, что предсѣдатель VI класса Мезьеръ прочелъ жюри самымъ торжественнымъ образомъ длинное и обстоятельное письмо Лежэ, полученное на его имя, и что письмо это произвело благопріятное впечатлѣніе на остальныхъ членовъ. Ходили также слухи, будто виконтъ де-Вогюэ высказалъ устно свое мнѣніе о книгѣ передъ жюри. Все это, конечно, въ высшей степени радовало меня, и я готова была позабыть о своихъ прошлыхъ неудачахъ. Но мнѣ напоминали о нихъ другіе. Въ особенности много злословія, и злословія весьма основательнаго, приходилось слышать мнѣ о женскомъ конгрессѣ, и когда я, желая быть справедливой, говорила о томъ, что рѣчь Жюля Симона произвела на меня весьма глубокое впечатлѣніе, одинъ изъ моихъ уважаемыхъ собесѣдниковъ

сказалъ мнѣ съ саркастической улыбкой: «Вы, вѣроятно, стояли слишкомъ далеко и не слышали какъ слѣдуетъ этой позорной рѣчи. Слышали ли вы, напримѣръ, какъ говорилъ онъ, что французская женщина оклеветана потому, что остальныя націи завидуютъ ея красотѣ, и что на насъ, французовъ, клевещутъ оттого, что у насъ самыя красивыя кокотки. А знаете ли, что произнесъ онъ въ послѣдней своей заключительной рѣчи по окончаніи конгресса,— онъ сказалъ: «Mesdames! Вы поиграли немножко въ конгрессъ—и довольно. Женщинѣ совсѣмъ не идетъ погружаться слишкомъ глубоко въ эти скучныя матеріи».

Я не имѣла возможности провѣрить подлинность показаній моего скептицирующаго собесѣдника, но присутствовавшія здѣсь дамы подтвердили, что онъ правъ.

Затѣмъ онъ напомнилъ мнѣ о томъ, какъ одна изъ барынь-благотворительницъ начала свою рѣчь такъ: «Mesdames! Я предлагаю всѣмъ женщинамъ протестовать противъ того, что на всемірной выставкѣ есть жюри, состоящее исключительно изъ однихъ мужчинъ, и какихъ мужчинъ! Я приведу вамъ сейчасъ возмутительный фактъ: я знаю жюри, отецъ котораго былъ... чѣмъ бы вы думали?.. лакеемъ!..»

Да, я припомнила этотъ фактъ, припомнила, какъ въ залѣ раздались свистки, а барыни-благотворительницы покрыли ихъ апплодисментами.

Вообще, сколько ни прислушивалась я къ отзывамъ объ этомъ женскомъ конгрессѣ, всѣ они сводились къ тому, что онъ былъ полонъ лжи и фразъ, и каждый добавлялъ при этомъ: «какъ жаль, что вы не дождались серьезнѣйшаго изъ конгрессовъ, въ которомъ будетъ предсѣдательствовать честнѣйшій изъ людей Жанъ Масе. Вотъ гдѣ слѣдовало бы прочесть вамъ докладъ о школѣ и книгѣ».

Но впечатлѣніе, вынесенное мною изъ женскаго конгресса, было настолько тяжело, что мнѣ страшно было даже думать о повтореніи той же исторіи сначала.

Между тѣмъ, салонъ мой все болѣе и болѣе наполнялся самыми разнообразными элементами: здѣсь были и мелкіе репортеры газетъ, заискивающимъ тономъ просящіе мате-

ріаловъ для своихъ безцвѣтныхъ статеекъ, и корреспонденты высшаго полета, держащіе себя съ бо̀льшимъ достоинствомъ и снисходительно признающіе книгу «Что читать народу» почтеннымъ трудомъ, и представители русскихъ газетъ и журналовъ, и писатели, заинтересованные книгой потому, что разсказы ихъ перечитаны были съ народомъ, и педагоги, близко знающіе книгу и интересующіеся ея участью на выставкѣ, и учителя, и учительницы, и много всякаго народа. Но кто бы ни были эти люди, заинтересовавшіеся моимъ дѣломъ, я считала своимъ нравственнымъ долгомъ встрѣчать всѣхъ и каждаго съ привѣтомъ и отвѣчать на всѣ ихъ вопросы и недоумѣнія. Я не знала цѣли, съ какой именно разспрашиваютъ меня эти люди, не знала ихъ намѣреній, не знала ихъ самихъ, но мнѣ казалось, что долгъ общественнаго дѣятеля, не наводя подобныхъ справокъ, пропагандировать любимое дѣло и удовлетворять подобнымъ требованіямъ, откуда ни шли бы они. И вотъ однажды явилась ко мнѣ небольшая депутація отъ уважаемаго мною журнала и газеты, и представитель ея обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

«Христина Даниловна! Мы искренно уважаемъ и ваше честное дѣло и васъ самихъ. Скажу болѣе: мы дорожимъ, мы гордимся вашей книгой здѣсь, на выставкѣ. Между тѣмъ, вы допускаете къ себѣ людей, скомпрометированныхъ въ общественномъ мнѣніи, людей, измѣнившихъ своимъ честнымъ убѣжденіямъ, людей-перебѣжчиковъ изъ своего лагеря въ чужой, а потому мы просимъ васъ быть осторожнѣе въ вашихъ знакомствахъ, не компрометировать себя общеніемъ съ плохими людьми и держаться отъ нихъ какъ можно дальше и холоднѣе».

Я искренно поблагодарила этого честнаго депутата, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказала свой личный взглядъ на обязанности общественнаго дѣятеля, о которыхъ я упомянула выше.

Изъ числа моихъ выставочныхъ посѣтителей нѣкоторые припоминаются мнѣ особенно живо. Съ писателемъ Немировичемъ-Данченко я встрѣтилась въ первый разъ въ жизни, но мнѣ казалось, что я давно знаю его, такъ привѣтливо

и радушно онъ заговорилъ со мною о книгѣ «Что читать народу».

— Вы полагаете, что вы составили книгу для учителей,— говорилъ онъ мнѣ,—но если бы вы знали, какое огромное значеніе имѣетъ она для насъ, писателей! Мнѣ никогда не приходило въ голову провѣрить, что говоритъ обо мнѣ народъ, и я съ трепетомъ пробѣжалъ страницы, отведенныя для наблюденій надъ моимъ разсказомъ. Читая ихъ, я видѣлъ воочію душу этихъ загадочныхъ для насъ людей, и она представляла для меня гораздо бо̀льшій интересъ, чѣмъ знакомая мнѣ душа интеллигентнаго человѣка.

Инспекторъ народныхъ училищъ Шпановскій, чрезвычайно добродушный человѣкъ, сидѣлъ у меня въ салонѣ ежедневно во все время пребыванія своего на выставкѣ. Онъ привезъ въ Парижъ небольшой изобрѣтенный имъ инструментъ (родъ фисгармоніи) для обученія въ народныхъ школахъ, стоящій всего 12 рублей. Учитель, не обладающій голосомъ и не умѣющій играть на скрипкѣ, легко можетъ обучать дѣтей пѣнію при помощи подобнаго инструмента.

Я съ большимъ сочувствіемъ отнеслась къ этому добродушному Шпановскому, такъ какъ его тревожное ожиданіе жюри совершенно напоминало мнѣ мое недавнее прошлое; и вотъ, когда въ одно прекрасное утро жюри во всемъ своемъ составѣ явилось для разсмотрѣнія этого инструмента, Шпановскаго, какъ нарочно, не было на выставкѣ, и эти почтенные господа должны были разсматривать его изобрѣтеніе вполнѣ самостоятельно.

Я хотѣла подойти къ нимъ, чтобы выручить сосѣда, но, не зная музыкальныхъ терминовъ по-французски, лишена была этой возможности. Тѣмъ не менѣе, члены жюри съ большимъ вниманіемъ разсмотрѣли инструментъ со всѣхъ сторонъ, прочитали короткое объясненіе, находившееся при немъ, и затѣмъ, подойдя ко мнѣ, сказали учтиво:

— Считая васъ вполнѣ компетентнымъ лицомъ въ рѣшеніи школьныхъ вопросовъ, мы позволяемъ себѣ обратиться къ вамъ и спросить, примѣнялся ли этотъ инстру-

ментъ у васъ въ школѣ на практикѣ и насколько вы находите его соотвѣтствующимъ цѣли.

Я учтиво поблагодарила за довѣріе и честь, оказанныя мнѣ этимъ вопросомъ, и отвѣчала, что инструментъ этотъ представляетъ собою совершенную новизну, а потому и въ школѣ у насъ не примѣнялся, но, насколько могу судить я, вполнѣ пригоденъ и полезенъ для той цѣли, къ которой желалъ приноровить его изобрѣтатель.

Вообще члены жюри, ознакомившись съ нашимъ дѣломъ, стали относиться ко мнѣ съ изысканной вѣжливостью и уваженіемъ, и говорятъ, будто между ними и нашимъ новымъ генеральнымъ комиссаромъ Познанскимъ произошелъ такой разговоръ:

— Въ вашемъ отдѣлѣ есть замѣчательный трудъ,—сказалъ кто-то изъ жюри, обращаясь къ Познанскому и указывая на книгу «Что читать народу».

— Да...—отвѣчалъ нерѣшительно Познанскій, знакомый съ нашимъ дѣломъ лишь въ общихъ чертахъ.—Удивительнѣе всего здѣсь, безспорно, то, что госпожа, создавшая эту книгу, вполнѣ обезпечена и могла бы вести самую беззаботную и пріятную свѣтскую жизнь: выѣзжать, бывать въ театрахъ, веселиться, а между тѣмъ говорятъ, что она съ утра до вечера все въ школѣ и школѣ, и я, право, не берусь рѣшить, къ чему все это и что, собственно, ей нужно.

— Что ей нужно? — переспросилъ задумчиво одинъ жюри.—Видите ли, есть люди, нравственная организація которыхъ не мирится съ условіями будничной, заурядной жизни и требуетъ чего-то иного для наполненія ихъ внутренняго міра...

И онъ, говорятъ, съ горячностью и одушевленіемъ, свойственнымъ французамъ, прочиталъ Познанскому цѣлую лекцію на тему, «что именно ей нужно».

Съ тѣхъ поръ генеральный комиссаръ сталъ также изысканно вѣжливъ и предупредителенъ по отношенію ко мнѣ, и хотя я держала себя отъ него очень далеко, боясь подозрѣній въ искательствѣ, но его молоденькая дочь-красавица безпрестанно забѣгала въ мой салонъ, чтобы со-

общить мнѣ, какъ много говорятъ о нашей книгѣ на всѣхъ обѣдахъ и пиршествахъ, на которыхъ присутствуетъ она и, какъ ея папа высоко ставитъ нашъ трудъ.

Но возвратимся къ Шпановскому.

Не успѣли члены жюри переступить порогъ швейцарскаго отдѣла, какъ запыхавшійся Шпановскій влетѣлъ въ мой салонъ съ вопросомъ:

— Говорятъ, здѣсь были жюри?

— Догоняйте,—сказала я ему съ досадой, указывая на двери швейцарскаго отдѣла, и онъ, дѣйствительно, догналъ ихъ.

Добросовѣстные судьи и на этотъ разъ сочли, очевидно, нравственнымъ долгомъ возвратиться и выслушать объясненія изобрѣтателя 12-рублевой гармоніи и долго и внимательно слушали его.

Кромѣ досады на Шпановскаго, запоздавшаго, какъ оказалось, къ приходу жюри (они явились къ намъ въ отдѣлъ, какъ назначили, ровно въ 9 ч. утра), я еще болѣе досадовала и волновалась отсутствіемъ А. М. Калмыковой. Наканунѣ я сказала ей, что завтра въ 9 ч. утра члены жюри посѣтятъ нашъ отдѣлъ и разсмотрятъ, между прочимъ, изданія Петербургскаго комитета грамотности, въ которомъ она состоитъ членомъ правленія. Она обѣщала мнѣ быть, но я тщетно оглядывалась по сторонамъ въ ожиданіи ея прихода.

Правда, брошюры комитета грамотности красиво и симметрично были разложены на моей малиновой скатерти, и я держала наготовѣ въ рукахъ пачку печатныхъ объявленій, отысканныхъ мною на-дняхъ въ одномъ изъ закоулковъ выставки, но мысль о моемъ французскомъ языкѣ какъ-то особенно терзала меня на этотъ разъ, и я съ замираніемъ сердца поджидала Калмыкову.

— Почему вы не были?—спрашивала я ее потомъ.— Вѣдь вы знаете, какъ трудно было мнѣ безъ подготовки изложить передъ членами жюри такое сложное дѣло.

— О, я была увѣрена, что вы сдѣлаете это прекрасно!— отвѣчала она уклончиво.

Диктуя мои бѣглыя замѣтки о выставкѣ, я очень хорошо чувствую всю ту непослѣдовательность, всѣ тѣ отклоненія и скачки, которые безпрестанно приходилось дѣлать мнѣ, но поступать иначе я не могу, такъ какъ наплывъ воспоминаній невольно подавляетъ меня и лишаетъ возможности опредѣлить, что̀ именно въ этихъ воспоминаніяхъ можно признать интереснымъ и что̀ нѣтъ.

Отъ инспектора Шпановскаго я перейду къ саратовскому губернатору Косичу, поразившему меня своимъ направленіемъ и либерализмомъ. Видали ли вы, господа, когда-нибудь губернатора, который горячо, сердечно и искренно сокрушался бы объ общественныхъ язвахъ своей родины, который страдалъ бы желаніемъ помочь ей, боролся съ неправдой, зломъ и формалистикой и энергично искалъ средство къ просвѣщенію народа? Видали ли вы губернатора, который поднялъ бы на ноги все интеллигентное общество своего города, устроилъ воскресную школу и жертвовалъ бы для нея своимъ досугомъ и средствами? Навѣрное, не видали! А я видѣла и слышала его, благоговѣла передъ нимъ и удивлялась, какія чудеса разсѣяны повсюду. Онъ пришелъ ко мнѣ со своей племянницей, женщиной-математикомъ, Ковалевской. Впрочемъ, я чувствую опять, что должна сдѣлать отклоненіе и сказать, въ свою очередь, объ этой выдающейся женщинѣ нѣсколько теплыхъ словъ.

Достигнувъ положенія профессора университета въ Стокгольмѣ, она участвовала въ конкурсѣ какой-то необычайной по трудности математической задачи и выиграла премію въ 6.000 франковъ. Условія присужденія этой преміи окружены были необычайной таинственностью и строгостью: цѣлая комиссія компетентныхъ ученыхъ получала запечатанные пакеты отъ неизвѣстныхъ лицъ и вскрывала ихъ публично въ общемъ присутствіи. И вотъ одинъ изъ этихъ таинственныхъ пакетовъ, рѣшающій вполнѣ правильно мудрую задачу, оказался принадлежащимъ женщинѣ и, быть-можетъ, первый разъ въ жизни пошатнулъ господствующій предразсудокъ въ неспособности ея къ математикѣ...

Но что больше всего поражало меня въ этой удивительной женщинѣ, такъ это необычайная ея простота и сердеч-

ность. Глядя, съ какой нѣжностью и заботой относится она къ своей маленькой краснощекой дочери Фуфу, до какой степени послѣ смерти мужа сосредоточивается на этомъ прелестномъ ребенкѣ вся ея жизнь, какъ снисходительно и добро относится она ко всѣмъ и каждому, сколько простоты и естественности заключается въ ея рѣчи,—ее можно принять за самую заурядную женщину съ самымъ узенькимъ міросозерцаніемъ. Знакомство мое съ ней произошло такимъ образомъ. Въ первыхъ засѣданіяхъ женскаго конгресса много было говора и шума о томъ, что знаменитая русская женщина-математикъ Ковалевская будетъ дѣлать въ одномъ изъ собраній докладъ. Мнѣ ужасно хотѣлось посмотрѣть хоть издали на эту выдающуюся личность, но, къ общему удивленію, она не посѣщала собраній.

Черезъ нѣсколько дней послѣ злосчастнаго происшествія съ докладомъ Ананьевой, когда я не поѣхала на выставку по случаю мучительной головной боли, заставившей меня лежать въ постели, дѣти мои, возвратившись домой вмѣстѣ съ m-lle Дургеймъ съ выставки, вбѣжавши въ мою спальню, кричали весело, перебивая другъ друга: «мама, у тебя на выставкѣ была какая-то дама Ковалевская и очень, очень жалѣла, что не застала тебя. Она говорила, что очень интересуется познакомиться съ тобой и что ей очень нравится книга «Что читать народу». Вотъ она что-то написала тебѣ!»

И они подали мнѣ клочекъ бумаги, на которомъ было написано слѣдующее:

«Очень, очень жалѣю, что вторично не застаю васъ на выставкѣ. Не пожалуете ли вы ко мнѣ въ воскресенье въ Sevres S-t Cloud, villa Clemantine?»

Впослѣдствіи оказалось, что, услышавши о моемъ крушеніи и горячо принимая его къ сердцу, Ковалевская рѣшила, во что бы то ни стало, отыскать меня и утѣшить.

Я до такой степени была тронута этимъ фактомъ и, кромѣ того, мнѣ такъ невыразимо хотѣлось познакомиться съ ней, что я рѣшила въ первое же воскресенье воспользоваться ея любезнымъ приглашеніемъ и поѣхать къ ней въ Sévres. Воскресенье считалось у всѣхъ экспонентовъ та-

кимъ днемъ, когда совершенно не стоило бывать на выставкѣ, такъ какъ цѣлые поѣзда, спеціально предназначенные для того, привозили по утрамъ изъ провинціи тысячи простолюдиновъ, наводнявшихъ всю выставку. Кромѣ того, по праздникамъ въ нашемъ русскомъ отдѣлѣ заводили всѣ огромные органы, и они разомъ играли самыя разнохарактерныя пьесы, начиная отъ «Боже, царя храни» и кончая кадрилью «Вьюшки».

Нападая дома на монотонные экзерсисы, мѣшающіе подчасъ моей письменной работѣ, я суевѣрно думала невольно, не наказалъ ли меня Богъ за эти нападки и не караетъ ли меня судьба за мою прошлую придирчивость къ дѣтямъ. Я не знала ни одного человѣка, который бы, попавъ въ русскій отдѣлъ въ воскресенье, не выходилъ оттуда черезъ часъ съ страшной головной болью, проклиная эту русскую музыку. Говорить не было никакой возможности иначе, какъ близко наклоняясь къ уху собесѣдника и крича во все горло. Вотъ почему по воскресеньямъ нашъ русскій отдѣлъ казался какимъ-то опустошеннымъ: на будочкѣ комитета висѣлъ мѣдный замокъ; изъ сторожей оставался только одинъ дежурный. Ни К., ни Гришеньки не было видно возлѣ витринъ; даже «неразбивающаяся фигура», бывающая на выставкѣ по цѣлымъ днямъ, скрывалась куда-то и появлялась только на другой день, въ понедѣльникъ, съ еще болѣе подпухшей физіономіей. Даже севастопольскій герой, «убивавшій людей», безотлучно находившійся подлѣ своей витрины и умудрявшійся не только сидѣть, но даже и спать на выставкѣ, исчезалъ куда-то до слѣдующаго дня; даже продавщица платковъ, одѣтая кормилицей, замѣняла себя какой-то еврейкой, и только я одна, вѣрная своему посту, высиживала обыкновенно до 6 часовъ на выставкѣ и возвращалась домой со страшной головной болью.

Напрасно уговаривали меня и родные, и друзья не дѣлать этого. Я утверждала, что воскресенье имѣетъ для меня свои хорошія стороны, которыхъ не даютъ мнѣ будни, такъ, напр., меня очень интересовало простонародье, пріѣзжавшее изъ провинціи, и я съ любопытствомъ разсма-

тривала и яркіе, безвкусные наряды, напоминавшіе наше мѣщанство, и чепчики, весьма похожіе на наши очипки, и загорѣлыя лица, и загрубѣлыя руки, напоминавшія мнѣ нашъ рабочій людъ. Кромѣ того, по воскресеньямъ же пріѣзжали изъ провинціи и учителя, и учительницы, и провинціалы, и провинціалки, съ большимъ интересомъ встрѣчавшіе всякую новинку и очень отзывчиво относившіеся къ книгѣ «Что читать народу». Многіе изъ нихъ, взявши брошюру Абрамова, являлись въ слѣдующее затѣмъ воскресенье, чтобы подѣлиться со мной своими впечатлѣніями и потребовать новыхъ разъясненій, такъ, напр., была одна дама, мать семейства, совершенно увлеченная нашей школой и нашимъ дѣломъ.

— Боже мой, Боже мой!—говорила она мнѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ брошюры Абрамова.—У насъ, во Франціи, нѣтъ ничего подобнаго. Сколько ума, самоотверженія, энергіи во всемъ этомъ дѣлѣ! Сколько мысли о народѣ, сколько заботы и попеченія о немъ! Нѣтъ, мы не знаемъ русской женщины и, узнавая, чувствуемъ все свое ничтожество. Я дала себѣ слово научиться русскому языку и научить ему моихъ дѣтей.

И она восторженно и съ волненіемъ крѣпко жала мои руки, и слезы умиленія дрожали на ея большихъ, черныхъ, выразительныхъ глазахъ.

— Вы говорите, что я слишкомъ преувеличиваю достоинства русской женщины и слишкомъ умаляю француженку,—говорила она мнѣ какъ-то горячо,—а знаете ли такой фактъ: въ парижскихъ народныхъ школахъ занимаютъ мѣста учительницъ швейцарки, англичанки, нѣмки, русскія, американки, еврейки, и очень, очень ничтожный процентъ выпадаетъ на долю насъ, француженокъ. Кромѣ того, мы очень плохія матери, и есть цѣлые слои общества, гдѣ тотчасъ послѣ рожденія ребенка его отсылаютъ въ деревню, и родильница-мать нисколько не протестуетъ противъ этого, и рада-радехонька избавиться отъ лишней обузы. И я очень хорошо помню, какъ при рожденіи моего перваго ребенка я находилась въ такихъ же общественныхъ условіяхъ, и родные мужа почти силою хотѣли от-

нять у меня моего первенца; я чуть не лишилась тогда разсудка, отстаивая свое дитя, а окружающіе стыдили меня сентиментальностью и малодушіемъ. Я покажу вамъ его когда-нибудь,—заключила она съ материнской гордостью и, дѣйствительно, въ одно изъ послѣдующихъ воскресеній явилась съ прелестнымъ юношей-брюнетомъ, свѣжимъ и розовымъ, какъ крымское яблоко.

Не знаю, насколько была права поповоду женщинъ-француженокъ моя дама изъ провинціи, но я, дѣйствительно, встрѣтилась потомъ съ русской дѣвушкой, которая вотъ уже 15 лѣтъ учительствуетъ въ парижской школѣ; приходили ко мнѣ и 2 еврейки, также народныя учительницы въ Парижѣ.

Кромѣ дамы изъ провинціи, ко мнѣ каждое воскресенье являлся молодой человѣкъ - учитель, въ высшей степени заинтересовавшійся характеристикой воскресной школы въ Россіи. Брошюра Абрамова произвела на него такое глубокое впечатлѣніе, что онъ началъ изучать русскій языкъ и постоянно разспрашивалъ меня о существующихъ у насъ руководствахъ. Мнѣ даже удалось, наконецъ, достать для него учебникъ, который онъ возвратилъ мнѣ наканунѣ моего отъѣзда, забравши у меня адресы магазиновъ, откуда онъ могъ бы выписать существующія руководства. Бывалъ у меня также и старикъ - французъ, изучающій русскій языкъ, и, приходя, говорилъ: «драстуйтé, какъ ваше здоровьé?» а на прощанье: «прошайтé!»

И вотъ только во имя Ковалевской я рѣшилась осиротить на этотъ разъ всю эту любимую компанію и, оторвавъ себя отъ книги «Что читать народу», поѣхала въ Севръ. Очутившись среди чарующей природы въ S-t Cloud, среди массы воздуха, зелени и свѣта, я вдругъ почувствовала, что приношу жертву, сидя съ утра до вечера въ обстановкѣ пыльнаго, грязнаго и душнаго русскаго отдѣла, но въ то же время я чувствовала себя какъ бы оторванной отъ почвы и чужой всѣмъ этимъ мірскимъ прелестямъ, и меня невыразимо тянуло въ мой пыльный уголъ.

Ковалевскую я застала въ какой-то голубенькой ситцевой блузкѣ и въ хлопотахъ о говяжьей котлеткѣ на зав-

тракъ Фуфу; она привѣтливо бросилась ко мнѣ навстрѣчу и, быстро переодѣвшись, предложила итти осматривать всѣ прелести парка S-t Cloud. Дѣйствительно, онъ былъ восхитителенъ съ огромными вѣковыми деревьями, съ бархатной зеленью лужаекъ, съ ароматомъ рѣдкихъ цвѣтовъ, съ руинами разореннаго дворца издали и съ дивной панорамой всего Парижа, какъ на ладони. Но все-таки въ этой роскошной и чарующей обстановкѣ природы меня болѣе всего занимала царица ея, женщина-математикъ, и я безъ-умолку и говорила съ нею и слушала ее, поворачивая изъ одной въ другую аллею роскошнаго парка S-t Cloud.

Прежде всего оказалось, что она давно и детально знакома со всей нашей работой, что она съ живымъ сочувствіемъ слѣдила издали и за школой, и за книгой и всѣмъ сердцемъ интересовалась этимъ оригинальнымъ, какъ выражалась она, кружкомъ женщинъ въ провинціи, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшимъ среди житейскихъ бурь и такъ просто, такъ разумно разрѣшающимъ на практикѣ вопросъ о женскомъ трудѣ и о возможности общественной дѣятельности для женщины. Затѣмъ она перешла къ женскому конгрессу и, возмущаясь, говорила: «какъ жаль, что я не познакомилась съ вами прежде и не успѣла предотвратить ожидавшей васъ непріятности! Эти дамы пригласили меня на предварительное засѣданіе, и я тотчасъ увидѣла, сколько въ нихъ лжи и фразы. Заняты исключительно вопросомъ о правахъ женщинъ въ дѣлѣ наслѣдства имущества и желая исходатайствовать у существующаго правительства расширенія этихъ правъ, онѣ замаскировали свою прямую цѣль вопросами, которые ни малѣйшимъ образомъ не интересовали ихъ, привлекли къ этому конгрессу массу иностранокъ, которыхъ, въ свою очередь, нимало не занимаетъ вопросъ о правахъ наслѣдства французской женщины, и назвали свой конгрессъ «Congrès international des oeuvres et institutions féminines». Это первое засѣданіе показало мнѣ ясно, какъ день, съ какого сорта людьми имѣю я дѣло, и я отказалась наотрѣзъ отъ участія въ этой постыдной комедіи, несмотря на всѣ ихъ просьбы и ухаживанья за мной. Но когда я услышала, что онѣ обидѣли васъ, русскую

женщину, мою компатріотку, женщину, достойную полнаго уваженія и симпатіи, женщину, вполнѣ безкорыстно отдавшуюся общественному дѣлу,—вы не можете себѣ представить той степени негодованія, какую почувствовала я, и не знаю, въ чемъ выразился бы мой протестъ, если бы мнѣ удалось застать васъ тогда на выставкѣ и условиться въ формѣ его. Впрочемъ, m-me де-Морсье принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, которыя весьма легко измѣняютъ своимъ взглядамъ и симпатіямъ, и теперь, когда книга ваша начинаетъ пріобрѣтать заслуженную популярность, вы смѣло можете разсчитывать на авансы съ ея стороны».

M-me Ковалевская была совершенно права, и на другой день послѣ этого разговора я получила отъ m-me де-Морсье весьма любезную записку, въ которой она спрашивала, не я ли та русская женщина, которая ей писала когда-то такое милое и теплое письмо, и если та, то сохранила ли я для нея въ моемъ сердцѣ хоть маленькій уголокъ симпатіи и расположенія. Но—увы!—уголка не оказалось, и я не отвѣчала ей ни слова на ея любезную записку.

Съ Ковалевской мы разошлись вполнѣ дружески, и съ тѣхъ поръ она часто пріѣзжала изъ Севра въ мой русскій салонъ и подолгу оставалась въ немъ, являясь въ моихъ глазахъ его гордостью и украшеніемъ.

Возвратимся и мы съ нею въ этотъ русскій салонъ, разставшись навсегда съ воздухомъ, зеленью и свѣтомъ прекраснаго парка S-t Cloud.

Не знаю, какіе размѣры принялъ бы мой докладъ, если бы я вздумала говорить о всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые подходили ко мнѣ, заинтересовавшись нашимъ дѣломъ, и вступали въ болѣе или менѣе продолжительные разговоры со мною. Въ памяти моей проходитъ цѣлая вереница этихъ людей, но все-таки нѣкоторые изъ нихъ оставили болѣе глубокій слѣдъ въ душѣ, и образы ихъ ярче встаютъ въ воображеніи. Помню я студента варшавскаго университета, филолога, блѣднаго, худого, въ изношенномъ студенческомъ мундирѣ; онъ ежедневно подолгу останавливался у книги, перелистывалъ ее и перечитывалъ цѣлыя страницы. Нѣсколько дней сряду я не рѣшалась заговорить съ нимъ,

выжидая, не заговоритъ ли онъ со мной первый; но онъ упорно молчалъ, и я рѣшилась, наконецъ, предложить ему сѣсть у меня въ салонѣ и читать книгу.

«Благодарю васъ отъ души,—сказалъ онъ мнѣ учтиво и искренно.—Меня въ высшей степени заинтересовалъ вашъ трудъ. Въ Варшавѣ я не видѣлъ этой книги, не слышалъ ничего о ней, и вдругъ встрѣчаю этотъ сюрпризъ изъ русской жизни на парижской выставкѣ. Мнѣ остается пробыть здѣсь, въ Парижѣ, всего 3 дня, и, если вы позволите мнѣ приходить къ вамъ читать, я буду вамъ всей душой признателенъ».

И онъ, дѣйствительно, приходилъ ежедневно, садился молча у стола и погружался въ чтеніе. Подперши рукою свой блѣдный лобъ и перелистывая страницу за страницей, онъ минутами, точно очнувшись, взглядывалъ на меня, видимо, желая подѣлиться своими впечатлѣніями, но, видя постороннихъ людей, снова углублялся въ чтеніе, и лицо его выражало то радость, то удивленіе, то грусть. Онъ проводилъ такимъ образомъ цѣлые часы и на прощанье сказалъ: «О, я непремѣнно выпишу себѣ эту книгу, какъ только соберусь со средствами. Она требуетъ не чтенія, а изученія, и изученія весьма серьезнаго».

Мнѣ ужасно хотѣлось подарить ему книгу, но я боялась быть слишкомъ развязной и не рѣшилась обратиться съ этимъ предложеніемъ къ незнакомому мнѣ человѣку.

Помню я еще старика-француза съ чрезвычайно интеллигентной физіономіей и глубокими умными глазами. Прочитавши взятую наканунѣ брошюру, онъ на другой день долго и внимательно разсматривалъ всѣ книги на столѣ, перечитывалъ объявленія Петербургскаго комитета грамотности, перелистывалъ нашу книгу и затѣмъ, переведя на меня свой глубокій взглядъ, сказалъ серьезно и задумчиво: «Да, великія дѣла творятся у васъ въ Россіи и творятся тихо, безъ шума, безъ апломба, не такъ, какъ у насъ, французовъ. Знаете ли что,—продолжалъ онъ, одушевляясь,— мы завидуемъ вамъ: мы, прожившіе 18 вѣковъ и, быть-можетъ, отживающіе свой вѣкъ, мы завидуемъ этой молодой, цвѣтущей жизни, какъ завидуетъ дряхлѣющая старуха

юной дѣвушкѣ, полной прелести, надежды и силъ. И въ то время, какъ дряхлѣющая старуха уныло оглядывается на свое прошлое, эта молодая дѣвушка улыбается будущему, сулящему ей много невѣдомыхъ чудесъ. Мы завидуемъ вашей реальной литературѣ, сравнивая ее съ нашей сентиментальной, дѣланной, неестественной литературой. Мы завидуемъ этому дьявольскому («diabolique», какъ выразился онъ) реализму, съ которымъ ваши геніальные писатели—Толстой, Достоевскій и другіе—выворачиваютъ наизнанку человѣческую душу и показываютъ намъ всѣ ея изгибы до мельчайшихъ подробностей».

— А вашъ Зола? Онъ ли не реаленъ?—возразила я.

— Онъ скорѣе циниченъ, чѣмъ реаленъ, — замѣтилъ онъ задумчиво и, забравъ у меня всѣ мои объявленія и замѣтки, собрался въ путь.

— Позвольте мнѣ узнать вашу фамилію, — сказала я ему, увѣренная, что услышу на этотъ разъ какое-либо извѣстное имя.

— Позвольте мнѣ умолчать объ этомъ, — отвѣчалъ онъ учтиво и, поклонившись глубокимъ поклономъ, ушелъ навсегда.

Помню еще одного старика-француза съ необыкновенно восторженнымъ выраженіемъ лица и блестящими черными глазами. Прочитавши брошюру Абрамова, онъ пришелъ въ совершенный восторгъ и, отыскавъ меня на выставкѣ, говорилъ горячо и съ паѳосомъ: «У васъ въ Россіи не умѣютъ въ достаточной степени цѣнить общественныхъ дѣятелей. Будь вы французской женщиной, васъ непремѣнно избрали бы членомъ академіи, и я, слуга науки, профессоръ, первый подалъ бы за это голосъ».

Помню я русскую даму изъ Милана,—ту самую милую русскую даму, которая такъ тепло и сердечно отнеслась ко мнѣ на женскомъ конгрессѣ. Она очень часто заходила въ мой салонъ на выставкѣ и привела ко мнѣ однажды итальянца, сотрудника газеты «Secolo». Онъ очень заинтересовался, въ свою очередь, нашимъ дѣломъ, прочелъ всѣ брошюры и замѣтки и обѣщалъ писать о немъ.

Вообще людей, желавшихъ писать о книгѣ, было бы немало, но радоваться этому приходилось далеко не всегда, и въ числѣ этихъ людей—и французовъ, и русскихъ—встрѣчались личности настолько ограниченныя, что невозможно было думать безъ боязни,—вдругъ имъ вздумается хвалить книгу?

Такъ, напр., прочитавши съ удовольствіемъ замѣтку въ «L'Eclair» и въ «Paris», я съ ужасомъ прочла въ газетѣ «Le Parisien» статейку одного жалкаго французика, которая начиналась такъ: «Aimez vous les congrès?» [1]) Можно ли придумать болѣе глупое начало? Далѣе онъ снисходительно замѣчалъ, какъ трогательно было видѣть меня на конгрессѣ, и т. д.

Замѣтка въ газетѣ «Le Soir» была, кажется, еще глупѣе. Въ ней былъ переданъ отъ слова до слова мой разговоръ о Львѣ Толстомъ, въ которомъ не заключалось, на мой взглядъ, ровно ничего интереснаго, но который вмѣстѣ съ тѣмъ я вовсе не желала выносить на базаръ. Извѣстія нѣкоторыхъ русскихъ газетъ тоже были черезчуръ преувеличенны.

Все это очень конфузило меня, и, несмотря на мою страсть къ пріобрѣтенію статей о книгѣ, я въ данномъ случаѣ не покупала ни одного номера.

Разскажу кстати курьезный случай, касающійся продавца русскихъ газетъ. Этотъ жалкій еврей, мнящій себя чисто русскимъ человѣкомъ, производилъ до крайности комичное впечатлѣніе: съ безобразной физіономіей, въ засаленномъ сюртукѣ, съ убійственнымъ произношеніемъ, онъ нацѣпилъ себѣ на рукавъ 3 коленкоровыя тряпки краснаго, голубого и бѣлаго цвѣта, воображая воплотить такимъ образомъ русское знамя, и написалъ на нихъ кривыми большими буквами: «Русскія газеты».

— А сто? хоросо?—спросилъ онъ при мнѣ какъ-то.

— Глупѣе вы ничего не могли выдумать,—получилъ онъ въ отвѣтъ.

[1]) „Любите ли вы конгрессы?“

Но продавецъ русскихъ газетъ, очевидно, не повѣрилъ этомъ скептическому замѣчанію и съ торжествующимъ видомъ указалъ мнѣ молча пальцемъ на свою рекламу. Видя, что около нашего стола собирается много народа, онъ перекочевалъ было къ намъ со своей лавочкой, но мы съ К. деликатно выжили его. Я не переносила махорки, которую курилъ онъ, несмотря на ярлыкъ, вывѣшенный въ нашемъ отдѣлѣ «Défense de fumer», а К. представляла, какъ храпитъ онъ надъ своими газетами, закинувши голову назадъ и оскаливши зубы, и протестовала противъ такого рода безчинства.

Но добродушный человѣкъ, перебравшись безропотно въ другой уголъ, нимало не претендовалъ на насъ и какъ-то, подойдя ко мнѣ, пустился въ такого рода откровенность:

— Эхъ, что-то плохо торгуется!—говорилъ онъ печально.— А все это зависитъ отъ платья! Если бы мнѣ справить новую пару, развѣ я такъ торговалъ бы!

Мнѣ ужасно было жаль его, и я дала ему до выручки 20 франковъ. Кромѣ того, желая поддержать компатріота, я снабжала его разнаго рода порученіями—сходить въ редакцію «L'Eclair», купить нѣсколько номеровъ «Bulletin Officiel» и т. п.

Замѣтивъ, что я пріобрѣтаю во множествѣ экземпляровъ газеты, въ которыхъ говорится о нашей книгѣ, онъ подошелъ ко мнѣ какъ-то и сказалъ таинственно: «вы думаете, я не социняю въ гижетахъ? Я тозе социняю, и, если зелаете, могу социнить оцень прекрашную штатью про васу книгу».

Услышавши это, я просто вскочила съ мѣста и, чувствуя, какъ кровь прилила къ моей головѣ, сказала ему чуть не съ кулаками: «Если вы посмѣете написать о нашей книгѣ хоть одно слово, я никогда не куплю у васъ ни единаго номера газетъ!»

Онъ страшно перепугался, весь какъ-то съежился и все боялся потомъ, что я буду требовать отъ него возвращенія занятыхъ 20 франковъ. Франковъ я, впрочемъ, не потребовала, но зато совершенно утратила къ нему прежнее чувство состраданія и не давала ему больше никакихъ порученій.

Заговоривши о русскомъ газетчикѣ, необходимо добавить еще слѣдующій случай: какъ-то въ одномъ изъ юмористическихъ журналовъ—«Будильникъ» или «Стрекоза», не помню навѣрное,—появилась карикатура съ надписью «Русскій газетчикъ». На ней была изображена знакомая намъ типичная рожа еще въ болѣе комичномъ, конечно, и обезображенномъ видѣ. Но добродушнаго человѣка ни малѣйшимъ образомъ не смущало такого рода обстоятельство.

— Купите номеръ, тутъ обо мнѣ пропечатано,—говорилъ онъ, указывая пальцемъ на карикатуру и весь сіяя. Очевидно, это казалось ему большою честью. Впрочемъ, быть-можетъ, онъ былъ и правъ.

Вообще страхъ подкупности попрежнему преслѣдовалъ меня и заставилъ устраниться однажды отъ предложенія, которое оказалось впослѣдствіи весьма полезнымъ. Я получила какъ-то по городской почтѣ письмо и, распечатавши его, увидѣла вырѣзанную и наклеенную замѣтку «Paris», причемъ неизвѣстный мнѣ господинъ предлагалъ слѣдить за газетами и журналами всѣхъ странъ и доставлять мнѣ замѣтки о книгѣ. Перепугавшись, что здѣсь замѣшанъ подкупъ, я не отвѣчала ему ни слова и незадолго до своего отъѣзда показала это письмо одному своему знакомому, эмигрировавшему много лѣтъ назадъ изъ Россіи и занимающему теперь мѣсто библіотекаря въ одной изъ выдающихся библіотекъ Парижа. Онъ взялъ письмо въ руки и тономъ знатока дѣла сказалъ мнѣ: «Помилуйте, это одно изъ прекраснѣйшихъ учрежденій здѣсь, заграницей. У насъ въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго. Контора, которая обратилась къ вамъ съ своимъ предложеніемъ, слѣдитъ за всѣми журналами и за самую ничтожную плату даетъ вамъ возможность читать все, что пишутъ гдѣ бы то ни было объ интересующемъ васъ дѣлѣ».

Занятая по горло въ послѣдніе дни отъѣзда, я не имѣла уже возможности обратиться въ эту контору и такимъ образомъ утратила возможность имѣть свѣдѣнія о дѣлѣ, такъ близко и горячо интересующемъ меня.

Замѣтки въ «L'Eclair» и «Paris» сослужили мнѣ немало услугъ, и многіе изъ французовъ, прочитавши ихъ, прихо-

дили ко мнѣ, чтобы разспросить и ознакомиться съ дѣломъ.

Но былъ человѣкъ, казавшійся мнѣ крайне недоступнымъ, и я никогда не рѣшалась подать ему ни брошюры, ни замѣтки. Это былъ графъ Замойскій, новый комиссаръ русскаго отдѣла, представитель Царства Польскаго. Гордо и даже нѣсколько надменно, какъ казалось мнѣ, проходилъ онъ мимо нашей витрины, не обращая на нее ни малѣйшаго вниманія. Аристократъ по происхожденію, обладатель многомилліоннаго состоянія, онъ воспитывался въ Парижѣ и говорилъ только по-французски и по-польски. Повидимому, мнѣ не представлялось ни малѣйшей надобности обращать вниманіе гордаго графа на книгу,—репутація ея установилась вполнѣ прочно, и жюри, хотя неофиціально произнесло надъ нею свой приговоръ. Но меня все-таки мучила мысль, что нѣкто, близко стоящій у дѣла, совершенно незнакомъ съ нашимъ трудомъ и даже не подозрѣваетъ, быть-можетъ, о его существованіи. Кромѣ того, строгая фигура графа Замойскаго внушала къ себѣ помимо моей воли необыкновенное уваженіе, довѣріе и симпатію, и я готова была бы отдать многое, чтобы привлечь его вниманіе къ себѣ.

Передъ отъѣздомъ моимъ въ Парижъ, я отправила два тома «Что читать народу» польской писательницѣ Оржешко и получила отъ нея за границей слѣдующій отвѣтъ, написанный на французскомъ языкѣ:

Гродно, 6/18 іюня 1889 г.

«Не умѣя писать по-русски и предполагая, что вы, въ свою очередь, не знаете по-польски, я беру на себя смѣлость выразить вамъ на чужомъ для насъ обѣихъ языкѣ мою живую благодарность за великолѣпный подарокъ, который я получила отъ васъ, и за всѣ добрыя и милыя слова, которыя сопровождали его.

«Вашъ трудъ, а также вашихъ сотрудницъ, кажется мнѣ огромнымъ, а цѣль, къ которой онъ направленъ, вызываетъ во мнѣ самыя горячія симпатіи.

«Женщины, подобныя вамъ, могутъ быть поистинѣ признаны дѣятелями лучшаго будущаго, которое ожидаетъ человѣчество, и въ то же время онѣ исправляютъ, насколько это возможно, жестокія несправедливости прошлаго. Я поздравляю васъ отъ всего сердца съ тѣмъ, что вы отдались дѣлу народнаго образованія, а также съ экспериментальнымъ методомъ, при помощи котораго вы открываете душу народа, такъ долго непризнанную и заброшенную.

«Какъ была бы я счастлива, если бы вмѣсто моихъ занятій писательницы, или кромѣ этихъ занятій, я могла дѣлать здѣсь то, что вы дѣлаете тамъ! Но—увы!—всякое общественное дѣло представляетъ для насъ невозможность, о которой я давно перестала мечтать, но не безъ боли...

«Система, которой придерживались вы въ вашей книгѣ, кажется мнѣ превосходной. Мнѣ нужно было очень мало времени, чтобы научиться оріентироваться не только въ матеріалѣ, но и въ самыхъ мысляхъ (идеяхъ), выраженныхъ въ этихъ двухъ колоссальныхъ томахъ. Я уже просмотрѣла значительную часть не только съ живымъ любопытствомъ, но даже съ большой пользой для себя.

«Еще разъ благодарю, и позвольте пожать дружески и братски ваши обѣ руки, совершающія въ этомъ мірѣ доброе и благородное дѣло и оказавшія иностранкѣ знакъ дружбы. Я горжусь ею и желаю только одного: быть всегда достойной ея.

«Не слишкомъ ли затрудняю я васъ просьбой извѣстить меня двумя словами, дошло ли до васъ это письмо, такъ какъ можно безпокоиться относительно судьбы писемъ, адресованныхъ въ эту минуту въ Парижъ.

Элиза Оржешко».

И вотъ я задумала побѣдить суровость графа Замойскаго этимъ письмомъ. Какъ-то онъ проходилъ мимо нашей витрины и по обыкновенію сдержанно, холодно и учтиво поклонился мнѣ.

— У меня есть просьба къ вамъ, графъ,—сказала я, въ свою очередь сдержанно и учтиво.

Онъ остановился, приподнялъ вторично шляпу и привѣтливо взглянулъ на меня съ видомъ человѣка, расположеннаго выслушать просьбу, откуда ни шла бы она.

— Будьте такъ добры, прочтите это,—сказала я, подавая письмо Оржешко.

Онъ развернулъ его, набросилъ pince-nez на свои умные сѣрые глаза и началъ читать. По мѣрѣ этого чтенія выраженіе лица его становилось все свѣтлѣй и свѣтлѣй, и, кончивъ, онъ подалъ мнѣ его съ улыбкой, сказавши: «Привѣтъ этой талантливой женщины долженъ быть для васъ особенно пріятенъ; очевидно, она сумѣла понять и оцѣнить вашъ трудъ по достоинству».

Съ тѣхъ поръ, вмѣсто суроваго и гордаго графа Замойскаго, я видѣла привѣтливаго и добраго человѣка, въ высшей степени тепло и сердечно относящагося къ нашему дѣлу. Правда, онъ никогда не сидѣлъ у меня въ салонѣ, да я и сама избѣгала этого, страшась опять-таки подозрѣній въ искательствѣ; но онъ безпрестанно мимоходомъ забѣгалъ ко мнѣ и постоянно говорилъ самыя пріятныя вещи:

— Я видѣлся съ виконтомъ де-Вогюэ, и онъ очень хвалилъ мнѣ вашу книгу.

— Завтра къ вамъ придетъ дама-англичанка, предъ которой я обрисовалъ ваше дѣло самыми яркими красками.

— Я былъ на званомъ обѣдѣ, гдѣ было много разговора о вашей книгѣ...—и т. д.

Однажды онъ подошелъ ко мнѣ быстрыми шагами и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Знаете ли, что придумалъ я: вѣдь вы не одна работали въ вашемъ трудѣ и, навѣрное, могли бы указать на нѣсколькихъ лицъ, которыя съ такой же энергіей и добросовѣстностью относились къ этой работѣ; короче сказать,—подайте намъ прошеніе о представленіи къ наградѣ трехъ-четырехъ вашихъ сотрудницъ, и мы дадимъ ему должный ходъ.

«— Какъ! хлопотать самой о наградахъ, не довольствуясь присужденіемъ жюри, подавать прошеніе,—ни за что на свѣтѣ!—отвѣчала я почти съ ужасомъ, и въ воображені

моемъ быстро промелькнула инженерша, господинъ атлетическаго сложенія, обносившійся экспонентъ, Гриневъ и др., и я сообщила свои соображенія друзьямъ, наполнявшимъ въ эту минуту мой салонъ. Я не могла умолчать объ этомъ, такъ какъ все это очень взволновало меня, а главное—я мучилась мыслью, что симпатичнѣйшій изъ людей, графъ Замойскій, обидѣлся на меня и, принявъ вдругъ свой прежній гордый и сдержанный видъ, медленно и съ достоинствомъ удалился отъ моей витрины. Въ довершеніе всего друзья мои находили меня неправой и говорили, горячо отстаивая предложеніе Замойскаго: «Какое право имѣете вы лишать отличія вашихъ товарищей? Не скажутъ ли они, узнавъ объ этомъ, что это было слишкомъ эгоистично съ вашей стороны, не упрекнутъ ли васъ въ желаніи въ одиночку пожинать лавры?» и т. д. Однимъ словомъ, друзья мои довели меня почти до слезъ и до полнаго раскаянія, и я готова была бѣжать къ Замойскому, просить прощенія и раскаяться въ своемъ отказѣ. Но онъ предупредилъ меня и, подойдя на другой день ко мнѣ съ другимъ членомъ комитета, Яблочковымъ, сказалъ весело: «Я привелъ Павла Николаевича убѣдить васъ, что въ предложеніи моемъ нѣтъ ровно ничего компрометирующаго».

И они оба начали убѣждать меня, и, въ концѣ-концовъ, рѣшено было, что завтра я изготовлю прошеніе, въ которомъ укажу на 4-хъ лицъ. Задача эта показалась мнѣ въ высшей степени трудною: мнѣ казалось, что меня заставляютъ рѣшить какой-то міровой вопросъ, отъ котораго зависятъ судьбы человѣчества, и что малѣйшая ошибка или пристрастіе съ моей стороны можетъ повести къ какимъ-то страшнымъ и ужаснымъ результатамъ.

Я не спала всю ночь напролетъ, и къ утру у меня созрѣло такое рѣшеніе: представить 4-хъ сотрудницъ я не могу,—необходимо представить шесть, соотвѣтственно отдѣламъ книги.

Прочитавши мое прошеніе, Замойскій и Яблочковъ заявили мнѣ самымъ рѣшительнымъ тономъ, что представлять болѣе 4-хъ лицъ невозможно, и что я непремѣнно должна вычеркнуть 2 лица.

Съ болью сердца зачеркнула я двухъ представительницъ естественнаго отдѣла на томъ основаніи, что каждая изъ нихъ работала только въ одномъ томѣ.

Нѣсколько дней спустя, графъ Замойскій опять подошелъ ко мнѣ; онъ имѣлъ крайне взволнованный и сконфуженный видъ и сказалъ мнѣ глухимъ и печальнымъ голосомъ:

— Вы были правы, отрицая предложенную мною мѣру. Когда остальные экспоненты узнали о намѣреніи моемъ представить къ наградѣ вашихъ сотрудницъ, они подали разомъ 500 прошеній, и Берже поставленъ теперь въ самое затруднительное положеніе, какимъ образомъ разобраться во всемъ этомъ. По всей вѣроятности, просьба наша не будетъ уважена, и лучше было бы совсѣмъ не просить.

Въ отношеніяхъ графа Замойскаго ко мнѣ какъ будто прибавилось еще больше предупредительности и уваженія, и мнѣ оставалось только торжествовать побѣду; но мнѣ ужасно больно было разстаться съ мечтою о наградахъ моимъ сотоварищамъ, которую я взлелѣяла и выростила въ своей душѣ за эти дни. Между тѣмъ, вопросъ такъ и остался открытымъ при отъѣздѣ моемъ въ Россію, а заговаривать о немъ съ графомъ Замойскимъ я считала неудобнымъ и безтактнымъ. Что именно получитъ книга, также не было заявлено при мнѣ офиціально, но, говоря искренно, меня мало интересовалъ тогда этотъ вопросъ.

Были люди, искренно желавшіе вывести меня изъ моего заколдованнаго круга и показать мнѣ хоть частичку чудесъ, привезенныхъ на выставку; такъ, напримѣръ, одинъ харьковецъ, истощивъ всѣ доводы по данному вопросу, заключилъ свою рѣчь такимъ предположеніемъ:

— Знаете ли, что будутъ говорить о васъ? О васъ будутъ говорить, что вы все это продѣлали ради оригинальности.

Соображенія его показались мнѣ вполнѣ основательными, и я невольно призадумалась надъ этимъ.

Есть люди съ сильнымъ характеромъ, способные стать выше всѣхъ этихъ говоровъ и пересудовъ, но—увы!—я не принадлежу къ числу этихъ людей, и людская злоба и

осужденіе язвятъ меня до глубины души. Вотъ почему ввиду возможности такого рода толкованій я вознамѣрилась во что бы то ни стало отдавать 2—3 часа ежедневно осмотру выставки. Рѣшеніе это какъ будто даже радовало меня, и на другой день ни свѣтъ, ни заря я была уже въ швейцарскомъ отдѣлѣ. Нервно-лихорадочно силилась я какъ можно внимательнѣе осмотрѣть все вокругъ, но, правду сказать, здѣсь не было для меня ничего новаго: тѣ же учебные столы съ раздвижными спинками, тѣ же географическія карты, развѣшанныя по стѣнамъ, тѣ же ученическія тетради, разлинеенныя въ косую линію, тѣ же вычурныя и разнообразныя ручныя работы малолѣтнихъ дѣтей, преждевременно портящія, на мой взглядъ, ихъ зрѣніе. Но все-таки мнѣ было весело, и я чувствовала себя въ положеніи школьника, выпущеннаго изъ душнаго класса на вольный воздухъ.

Затѣмъ я перешла къ ville de Paris, заключающему въ себѣ образцы народныхъ школъ въ Парижѣ,—и опять тѣ же атласы и таблицы, тѣ же картинки Pape Carpantier и рисунки изъ атласа Achie Compte, напоминающіе мнѣ нашу воскресную школу.

«Однако я очень много видѣла сегодня», думала я, весело и самодовольно возвращаясь въ свой русскій отдѣлъ, но, подойдя къ столу и снимая шляпу съ отяжелѣвшей головы, я вдругъ почувствовала страшное утомленіе и непреодолимое желаніе прилечь и отдохнуть.

— А у васъ былъ какой-то господинъ и очень жалѣлъ, что не засталъ васъ, — сказала мнѣ «Гришенька» улыбаясь.

— Какой? Откуда?—съ досадой спросила я.

— Какой-то профессоръ; онъ даже назвалъ мнѣ свою фамилію, но я позабыла.

Въ это время Лавровъ подошелъ ко мнѣ быстрыми шагами и сказалъ таинственно:

— Сейчасъ Познанскій приводилъ къ вамъ познакомиться новаго члена комитета, Ефруси, зятя извѣстнаго богача Ротшильда. Онъ очень интересовался знакомствомъ съ вами.

— Былъ у васъ также и графъ Замойскій съ какой-то дамой,—добавилъ сторожъ-полякъ.

Я чувствовала себя совершенно несчастной отъ всѣхъ этихъ извѣстій, и они казались мнѣ въ эту минуту непоправимыми бѣдствіями. Усталая, съ тяжелой головой, я сидѣла молча, опустивши руки, и не обращала ни малѣйшаго вниманія на публику. Напрасно какой-то господинъ долго и пристально разсматривалъ книгу, напрасно барышня впилась въ брошюру Абрамова и пробѣгала страницу за страницей, перелистывая листики, напрасно «Гришенька» привела цѣлую группу какихъ-то незнакомыхъ мнѣ дамъ, которыя издали смотрѣли на меня, какъ на заморское чудо, и о чемъ - то перешептывались между собой.

«Ну, и пусть смотрятъ, чортъ съ ними!» злобно думала я.

Тѣмъ не менѣе, передъ самымъ возвращеніемъ домой, вспомнивши свое обѣщаніе осматривать выставку, я сговорилась съ одной мало знакомой мнѣ учительницей отправиться завтра вмѣстѣ для осмотра профессіональныхъ школъ, причемъ она обѣщала зайти за мной въ русскій отдѣлъ въ 9 час. утра. Само собою разумѣется, что я явилась къ сроку, но вчерашнее мрачное расположеніе духа не покидало меня.

«Какое, однако, глупое лицо у этой учительницы,—думала я,—и зачѣмъ я связалась съ нею, и къ чему мнѣ осмотръ этихъ профессіональныхъ школъ! У меня никогда не лежало къ нимъ сердце: народъ и безъ того много работаетъ, и ему нужна отъ школы разумная грамота, а вовсе не хитроумныя затѣи бѣлоручекъ-господъ, незнакомыхъ лично ни съ однимъ ремесломъ».

Часы показывали 10; учительницы не было. На душѣ у меня стало несравненно легче. Въ 11 час. я чувствовала себя еще веселѣе, а въ 12 час. окончательно развеселилась; мнѣ казалось, что мимо меня прошла какая-то грозная туча, не задѣвши меня, и я дала себѣ слово не порываться болѣе осматривать выставку, какъ ни былъ бы суровъ надо мной общественный приговоръ. Я разсуждала въ эти ми-

нуты такъ: куда и зачѣмъ пойду я и что буду смотрѣть? Машинный отдѣлъ? (о немъ такъ много говора и шума). Но вѣдь я ровно ничего не понимаю въ этихъ вертящихся колесахъ, наполняющихъ все зданіе какимъ-то адскимъ шумомъ и трескомъ. Исторію человѣческихъ жилищъ, такъ живо занимающую праздную публику? Но могу ли я интересоваться тѣмъ, что было тысячи лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда настоящая жизнь бьетъ передо мной живымъ ключомъ? Непристойныя пляски aux Invalides? Rue du Caïr съ ея восточными нравами и обычаями, брильянтъ въ 184 карата, стекло S-t Gobin небывалой величины? Пусть все это смотрятъ другіе, а я не промѣняю на это моего внутренняго міра, моихъ знакомствъ и встрѣчъ, полныхъ для меня глубокаго интереса и значенія.

Въ минуту моего раздумья я увидѣла издали двѣ знакомыя мнѣ изящныя фигуры—графа Замойскаго и виконта де-Вогюэ. Они шли рука объ руку, о чемъ-то оживленно разговаривая и направляясь, очевидно, къ моей витринѣ. Приблизившись, графъ Замойскій покинулъ руку Вогюэ, какъ бы предоставивъ ему право поговорить со мной безъ постороннихъ свидѣтелей, а можетъ-быть, онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ потому, что разговоръ нашъ начался на незнакомомъ ему русскомъ языкѣ.

— Я пришелъ поздравить васъ, — сказалъ виконтъ де-Вогюэ, учтиво кланяясь мнѣ, — съ тѣмъ громаднымъ успѣхомъ, какой пріобрѣла за это время ваша книга; кого ни встрѣтишь—только и разговору, что о ней, и я очень горжусь тѣмъ, что мнѣ пришлось прежде другихъ оцѣнить ее по достоинству.

Я благодарила его за вниманіе, говорила, какой нравственной поддержкой явилось для меня его прошлое посѣщеніе, упомянула шутя, что стулъ, на которомъ сидѣлъ онъ, называется у насъ историческимъ, и вообще вела съ нимъ очень оживленную и веселую бесѣду.

Когда онъ удалился, на душѣ у меня было свѣтло и отрадно, и рѣшеніе не покидать своего поста созрѣло и окрѣпло навѣки.

«Что, если бы я пропустила эту встрѣчу?» спрашивала я себя почти съ ужасомъ, и въ эту минуту всѣ брильянты въ 184 карата и всѣ «glaces remarquables S-t Gobin» казались мнѣ такими маленькими и ничтожными...

Виконтъ де-Вогюэ, столь холодный по виду, былъ въ сущности необычайно мягокъ и сердеченъ, въ чемъ я убѣдилась совершенно случайно.

Въ углу нашего русскаго отдѣла находился нѣкто Алмазовъ-Костиковъ, ужасно жалкій экспонентъ, механикъ-самоучка. Онъ привезъ на выставку свои жалкія изобрѣтенія, давнымъ-давно извѣстныя всѣмъ, кромѣ его. Не зная ни слова по-французски, онъ тщетно силился добиться прихода жюри, хотя и пытался проникнуть къ кому-то изъ нихъ въ переднюю и говорилъ тамъ умоляющимъ голосомъ съ выразительными жестами:

— Мусью, ради Бога придите посмотрѣть мою витрину!

Напрасно бѣднякъ обращался къ новому русскому комиссару и просилъ обратить вниманіе на то, что покойный Андреевъ подбилъ его ѣхать на выставку и заставилъ истратиться, суля успѣхъ.

— Вольно же было Андрееву натащить сюда всякой дряни,—отвѣчали ему.

И вотъ виконтъ де-Вогюэ, проходя мимо этого жалкаго человѣка, первый обратилъ на него вниманіе и выказалъ къ нему участіе. Онъ написалъ о немъ прекрасную статью въ «Revue des deux mondes», въ которой въ высшей степени тепло и краснорѣчиво говорилъ о геніальности русскаго ума и о даровитости русскаго народа. Виконтъ де-Вогюэ очень хорошо понималъ, что въ изобрѣтеніяхъ крестьянина-самоучки нѣтъ ровно ничего новаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ обратить вниманіе интеллигентныхъ людей и техниковъ на то, какимъ именно путемъ дошелъ этотъ еле грамотный человѣкъ до своихъ выводовъ и заключеній, и онъ признавалъ это въ высшей степени интереснымъ. Кромѣ того, виконтъ де-Вогюэ привлекъ къ витринѣ Алмазова-Костикова членовъ жюри и самъ явился передъ ними докладчикомъ. Но этого мало: помимо этой внѣшней, такъ сказать, стороны дѣла, мнѣ совершенно случайно пришлось

заглянуть въ незримыя отношенія виконта къ этому сиротѣ на чужбинѣ. Какъ-то Алмазовъ-Костиковъ въ своей порыжѣвшей шляпѣ и старенькой длинной крылаткѣ, очевидно, подаренной ему кѣмъ-то и ужасно несоотвѣтствовавшей всей его неуклюжей фигурѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ улыбаясь:

— Посмотрите, какую записку пишетъ ко мнѣ этотъ господинъ (онъ не зналъ даже его имени),—и онъ подалъ мнѣ письмо.

Я развернула его и прежде всего была поражена огромными буквами, которыми было написано оно. Очевидно, авторъ письма имѣлъ ввиду неграмотнаго человѣка и тщательно выводилъ поэтому букву за буквой.

Письмо было написано по-русски совершенно правильно и просто; въ немъ виконтъ де-Вогюэ просилъ Алмазова-Костикова заходить къ нему запросто, какъ можно почаще, говорилъ, что бесѣда съ нимъ доставляетъ ему большое удовольствіе, освѣдомлялся, приходило ли къ нему еще разъ жюри, спрашивалъ, не нуждается ли онъ въ деньгахъ, и предлагалъ перехватить у него, если понадобится, малую толику.

Письмо это дышало такой теплотой и гуманностью, что мнѣ трудно было удержаться отъ слезъ, читая его.

— Да и добрый же господинъ,—замѣтилъ Алмазовъ-Костиковъ, видя, вѣроятно, какое впечатлѣніе произвело на меня это письмо.

Я вспомнила при этомъ, какъ, разузнавая объ образѣ жизни виконта де-Вогюэ передъ визитомъ къ нему моего мужа, я слышала о томъ, какъ страшно обремененъ онъ дѣлами, и это приглашеніе къ себѣ бѣдняка Алмазова-Костикова,—приглашеніе, невѣдомое міру, показалось мнѣ еще трогательнѣе. Да, онъ, этотъ важный и холодный повиду виконтъ де-Вогюэ искренно заинтересовался душою заброшеннаго въ русскомъ отдѣлѣ крестьянина и весь проникся желаніемъ обласкать и приголубить его.

Подъ впечатлѣніемъ статьи, прочитанной въ «Revue des deux mondes», одинъ образованный французъ пришелъ ко мнѣ и сталъ съ большимъ интересомъ разспрашивать

объ условіяхъ жизни, нравахъ и обычаяхъ нашихъ крестьянъ.

— Я видѣлъ ихъ, собственно, во время севастопольской войны,—говорилъ онъ, отдаваясь грустнымъ воспоминаніямъ,—но солдатская шинель страшно обезличиваетъ людей, а условія войны дѣлаютъ изъ каждаго человѣка звѣря.

Я очень рада была, что подъ рукою у меня случилась фотографическая группа моихъ слушателей въ деревнѣ Алексѣевкѣ, и я показала ему эту группу, объяснивъ мои отношенія къ этимъ людямъ.

Онъ долго и пристально разсматривалъ ее и затѣмъ сказалъ восторженно:

— Какія умныя лица! Какія интеллигентныя лица! Если народъ вашъ весь таковъ, вы покорите со временемъ цѣлый свѣтъ!

И онъ перешелъ къ характеристикѣ «Войны и мира» Толстого и много говорилъ о немъ, сравнивая его съ французскими современными писателями и отводя ему и Достоевскому самое почетное мѣсто.

Изъ многихъ любимыхъ личностей, встрѣчавшихся мнѣ на выставкѣ, мнѣ вспоминается іезуитъ Мартыновъ, извѣстный проповѣдникъ и историкъ, написавшій весьма много историческихъ трудовъ.

Книга наша привлекала не малое вниманіе католическаго духовенства, и я видѣла неразъ, какъ разные аббаты и ксендзы, въ черныхъ длинныхъ одеждахъ, опоясанные широкими кожаными поясами и въ черныхъ широкополыхъ шляпахъ, останавливались и внимательно перелистывали ее.

Зная о томъ огромномъ и зловредномъ вліяніи, какое имѣетъ католическое духовенство на народное образованіе во Франціи, и представляя себѣ орденъ іезуитовъ скопищемъ всякаго зла и двоедушія, я не безъ боязни вглядывалась въ лица этихъ чуждыхъ мнѣ людей, но, вѣрная своему принципу, молча подавала имъ все-таки брошюру

Абрамова и другія замѣтки о книгѣ «Что читать народу». Книга эта привлекала ихъ своею внѣшностью, быть-можетъ, еще и потому, что два огромные золотообрѣзные тома ея, переплетенные въ строгій черный переплетъ, можно было принять за Библію, и мнѣ приходилось слышать неразъ, какъ французскій рабочій людъ, пробѣгая мимо нашей витрины и взглянувъ мимоходомъ на книгу, замѣчалъ безпечно: «Ce sont des bibles», и, махнувъ рукой, спѣшилъ далѣе. Это заставило меня даже вмѣсто моихъ любимыхъ черныхъ переплетовъ выставить малиновые.

И вотъ однажды одинъ изъ этихъ таинственныхъ людей, которому нѣсколько дней тому назадъ я дала брошюру Абрамова, подошелъ къ моему столу и привѣтливо подалъ мнѣ нѣсколько книгъ, на русскихъ заголовкахъ которыхъ было напечатано внизу: «Мартыновъ».

Я съ удивленіемъ взглянула въ его умное, старческое, благообразное лицо. Замѣтивъ это, онъ сказалъ чисто по-русски.

— Вы удивитесь еще болѣе, когда узнаете, что я русскій.

Не безъ страха я просила его садиться, съ любопытствомъ разсматривая этого диковиннаго для меня человѣка, а онъ, между тѣмъ, прекраснымъ литературнымъ языкомъ разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ 40 лѣтъ тому назадъ онъ, окончивши курсъ филологическаго факультета и выдержавши блистательно экзаменъ на магистра, эмигрировалъ заграницу и, ознакомившись съ ученіемъ ордена іезуитовъ, сталъ его ярымъ поборникомъ.

Вѣроятно, замѣтивши на моемъ лицѣ выраженіе ужаса, онъ сказалъ:

— Неужели и вы заражены предразсудками нашего вѣка и считаете насъ, іезуитовъ, злодѣями? Неужели вы не понимаете, что мы дѣлаемъ съ вами одно и то же дѣло, поучая народъ и прививая ему здравыя мысли и понятія? Неужели вы не чувствуете, что поступками нашими управляетъ одинъ и тотъ же стимулъ—любовь къ человѣчеству, и что мы оклеветаны только нашими врагами и недоброжелателями?

— Почему же слово «іезуитъ» сдѣлалось браннымъ словомъ въ устахъ всего человѣчества?—сказала я наивно, съ испугомъ глядя на него.

— Почему?—переспросилъ онъ печально и задумчиво и ярко нарисовалъ передо мною цѣлую картину вражды, преслѣдованій и клеветъ, взводимыхъ на іезуитовъ. Въ заключеніе своей горячей ораторской рѣчи онъ сказалъ, стихая:—позвольте мнѣ занести вамъ на-дняхъ маленькую брошюрку, озаглавленную: «Письмо О. Мартынова къ Г. Аксакову въ отвѣтъ на статью о іезуитахъ, помѣщенную въ 12 № газеты «День». Парижъ, 1864 г.»

Брошюрку эту я привезла съ собой. Что же касается другихъ книгъ, подаренныхъ мнѣ Мартыновымъ, то—увы!—я оставила ихъ въ Парижѣ, боясь навлечь на себя обвиненіе въ общеніи съ отщепенцемъ православія и тѣмъ самымъ повредить школѣ. Скажу болѣе: я отказалась наотрѣзъ отъ переписки съ нимъ и отъ его предложенія прислать мнѣ какія-то его новыя сочиненія, долженствующія выйти изъ печати послѣ моего отъѣзда, признаваясь ему чистосердечно въ причинѣ такого отказа. Увы!—я чувствовала въ ту минуту, что приношу жертву на алтарь народнаго образованія.

Съ тѣхъ поръ Мартыновъ часто заходилъ ко мнѣ и доставлялъ мнѣ истинное удовольствіе своей умной, дѣльной и серьезной бесѣдой. Невозможно было видѣть безъ умиленія, сколько подвижности, энергіи и жизни проявлялъ въ себѣ этотъ старецъ 70 лѣтъ. Погруженный въ свои научныя изслѣдованія и труды, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ время слѣдить за тѣмъ, что происходитъ во всемъ мірѣ, интересоваться самыми разнообразными вопросами и читать всѣ газеты. Оказалось, что онъ давнымъ-давно знакомъ не только съ книгою «Что читать народу», но даже со всѣми критическими статьями текущей литературы о ней и неразъ удивлялъ меня, указывая на замѣтки въ такихъ газетахъ, какихъ я не видала никогда отроду; такъ, напримѣръ, однажды онъ принесъ мнѣ «Владивостокъ» съ интересной статьей о книгѣ.

Въ другой разъ онъ принесъ мнѣ «Славянскія Вѣдомости» также съ очень умной и дѣльной статьей и,

наконецъ, незадолго до моего отъѣзда притащилъ мнѣ номеръ «Новаго Времени» съ замѣткой «Домашній театръ въ деревнѣ», начинающійся такъ:

«Когда я прочла интересную статью г-жи Алчевской «Драматическія произведенія Островскаго въ примѣненіи къ чтенію въ народѣ», у меня явилось сильное желаніе устроить въ деревнѣ для крестьянъ представленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ пьесъ»... и т. д.

Далѣе оказывалось, что наблюденія г-жи М. совершенно совпадали съ моими, и все оканчивалось благополучно.

По пріѣздѣ въ Россію мнѣ указали мои добрые знакомые не безъ язвительной улыбки на другую статью того же «Новаго Времени», въ которой говорилось, между прочимъ, что книга «Что читать народу» пригодна только на обертки. Вѣроятно, гуманный іезуитъ Мартыновъ утаилъ отъ меня въ Парижѣ эту статью, дабы не наносить душѣ моей ненужнаго уязвленія.

Ему, очевидно, было очень пріятно приходить бесѣдовать въ этотъ русскій салонъ, и, вѣроятно, въ душѣ его вспыхивала съ новой силой любовь къ далекой родинѣ; по крайней мѣрѣ, минутами я замѣчала, что при воспоминаніи о Россіи, его выразительное лицо подергивалось тихой грустью, и глубокій взглядъ умныхъ сѣрыхъ глазъ смотрѣлъ печально вдаль. На прощанье онъ подарилъ мнѣ картинку религіознаго содержанія, на которой изображенъ Младенецъ - Спаситель, благословляющій дѣтей. Странно, но на этой картинкѣ старецъ, стоящій поодаль съ книгой въ рукахъ, какъ двѣ капли воды напоминаетъ лицомъ самого Мартынова, почему я и сохранила ее на память о немъ.

Говоря откровенно, я съ боязнью относилась къ встрѣчамъ съ эмигрантами, страшась, чтобы сближеніе съ этими людьми не отразилось впослѣдствіи пагубно на моемъ школьномъ дѣлѣ, но все-таки кое съ кѣмъ изъ нихъ пришлось-таки столкнуться.

Какъ-то къ витринѣ моей подошелъ пожилой господинъ съ интеллигентной наружностью и началъ говорить о

книгѣ. Онъ дѣлалъ яркія сравненія между великорусскимъ народомъ; сожалѣлъ, что мы не перечитывали съ крестьянами «Кобзаря» Шевченко, Кулиша и другихъ малорусскихъ писателей; говорилъ о великомъ значеніи наблюденій надъ народомъ въ той формѣ, какую избрали мы, и, наконецъ, на прощанье взялъ мой адресъ и обѣщалъ мнѣ прислать въ Россію свои новыя книги.

Я чувствовала себя совершенно очарованной блестящей ораторской рѣчью моего новаго незнакомца. Но каковъ же былъ мой ужасъ, когда на прощанье, крѣпко сжимая мнѣ руку, онъ произнесъ ясно и отчетливо: «Драгомановъ». Все мое очарованіе разомъ слетѣло съ меня, замѣнившись чувствомъ испуга,—того типичнаго русскаго испуга, который такъ знакомъ всѣмъ намъ и отъ котораго, вѣроятно, легко отвыкаютъ эмигранты, попавшіе въ иныя условія жизни. Мнѣ представилось вдругъ, какъ книги, полученныя изъ-за границы на мое имя, пойдутъ въ цензуру, какъ цензура, разсмотрѣвъ ихъ и найдя злокачественными, передастъ ихъ въ жандармское управленіе, какъ затѣмъ изъ Петербурга будетъ сдѣланъ запросъ, кто именно эта госпожа, на имя которой пришли злокачественныя книги, какъ мѣстное управленіе отвѣтитъ, что это распорядительница воскресной школы, и т. д. и т. д. И мнѣ мнилось уже, что все дѣло наше погибло, а съ нимъ вмѣстѣ погибли и всѣ мои радости, вся моя жизнь...

Я не могу сказать, чтобы другіе эмигранты, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться за границей, производили на меня такое же чарующее впечатлѣніе, какъ Драгомановъ, особенно женщины. Я знала одну, встрѣча съ которой доставляла каждый разъ глубокое душевное страданіе. Съ испитымъ морщинистымъ лицомъ и впалыми потухшими глазами, она вѣчно негодовала на всѣхъ и на все и не могла говорить о Россіи безъ пѣны у рта. Видно было, что женщина эта перенесла въ жизни какія-то колоссальныя испытанія, доведшія ее до той степени раздраженія, даже ярости, когда человѣкъ утрачиваетъ всякую способность любить, прощать, жалѣть и миловать.

Говорятъ, что матеріальная нужда ея заграницей была такъ велика, что сынъ ея умеръ съ голода въ непосильной борьбѣ у нея на глазахъ. При встрѣчѣ съ нею душу мою охватывало обыкновенно самое жгучее чувство состраданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея горькія и язвительныя рѣчи, ея проклятія всѣмъ и всему, ея глумленіе надъ добрыми начинаніями, ея отрицаніе возможности какой бы то ни было общественной дѣятельности въ Россіи, приводили меня въ невольный ужасъ, и мнѣ казалось, что, проведя недѣлю, двѣ въ сообществѣ съ этой женщиной, я способна была бы утратить всѣ свои свѣтлыя иллюзіи, всю свою вѣру въ жизнь. Я силилась оправдать эту злобу ея трагическимъ прошлымъ, силилась вызвать въ себѣ уваженіе къ ней, къ этой умной, талантливой, глубоко образованной и глубоко несчастной женщинѣ. И тѣмъ не менѣе я не любила встрѣчаться съ ней и съ горечью пила отраву ея скорбныхъ рѣчей.

Какъ-то на конгрессѣ Масе по окончаніи засѣданія я подошла къ ней и, желая внести хоть каплю радости въ ея мрачную жизнь, спросила ее съ искреннимъ привѣтомъ:

— Попадалась ли вамъ книга «Что читать народу» и знакомы ли вы съ нею?

— Нѣтъ,—отвѣчала она коротко и рѣзко.

— Въ ней есть разборъ вашей книги,—продолжала я добродушно,—на который я потратила много труда и времени. Если хотите, я вамъ дамъ прочесть ее.

Она взяла.

На другой день, увидѣвши издали ея мрачную фигуру, я быстро подошла къ ней и, говоря правду, наивно надѣялась, что подъ впечатлѣніемъ моей длинной и обстоятельной рецензіи, въ которую была вложена частичка моей собственной души, морщины этого суроваго лица немножко расправятся, и я, быть-можетъ, впервые увижу на немъ намекъ на улыбку. Кромѣ того, я думала такъ: на знамени этихъ идейныхъ людей написано: народъ. И вотъ она увидитъ здѣсь, въ этой рецензіи, этотъ самый народъ во всей его цѣлости и неприкосновенности. Она услышитъ, что

говоритъ онъ о трудѣ, надъ которымъ, быть-можетъ, она не спала много ночей, силясь сдѣлать доступными идеи его малоподготовленному и мало развитому читателю. Она увидитъ, какъ воспріялъ онъ эти идеи и что онъ думалъ, чувствовалъ и говорилъ по поводу ихъ. Но она молча и холодно пожала мнѣ руку и не сказала ни слова о томъ, что такъ интересовало меня.

— Прочли?—спросила я робко, не дождавшись привѣта.

— Прочла,—мрачно отвѣчала она и затѣмъ, подумавъ немного, добавила:—какіе дураки, однако, ваши инженеры! Придираются къ пустякамъ и не обращаютъ вниманія на главное, на идею.

Мнѣ невольно припомнились при этомъ знакомыя лица уважаемыхъ мною людей, та теплая отзывчивость, съ которою откликнулись они на мой призывъ помочь мнѣ въ вопросахъ, касающихся ихъ спеціальности, тотъ искренній интересъ, съ которымъ слушала я ихъ разумные и дѣльные доклады, напоминавшіе диссертаціи, и мнѣ стало до слезъ больно и за нихъ, и за себя. А между тѣмъ моя собесѣдница перешла къ порицанію издателя книги и утверждала, будто онъ своими неумѣстными поправками совершенно испортилъ ея трудъ. Она остановилась на этомъ довольно продолжительно и не сказала только ни слова о томъ, какое именно впечатлѣніе произвели на нее разговоры крестьянъ и тѣ задушевныя бесѣды, которыя вела я съ ними по поводу ея книги. Въ эту минуту для меня сдѣлалось яснымъ, что между мною и ею нѣтъ и не можетъ быть никакихъ точекъ соприкосновенія, и я не искала болѣе въ толпѣ эту мрачную фигуру.

Другая дама хотя и не эмигрантка, но очень любящая начинать свои рѣчи словами «nous autres socialistes», казалась мнѣ еще менѣе симпатичной. Правда, на ней не было наложено той печати мрачности и озлобленія, которая непріятно поражала меня въ первой, но зато язвительная улыбочка, не сходившая съ ея моложаваго до невѣроятности лица, и недобрый пристальный взглядъ ея черныхъ глазъ невольно убивали въ васъ всякое расположеніе и довѣріе.

— Я никогда не говорю первая, — признавалась она какъ-то въ минуту необычной для нея откровенности,— а прежде выслушиваю человѣка и стараюсь вывѣдать всѣ его взгляды и убѣжденія.

У меня ужасно не лежала къ ней душа, но вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлась съ ней довольно часто, такъ какъ она, нуждаясь въ средствахъ, выпросила у меня работу — переводъ. Но выпросивши ее и получивши за нее впередъ приличный гонораръ, она совершенно отравила мнѣ жизнь этимъ обстоятельствомъ. Во-первыхъ, она заявила въ довольно язвительной формѣ, что я слишкомъ дешево цѣню ея трудъ. Взбѣшенная этимъ, я отвѣчала, что она можетъ сдѣлать перевода столько, сколько ей угодно. Затѣмъ, не кончивши работы къ условленному сроку, она замѣтила, что исполнитъ ее вообще только въ томъ случаѣ, если не найдетъ за это время чего-либо болѣе выгоднаго.

Ко мнѣ лично, къ нашей книгѣ и школѣ она относилась обыкновенно въ высшей степени высокомѣрно и въ рѣдкихъ случаяхъ снисходительно и какъ-то на восторженныя похвалы этому дѣлу m-me Flobert замѣтила сухо и надменно:

— Да, это дѣло заслуживаетъ во всякомъ случаѣ нѣкотораго одобренія уже и потому, что такъ долго существуетъ въ Россіи.

Однажды она страшно меня взбѣсила слѣдующимъ обстоятельствомъ:

— А я сегодня писала письмо къ мужу и ужасно хохотала,—сказала она мнѣ съ своей язвительной улыбочкой.—Я писала ему, что на выставкѣ есть благодѣтельная фея, которая снабжаетъ меня капиталами.

И она залилась при этомъ непріятнымъ, демоническимъ смѣхомъ, напоминавшимъ серенаду Мефистофеля.

«За мое жито та менè ж и бито», припомнилась мнѣ малорусская пословица, и я чуть не надѣлала ей дерзостей въ эту минуту.

Вообще, казалось, ей доставляло большое удовольствіе язвить меня, такъ, напримѣръ, однажды произошло слѣдующее: задумавши читать докладъ на конгрессѣ Масе, я

отдала напечатать его крупными буквами въ типографію при посредствѣ сотрудника «Вѣстника Европы» К. И вотъ, когда онъ не доставилъ мнѣ доклада въ означенный часъ, я на другой день ни свѣтъ, ни заря взяла въ руки его визитную карточку съ адресомъ и поѣхала къ нему. По пути къ нему мнѣ и въ голову не приходило, холостъ онъ или женатъ, старъ или молодъ, дуренъ или красивъ; я думала только объ одномъ, какъ бы вырвать мнѣ у него какъ можно скорѣе свой докладъ и начать готовиться къ конгрессу.

Когда я взошла на высокую лѣстницу и позвонила у двери К., я, очевидно, разбудила его, такъ какъ что-то разомъ зашевелилось, кто-то какъ будто поспѣшно вскочилъ съ постели и, шурша туфлями, щелкнулъ ключомъ въ двери.

Боясь застать К. въ утреннемъ дезабилье, я просунула въ пріотворенную дверь руку съ своей визитной карточкой.

— Ради Бога извините, я сейчасъ!—послышался сконфуженный и торопливый голосъ.

— Это мнѣ нужно просить прощенія,—сказала я, попрежнему оставаясь за дверью.

Кто-то опять засуетился и зашуршалъ, натягивая на себя какую-то одежду.

Наконецъ дверь распахнулась, и я увидѣла К. въ какомъ-то затрапезномъ пиджакѣ и, кажется, безъ галстука. Узнавъ о цѣли моего посѣщенія, онъ сказалъ улыбаясь:

— Какъ это похоже на васъ, Христина Даниловна! А вѣдь корректура-то доклада готова, и я думалъ принести ее вамъ лично на выставку.

Я съ радостью схватила печатный листикъ и, весело спустившись съ лѣстницы, сѣла на извозчика и отправилась въ свой русскій отдѣлъ.

За столомъ, покрытымъ малиновой скатертью, я увидѣла длинную и худощавую фигуру моей зловредной переводчицы и еще нѣсколько человѣкъ мало знакомыхъ мнѣ людей.

— А знаете ли, гдѣ я была сегодня ни свѣтъ, ни заря?— сказала я ей весело.—У знакомаго вамъ К.—И, вспоминая въ эту минуту его привѣтливую улыбку, добавила:—какой онъ симпатичный!

— Да, онъ очень нравится женщинамъ,—замѣтила она съ своей змѣиной улыбкой, дѣлая какое-то особенное удареніе на послѣднемъ словѣ и уязвляя меня до глубины души передъ цѣлымъ обществомъ мало знающихъ меня людей.

Мнѣ припомнилось въ эту минуту свѣжее и цвѣтущее здоровьемъ лицо К. и его красивые курчавые волосы, но вмѣстѣ съ тѣмъ я вспомнила также, что моя переводчица какъ-то недавно жаловалась на то, что онъ перебилъ у нея интересную журнальную работу, и мнѣ сдѣлалась понятна эта злоба, эта jaloisie du métier.

Упомянувши на предыдущей страницѣ о m-me Флоберъ, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи посвятить ей хоть нѣсколько строкъ. Эту симпатичную, красивую и цвѣтущую пожилую женщину я смѣло могу причислить къ той группѣ энтузіастовъ, которые, опоэтизировавъ и преувеличивъ значеніе нашего дѣла, окружили меня, представительницу его, какимъ-то особеннымъ ореоломъ и относились ко мнѣ почти съ благоговѣніемъ. Сперва она приходила одна и подолгу говорила мнѣ самыя восторженныя рѣчи, затѣмъ стала приводить поочереди своихъ дочерей-красавицъ, какъ двѣ капли воды похожихъ на нее, и какихъ-то знакомыхъ дамъ и дѣвицъ, смотрѣвшихъ мнѣ въ глаза съ умиленіемъ и любовью. Напрасно я, сконфуженная такого рода отношеніемъ, силилась по мѣрѣ возможности разочаровать ихъ и увѣрить, что это не есть широкое движеніе Россіи, какъ думаютъ онѣ, а просто маленькое скромное школьное дѣло, обязанное своимъ существованіемъ частной инициативѣ. Онѣ не хотѣли слушать меня, и, по сравненію съ ихъ восторженнымъ настроеніемъ, всѣ мои рѣчи казались уничиженіемъ и жеманствомъ.

Наконецъ, наканунѣ моего отъѣзда, m-me Флоберъ явилась разомъ съ цѣлой группой этихъ молодыхъ, свѣжихъ и симпатичныхъ лицъ, и всѣ они говорили мнѣ напере-

рывъ какія-то теплыя и задушевныя слова и пожеланія, просили напамять мою фотографическую карточку и самымъ искреннимъ образомъ цѣловались со мною.

Эта маленькая овація тронула меня чуть не до слезъ, и я сохраню о ней навсегда самыя теплыя воспоминанія.

Вообще симпатіи французовъ къ русскимъ, о которыхъ такъ много говорится теперь, совершенно не преувеличены; въ этомъ могъ убѣдиться каждый, входившій въ соприкосновеніе съ этими привѣтливыми, откровенными и прямодушными людьми.

Совершенно устраняя политическія соображенія и мотивы, играющіе роль въ дипломатическихъ сношеніяхъ государствъ, вы чувствуете, какъ, встрѣчаясь съ вами и узнавши, что вы русская, французъ улыбается самой привѣтливой улыбкой и съ живымъ интересомъ начинаетъ разспрашивать васъ о нравахъ и обычаяхъ вашей страны; вы видите, какъ извозчикъ, прислушиваясь къ вашему говору, говоритъ съ удовольствіемъ своему пріятелю: «Ce sont des russes!» Въ разговорѣ вы узнаете, что многіе изъ французовъ учатся по-русски и мечтаютъ о путешествіи въ Россію, какъ о чемъ-то необыкновенно-пріятномъ и радостномъ. Они до трогательнаго вѣруютъ въ симпатіи къ нимъ русскихъ и съ энтузіазмомъ готовы отвѣчать такой же симпатіей.

Но, встрѣчая такъ много привѣта и ласки отъ французовъ, я не могу пожаловаться въ этомъ отношеніи на своихъ компатріотовъ, и кто бы ни пріѣхалъ изъ харьковцевъ, онъ какъ будто считалъ своей нравственной обязанностью явиться въ мой салонъ. Не говоря уже о близкихъ знакомыхъ, но даже тѣ люди, съ которыми я не кланяюсь въ Харьковѣ, приходили засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе, чему я радовалась отъ всей души. Такъ было, напримѣръ, съ семьей Реймерсъ. Правда, живя въ Харьковѣ на одной и той же улицѣ, я, гуляя утромъ, встрѣчала ежедневно кого-либо изъ членовъ этой семьи, но все-таки мы не были знакомы и не кланялись. И вдругъ, слѣдя разсѣянно на выставкѣ за проходящей толпой, я вижу эти знакомыя мнѣ лица направляющимися съ улыбкой прямо къ

моей витринѣ; мнѣ кажутся они здѣсь, на чужбинѣ, не только знакомыми, но даже родными, и я быстро иду имъ навстрѣчу и радостно пожимаю протянутыя мнѣ руки.

Бывали и такіе случаи, что харьковцы, незнакомые со мной лично, писали своимъ знакомымъ и родственникамъ въ Парижъ о томъ, что я тамъ, и тѣ приходили познакомиться со мной; такъ было, напримѣръ, съ сестрой харьковскаго инженера Блинова, въ высшей степени милой и симпатичной особой, которая живетъ въ Парижѣ много лѣтъ въ какой-то семьѣ въ качествѣ воспитательницы.

Петербуржцы и москвичи также посѣщали меня. Вообще салонъ мой былъ всегда настолько полонъ, что недаромъ заслужилъ названіе русскаго клуба. Онъ положительно заключалъ въ себѣ какую-то необъяснимую притягательную силу. Кромѣ меня самой, прикованной къ нему магической цѣпью, кромѣ «Гришеньки», постоянство которой можно было объяснить одной подражательностью, многія и многія лица чувствовали на себѣ вліяніе этой силы и не могли выйти изъ этого заколдованнаго круга. Такъ было, напримѣръ, съ живой и любознательной по природѣ К., съ дочерью моей Анной Алексѣевной, пріѣхавшей всего на три недѣли осмотрѣть выставку, и другими.

— Послушайте,—говорила я какъ-то добродушному Шпановскому,—отчего жъ вы не идете осматривать ваши профессіональныя школы? Вѣдь скоро уже три часа.

— Ей Богу, никакъ не выберусь изъ этого салона,—отвѣчалъ онъ искренно:—здѣсь столько интересныхъ личностей, что, пожалуй, за всю жизнь не встрѣтишь подобныхъ людей.

— Что собственно осматриваете вы на выставкѣ?—спросила я однажды старца Мартынова.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ вами, я ровно ничего не осматриваю,—отвѣчалъ онъ улыбаясь;—скажу болѣе: вмѣсто прежней дороги, ведущей изъ одного отдѣла въ другой, я изобрѣлъ кратчайшій путь и попадаю ровно въ десять минутъ къ этому заколдованному столу съ книгами.

— Знаете ли что,—говорила мнѣ какъ-то m-me Ковалевская,—куда бы я ни шла, меня такъ и тянетъ въ этотъ отдѣлъ, и все мнѣ кажется, что онъ попути.

Такая притягательная сила моего салона какъ-то дѣтски радовала меня и дѣлала меня въ высшей степени счастливой.

Есть люди, настолько чистые нравственно, что передъ ними смолкаетъ всякая злоба, зависть, недоброжелательство, и нѣтъ человѣка, даже человѣка-преступника, у котораго хватило бы духу бросить въ нихъ камень. Страданіями и волненіями своего идейнаго прошлаго они какъ бы завоевали себѣ глубокое общественное уваженіе въ настоящемъ. Люди эти рѣдки, и въ обширныхъ весяхъ столицъ и городовъ вы встрѣтите развѣ одного, двухъ, и вамъ кажется, что это именно тѣ два праведника, изъ-за которыхъ не разрушился бы Содомъ и Гоморра. Они являются воплощеніемъ идеала, какимъ долженъ быть челювѣкъ, не зараженный нравственными язвами, и среди этихъ язвъ, окружающихъ ихъ, они остаются чистыми и непорочными, какъ дѣти.

Къ лику этихъ людей принадлежитъ Жанъ Масе, создатель французской Лиги Образованія, и я съ особенной любовью останавливаюсь на встрѣчѣ съ нимъ и на дѣлѣ, неразрывно связанномъ съ этой свѣтлой и гуманной личностью, съ этимъ фанатикомъ излюбленной идеи.

Есть люди, въ гимнѣ которымъ дружно сливается все общественное мнѣніе, какъ сливаются въ молитвѣ голоса и праведниковъ, и грѣшниковъ: такъ въ то время, какъ Лежэ, Ковалевская и другіе уговаривали меня ѣхать на поклоненіе къ глубокому старцу Масе и признавали его воплощеніемъ добра и правды, мои скомпрометированные знакомцы точно такъ же говорили мнѣ: «ради Бога поѣзжайте къ нему! Вѣдь это святой человѣкъ, вотъ вы сами увидите! Вѣдь такихъ людей нѣтъ больше въ Парижѣ!»

Даже моя «зловредная переводчица» замѣчала съ снисходительной улыбкой: «дѣйствительно, это достойный человѣкъ».

Даже «Гришенька», склонная всегда и во всемъ отыскивать какія-то «но», констатировала фактъ, что его всѣ хвалятъ.

Однако впечатлѣнія отъ женскаго конгресса еще не вполнѣ улеглись во мнѣ, и я продолжала отказываться и говорить:

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Ну, что могу сдѣлать я на конгрессѣ при моемъ незнаніи французскаго языка?

— Вы отлично справитесь съ докладомъ, — отвѣчали мнѣ: — вѣра творитъ чудеса. Вы вѣрите въ ваше дѣло, вы отдали ему всю жизнь, и вамъ, и никому другому, выходить въ толпу съ этимъ знаменемъ и съ этой проповѣдью!

Наконецъ я рѣшилась отправить Масе, котораго не было тогда въ Парижѣ, два тома «Что читать народу», брошюру Абрамова, всѣ мои листики и объявленія.

Черезъ два-три дня я получила отъ Масе слѣдующую записку:

«Ваши печатные матеріалы, полученные мною, даютъ мнѣ полное понятіе о томъ, какъ горячо относитесь вы къ дѣлу народнаго образованія въ Россіи, какое теплое участіе приняли вы лично въ движеніи 60-хъ годовъ и какой жизненный импульсъ сообщили ему.

«Мы почтемъ для себя за величайшее счастье принять васъ въ члены нашего конгресса и готовы будемъ гордиться этимъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ.

«Прилагаю входной билетъ, а вслѣдъ за нимъ вы получите по почтѣ печатные листики, которые помогутъ вамъ ознакомиться съ нашими цѣлями и стремленіями.

«Предварительное засѣданіе для разсмотрѣнія программы совѣщаній будетъ происходить въ помѣщеніи Лиги Образованія 28 сего мѣсяца. Я пишу нашему секретарю, чтобы онъ, не медля ни минуты, отправилъ вамъ пригласительное письмо въ надеждѣ, что вы не откажете намъ присутствовать на этомъ засѣданіи.

«Я возвращусь въ Парижъ 25, и, если вамъ угодно, вы найдете меня въ этотъ день въ бюро Лиги отъ 3 до 4 ч.

«Если часъ и мѣсто не соотвѣтствуютъ расположенію вашего времени, будьте такъ добры, назначьте мнѣ другіе часы. Я очень желалъ бы встрѣтиться съ вами ранѣе засѣданія 28 іюля.

«Примите мои увѣренія въ полномъ къ вамъ уваженіи и симпатіи.

«Предсѣдатель французской Лиги Образованія
Жанъ Масе».

На другой день послѣ этого я, дѣйствительно, получила отъ секретаря Масе печатные документы о *международномъ конгрессѣ частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія.*

Почти рѣшившись выступить самой съ докладомъ, я въ то же время чувствовала все свое безсиліе. «Умѣю ли я даже читать по-французски?» спрашивала я себя боязливо и старалась припомнить, когда и при какихъ условіяхъ научилась я этому искусству. Въ жизни моей я не читала ни одного романа, разсказа или повѣсти на иноземномъ языкѣ, никогда и никому не написала ни строчки по-французски, и если умѣла читать, то это являлось достояніемъ далекаго, ранняго дѣтства.

И мнѣ вспомнилось это раннее дѣтство; вспомнилось, какъ мать и отецъ, признавая совершенно излишнимъ учить дѣвочку русской грамотѣ, посылали ее все-таки кратковременно къ какой-то старушкѣ-француженкѣ Оливари; вспомнилось, какъ эта маленькая дѣвочка со страстью къ ученью вообще жадно ловила звуки и слоги невѣдомаго языка, какъ отличалась она, обучавшаяся изъ снисхожденія за полцѣны, отъ маленькихъ лѣнтяекъ и лѣнтяевъ достаточныхъ семействъ, выводившихъ изъ терпѣнія добродушную старушку-учительницу; какъ въ то время, когда мать ея взносила послѣдніе гроши за ея обученіе, m-me Оливари говорила обыкновенно: «такого ребенка можно учить даромъ»; и какъ эта добродушная старушка называла ее «мой маленькій профессоръ».

И вотъ этотъ «маленькій профессоръ», сорокъ лѣтъ спустя, силится припомнить позабытыя начертанія чужестранныхъ

буквъ и оправдать надежды, возлагаемыя на него умершей наставницей, причемъ въ умѣ его невольно возникаетъ вопросъ: что дала ему эта безпристрастная воспитательница, силившаяся всегда выдвинуть его и поставить въ примѣръ другимъ дѣтямъ? Заронила ли она въ душѣ его ту святую жажду подвига, которая нашептываетъ человѣку вѣчно: «впередъ!», или развила въ душѣ его зловредное самолюбіе, служащее стимуломъ всей его жизненной работы?..

До конгресса оставалось 10—11 дней. Настроеніе моего духа безпрестанно мѣнялось: то я чувствовала необычайный приливъ бодрости и беззавѣтно вѣровала въ успѣхъ, то на меня нападало отчаяніе и полная безнадежность; но даже въ эти минуты безнадежности я продолжала неутомимо работать надъ составленіемъ доклада при помощи все той же добрѣйшей Ананьевой, причемъ у насъ выходило немало споровъ; я настаивала, чтобы докладъ былъ какъ можно скромнѣе и серьезнѣе, а она утверждала, что французы любятъ эффекты.

Между тѣмъ подошелъ тотъ самый день, въ который Масе назначилъ свиданіе съ нимъ. Докладъ былъ готовъ, т.-е. переведенъ А. съ русскаго на французскій языкъ, и мы поѣхали съ ней вмѣстѣ къ Масе.

У дверей комнаты, въ которой не было ничего, кромѣ книгъ, стола и нѣсколькихъ стульевъ, насъ встрѣтилъ старикъ съ привѣтливой, доброй улыбкой на умномъ лицѣ. Узнавши, въ чемъ дѣло, и вглядываясь въ наши лица, своими подслѣповатыми старческими глазами, онъ сказалъ весело и радушно, указывая на меня: «le coeur me dit, que c'est vous, madame Christine Altchevsky» [1]).

Вѣроятно, лицо мое слишкомъ ясно выражало то душевное волненіе, которое испытывала я при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ, а онъ, между тѣмъ, усаживая насъ за письменный столъ vis-à-vis съ собой, продолжалъ добродушно: «взгляните, какъ я выучился писать ваше имя и фамилію». И онъ взялъ клочекъ бумаги и очень тщательно вывелъ: «M-me Christine Altchevsky». Я съ улыбкой приняла отъ него

---

[1]) „Сердце говоритъ мнѣ, что это вы, г-жа Алчевская“.

этотъ клочекъ бумажки, столь дорогой для меня, какъ выраженіе его вниманія, и объяснила ему при этомъ, что плохо владѣю французскимъ языкомъ, и что А. прочтетъ ему нашъ докладъ, предназначенный для конгресса, пока я не научилась читать его, какъ слѣдуетъ.

— Вы говорите, что плохо владѣете языкомъ?—возразилъ онъ мнѣ.—А между тѣмъ, если мой старый слухъ не измѣняетъ мнѣ, я слышу прекрасный французскій языкъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ сила не въ языкѣ, а въ душѣ человѣка.

Мы приступили къ чтенію. А. читала тихо, немножко въ носъ и часто сбиваясь.

— Позвольте, позвольте!—останавливалъ онъ ее дружески!—Зачѣмъ вы съѣдаете звуки!.. Простите меня ради Бога, вѣдь я старый профессоръ!.. Остановитесь немножко: это совсѣмъ не по-французски!.. Дайте мнѣ въ руки, тутъ нужно измѣнить оборотъ!..

И онъ придвигалъ къ себѣ рукопись, макалъ перо въ чернильницу и надписывалъ надъ строчками цѣлыя слова и фразы.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—говорилъ онъ минутами какъ бы самъ себѣ.—Тутъ нужно перестроить все сызнова,—и опять повторялъ: «простите меня, ради Бога! Вѣдь я старый профессоръ и привыкъ обращаться въ своей аудиторіи безъ церемоніи.

Счастливая добрымъ отношеніемъ ко мнѣ Масе, я возвратилась домой и съ удвоенной силой начала работать надъ докладомъ. Прежде всего я отдала напечатать его крупными буквами въ типографію, такъ какъ читать мелкую рукопись А. не представлялось для меня никакой возможности; затѣмъ, получивши корректуру, принялась тщательно изучать докладъ и перечитывать много, много разъ сряду. Вставши на зарѣ и притворивши наглухо дверь къ спящимъ дѣтямъ, я садилась за письменный столъ, клала на него печатные листки и вдумывалась въ каждую фразу, въ каждое слово его. Замѣтивъ, что на страницахъ доклада попадается немало незнакомыхъ словъ, я отыскала значеніе ихъ въ лексиконѣ и, переписавши на почтовомъ листкѣ

столбикомъ, твердила на извозчикѣ, отправляясь на выставку: «abrégeant—сокращающій, abrégeant—сокращающій, éminemment — преимущественно, éminemment — преимущественно, réagir—реагировать, давать отпоръ, réagir—реагировать, давать отпоръ и т. д. Иногда слова эти меня спрашивали дѣти, а иногда, когда ихъ не было со мной, я прикрывала правую сторону листика ладонью и провѣряла такимъ образомъ свои знанія самостоятельно. Мнѣ вспоминалась при этомъ старушка Оливари, которая именно такъ совѣтовала мнѣ нѣкогда заучивать французскія слова. Но кромѣ этого самостоятельнаго чтенія, я не упускала ни малѣйшаго случая перечитывать этотъ докладъ передъ каждымъ лицомъ, компетентнымъ, на мой взглядъ, въ знаніи французскаго языка. Вотъ пріѣзжаетъ въ Парижъ актриса, которую я знала когда-то благовоспитанной барышней помѣщичьей семьи, и я говорю ей умоляющимъ голосомъ: «Ольга Ивановна, ради Бога послушайте, какъ читаю я мой докладъ, и укажите, правильно ли я дѣлаю ударенія въ интонаціи!»

Вотъ встрѣчаюсь я съ умной барыней-россіянкой, извѣстной своимъ злымъ и мѣткимъ языкомъ, и, игнорируя возможность ѣдкихъ насмѣшекъ, говорю ей просто и искренно: «Анна Николаевна! Вы превосходно владѣете французскимъ языкомъ,—Бога ради помогите мнѣ». И въ холодное сердце барыни-россіянки проникаетъ эта задушевная просьба, и она посѣщаетъ меня и разъ, и другой, и третій и терпѣливо указываетъ мнѣ на всѣ мои промахи. Ей, видимо, пріятно даже принять нѣкоторое участіе въ какомъ-то невѣдомомъ ей доселѣ общественномъ дѣлѣ, и незнакомое ощущеніе, что и она дѣлаетъ что-то для кого-то доставляетъ ей очевидное удовольствіе. Она настолько втягивается въ эту затѣю, что идетъ даже на самый конгрессъ, и не безъ трепета ожидаетъ очереди знакомаго доклада, въ которомъ и она принимала посильное участіе.

Вотъ встрѣчаю я свою «зловредную переводчицу» и, замирая при мысли, съ какимъ скептицизмомъ отнесется она къ моему чтенію, тѣмъ не менѣе, прошу ее прійти послу-

шать меня. И она слушаетъ, поправляетъ и говоритъ снисходительно: «ничего, недурно!»

— А въ какомъ платьѣ вы будете на конгрессѣ?—спросила меня однажды заботливо барыня-россіянка.

— Въ черномъ барежевомъ,—отвѣчала я, подумавъ немного.

— Съ зеленой вставкой?

— Да.

— Невозможно!

— Почему?

— Во-первыхъ, оно имѣетъ поношенный видъ, а во-вторыхъ, зеленая вставка совсѣмъ не идетъ къ такому серьезному собранію; вамъ необходимо заказать себѣ новое кашемировое въ одномъ изъ лучшихъ парижскихъ магазиновъ.

Барыня-россіянка казалась мнѣ слишкомъ компетентной въ этомъ вопросѣ, чтобы ослушаться ея, и на другой день въ восемь часовъ утра я подъѣзжала уже на извозчикѣ къ извѣстному мнѣ дому Ernest Raudnitz, въ которомъ по пріѣздѣ своемъ, страдая отъ жары, я сшила свое новое барежевое платье со вставкой. Меня встрѣтили тамъ, какъ старую знакомую, и, дѣйствительно, я съ перваго раза сошлась съ этими милыми, граціозными, привѣтливыми француженками, привѣтливыми даже не по заказу ихъ важнаго хозяина, Эрнеста Родница, а просто изъ любви къ искусству, изъ любви къ тѣмъ прихотливымъ, затѣйливымъ модамъ, въ погонѣ за которыми проходитъ вся ихъ жизнь. Когда M-me Лаби разбрасываетъ передъ вами матеріи на прилавокъ и, складывая ихъ небрежно въ граціозные буффы, отходитъ на нѣсколько шаговъ, чтобы взглянуть на нихъ издали, вы видите, какъ ея выразительное лицо сіяетъ восторгомъ, и вся она улыбается при видѣ этого удачнаго сочетанія цвѣтовъ.

— Какую матерію выбрали бы вы лично для себя?—говорите вы ей, полагаясь на ея вкусъ.

— Для себя... О, я никогда не буду въ состояніи сдѣлать себѣ юбку изъ этой матеріи!—восклицаетъ она съ такой неподдѣльной грустью, что, очевидно, готова была бы пожертвовать всѣмъ, всѣмъ за кусокъ этой матеріи.

Для васъ становится яснымъ до очевидности, что жизнь этой французской женщины вся сосредоточилась на нарядахъ, и внѣ этихъ нарядовъ для нея не существуетъ никакихъ иныхъ интересовъ. «Такъ вотъ гдѣ и въ чемъ тайна успѣха французскихъ модъ!» невольно думаете вы и проникаетесь убѣжденіемъ, что даже и въ это дѣло необходимо вложить душу для его успѣха.

Вы видите, какъ другая модистка, красавица, служащая манекеномъ для примѣриванія дорогихъ нарядовъ, гордо и величественно, въ роскошномъ бархатномъ платьѣ съ блондами, проходитъ по комнатѣ предъ барыней-заказчицей, воображая себя, вѣроятно, царицей какой-то волшебной сказки.

Даже дѣвочка-ученица, держащая передъ закройщицей булавки, научилась уже прикалывать какой-то удивительный бантикъ къ своимъ кудрявымъ волосамъ и какъ-то необычайно граціозно подбирать край своего кисейнаго фартучка. И какъ не научиться всему этому здѣсь, въ этой атмосферѣ модъ и нарядовъ! Куда ни взглянете вы,—направо, налѣво, впередъ, назадъ,—всюду вы видите комнаты съ огромными великолѣпными зеркалами и передъ каждымъ изъ этихъ огромныхъ зеркалъ изящную дѣвицу или даму, окруженную цѣлымъ консиліумомъ модистокъ-француженокъ; вы видите, какъ этотъ консиліумъ о чемъ-то горячо и серьезно совѣщается между собою, какъ одна изъ дѣвушекъ-француженокъ падаетъ на колѣни и энергически распарываетъ ножницами какую-то неумѣстную складку; вы видите, какъ другая наклоняется до самаго полу, дабы удостовѣриться, не виситъ ли на $^1/_4$ сантиметра правый бокъ въ юбкѣ. И все это совершается съ такой серьезной торжественностью, точно будто здѣсь происходитъ какое-либо священнодѣйствіе. Да, шить платье въ Парижѣ—это цѣлый обрядъ: для каждой части платья имѣется особая спеціалистка: лифъ примѣриваетъ вамъ одна дѣвушка, юбку—другая, рукава—третья, и, наконецъ, когда все это готово, и вы думаете съ радостью, что достигли желаннаго предѣла, на послѣдній торжественный осмотръ является самъ важный Эрнестъ Родницъ, и вы чувствуете себя въ ужасно глупомъ

положенiи, прохаживаясь передъ нимъ. Я осмѣлилась даже спросить однажды моихъ друзей—модистокъ, нельзя ли мнѣ какъ-нибудь обойтись безъ этого, на что онѣ отвѣчали, что никакъ нельзя, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени остались довольны моимъ вопросомъ и сказали мнѣ по секрету, что хозяинъ ихъ въ сущности ровно ничего не понимаетъ въ нарядахъ и только напускаетъ на себя эту важность и проницательность.

Вообще, я находилась съ ними въ большой дружбѣ: привозила имъ номера французскихъ газетъ, въ которыхъ появлялись замѣтки о нашей книгѣ, подарила брошюру Абрамова и держала ихъ въ курсѣ всѣхъ моихъ дѣлъ. Даже строгая и суровая навидъ закройщица m-lle Галлà, обращающаяся съ другими дамами какъ-то надменно и пренебрежительно, очевидно, очень любила меня и относилась ко мнѣ съ особымъ привѣтомъ. Причина этому, какъ кажется мнѣ, была слѣдующая: какъ-то въ ужасно жаркiй день, примѣряя свое барежевое платье и видя предъ собой измученное утомленiемъ и жарой лицо m-lle Galla, я сказала ей искренно: «Боже мой, Боже мой! мы, ничего не дѣлая, ропщемъ, что намъ жарко; каково же должно быть вамъ, работая съ утра до вечера и примѣряя эти платья!»

Я замѣтила при этомъ, какъ, наклонившись усиленно надъ какой-то складкой, m-lle Galla быстро смахнула непрошенную слезу и затѣмъ сказала тихо и прочувствованно: «вы первая дама, которая задумались надъ этимъ,—спасибо вамъ!»

И между нами установились съ тѣхъ поръ самыя дружелюбныя отношенiя. Она неразъ разспрашивала меня о Россiи, разспрашивала, легче ли живется у насъ рабочему люду—модисткамъ и въ какихъ отношенiяхъ стоятъ онѣ къ своимъ хозяйкамъ и хозяевамъ. Очевидно, слово «хозяинъ» являлось больнымъ мѣстомъ ея горделивой натуры, и она всѣми силами души ненавидѣла своего важнаго хозяина Эрнеста Родница. Ненависть эта была для меня отчасти понятна, такъ какъ мнѣ неразъ приходилось быть свидѣтельницей его довольно неделикатныхъ замѣчанiй, обращенныхъ къ закройщицѣ. Нужно было видѣть въ эти

минуты m-lle Galla! Глаза ея, сверкнувъ какимъ-то зловѣщимъ блескомъ, разомъ потухали; губы, сложенныя въ сдержанную, язвительную полуулыбку, казалось, скрывали скрежетъ зубовъ, и вся ея граціозная и величественная фигура напоминала мнѣ тогда Рогнѣду въ моментъ поднятія ножа на Владимира—Красное Солнышко.

И вотъ, когда я снова должна была посѣщать ежедневно моихъ друзей - модистокъ для примѣриванія разныхъ частей въ отдѣльности моего новаго платья, я сообщила имъ о своихъ тревогахъ и волненіяхъ поповоду доклада и объяснила о предстоящемъ конгрессѣ частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія.

Нечего и говорить, что онѣ приняли во мнѣ самое теплое участіе, и въ то время, какъ m-lle Galla разсматривала пристально и сосредоточенно какія-то складочки на спинѣ, а молодая дѣвушка спеціалистка припадала къ юбкѣ,— интересная m-me Лаби стояла у окна и, держа въ рукахъ мой печатный докладъ, читала его съ тѣмъ чарующимъ парижскимъ акцентомъ, за который въ эту минуту я готова была бы отдать столько же, сколько она за кусокъ изящной матеріи. Я жадно ловила каждое ея слово и силилась постигнуть тайну этого акцента, который казался мнѣ прекрасной музыкой. Забывая въ эту минуту о m-lle Галлà и ея важной миссіи, я склонялась нѣсколько направо и, утомленная, бралась за спинку стула, ища въ немъ нѣкоторой точки опоры, причемъ m-lle Галлà говорила почти съ ужасомъ: «что вы дѣлаете! Вы хотите, чтобы платье ваше вышло криво!»

Но не всегда m-me Лаби читала сама; иногда она заставляла исполнять это меня и самымъ немилосерднымъ образомъ останавливала на каждомъ шагу.

— Повторите еще разъ слово «netteté»,—у васъ ужасно слышно *e*; такъ невозможно!

Иногда она спрашивала у меня слова, провѣряя мое произношеніе и заставляя повторять за собой помногу разъ одно и то же слово.

Я думаю, что чтенія мои въ магазинѣ Эрнеста Родница продолжавшіяся 6, 7 дней сряду по 1½ ч. въ день, явля-

лись лучшей школой изъ всѣхъ тѣхъ чтеній, въ которыхъ упражнялась я, и я считаю себя обязанной этимъ скромнымъ модисткамъ больше даже, чѣмъ барынѣ-россіянкѣ, барышнѣ-актрисѣ, моей «зловредной переводчицѣ» и многимъ другимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ платье сидѣло тоже превосходно по отзывамъ самыхъ компетентныхъ лицъ, и m-lle Galla, сдавая мнѣ его совсѣмъ готовымъ и крѣпко пожимая мнѣ руку на прощанье, говорила: «увидите, что мое платье будетъ вашимъ porte bonheur на конгрессѣ».

Вотъ подошелъ и день предварительнаго засѣданія; назначеннаго въ Лигѣ народнаго образованія, и я не безъ трепета сердечнаго поѣхала туда. Съ свойственной мнѣ точностью, я оказалась первой и робко вошла въ комнату, смежную съ той, въ которой мы были у Масе. Обстановка этой комнаты была такая же: тотъ же скромный письменный столъ, покрытый старенькимъ зеленымъ сукномъ, тѣ же простенькіе стулья, поставленные рядами, тѣ же книги, разбросанныя повсюду.

Мало-по-малу члены конгресса стали прибывать: вотъ вошелъ рыжеватый англичанинъ съ пачкой какихъ-то рукописей подъ мышкой, за нимъ слѣдовалъ маленькій желтолицый японецъ съ портфелемъ въ рукахъ: за японцемъ вошелъ американецъ съ выразительнымъ и энергичнымъ лицомъ, замѣчательный ораторъ, какъ сказали мнѣ. Затѣмъ слѣдовало нѣсколько репортеровъ, частью съ французскими, частью съ еврейскими физіономіями, какая-то дама-иностранка, пишущая корреспонденціи въ разныя газеты, важный бельгіецъ высокаго роста, давнишній другъ Масе, и, наконецъ, китаецъ съ узкими, какъ щелочки, глазами и длинной косой на выбритой спереди головѣ. Этотъ китаецъ особенно интересовалъ меня: съ бабьимъ безбородымъ лицомъ, глядя на которое трудно опредѣлить возрастъ, въ типичномъ китайскомъ лиловомъ балахонѣ съ широкими рукавами, въ открытыхъ башмакахъ на ногахъ, онъ рѣзко отличался отъ другихъ людей, одѣтыхъ въ европейскіе костюмы, и невольно приковывалъ къ себѣ ваше вниманіе. Я съ такимъ неподдѣльнымъ любопытствомъ засмотрѣлась на

него, что не видѣла больше, кто входилъ еще. Онъ сѣлъ невдалекѣ отъ стола, покрытаго сукномъ, точно будто желая обособиться отъ всѣхъ этихъ стадно одѣтыхъ людей.

Наконецъ дверь направо отворилась, и мы увидѣли Масе съ его добродушной, привѣтливой улыбкой и озабоченнымъ выраженіемъ лица. Всѣ разомъ встали при появленіи его, а онъ, кланяясь направо и налѣво, дружески пожималъ протянутыя къ нему руки и говорилъ ласково:

— Вы здѣсь,—прекрасно!—Ну, какъ я радъ васъ видѣть!— А, выбрали свободную минуту,—отлично!

Привѣтливѣе всѣхъ, какъ мнѣ показалось, онъ отнесся къ своему бельгійскому старинному другу, ко мнѣ и къ китайцу.

—M-r le Général! — воскликнулъ онъ, крѣпко пожимая его руку обѣими руками, и его старческое лицо просіяло улыбкой.

Я взглянула на китайца и была поражена, насколько онъ преобразился въ эту минуту. Тонкая улыбка подернула его узкія губы и образовала какія-то складочки возлѣ прорѣзанныхъ глазъ, придавшія всему лицу необыкновенно умное и нѣсколько саркастическое выраженіе. Онъ съ достоинствомъ и привѣтомъ пожалъ руку Масе и тихо сказалъ ему нѣсколько словъ.

Я замѣтила, между прочимъ, что при выходѣ въ рукахъ у Масе была пачка брошюръ «Que faut-il donner à lire au peuple» и что онъ положилъ ихъ передъ собой на столѣ.

Масе усѣлся за столомъ и началъ тихо, спокойно и дружелюбно вести засѣданіе. Онъ предложилъ назначить очереди для предстоящаго конгресса, какая именно страна будетъ слѣдовать за какой и кто явится ея представителемъ. Затѣмъ онъ просилъ всѣхъ и каждаго объяснить въ краткихъ словахъ, въ чемъ будетъ состоять его докладъ и сколько приблизительно онъ потребуетъ времени.

— Я вижу у васъ въ рукахъ чуть не цѣлую книгу,— говорилъ онъ дружелюбно англичанину, указывая на его толстую рукопись.

— О, не безпокойтесь! Я прочту изъ нея только выдержки,—отвѣчалъ тотъ равнодушно и спокойно.

— Великъ ли вашъ докладъ?—обращался онъ опять къ представителю Германіи.

— Дѣло народнаго образованія получило у насъ такое широкое развитіе, что умѣстить его на нѣсколькихъ страницахъ невозможно,—отвѣчалъ тотъ учтиво и сдержанно.

— Прекрасно, прекрасно, мы отведемъ вамъ больше времени,—ободрялъ его Масе, чуждый, очевидно, въ данную минуту національной вражды и не желая вносить распри въ вопросъ, касающійся воспитанія человѣка.

Наконецъ очередь дошла до меня. Добрая улыбка озарила лицо Масе, и, взявъ въ руки пачку нашихъ брошюръ, онъ обратился къ членамъ конгресса съ такою рѣчью:

— Господа! Если кто - либо имѣетъ нравственное право участвовать въ нашемъ конгрессѣ, такъ это именно женщина, создавшая этотъ трудъ.

И онъ быстро положилъ брошюры на столъ и поднялъ высоко два тома «Что читать народу».

— Произнося слово «женщина», я подразумѣваю всю группу участницъ, создавшихъ этотъ коллективный, безкорыстный, замѣчательный трудъ. Эти огромные два тома являются трофеями частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія, и каждый, кто способенъ отнестись къ нимъ съ должнымъ уваженіемъ, въ чьей груди бьется отзывчивое сердце, кто любитъ беззавѣтно темный народъ и стремится вывести его изъ мрака невѣжества, тотъ долженъ сказать великое спасибо этимъ чужеземнымъ труженицамъ, свершающимъ тихо и скромно свое прекрасное дѣло.

И онъ опять положилъ книги на столъ и, взявши въ руки брошюру Абрамова, добавилъ: «каждый, кто желаетъ ознакомиться съ дѣломъ, можетъ взять и прочесть настоящую брошюру, составленную въ высшей степени живо и интересно».

Онъ проговорилъ свою рѣчь дрожащимъ голосомъ, тономъ фанатика, беззавѣтно преданнаго извѣстной идеѣ,—и я чувствовала, какъ слезы подступили у меня къ глазамъ и оставляли слѣдъ на свѣтлыхъ перчаткахъ, которыми я утирала ихъ.

Но все-таки, когда онъ спросилъ меня, какъ озаглавлю я мой докладъ, я отвѣчала громко и внятно: «L'école du dimanche à Kharkov et le livre «Que faut-il donner à lire au peuple» [1]).

Всѣ головы повернулись ко мнѣ, и я чувствовала, какъ согрѣвало меня это общее вниманіе, вызванное горячей рѣчью фанатика-Масе.

— M-r le Général!—обратился онъ привѣтливо къ китайцу, и я вся превратилась въ слухъ и вниманіе, что скажетъ этотъ удивительный для меня человѣкъ и на какомъ именно языкѣ будетъ говорить онъ.

Прежняя полусаркастическая улыбка снова озарила его выразительное въ эту минуту лицо, и, привставши съ своего мѣста, онъ пріятнымъ, звучнымъ баритономъ заговорилъ съ достоинствомъ акцентомъ истаго парижанина. «Я не буду предаваться иллюзіямъ. И буду говорить на конгрессѣ просто и правдиво о близкихъ и дорогихъ мнѣ сынахъ моей родины, и, быть-можетъ, мнѣ удастся возбудить ваше вниманіе и симпатію къ этимъ малоизвѣстнымъ вамъ людямъ, стоящимъ, по мнѣнію всего свѣта, на низкомъ уровнѣ культуры сравнительно съ европейскими народами».

Маленькую залу лиги народнаго образованія въ первый разъ огласили апплодисменты, и m-r le Général сказалъ еще нѣсколько прочувствованныхъ словъ, которыя находили откликъ въ сердцѣ каждаго и невольно вызывали сочувствіе и уваженіе къ этому патріоту своей страны.

Послѣднимъ говорилъ желтолицый японецъ съ очень умнымъ и хитрымъ лицомъ, напоминающимъ обезьяну, но говорилъ настолько ломанымъ французскимъ языкомъ, что его трудно было понять. Онъ являлся собственно представителемъ другого какого-то лица и окончилъ свою рѣчь такъ: «j'ai ce monsieur dans ma poche», но солидное собраніе ни однимъ мускуломъ лица не выразило признаковъ смѣха.

---

[1]) „Воскресная школа въ Харьковѣ“ и книга „Что читать народу“.

Въ общемъ, это собраніе совершенно не было похоже на офиціальное засѣданіе,—это просто былъ какой-то братскій союзъ, на которомъ каждый чувствовалъ себя, какъ дома. Даже когда я вспоминала наши харьковскія собранія, на которыхъ одни говорятъ слишкомъ много, а другіе слишкомъ упорно молчатъ, они казались мнѣ несравненно болѣе торжественными. Само собою разумѣется, что тонъ всему этому давалъ Жанъ Масе, и отраженіе его чистой и безупречной личности какъ бы чувствовалось на всѣхъ и на всемъ.

Подъ впечатлѣніемъ этого засѣданія я еще усиленнѣе стала готовиться къ конгрессу. Наша небольшая квартирка состояла изъ двухъ комнатъ и садика, расположенныхъ по прямой линіи и представляющихъ какъ бы амфиладу. И вотъ я садилась въ глубинѣ первой комнаты и, отворивъ двери и окна, усаживала сына въ концѣ садика и просила опредѣлить, достаточно ли громко и внятно читаю я. Впрочемъ, врядъ ли это можно было назвать чтеніемъ, такъ какъ я давнымъ-давно знала докладъ наизусть.

Наконецъ наступилъ торжественный часъ конгресса. Нарядившись въ свое платье «porte-bonheur» и взявши въ трепетныя руки сверточекъ съ докладомъ, я поѣхала на конгрессъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, онъ происходилъ въ той самой залѣ, въ которой такъ недавно еще потерпѣла фіаско бѣдная Ананьева и въ которой лично я испытала такъ много страданій и мукъ. Я вошла въ знакомую залу,—но какъ измѣнилась она! Ни торжественной, высокой трибуны, ни роскошнаго длиннаго стола, покрытаго новенькимъ, какъ съ иголочки, сукномъ, ни бронзовыхъ изящныхъ чернильницъ, ни фарфоровыхъ вазъ съ букетами—не было и помину. Небольшое возвышеніе было застлано подержаннымъ ковромъ; за простенькимъ письменнымъ столомъ стояло три деревянныхъ стула—одинъ для предсѣдателя и два для вице-президентовъ; немного поодаль направо былъ поставленъ еще одинъ небольшой столъ и стулъ для докладчика, а налѣво помѣщались два-три стенографа и репортера и секретарь Масе.

Но все это я разсмотрѣла потомъ; когда же я вошла въ залъ и бросила взглядъ на предсѣдательское мѣсто, меня поразила группа изъ мрамора, единственное украшеніе конгресса Масе. Группа эта дышала правдой и жизнью.—Старикъ Песталоцци съ умнымъ, добрымъ и выразительнымъ лицомъ наклонился къ дѣтямъ и что-то съ одушевленіемъ объяснялъ имъ. Каждая складка его прекраснаго лица выражала заботу и ласку, и глубокій взоръ покоился съ любовью на дѣтяхъ. Маленькая дѣвочка съ наивнымъ лицомъ силилась угадать его добрыя рѣчи, а мальчикъ постарше пытливо смотрѣлъ ему въ глаза, какъ бы загораясь огнемъ любознательности. Группа эта долго потомъ рисовалась въ моемъ воображеніи и была какъ-то неразрывно связана съ образомъ Масе.

Публики было не такъ много, какъ на женскомъ конгрессѣ, но зато вы видѣли предъ собою не праздную нарядную толпу, а компетентныхъ лицъ, могущихъ явиться строгими судьями, и отъ этого становилось какъ-то особенно боязно и жутко. Нервы мои были напряжены до послѣдней степени, и мнѣ невыразимо хотѣлось увидѣть, хоть одно знакомое мнѣ и близкое лицо; но ни Ананьевой, ни Калмыковой, ни барыни-россіянки не было; не было даже ни одной женской фигуры среди всѣхъ этихъ черныхъ сюртуковъ, пальто и цилиндровъ, а потому я очень обрадовалась, завидя двухъ дамъ, входящихъ въ залъ. Онѣ были одѣты съ тѣмъ изящнымъ caché, которое даетъ только Парижъ. Особенно эффектна была дама повыше. Казалось, она только что явилась съ консиліума Родница, и каждая складка ея изящнаго чернаго шелковаго платья дышала вкусомъ и модою.

Я пристально и съ надеждой смотрѣла на нихъ и думала: «если бъ хоть эти женщины подошли ко мнѣ!» Мнѣ какъ-то особенно хотѣлось въ эту минуту женской теплоты и участія. И онѣ точно угадали мою мысль и, направившись ко 2 скамьѣ, на которой усѣлась я, сѣли рядомъ со мною.

У дамы повыше былъ свертокъ въ рукахъ, перевязанный изящной ленточкой. Увидѣвши, что взглядъ мой съ любо-

пытствомъ сосредоточился на этомъ сверткѣ, дама пониже сказала, ласково обращаясь ко мнѣ:

— Она француженка, но ей поручено читать о швейцарскихъ школахъ, и она ужасно робѣетъ,—а вы?

— Я русская и, не зная вашего языка, буду читать здѣсь,—произнесла я дрожащимъ голосомъ, и вдругъ слова эти показались мнѣ самой такими жалкими, прозвучали въ моихъ собственныхъ ушахъ такой раздирающей душу нотой, что я заплакала, какъ плачутъ иногда дѣти, сами не зная какъ и почему.

Обѣ дамы отнеслись ко мнѣ съ самымъ живымъ участіемъ.

— Вы, значитъ, не знаете французовъ, — съ жаромъ говорили онѣ,—если ждете отъ нихъ какихъ-либо насмѣшекъ и порицаній; страшитесь скорѣе вашихъ русскихъ: они, обладая обыкновенно въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, не прощаютъ ни малѣйшей ошибки; мы же совершенно не замѣчаемъ или, вѣрнѣе сказать, не вслушиваемся въ эти ошибки и чувствуемъ живую радость, слыша родной языкъ въ устахъ иностранца.

Успокоившись нѣсколько, я начала смотрѣть по сторонамъ: народу подбавлялось; я увидѣла китайца, пробирающагося въ первые ряды, высокаго англичанина съ портфелемъ подъ мышкой, желтолицаго японца съ пенснэ на носу и много другихъ незнакомыхъ мнѣ лицъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ уже Жанъ Масе, а по лѣвую руку его американецъ-ораторъ съ выразительнымъ лицомъ; стулъ же направо оставался пустымъ.

Собраніе было объявлено открытымъ, и Жанъ Масе все съ той же простотой и задушевностью обратился къ членамъ конгресса съ рѣчью, вызвавшей громъ рукоплесканій. Масе принималъ ихъ, какъ должную дань; и скорѣе кивая головой, чѣмъ раскланиваясь на всѣ стороны, какъ бы говорилъ своей доброй и ласковой улыбкой: «какъ я радъ, что вы сочувствуете мнѣ,—впрочемъ, я былъ увѣренъ въ этомъ заранѣе и не ошибся въ васъ».

Когда апплодисменты затихли, онъ снова привсталъ съ своего кресла и, обращаясь къ публикѣ, сказалъ:

— Господа! Вы видите, что по правую мою руку, за отсутствіемъ нашего уважаемаго вице-президента, мѣсто его остается пустымъ,—а потому не угодно ли вамъ будетъ предложить его женщинѣ, той самой русской женщинѣ, о которой я имѣлъ честь говорить въ нашемъ предварительномъ засѣданіи.

И онъ назвалъ мою фамилію и указалъ на меня жестомъ.

Подъ дружные и продолжительные апплодисменты я взошла на трибуну. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза съ моего возвышенія, это была барыня-россіянка, улыбавшаяся мнѣ одобрительной улыбкой. Ея обыкновенно злые глаза свѣтились на этотъ разъ добротой, и все лицо сіяло лаской и привѣтомъ.

Между тѣмъ къ столику направо подошла дама-француженка съ докладомъ о швейцарскихъ школахъ и, развернувши свою рукопись, начала пріятнымъ контральто: «Messieurs et mesdames!»

Я рѣдко слышала подобную дикцію: ясно, свободно, оттѣняя все то, что требуетъ болѣе яркаго освѣщенія, она нарисовала предъ нами картину благоденствія народнаго образованія въ Швейцаріи. Мнѣ вспомнилась почему-то опера «Вильгельмъ Телль» на столичной сценѣ, и всѣ эти идеальные швейцарцы и швейцарки, созданные фантазіей великаго композитора. Это былъ не докладъ, а цѣлая исторія страны,—страны просвѣщенной, свободной и гуманной, воспитывающей истинныхъ гражданъ, и мнѣ казалось, что самъ Песталоцци улыбается этому докладу.

Ей долго и шумно апплодировали, и она, спокойная, улыбающаяся и счастливая, прошла съ достоинствомъ на свое прежнее мѣсто. Я также была счастлива за эту милую, добрую, утѣшавшую меня утромъ француженку, но вмѣстѣ съ тѣмъ думала невольно: «Боже мой, Боже мой! куда жъ мнѣ такъ прочесть!..» И я чувствовала, какъ сердце мое замираетъ отъ страха, и слезы съ новой силой готовы брызнуть изъ глазъ.

— M-r le Général Tcheng-Ti-Kong, chargé d'affaires de la Chine, pour la Chine, — произнесъ привѣтливо Масе, и я видѣла,

какъ лиловый балахонъ направился къ завѣтному столику и съ достоинствомъ усѣлся на стулѣ. Въ рукахъ у него не было никакой рукописи; очевидно, онъ и безъ этого зналъ, какъ и о чемъ говорить.

— Вы, европейцы, сыны прогресса,—началъ онъ,—достигнувъ высшихъ ступеней культуры и цивилизаціи, спускаетесь съ этой высоты къ своему темному народу, чтобы снисходительно подать ему остатки плодовъ этой цивилизаціи. Вы придумываете для него облегчающіе методы обученія, создаете особую литературу, ставя его тѣмъ самымъ какъ бы ниже себя. И народъ принимаетъ эти даянія порой съ благодарностью, порой съ недовѣріемъ, чувствуя бездну, отдѣляющую его, невѣжду, отъ образованнаго человѣка. Вы относитесь скептически къ его наивнымъ вѣрованіямъ и не умѣете уважать въ достаточной степени этихъ проявленій души.

«У насъ это иначе: у насъ самъ народъ создалъ свою письменность и снабдилъ ее изреченіями народной мудрости. Въ этихъ изреченіяхъ вся его душа, весь его нравственный кодексъ.

И онъ привелъ нѣсколько блестящихъ примѣровъ этой народной мудрости, въ которыхъ отразилась душа народа, и далѣе нарисовалъ своеобразную картину народнаго образованія въ Китаѣ и ярко и образно охарактеризовалъ китайскій народъ, указавъ на симпатичныя стороны его духовной жизни и на чистоту созданныхъ имъ идеаловъ.

Рѣчь китайца, безспорно, произвела большое впечатлѣніе: она дышала оригинальностью и сопровождалась, естественно, тѣмъ живымъ интересомъ, который чувствуемъ мы при разсказахъ о мало знакомой намъ странѣ. Каждый изъ насъ слышалъ и о безупречной организаціи нѣмецкой школы и о методахъ преподаванія Англіи, Швейцаріи и другихъ просвѣщенныхъ странъ, и все это, конечно, не производило такого сильнаго впечатлѣнія, какъ эта яркая картина духовной жизни Китая, обреченнаго общественнымъ мнѣніемъ европейца на застой и непробудный сонъ. По крайней мѣрѣ, когда конгрессъ окончился, вамъ только и слышалось повсюду: «каковъ китаецъ! Вѣдь это прелесть, восторгъ! Боже

мой, если бы добыть какъ-нибудь его рѣчь! Да вѣдь вы видѣли, что онъ говорилъ безъ тетрадки!—Это истый ораторъ! Я просто влюбленъ въ него!—И кто бы могъ ожидать!..» и т. д. Даже «зловредная переводчица» выражала восторгъ, даже потухшіе глаза мрачной фигуры эмигрантки засвѣтились необычнымъ для нихъ интересомъ. Сердце мое было преисполнено самой теплой симпатіей и сочувствіемъ къ китайцу. Скажу болѣе: онъ казался мнѣ въ эту минуту тѣмъ самымъ богомъ Буддою, ученіемъ котораго я увлекалась нѣкогда по книгамъ. Но все-таки, когда послѣднія слова его покрылись громкими апплодисментами, назойливая мысль—я буду говорить послѣ него!—снова проникла мнѣ въ сердце и отравила минуты неподдѣльнаго восторга и благоговѣнія.

Вслѣдъ за китайцемъ вышелъ съ докладомъ желтолицый японецъ. Онъ страшно робѣлъ: его толстыя губы подергивала судорога, а руки, въ которыхъ держалъ онъ свертокъ бумаги, дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Говорятъ, будто докладъ его отличался большимъ интересомъ и содержательностью, но онъ прочелъ его отвратительно: тихо, заикаясь, откашливаясь и даже отплевываясь. Убійственный французскій выговоръ завершалъ общее впечатлѣніе, и онъ сошелъ со сцены при глубокомъ молчаніи. Только добрякъ Масе, приподнимаясь съ своего кресла, сказалъ ему нѣсколько словъ привѣта и, обращаясь къ публикѣ, добавилъ: «это очень интересно, я прочелъ докладъ до собранія». Онъ какъ бы извинялся въ томъ, что допустилъ на своемъ конгрессѣ такое скучное и продолжительное чтеніе.

Но что же чувствовала я въ эту минуту погибели бѣднаго японца?—Я искренно любила его и за его плохую дикцію и за его французскій языкъ,—любила, какъ предшественника - конкуррента, долженствующаго послужить предметомъ сравненія со мною, и я чувствовала, что погибель эта даетъ мнѣ больше шансовъ на успѣхъ.

«Russie! M-me Christine Altchevsky», произнесъ громко и отчетливо у меня надъ ухомъ Масе.

Но именно здѣсь мнѣ необходимо сдѣлать отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о своихъ театральныхъ спо-

собностяхъ, зарытыхъ въ землю, какъ тотъ талантъ, о которомъ говорится въ притчѣ.

Что такое собственно театральное дарованіе и въ чемъ заключается сила драматическаго актера, заставляющаго замирать, плакать и смѣяться цѣлую толпу, наполняющую театръ?—Она заключается въ способности забыться, войти въ роль, беззавѣтно отдаться иллюзіи, чувствовать себя тѣмъ самымъ героемъ, на котораго смотритъ публика, и жить его страданіями и радостями на сценѣ. Сочувствіе этой публики, ея восторги и апплодисменты еще выше настраиваютъ нервы воодушевившагося человѣка, и онъ еще сильнѣе чувствуетъ, насколько понятъ и воспринятъ жаръ его души, какъ разливается и охватываетъ толпу этотъ священный огонь, горящій въ немъ самомъ. Когда говорятъ «замѣчательный ораторъ», «великій проповѣдникъ», «знаменитый адвокатъ», «удивительный чтецъ», мнѣ всегда кажется, что всѣ эти таланты близко граничатъ съ талантомъ актера и что тайна ихъ заключается въ способности отдаться беззавѣтно иллюзіи момента, чувствовать себя героемъ, стоящимъ выше толпы, и проникнуться желаніемъ покорить эту толпу великой силѣ духа своего.

Когда я была ребенкомъ 11—12 лѣтъ, и меня повели однажды въ театръ, я возвратилась оттуда въ какомъ-то совсѣмъ особенномъ, лихорадочномъ настроеніи. Я не спала всю ночь напролетъ, металась въ жару и бреду въ своей маленькой кроваткѣ, и къ утру у меня созрѣло самое твердое намѣреніе устроить дома такой же точно театръ и сочинить для него свои собственныя пьесы.

Нечего и говорить, что обстановка, окружавшая меня, представляла къ тому самыя скудныя средства, но я всетаки выпросила у матери нѣсколько грошей на голубой коленкоровый занавѣсъ, наклеила на него бумажныя серебряныя звѣзды и полумѣсяцъ наверху и привела свое намѣреніе въ исполненіе.

Странно, но мнѣ ужасно нравились пьесы тенденціознаго содержанія, въ которыхъ добродѣтель торжествовала, а порокъ былъ наказанъ. И вотъ однажды бѣлокурый и кудрявый Ванечка Х., находившійся, очевидно, подъ моимъ влія-

ніемъ, сочинилъ такую пьесу (не поручусь, однако, чтобы онъ не заимствовалъ ее изъ французскаго репертуара книгъ своего аристократическаго дома). Въ бѣдную семью пріѣзжаетъ дядя-горбунъ. Всѣ дѣти издѣваются надъ его безобразіемъ, и одинъ изъ шалуновъ поетъ:

„Онъ горбатъ, смѣшонъ и дуренъ,
Сѣдъ, уродливъ и нахмуренъ,
Очень нехорошъ!
Подогнутыя колѣни
И аршинныя ступени,
Какъ орангутангъ“.. и т. д.

И только одна добродѣтельная дѣвочка, вся проникнутая состраданіемъ и участіемъ къ несчастному уроду-дядюшкѣ, относится къ нему съ необычайной любовью и лаской, за что и получаетъ отъ него, въ концѣ-концовъ, огромное наслѣдство. Всѣ озадачены, сконфужены, опечалены, но великодушная героиня дѣлитъ со всѣми поровну свои несмѣтныя богатства.

Не помню, была ли я когда-либо счастливѣе въ жизни, какъ въ этотъ моментъ торжества добродѣтели и великодушія, когда взрослые люди неистово аплодировали мнѣ, и я чувствовала себя героиней, виновницей торжества.

Другая пьеска, заимствованная нами изъ театральнаго сборника, еще больше нравилась мнѣ. Она называлась «Граверъ Петра Великаго или Дарованія и успѣхи», и я играла въ ней роль того даровитаго мальчика, на котораго обратилъ вниманіе самъ Петръ Великій. Если бы кто-нибудь могъ заглянуть въ эту минуту въ мою дѣтскую душу, онъ увидѣлъ бы, что она вся была преисполнена необычайной жаждой подвига, и я беззавѣтно воображала себя этимъ даровитымъ, геніальнымъ мальчикомъ, обратившимъ на себя вниманіе великаго преобразователя и собирающимся ѣхать за границу развивать свои выдающіяся способности.

Въ сценѣ, гдѣ онъ прощается съ родными наканунѣ этой поѣздки, я рыдала навзрыдъ, и даже взрослые люди — зрители не могли удержаться отъ слезъ.

Когда мнѣ по окончаніи театра приходилось снимать ситцевую братнину рубашечку и замѣнять ее своимъ обыч-

нымъ женскимъ платьицемъ, мнѣ было до слезъ больно, и я думала съ отчаяніемъ: «Боже мой, Боже мой! зачѣмъ я родилась дѣвочкой!» Мнѣ казалось въ эту минуту, что дѣвочка не можетъ совершить въ жизни ничего столь великаго и славнаго, какъ мальчикъ.

Въ числѣ зрителей, поклонниковъ моего таланта, былъ нѣкто старикъ Криницынъ, истый меломанъ драматическаго искусства. Онъ воспиталъ и вывелъ на сцену извѣстную тогда актрису Асенкову, звѣзду первой величины, и вотъ, глядя на наши дѣтскія представленія, онъ говорилъ, воодушевляясь, моимъ роднымъ: «Ради Бога, отдайте мнѣ ее! Я сдѣлаю изъ нея вторую Асенкову».

Но мать, безумно любившая меня, не хотѣла и слышать объ этомъ, а отецъ, съ фанаберіей мелкаго чиновника, отвѣчалъ горделиво: «никогда дочь моя не будетъ актрисой, развѣ переступитъ черезъ мой трупъ».

Я никогда не любила отца за тѣ обиды, которыя наносилъ онъ нашей бѣдной матери, но эти угрозы и это слово «трупъ» казались мнѣ чѣмъ-то ужаснымъ и зловѣщимъ не только во дни моего дѣтства, но и позднѣе, въ 16—17 лѣтъ, когда, принимая участіе въ любительскихъ спектакляхъ, я завоевала себѣ настоящую славу.

Спектакли эти давались обыкновенно съ благотворительною цѣлью, и барыни - благотворительницы необычайно ухаживали за мной, такъ какъ имя мое на афишѣ давало полный сборъ. Букеты, ленты, стихи сопровождали мои сценическіе успѣхи, но ничему не придавала я такого большого значенія, какъ огромной и прекрасной статьѣ, помѣщенной въ мѣстной газетѣ сотрудникомъ ея, Левченкомъ, человѣкомъ, получившимъ высшее образованіе и только что возвращеннымъ изъ ссылки. Развивая мысль о великомъ значеніи театра, издѣваясь съ тонкимъ юморомъ надъ бездарностью любителей и любительницъ благотворительныхъ спектаклей, соболѣзнуя о жалкомъ репертуарѣ французскихъ мелодрамъ, онъ ярко выдвигалъ одинъ только образъ и съ любовью останавливался на немъ. Столичныя газеты перепечатали интересную замѣтку, а въ обществѣ она вызвала много толковъ и шума.

Репертуаръ нашъ былъ, дѣйствительно, жалокъ; объ Островскомъ еще не было и помину въ нашемъ провинціальномъ захолустьѣ, но сила моего дарованія проявлялась именно въ томъ, что, какъ бы ни была плоха и безсодержательна поставленная на сцену пьеса, я всегда умѣла создать изъ свой роли нѣчто вполнѣ самостоятельное и цѣльное. Возьму для примѣра довольно пошленькій водевиль, въ которомъ выводится на сцену дѣвушка, потерпѣвшая двѣнадцать неудачъ и собирающаяся замужъ за тринадцатаго жениха. Водевиль этотъ назывался «Тринадцатый женихъ или мечты до свадьбы». Обыкновенныя актрисы выходили въ немъ обезображенными старыми дѣвушками и, оттѣняя особенно ярко циничныя мѣста, вызывали порою смѣхъ, порою отвращеніе.

— Вы увидите, что я сдѣлаю изъ этого водевиля! — говорила я своимъ товарищамъ по искусству.—Во-первыхъ, дѣвушка эта у меня не будетъ ни старою, ни смѣшною; правда, минутами она будетъ смѣшить публику до слезъ силой своего воображенія и игривостью прихотливой фантазіи, минутами же она явится у меня страдалицей этой фантазіи и заставитъ страдать другихъ. И дѣйствительно, въ сценѣ, гдѣ мечтательной дѣвушкѣ грезится поле сраженія и раненый женихъ, истекающій кровью, я видѣла передъ собой это поле сраженія, я слышала раздирающіе душу стоны раненыхъ и, вскрикнувъ: «я вижу кровь!»—падала безъ чувствъ. Меня выносили бережно въ дамскую уборную, съ нервными дамами дѣлалась истерика, а публика неистовствовала отъ рукоплесканій и восторга. Оправившись моментально отъ своего сценическаго обморока, я весело выбѣгала на сцену и, обращаясь къ волнующейся публикѣ, говорила фразу, безпрестанно повторяющуюся въ этой пьесѣ: «можете себѣ представить, какъ это интересно!» Громъ рукоплесканій заглушалъ послѣдніе звуки этихъ словъ, которымъ я придавала каждый разъ совсѣмъ особый оттѣнокъ, гармонирующій именно съ той сценой, о которой мечтаетъ дѣвушка. Фраза эта вошла какъ бы въ поговорку всего общества, и, вспоминая мою игру, многіе повторяли на всѣ лады: «можете себѣ представить, какъ это интерес-

но!» Въ пьесѣ «Тринадцатый женихъ» я играла все время одна на сценѣ, и когда занавѣсъ падалъ, публика кричала неистово: «Bis всю пьесу!» и не хотѣла смотрѣть ничего болѣе.

Сильное впечатлѣніе производила я также въ водевилѣ «Цыганка». Обладая звучнымъ меццо-сопрано и южнымъ типомъ лица и внося въ пьесу свои собственные монологи и цыганскія пѣсни, я очень нравилась публикѣ, и романсъ:

„Полюби ты меня,
Не скажу я про то,
Много страсти въ крови
У меня разлито.
Много счастья сулю
И блаженства тебѣ,
Сколько можно имѣть,
Сколько есть на землѣ...“

сдѣлался моднымъ и тоже повторялся на всѣ лады.

Когда однажды богатая барыня Игнатьева, тоже меломанка драматическаго искусства, видѣла меня въ сценѣ воображаемаго поля сраженія и испытала на себѣ всю силу этихъ впечатлѣній, она горячо уговаривала меня бросить все и ѣхать съ нею въ Петербургъ. Она сулила мнѣ блестящую будущность и предлагала окружить меня любовью и комфортомъ. Бѣдной матери моей не было тогда уже въ живыхъ, но угроза отца и слова «развѣ переступишь черезъ мой трупъ» не потеряли надо мной своей магической силы, и я наотрѣзъ отказалась отъ этого манящаго меня вдаль предложенія. Я была счастлива тѣмъ, что отецъ не воспрещаетъ, по крайней мѣрѣ, участвовать мнѣ въ любительскихъ спектакляхъ, польщенный тѣмъ, что за дочерью его пріѣзжаютъ кареты отъ важныхъ господъ и что о ней печатаютъ въ газетахъ хвалебныя статьи.

И вотъ, когда я вышла замужъ, иныя обязанности и заботы наполнили мою жизнь. Страсть къ сценѣ мало-по-малу стихала, и душу захватили другія увлеченія. Сначала при посѣщеніи театра мнѣ было больно до слезъ смотрѣть на сцену, и видѣть, какъ бездарная актриса портила свою роль;

мнѣ хотѣлось выгнать ее прочь и самой произнести съ увлеченіемъ и страстью ея прекрасный монологъ. Затѣмъ мнѣ казалось это только смѣшнымъ, а затѣмъ я совсѣмъ почти прекратила посѣщать театръ,—меня не тянуло туда болѣе.

Но бывали минуты, когда дарованіе это просыпалось во мнѣ съ удвоенной силой, и я чувствовала себя снова актрисой. Такъ бывало, напримѣръ, во время моихъ чтеній передъ крестьянами. Вообразивши себя Катериной въ «Грозѣ» и произнося съ рыданіями ея послѣдніе монологи, я заставляла рыдать вмѣстѣ съ собой своихъ простодушныхъ слушателей, мужиковъ и бабъ, и затѣмъ, очнувшись, думала съ отчаяніемъ: «вѣдь замѣтки мои въ книгѣ «Что читать народу» будутъ въ сущности невѣрны, такъ какъ я увлекла ихъ не чтеніемъ, а игрой»; но вмѣстѣ съ тѣмъ я утѣшала себя такими соображеніями: вѣдь проектируютъ же интеллигентные люди для простолюдина народный театръ; почему же чтеніе мое не можетъ служить доказательствомъ того, насколько способенъ малограмотный человѣкъ воспринимать впечатлѣнія отъ хорошо разыгранной пьесы?.. И я чувствовала себя совершенно счастливой при мысли, что я призвана служить народу своимъ дарованіемъ. И вотъ когда я услышала надъ моимъ ухомъ: «Russie! Madame Christine Altchevsky!»—я вдругъ почувствовала себя актрисой. Ни робости, ни смущенія во мнѣ не было и тѣни; мнѣ казалось, что я стою выше всей этой толпы и призвана повѣдать ей, что тамъ гдѣ-то далеко, въ Россіи, есть люди, проникнутые самыми чистыми стремленіями и дѣлающіе втихомолку великое дѣло, что идеалы этихъ людей вполнѣ совпадаютъ съ идеалами, выдвинутыми международнымъ конгрессомъ, и что они, эти скромные труженики, достойны всякаго уваженія и симпатіи. Къ способностямъ актрисы во мнѣ присоединилась въ эту минуту глубокая вѣра въ святость своего дѣла, и я громко, съ одушевленіемъ и достоинствомъ, безъ банальнаго: «messieurs et mesdames», начала:

«J'ai l'honneur de représenter ici une institution pédagogique due à l'initiative privée et qui a droit à votre attention par

l'originalité de son organisation, par sa méthode d'enseignement et par son importance sociale» [1]).

Я остановилась, чтобы снять шляпу съ своей пылающей головы, въ то время, какъ публика привѣтствовала эти слова громкими рукоплесканіями; мнѣ казалось въ эту минуту, что мраморное изваяніе Песталоцци улыбается мнѣ, призывая меня на какой-то славный подвигъ, и я продолжала еще съ бóльшимъ одушевленіемъ.

При послѣднихъ словахъ я чувствовала себя совершенно какъ на сценѣ, съ достоинствомъ принимая рукоплесканія, не умолкавшія впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, и ужъ, конечно, никогда потомъ не читала я этого доклада такъ, какъ прочла тогда.

Вслѣдъ за мной всталъ съ своего мѣста ораторъ-американецъ и съ театральными жестами и паѳосомъ такъ началъ свою рѣчь:

— Господа! Положеніе мое поистинѣ трагично: я долженъ говорить послѣ этой русской женщины, при ораторской рѣчи которой сердце мое замирало отъ восторга, и я чувствовалъ трепетъ въ моей взволнованной груди.

Слова оратора были покрыты громомъ рукоплесканій, между тѣмъ, какъ Масе сказалъ съ грустью и задумчиво: «il nous manque des femmes» [2]). Американецъ говорилъ долго и съ жаромъ, прерываемый безпрестанно апплодисментами, но я почти не слышала его рѣчи. Нервное возбужденіе, испытанное мною за эти 10—12 минутъ, было такъ велико, что по окончаніи апплодисментовъ я безсильно опустилась на свой вице-президентскій стулъ и разсѣянно смотрѣла на сидящую внизу публику. Взоръ мой нечаянно упалъ на барыню - россіянку: лицо ея сіяло неподдѣльной радостью, и она, привѣтливо кивнувъ мнѣ головой, показала руками, что она привѣтствуетъ меня апплодисментами. Я выпила стаканъ воды, чтобы сколько-нибудь ободриться, но это

---

[1]) Я имѣю честь представить здѣсь педагогическое дѣло, созданное частной инціативой; оно имѣетъ право на ваше вниманіе благодаря оригинальности своей организаціи, своему методу обученія и своему общественному значенію.

[2]) Намъ, французамъ, недостаетъ женщинъ.

мало помогло мнѣ. Я поняла въ эту минуту, что счастье обезсиливаетъ человѣка точно такъ же, какъ и горе, и состояніе, въ которомъ находилась я, мнѣ живо напомнило женскій конгрессъ, фіаско Ананьевой и мое душевное утомленіе, граничащее съ настоящимъ.

Было еще нѣсколько докладовъ, но ни одинъ изъ нихъ не произвелъ на меня особеннаго впечатлѣнія и не вывелъ меня изъ апатіи, смѣнившей мою предшествующую бодрость. И только по окончаніи конгресса всѣ тѣ похвалы, которыя мнѣ пришлось слышать со всѣхъ сторонъ, снова подняли мои нервы и заставили меня оживиться.

— Я никогда не слышалъ,—говорилъ мнѣ съ одушевленіемъ секретарь Масе,—чтобы женщина-иностранка до такихъ тонкостей проникла въ тайны интонаціи французскаго языка и такъ краснорѣчиво изложила на немъ движеніе русской жизни.

— А еще робѣли!—подсмѣивалась надо мной привѣтливо дама-француженка.—Можно подумать, что вы просто кокетничали своимъ мнимымъ незнаніемъ французскаго языка.

— Очень, очень недурно! Я даже никакъ не ожидала этого,—говорила мнѣ моя «зловредная переводчица» съ снисходительной улыбкой.

— Мало сказать—недурно,—совсѣмъ хорошо, прекрасно!—возразила ей А. Ф. Тимоѳеева съ несвойственнымъ ей по отношенію ко мнѣ одушевленіемъ.

Какіе-то незнакомые мнѣ господа тоже подходили ко мнѣ, жали мнѣ руку и говорили слова привѣта.

Въ то время, какъ меня окружали знакомые и незнакомые люди, какой-то молодой человѣкъ средняго роста, съ необычайно поэтической наружностью направлялся, очевидно, ко мнѣ. Его каштановые волосы падали длинными прядями назадъ, и лучезарные глаза свѣтились какимъ-то особеннымъ вдохновеніемъ. Онъ подошелъ ко мнѣ нервною походкою и сказалъ глубоко взволнованнымъ голосомъ: «если бы я могъ вдохнуть живую душу въ моего мраморнаго Песталоцци, онъ, навѣрное, чувствовалъ бы тотъ самый душевный трепетъ, который чувствовалъ я при чте-

нiи вашего доклада, но такъ какъ я не въ силахъ сдѣлать этого, то примите отъ меня, по крайней мѣрѣ, этотъ блѣдный снимокъ съ моего творенiя, надъ которымъ я провелъ много безсонныхъ ночей, силясь придать ему ту глубину идеи, какою былъ проникнутъ великiй педагогъ-мыслитель моей родины».

И онъ поспѣшно досталъ изъ своего бумажника фотографическiй снимокъ.

Я съ признательностью приняла этотъ дорогой для меня знакъ вниманiя и сказала ему глубоко взволнованнымъ голосомъ: «вы напрасно думаете, что не вложили въ ваше творенiе живую душу; душа эта просвѣчиваетъ въ каждой складкѣ лица мраморнаго Песталоцци и производитъ глубокое впечатлѣнiе на посторонняго зрителя. Въ то время, какъ я читала мой докладъ, мнѣ казалось, что лицо это смотритъ на меня и ободряетъ меня ласковой улыбкой, и, быть-можетъ, успѣхомъ моимъ я въ значительной степени обязана этой свѣтлой иллюзiи».

Я заснула въ этотъ день вечеромъ тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ, какъ спятъ обыкновенно люди съ потрясенной нервной системой. Въ этихъ горячечныхъ видѣнiяхъ мнѣ представлялся то Масе, произносящiй печально свою знаменательную фразу: «il nous manque des femmes», то ораторъ-американецъ, оглашающiй залу своимъ громкимъ и выразительнымъ голосомъ, то лиловый балахонъ, превращающiйся въ огромнаго мѣднаго Будду,—того самаго Будду, который то улыбался мнѣ съ презрѣнiемъ, то ободрялъ меня взглядомъ своихъ узкихъ глазъ. Мнѣ представлялась также статуя свободы въ видѣ той самой изящной француженки, которая такъ прекрасно нарисовала предъ нами картину школьнаго обученiя въ свободной странѣ, и надъ всѣмъ этимъ парилъ великiй духъ Песталоцци въ образѣ мраморнаго изваянiя, созданнаго рукою художника, рожденнаго этой свободной страной.

Конгрессъ частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованiя длился двое сутокъ, отъ 10 до 6 ч. ежедневно съ небольшими перерывами для завтрака. Легко представить

себѣ, сколько интересныхъ и дѣльныхъ докладовъ было сдѣлано за это время, и ужъ, конечно, не въ моихъ бѣглыхъ замѣткахъ передать все то, что послужило ихъ содержаніемъ! Мнѣ хочется только сказать еще, что Масе былъ неподражаемъ на этомъ международномъ конгрессѣ, онъ, семидесятилѣтній старецъ, не покидавшій мѣста предсѣдателя отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера, бодрый, энергичный, отзывчивый, царившій надъ всѣми и всѣмъ.

Онъ весь былъ проникнутъ желаніемъ, чтобы конгрессъ этотъ произвелъ на насъ самое благопріятное впечатлѣніе и сблизилъ всѣхъ насъ по мѣрѣ возможности. Съ этою цѣлью онъ устраивалъ совмѣстные завтраки, на которыхъ самъ онъ былъ оживленъ и говорливъ, какъ 18-лѣтній юноша, затѣялъ банкетъ въ концѣ конгресса и, кромѣ того, какъ-то во время перерыва предложилъ намъ осмотрѣть сенатъ въ сопровожденіи друга своего сенатора.

Конгрессъ закончился банкетомъ, хотя, какъ мнѣ кажется, названіе это слишкомъ громко для нашего скромнаго пиршества. Въ извѣстный день и часъ въ ресторанѣ Corazza въ Пале-Ройялѣ былъ устроенъ общій обѣдъ всего по 10 франковъ съ персоны, въ которомъ приняли участіе многіе изъ членовъ конгресса и представители прессы различныхъ странъ. Заговоривши объ этихъ представителяхъ, я скажу кстати, что чрезвычайно была поражена однимъ обычаемъ, который не встрѣчается у насъ, на Руси. Подводя ко мнѣ безпрестанно сотрудниковъ разныхъ газетъ и журналовъ, Масе называлъ ихъ сперва по имени, а затѣмъ, сказавъ нѣсколько лестныхъ словъ по моему адресу, добавлялъ громко и радушно, обращаясь къ нимъ: «позвольте надѣяться, что вы будете пропагандировать въ вашемъ журналѣ прекрасное дѣло, которому служитъ г-жа Алчевская».

Въ первую минуту меня даже шокировало это, а затѣмъ я вдругъ поняла, что обычай этотъ вполнѣ нормаленъ и хорошъ, и почему же въ самомъ дѣлѣ не пропагандировать въ печати честнаго предпріятія?

На обѣдъ собрались попреимуществу знакомыя лица: здѣсь былъ опять и бельгіецъ, другъ Масе, и рыжеватый

англичанинъ, и желтолицый японецъ, и китаецъ въ своемъ лиловомъ балахонѣ, и А. М. Калмыкова и барыня эмигрантка, и моя «зловредная переводчица» и многіе другіе.

Когда возвѣстили о томъ, что обѣдъ готовъ, Масе направился въ мою сторону и предложилъ мнѣ руку. Двигаясь въ этой общей процессіи подъ руку съ Жаномъ Масе, я чувствовала себя необычайно гордой и счастливой. Онъ довелъ меня до прибора, на которомъ былъ положенъ билетикъ съ моимъ именемъ, написанный его почеркомъ, и усаживая меня любезно возлѣ своего стараго друга, сенатора, сказалъ улыбаясь: «мы будемъ сидѣть vis-à-vis съ вами, такъ очень удобно разговаривать; рядомъ же со мной намѣченъ приборъ другой дамы». Я не безъ зависти взглянула, кого именно выбралъ Масе, и была пріятно поражена, увидѣвъ рядомъ съ нимъ лиловый балахонъ китайца. Онъ улыбался своей милой улыбкой, благодарилъ за честь, оказанную ему иниціаторомъ конгресса, и, когда дошла до него очередь произнести тостъ, онъ былъ остроуменъ и находчивъ, какъ всегда.

Тостовъ произносилось очень много; это опять былъ тотъ же конгрессъ, но конгрессъ оживленный, остроумный, съ короткими блестящими рѣчами и ораторскимъ паѳосомъ. Одна только барыня-эмигрантка лишена была чувства мѣры и, неловко вытащивъ изъ кармана цѣлую тетрадочку, начала продолжительное чтеніе по ней. Она читала, конечно, о Россіи и, вѣроятно, метала громы и молніи въ нее, какъ можно было судить по ея злобнымъ взглядамъ и раздражительному тону голоса. Она сидѣла отъ меня довольно далеко, говорила въ высшей степени невнятно, какъ-то шамкая своимъ беззубымъ ртомъ. Съ одной стороны, мнѣ было невыносимо жаль ее,—ее, какъ-то особенно принаряженную для сегодняшняго торжества и, быть-можетъ, отличавшуюся нѣкогда краснорѣчіемъ; съ другой стороны, мнѣ было больно за родину и за то, что именно эта злобная женщина является ея представительницей.

Во время пребыванія моего въ Парижѣ мнѣ неразъ приходилось переживать душевныя страданія при глумленіи и издѣвательствѣ россіянъ надъ своей родиной, и ни-

когда, казалось мнѣ, не любила я такъ этой бѣдной родины, какъ въ эти тяжелыя минуты. Тамъ, дома, у себя, мнѣ самой неразъ приходилось негодовать и протестовать противъ разнаго рода реформъ и мѣропріятій, но здѣсь, при чужихъ людяхъ, мнѣ страстно хотѣлось выставить только свѣтлыя стороны этой бѣдной родины. Такъ иногда, посылая упреки нѣжно любимой матери, вы не позволите, однако, другому нанести ей ни малѣйшей обиды, и эта обида проникнетъ вамъ въ самое сердце. Какъ-то во время завтрака въ гостиницѣ, въ которомъ принимали участіе многіе изъ членовъ конгресса, одна изъ русскихъ дамъ, начавъ свою рѣчь словами «nous autres socialistes», продолжала crescendo свои глумленія надъ Россіей. Почтенный старикъ-сенаторъ, сидѣвшій отъ меня по лѣвую руку, очевидно, слѣдилъ за выраженіемъ моего лица и, наклонившись ко мнѣ, сказалъ тихо, съ сочувствіемъ: «Я вижу, что рѣчь эта доставляетъ вамъ страданіе, и я понимаю васъ».

Конгрессъ кончился. Масе уѣхалъ куда-то неподалеку отъ Парижа и только изрѣдка посѣщалъ его на самое короткое время, но все-таки время отъ времени выказывалъ по отношенію ко мнѣ признаки расположенія и вниманія; такъ, напр., онъ прислалъ мнѣ свою автобіографію, прислалъ портретъ съ сердечной надписью, наконецъ, карикатуру «Les hommes d'aujourd'hui. Jean Macé». Но когда я, пріобрѣтя его полную біографію, отправила ее къ нему съ просьбою надписать свое имя, онъ отвѣчалъ: «Impossible à moi de rien écrire sur se livre, qui n'est pas de moi, et qui est un éloge continuel de moi. Jean Macé».

Я нахожу, что эти нѣсколько словъ чрезвычайно характеризуютъ его скромность и искренность.

Наканунѣ моего отъѣзда К. сказала мнѣ съ упрекомъ: «Почему вы никогда не пригласили къ себѣ Масе? Онъ намекалъ мнѣ даже, что очень радъ былъ бы посѣтить васъ, но вы ни сами не приходите къ нему, ни его не зовете къ себѣ».

Правда, я ниразу послѣ конгресса не была у него, боясь быть навязчивой, посягая на его кратковременные наѣзды въ Парижѣ; мысль же пригласить его къ себѣ

какъ-то совершенно не приходила въ мою затуманенную голову. Только въ эту роковую минуту я почувствовала всѣми силами своей души, что лишилась навѣки чего-то необычайно желаннаго и дорогого для меня.

А между тѣмъ въ эту минуту все было кончено, и отъѣздъ висѣлъ надъ моей головой, какъ нѣчто неотразимое и неизбѣжное. Давно ли, слѣдя за отъѣзжающими изъ Парижа экипажами, нагруженными обыкновенно сундуками, саквояжами и картонками, я думала съ радостью и гордостью: «уѣзжайте, уѣзжайте себѣ, а у меня впереди *3 мѣсяца!*» И эти 3 мѣсяца представлялись мнѣ цѣлой жизнью, полной чего-то невѣдомаго, трепетнаго и прекраснаго. И вдругъ теперь эту минуту я должна была назвать «наканунѣ отъѣзда». Она подкралась ко мнѣ какъ-то неожиданно, предательски, какъ подкрадывается смерть къ человѣку, полному еще здоровья, надеждъ и силъ, и также неотступно и безпощадно стояла надо мною, не желая входить въ какіе бы то ни было компромиссы.

Въ половинѣ августа я получила телеграмму изъ дому,— ту самую пріятную телеграмму о пріѣздѣ близкихъ мнѣ людей, которую я напрасно ждала съ такимъ трепетомъ наканунѣ своихъ именинъ и которая теперь заставила упасть мое сердце.

— Они ѣдутъ увезти меня отсюда,—назойливо болѣло во мнѣ,—и, быть-можетъ, увезутъ недѣлей ранѣе, во имя моихъ семейныхъ и материнскихъ обязанностей.—Нѣтъ, я не уступлю имъ этой недѣли, это выше моихъ силъ! Пусть назовутъ меня плохой матерью, я не въ состояніи принести этой жертвы!

Но они не только не отняли у меня моей законной недѣли,—они набавили мнѣ еще одну до 2 сентября и обращались со мной кротко и ласково, какъ съ больнымъ и избалованнымъ ребенкомъ. Не будь этого кроткаго и ласковаго обращенія, не будь этихъ «жалкихъ словъ» по поводу моихъ обязанностей матери, проскользни въ ихъ отношеніяхъ ко мнѣ хоть малѣйшее насиліе и грубость,—съ моей стороны, навѣрное, явился бы самый рѣшительный протестъ, но они, что называется, обошли меня этой лаской

и увезли, не давая времени очнуться, призадуматься и протестовать.

И въ самомъ дѣлѣ, почему не могли они подарить мнѣ эти полтора мѣсяца? Кому они были такъ дороги и необходимы, какъ мнѣ? Въ чьей жизни они могли играть такую огромную роль? Сколько новыхъ встрѣчъ, сколько упроченныхъ дружескихъ связей могли бы дать мнѣ эти полтора мѣсяца, не нарушивъ ни чьего счастья и благополучія! Но эти мысли протеста явились у меня уже тогда, когда я проснулась въ Харьковѣ отъ своего волшебнаго сна и чувствовала, что надъ душой моей совершено насиліе; накануне же этого рокового отъѣзда я находилась точно въ чаду.

«Что мнѣ еще нужно сдѣлать, что особенно важно сдѣлать для книги?» мучительно думала я, просыпаясь на другой день.

— Да, нужно заказать дощечку, на которой было бы выбито «diplome d'honneur», какъ учили меня; она понадобится послѣ офиціальнаго объявленія наградъ; меня не будетъ уже тогда, а К., пожалуй, не распорядится.

Меня не будетъ... но какъ можетъ меня не быть,—не быть возлѣ книги въ этотъ моментъ ея торжества?.. Да, не будетъ, я умру, это неизбѣжно, этого нельзя остановить; сундуки уложены; меня ждетъ свадьба; меня назовутъ жестокой, безсердечной матерью и будутъ правы. Никто не пощадитъ во мнѣ инстинктовъ общественнаго дѣятеля, готоваго отдать всю жизнь за полтора мѣсяца кипучей, нервной пропаганды во имя знамени, которое держитъ онъ въ рукахъ...

Съ такими мыслями подъѣзжала я къ знаменитому мастеру изящныхъ вывѣсокъ и, войдя въ его мастерскую, объяснила, въ чемъ дѣло.

— Я вижу, что вы желаете нѣчто особенно изящное,— сказалъ онъ, раскладывая симметрично на дорогомъ малиновомъ плюшѣ прекрасныя золоченыя буквы,—но это будетъ стоить 80 франковъ.

«Какъ похоже на гробъ! думала я въ эту минуту, вперивъ почти безумный взоръ въ этотъ малиновый плюшъ

съ золотомъ, и если бы мастеръ-французъ назначилъ мнѣ не 80, а 800 франковъ, я, навѣрное, охотно отдала бы ему ихъ, повторяя съ отчаяніемъ: «послѣдній долгъ, послѣдній долгъ!»

Въ это же утро былъ назначенъ завтракъ Познанскому, генеральному комиссару нашего русскаго отдѣла, и я въ высшей степени сочувствовала этой заслуженной оваціи. Несмотря на то, что завтракъ этотъ происходилъ за два, за три часа до отхода поѣзда, я приняла въ немъ самое живое участіе, и онъ явился послѣднимъ торжествомъ моего пребыванія въ Парижѣ.

Оскорбленный, приниженный, нервно разстроенный, благодаря нечестнымъ инстинктамъ нѣкоторыхъ экспонентовъ, жаждущихъ высшихъ наградъ, Познанскій былъ совершенно растроганъ этой неожиданной оваціей, и когда одинъ изъ представителей читалъ ему адресъ, составленный съ большой теплотой и чувствомъ, онъ, закрывшись платкомъ, рыдалъ, какъ ребенокъ, въ то время, какъ его красавица-дочь, свѣжая и цвѣтущая, какъ весна, принимала, улыбаясь, букеты цвѣтовъ, подносимые ей со всѣхъ сторонъ.

Я не скажу, чтобы завтракъ этотъ былъ проникнутъ тѣмъ идейнымъ духомъ, который захватывалъ всю мою душу на обѣдѣ Масе; здѣсь были попреимуществу представители крупныхъ коммерческихъ предпріятій и фирмъ, и хотя въ рѣчахъ ихъ было много ума, достоинства и мысли, я все-таки чувствовала себя одинокой, и только сосѣдство графа Замойскаго парализовало это чувство. Онъ былъ въ высшей степени привѣтливъ и оживленъ, и теперь, когда награды экспонентовъ были уже выяснены, мысль объ искательствѣ не преслѣдовала меня болѣе. Я чувствовала право говорить съ нимъ вполнѣ свободно и широко воспользовалась этимъ правомъ. Мы говорили безъ-умолку и о Россіи, и о выставкѣ, и о книгѣ «Что читать народу», и о пережитыхъ нами сообща тревогахъ и волненіяхъ, и, несмотря на то, что я еле дотрогивалась губами до шампанскаго при всѣхъ этихъ многочисленныхъ и почти чуждыхъ мнѣ тостахъ, я чувствовала какое-то нравственное

опьянѣніе отъ чарующихъ рѣчей этого симпатичнаго мнѣ человѣка.

И вдругъ мнѣ непреодолимо захотѣлось выдвинуться среди всѣхъ этихъ коммерческихъ стремленій и мѣропріятій и сказать нѣсколько словъ о дорогомъ и близкомъ мнѣ дѣлѣ. Испросивъ право произнести тостъ у П., сидѣвшаго отъ меня слѣва, я встала, подняла бокалъ, и громко и отчетливо произнесла слѣдующее:

«Очутившись въ огромномъ храмѣ науки, искусства и промышленности Парижской всемірной выставки, я чувствовала себя очень маленькой и одинокой съ моимъ скромнымъ школьнымъ дѣломъ, хотя въ то же время и признавала его грандіознымъ и великимъ. Я страшилась остаться вполнѣ незамѣченной въ этомъ хаосѣ человѣческаго труда и усилій, страшилась, что никто не обратитъ вниманія на мою многолѣтнюю школьную работу и не дастъ ей должной оцѣнки. Но среди этого торжества торговли и промышленности нашлись все-таки отзывчивые люди, способные откликнуться на благородное усиліе просвѣтить темныя массы нашего темнаго народа. Оторвавшись отъ своихъ многочисленныхъ дѣлъ и занятій, они вникли въ сущность этого важнаго вопроса, остановились внимательно надъ трудомъ человѣка, отдавшаго ему всю жизнь, произнесли надъ нимъ справедливый приговоръ,—и я выхожу изъ этого храма подъ самыми свѣтлыми впечатлѣніями, благословляя чуткость этихъ отзывчивыхъ и честныхъ людей».

Громъ рукоплесканій покрылъ мои послѣднія слова. Этотъ идейный тостъ, ворвавшись какъ-то неожиданно среди тостовъ иного характера, произвелъ огромное впечатлѣніе: ко мнѣ подходили, благодарили, высказывали сочувствіе, цѣловали руку, и я въ какомъ-то чаду спустилась съ лѣстницы и очутилась среди зелени, цвѣтовъ и фонтановъ, ведущихъ въ Arts libéraux.

Все въ томъ же чаду подошла я въ послѣдній разъ къ своему завѣтному столу, покрытому малиновой скатертью,—и вдругъ приливъ неудержимыхъ рыданій охватилъ меня съ такой силой, что бѣдная К., блѣдная и тре-

пещущая, совсѣмъ растерялась и, ведя меня подъ руку на улицу, повторяла дрожащимъ голосомъ: «Христина Даниловна! Клянусь вамъ Богомъ, я буду приходить сюда каждый день, я постараюсь всѣми силами замѣнить васъ! Ради Бога не плачьте, не терзайте меня!»

А я, между тѣмъ, ненавидѣла ее въ эту минуту и, глядя съ негодованіемъ и презрѣніемъ на эту ни въ чемъ неповинную дѣвушку, думала съ отчаяніемъ: «Она замѣнитъ меня! Она при моей книгѣ!» И я чувствовала то, вѣроятно, что чувствуетъ умирающая мать, оставляя нѣжно любимыхъ дѣтей на руки чужой имъ женщины.

Изъ дневника.

(Посвящается памяти Н. А. Варгунина).

Жизнь пріучаетъ насъ къ утратамъ и потерямъ, но есть утраты настолько тяжелыя, что помириться съ ними, привыкнуть къ нимъ почти невозможно. Такою именно утратою явилась для насъ смерть выдающагося общественнаго дѣятеля—Николая Александровича Варгунина, скончавшагося 8 сентября 1897 г., 45 лѣтъ отроду. Человѣкъ этотъ былъ полонъ еще жизни, силъ и энергіи и сошелъ съ поля общественной дѣятельности въ день закладки того грандіознаго учрежденія, которое являлось для него излюбленнымъ дѣтищемъ, осуществившейся мечтою многихъ лѣтъ. Впрочемъ, одинъ ли народный театръ обязанъ ему своею жизнью?! Мы видимъ рядъ просвѣтительныхъ учрежденій, въ которыхъ глубокочтимый Николай Александровичъ былъ иниціаторомъ и душою.

Скорбно переживая эту тяжелую утрату, я прежде всего останавливаюсь мыслью на дѣлѣ, особенно близкомъ мнѣ,—на воскресной школѣ. Помню, я встрѣтилась въ первый разъ съ Николаемъ Александровичемъ много лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ. И тогда уже (это было въ 1881 г.) за нимъ прочно установилась репутація выдающагося общественнаго дѣятеля. Онъ привѣтливо выдалъ мнѣ входной билетъ на посѣщеніе такъ называемыхъ участковыхъ воскресныхъ школъ. Школы эти не удовлетворили меня, о чемъ я и говорила подробно Н. А. Помню, съ какимъ вниманіемъ слушалъ онъ меня; съ какимъ интересомъ разспрашивалъ о нашей воскресной школѣ, какъ говорилъ, что пріѣдетъ къ намъ поучиться. Скромность, мягкость и

гуманность были отличительными чертами этой глубоко благородной натуры. И дѣйствительно, онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе побывать въ Харьковѣ. Безъ красивыхъ фразъ, безъ апломба столичнаго дѣятеля, онъ серьезно и внимательно изучилъ малѣйшія детали интересовавшаго его дѣла. Онъ не только присутствовалъ на урокахъ, не только посѣщалъ наши педагогическія собранія, но каждая отчетная тетрадка, каждый статистическій бланкъ привлекали его вниманіе. Собственно говоря, Харьковъ не могъ дать ему ничего новаго,—это былъ человѣкъ вполнѣ сложившійся, съ установившимися убѣжденіями, съ педагогическимъ опытомъ, со свѣтлыми планами, постоянно созрѣвавшими въ его свѣтлой головѣ, но его посѣщеніе провинціальнаго города Харькова какъ-то согрѣло всѣхъ насъ и ободрило.

По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ открылъ тамъ воскресную школу на Шлиссельбургскомъ трактѣ. Впрочемъ, говоря «школу», я выражаюсь неправильно: Николай Александровичъ организовалъ у себя цѣлый рядъ воскресныхъ школъ, мужскихъ и женскихъ, для подростковъ и взрослыхъ, съ цѣлымъ сонмомъ учителей и учительницъ. Получивъ самъ университетское образованіе, Н. А. свято чтилъ науку и придавалъ огромное значеніе образованности. Вотъ почему, всматриваясь въ составъ преподавателей всѣхъ воскресныхъ школъ въ Россіи, мы видимъ только въ воскресныхъ школахъ Фарфоровскаго попечительства людей исключительно съ высшимъ образованіемъ. А какъ подобные люди нужны народу, какъ сознательно идутъ они служить ему, какъ умѣло и толково отвѣчаютъ на его духовные запросы!.. Н. А. какъ нельзя лучше сознавалъ это и глубоко цѣнилъ своихъ друзей—товарищей по дѣлу. Вся душа его была отдана этому дѣлу, но, входя въ школу, вы не видѣли ни инициатора, ни распорядителя: какой-то симпатичный человѣкъ, съ умными и добрыми глазами и широкой добродушной улыбкой, суетился и бѣгалъ по школѣ съ дневниками, бумагами, отчетами. Онъ силился, такъ сказать, обнять весь строй школьной жизни и вдохнуть въ него душу живу.

Находясь подъ впечатлѣніями тяжелой утраты и пересматривая мои школьные дневники, я встрѣтила нѣсколько страницъ, посвященныхъ школѣ Н. А. Варгунина въ первый годъ ея существованія (1882 г.). Вотъ что писала я тогда:

«Побывавъ въ школѣ Варгунина, я узнала, что въ 1 день записалось 150 учениковъ отъ 15 до 40-лѣтняго возраста; второе и третье воскресенья посѣщались довольно аккуратно и охотно; четвертое же воскресенье заставляло задуматься, соберутся ли на этотъ разъ ученики, такъ какъ со дня открытія школы рабочіе на фабрикѣ въ первый разъ получали жалованье (событіе, сопровождаемое обыкновенно чуть не поголовнымъ пьянствомъ). Я не могла не замѣтить, что Н. А. Варгунина немало волновало это обстоятельство. Онъ уговаривалъ меня остаться до слѣдующаго воскресенья, но мы должны были выѣхать не позднѣе субботы, и я рѣшила быть въ школѣ хотя бы и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

«Когда мы вошли въ школу въ 12 ч., въ ней не было еще ни одного ученика (въ Петербургѣ воскресныя занятія начинаются въ 1 ч. и оканчиваются въ 4 ч.), но тамъ суетилась уже распорядительница-учительница, очиняя карандаши и сводя счеты за покупку перочинныхъ ножей и пр. Въ другой комнатѣ расхаживалъ учитель, человѣкъ не первой молодости, заложивъ руки за спину и, видимо, погруженный въ какія-то соображенія. Въ третьей комнатѣ двѣ молодыя дѣвушки съ розовыми отъ мороза щеками (онѣ только что пріѣхали по конкѣ за 10 верстъ) оживленно спорили съ молодымъ человѣкомъ-учителемъ.

«— Конечно, къ вамъ придутъ,—говорилъ онъ горячо, продолжая начатый споръ, — вѣдь у васъ нѣтъ старше 16 лѣтъ! Въ эти годы рѣдко бываютъ пьяницами!

«Въ 4 комнатѣ мы увидѣли Н. А. Варгунина и двухъ священниковъ-законоучителей школы. Здѣсь тоже продолжался начатый разговоръ. Не желая мѣшать имъ, мы быстро прошли въ другую комнату. Наконецъ появился первый ученикъ, въ розовой рубахѣ, съ краснымъ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ, съ блѣднымъ одутловатымъ лицомъ и

сонливымъ видомъ, лѣтъ 15—16. Мальчикъ этотъ оказался ученикомъ именно той учительницы, которой учитель предрекалъ завистливо удачу. Вслѣдъ за нимъ появился другой, третій, и въ половинѣ перваго, раньше, чѣмъ нужно, образовалась группа въ полномъ своемъ составѣ. Учительница ходила счастливая и улыбающаяся; учитель съ видимымъ нетерпѣніемъ поглядывалъ на входную дверь. Наконецъ потянулись и взрослые, бородатые ученики; они входили чинно, точно въ церковь, широко крестились и тихо садились на мѣста. Въ 1 часъ въ школѣ оказалось около 10 преподающихъ, 70 учащихся и нѣсколько человѣкъ, заинтересованныхъ дѣломъ и близко стоящихъ къ нему.

«Меня пригласили на урокъ учителя не первой молодости. Предъ нами предстала аудиторія, гдѣ находилось отъ 25 до 30 взрослыхъ людей; всѣ они поступили неграмотными. Рядомъ со смуглымъ человѣкомъ со впалыми щеками, но богатырскими плечами и грудью, сидѣлъ худощавый малый, такъ прилежно выводившій буквы на доскѣ, что сосѣда его, видимо, разбирала зависть, и, когда я взглянула въ ихъ работу, онъ не выдержалъ и замѣтилъ какъ бы въ свое оправданіе: «Ему хорошо—онъ у станка стоитъ, а у насъ работа кузнечная, тяжелая; черезъ это никакъ съ пальцами не совладаешь!» За ними сидѣлъ мужикъ съ бородой, похожій на кучера, далѣе—толстый, приземистый человѣкъ лѣтъ сорока. Крупныя капли пота выступили у него не то отъ напряженія, не то оттого, что онъ былъ одѣтъ въ какое-то теплое пальто и подпоясанъ, какъ это дѣлаютъ мелкіе торгаши на морозѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ молодцеватый парень въ красной рубахѣ и блестящихъ лакированныхъ сапогахъ. Всѣ они напряженно сосредоточились на одной точкѣ—на классной доскѣ и были, очевидно, одушевлены одной цѣлью—научиться грамотѣ. «А отчего твоего товарища нѣтъ?» спрашивалъ учитель пожилого человѣка, очень приличнаго вида, когда мы входили въ классъ. Тотъ минуту помолчалъ, собираясь, видимо, съ духомъ, а затѣмъ сказалъ не безъ запинки: «Признаться, выпивши... жена не пустила, говоритъ: что ты

пойдешь школу срамить!» — «А почему нѣтъ такого-то?» спросилъ учитель, называя ученика по фамиліи и, видимо, довольный, что у него не достаетъ сегодня всего 2—3 учениковъ. «Въ рекруты взяли, гуляетъ», отозвался кто-то печально.

«Учитель подошелъ къ классной доскѣ и начертилъ букву. «Что это такое?» — «М», пробасила аудиторія. Онъ написалъ другую. «А это?» — «а». — «Вмѣстѣ?» — «Ма». Учитель поставилъ черточку. «Это?» — «ша». — «Это?» — «а». — «Вмѣстѣ?» — «ша». — «Прочитайте все слово». — «Ма-ша», читали раздѣльно, но сознательно ученики. «Теперь напишемъ другое слово». — «Напишемъ», отозвался кто-то, весь погруженный, очевидно, въ работу. «Это?» — «ш». — «Это?» — «и». — «Вмѣстѣ?» — «ши». — «Это?» — «л». — «Это?» — «а». — «Вмѣстѣ?» — «ла». — «Прочитаемте все вмѣстѣ». — «Ма-ша ши-ла». — «Что вышло?» — «Маша шила», произносятъ ученики вполнѣ сознательно и довольные результатами работы. То же было написано у нихъ и въ тетрадяхъ. Учитель придерживается «Новой азбуки» Толстого и, очевидно, слѣдуетъ буквослагательному способу. На каллиграфію онъ не обращаетъ вниманія, и потому ученики пишутъ некрасиво. Но кто былъ у него въ классѣ, кто видѣлъ оживленіе, которое не покидаетъ его ни на минуту, кто слѣдилъ, какъ умѣетъ онъ ободрить, обласкать взрослаго человѣка, тотъ проститъ ему это отсутствіе новшествъ, тѣмъ болѣе, что его многочисленная аудиторія на пятое воскресенье вполнѣ сознательно читаетъ и пишетъ фразы въ два и три слова, составленныя, разумѣется, изъ знакомыхъ ей буквъ. Что же дѣлаетъ этотъ учитель съ пропустившими или отставшими учениками, чтобы они не тормозили класса? О, на это у него много средствъ: во-первыхъ, каждое воскресенье одинъ часъ онъ посвящаетъ исключительно повторенію пройденнаго; во-вторыхъ, предлагаетъ болѣе слабымъ ученикамъ оставаться послѣ четырехъ часовъ и, наконецъ, совѣтуетъ забѣгать къ кому-либо изъ преподающихъ на часокъ, другой вечеркомъ впродолженіе недѣли. И вотъ, такъ или иначе, вы видите передъ собою совершенно ровный классъ. «Слушайте, ребята, — говоритъ учитель на второмъ часѣ,

обращаясь вполнѣ дружески къ своей аудиторіи, — подождемъ, что ли, товарищей, которые нынче не пришли, или нѣтъ?» — «Зачѣмъ ждать, не нужно», замѣчаетъ одинъ изъ учениковъ. «Они будутъ баловаться, а ты жди!» добавляетъ другой. «Нѣтъ, ужъ вы дальше покажите, сдѣлайте милость!» говоритъ третій. «Какъ еще двѣ буквы узнаемъ, веселѣе дѣло пойдетъ!» добавляетъ четвертый. «Я и самъ, братцы, признаться сказать, такъ думаю,—замѣчаетъ учитель и идетъ притворить дверь въ другую комнату, откуда доносится громкій голосъ учителя.—Слышите, тамъ «молодецъ» кому-то говорятъ; значитъ, хорошо идетъ!» говоритъ онъ весело. «Нѣтъ, я такъ замѣчаю, что у насъ *тверже* идетъ», отвѣчаетъ одинъ изъ пожилыхъ учениковъ съ чувствомъ гордости за свой классъ. «Выходите, господа, по очереди къ доскѣ», говоритъ дружески учитель. Первымъ выходитъ старательный кузнецъ съ одеревянѣлыми пальцами. Онъ беретъ мѣлъ, нервно улыбается и не рѣшается поднять руку для проведенія первой черты. «Ничего, ничего, смѣлѣе!—одобряетъ его учитель, похлопывая пріятельски по плечу.—Ну, не такъ выведешь, что за бѣда! Разъ не такъ, другой не такъ, а послѣ и такъ. Сразу ничему нельзя научиться». Кузнецъ рѣшается и выводитъ пребезобразную букву, но никто не смѣется, каждый погруженъ въ собственныя каракули на тетрадяхъ.

«Ариѳметикѣ учитель тоже учитъ по-своему: каждый ученикъ вооруженъ счетами, а учитель—кускомъ мѣла. Онъ пишетъ на классной доскѣ то, что ученики кладутъ на счетахъ, объясняетъ значеніе мѣстъ въ нумераціи, значеніе нуля, и, такимъ образомъ, ученики дошли теперь, въ пятое воскресенье, до 1.000 и, къ своему величайшему удовольствію, умѣютъ писать ее.

«Ознакомясь въ достаточной степени съ пріемами преподаванія талантливаго учителя, я перешла въ смежный классъ. Тутъ занималась одна изъ опытныхъ учительницъ городскихъ школъ, не первой молодости. Группа ея состояла изъ подростковъ и взрослыхъ. Она толково и увѣренно вела классъ. Въ эту минуту дверь пріотворилась; какая-то полупьяная физіономія заглянула въ нее и, сдѣ-

лавъ учительницѣ вызывающій знакъ рукою, притворила дверь. Учительница быстро подошла и спросила: «Что вамъ нужно?»—«Простите, матушка,—говорилъ почтительно сиплый голосъ,—нездоровъ я сегодня, хмеленъ; только вы меня, Бога ради, не вычеркивайте: будь я проклятъ—приду въ будущее воскресенье!» Онъ тихонько притворилъ дверь и скрылся. Урокъ кончался. Мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть, что дѣлается у учителя, и я вошла въ его классъ. Онъ предлагалъ своимъ ученикамъ оставаться для занятій на 4 часъ. Оказалось, что желаютъ остаться не только отстающіе, а и весь классъ, за исключеніемъ одного, который, вытянувшись во весь свой огромный ростъ, сказалъ почтительно, какъ маленькій ребенокъ: «Позвольте мнѣ домой уйти: я въ 4 часа гостей къ себѣ позвалъ!»—«Ступайте,—сказалъ весело учитель,—мы будемъ повторять только старое».

Беру еще одну выдержку изъ своего дневника уже за 1889 г., когда я вторично посѣтила воскресную школу Н. А. Варгунина.

«За длиннымъ столомъ, окаймленнымъ скамьями, сидѣло 18 взрослыхъ учениковъ, возрастомъ отъ 20 до 40 лѣтъ. Здѣсь были и безбородые еще парни, и мужчины съ бородами и даже съ просѣдью, и щегольскія синія поддевки, и высокіе сапоги, и потертые пиджаки, и пальто. Однообразіе замѣчалось только въ поворотѣ головы и въ пристально сосредоточенномъ взглядѣ, обращенномъ къ учительницѣ. Передъ классомъ стояла женщина лѣтъ подъ 30, брюнетка, съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ. На столѣ были разложены какіе-то камешки, куски гранита и угля. Она держала въ рукахъ одинъ изъ этихъ кусковъ и объясняла классу его происхожденіе и значеніе. Если хотите, ея оживленный и вдохновенный урокъ носилъ характеръ лекціи, но это не былъ лекторъ-педантъ, недоступный своей аудиторіи; слушатели безпрестанно останавливали ее дѣловыми вопросами и разъясненіями, да и сама учительница, чуткая къ педагогическимъ диссонансамъ, тотчасъ останавливала себя и придавала болѣе популярную форму тому, что прозвучало ей непонятнымъ въ ея собственной литературной

рѣчи или научномъ объясненіи. «Попробуй, какая изъ двухъ солей солонѣе», говоритъ одинъ взрослый ученику другому, подвигая къ нему два куска. «Эхъ, господа, не нашла я для васъ образца гранита, какого искала!» замѣчаетъ учительница, разсматривая принесенную коллекцію камней. «Благодаримъ и за это, Евгенія Александровна», отвѣчаетъ ей чуйка съ бородой. «Нешто мы не видали колоннъ въ Исакіевскомъ соборѣ!» поясняетъ его сосѣдъ.

«Въ это время, пошатываясь и оправляя на себѣ истрепанный сюртукъ, входитъ еще одинъ ученикъ, лѣтъ за 40, съ большой лысиной на головѣ и нѣсколькими уцѣлѣвшими клочьями рѣдкихъ волосъ. Онъ, очевидно, сильно пьянъ, и его умное сморщенное лицо улыбается какъ-то робко и сконфуженно. «Эхъ, Бережковъ, Бережковъ!» говоритъ матерински-укоризненно учительница, покачивая головой. Бережковъ плетется дальше и садится поодаль отъ другихъ, опустивъ сконфуженно голову. Урокъ продолжается. Учительница снова овладѣла вниманіемъ класса и образно и съ увлеченіемъ объясняетъ о доменныхъ печахъ. «Хорошо ли допускать въ классъ пьянаго человѣка? «резонирую я въ это время мысленно, сравнивая школу съ церковью и требуя къ ней тѣхъ же почтительныхъ отношеній. А Бережковъ, между тѣмъ, оправившись отъ перваго конфуза и увлеченный разсказомъ учительницы, поднялъ уже самоувѣренно голову и силится вмѣшаться съ собственнымъ объясненіемъ знакомаго ему, очевидно, дѣла. «Помолчите, Бережковъ, ужъ вамъ нечего нынче много разговаривать», останавливаетъ его дружески учительница. Но ученикъ не унимается: глаза его горятъ лихорадочнымъ огнемъ, щеки покрываются чахоточнымъ румянцемъ, и онъ безцеремонно перебиваетъ рѣчи своими блестящими отвѣтами и разъясненіями. «И чего учишь!» огрызается, наконецъ, парень съ туповатымъ, одутловатымъ лицомъ. «Тебя, что ли, пришли слушать сюда!.. Мы пришли слушать Евгенію Александровну, а не тебя».—«Перестаньте лучше, Бережковъ,—говоритъ кротко учительница.—Въ другой разъ будемъ разговаривать». Ученикъ умолкаетъ и только лукаво улыбается каждый разъ, когда другіе молчатъ или даютъ неудачные

отвѣты. «Вотъ видите, Евгенія Александровна,—отзывается онъ, наконецъ, въ одну изъ такихъ паузъ,—я бъ вамъ отвѣтилъ, а вы приказали молчать, вотъ я и молчу». Его впалые глаза опять загораются лихорадочнымъ блескомъ, и, глядя на это умное сморщенное лицо, подернутое саркастической улыбкой, мнѣ кажется, что передо мной геніальный человѣкъ, и я безконечно понимаю учительницу, допустившую его на этотъ урокъ. Въ эту минуту Бережковъ судорожно схватывается за грудь, и приступъ кашля, зловѣщаго, чахоточнаго кашля, потрясаетъ всю его худую, сгорбленную фигуру. «Не дать ли вамъ воды, Бережковъ?» говоритъ ему участливо учительница, и, глядя на нее, мнѣ невольно вспоминается война и сестры милосердія. «А жизнь—не та же ли война?—скорбно думается мнѣ.—Не та же ли это борьба съ нищетой, порокомъ и страданіемъ и не нужны ли въ ней также сестры милосердія?..»

«Измученный до послѣдней крайности приступомъ кашля, Бережковъ припадаетъ головой къ столу, и трудно рѣшить, спитъ онъ или нѣтъ, между тѣмъ, какъ сестра милосердія, вѣрная своему призванію, продолжаетъ вести урокъ и говоритъ о золотѣ. «Золото, золото...—бормочетъ невнятно Бережковъ.—Много горя на свѣтѣ отъ этого золота.. добываютъ его съ горемъ въ землѣ, добываютъ его съ горемъ на землѣ; должно-быть, самъ дьяволъ придумалъ его...» И онъ опять безсильно опускаетъ голову и какъ будто спитъ. «Не сéребро, а серебрó», поправляетъ онъ опять кого-то. Между тѣмъ учительница, предпославъ чтенію свою прекрасную бесѣду, раздаетъ ученикамъ книгу Баранова и указываетъ страницу, на которой написано: «Кремень и другіе камни». «Глина». «Почва». «Соль». «Металлы». Ученики начинаютъ читать медленно-премедленно, сбиваясь и коверкая слова. «Неужели это малограмотные люди?—съ удивленіемъ думается мнѣ.—Неужели и Бережковъ, произнесшій чуть не лекцію о доменныхъ печахъ, тоже малограмотенъ? Откуда же эти блестящіе отвѣты, доказывающіе умъ и развитіе, эта наблюдательность къ явленіямъ природы и всему, насъ окружающему, это уваженіе къ наукѣ и словамъ наставницы? Неужели все это почерп-

нуто изъ книги жизни и вызвано умѣлымъ преподаваніемъ учительницы, и кто она, наконецъ, эта учительница; откуда въ ней самой столько энергіи и жизни, соединенныхъ съ достоинствомъ, простотой и увѣренностью? Въ ней нѣтъ ни нервности, ни обычныхъ слѣдовъ педагогическаго переутомленія, ни малѣйшей рутинности въ пріемахъ, ни подражательности въ методѣ преподаванія. Откуда все это?.. Нѣтъ, это не просто хорошая учительница, это—человѣкъ, увлеченный излюбленнымъ дѣломъ, человѣкъ, не надломленный жизнью, человѣкъ—учитель по призванію.

«Совершенно очарованная, я вышла изъ класса и подѣлилась громко, при всѣхъ, своими впечатлѣніями съ Н. А. Варгунинымъ.

«Занятія кончились. Я вошла въ общую комнату и застала такую картину: всѣ учителя и учительницы громко разговаривали о пьесахъ Островскаго и о томъ, какую изъ нихъ легче поставить на домашнемъ спектаклѣ въ пользу школы. Николай Александровичъ говорилъ кому-то о значеніи народнаго театра и доказывалъ, что народу нужна не только школа, но и разумныя праздничныя развлеченія».

Мечта его осуществилась. Но въ тотъ день, какъ происходила реальная закладка того, что было его мечтой, не стало радѣтеля народной нужды, не стало дорогого для всѣхъ насъ и глубокочтимаго Николая Александровича. Онъ умеръ одинокимъ человѣкомъ, но какъ велика семья его друзей, почитателей, послѣдователей, какъ искренни, горячи и сознательны слезы, пролитыя надъ его свѣжей могилой!..

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Н. А. Варгунина я поѣхала въ Петербургъ; въ моемъ докладѣ объ этой поѣздкѣ слѣдующія строки посвящены Н. А.:

Петербургскіе друзья оберегали меня отъ всякаго рода непріятностей и, очевидно, изъ пребыванія моего въ Петербургѣ хотѣли устроить праздникъ. Но жизнь врывается насильственно съ тяжелыми впечатлѣніями, и однимъ изъ такихъ впечатлѣній явился разсказъ о преждевременной смерти Н. А. Варгунина. Онъ давно страдалъ болѣзнью сердца, но это сердце, быть-можетъ, долго билось бы еще

любовью къ человѣчеству и состраданіемъ ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, если бы въ области Фарфоровскаго попечительства, на фабрикахъ и заводахъ, близкихъ Варгунину, не произошли стачки рабочихъ. Въ движеніи этомъ оказалось немало взрослыхъ учениковъ-воскресниковъ. Меньше всего въ этомъ можно было обвинить Н. А. Варгунина. Фанатически преданный дѣлу народнаго образованія, онъ до комизма былъ пугливъ и остороженъ. Помню, какъ-то давно, лѣтъ 6—7 тому назадъ, такой характерный случай. Подъ вліяніемъ покойнаго Жана Масе я мечтала осуществить въ Россіи международную лигу образованія и силилась пропагандировать это дѣло среди хорошихъ людей. По пріѣздѣ въ Петербургъ я послала записку Варгунину, въ которой приглашала его записаться въ члены будущей лиги. Не прошло и получаса, какъ Н. А., блѣдный и встревоженный, вошелъ въ мой салонъ. Мы были одни, и онъ могъ говорить совершенно свободно. «Христина Даниловна, что вы затѣяли?! — говорилъ онъ взволнованно, крѣпко сжимая мнѣ руку. — Вѣдь мы съ вами единомышленники; намъ важно, чтобы такъ или иначе насъ не оторвали отъ школьнаго дѣла, отъ просвѣщенія массъ. Къ чему же эта лига, столь прекрасная въ идеѣ и столь невозможная въ Россіи при нашей подозрительной администраціи? Ради Бога, оставьте это! Вотъ вамъ 100 руб.; отправьте ихъ Жану Масе, какъ лепту съ моей стороны на доброе дѣло, но, Христа ради, не записывайте меня въ члены!» Помню, какъ сейчасъ, эту радужную бумажку, оставленную на моемъ столѣ Варгунинымъ, и то горькое чувство, которое наполняло всю меня по уходѣ этого истаго россіянина. Страхъ его казался мнѣ тогда преувеличеннымъ и даже комичнымъ: теперь же онъ получилъ въ моихъ глазахъ самую трагическую окраску.

Кромѣ стачекъ рабочихъ, испугавшихъ правительство, въ заграничныхъ органахъ была напечатана восторженная статья, посвященная Н. А. Варгунину, какъ выдающемуся общественному дѣятелю. И вотъ однажды, въ глубокую полночь, жандармы неожиданно ворвались подъ мирную кровлю Варгунина.

Н. А. былъ одинокимъ человѣкомъ, но и у него были свои личныя нѣжныя привязанности въ образѣ маленькой бѣлокурой дѣвочки, доставшейся ему въ наслѣдство отъ любимой покойной сестры. Сестра умерла отъ чахотки совсѣмъ молодой женщиной и вмѣстѣ со своими нѣжными чертами лица и со своей душевной чистотой передала ребенку слабость, нервность и впечатлительность. Чтобы отходить это нѣжное существо и укрѣпить по мѣрѣ возможности его силы, Н. А. пригласилъ идеальную старушку-тетю и, вручивъ ея попеченіямъ дѣвочку, поселилъ ихъ заграницей. Годъ, проведенный въ теплыхъ краяхъ, имѣлъ благотворное вліяніе на ребенка, и дѣвочку привезли въ Петербургъ въ квартиру Н. А. съ нѣжно порозовѣвшими щечками и пополнѣвшимъ личикомъ. Лучшая комната въ домѣ была отдана ей, этому любимому существу. Свѣтлыя драпри, розовые обои, иллюстрированныя изданія, парижскія игрушки,—все говорило о чисто материнской любви.

И вотъ у двери этой комнаты, этой «святая святыхъ», стояло нѣсколько чужихъ людей—жандармовъ съ тупыми физіономіями и безсердечіемъ грубыхъ невѣжественныхъ людей... Нѣтъ, онъ не пуститъ ихъ въ эту комнату, онъ зашититъ это нѣжное, больное дитя, онъ унизится, онъ упроситъ, онъ отстоитъ силою! Пусть отрываютъ они всюду доски половъ, какъ отрывали въ предыдущихъ комнатахъ; пусть роются во всѣхъ его интимныхъ письмахъ и бумагахъ; пусть посягаютъ на всѣ его сокровища,—лишь бы ему отстоять эту завѣтную комнату...

Но именно это волненіе, эта боязнь и просьбы возбуждаютъ подозрѣніе «синихъ» людей, и они входятъ въ «святая святыхъ» безъ всякой опаски и осторожности. Вмѣсто лампадки, висящей въ углу, вспыхиваютъ свѣчи; вмѣсто ночной тишины раздаются удары, говоръ, шумъ... Еще минута—и дѣвочка, вся перепуганная и трепещущая при видѣ этихъ чужихъ людей и блѣднаго лица дяди, истерически рыдаетъ въ своей розовой постелькѣ, а старая тетя, понявшая вдругъ весь ужасъ происшествія, стоитъ передъ жандармами, точно грозный призракъ, въ одной бѣлой ночной рубахѣ.

«Не угодно ли вамъ одѣться, сударыня!» предлагаетъ одинъ изъ охранителей общественной нравственности. «Одѣться?..—возражаетъ она.—Да развѣ вы люди?.. Слыхали ли вы, что въ старину помѣщики не считали за людей своихъ рабовъ и ни малѣйшимъ образомъ не стѣснялись ихъ присутствіемъ? Они были неправы, поступая такъ; но я права, презирая васъ и ваше гнусное ремесло!..»

«Пожалуйте ключи отъ шкафовъ», обратился къ ней развязно другой жандармъ. «Вотъ они! — сказала злобно женщина, подавая связку ключей. Но когда вы будете рыться въ нашихъ фамильныхъ драгоцѣнностяхъ, принадлежащихъ этому ребенку по наслѣдству,—я буду стоять тутъ же, такъ какъ человѣкъ, роющійся въ чужихъ сундукахъ, способенъ на все»...

А въ то время, какъ смѣлая женщина сражалась съ жандармами и говорила имъ дерзости, въ смежной комнатѣ бѣдный впечатлительный Н. А. ломалъ себѣ руки и говорилъ, рыдая: «Я не сумѣлъ уберечь, я не сумѣлъ оградить ихъ!»—и его больное сердце разрывалось на части.

Было утро, а жандармы все еще рылись подъ мирнымъ кровомъ Варгунина, не находя тамъ ни одной запрещенной строки. Народъ густою толпою окружилъ этотъ домъ и стоялъ, понуря голову. Между народомъ виднѣлась и интеллигенція. Что думала эта толпа, эти рабочіе въ то время, какъ оскорбляли и позорили ихъ благодѣтеля?! Что думали интеллигентные люди, содѣйствовавшіе, быть-можетъ, стачкѣ на фабрикахъ, и не казалось ли имъ все это происшествіе огромной непростительной ошибкой?!.

Припадокъ сердца длился на этотъ разъ у Н. А. дольше обыкновеннаго, но искусству докторовъ удалось привести его къ жизни. Онъ ѣздилъ къ градоначальнику, протестовалъ, объяснялся. Градоначальникъ успокаивалъ его, утѣшалъ, говорилъ, что во всемъ этомъ есть какое-то недоразумѣніе. Друзья также утѣшали Варгунина и ѣздили къ нему. Но припадки сердцебіенія повторялись все чаще и чаще, и 8 сентября онъ покончилъ свои расчеты съ жизнью, которая такъ жестоко и несправедливо истерзала его.

Памяти Е. И. Цвѣтковой.

(Умерла 5 декабря 1911 г.)

Возникновенie частной женской воскресной школы учительницъ въ Харьковѣ относится къ эпохѣ общаго пробужденiя русской жизни въ 60-хъ годахъ. Извѣстно, съ какою энергiей, увлеченiемъ и горячностью интеллигентное общество того времени отнеслось къ воскреснымъ школамъ. Но—увы!—дни ихъ были сочтены, и школы были закрыты. Однако ядро одной изъ нихъ перенесено было въ частную квартиру, и занятiя продолжались до того времени, когда вышло разрѣшенiе вновь открывать воскресныя школы.

Дружный и сплоченный кружокъ харьковскихъ учительницъ рѣшилъ стать на легальную почву и энергично хлопотать о разрѣшенiи школы. Но это было не такъ легко, какъ казалось съ перваго взгляда. Рядъ препятствiй самыхъ неожиданныхъ выросъ передъ нами, и самое главное—это вопросъ о распорядительницѣ школы. Когда мы подали списокъ лицъ, долженствующихъ участвовать въ ней, оказалось, что въ спискѣ этомъ не имѣется ни одного лица достаточно солиднаго, чтобы стать во главѣ такого дѣла, какъ воскресная школа. Такъ было сказано въ офицiальной бумагѣ; частнымъ же образомъ инспекторъ народныхъ училищъ, человѣкъ очень мягкiй и гуманный, рекомендовалъ намъ обратиться къ кому-нибудь изъ администрацiи и просить содѣйствiя въ этомъ дѣлѣ. Какъ на подходящее лицо, онъ указалъ на правителя канцелярiи губернатора М. П. Цвѣткова. Мы обратились къ нему съ нашимъ ходатайствомъ, а онъ указалъ намъ на свою жену, не обнадеживъ насъ окончательно и говоря: «Она такъ скромна и застѣн-

чива, что врядъ ли рѣшится выступить на общественное поприще!» И дѣйствительно, намъ стоило немалаго труда уговорить нерѣшительную Елизавету Ивановну принять участіе въ нашемъ дѣлѣ, хотя она, повидимому, всѣмъ сердцемъ сочувствовала ему. Особенно страшило ее то обстоятельство, что она будетъ называться учредительницей и распорядительницей дѣла, иниціатива котораго принадлежитъ не ей. Тѣмъ не менѣе послѣ нашихъ общихъ горячихъ просьбъ и угрозъ, что въ случаѣ ея отказа дѣло не состоится, она чуть не со слезами согласилась на это[1]).

Зато и любили мы нашу милую, умную, скромную распорядительницу! Держала она себя чисто по-товарищески. «Mesdames!—говорила она, обращаясь ко всѣмъ намъ,—позвольте мнѣ отлучиться домой покормить Сашу? Черезъ часъ я непремѣнно возвращусь въ школу», и мы съ улыбкой и любовью давали ей отпускъ, и, дѣйствительно, черезъ часъ она возвращалась розовая и веселая и съ двойнымъ усердіемъ принималась за трудъ.

Не считая себя по существу распорядительницей школы, она постоянно страшилась превысить свою власть, чего никто, кромѣ нея, не боялся. Всѣ учительницы уважали и любили ее точно такъ же, какъ и ученицы. Кромѣ другихъ качествъ въ глазахъ ученицъ, привлекали еще къ ней прирожденная ей религіозность и традиціи, вынесенныя изъ дома ея отца—протоіерея. Но эта религіозность была какая-то милая, свѣтлая, симпатичная, выражающаяся во всепрощеніи и добрыхъ дѣлахъ. Эта религіозность заставляла уважать и любить ее не только ученицъ, но даже человѣка-скептика, потерявшаго вѣру.

Работала Елизавета Ивановна для воскресной школы, не покладая рукъ, и являлась всегда ея ревностной защитницей противъ лжи и клеветы. И когда мужъ ея былъ переведенъ въ Москву, мы не могли безъ слезъ говорить объ этомъ и чувствовали, что утратили въ ней самаго близкаго и вѣрнаго друга. Но дѣло воскресной школы слишкомъ захватило ее, чтобы въ Москвѣ она могла почить на лав-

---

[1]) Подробнѣе въ дневникѣ 1871—72 г., см. стр. 35.

рахъ. Она открыла тамъ самостоятельно первую частную женскую воскресную школу, а за нею потянулись и другія, благополучно существующія понынѣ. Елизавета Ивановна утверждала всегда, что, если бы не Харьковъ, она никогда и ничего не сдѣлала бы въ жизни; но это невѣрно! Ея богато одаренная душа всегда нашла бы выходъ изъ скромной семейной жизни и принесла бы блага человѣчеству. Свою единственную дочь Сашу она повела по тому же пути, и уже въ 16 лѣтъ мы видѣли ее въ Московской воскресной школѣ, воодушевленно преподающую среди толпы взрослыхъ ученицъ. Елизавета Ивановна ужасно не любила эффектовъ, и если бы она прочла о себѣ что-либо въ газетахъ, она чувствовала бы себя сконфуженной и обиженной, и, насколько мнѣ извѣстно, никогда, никто и ничего не писалъ объ этой скромной труженицѣ; скажемъ же мы теперь, ея друзья и сотоварищи по дѣлу,—теперь, когда ея нѣтъ уже между нами, что это была женщина рѣдкой души и сердца, о которой сохранятся самыя свѣтлыя воспоминанія у всѣхъ, кто имѣлъ счастье встрѣтиться съ нею на жизненномъ пути.

Беру изъ своихъ дневниковъ за 1889—90 гг. слѣдующіе два отрывка, посвященные Е. И. Цвѣтковой:

При московскихъ разстояніяхъ мы прибыли въ школу Цвѣтковой только на послѣдній часъ. Лучи солнца весело врывались въ большія окна, и все помѣщеніе какъ будто ликовало и улыбалось привѣтливой улыбкой. Порядокъ въ школѣ былъ удивительный: симметрично, хотя и густо, разставленныя скамьи были заполнены 5—6 ученицами, и передъ каждой изъ нихъ стояла учительница, всецѣло погруженная въ свою работу.

Несмотря на этотъ образцовый порядокъ, школа носила на себѣ какой-то семейный характеръ; видно было, что ученицы, входя въ интересы общаго дѣла и совершенно понимая окружающія ихъ условія, стараются не кричать, не шумѣть, не предлагать излишнихъ вопросовъ и жадно ловятъ каждое слово учительницы.

Я заглянула въ записную тетрадь на первой скамьѣ и была поражена той аккуратностью и вниманіемъ, съ которыми ведется она. Въ тетради говорилось, сколько ученицъ было въ прошлое воскресенье, сколькихъ не доставало и почему, чѣмъ занималась учительница всѣ 4 часа и что удалось и не удалось ей въ этихъ занятіяхъ. Очевидно, замѣтки эти составлялись дома подъ свѣжими впечатлѣніями, однако, занятій въ школѣ и носили на себѣ яркій отпечатокъ искренней заинтересованности дѣломъ.

«Вотъ если бы у насъ велись такъ записи!» невольно подумала я, перелистывая эту чистенькую и опрятную тетрадочку.

Въ этой первой комнатѣ занимались: дочь Елизаветы Ивановны, Саша, которую я знала съ колыбели, и все боялась, какъ бы она не вышла кисейной барышней; В. С. Костромина, съ которой я давно была знакома по перепискѣ, и еще какая-то незнакомая мнѣ учительница. Разсматривая записную тетрадь Саши и слѣдя за той безграничной лаской, съ какой относилась она къ своимъ пожилымъ ученицамъ, я сказала ей съ умиленіемъ: «Сегодня я навѣки снимаю съ васъ кисею!»

Она улыбнулась мнѣ въ отвѣтъ своей доброй улыбкой и снова съ материнской заботой припала къ тетрадкамъ ученицъ.

В. С. Костромина вела серьезно бесѣду по поводу прочитаннаго и ставила удачные наводящіе вопросы, помогавшіе ученицѣ оріентироваться въ исчерпанномъ матеріалѣ.

Третья учительница вела диктовку.

Мы перешли въ другую комнату. Размѣры этой комнаты вдвое превышали предыдущую, и въ ней гораздо больше было учительницъ и группъ, но тотъ же порядокъ, тотъ же характеръ отношеній, та же тишина и сосредоточенность, возможныя при данныхъ условіяхъ.

Въ третьей и послѣдней маленькой комнаткѣ помѣщался старшій классъ.

Семейный характеръ общему строю школы, мнѣ кажется, придавала больше всего сама Елизавета Ивановна.

— Посмотрите на нее,—говорила она, напр., чисто по-матерински, дотрогиваясь до плеча молодой дѣвушки-учительницы.—Не правда ли, она ужасно похожа на меня, когда я была молодой и начала заниматься у васъ въ школѣ?

«А вотъ эта ученица,—это у насъ дорогая ученица,—объясняла она мнѣ добродушно тутъ же при ней и разсказывала, какъ, когда и при какихъ условіяхъ поступила она въ школу.

Я такъ утомилась чтеніемъ въ теченіе всего вечера своего доклада, что на другой день лежала бездыханная на кушеткѣ въ состояніи полной апатіи — всѣ человѣческія чувства и ощущенія какъ-то замерли во мнѣ. Добрѣйшая Е. И. Цвѣткова сидѣла надо мною въ качествѣ сестры милосердія и силилась развлечь меня. Очевидно, ее страшила мысль, что я окончательно расхвораюсь къ вечеру и не въ силахъ буду принять, какъ слѣдуетъ, общество трехъ воскресныхъ школъ.

— Поѣдемте покататься, Христина Даниловна,—сказала она, наконецъ.—Погода такая прекрасная, возьмемте санки, быть-можетъ, это освѣжитъ васъ!—Я нехотя согласилась. Но когда послѣ специфическаго запаха гостиницы «Славянскій Базаръ» свѣжій воздухъ охватилъ мою голову и легкій ласкающій вѣтеръ подулъ мнѣ въ лицо, я почувствовала себя несравненно бодрѣе.

— Куда же именно мы поѣдемъ?—возбудила вопросъ Елизавета Ивановна въ то время, какъ мы безцѣльно неслись по прямой линіи.

— А гдѣ теперь Саша?—спросила я, оправляясь нѣсколько отъ своей утренней апатіи.

— Она читаетъ: нынче праздникъ!—отвѣчала мнѣ Елизавета Ивановна.

— Поѣдемте къ ней!—предложила я, окончательно возвращаясь къ жизни, и мы помчались дальше, навстрѣчу ласкающему вѣтру и въ облакѣ пушистой метели, заметающей слѣды полозьевъ.

Мы подъѣхали, наконецъ, къ знакомому мнѣ палисаднику, занесенному снѣгомъ, и направились черезъ ворота къ ма-

ленькому домику въ глубинѣ двора. Домикъ этотъ былъ знакомъ мнѣ десятки лѣтъ: въ немъ на моихъ глазахъ и за мою память одно поколѣніе смѣнилось другимъ, старики сошли въ могилу, а маленькій ребенокъ-дѣвочка, у которой я была на крестинахъ, превратился въ умную, добрую, честную дѣвушку, вносящую благо въ жизнь. Но хороши были и старики въ свое время! Я помнила ихъ, этихъ братьевъ Цвѣтковыхъ, еще молодыми людьми въ Курскѣ, въ провинціи, въ захолустьѣ. Появленіе ихъ на горизонтѣ провинціальнаго общества произвело цѣлую сенсацію. О нихъ говорили, ихъ приглашали, ими дорожили, какъ чѣмъ-то новымъ, цѣннымъ, желательнымъ и, дѣйствительно, они внесли за собой въ это сонное общество струю новой жизни, новыхъ идей и стремленій. Я и сама тогда была почти ребенокъ и не могла отнестись къ нимъ съ подобающимъ анализомъ, но впечатлѣніе чего-то свѣтлаго, прекраснаго, благороднаго оставило глубокій слѣдъ въ душѣ и превратилось въ сознательное чувство уваженія при позднѣйшей встрѣчѣ съ ними на жизненномъ пути. Тогда же я потеряла ихъ изъ виду, вышла замужъ и уѣхала въ Харьковъ. Во время моихъ мытарствъ по поводу открытія воскресной школы мнѣ указали на правителя канцеляріи губернатора, какъ на добраго генія, способнаго реализировать мою мечту. Этимъ добрымъ геніемъ оказался М. П. Цвѣтковъ. Въ груди правителя канцеляріи, чиновника, билось попрежнему горячее сердце отзывчиваго на добро человѣка, и школа была открыта, несмотря на препятствія со стороны поборниковъ народнаго просвѣщенія. Е. И. Цвѣткова стала хранительницей ея отъ всѣхъ жизненныхъ бурь и невзгодъ и долго стояла настражѣ этого честнаго учрежденія. Вотъ тогда-то именно и родилась маленькая дѣвочка Саша, къ которой я входила въ эту минуту въ тѣсненькую и темненькую переднюю знакомаго домика. Зато въ сосѣдней комнатѣ какъ показалось мнѣ свѣтло и тепло!л Динный столъ былъ накрытъ чистой, какъ серебро, скатертью, множество чашекъ стояло симметрично рядами на огромномъ подносѣ, груды хлѣба возвышались надъ всѣмъ остальнымъ, и мѣдный самоваръ блестѣлъ и сіялъ,

какъ будто радуясь всей этой обстановкѣ. Не менѣе сіяли и грубыя, здоровыя лица дѣвушекъ, усѣвшихся за этимъ столомъ и такъ просто, естественно, любовно ведущихъ бесѣду съ молодой хозяйкой. Да и мила жъ была въ эту минуту она — эта молодая хозяйка! Всегда ровная, спокойная, уравновѣшенная, она, очевидно, волновалась и находилась въ нервномъ возбужденіи человѣка, совершающаго въ тиши какую-то скромную, но великую миссію; она вся отдалась, очевидно, желанію выполнить ее съ полной добросовѣстностью и усердіемъ. Вотъ почему щеки ея горѣли, и глаза искрились какимъ-то особеннымъ, восторженнымъ огонькомъ. Въ концѣ стола сидѣла В. С. Костромина съ какой-то связкой книгъ въ рукахъ; она тоже, очевидно, готовилась къ священнодѣйствію и приступала къ нему со страхомъ Божіимъ и вѣрой,—недаромъ такъ серьезно было ея лицо, и грустные глаза смотрѣли строже и сосредоточеннѣе обыкновеннаго. Рядомъ съ нею сидѣла скромная дѣвушка-учительница, намѣревавшаяся устроить спѣвку послѣ чтенія. Все это было въ высшей степени интересно, и я могла бы, конечно, остаться слушать чтеніе, предлагать вопросы, присутствовать на спѣвкѣ, но мнѣ почудилось вдругъ, что я лишняя, что я безцеремонно ворвалась въ это святое святыхъ, что присутствіе мое можетъ показаться вмѣшательствомъ анализирующаго человѣка и внести долю смущенія. Да и въ самомъ дѣлѣ, къ чему мнѣ было оставаться здѣсь?! Эта живая картина такъ много сказала мнѣ, что все какъ будто исчерпалось и опредѣлилось ею. Не все ли равно, та или иная книга будетъ прочитана, то или иное впечатлѣніе вынесутъ эти милыя дѣвушки, тѣ или иные вопросы предложатся по поводу прочитаннаго? Я знаю одно, что здѣсь сѣютъ добро, прививаютъ честныя мысли и чувства, и этого съ меня вполнѣ достаточно. А, главное, меня душили слезы,—тѣ захватывающія, неудержимыя слезы умиленія, которыя могли показаться странными и необъяснимыми молодой хозяйкѣ и ея простодушной аудиторіи. Я почти выскочила изъ маленькой передней во дворъ, затѣмъ на улицу, утираясь перчатками и тщетно силясь достать изъ-подъ шубы носовой платокъ. Въ это

время къ воротамъ подкатили розвальни, и двѣ здоровыя дѣвушки со щеками, порозовѣвшими отъ мороза, торопливо слѣзли съ нихъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ вытащила ситцевый платочекъ изъ кармана и, быстро развязавъ зубами кончикъ его, достала оттуда два мѣдныхъ пятака и подала ихъ возницѣ. Завидѣвши насъ, обѣ дѣвушки вскрикнули разомъ: «Лизавета Ивановна, не опоздали мы? Мы страсть какъ далеко живемъ, а тутъ еще извозчикъ попался—еле везетъ! Насилу дотащилися!» И дѣвушки залились звонкимъ, безпричиннымъ смѣхомъ, какимъ смѣются въ 16, 17 лѣтъ, предвкушая грядущее удовольствіе, и торопливо направились къ маленькому домику, гдѣ поджидала ихъ гостепріимная хозяйка, радушная бесѣда, молодыя подруги и сіяющій мѣдный самоваръ на столѣ.

«Спѣшите, милыя, спѣшите, дорогія!—думала я растроганная, глядя имъ вслѣдъ.— Тамъ вы встрѣтите только доброе, честное, правдивое, что поддержитъ васъ, быть-можетъ, на вашемъ скользкомъ пути бѣдности, соблазна и деморализующихъ вліяній столичной городской жизни». И я съ негодованіемъ припомнила въ эту минуту слова московскаго педагога, которыя произнесъ онъ въ отвѣтъ на слезную просьбу помочь исхлопотать разрѣшеніе на открытіе одной изъ воскресныхъ школъ. «Къ чему эти ваши воскресныя школы? Для воспитанія публичныхъ женщинъ?!» Въ другое время я произнесла бы надъ нимъ проклятіе, но въ эту минуту мнѣ невыразимо хотѣлось ввести его подъ кровлю этого маленькаго, поэтическаго домика и показать все, что происходитъ въ немъ. И мысль моя опять перенеслась къ старикамъ, къ тому «какъ въ этотъ самый домикъ, много лѣтъ тому назадъ, почта приносила первые листы I тома «Что читать народу»; какъ ополчился тогда старикъ Цвѣтковъ противъ дешевыхъ, безцвѣтныхъ изданій, къ которымъ относились мы снисходительно; какъ совѣтовалъ намъ прочесть съ народомъ безсмертныя произведенія друга своего Островскаго и какъ ребячески радовался успѣху этого чтенія. Онъ писалъ намъ потомъ, что замѣтки мои, переданныя имъ Островскому, возбудили въ немъ самый живой интересъ и что онъ радовался имъ, какъ ни-

когда не радовался печатнымъ отзывамъ патентованныхъ критиковъ. Позднѣе М. П. Цвѣтковъ вызвался редактировать отдѣлъ драматическихъ произведеній и написалъ къ нему предисловіе. Онъ шелъ войною противъ безцвѣтныхъ, слащавыхъ твореній для народа тогда, когда объ этомъ не было еще вопроса, и голосъ его былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Все это припомнилось мнѣ и, обращаясь къ Елизаветѣ Ивановнѣ, я сказала голосомъ, прерывающимся отъ слезъ: «Какъ жаль, что Михаилъ Павловичъ не можетъ видѣть своей дорогой Саши!»

«Онъ видитъ ее!» произнесла Елизавета Ивановна съ такимъ беззавѣтнымъ упованіемъ вѣрующаго человѣка, что я какъ-то инстинктивно посмотрѣла вдаль; мнѣ казалось, что въ этомъ туманномъ, сѣромъ небѣ среди пушистыхъ снѣжинокъ, вертящихся въ воздухѣ, нарисовались вдругъ знакомыя черты лица и добрая, умная, ободряющая улыбка, между тѣмъ какъ Елизавета Ивановна говорила съ чувствомъ: «Господи, когда онъ умеръ, какъ страшно мнѣ было подумать, сумѣю ли я воспитать Сашу по его завѣту и желанію!»

Школьные праздники.

Три елки.

(1893 г.).

Я помню елки прежнихъ лѣтъ нашей воскресной школы. Это были небольшія сосны, закопанныя въ позолоченную, какъ орѣхи, кадочку, съ бумажными цѣпями, съ базарными гирляндами цвѣтовъ, съ дешевыми блестящими украшеніями и конфектами въ золотыхъ бумажкахъ. Въ тѣсной комнатѣ вокругъ такой елки собиралось 50—60 дѣтей, подростковъ и взрослыхъ; они пѣли пѣсни, радовались празднику и веселые и счастливые расходились по домамъ съ бумажными пакетами, содержащими въ себѣ на нѣсколько копеекъ лакомствъ. Незатѣйливыя это были елки, незатѣйлива и бѣдна была и моя собственная обстановка; но я была молода, весела, добра, я любила это дѣло такъ же горячо, какъ люблю его теперь, и незатѣйливая елка была окружена для меня цѣлымъ ореоломъ поэзіи. Довольно заглянуть въ мои старые дневники, чтобы удостовѣриться, съ какимъ наивнымъ паѳосомъ описывала я и эту сосну, и эту позолоченную шумихой кадочку, и свое душевное состояніе, полное восторга и умиленія... Но по мѣрѣ того, какъ росло мое матеріальное благосостояніе, росли и хорошѣли рождественскія елки и въ настоящемъ году достигли своего апоѳеоза. Въ огромномъ залѣ съ лѣпными украшеніями по стѣнамъ, при свѣтѣ газа, на роскошной эстрадѣ, покрытой ковромъ, стояла огромная красавица-ель московскихъ лѣсовъ, въ нѣжныхъ цвѣтахъ, напоминающихъ весну въ природѣ, съ блестящими красивыми цвѣтами,

съ изящными разнообразными украшеніями, которыя ежегодно идутъ въ Россію изъ-за границы въ такомъ изобиліи. Направо отъ ели поставленъ былъ большой концертный рояль, придающій всей этой обстановкѣ какой-то особенный интеллигентно-поэтическій характеръ. Зачѣмъ же этотъ рояль и эта ель на эстрадѣ, этотъ футляръ съ віолончелью и этотъ пюпитръ для нотъ и вся эта концертная обстановка?

За эти долгіе годы росло не только мое личное благосостояніе, но росла и школа, и вмѣсто 50—60 человѣкъ мы стали насчитывать 500—600 плюсъ учительницы=700,— общество, которое отказывала вмѣстить въ себя даже просторная биржевая зала. Кромѣ того, въ кружкѣ нашемъ стали поговаривать, что характеръ елокъ послѣднихъ лѣтъ слишкомъ однообразенъ: все та же живая картина «зима», сказка, пѣсня и ничего новаго; что программа должна быть расширена, особенно для взрослыхъ,—и послѣ долгихъ толковъ остановились, наконецъ, на характерѣ концерта. Много хлопотъ стоилъ мнѣ этотъ концертъ: пришлось ѣздить, просить, писать, кланяться. Вопросъ, поймутъ ли интеллигентные исполнители, что собственно требуется отъ нихъ и почему они должны пѣть и играть на этотъ разъ передъ горничными, прачками и швеями,—оставался открытымъ; къ инымъ изъ нихъ страшно было даже подступить съ такого рода предложеніемъ. И дѣйствительно, двѣ «кисейныя» барышни, обладающія хорошими голосами, отказались наотрѣзъ; одна дама избрала благовидный предлогъ; но зато нашлись такіе, которые выразили полное сочувствіе, и одна изъ этого большинства, дочь генерала, писала слѣдующее: «Я совершенно согласна съ вами, такъ какъ нахожу, что музыка и пѣніе понимаются не головой, а сердцемъ». Первая репетиція показала мнѣ, что концертное отдѣленіе не оставляетъ желать ничего лучшаго; правда, иные изъ комиссіи нашей по устройству праздника находили, что музыка нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ композиторовъ слишкомъ сложна и непонятна для подобнаго рода публики, что слова иныхъ изъ романсовъ слишкомъ страстны и сентиментальны. Но если эту музыку слушаетъ обык-

новенная публика, часто безъ всякой музыкальной подготовки, если эти слова поютъ при молоденькихъ интеллигентныхъ дѣвицахъ, то почему же не пѣть и не играть всего этого передъ этими простыми и непосредственными дѣвушками, обладающими такимъ же человѣческимъ сердцемъ и воображеніемъ? Мнѣ припоминался Шекспиръ, прочитанный въ такой же аудиторіи: «Отелло», «Король Лиръ», «Гамлетъ», произведшіе на нее огромное впечатлѣніе, и я горячо стояла за то, чтобы исполнители играли и пѣли свои любимыя произведенія, не подлаживаясь къ какому-то особенному будто бы вкусу простонародья.

Когда залъ нашъ наполнился народомъ, и все замерло при звукахъ віолончели, — я пристально оглядѣла нашу аудиторію, и мнѣ показалось, что я была права: молодыя лица всѣ превратились во вниманіе, большіе любопытные глаза были прикованы къ исполнителю; казалось, ни одно созвучіе не ускользнетъ отъ этой чуткой публики, такъ беззавѣтно отдающейся сердцемъ во власть этихъ звуковъ. И среди этой мертвой тишины слышенъ былъ только громкій шопотъ стараго, безголосаго господина, воображающаго себя великимъ знатокомъ музыки, и сосѣда его доктора съ циничнымъ лицомъ. Я невольно погрозила имъ пальцемъ и продолжала наблюдать. Сначала аплодисменты, съ которыми познакомились иныя изъ нихъ въ театрѣ, были довольно сдержанны, но по мѣрѣ того, какъ музыка и пѣніе все больше и больше наэлектризовывали ихъ, аплодисменты становились все громче и громче и временами достигали полнаго апоѳеоза. Апплодировали больше пѣнію, чѣмъ музыкѣ. «Я васъ люблю», «У вратъ обители святой», «Жаворонокъ», «Зачѣмъ», «Но то былъ сонъ», «Молись» вызвали самые горячіе аплодисменты. «Повторить!.. Повторить!..» слышалось въ толпѣ, незнакомой со словомъ «bis», на разные лады, начиная съ тонкаго молодого сопрано и кончая пріятнымъ дѣвическимъ контральто. Но больше всего мнѣ бросалась въ глаза молоденькая дѣвушка въ красненькой ситцевой кофточкѣ и съ такими же яркими толстыми щеками. Звуки музыки не произвели на нее, очевидно, сентиментальнаго впечатлѣнія — они охватили ее всю, съ

ногъ до головы, и здоровому, крѣпкому организму хотѣлось веселиться, радоваться и бурно выражать свои восторги. «Повторить! повторить!..» кричала она, поднявши руки вверхъ и апплодируя, что есть мочи. Потъ крупными каплями катился по ея толстому лицу; но, очевидно, ей не было ни до чего дѣла, она позабыла все на свѣтѣ и отдалась всецѣло охватившимъ ее, быть-можетъ, въ первый разъ впечатлѣніямъ. Когда концертъ окончился, она подошла ко мнѣ и сказала тихо и восторженно: «Могу я ихъ расцѣловать?» Я взглянула на ея потное толстое лицо, на ея красныя грубыя руки и отклонила это предложеніе, сказавъ: «Нѣтъ, не надо! Онѣ и такъ устали!» Мнѣ стало страшно въ эту минуту, что она какъ-нибудь особенно бурно выразитъ свои восторги.

Но не всѣ, конечно, выражали ихъ въ такой формѣ. Одна изъ моихъ ученицъ, прачка Марьяна, семья которой разбросана по всему свѣту, что составляетъ больное мѣсто ея души, подошла ко мнѣ и сказала тихо: «Ахъ, какъ мнѣ это понравилось: «Кто-то вспомнитъ обо мнѣ и вздохнетъ украдкой!» — «А на васъ что именно произвело самое большее впечатлѣніе?» спросила я блѣдную развитую дѣвушку, стоявшую тутъ же. — «Я васъ любилъ», сказала она застѣнчиво, и какая-то тѣнь страданья промелькнула по ея молодому лицу. Вѣроятно, жизнь научила понимать эти слова.

Да, много мнѣній пришлось выслушать мнѣ отъ этихъ откровенныхъ со мною людей, — мнѣній искреннихъ, разумныхъ, разнообразныхъ. Въ одномъ только сходились всѣ — отъ мала до велика — это въ томъ, что праздникъ удался, что праздникъ произвелъ самое пріятное впечатлѣніе, что никогда еще у насъ не было такого хорошаго праздника.

И я чувствовала приливъ счастья и гордости за ученицъ, за народъ, такъ чутко и отзывчиво относящійся къ эстетическимъ удовольствіямъ, обладающій такимъ природнымъ тактомъ и инстинктомъ держать себя лучше, приличнѣе, чѣмъ безголосый господинъ, мнящій себя знатокомъ музыки, и болтливый докторъ съ циничной физіономіей.

На другой день въ томъ же помѣщеніи, но при иныхъ условіяхъ, состоялся 2-й праздникъ—малолѣтнихъ и подро-

стковъ включительно до 15 лѣтъ. Мнѣ кажется, что всѣ наши силы ушли на заботы о первомъ праздникѣ,—такъ новъ и загадоченъ былъ онъ для насъ самихъ, а потому ко второму всѣ какъ-то отнеслись, спустя рукава: вяло искали соотвѣтствующаго разсказа и совсѣмъ не нашли; не было разсказа, не было и картины, отвергли программу прошлаго и не выработали новой, осталось нѣсколько пѣсенъ, и больше ничего; но нѣкоторыя изъ учительницъ все-таки старались изо всѣхъ силъ оживить его, и когда я вошла въ полуосвѣщенную еще залу, въ ней, что называется «дымъ стоялъ коромысломъ»: крикъ, шумъ, гамъ, бѣготня, игры... Въ нѣсколько секундъ меня толкнули справа, слѣва, въ спину; никто не обращалъ вниманія на входящихъ; никто не думалъ о томъ, что есть же, наконецъ, границы всѣмъ этимъ проявленіямъ радости. Я готова вѣрить, что этимъ дѣтямъ и подросткамъ, дѣйствительно, было весело; но въ этомъ весельѣ было что-то дикое, безформенное, безобразное — и мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ не понравился этотъ второй праздникъ безъ программы, хотя иные изъ защитниковъ его и вынесли самыя хорошія впечатлѣнія.

На 4-й день долженъ былъ состояться праздникъ такъ называемой «маленькой школы». Но прежде чѣмъ говорить о немъ, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о самой маленькой школѣ, о томъ, какъ родилась она и выросла. Наша воскресная школа выбрасывала ежегодно за бортъ нѣсколько десятковъ, а можетъ-быть, и сотенъ ученицъ, однѣхъ — по малолѣтству, другихъ за неимѣніемъ мѣстъ, хотя онѣ и достигли уже завѣтнаго предѣла — 10 лѣтъ. Выбрасывали ихъ и ежедневныя школы по тѣмъ же мотивамъ, и это жестокое «избіеніе младенцевъ» повторялось изъ году въ годъ, такъ что мы, старыя учительницы, даже привыкли къ нему и подчасъ говорили не безъ раздраженія: «Конечно, ей нѣтъ 10 лѣтъ!» — «Принеси метрическое свидѣтельство, тогда примемъ!»—«Нельзя же намъ для тебя измѣнять свои правила!» и т. д. Но помириться съ такими порядками молодымъ, впечатлительнымъ учительницамъ было, вѣроятно, труднѣе. И вотъ одна изъ нихъ рѣшила

подбирать такихъ несчастныхъ дѣтей и заниматься съ ними два раза въ недѣлю по буднямъ, въ тѣ часы, когда уѣздное училище свободно отъ занятій. Правду сказать, предпріятіе это не вызвало у меня сочувствія на первыхъ порахъ. «Мало ли намъ хлопотъ съ воскресной школой и все ли доведено въ ней до совершенства?!» думала я, и утомленіе 30-лѣтнею работою ярко сказалось въ этомъ раздумьѣ. Но ставить препятствія благому порыву я все-таки не могла. И вотъ бокъ-о-бокъ съ большой воскресной школой росла маленькая и черезъ полгода насчитывала уже до 100 малолѣтнихъ ученицъ. Незадолго до праздниковъ возникъ вопросъ, имѣетъ ли право на елку эта сверхштатная школа и не ляжетъ ли это лишнимъ налогомъ на школьныя средства. Вопросъ былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ, и 28 декабря я въ первый разъ должна была увидѣть, наконецъ, маленькую школу съ полнымъ составомъ ея ученицъ и учительницъ. Я вошла въ калитку вмѣстѣ съ группой дѣтей, и взглядъ мой невольно остановился на ихъ личикахъ. Ахъ, какія это были красивыя дѣти, положительно какъ на подборъ! Рядомъ съ дѣвочкой-брюнеткой въ малорусскомъ вкусѣ, съ темными бровями и карими глазами, стояла блондинка съ прядями свѣтлыхъ волосъ, выбивающихся изъ-подъ платочка, за нею сильная брюнетка съ прекрасными пытливыми глазами, свойственными ея національности, далѣе — миніатюрная дѣвчурка съ хорошенькимъ, немножко птичьимъ личикомъ, а рядомъ съ нею положительно красавица съ черными очами при пепельныхъ волосахъ. Иногда рисуютъ картинки «типы дѣтей»; это была именно такая картинка, но только одухотворенная жизнью. Мнѣ показалось почему-то, что дѣти эти непремѣнно должны знать меня, — меня, старую учительницу, посѣщающую 32 года, и я спросила наивно: «А вы меня знаете?» — «Нѣтъ, не знаемъ!» отвѣчали они весело наперерывъ, — и, тѣмъ не менѣе, въ этихъ словахъ, взглядахъ, улыбкахъ было столько привѣта и довѣрія... Очевидно, онѣ вѣрили каждому, кто входилъ съ ними въ эту завѣтную дверь, которая привѣтливо открыла для нихъ свои объятія. Въ эту минуту маленькая школа показалась мнѣ школою будущаго, но мнѣ

совсѣмъ не было грустно отъ мысли, что всѣ эти крошечные люди выростутъ и подымутся на ноги въ то время, какъ меня не будетъ уже на свѣтѣ. Напротивъ, мнѣ казалось, что какая-то сверхъестественная сила подняла передо мною таинственную завѣсу будущаго, и я вижу эту новую школу, гдѣ всѣ такъ дружны, веселы, счастливы, гдѣ для всѣхъ нашлось мѣсто. И хотя они, эти дѣти, не знаютъ меня, но я знаю и чувствую, что между мною и ими существуетъ та невидимая нравственная связь, изъ-за которой такъ милы и дороги мнѣ эти питомцы незнакомой мнѣ, но близкой по духу маленькой школы.

Когда я вошла въ залъ, елка не была еще зажжена, двери въ классы были плотно притворены, и изъ нихъ доносился веселый гулъ дѣтскихъ голосовъ. Учительницы маленькой школы дѣлали послѣднія приготовленія; между ними замѣчался особенно дружный союзъ, — всѣ онѣ хорошо знали одна другую и называли по имени, не такъ, какъ въ большой школѣ, гдѣ постоянный наплывъ новыхъ силъ лишаетъ часто возможности ознакомиться съ фамиліей. Наконецъ скромная елочка была зажжена, и завѣтныя двери отворились. Я ожидала, что эта толпа бѣдныхъ дѣтей, никогда въ жизни не видавшихъ елки, весело бросится на нее, станетъ ходить вокругъ, разсматривать, потрогивать, просить гостинцевъ; но это было не такъ: всѣ онѣ остановились у дверей, пораженныя, очевидно, и умиленныя невиданнымъ зрѣлищемъ, но какъ только звуки монопана раздались въ школьной залѣ — все вдругъ разомъ зашумѣло, завеселилось, затанцовало. Образовались кружки и въ нихъ самозванныя солистки казачка. Ахъ, что это были за танцы! Ни одинъ танцмейстеръ въ мірѣ не въ силахъ придать той прелести, простоты и граціи, которыми награждаетъ природа; казалось, самый геній балета носился надъ этими импровизированными балеринами, и, Боже мой, какъ онѣ были милы, граціозны, жизнерадостны! Отъ одной изъ нихъ, совсѣмъ маленькой дѣвочки, съ выразительнымъ, осмысленнымъ личикомъ и большими задумчивыми глазами, я просто не могла оторвать глазъ; казачокъ ея былъ цѣлой поэмой: сначала она плясала беззаботно, весело, за-

тѣмъ появился бѣлый платочекъ въ рукахъ, которымъ она граціозно помахивала въ воздухѣ, затѣмъ танецъ ея достигъ апоѳеоза веселья и увлеченья, и вдругъ, точно утомившись, задумавшись о чемъ-то, она взялась за голову, движенія ея становилсь все медленнѣе, все печальнѣе и замерли вмѣстѣ съ звуками незатѣйливой музыки. «Гдѣ видѣла она этотъ невиданный мною никогда танецъ, кто подсказалъ ей эту поэму, кто научилъ ее такъ танцовать?» съ недоумѣніемъ думала я. Въ другомъ кружкѣ танцовала совсѣмъ крошечная дѣвочка, совершенная кукла; даже самое платьице изъ мебельнаго ситца съ большими цвѣтами было сшито точно на куклу, но куколка эта была необычайно мила и граціозна, и цѣлая толпа зрителей образовалась вокругъ нея. Рядомъ съ нею танцовала прехорошенькая дѣвочка немного постарше, въ красненькой кофточкѣ, съ оживленнымъ смѣющимся личикомъ. Здѣсь не было никакой поэмы, здѣсь было сплошное веселье, увлеченье, восторгъ. Танцы смѣнились играми безъ названій; здѣсь былъ и маршъ, и бѣготня, и все, что хотите. Руководилъ ими студентъ, участникъ школы, умѣло, оживленно, съ одушевленіемъ. И, глядя на эту веселую толпу, покорно повинующуюся ему, я думала: «Вотъ оно, искреннее и безхитростное сближеніе съ народомъ! Эта школа будущаго никогда, никогда,— я въ этомъ увѣрена,— не пойдетъ бить студентовъ, не пойдутъ бить ихъ ни братья, ни мужья этихъ крошечныхъ людей будущаго, такъ какъ вліяніе просвѣщенныхъ женъ и матерей окажется сильнѣе кровожадныхъ инстинктовъ московскихъ мясниковъ». И я съ гордостью сознавала, что студентъ, руководившій играми, родной мой сынъ. Среди этого шума и гама какая-то женская фигура въ большой мѣщанской шубѣ крѣпко заключила меня въ свои объятія и стала цѣловаться со мною. «Щербакова!.. Не узнали?..—проговорила она взволнованнымъ голосомъ.—Съ дочерью пришла». И, вглядѣвшись въ это растолстѣвшее возмужалое лицо, я дѣйствительно узнала свою бывшую ученицу. «Все какъ было,—продолжала она, утирая ладонью набѣжавшія слезы,—только голова у васъ совсѣмъ посѣдѣла. Ну, слава Богу, что живы, по край-

ней мѣрѣ, на счастье нашихъ дѣтей». Меня необыкновенно тронула эта неожиданная встрѣча и эти простыя слова, въ которыхъ, однако, для меня было столько смысла и значенія.

Свѣчи догорали; учительницы маленькой школы какъ-то удивительно безшумно собрали ученицъ по группамъ; казалось, это была какая-то новая интересная, но тихая игра. Рядомъ со мною очутилась группа учредительницы маленькой школы М. Н. С. Это были совсѣмъ крошечныя дѣвочки, но держали онѣ себя весьма солидно; тѣмъ не менѣе, одна изъ нихъ, съ видомъ совсѣмъ взрослой женщины, очень тревожилась за нарушеніе порядка. «Стойте смирно! — говорила она имъ вполголоса материнскимъ тономъ. — Всѣмъ достанетъ, чего толпиться! Каждый посмотритъ и скажетъ: видите, какія хорошія дѣвочки!» Мнѣ ужасно хотѣлось смѣяться, но я все-таки чувствовала уваженіе къ этой маленькой взрослой женщинѣ.

Наконецъ всѣ получили гостинцы и, веселыя и счастливыя, стали расходиться по домамъ. Кое за кѣмъ пришли родные, за одной пришелъ даже братъ-гимназистъ, и я невольно подумала: имѣетъ ли право сестра его занимать мѣсто среди этихъ бѣдныхъ дѣтей? — и тутъ же отвѣчала себѣ, что не пошла бы она сюда, если бъ имѣла возможность попасть въ пансіонъ, какъ братъ, и не покупается ли образованность брата ея безграмотностью, какъ это бываетъ часто въ бѣдныхъ семьяхъ?!

Рождественскій праздникъ.

Обычай устраивать елку занесенъ къ намъ, какъ извѣстно, изъ Германіи. Тамъ онъ полонъ поэзіи и таинственности. Засыпая наканунѣ праздника, дѣти думаютъ, что нынче въ ночь прійдетъ къ нимъ добрый Іисусъ и принесетъ гостинцы и сюрпризы. Не одной дѣтской головкѣ грезится, вѣроятно, въ эту ночь и небо, и ангелы, и звуки райскихъ пѣсенъ. Но перенесенный на иноземную почву, обычай этотъ мало-по-малу утратилъ свое первобытное обаяніе. Мы видимъ

роскошныя елки съ толпою нарядныхъ, танцующихъ дѣтей, которыя пресыщенно и почти индиферентно относятся къ такому же нарядному и разукрашенному дереву, какъ и они сами; мы видимъ школьныя елки съ раздачею дѣтямъ полушубковъ, сапогъ и картузовъ; мы наблюдали даже однажды, какъ реализмъ въ данномъ случаѣ дошелъ до того, что на освѣщенномъ деревѣ висѣла колбаса и французскіе хлѣбцы. Все это, конечно, очень хорошо и гуманно, — почему не раздать бѣднымъ дѣтямъ полушубковъ, сапогъ и картузовъ, почему не накормить полуголоднаго ребенка хлѣбомъ и колбасой?! Но зачѣмъ связывать все это съ поэтическимъ образомъ елки; зачѣмъ не разграничить одно отъ другого; зачѣмъ думать, что дѣтямъ изъ народа нужны только сапоги и колбаса; зачѣмъ не дать душѣ ихъ минутъ поэзіи и свѣтлой радости, которыхъ такъ мало встрѣчается въ жизни малолѣтняго работника или работницы, живущихъ у хозяевъ?..

Все это приходитъ мнѣ въ голову каждый разъ при устройствѣ елки, и каждый разъ я силюсь придумать, какую интересную новинку внести бы намъ въ нашъ школьный праздникъ, чѣмъ и какъ порадовать нашихъ взрослыхъ дѣтей, на лицахъ которыхъ можно прочесть въ этотъ вечеръ такую же наивную радость. Конечно, ихъ трудно было бы увѣрить, что добрый Христосъ въ эту ночь приноситъ гостинцы добрымъ дѣтямъ, но вѣдь не одна только эта легенда заключаетъ въ себѣ чары поэзіи, не одна она производитъ впечатлѣніе и остается надолго въ памяти.

Въ силу всего этого, вмѣсто булокъ и колбасы, вы увидите въ нашей большой, красивой залѣ бѣлоснѣжныя коробочки, наполненныя лакомствами, съ изящной картинкой наверху; вы услышите малорусскую пѣсню во всей ея неприкосновенной поэзіи и прелести, и тамъ, въ глубинѣ залы, среди искусственной снѣжной поляны, красавицу-елку, всю разукрашенную гирляндами цвѣтовъ.

Въ настоящемъ году [1]), незадолго до Рождества, я получила изъ Москвы случайно не одну, а двѣ огромныхъ ели,

[1]) 1896 г.

и, желая задрапировать стѣны и окна, нарушающія общую иллюзію картины, обратилась къ М. Д. Раевской съ просьбой снабдить насъ декораціями, нарисованными учениками ея рисовальной школы. Ихъ оказалось двѣ: одна, изображающая дно морское, а другая — весну. Мнѣ очень хотѣлось утилизировать все это, но выходили наглядныя несообразности. Какимъ образомъ примирить съ жизненной правдой дно морское, двѣ ели, весну и зиму? На помощь мнѣ пришла мысль о сказочномъ мірѣ, гдѣ все возможно. Я вспомнила прекрасную поэтическую сказку проф. Топеліуса «Двѣ сосны», въ которой есть и Балтійское море, и снѣга Финляндіи, и двѣ огромныя сосны - великаны, и поэтическая героиня Сильвія, при взглядѣ которой, куда бы ни упалъ онъ, расцвѣтаютъ весенніе цвѣты. И вотъ задуманная сказка воплощается въ жизни, а я стою на возвышеніи и громко читаю ее пятисотенной толпѣ. Въ этой зимней сказкѣ говорится, какъ дѣти бѣднаго крестьянина, Сильвестръ и Сильвія, пошли въ лѣсъ. Они поймали было тамъ зайца и куропатку, но сжалились надъ беззащитными животными и отпустили ихъ. Видя ихъ доброту, сосны - великаны завели съ ними дружескую бесѣду; онѣ пѣли имъ подъ шумъ бури:

„Растите же, дѣти,
Велики и сильны,
Какъ мы, не страшитесь невзгодъ;
Свѣтъ истины свѣтитъ
Для всѣхъ васъ обильно,—
Идите же смѣло впередъ!“

Далѣе говорится о томъ, какъ пришелъ отецъ и хотѣлъ срубить сосны, но дѣти упросили его оставить въ покоѣ стариковъ - великановъ. Тронутыя новымъ великодушіемъ Сильвестра и Сильвіи, сосны предлагаютъ имъ сдѣлать для нихъ, что только они захотятъ. Дѣти весьма скромны въ своихъ желаніяхъ.

— Я бъ хотѣлъ, чтобы теперь, хотя немного, засвѣтило солнце, — говоритъ Сильвестръ.

— А я хотѣла бы, чтобы опять настала весна, — сказала Сильвія.

Сосны съ избыткомъ исполнили желанія дѣтей: стоило мальчику взглянуть на что-либо, чтобы солнечный лучъ падалъ въ томъ направленіи и освѣщалъ предметъ; отъ взгляда Сильвіи расцвѣтали цвѣты и отъ дыханія ея вѣяло весною. Каждый чувствовалъ радость и веселье при видѣ этихъ прекрасныхъ дѣтей; даже суровый король и его надменная супруга невольно повеселѣли, проѣзжая мимо хижины бѣдняка.

Не знаю, каковы были впечатлѣнія другихъ участницъ школы, но мнѣ лично казалось, что я побывала въ сказочномъ царствѣ и слышала гулъ въ ту минуту, когда сосны-великаны свалились на землю, и руки друзей засыпали ихъ цвѣтами.

Впечатлѣнія мои все время раздѣлялись, очевидно, этой пятисотенной толпой, такъ какъ въ ней было тихо, совсѣмъ тихо, и только съ послѣднимъ звукомъ моего чтенія все снова оживилось, заговорило и зашумѣло.

Громкіе голоса учительницъ вызывали по очереди то одну, то другую фамилію, и группы ученицъ довольно чинно и благопристойно тянулись длинной лентой одна за другою.

Но я не въ силахъ была отрѣшиться еще отъ только что полученнаго впечатлѣнія; мой взглядъ невольно былъ прикованъ еще къ сказочной картинѣ въ глубинѣ залы. Мнѣ хотѣлось заглянуть въ будущее и найти тамъ отвѣтъ на вопросъ, насколько всѣ эти впечатлѣнія врѣжутся въ дѣтской памяти и залягутъ въ ней на долгіе годы. Мнѣ представлялась замужняя женщина-мать, окруженная дѣтьми наканунѣ праздника Рождества. Ей не на что устроить имъ блестящую, нарядную елку, но въ памяти ея хранятся сокровища, которыми она можетъ подѣлиться съ ними.

Это дорогія воспоминанія дѣтства.

Она научилась еще въ школѣ плавно, образно и живо передавать свои впечатлѣнія. И вотъ въ этой бѣдной комнаткѣ съ догорающимъ огаркомъ свѣчи снова воскресли въ дѣтскомъ воображеніи и зала, наполненная веселой толпой, и сосны-великаны на бѣломъ снѣгу, и зайчикъ, и куропатка, пойманные въ сѣти, и опять улыбка Сильвестра и Сильвіи бросаетъ свѣтлый лучъ на это бѣдное жилище...

Школьная прогулка.

Это было весною, въ маѣ. Я только что возвратилась изъ Петербурга и узнала, что здѣсь безъ меня рѣшено было устроить первую въ нашей школѣ совмѣстную прогулку учениць и учительниць за городъ. Говорили о какой-то складчинѣ, называли различныя предмѣстья, но ничего еще не было рѣшено окончательно. До прогулки оставалось нѣсколько дней, и я приняла въ организаціи праздника самое дѣятельное участіе. Рѣшено было итти пѣшкомъ въ Рудаковскую рощу. Эта Рудаковская роща лично для меня полна самыхъ живыхъ воспоминаній, которыми я не разъ дѣлилась съ товарищами, читая свои дневники; но она хороша, не только связанная съ этими воспоминаніями, но и сама по себѣ, въ своей грандіозной прелести, особенно весной. Десятки десятинъ стариннаго лѣса точно застыли въ своей сказочной красотѣ; яркая зелень, освѣщенная солнцемъ, манитъ васъ вглубь, и вы чувствуете себя въ какомъ-то заколдованномъ мірѣ...

Вотъ туда-то именно рѣшили итти мы, чтобы пить тамъ чай, пѣть пѣсни и веселиться. Но мнѣ хотѣлось внести въ этотъ праздникъ что-либо необычное, устроить сюрпризъ, и я пригласила потихоньку оркестръ духовой музыки, который долженъ былъ отправиться въ Рудаковскую рощу рано поутру и встрѣтить насъ тамъ торжественнымъ маршемъ.

Проснувшись, я прежде всего взглянула въ окно. Свинцовыя тучки бродили по сѣрому небу, догоняя одна другую и заволакивая горизонтъ; солнца не было. Мнѣ сильно взгрустнулось — сколько обманутыхъ надеждъ, сколько несбывшихся ожиданій! Образчикъ этого дѣтскаго горя былъ у меня налицо въ образѣ моей маленькой дочери Христи, которой тоже была обѣщана эта прогулка съ ея товарками и которая, взглянувъ вмѣстѣ со мною на небо, тоже опечалилась и начала роптать. Но у Христи и ея товарокъ столько еще радостей впереди — поѣздокъ въ Сокольники, совмѣстныхъ игръ, семейныхъ праздниковъ, а у этихъ маленькихъ и даже не маленькихъ дѣтей, гнѣздящихся въ душныхъ

мастерскихъ, на фабрикахъ и въ подвальныхъ этажахъ, у нихъ былъ въ перспективѣ одинъ только этотъ праздникъ, и неудача его такъ обидно несправедлива со стороны судьбы.

Опечаленная этими мыслями, я иду въ школу; а тучи все ниже и ниже спускаются надъ нами, и вотъ-вотъ хлынетъ дождь. «Ужъ, конечно, прогулка разстроена, и школьный дворъ, навѣрное, пустъ!» думаю я, подходя къ школѣ, но издали вижу уже нѣсколько фигурокъ, торчащихъ у калитки, а дворъ застаю запруженнымъ и большими и маленькими ученицами. Онѣ не только пришли сюда, но понарядились въ свои лучшія праздничныя платья и шелковые платочки; онѣ не хотятъ вѣрить дождю и, окружая меня, говорятъ весело и убѣжденно: «Христина Даниловна, не бойтесь!.. Тучи расходятся!.. Дождя не будетъ!» И въ этихъ дѣтскихъ и молодыхъ восклицаніяхъ столько задора, вѣры и силы, что, кажется, само небо не въ состояніи противостоять имъ, и я невольно начинаю думать, что дождя, дѣйствительно, можетъ не быть, и праздникъ, дѣйствительно, можетъ выйти удачнымъ. А музыка уже прошла, между тѣмъ, туда, и нѣсколько безстрашныхъ учительницъ появилось среди ученицъ. Пріѣхала даже одна изъ матерей моей семейной школы съ своей маленькой дочерью, Мусинькой, и другими ея подругами. Само собою разумѣется, что эту благовоспитанную и чинную даму, не имѣющую ничего общаго со школою и народомъ, притащила сюда бѣлоголовая Мусинька; мнѣ страшно даже немножко, какъ бы не сторонилась она отъ этихъ уличныхъ дѣтей, соприкасающихся съ ея Мусинькой; но при видѣ общаго дѣтскаго веселья въ сердцѣ свѣтской женщины пробуждается то доброе, гуманное, справедливое, что таится въ зародышѣ въ душѣ каждаго человѣка, и она, умиляясь до слезъ, вспоминаетъ, что губернаторъ Косичъ, въ Саратовѣ, много говорилъ ей объ этой школѣ и что все это въ самомъ дѣлѣ трогательно. Она не боится и не стыдится, что ея Мусинька стоитъ бокъ-о-бокъ съ какой-то маленькой полуоборванной дѣвчуркой въ большихъ ботинкахъ не по ногѣ, которая пристально и съ любопытствомъ разсматриваетъ ея свѣтлыя косы и модную шапочку.

Всѣ веселы и счастливы; никто не смущенъ дождемъ, несмотря на то, что нѣсколько капель его упало уже на землю, и новая тучка заволокла послѣдній кусокъ голубой лазури, на которомъ зиждились всѣ надежды на появленіе солнца. Всѣ веселы, даже наша старенькая ученица-калѣка, которая притащилась кое-какъ на костылѣ и улыбается общей радости своимъ беззубымъ ртомъ. «А вы какъ же пойдете?» спрашиваетъ ее участливо кто-то изъ молодежи. «Да я не пойду, я только такъ пришла посмотрѣть, какъ другія веселятся!» говоритъ она, какъ бы оправдываясь, и вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что жизнь и горе не убили еще въ ней живого человѣка, и ей непреодолимо хочется принять участіе въ этомъ общемъ праздникѣ. Къ счастью, оборванный «ванько» на пѣгонькой клячѣ оказывается въ процессіи, нагруженный провизіей, и требуется кто-нибудь, кто придерживалъ бы всѣ эти мѣшки и свертки. Никому изъ молодежи не хочется, очевидно, занять эту роль, ей хочется туда, впередъ — и старуху бережно подсаживаютъ и водворяютъ среди пакетовъ. Процессія двинулась длинной, длинной лентой. Впереди, чуть не бѣгомъ, летитъ маленькая семейная школа. Всѣ эти милыя личики, раскраснѣвшіяся до ушей, такъ оживлены и счастливы, какъ ни въ одной оперѣ, ни въ одномъ театрѣ, столь несвойственныхъ дѣтскому возрасту. «Впередъ! за нами!» какъ будто говорятъ онѣ этой толпѣ. И хочется вѣрить, что онѣ, дѣйствительно, скажутъ ей это позднѣе, а не вырастутъ въ кисейныхъ барышенъ, обременяющихъ землю. Какъ знать, быть-можетъ, эта самая прогулка заронила въ ихъ впечатлительную душу первое зерно симпатіи къ бѣдному, обездоленному, приниженному люду... А позади всей этой длинной вереницы тащится шажкомъ нагруженный «ванько» на своей пѣгонькой клячѣ, и старость въ образѣ сморщеннаго, улыбающагося лица какъ бы благословляетъ юность на дальнѣйшую жизнь и подвигъ...

Въ прошломъ году у насъ также была школьная прогулка, но она состояла только изъ однѣхъ учительницъ. Было также весело, шумно, оживленно; была и музыка и малорусскія пѣсни, но не было того, что было теперь: не было сліянія всей школьной семьи въ нѣчто цѣльное, крѣп-

кое, сильное, въ какой-то неудержимый потокъ, который съ гуломъ ворвался въ Рудаковскую рощу и моментально огласилъ ее смѣхомъ и радостью. Потокъ этотъ стремился на поляну, намѣченную для привала и отдыха; музыка гремѣла, точно звала туда, и яркія платьица мелькали изъ-за зелени по всѣмъ дорожкамъ, ведущимъ къ одной цѣли. И какъ хороша была эта огромная покатая поляна, окруженная густымъ лѣсомъ со всѣхъ сторонъ! Казалось, сама природа растила и холила ее десятки лѣтъ для нашего перваго школьнаго праздника; казалось, *она* только была въ силахъ понять и оцѣнить всю его нравственную прелесть. Чай, музыка, танцы, пѣсни, игры, бѣготня,—все это слилось въ нѣчто цѣльное, нераздѣльное; здѣсь не было ни ученицъ, ни учительницъ, ни старшихъ, ни младшихъ,—все веселилось, шумѣло, радовалось... Какъ только замолкала музыка, на смѣну ей являлась хоровая пѣсня, такая стройная, прекрасная, могучая, точно все это было предусмотрѣно, слажено, точно искусный капельмейстеръ долго готовился къ ней и руководилъ многими репетиціями, точно будто этому школьному празднику предшествовала строго обдуманная и намѣченная программа. Смолкала пѣсня, и музыка вступала въ свои права. Тогда, будто по мановенію сказочнаго рога Оберона, все начинало танцовать вокругъ. Танцующія группировались въ большіе кружки; но вонъ музыка застала одну, двухъ, трехъ маленькихъ дѣвочекъ особнякомъ, вдали поляны, и, повинуясь рогу Оберона, онѣ также пляшутъ въ одиночку, чуждыя мысли, что кто-нибудь можетъ смотрѣть на нихъ и смѣяться.

Дождя нѣтъ, но нѣтъ и солнца. «Не къ лучшему ли это?—говоримъ мы.—Вѣдь тогда было бы слишкомъ жарко, и оно жгло бы насъ своими лучами, а теперь такъ хорошо, такъ свѣжо въ этой тѣни, точно будто погода нынѣшняго дня заказана у Бога».

Когда человѣку весело, ему кажется, что все вокругъ улыбается ему и всѣ даже неодушевленные предметы раздѣляютъ его радость. Такъ было и тутъ. Вдали, на откосѣ поляны, среди зелени стояла телѣга,—обыкновенная, старая, грязная телѣга, очутившаяся здѣсь, Богъ вѣсть откуда. И

вотъ толпа, замѣтивъ ее, мигомъ впряглась въ незатѣйливый экипажъ и помчала его вокругъ поляны. Сначала въ телѣгу вскочило нѣсколько самыхъ развеселившихся дѣвочекъ, затѣмъ рѣшено было приглашать на нее и возить любимыхъ учительницъ (причемъ исключеній не оказалось) и затѣмъ толпа скрылась куда-то съ телѣгой, и значительный промежутокъ времени прошелъ до тѣхъ поръ, пока онѣ съ криками и смѣхомъ вынырнули опять среди зелени. Телѣга представляла собою движущійся цвѣтникъ полевыхъ цвѣтовъ, сопровождаемый огромными букетами въ рукахъ дѣтей и дѣвушекъ. Она быстро подвигалась ко мнѣ и не успѣла я опомниться, какъ очутилась среди цвѣтовъ и зелени майскихъ луговъ... Не знаю, дѣйствительно ли была высока телѣга, но мнѣ казалось, что я сижу высоко, высоко, на какомъ-то удивительно-почетномъ мѣстѣ. А весенніе цвѣты, между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ сыпались на меня цѣлыми душистыми букетами. Я взглянула на небо. Оно совсѣмъ почти очистилось, и солнце, вырвавшись изъ тучи, мигомъ залило яркимъ свѣтомъ и поляну, и деревья, и улыбающіяся лица дѣтей. «Христина Даниловна, прикройте голову отъ солнца!» услышала я среди громкихъ апплодисментовъ публики. Но солнце это не жгло меня,—это было солнце радости, веселья и счастья... «Былъ ли въ мірѣ экипажъ, на которомъ человѣкъ чувствовалъ бы себя болѣе гордымъ и счастливымъ, чѣмъ я на этой грязной, старой телѣгѣ?»—возникаетъ во мнѣ вопросъ при этомъ воспоминаніи, и я затрудняюсь дать на него отвѣтъ.

Въ то время, какъ я, веселая и счастливая, сидѣла уже мирно за чайнымъ столомъ, среди деревьевъ показался какой-то толстый пожилой господинъ на лошади. Онъ остановилъ поодаль своего красиваго коня, пораженный, очевидно, этой живой картиной. Господинъ былъ незнакомъ мнѣ, но въ эту минуту мнѣ хотѣлось весь міръ сдѣлать участникомъ нашего праздника. Я подошла къ нему и пригласила пить съ нами чай. Онъ просто и весело согласился на мою просьбу, и, нѣсколько минутъ спустя, я дѣлала ему уже докладъ о нашей воскресной школѣ съ одушевленіемъ, напомнившимъ мнѣ парижскую выставку.

Время близилось къ вечеру. «Пора домой!» скомандовала я. И всѣмъ было понятно, что домой, дѣйствительно, пора; но все-таки уходить не хотѣлось отсюда, и въ толпѣ раздалось нѣсколько просьбъ и протестовъ. «Христина Даниловна, останемся!—умоляли совсѣмъ маленькія дѣвочки, окруживъ меня со всѣхъ сторонъ и заглядывая мнѣ въ глаза.—Останемся еще немножко!..»—«Нельзя, дѣти, скоро стемнѣетъ,—говорила я имъ тономъ безповоротной рѣшимости.—Вѣдь вамъ предстоитъ еще длинный путь!»—«Такъ что жъ, теперь лунная ночь!» замѣтила догадливо одна изъ просительницъ. Но когда мы двинулись, оказалось, что эти самые малютки не чувствуютъ подъ собою ногъ и не въ силахъ итти дальше. Къ счастью, я запаслась нѣсколькими извозчиками—и экипажъ каждаго изъ нихъ былъ унизанъ десятками дѣтскихъ головокъ. Только моя маленькая Христя, жаждущая, очевидно, подвига, храбро шагала впередъ своими худенькими ножками и не хотѣла сѣсть въ экипажъ, несмотря на всѣ мои просьбы. Ей была въ новинку эта длинная прогулка, а потому и казалась, вѣроятно, особенно заманчивой, заманчивѣе, чѣмъ бѣднымъ дѣтямъ на побѣгушкахъ, которымъ часто приходится дѣлать у хозяевъ длинные концы, разнося работу по всему городу. Что же снилось имъ, этимъ бѣднымъ дѣтямъ, въ эту майскую ночь? О, навѣрное, это были веселые, счастливые сны, которые рѣдко выпадаютъ имъ на долю!

Украинскій праздникъ [1]).

Этотъ идейный, чисто-народный праздникъ назначенъ былъ для подростковъ 14—15 лѣтъ, но такъ какъ въ немъ принималъ участіе школьный хоръ, то присутствовали и совершенно взрослыя дѣвушки.

Еще задолго до него я объявила ученицамъ, что онѣ могутъ прійти на праздникъ въ національныхъ костюмахъ, если у кого таковые имѣются, и, дѣйствительно, ученицы явились въ плахтахъ, спидныцяхъ, въ свиткахъ, въ кор-

[1]) Напечатано въ «Просвѣщеніи» 28 января 1907 года.

сеткахъ, съ яркими вѣнками полевыхъ цвѣтовъ на головѣ, съ намистами и дукачами на шеѣ, въ красныхъ и черныхъ чоботахъ. Это была такая чудная, бытовая картина, въ прелести которой потонули неуклюжія юбки и кофточки, сшитыя на европейскій ладъ или подаренныя съ барскаго плеча. Вечеръ начался пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ стройнымъ школьнымъ хоромъ, состоявшимъ изъ 80-ти молодыхъ, сильныхъ, пѣвучихъ голосовъ; онѣ спѣли двѣ народныхъ пѣсни: «Ой, з-за горы, з-за крутоі, чом, чом не прыйшов?» Пѣли онѣ стройно, прекрасно подъ управленіемъ регента — истаго малоросса. Затѣмъ выступила дивчина съ такимъ круглымъ здоровымъ, типичнымъ деревенскимъ лицомъ, что ее легко было принять за крестьянку, только что вернувшуюся съ поля, но когда она произнесла своимъ сильнымъ груднымъ голосомъ идейное малорусское стихотвореніе, когда въ нѣкоторыхъ патетическихъ мѣстахъ голосъ ея дрогнулъ глубокимъ пониманіемъ того, что говорила она, то для зрителя было ясно, что это не безграмотное, непосредственное дитя природы, а культурная, развитая дѣвушка, пламенѣющая чистой любовью къ своей угнетенной родинѣ. Съ тѣмъ же глубокимъ пониманіемъ продекламировала она и второе стихотвореніе послѣ грома рукоплесканій интеллигентной публики и своихъ товарищей по школѣ. Стихотвореніе это было особенно мило и дорого ей, такъ какъ принадлежало перу ея любимой учительницы, и когда она декламировала: «А вітер, гуляючи в полі та в пишній діброві, шумів, и шумів і шумів про нові сподівання, шумів і радів, шо збудилася воля, і славив Іі панування!..» вамъ казалось, слышался шумъ лѣса и какія-то чудныя новыя пѣсни этой молодой, энергичной души... Затѣмъ опять пѣлъ хоръ: «Ой, зійду на горку, туманъ яром», и опять вышла впередъ тонкая, какъ тополь, стройная дѣвушка и произнесла стихотвореніе О. Кониського «Сподівання». Особенно мило прозвучали у нея строки, въ которыхъ слышался отзвукъ безыскусственной ироніи:

Ми сподівались, ждали, ждали...
Ждемо й тепер... весни нема,
А перед нами і за нами
Холодна, темная зіма!..

И опять смѣнилъ ее веселый мотивъ хора: «Ой, у полі при дорозі», а затѣмъ печальный: «Щастлывому по грыбы ходыты», затѣмъ изъ хора выдвинулась дѣвушка, которая съ большимъ чувствомъ и тонкимъ пониманіемъ произнесла: «Учитеся, браты мoi», а за ней другая, чернобровая, съ смуглымъ энергичнымъ лицомъ, продекламировала «Кохайтеся чорнобрыві», «Тече річка-невелычка»; смѣнилъ ее хоръ и затѣмъ стройно и медленно запѣлъ: «Ой, пье Байда медгорілочку», послѣ тяжелаго впечатлѣнія отъ этой трагической пѣсни, оканчивающейся «Як воны вмірають за Вкраіну мылу!» Точно будто для того, чтобы изгладить тяжелое впечатлѣніе отъ пѣсни, вышла румяная круглолицая дѣвочка и произнесла своимъ звучнымъ молодымъ голоскомъ сельскую идиллію Шевченко: «Садок вышневый коло хаты», а за нею другая съ меланхолическимъ блѣднымъ личикомъ сказала выразительно: «На велыкдень, на соломі». Взрослыя дѣвушки произносили стихотворенія не только съ глубокимъ пониманіемъ, но и придавая имъ какіе-то своеобразные оттѣнки, какихъ, быть-можетъ, не придалъ бы интеллигентный человѣкъ вообще; что же касается подростковъ, то въ ихъ прекрасной декламаціи чувствовалась частица души учительницы, которая сдѣлала для нихъ яснымъ и смыслъ произносимаго стихотворенія, и тонкіе оттѣнки каждой отдѣльной фразы. Хоръ пропѣлъ еще нѣсколько пѣсенъ, и самою выразительною изъ нихъ была: «Гуцула рідная земля». Иллюзію этой пѣсни увеличивала молодая дѣвушка-учительница, большая патріотка, которая провела прошлое лѣто въ Галиціи и выдѣлялась среди другихъ малороссіянокъ своимъ типичнымъ гуцульскимъ костюмомъ.

Затѣмъ у рояля появилась настоящая заправская пѣвица съ чуднымъ обработаннымъ голосомъ и мелодично запѣла «Хусточка же моя». Восторгамъ не было границъ: здѣсь слышались и тоненькіе дѣтскіе голоса, и грудныя меццо-сопрано, и контральто, желающіе покрыть хоръ; все это кричало въ неистовомъ восторгѣ: «бисъ, бисъ», и, къ общему удовольствію этой непосредственной публики, симпатичная пѣвица запѣла: «Місяцу ясный». Ее смѣнилъ молодой человѣкъ, студентъ, съ ясными пуговицами, и только комиръ малорос-

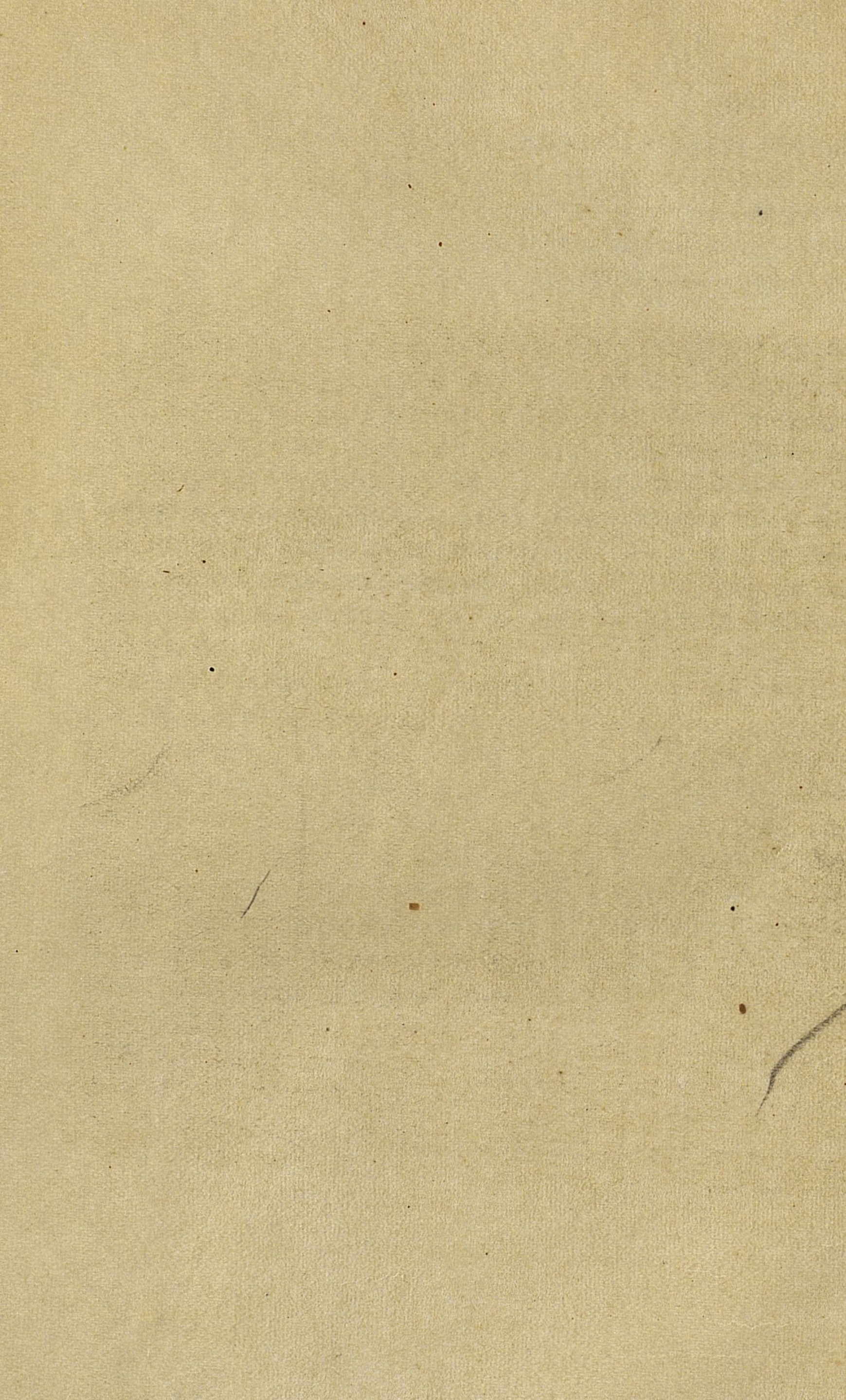
сійской сорочки напоминалъ деревню и говорилъ объ его симпатіяхъ. Это былъ чудный, сильный, бархатистый баритонъ, и когда онъ запѣлъ заунывную украинскую пѣсню, вамъ стоило закрыть глаза, чтобы эта нарядная зала, сіяющая разноцвѣтными огоньками, ушла куда-то вдаль, а на смѣну ей явилась деревня, поле и звучный голосъ деревенскаго парубка.

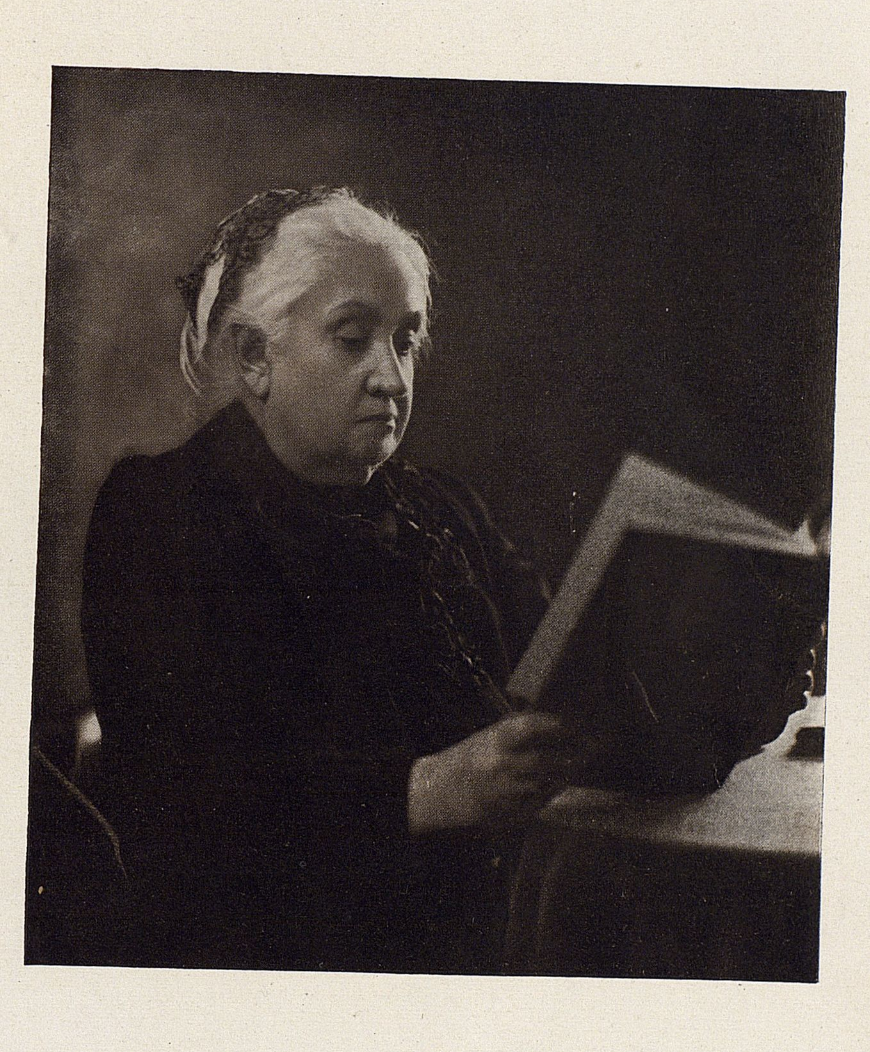
Когда и послѣ этой типичной пѣсни затихли, наконецъ, шумные апплодисменты, все разомъ засуетилось, задвигалось, быстро исчезли куда-то стулья и скамейки, посрединѣ залы образовался большой кругъ молодыхъ дѣвушекъ, нѣсколько изъ нихъ въ украинскихъ костюмахъ вошли въ середину, и когда стройный хоръ весело запѣлъ: «Ой, чія-то хата незаметеная», начался украинскій танецъ мятелыця. Видно было, что это не дрессированныя танцовщицы, не барышни послѣ танцкласса у искуснаго балетмейстера, но въ этихъ простыхъ безыскусственныхъ движеніяхъ было столько природной граціи и прелести, что отъ нихъ невозможно было оторвать глазъ. Я знала біографію почти каждой изъ танцующихъ: вотъ дѣвушка съ типичнымъ малорусскимъ личикомъ, ея хорошенькая головка съ упоеніемъ откинулась назадъ, алая лента развѣвается въ черныхъ, какъ смоль, волосахъ. Я знаю, она служитъ горничной и ведетъ себя у господъ очень сдержанно и степенно въ своемъ модномъ европейскомъ платьѣ. Молодежь называетъ ее неприступной и гордой, но тутъ ее нельзя узнать: она вся—радость, восторгъ и упоеніе. И очень можетъ быть, что, сбросивъ съ себя чуждую ей барскую одежду и очутившись въ этой деревенской сорочкѣ и плахтѣ, она вдругъ вспомнила подъ звуки родной пѣсни и свою милую деревню, гдѣ протекли ея лучшіе годы, и своихъ подругъ, и черноброваго красавца-парубка, который, быть-можетъ, не находилъ ее гордой... Увы, въ настоящее время парубокъ, принимавшій участіе въ аграрныхъ безпорядкахъ, заключенъ въ тюрьму, и только этотъ обаятельный вечеръ заставилъ дѣвушку забыть на минуту свое горе. Другая дѣвушка еще типичнѣе, ее недавно только господа привезли изъ деревни. Она долго «соромилась» и не рѣшалась итти въ кругъ, но пѣсня хора становилась съ

каждой минутой все веселѣй и задорнѣй,—дѣвичье сердце не выдержало, и я увидѣла ее въ кругу вмѣстѣ съ другими. Ея хорошенькое круглое личико озарилось улыбкой, и вся она сіяла весельемъ и счастьемъ. «Никогда въ жизни не забуду я этого праздника!» говорила она потомъ господамъ.

Хороша была и учительница въ гуцульскомъ костюмѣ: танецъ ея выдѣлялся среди другихъ веселыхъ и оживленныхъ, она танцовала медленно и граціозно. Такъ танцуютъ гуцулки въ Галиціи. Восхитительна была дѣвочка-подростокъ съ огненными черными глазами и соболиными бровями на антично-красивомъ личикѣ; мила была дѣвчурка изъ хора, которая, взобравшись на подоконникъ, чтобы лучше разсмотрѣть танцующихъ, въ какомъ-то забытьѣ толкалась на одномъ мѣстѣ, не замѣчая, что на нее смотрятъ и смѣются окружающіе...

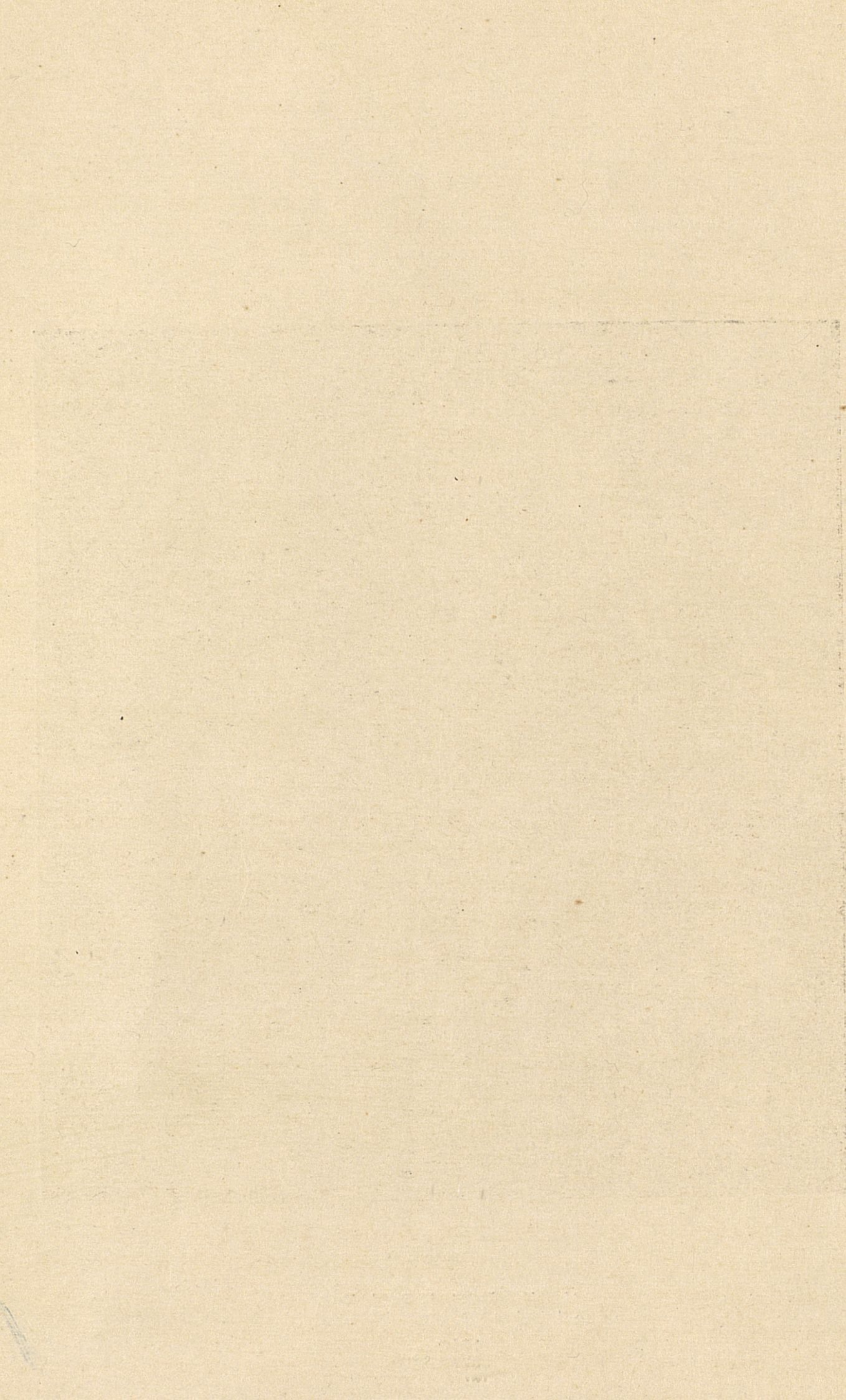
Трудно сказать, сколько времени длилось бы это веселье, если бы наиболѣе благоразумныя пожилыя учительницы не забили тревогу, что уже поздно и пора по домамъ. Когда ученицы, веселыя и довольныя своимъ праздникомъ, мало-по-малу покинули залъ, въ немъ неожиданно раздалось пѣніе стройнаго хора, — это пѣлъ кружокъ учительницъ, очевидно, онъ не хотѣлъ разстаться такъ скоро съ впечатлѣніями вечера, оставившаго въ душѣ ихъ глубокій слѣдъ и, быть-можетъ, въ первый разъ пробудившаго въ душѣ сознаніе, что и онѣ, нарядныя барышни, тоже украинки...

Х. Д. АЛЧЕВСКАЯ.

1912 г.

31 января 1912 г.

Глубокоуважаемый

NN!

Въ разговорѣ съ моей дочерью вы выразили интересъ къ вопросу, люблю ли я мою родину — Украйну и что именно сдѣлала для нея?

Съ удовольствіемъ готова отвѣтить на этотъ вопросъ!

Начну ab ovo.

Я родилась въ Черниговской губерніи, въ уѣздномъ городкѣ Борзнѣ. Отецъ мой былъ истый малороссъ Кіевской губерніи, кормилица моя, Гапка, была большая патріотка. Она обожала свою Борзну и думала, что лучшаго города не существуетъ нигдѣ на свѣтѣ! «Свята Борзна!» говорила она обыкновенно съ чувствомъ. Она воображала также, что лучшаго и болѣе грандіознаго дома, какъ борзенскій острогъ, нигдѣ нѣтъ, и когда хотѣла похвалить какое-либо жилище, то говорила: «Гарно, як в острозі!», хотя внутри его никогда не была. Очень можетъ быть, что съ молокомъ этой Гапки я всосала любовь къ своей родинѣ Украйнѣ, къ своему народу.

Но судьбѣ угодно было разлучить меня съ нею, и мнѣ было всего семь лѣтъ, когда отецъ мой получилъ назначеніе по службѣ въ Курскъ.

Тамъ прошло мое дѣтство, моя юность. Но каждый разъ, когда мнѣ говорили о Малороссіи, когда мнѣ приходилось заслушиваться украинской пѣсней, когда я слышала декламацію украинскаго стихотворенія, меня охватывало какое-то особенное чувство, и я повторяла мысленно: «Боже мой, если бы судьба забросила меня въ эту поэтическую, родную мнѣ страну!..»

Мечта моя осуществилась: въ 21 годъ, выйдя замужъ за истаго украинца, я очутилась въ Харьковѣ, въ украинскомъ кружкѣ «Громадѣ», состоявшемъ изъ 80 человѣкъ студентовъ и семинаристовъ, во главѣ котораго стоялъ мой мужъ. Здѣсь я услыхала чудныя украинскія пѣсни, услыхала родную украинскую рѣчь, познакомилась съ пылкими стремленіями этой идейной молодежи, желавшей сблизиться со своимъ народомъ, сдѣлать его грамотнымъ, пріобщить къ цивилизованному міру. Молодежь эта не только пѣла свои чудныя пѣсни, стараясь закрѣпить ихъ въ сознаніи народа, не только собиралась для обсужденія того, какой именно путь избрать для достиженія этихъ цѣлей, но и составляла брошюры литературнаго и научнаго содержанія, которыя назывались у насъ «метелики». Эти маленькія разноцвѣтныя книжечки разлетались, дѣйствительно, какъ мотыльки, въ отдаленные углы Украйны и читались нарасхватъ и людьми интеллигентными, которые сочувствовали этому движенію, и тѣми народными грамотеями, которые—увы—рѣдко тогда встрѣчались въ народѣ.

Со всѣмъ пыломъ молодости я отдалась этому движенію и съ жаромъ принялась за изученіе украинскаго языка. Пѣснямъ я научилась быстро, и мой молодой, звучный голосъ ярко выдѣлялся среди большого мужского хора.

Въ этомъ украинскомъ кружкѣ было немало выдающихся людей, прославившихся впослѣдствіи въ литературѣ, какъ, напримѣръ, поэтъ Мова, Нардега и др.

Залетали къ намъ и заѣзжіе гости: Кулишъ, Стороженко, Рыльскій изъ Кіева и профессоръ Пулюй изъ Галиціи. Это вызывало еще большее оживленіе нашего и безъ того оживленнаго кружка, еще больше подымало духъ.

Умный и даровитый Кулишъ поразилъ меня своей красотой. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ правильнымъ выразительнымъ лицомъ, съ умными глубокими глазами, съ темными «вусами», напоминавшими картины типичныхъ запорожцевъ. А когда онъ начиналъ говорить, эти глубокіе глаза оживлялись какимъ-то затаеннымъ огнемъ, и весь онъ казался не просто человѣкомъ, а героемъ, выхваченнымъ изъ историческаго романа.

Что касается Стороженко, то онъ удивительно читалъ свои произведенія, особенно юмористическія, и когда онъ читалъ у насъ свои «Вуси», громкій смѣхъ стоялъ въ комнатѣ.

Но, кажется, самое бо́льшее впечатлѣніе произвелъ на меня профессоръ Пулюй. До его появленія въ «Громадѣ» я слыхала разговоры нашихъ громадянъ обыкновенно на житейскія темы, слыхала простой народъ съ его звучнымъ, поэтическимъ, простымъ языкомъ, но вообразить себѣ профессора съ чисто-научной рѣчью, говорящаго на высокія темы, я никакъ не могла и слушала его съ какимъ-то благоговѣніемъ. Этому чувству благоговѣнія способствовало, быть-можетъ, и то обстоятельство, что, проведя молодость въ ретроградномъ городѣ — Курскѣ, гдѣ книги продавались только въ игрушечныхъ лавкахъ, я никогда не встрѣчала профессора, и, очутившись въ Харьковѣ, восторженная и увлекающаяся, говорила умоляющимъ тономъ: «Бога ради, покажите мнѣ профессора!», и мнѣ показали кумира нашего кружка — профессора Потебню, съ античнымъ, точно выточеннымъ профилемъ, съ свѣтлыми золотистыми волосами, съ какимъ-то вдохновеннымъ взглядомъ голубыхъ глазъ. Онъ привлекалъ къ себѣ самыя горячія симпатіи молодежи, и когда говорилъ намъ объ историческомъ прошломъ нашей родины, о нашей пѣснѣ, о нашей поэзіи и призывалъ насъ къ изученію ея, къ любви къ ней, мы восторженно слушали его цѣлыми часами, и я увѣрена, что каждый изъ насъ клялся въ душѣ въ эти минуты посвятить этой родинѣ всѣ свои силы, отдать ей всю жизнь.

Единственная тогда женщина, посвятившая себя этому движенію въ Харьковѣ, была я, — и я пользовалась горячими симпатіями этой молодежи. Такъ, напримѣръ, поэтъ Мова посвятилъ мнѣ слѣдующее прекрасное стихотвореніе:

Ї я кохаю вас, голубко,
Та не за очі й не за губки,
Не за привабп за ласні,
Що інших манять і в вісні,
Не як мету свого жадання
Таємних мрій і погадання,
А як народу свою жінку,
Привітну й щиру Украïнку,

Кохаю, пані, вас за те я,
Що серце ваше молодеє
З народнім серцем рівно б'ється,
Од його радощів сміється,
Його уразуми болить,
Його жадобою горить,
Ї кожний токіт його чує...
Кохаю, пані, васъ за те,
Що все, що людові святе:
Його одвичнії надії,
Його святі і чисті мрії,
Умісті й ваші...

Мова.

Время украинскаго движенія 60-хъ годовъ совпало съ увлеченіемъ интеллигенціи воскресными школами; и я пошла туда. Въ нихъ учили, конечно, по-русски, и только моей обширной группѣ ученицъ я раздала грамотку Кулиша и начала учить по-украински.

Какъ видите, въ этомъ описанномъ мною движеніи не было ничего антиправительственнаго, но мало-по-малу оно начало обращать на себя вниманіе кого слѣдуетъ, возникли подозрѣнія, начались преслѣдованія; даже украинскій костюмъ считался нелегальнымъ, и его запрещали носить на улицѣ. У одного моего стариннаго знакомаго существуетъ фотографія, на которой изображенъ возъ, запряженный волами, и на возу сидитъ молодица въ бѣлой свитѣ и парчевомъ очипкѣ на головѣ. Это была я.

Но когда передо мною возникъ тогда грозный вопросъ, хочу ли я «наперекоръ стихіямъ» упрямо стоять на своемъ и учить свой народъ, во что бы то ни стало, на родномъ языкѣ, или, идя легальнымъ путемъ, видѣть его просвѣщеннымъ, я, послѣ недолгихъ колебаній, трезво избрала второй путь и прослужила ему всю мою жизнь.

«Ренегатка!» восклицали иные изъ узкихъ патріотовъ, но я твердо шла намѣченнымъ путемъ. Однако бывали случаи, когда я расходилась во взглядахъ съ людьми, которыхъ глубоко уважала и которымъ горячо симпатизировала, какъ людямъ даровитымъ, фанатически любящимъ свой народъ, — таковъ былъ Б. Д. Гринченко. Когда мы купили имѣніе въ Екатеринославской губерніи, я устроила тамъ народную

школу и мечтала объ идейномъ учителѣ. Мнѣ указали на поэта Гринченко, и, въ самомъ дѣлѣ, это былъ человѣкъ обаятельный. Деревенскій людъ горячо полюбилъ его, дѣти бѣжали въ школу, какъ на праздникъ, и дѣло шло прекрасно. Ему помогала его идейная жена, всѣмъ сердцемъ раздѣлявшая симпатіи мужа. У нихъ была маленькая, умненькая, очаровательная дѣвочка Натка, семи лѣтъ, не говорившая ни слова по-русски, одѣтая въ деревенскую, холщевую, мереженную сорочку и деревенскую спидничку, босенькая и стриженая по-деревенски. Это была очень остроумная дѣвочка и, глядя на наши роскошные завтраки и обѣды, говорила отцу: «И шо то за пани? Усе їдять, усе пьють, усе їдятъ, усе пьють!» Мы очень любили ее, и она проводила у насъ въ саду цѣлые дни вмѣстѣ съ моею дочерью Христей.

Говорятъ, что у каждаго человѣка бываетъ свой пунктъ помѣшательства. Моимъ пунктомъ являлась мысль обучить какъ можно больше *женщинъ* грамотѣ. Мнѣ казалось всегда, что мужчины гораздо счастливѣе въ этомъ направленіи. Что же касается женщины, то предразсудокъ противъ ея образованія живетъ, начиная съ хаты и кончая палатами. Когда я была ребенкомъ и къ моимъ братьямъ пригласили учителя, отецъ мой находилъ совершенно излишнимъ учить меня, дѣвочку, грамотѣ. Между тѣмъ, мнѣ такъ страстно хотѣлось быть грамотной, что я научилась читать, подслушивая у дверей уроки братьевъ, и читала раньше и лучше, чѣмъ они. Стремленіе это чувствовалось мною, конечно, и въ деревнѣ при открытіи школы, и когда я уѣзжала на три мѣсяца заграницу, въ ней было нѣсколько дѣвочекъ, «первыхъ ученыхъ женщинъ въ деревнѣ», какъ, шутя, называли мы ихъ. До этого въ Славяносербскомъ уѣздѣ ни въ одной школѣ не было ни единой дѣвочки, и когда пришлось раздавать свидѣтельства и похвальные листы, они напечатаны были только для мальчиковъ, такъ что я посылала въ Харьковъ, чтобы заказать ихъ.

Возвращаюсь изъ-за границы, вхожу въ школу и не вижу ни одной дѣвочки; оказывается, что Б. Д. не сдѣлалъ новаго пріема, находя, что не слѣдуетъ калѣчить украинскую жен-

щину обученіемъ на чуждомъ ей великорусскомъ языкѣ. Это было причиною того, что мы разстались съ нимъ, хотя отношенія наши до конца его жизни не переставали быть доброжелательными.

Между тѣмъ, увлеченія мои всѣмъ украинскимъ были тоже очень сильны. Разскажу для иллюстраціи изъ моей ранней молодости слѣдующій случай: въ Харьковѣ существовалъ не только украинскій кружокъ, но и великорусскій, находившійся въ нѣкоторомъ антагонизмѣ съ «хохлами». Въ немъ были тѣ же пѣсни, конечно, великорусскія, тѣ же собранія, тѣ же стремленія итти въ народъ. У нихъ были тоже таланты, и во главѣ кружка стоялъ чрезвычайно выдающійся человѣкъ, съ превосходнымъ голосомъ, Юрьевъ.

Бывали, какъ и теперь, спектакли и концерты въ театрахъ и общественныхъ собраніяхъ.

И вотъ однажды былъ назначенъ концертъ—состязаніе, какъ называли его, въ которомъ долженъ былъ выступить украинскій грандіозный хоръ и русскій. Мнѣ казалось тогда, что на этомъ состязаніи рѣшается судьба Малороссіи, и когда взвился занавѣсъ, у меня замерло сердце. Передъ глазами нашими открылась чудная картина: на фонѣ лѣса стояло 80—90 человѣкъ въ типичныхъ украинскихъ костюмахъ, съ чисто украинскимъ типомъ. Дирижировалъ ими извѣстный дирижеръ—чехъ Паличекъ. Хоръ началъ тихо и стройно:

„Гомін, гомін по діброві
Туман поле покривае“...

Это было такъ чудесно, что какая-то священная тишина охватила весь зрительный залъ.

Пѣсня слѣдовала за пѣсней, не нарушая этой священной тишины. Казалось, всѣ прислушиваются и не смѣютъ нарушить ни единымъ звукомъ этихъ грустныхъ, поэтическихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ вылилась вся душа народа. Наконецъ первое отдѣленіе было окончено. Послышались сдержанные аплодисменты, но я ожидала не того,—я ожидала, что это будетъ цѣлая буря восторга, цѣлый громъ рукоплесканій, но его не было. Когда подымался занавѣсъ, хоръ какъ-то сконфуженно снималъ свои барашковыя шапки и сдержанно кланялся.

После небольшого антракта занавѣсъ опять взвился, и взору нашему представилась другая картина: декорація изображала просторное поле, теряющееся вдали, и только одна береза выступала въ этой шири, ближе къ публикѣ. Человѣкъ 40—50 русскихъ мужиковъ (студентовъ) въ лаптяхъ, бѣлыхъ холщевыхъ рубашкахъ, подвязанныхъ бечевкой, въ русскихъ шапкахъ, съ задорными перышками на боку, непринужденно, мужицкой походкой появились на сценѣ. Въ центрѣ ихъ былъ, конечно, Юрьевъ, со своимъ типично-русскимъ лицомъ —

„Во полѣ березонька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла“...

затянулъ онъ своимъ удивительнымъ теноромъ, забросивъ голову со свѣтлыми кудрями назадъ, —

„Ай люли стояла,
Ай да люли стояла“...

подхватилъ громкій, стройный хоръ.

Публика, очевидно, была въ восторгѣ, выражая его неистовыми криками «браво», «bis», и побѣда была для меня очевидна.

Пѣсня слѣдовала за пѣсней — удалая, разгульная русская пѣсня. Мужики въ лаптяхъ подплясывали и прихлопывали въ ладоши, и, казалось, весь театръ готовъ былъ подплясывать и прихлопывать.

Я чувствовала, что все для меня въ жизни кончено. Съ трудомъ удерживая подступавшія къ горлу рыданія, я уѣхала домой и не могла заснуть всю ночь. На другой день окружающіе мои съ удивленіемъ замѣтили на моихъ черныхъ, какъ смоль, волосахъ нѣсколько прядей серебряныхъ волосъ....

Теперь я неспособна, конечно, къ такимъ сильнымъ ощущеніямъ, но украинская пѣсня попрежнему мила и дорога мнѣ; пѣсню эту впродолженіе 50 лѣтъ поетъ моя школа, и ее не вытѣснила ни фабричная, ни солдатская пѣсня, ни сентиментальные барскіе романсы.

И если вамъ придется когда-нибудь лѣтнимъ тихимъ вечеромъ, по окончаніи занятій рабочаго люда, гулять по

окраинамъ Харькова и услышать гармоничный женскій хоръ, поющій одну за другою родныя пѣсни, и если вы, подойдя къ нему, спросите: «кто научилъ васъ такому стройному пѣнію?» вы навѣрно получите въ отвѣтъ: «мы ученицы воскресной школы!..»

Впрочемъ, пѣсня эта, помимо школы, проникла не только въ окраины города, но и въ село.

Лѣтомъ мы жили обыкновенно на дачѣ, въ деревнѣ Григоровкѣ, близъ Харькова. Къ намъ вечерами собиралась вся «Громада». И вотъ нерѣдко въ Григоровскомъ лѣсу можно было наблюдать такую картину: на огромной полянѣ, окруженной деревьями, вокругъ пылающаго костра, сидѣло до 80 человѣкъ молодежи, въ украинской одеждѣ, и лѣсное эхо далеко разносило украинскую пѣсню, а поодаль за деревьями, какъ бы прячась отъ незнакомыхъ людей, стояли группами парубки и дивчата и жадно вслушивались, затаивъ дыханіе, въ родныя пѣсни. Я обыкновенно наблюдаю народъ, такъ какъ живо интересуюсь имъ, а потому очень хорошо видала и слышала, какъ мало-по-малу украинская пѣсня вытѣсняла фабричную, которую занесли сюда дивчата, работавшія на мойкахъ, и парубки, служившіе на желѣзныхъ дорогахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Такимъ образомъ къ концу лѣта почти не слышно было этихъ безобразныхъ пѣсенъ, а всюду царили украинскія.

Я не пишу больше «метеликівъ», но Шевченко играетъ почетную роль въ нашей школѣ, и многія ученицы декламируютъ его такъ, какъ не декламируютъ подчасъ и заправскіе актеры. Среди нашихъ школьныхъ веселыхъ праздниковъ дано мѣсто и украинскимъ танцамъ, такимъ поэтическимъ и граціознымъ, по сравненію съ кадрилями и польками, неуклюже танцуемыми ученицами, не бывшими въ наукѣ у танцмейстера.

Я не ношу теперь очипка и бѣлой свитки, но очень люблю украинскій костюмъ на нашихъ милыхъ дивчатахъ-ученицахъ, не стыдящихся его и въ городской деморализующей обстановкѣ.

Послѣднимъ, только что состоявшимся актомъ, говорящимъ о любви моей къ родинѣ, является, между прочимъ,

слѣдующее обстоятельство: кромѣ воскресной школы, я состою попечительницей одного изъ городскихъ училищъ, и годъ тому назадъ начала свои хлопоты о томъ, чтобы училищу этому присвоить имя Шевченко. На-дняхъ я получила на то разрѣшеніе. Такимъ образомъ, если не ошибаюсь, это первая школа въ Россіи, наименованная дорогимъ для насъ именемъ, и я мечтаю о томъ, какъ введу въ нее родную пѣсню и поэзію.

Вотъ все то немногое, что я сдѣлала въ жизни для своей родины, для своего народа. Не знаю, удостовѣритъ ли оно васъ въ моей любви къ нему.

Въ томъ же духѣ любви къ Украйнѣ воспитывала я и своихъ дѣтей и, кажется, успѣла въ этомъ.

Три дня въ Полтавѣ. [1]

Вѣсть объ открытіи памятника украинскому поэту Котляревскому облетѣла всю Россію. Дошла она и до Чернаго моря, гдѣ счастливые обитатели южнаго берега наслаждались, глядя на свѣтлое небо, на синее море, на лунныя ночи и янтарный виноградъ, который только что созрѣлъ и красовался на солнцѣ. Но, несмотря на всю эту чарующую обстановку, насъ потянуло туда, на Украину, къ «біленькымъ хаткамъ» и «вишневимъ садкамъ», гдѣ чествовали память пѣвца нашей родины, гдѣ ставили ему монументъ. Между тѣмъ, слухи носились самые неблагопріятные: говорили, что Полтава ни въ какомъ случаѣ не можетъ вмѣстить въ себѣ того количества людей, которые соберутся туда: что къ намъ думаетъ нагрянуть чуть ли не вся Галиція, что со всѣхъ концовъ Россіи ѣдутъ депутаціи, и многимъ придется жить подъ открытымъ небомъ, но мы не устрашились такой перспективы и 29 августа пріѣхали въ Полтаву. Дѣйствительно, въ ней было все переполнено, но счастливый случай помогъ намъ занять прекрасный номеръ въ Европейской гостиницѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ каждый невольно чувствовалъ какое-то особенное настроеніе, царившее въ Полтавѣ. Не успѣли мы войти въ номеръ, какъ учтивый офиціантъ сказалъ озабоченно: «Если вамъ, сударыня, требуется что-нибудь купить, то не угодно ли вамъ похлопотать объ этомъ сегодня, такъ какъ по случаю открытія памятника Котляревскому всѣ лавки, магазины и даже маленькія лавочки будутъ заперты три дня». Дѣйствительно, на другой день

---

1) „Южный Край" 8 сент. 1903 г.

все абсолютно было закрыто, и густая толпа народа направляясь къ кладбищу вмѣстѣ съ экипажами офиціальныхъ лицъ въ расшитыхъ мундирахъ и нарядныхъ барышенъ и барынь. Еще издали видно было, какъ публика стояла шпалерами у вратъ церкви, и какая-то простая деревенская женщина, воодушевленная, видимо, общимъ энтузіазмомъ, энергично устилала путь зеленой осокой въ ожиданіи пріѣзда архіерея. Полицейскіе хотѣли было воспретить ей это, но публика дружно заступилась за эту экзальтированную особу, и она восторженно продолжала начатое дѣло. Но вотъ пріѣхалъ и самъ владыка; стройный хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ его появленіе, и толпа медленно и торжественно двинулась къ могилѣ Котляревскаго. Первое, что привлекло наше вниманіе, это была надпись на памятникѣ:

„Будеш, батьку, панувати,
Поки живуть люде;
Поки сонце з неба сяе,
Тебе не забудуть“... *Шевченко.*

(На вічну памьять Котляревському).

Затѣмъ надъ головами толпы чиновные и нечиновные люди проносили роскошные вѣнки. Широкія ленты на этихъ вѣнкахъ развѣвались въ воздухѣ и привлекали взоры публики. Надписи были попреимуществу на малороссійскомъ языкѣ, но прочесть ихъ было трудно, и мы услышали ихъ позднѣе на площади при открытіи памятника. Толпа молча прослушала торжественную панихиду, точно будто всю ее поголовно охватило благоговѣйное чувство. Голоса пѣвчихъ раздавались въ воздухѣ съ удивительной ясностью. Особенно хорошъ былъ сильный и пріятный дискантъ, который казался соловьемъ среди общаго хора другихъ голосовъ. По окончаніи панихиды архіерей произнесъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ. Онъ говорилъ о Котляревскомъ, какъ о замѣчательномъ писателѣ, человѣкѣ и гражданинѣ, желалъ, чтобы и послѣдующія поколѣнія явились достойными этого замѣчательнаго человѣка, такъ же любили свою родину, такъ же прославили ее и чтобы на ихъ могилѣ такъ же собрались, какъ теперь, люди, которые благоговѣйно помянули бы ихъ память добрымъ словомъ.

«Спасыбі», послышалось тихо въ толпѣ, и она стройно двинулась на площадь, гдѣ стоялъ памятникъ, покрытый бѣлою пеленою. Здѣсь толпа какъ будто удвоилась: къ ней присоединились и старые и малые, которые, вѣроятно, оставались дома, и площадь настолько заполнилась, что оттиснула цѣпь казаковъ; всѣ крыши ближайшихъ домовъ были усѣяны народомъ, и, когда покрывало было сорвано съ памятника, раздались оглушительные возгласы въ первый моментъ за оградой, а затѣмъ точно громъ прогремѣла на площади, на улицѣ, на крышахъ. «Слава!» прокатилось въ толпѣ и, какъ эхо, отдалось издали. Вся толпа слилась въ дружномъ восторгѣ. Въ эту минуту значеніе Котляревскаго поняли инстинктивно даже тѣ, кто не слышалъ прежде его имени. На подмостки памятника взошелъ украинскій поэтъ, его прекрасное лицо дышало вдохновеніемъ, и сильный грудной голосъ произнесъ громко надпись на первомъ вѣнкѣ: «Борцеві на ниві народній».—«Слава!» прокатилось по толпѣ съ удвоенной силой. Онъ высоко поднималъ въ воздухѣ роскошные вѣнки и читалъ на развѣвающихся лентахъ, сине-желтаго цвѣта (національные цвѣта Галиціи): «Українсько-руське товариство «Бесіда» у Львові Івану Котляревському, творцеві народноі драми», «Товариство «Просьвіта»—народному просьвітникові», «Від академичної Громади з Галичини —

„Будеш, батьку, панувати
Поки живуть люде;
Поки сонце з неба сяє,
Тебе не забудуть“.

«Редакція «Поступу» в Коломиї — Котляревському», «Редакція «Діло», у Львові — первоначальнику українського відроуження», отъ «Товариства українських дівчат», Котляревскому отъ малорусскихъ писателей изъ Кіева съ надписью: «Українські письменники — їм до нового всесвітнього життя збудив рідне слово».

Размѣры статьи не позволяютъ намъ привести здѣсь надписей всѣхъ возложенныхъ на памятникъ вѣнковъ, такъ какъ ихъ было многое множество. Каждая надпись встрѣчалась новымъ громомъ рукоплесканій, и толпа долго,

долго не расходилась по домамъ, точно будто ждала еще чего-то, точно будто этотъ памятникъ соединилъ ее воедино.

Не успѣли мы отдохнуть отъ сильныхъ впечатлѣній утра, какъ наступило торжественное думское засѣданіе вечеромъ. Впрочемъ, въ промежуткѣ каждому предстояло пообѣдать, и всѣ, точно сговорившись, собрались на террасѣ Европейской гостиницы. Наскоро составлены были всѣ столы, имѣвшіеся налицо, но въ стульяхъ оказался недостатокъ, такъ какъ никто не ожидалъ такого наплыва публики, и ихъ пришлось переносить изъ номеровъ. Здѣсь былъ и представитель Галиціи въ австрійскомъ парламентѣ депутатъ Романчукъ, и профессоръ львовскаго университета докторъ Студинскій, и выдающійся молодой галицкій писатель-новеллистъ Васыль Стефаныкъ, и поэтесса Леся Украинка, и наши выдающіеся украинскіе художники, артисты и дѣятели. Обѣдъ былъ въ высшей степени оживленъ. Всѣ знакомились другъ съ другомъ, узнавая въ собравшихся любимыя имена: всѣ были веселы, разговорчивы, бодры, произносили рѣчи и тосты на родномъ языкѣ.

Вечернее засѣданіе думы въ Гоголевскомъ театрѣ было переполнено публикой. Думскіе дѣятели и делегаты засѣдали на сценѣ въ полномъ своемъ составѣ. Здѣсь мы скажемъ только нѣсколько словъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое произвели на насъ наши галицкіе гости. Первымъ изъ нихъ говорилъ депутатъ Галиціи въ австрійскомъ рейхсратѣ Романчукъ, привѣтствовавшій Полтаву отъ имени львовскаго Общества «Просьвіта». Передъ нами стоялъ энергичный старикъ съ такимъ умнымъ, благообразнымъ лицомъ, какія встрѣчаются иногда на старинныхъ портретахъ. Онъ говорилъ такъ плавно, съ такой энергіей и достоинствомъ, что публика притаила дыханіе и слушала его, какъ слушаютъ знаменитыхъ пѣвцовъ. Громъ рукоплесканій покрылъ его рѣчь, полную симпатіи къ Украйнѣ и къ знаменитому виновнику торжества. Рѣчь свою онъ произносилъ по-малорусски, и это, кажется, вызвало особенный восторгъ въ наэлектризованной событіемъ публикѣ. Вообще, украинская рѣчь слышалась отовсюду, и даже къ офиціальнымъ лицамъ публика обращалась на родномъ языкѣ. Вслѣдъ за Роман-

чукомъ вышелъ на каѳедру профессоръ львовскаго университета Студинскій. Это—истый энтузіастъ, и самая его наружность, съ блестящими черными глазами и выразительнымъ лицомъ, производила уже благопріятное впечатлѣніе. Но когда онъ заговорилъ на прекрасномъ малорусскомъ языкѣ, рѣчь его была полна такой энергіи, что точно электрическая искра пробѣжала по толпѣ. Онъ сравнивалъ Украйну съ орломъ, который учитъ летать своихъ дѣтенышей все выше и выше, до самаго солнца, и закончилъ свою рѣчь словами: «До світла!! до сонця!!.» Даровитый ораторъ самъ походилъ въ эту минуту на орла.

Вслѣдъ за произнесеніемъ рѣчей на русскомъ языкѣ отъ общественныхъ учрежденій на каѳедру взошла молоденькая дѣвушка — украинская поэтесса, долженствовавшая произнести стихотвореніе на малорусскомъ языкѣ. Не успѣла она сказать нѣсколько словъ, какъ была прервана замѣчаніемъ городского головы, что онъ не въ правѣ разрѣшить русскимъ гражданамъ произнесеніе рѣчей иначе какъ по-русски и, если это будетъ продолжаться, онъ вынужденъ будетъ закрыть засѣданіе. Вслѣдъ за этимъ произошло нѣчто, что въ газетахъ называютъ инцидентомъ и о чемъ толкуютъ всюду вкривь и вкось. Между тѣмъ, это «нѣчто» было слѣдующее. Публика — и старики и молодые — безшумно поднялась со своихъ мѣстъ. Въ залѣ прозвучало восклицаніе: «Украинці, до дому!» и толпа покинула театръ и разошлась по домамъ. Впрочемъ, часть публики, человѣкъ полтораста - двѣсти, отправились ужинать въ одинъ изъ мѣстныхъ садовъ. Когда все это огромное общество усѣлось по мѣстамъ, молодой галичанинъ занялъ центральное мѣсто и весело заявилъ, что необходимо отдохнуть отъ серьезныхъ занятій и повеселиться. Онъ предложилъ устроить Kneipp на нѣмецкій ладъ и, наполнивши бокалы пѣнившимся пивомъ, началъ остроумнѣйшую, шутливую рѣчь; ему отвѣчалъ съ неменьшимъ остроуміемъ его vis-à-vis. Когда они замолкли, на сцену явился третій молодой человѣкъ—галичанинъ, дирижирующій хоромъ. Чудные сильные голоса выразительно исполняли лирическія малорусскія пѣсни, и по окончаніи этого веселаго ужина всѣ разошлись

въ самомъ прекрасномъ душевномъ настроенiи. Чѣмъ-то бодрымъ, юнымъ вѣяло отъ этого молодого веселья.

На другой день всѣ стремились въ то же просвѣтительное зданiе имени Гоголя на «литературно-музыкальное утро, посвященное памяти славнаго украинскаго поэта И. П. Котляревскаго по случаю открытiя памятника», какъ значилось въ афишахъ. Утро прошло прекрасно. Кантата «На вiчну памьять Котляревському», — слова Шевченки, музыка Лысенки — обставлена была необычайно эффектно. Огромный хоръ въ полтораста человѣкъ былъ одѣтъ въ самые разнообразные малороссiйскiе костюмы. Здѣсь были и маленькiе «хлопчики» современной намъ жизни, и парубки, щеголевато одѣтые въ синiя чинарки, и люди болѣе зрѣлаго возраста въ старинныхъ красныхъ жупанахъ, и типичныя «дивчата» въ плахтахъ, запаскахъ, съ вѣнками на головѣ. Это была огромная, художественная картина, отъ которой невозможно было оторвать глазъ. Хоръ подъ управленiемъ талантливаго композитора съ удивительной стройностью и выразительными оттѣнками, исполнялъ съ энтузiазмомъ родныя пѣсни. Но ни одна изъ нихъ не произвела такого сильнаго впечатлѣнiя и не вызвала такихъ бурныхъ апплодисментовъ, какъ:

Гей не дивуйте та добрiї люде...

Между утромъ и вечеромъ насъ опять ожидалъ оживленный обѣдъ въ Европейской гостиницѣ, на которомъ мы не досчитывались, однако, нашихъ заграничныхъ гостей; они должны были присутствовать на официальномъ обѣдѣ, который давалъ имъ городъ. Это не мѣшало, однако, общему веселому настроенiю, такъ какъ всѣ ближе перезнакомились другъ съ другомъ и чувствовали себя прекрасно. Вечеромъ шла «Наталка - Полтавка» съ Кропивницкимъ, Садовскимъ и Карпенко-Карымъ, которые на этотъ разъ исполняли свои роли съ какимъ-то особеннымъ воодушевленiемъ и художественностью. Недоставало только нашей талантливой Заньковецкой, о чемъ мы искренно пожалѣли.

«Наталка - Полтавка» смотрѣлась нами точно новая пьеса, заставившая насъ пережить еще разъ всѣ красоты художественнаго таланта Котляревскаго.

На третій день мы отправились въ ту мѣстность, гдѣ жилъ Котляревскій, и глазамъ нашимъ представилась чудная картина: на высокомъ холмѣ пріютился небольшой домикъ, а у подножія его разстилалась широкая равнина, протекала сверкающей лентой рѣка Ворскла, и зеленый лѣсъ манилъ своей прохладой.

Вечеромъ мы поѣхали на Шведскую могилу. Кругомъ было тихо и безмолвно. Огромный гранитный крестъ вырисовывался на звѣздномъ небѣ, какъ будто придавливалъ къ землѣ своею тяжестью высокую скалу. Эта мрачная могила навѣвала невольную грусть, но грусть эта тонула въ морѣ свѣтлыхъ впечатлѣній пережитыхъ трехъ дней, и ярче всего вставали въ воображеніи слова галиційскаго оратора:

„До світла! до сонця!“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

